МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2016 **№ 4 (36)**

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 19 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru;
Рыкун А.Ю. (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Щербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru
Агафонова Е.В. (Томск, Россия) – ответственный секре-тарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru;
Сухушина Е.В. (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru;
Скочилова В.Г.(Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com
Борисов Е.В. (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В**. (Томск, Россия) доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор;
Южанинов К.М. (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия), кандидат соц. наук, доцент

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief
Rykun A.U. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology)
Shcherbinin A.I. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science)
Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology)
Skochilova V.G. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science)
Borisov E.V. (Tomsk, Russia)
Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia)
Syrov V.N. (Tomsk, Russia)
Chernikova I.V. (Tomsk, Russia)
Ladov V.A. (Tomsk, Russia)
Uzhaninov K.M. (Tomsk, Russia)
Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia)
Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сиэтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия);
Микиртумов И.Б. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия);
Целищев В.В. (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.**С. (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия);
Джонсон Марк С. (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия);
Черныш М.Ф. (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ло-моносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал (**Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K. E. (University of Washington, Seatle, USA);
Rentsch T. (Technical University Dresden, Germany);
Scheffler U. (Technical University Dresden, Germany);
Viatkina N.B. (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **VasilyevV.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia);
Tselishcev V.V. (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia);
Johnson M. S. (University of Wisconsin, Madison, USA);
Balzer H.S. (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia);
Konstantinovskyi D.L. (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia);
Iarskaia-Smirnova E.R. (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia);
Malinova O.Y. (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia; **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia);
Czachor Rafal (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland);
Shesto-pal E.B. (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ», ТОМСК, 20-21 МАЯ 2016 г.

Spohn W. Truth and Rationality 7
Анкин Д.В. Мыслимое и возможное в свете конечности интеллекта 20
Берестов И.В. Холистические предпосылки в третьем аргументе трактата Горгия «О несущем» 28
Григоренко Е.В. Модель идеального языка как интерпретация реальности в аналитической философии 39
Дмитриева А.А. Шаткие основания тезиса о неопровержимости интроспекции феноменальных убеждений 50
Кузнецов А.В. Аргумент против конститутивного панпсихизма 60
Лобовиков В.О. Аксиоматизация философской эпистемологии (Концептуальный синтез рационализма Лейбница и эмпиризма Локка, Юма, Мура) 69
Моисеева А.Ю. Спецификация понятий в доксических атрибуциях 79
Нестеров А.Ю. Платонизм в аналитической философии техники: прагматическое правило в проективном семиозисе 86
Никитин А.П. Проблема аналогии денег и языка в ракурсе аналитической философии 95
Черникова И.В., Черникова Д.В. Проблема сознания в философии и когнитивной науке 103
Юнусов А.Т. Эссенциализм и семантическая теория Аристотеля в современной аналитической философии 112

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Денисов С.Ф., Денисова Л. В. Квазинаука в ненаучном знании: структура и эволюция 120
Ладов В.А. Логические основания эпистемологической критики релятивизма 129
Ламберов Л.Д. Проблемы дефляционизма: парадокс лжеца 144

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Иванова А.Н. Возвращение – важная часть Путешествия: анализ структуры Путешествия как формы самотрансценденции 152
Исаханян А.З. Автомобильная культура в контексте современных концепций пространства 166
Карпова А.Ю. Эвристический потенциал расширения концепции аномии 174
Матвеенко В.А. О душе слов: герменевтика как способ японского миропонимания 184
Петренко В.В., Эннс И.А. Власть, право и справедливость в актуальной социально-философской теории: правосудность как основание европейской современности 195
Семенюк К.А. Безумная реальность шизофрении и «сконструированное безумие» сюрреалистов (К вопросу об интерпретации образов в творчестве душевнобольных) 209

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Антух Г.Г. Философия очевидности в чистой логике Э. Гуссерля 217
Вольф М.Н., Косарев А.В. Неософистическая риторика в свете историко-философской методологии 225
Гашков С.А. К определению понятия «эпистема» в работе «Слова и вещи» Мишеля Фуко 234
Емельянов Б.В. Богоискательство Д. С. Мережковского 242
Седыченко Т.Ю. Как мыслит Бог Спинозы? 250
Шевчук Е.С. Понимание эстетической ценности в концепциях польских эстетиков первой половины XX в. 260

СОЦИОЛОГИЯ

Астахов А.М. Перспективы «российского майдана» в зеркале украинской революции 268
Галицкая В.А., Булатова Т.А. Инновационный регион в мнениях экспертного сообщества (на материалах Томской области) 280

Луц Ю.А., Орлова В.В. Молодые российские немцы: по итогам мониторинга проекта «Российском-германо-казахстанский форум немецкой молодёжи» 290
Самофалова Е.И. Роль социальных сетей в образовательной миграции (на примере Китая)..... 302
Титова В.О., Сухушина Е.В. Трудовая мотивация специалистов помогающих профессий поколения «Y»..... 316

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бобыло А.М. Роль инструментов «мягкой силы» в обеспечении национальных интересов России в АТР 328
Гольбрайх В.Б. Экологические общественные инициативы в Интернете как новая практика политического участия 340
Марченко Г.И. Научное обоснование государственных решений в КНР: учеба & консультирование 351
Утьева А.О., Жарникова Т. Г. Образ славянства на примере первой русской волны эмиграции во Франции 369
Юферева А.С. Развитие политической коммуникации в условиях медиаконвергенции: анализ роли социокультурного контекста 375

АРХИВ

Клочихина В.С., Оглезнев В.В. Интеллектуальная собственность и социальная справедливость: Роберт Нозик *versus* Джон Ролз 385

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Волков Д.Б. Рецензия на книгу Д. Перебума «Свобода воли, агент и смысл жизни»..... 404
Родин К.А. Л. Витгенштейн о внутренних и внешних отношениях: Рецензия на книгу Якуба Маша 410
Данилова Е.А., Локтионов М.В., Щербинин А.И. О роли государственного управления в формировании стратегии национального брендинга РФ..... 416

СВЕДЕНИЯ ОБ ВТОРАХ 421

CONTENT

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE
"Analytic Philosophy and the Classical Tradition"
TOMSK, 20-21 MAY 2016

Spohn W. Truth and rationality 7
Ankin D. V. Conceivable and possible in light of the limits of intellect..... 20
Berestov I. V. A holistic assumptions in the third argument of Gorgias' treatise "On non-being" 28
Grigorenko E. V. The abstract of the article «The model of an ideal language as an interpretation of reality in the analytic philosophy» 39
Dmitrieva A. A. The fragile incorrigibility of the introspection of phenomenal beliefs 50
Kuznetsov A. V. Argument against constitutive panpsychism..... 60
Lobovikov V. O. An axiomatization of philosophical epistemology (a conceptual synthesis of Leibniz' rationalism and the empiricism of Locke, Hume, Moore)..... 69
Moiseeva A. Y. Notion specification in belief ascriptions..... 79
Nesterov A. Y. Platonism in the analytical philosophy of technology: pragmatic rule in projective semiosis 86
Nikitin A. P. The problem of analogy of money and language in view of analytical philosophy 95
Chernikova I. V., Chernikova D. V. The problem of conscience in philosophy and cognitive science 103
Iunusov A. T. Essentialism and semantic theory of Aristotle in modern analytic philosophy..... 112

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Denisov S.F., Denisova L. V. Quasiscience in non-scientific knowledge: structure and evolution 120
Ladov V. A. Logical foundations of epistemological criticism of relativism..... 129
Lamberov L. D. Problems of deflationism: liar paradox..... 144

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Ivanova A. N. Homecoming is an important stage of Travel: the analysis of the travel structure as a form of self-transcendence 152
Isakhanyan A. Z. Automobility culture in the context of contemporary concepts of space..... 166
Karpova A.Yu. Heuristic potential of anomie concept expanding 174
Matveenko V. A. On the spirit of words: hermeneutics as a way of Japanese weltanschauung..... 184
Petrenko V. V., Enns I. A. Power, law and justice in the contemporary social and philosophical theory: justness as the foundation of European modernity 195
Semenyuk X. Insane reality of schizophrenia and " simple madness" of Surrealists (On the issue of figure interpretation in the art of mad)..... 209

HISTORY OF PHILOSOPHY

Antukh G. G. Philosophy of evidence in e. Husserl's pure logic 217
Volf M. N., Kosarev A. V. Neo-sophistic rhetoric in view of the methodology of the history of philosophy 225
Gashkov S. A. What is Michel Foucault's episteme? 234
Emelyanov B. V. The search for God D. S. Merezhkovsky 242
Sedychenko T. Y. As Spinoza's God thinks? (To the problem of the notion res in natura naturata)..... 250
Shevchuk E. S. The comprehension of aesthetical values in the conceptions of Polish aestheticians of the first half of 20th century 260

SOCIOLOGY

Astakhov A. M. The prospects of "Russian Maidan" in the mirror of the Ukrainian revolution..... 268
Galitskaya V. A., Bulatowa T. A. Regional innovation as viewed by the experts (according to the sources abtained in Tomsk region) 280

Lutz Y. A., **Orlova V. V.** Young Germans in Russia: the monitoring of project "Russian-German-Kazakhstan forum of German youth" 290
Samofalova E. I. The role of social networks in the educational migration (on the example of China) 302
Titova V. O., Sukhushina E. V. Labour motivation of specialists helping professions generation «Y» 316

POLITOLOGY

Bobylo A. M. The role of «soft power» instruments in realizing Russia's national interests in Asia-Pacific region 328
Golbraykh V. B. Environmental public initiative in the internet as a new public participation practice 340
Utyeva A. O., **Zharnikova T. G.** The image of Slavdom through the example of the first wave of Russian emigration to France 351
Marchenko G. I. Scientific substantiation of government decisions in China: Training & 369
Yufereva A. S. The development of political communication in the conditions of media convergence: an analysis of the role of the socio-cultural context 375

ARCHIVE

Ogleznev V. V., **Klochikhina V. S.** Intellectual property and social justice: Robert Nozick *versus* John Rawls 385

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Volkov D. B. Review of Dr. Pereboom's book «Free will, agency and meaning in life» 404
Rodin K.A. Wittgenstein on Internal and External Relations: review of the Jakub Macha's book. 410
Danilova E.A., **Loktionov M., Scherbinin A.I.** On the role of the state management in the national branding strategy forming 416

INFORMATION ABOUT AUTHORS 421

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ», ТОМСК, 20–21 МАЯ 2016 г.

УДК 1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/36/1

W. Spohn

TRUTH AND RATIONALITY

This paper is about the pragmatic notion of truth, according to which what we believe in the ideal limit of inquiry is true. Hence, it refers to the dynamics of belief and thus to theoretical rationality. Thereby, truth and rationality are inexorably entangled; neither can be explained without the other. The paper intends to make plausible that this entanglement may be developed into rigorous and fruitful theory.
Keywords: *the pragmatic notion of truth, the dynamics of belief, rationality.*

1. Introduction[1]

The last chapter of [1] explains my version of what may be the deepest connection in theoretical philosophy, that between truth and rationality. Claiming such a version may be presumptuous. Many able philosophers have already tackled this topic. Well, the first lesson about philosophy is that it is a Sisyphus' task. If you are gifted and lucky, you roll the stone up the mountain near to where your mothers and fathers did, or a little besides or even a little bit further. It's not really important how far you get; it is important to keep the stone rolling, so that your sons and daughters may go on trying more easily on smoother paths. This is my only goal: to keep the stone rolling.

This chapter attempts to develop the beginnings of a rigorous theory about that connection with potentially interesting and far-reaching consequences. This is not my goal here. Here I only want to make intelligible that there really is a connection, what it may be, and that it may indeed be turned from metaphor to theory. In trying to do so, I will avoid mounting any formal hurdles. Thus, this paper serves as a basic introduction to this chapter.

[1] This paper is a printed version of my Lakatos lecture, which I gave on May 9, 2013, at the London School of Economics on the occasion of the distinction of my book [1] by the Lakatos Award 2012. There I first express my deep indebtedness to David Hume; the book is Humean in spirit through and through. The primary aim of the lecture was, however, to explain, in an entirely informal way, the point of chapter 17 of this book, the last and quite inaccessible chapter after a long series of difficult formal chapter. Hence it should serve as a useful introduction to the deep issues pursued in this chapter. The paper leaves the body of the lecture unchanged. I have not tried to further elaborate its various lines of thought. Only the introduction is new. And the style is slightly changed from a talk to a paper. Moreover, I ought to and hence did make explicit at least some of the many hidden references.

Section 2 will start with addressing truth. Its point will be that the pragmatic theory of truth is not an appendix to the correspondence theory of truth, but an independent account on an equal footing. The pragmatic theory clearly requires a rational account of the dynamics of belief. Section 3 will pursue this connection and explains the role of reasons for such an account. So the question arises how much we can say about the rationality of the dynamics of belief. The point of section 4 will be to argue that we can say indeed more than was hitherto thought and that there are indeed general rationality principles linking truth with reasons and thus with the dynamics of belief. These principles substantiate the pragmatic theory of truth. Finally, section 5 will briefly address some familiar worries about the emerging theory. I will be content with explaining that they seem to be resolvable.

2. Truth

What's truth? Clearly something most important. If we did not conceive of ourselves as truth seekers, we would miss a central human dimension. For instance, we could close down our universities. And when we seek the truth, we seek something objective that we can share and debate. If truth were only subjective, truth for you and truth for me, there would be nothing to share and to debate.

However, what is it what we are seeking there? Its content seems elusive. The classical quote is from Aristotle's *Metaphysics* (1011b25), which is partially borrowed from Plato's *Sophist*. It says: "To say of what is that it is not, or of what is not that it is, is false, while to say of what is that it is, and of what is not that it is not, is true." This is the famous correspondence theory, which says that truth is assigned to our thoughts, beliefs, or claims if they agree with the facts. This sounds trivial, it is trivial, but it is almost the only game in town.

After the correspondence theory remained pupated for two thousand years, it was first turned into a proper theoretical enterprise by Tarski's semantic theory of truth. It is surprising to see how many fine distinctions philosophers have developed in the meantime, how many slight variants of that platitude, and how many subtle arguments for and against the variants.

I am far from belittling those attempts. They form a fascinating cosmos.[1] However, if one looks at them from some distance they appear like idle play. There are all those ontological categories: assertions, sentences, beliefs, contents, propositions, states of affairs, facts, events, even tropes, and so forth. All these categories may and should be distinguished. But somehow they all seem to mutually correspond, in virtue of the fact that they all are identified by propositional complements: the assertion that *a* is *P*, the sentence "*a* is *P*", the belief that *a* is *P*, the proposition that *a* is *P*, the fact that *a* is *P*, the event of *a*'s *P*-ing, the trope of *a*'s being *P*, etc. We seem to move here within a linguistic switching yard. It is certainly instructive to study all the switches, but we seem to gain not much ground by doing so.

The core deficit of all those variants of the correspondence theory of truth is their complete epistemological barrenness. We had hoped that truth theories give us guidance in finding the truth or at least in certifying when we possess the truth; this is our need. However, correspondence theories give us nothing of that sort.

[1] An excellent overview over this cosmos of the correspondence and its history is given by Künne [2]. Unfortunately, epistemic theories of truth, to which I will turn below, receive a rather depreciatory treatment in this book in my view. For a still more formal treatment of this cosmos see, e.g., [3].

Already Berkeley has ridiculed the correspondence theory by remarking that only ideas are similar to ideas. We are caught within our ideas and can compare them only with further ideas and not with the external facts themselves.

That is, you can, of course, compare my beliefs with the external world and judge whether I am right or wrong. Therefore, one might say that the correspondence theory grasps truth from an ontological or third person perspective. Now it is certainly helpful when you tell me whether I am right or wrong. However, from my point of view this is just another opinion that I should take into account; how much it counts is up to my assessment. When I seek epistemological advice from truth theories, I look for a truth theory from the epistemological or first person perspective. Moreover, we are all sitting in one boat. External views on us are healthy, but in the end the first person perspective is not an individual one, but the collective perspective of humanity. We need a truth theory filling this perspective.

The hard-boiled correspondence theorist thinks that we are seeking a chimera. Still, many respectable philosophers have undertaken this search; they meet a need, and they can't be all wrong. However, when we follow them, we sink into a morass. In the post-Wittgenstein era, people looked for a criterion of truth that should help us deciding about the truth[1]. Criteria were not definitions, but almost; they were reasons that cannot be trumped. My impression is that criteria are outmoded today; people seem to have given up on them.

Still earlier, there was the coherence theory of truth vigorously discussed among the logical positivists and maintained also by the British idealists. The truth criterion, to use this word, should somehow lie in the coherence of a belief with the other true beliefs[2]. No doubt, our judgment formation is importantly guided by coherence considerations. However, at the old times the program foundered at the impossibility of more precisely grasping the notion of coherence; and in my view this situation has not basically changed. The notion of coherence seems too vague and too hard to grasp to be suited as a theoretical key to truth[3].

There is another theory, still older than the logical positivists, namely Charles Sanders Peirce's pragmatic theory of truth. It attempts to state a close relation between belief and truth and seems thus suited to inform the epistemological first-person perspective. Its central notion is the limit of inquiry. We do science for many centuries; we explore the world ever more extensively and intensively, at new places, in new dimensions, and with refined methods and theories. Of course, we have thus explored only a minute part of the universe. But imagine that we carry on this process indefinitely until we have investigated absolutely everything. This is an extremely counterfactual assumption, for sure. Mankind will remain parochial and goes extinct. It is even physically entirely impossible to get very far with this investigation, and it is impossible to carry out any investigation without changing the universe, though we usually pretend that our observations do not influence the observed. Still, we are very familiar with what is supposed to get carried to a limit; that limit is not so alien.

---

[1] For instance, Rescher [4] takes his coherence theory of truth about the criteriology and not about the definition of truth.

[2] For a short presentation of the history of the coherence theory of truth see [2, sect. 7.1.2]. However, till the present day [4] is the only full-blown, even if idiosyncratic elaboration of a coherence theory of truth.

[3] Recently, there are quite a number of attempts to explicate coherence in probabilistic terms; cf., e.g., [5]. However, as far as I see they can't be used for promoting any coherence theory of truth.

In the limit, our beliefs cover everything. Are they true? We may still cultivate our skepticism, but this would definitely be mere paper doubt. There remains no skeptical gap. There is no experience and no consideration left that could prove us wrong. Hence, they must be true. At least, we are perfectly justified in calling them true, in the specific sense of perfection reachable only in this limit. Or to express it in my favorite slogan: After the exhaustion of all reasons our beliefs must be true.

This is my phrasing of the pragmatic theory of truth. Peirce [6, sect. IV] puts it in the following succinct way:

"The opinion which is fated to be ultimately agreed to by all who investigate, is what we mean by the truth, and the object represented in this opinion is the real. That is the way I would explain reality."

Even more pertinent, perhaps, is the following quote of James [7, 98]: Truth is

„an expedient in the long run and on the whole of course … The ‚absolutely' true, meaning what no farther experience will ever alter, is that ideal vanishing point towards which we imagine that all our temporary truths will some day converge."

The pragmatic tradition is still strong in American philosophy. In his penultimate period Hilary Putnam was a vigorous defender of pragmatic or, as he called it, internal truth. His still shorter slogan was: the ideal theory must be true – where the ideal theory is the one reached in that counterfactual limit of inquiry.[1]

So far, so good. The pragmatic theory of truth sounds attractive, if not convincing. However, I had dismissed the coherence theory as quite hopeless. Is the pragmatic theory any better? It sounds quite obscure. Indeed, this is the most salient difference to the correspondence theory. After its wakening through Tarski, the latter meets all standards of rigorous theorizing; the switching yard, as I called it, is basically under our strict conceptual control. Quite the opposite is true of the pragmatic theory up to the present days, so much so, that the opponents may well doubt that we are dealing with any theory of truth at all.

In the rest of this paper I would like to defend the view that the pragmatic theory really offers a second notion of truth that is, to some extent, amenable to rigorous theorizing. I emphasize: a second notion. This entails that I fully accept the correspondence theory or some of its variants. It also entails that there are indeed two notions of truth. There are both, the epistemological first-person and the ontological third-person perspective; and each has its own notion of truth.

Let me add a remark as an aside: Two-dimensional semantics, which I fully endorse, has taught us that there are two kinds of intensions, horizontal and diagonal or *C*- and *A*-intensions. Correspondence truth pertains to horizontal intensions, and pragmatic truth pertains to diagonal intensions. And then the term "true" has a two-dimensional meaning by itself, with a horizontal intension determined by the correspondence theory and a diagonal intension determined by the pragmatic theory – so that the two theories are united within one two-dimensional scheme.

These are only programmatic hints pointing to the larger picture behind this paper.[2] Let me return to pragmatic truth by itself. As explained so far it is not yet fit for that larger picture; we must try to develop it more precisely.

---

[1] See, e.g., [8], [9].

[2] In [10] I have elaborated on this picture and argued more carefully that indeed two theories of truth are required.

3. Thy Dynamics of Belief

The starting point seems quite obvious. If we want to understand the limit of inquiry, we need to understand our motion approaching that limit, that is, the dynamics of our belief or judgment formation, indeed the rational dynamics how it ought to rationally move, and not the actual dynamics with all its a- and irrational influences and restrictions such as forgetfulness, stubbornness, etc. Saying this already gives a sense of how our two key terms "truth" and "rationality" may come together. The task is to unfold this connection.

Strangely, the dynamic perspective on our beliefs is not so old. Early philosophy of science with its emphasis on confirmation or corroboration, i.e., on the context of justification and its neglect of the context of discovery had quite a static perspective[1]. The situation dramatically changed with Thomas Kuhn's *Structure of Scientific Revolutions* [13]. However, Kuhn thereby offered only a descriptive picture of the dynamics of science, and it remained a mystery whether there might be any rationality in that picture. Lakatos [14] and Stegmüller [15] were about the first to make constructive proposals at this point.

Ever since, theory change has remained an important topic in philosophy of science. I should admit, though, that there is a much older probabilistic treatment of epistemic change, which goes back to the 18th century, namely Bayes' theorem, which infers posterior probabilities from prior probabilities and likelihoods and thus lays foundations to statistical inference. However, both strands of thought are not well suited for our purposes.

Probabilistic epistemology proceeds on a fundamental theoretical level, which is just the right one for such a foundational topic as ours, and it provides a fully developed dynamic account. The basic problem, though, is this: There are no beliefs according to probabilistic epistemology; no subjective probability amounts to a belief. In probabilistic terms, you always take things to be more or less probable, but never to be true or false, as a belief does[2]. And it makes probabilistic epistemology unsuited for pursuing the pragmatic theory of truth.

My discontent with the post-Kuhnian strand is quite the opposite. This strand proceeds in terms of acceptance and rejection of theories or paradigms. This is well in line with talking of belief and disbelief. However, it starts at the wrong end by focusing on scientific theories, which certainly are the most complex objects of our epistemic attitudes. Foundational theorizing may reach, but must not start with such complexities. In this respect, my sympathies go with probability theory.

However, the fact that theory change was on the post-Kuhnian agenda strongly stimulated more foundational studies. The field is variegated, but the most prominent paradigm certainly is belief revision theory as established by Gärdenfors [18] and Alchourrón et al. [19][3].

---

[1] Popper [11] and Carnap [12] may count as two of the old paradigms.

[2] I refer here to the famous lottery paradox, introduced by Kyburg [16, p. 197], which shows that the Lockean thesis, as it is called today, is not satisfiable in a probabilistic way. The Lockean thesis says that *A* is believed if and only if the degree of belief in *A* is sufficiently high. Despite ingenious attempts to overcome the problem (cf., e,g., [17]) I think it as unresolved as ever. Indeed, it is a fundamental cause of ranking theory as developed in [1]. If degrees of belief are understood as ranks, the Lockean thesis is trivially satisfied. See also my discussion in [1, ch. 10].

[3] In the meantime there are many introductions into this field. A nice and brief recent one is [20].

This theory has been my direct reference point. Very early I observed that it provides only an incomplete rational dynamics of belief and sought to improve it. The result was ranking theory, which I conceived of in 1982, which was first published in [21] and which is fully developed in [1]. It indeed delivers a full rational dynamics of belief. So, I would like to see ranking theory as the present culmination point of the development alluded to[1]. I certainly cannot claim to have returned to the complexities of theory change, of the evolution and revolution of scientific theories, also because there are more problems involved than those of belief change, the problem of conceptual change, for instance. Still, [1] indicates sufficiently, I think, that those complexities may not be out of reach. In any case, the fact that ranking theory provides a full rational dynamics of belief makes it suitable for studying the limiting behavior of that dynamics and thus for substantiating the pragmatic theory of truth.

How does it do so? In order to explain this I have to explain the basics of the dynamics of belief. Of course, this is technical stuff in the end, but I can explain the beginnings in ordinary terms. The fundamental point is this: We receive and accept reasons, through perception, through asking, listening and reading, and we rationally change our beliefs in response, and only in response, to receiving reasons. No rational belief change without reasons!

So much seems to go without saying. However, it merely defers the topic of rational belief change to saying what reasons are. Here we sink into another morass. This is the crucial battlefield of inductive skepticism. Many brave philosophers have fought sacrificially to say what good reasons are and to overcome inductive skepticism. With little success, I find; inductive skepticism is a hydra with many heads.

As a good Humean I propose to simply yield to inductive skepticism; we will see that there are ways to erode it from inside[2]. Yielding to it means making the notion of a reason entirely subject-relative. Whether or not the assumption or proposition *A* is, or would be, a reason for me for the assumption or proposition *B* is measured by my subjective epistemic state. To be more precise: *A* is for me a reason for *B* if and only if *A* supports *B* or speaks in favor of *B* in my view, if *A* makes *B* more credible to me, that is, if *B* is more credible to me given *A* than given non-*A*. I call this the positive relevance notion of a reason.

This explication requires several remarks. First, this notion of a reason presupposes that one can meaningfully speak of conditional degrees of belief. This is precisely what ranking theory delivers. It refers to beliefs. But, of course, beliefs can be more or less firm. So, it also refers to degrees of belief. And it does so in unconditional as well as conditional terms[3].

Secondly, reasons may come in various forms. There are sufficient reasons and necessary reasons, and there are still other increases in degrees of belief. There is, moreover, negative relevance. *A* is a reason against *B*, just in case *A* is a reason in favor of non-*B*.

---

[1] I should mention that possibility theory, which was first developed by Dubois & Prade [22] and continuously elaborated by them in many papers, is formally equivalent to ranking theory. However, it was never driven by the firm interpretation and the dynamic interests that determined ranking theory.

[2] I have more fully explained this strategy in [23].

[3] I have fully developed this notion in ranking theoretic terms in [1, ch. 6]. In probabilistic terms it is just the notion of incremental confirmation of Carnap [12].

Thirdly, this notion of a reason is indeed entirely subjective. What is a reason for what solely depends on my conditional degrees of belief. If my epistemic state changes, my structure of reasons may change as well. There is just as much a dynamics of reasons as there is a dynamics of beliefs.

Fourthly, it is important to distinguish between being a reason and having a reason. Perhaps the phrase "*A* is for me a reason for *B*" is ambiguous. It may or may not include that I have or possess, i.e., believe in the reason *A*. Given this ambiguity we may enforce the non-inclusive reading by saying that *A* would be a reason for me in favor of *B*.

Finally, there is obviously a large intersubjective variance in the possession of reasons, just as in the possession of beliefs. However, there may even be intersubjective variance concerning what would be a reason for what. Just a tiny example: I argue: "Mick Jagger really is the greatest pop star on Earth. He even pleases the Queen." And you reply ironically: "Yes, indeed" – thus showing that you take the argument precisely the other way around. The history of inductive skepticism has produced more dramatic examples; the new riddle of induction about grue emeralds invented by Goodman [24] is certainly one of the most mind-boggling ones. This indicates the depth of the subject-relativity of that notion of a reason.

Having this notion of a reason firmly in mind, it comes out as an utter platitude that the rational dynamics of belief is driven by reasons. I have not introduced the rules of rational belief change, but it seems clear that they basically tell to move to the degrees of belief conditional on the received evidence as posterior unconditional degrees of belief, just as Bayes' theorem tells to do in the probabilistic case. Hence, I change my degree of belief, and possibly my belief, in a assumption or proposition *B* if and only if the received evidence is a reason for or against *B*.

One will object that this is really cheap success, that I made it true by definition that reasons drive belief change. Well, yes. But it is at least success, which is made possible only by our subject-relative notion of a reason.

4. Reasons and Rationality

We have to go on asking: Why does belief change defined in such a subjective way deserve to be distinguished as rational? This is indeed the crucial question, and I will give a two-step response. The more substantial second step will move us back to the pragmatic theory of truth.

The first step consists in the remark that not any distribution of conditional degrees of belief is permissible. Of course, each rational epistemic state containing beliefs must satisfy the basic axioms of ranking theory. And those axioms have extremely strong normative foundations. Besides the definition of conditional ranks (= the ranking-theoretic kind of conditional degrees of belief) the axioms only require the logical consistency of conditional beliefs; you must not believe *B* as well as non-*B* given any consistent condition *A*. If that's not reasonable, I don't know what is![1]

So, these axioms are at least minimal conditions of rationality, which determine the formal behavior of reasons. However, they still allow a lot of unreasonableness. We need to take a second step and to inquire into further postulates of

[1] The point is more fully explained in [1, sect. 5.3].

rationality, which, of course, have an objective claim. This is what I mean by eroding inductive skepticism from inside.

Which form could additional postulates take? Well, they must somehow concern the structure of reasons. Note that, if reasons drive epistemic change, then all our capacities to learn, to form and change beliefs, are somehow implicit in the structure of our conditional beliefs and reasons. For instance, if a proposition were epistemically independent of all others, we could not learn anything about it, we could not make any experience about it. This appears unreasonable, and our aim must be to state principles preventing such a situation.

This aim has a Kantian ring. I would define as a priori each feature that all rational epistemic states must have and hence those propositions that all rational epistemic states must believe in; apriority and epistemic rationality fall in one. Hence, if I am going to explore rational principles of learnability, this is much the same as Kant's search for the a priori conditions of the possibility of experience. Of course, I proceed in quite un-Kantian terms. However, my notion of apriority seems closer to Kant's concerns than the current mainstream literature on apriority, which still tends to ground the a priori only in conceptual relations[1].

Let me be a bit more specific about principles of learnability[2]. We can't learn about propositions a priori; we rationally believe in them, anyway, at least when we master the conceptual means for understanding them. By contrast, empirical propositions a posteriori may be true or false and may or may not be rationally believed. Hence, the very first postulate is that a rational epistemic state must be able to learn about any empirical proposition a posteriori; that is, the degree of belief in such a proposition must be changeable or revisable. Indeed, it must be revisable through experience, through evidential or observational propositions.

This is our first principle. It is not news. It is a venerable principle maintained by empiricists of all brands and through all centuries, though sometimes in exaggerated terms of verifiability or falsifiability. I have only added a precise ranking-theoretic notion of revisability.

Of course, this revisability can obtain only if the structure of reasons is appropriate. And so the basic empiricist principle entails that for each empirical proposition a posteriori there is at least one inductive reason. In fact, we can prove a stronger principle, namely: however you split up the set of a posteriori propositions in two parts, you always find a proposition in one part that is a reason for some proposition in the other part[3]. So, the latter principle asserts something like the unity of science.

So far, I have postulated the universal sensitivity to experience or evidential reasons; no dogmatism whatsoever is rationally permissible. However, what's the point of this universal sensitivity and its exploitation in our incessant search for reasons? Getting moved by reasons is no intellectual dance without purpose; reasons should move us in the right direction. Philosophers say that reasons must be truth-conducive; they move us towards the truth. If this would not be the point of reasoning, it would be idle play.

---

[1] I have more fully explained these ideas in [1, sect. 17.1].

[2] I am going to present now the strategy pursued in [1, sect. 17.2–4] in a very informal way. It is more fully presented in [25] in a semi-formal way. That paper may thus have a recommendable intermediate level of explanation.

[3] For a proof see [1, pp. 532–536].

This seems as obvious as it is mysterious. Perhaps I haven't studied enough, but I am not aware of any convincing attempts to establish the truth-conduciveness of reasons. If the aim, truth, is externally determined by a correspondence theory of truth and if reasons provide our internal guide-line for forming beliefs, then there is no guarantee that external aim and internal guide-line are in concordance; the skeptical gap is wide open.

There is an evolutionary argument. We obviously are pretty successful creatures, but we couldn't have been so, if our reasons had led us astray too often. So, apparently, our reasons must be quite reliable in detecting the truth. This is as well taken as it was not the answer we were looking for. No such empirical argument from the third person perspective can close the skeptical gap. I think it is impossible to do so in terms of the correspondence theory[1].

Things change when we consider the matter strictly from the internal, first person perspective, i.e., in terms of the pragmatic theory of truth, which refers to the limit of our reason-finding activities. Then the truth-conduciveness of reasons is more than an accidental empirical fact.

How precisely might we conceive of the connection? The basic idea of the pragmatic theory was that truth is wherever our reasons lead us in the limit – however, not any possible reasons which may lead us anywhere, but only the reasons we can actually receive in our world, however it may turn out to be. That is, truth is wherever true reasons lead us in the limit. Again, we have to postulate an appropriate sensitivity of our structure of reasons. That is, we should minimally postulate that for each true empirical proposition a posteriori there is at least one true inductive reason. We might call this the basic principle of pragmatic truth.

Note that this principle obviously strengthens the basic empiricist principle that for each proposition there is at least one inductive reason; it adds the leaning towards truth. And again, it is quite obvious. How could a proposition turn out true if there were not a single true reason speaking in its favor? Or in Putnam's terms: how could such a proposition ever become part of the ideal theory?

However, the basic principle of pragmatic truth is also pretty trivial. If I were to sell it as an exciting insight, one would have every right to be disappointed. That's not the point, though. The point that I find interesting is the status of that basic principle of pragmatic truth. Obviously, it is a principle about both, truth and rationality, and about their relation. Hence, it might be perceived in two ways.

It might be conceived as a principle of rationality strengthening the principles mentioned before. As such, it would be an a priori principle, as explained above. This is how reasons must be structured, if we are to be able to detect and to believe in truths. In this perspective it again contributes to Kant's conditions of the possibility of experience.

Or it might be conceived as a principle about truth. Clearly, it cannot serve as a definition of pragmatic truth; it is just a postulate about truth. As such, however, it has a conceptual ring. We do not understand what truth could be if that principle were violated. And so, again, it has an a priori status.

The best perspective is to see the principle as connecting truth and epistemic rationality. If we want to characterize pragmatic truth, we have to refer to epistemic

[1] There certainly are many attempts to close this gap. [26, ch. 8] is a prominent example. Of course, my negative verdict would require longer argument.

rationality. And if we are to explore epistemic rationality, we must not stop with the basic axioms of ranking theory, not with its rules of rational belief change, not even with the basic empiricist principle and its cognates. We can and must strengthen our conception of rationality by reversely referring to the notion of pragmatic truth.

If this paper has any lesson, then it is this point about the inevitable interdependence of truth and rationality. I have not seen it so explicitly stated in the literature, even though I am sure it has been grasped before.

And I am not disturbed by the triviality of the basic principle of pragmatic truth. It is often difficult to distinguish between philosophical depths and platitudes. One may even see a philosophical task in transforming apparent depths into platitudes.

The more important point, though, is that this principle is only the beginning of a constructive research program. I have only stated the very first principle, which is obviously quite weak. I believe that it may be strengthened in convincing ways, for instance to a principle postulating the existence of what I call ultimately stable reasons. The latter then turns out to be provably equivalent to a weak principle of causality[1].

So far, these are global principles: somewhere in the ocean of propositions we always find a reason. However, it should be possible to be more specific and to find more local principles. Our concepts include to some extent where to look for reasons for what. If we succeed in this, we should also be able to give more bite to so-called inferentialism as developed by Brandom [27]. After all, his central, but quite elusive notion of a material inference seems to find an adequate explication in my notion of a reason. However, I admit that I have not carried out this localization of the global principles; this remains to be a strong desideratum. In any case, I would like to emphasize: if there really is a constructive research program, then in virtue of the fact that the notion of a reason finds a precise and theoretically exploitable explication in ranking theory.

5. Some Worries

I hope I have explained my central point as well as it could be done on a few pages: the interdependence of truth and rationality. Still, one may well doubt that the pragmatic theory deserves to be called a theory of truth of its own. Let me finally briefly address three concerns that are often raised in the literature.

First, it has been objected to Putnam that his notion of an ideal theory presupposes the notion of truth. Of course, the ideal theory is the true theory, one might say, true in an antecedently given, presumably correspondence theoretic sense. If this were so, the entire approach would be doomed. However, I think I have made clear that we can avoid any such reference to an antecedently given notion of truth. The ideal theory, if we stick to that term, is characterized within the entanglement of truth and rationality, where truth is taken in no other than the pragmatic sense.

A second concern is whether the pragmatic stance really offers a theory of truth. More precisely, the worry is this: Usually, logic is characterized as stating the basic laws of thought. However, Gottlob Frege, the founder of modern logic,

[1] All of this is elaborated in [1, sect. 17.3–4] and informally explained in [25].

reminded us that there is something even more fundamental, namely the laws of truth, from which the laws of thought derive[1]. So, does pragmatic truth really satisfy the laws of truth?

The critical issue is disjunction. Epistemically, it is a very common situation that we believe in a disjunction *A*-or-*B*, but have no idea which of the disjuncts *A* and *B* obtains. By contrast, a disjunction *A*-or-*B* can only be true, if at least one of the disjuncts is true; truth cannot be unopinionated. More specifically, in epistemic theories such as the pragmatic one, there seems to be a problem about the law of excluded middle "*A* or not-*A*", since we may apparently be forever unjustified in asserting *A* and in asserting non-*A*. Intuitionistic logic has therefore abandoned the law of excluded middle.

However, as I have explained the pragmatic theory of truth, this consequence does not threaten, or so it seems to me. The basic principle of pragmatic truth postulated that, if *A* is true, there will be true reasons for *A* and, hence, against non-*A*. This entails that every disjunction will be resolved in the limit. Of course, this very sketchy argument should be carefully checked[2].

Finally, a notion of truth should be objective in some sense. In the beginning of this paper I ridiculed the idea of truth for you and truth for me. However, is the pragmatic theory any better? Why shouldn't your limit of inquiry not widely diverge from my limit? A good question, to which I have only a partial answer.

First, I would like to emphasize that, if we are to get any objectivity, we need to appeal to the limit of inquiry. At each finite state of inquiry we may find arbitrary disagreement and arbitrary error. Therefore, no consensus theory of truth will do in any finite time, even if the consensus is reached in free and sovereign dialogue. This is so simply because any finite evidence may be misleading for everyone. This can change only in that counterfactual limit of inquiry referred to in the pragmatic theory.

But is the situation actually different in the counterfactual limit of inquiry? Peirce had the idea that objective reality will enforce agreement upon us in the limit; recall my quote above that truth is "fated to be ultimately agreed to by all who investigate". However, this idea may obstruct the pragmatic project. Objective reality may be an ontological explanation of agreement within the external third-person perspective, but the pragmatic theory must attempt to secure it by internal conditions on the epistemological first-person perspective.

Is this feasible? I am not sure. In the Bayesian context, we have theorems about agreement in the limit. That is, if we all rationally start with a symmetric probability distribution regarding some empirical field governed by some statistical law, and if we satisfy some further rationality requirement, then evidence will lead us to agree on the right statistical law, however diverging our starting points otherwise. This is what Bruno de Finetti's famous representation theorem entails. This theorem can be carried over to ranking theory[3]. So, there is at least partial success. I

[1] This is Frege's famous antipsychologistic turn. Cf., e.g., [28, p. XVI].

[2] In discussion, Richard Bradley has raised the opposite point. There may also be too many reasons (and counter-reasons) resulting in suspense of judgment.

[3] This is elaborated in [1, sect. 12.5]. A different kind of approach to ranking theoretic limit theorems is taken by Huber [29].

would like to think that it can be generalized far beyond the restricted setting of those theorems. However, this is a mere conjecture so far.

Clearly, there remains a lot of work to do. For now, though, I have sufficiently rolled around Sisyphus' stone. If this paper has outlined at least some useful and not so familiar paths, I would already be content.

References

1. Spohn W. (2012), The Laws of Belief. Ranking Theory and Its Philosophical Applications, Oxford: Oxford University Press.

2. Künne W. (2003), Conceptions of Truth, Oxford: Oxford University Press.

3. Halbach V. (2011) Axiomatic Theories of Truth, Cambridge: Cambridge University Press.

4. Rescher N. (1973) The Coherence Theory of Truth, Oxford: Oxford University Press.

5. Bovens L. & Hartmann S. (2003) Bayesian Epistemology, Oxford: Oxford University Press.

6. Peirce Ch. S. (1878) "How To Make Our Ideas Clear", Popular Science Monthly 12. Pp. 286–302.

7. James W. (1907) Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking. (Page reference refers to the Cosimo Publication, New York 2008).

8. Putnam H. (1980) "Models and Reality", Journal of Symbolic Logic 45, 464–482; also in: H. Putnam, Realism and Reason. Philosophical Papers, Vol. 3, Cambridge: Cambridge University Press 1983. Pp. 1–25.

9. Putnam H. (1981) Reason, Truth and History, Cambridge: Cambridge University Press.

10. Spohn W. (2016) „Three Kinds of Worlds and Two Kinds of Truth", Philosophical Studies 173. Pp. 1335–1359.

11. Popper K. R. (1934), Logik der Forschung; engl. translation: The Logic of Scientific Discovery, London: Hutchinson 1959.

12. Carnap R. (1950) The Logical Foundations of Probability, Chicago: Chicago University Press, 2nd ed. 1962.

13. Kuhn, Thomas S. (1962), The Structure of Scientific Revolutions, Chicago: University of Chicago Press, 2nd ed. 1970.

14. Lakatos I. (1970), "Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes", in: I. Lakatos & Musgrave, A. (Hg.), Criticism and the Growth of Knowledge, Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 91–195.

15. Stegmüller W. (1973) Probleme und Resultate der Wissenschaftstheorie und Analytischen Philosophie, Band II, Theorie und Erfahrung, 2. Halbband, Theorienstrukturen und Theoriendynamik, Berlin: Springer.

16. Kyburg H. E. jr. (1961) Probability and the Logic of Rational Belief, Middletown, Conn.: Wesleyan University Press.

17. Leitgeb H. (2014) "The Stability Theory of Belief", Philosophical Review 123. Pp. 131–171.

18. Gärdenfors P. (1979) "Conditionals and Changes of Belief", in: I. Niiniluoto & R. Tuomela (eds.) The Logic and Epistemology of Scientific Change, North-Holland, Amsterdam. Pp. 381–404.

19. Alchourrón C. E., Gärdenfors P. & Makinson D. (1985) "On the Logic of Theory Change: Partial Meet Functions for Contraction and Revision", Journal of Symbolic Logic 50. Pp.510–530

20. Rott H. (2008) "Belief Revision", in: J. Adler & L. Rips (eds.), Reasoning: Studies of Human Inference and its Foundations, eds., Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 514–534.

21. Spohn W. (1988) "Ordinal Conditional Functions. A Dynamic Theory of Epistemic States", in: W.L. Harper & B. Skyrms (eds.), Causation in Decision, Belief Change, and Statistics, vol.II, Dordrecht: Kluwer. Pp. 105–134.

22. Dubois D. & Prade H. (1988) Possibility Theory: An Approach to Computerized Processing of Uncertainty, New York: Plenum Press.

23. Spohn W. (to appear), "Epistemic Justification: Its Subjective and Its Objective Ways", to appear in Synthese.

24. Goodman N. (1946) "A Query on Confirmation", Journal of Philosophy 43. Pp. 383–385.

25. Spohn W. (2014) "A Priori Principles of Reason", in: P. Schroeder-Heister, G. Heinzmann, W. Hodges & P.E. Bour (eds.), Logic, Methodology and Philosophy of Science, Proceedings of the 14th International Congress. Logic and Science Facing the New Technologies, London: College Publications. Pp. 235–251.

26. BonJour L. (1985) The Structure of Empirical Knowledge, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
27. Brandom R. (1994) Making It Explicit, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
28. Frege G. (1893) Grundgesetze der Arithmetik, Band I, Jena: Hermann Pohle.
29. Huber F. (2016) "Why Follow the Royal Rule?" Synthese, DOI: 10.1007/s11229-015-1004-x

Spohn Wolfgang – University of Constanz, Department of Philosophy (Constanz, Germany)
DOI: 10.17223/1998863X/36/1
TRUTH AND RATIONALITY
Keywords: the pragmatic notion of truth, the dynamics of belief, rationality

This paper is about the pragmatic notion of truth, according to which what we believe in the ideal limit of inquiry is true. Hence, it refers to the dynamics of belief and thus to theoretical rationality. Thereby, truth and rationality are inexorably entangled; neither can be explained without the other. The paper intends to make plausible that this entanglement may be developed into rigorous and fruitful theory.

УДК 165.0
DOI: 10.17223/1998863X/36/2

Д.В. Анкин

МЫСЛИМОЕ И ВОЗМОЖНОЕ В СВЕТЕ КОНЕЧНОСТИ ИНТЕЛЛЕКТА

Мыслимость не влечет с необходимостью логическую возможность, в силу чего все модальные аргументы, включающие заключение от мыслимости к возможности, ошибочны. Ограниченность (конечность) эпистемического агента создает пропасть между тем, что агентом мыслится, и тем, что возможно (или невозможно). Во второй части рассматриваются следствия конечности для интерпретации природы логики и математики.

Ключевые слова: *мыслимое и возможное, априорное и апостериорное, природа логики и математики, невозможные возможные миры, эпистемический агент, аргумент зомби, двухуровневая семантика.*

I. Представимость и мыслимость логически невозможного

Пусть у нас имеется достаточно сложная тавтология p, т.е. такая тавтология, которую мы не можем ни схватить интуитивно («представить»), ни доказать дискурсивно, что данная формула есть тавтология. Построим высказывание (A): «p не является тавтологией». Смысл высказывания (A) нам понятен (мыслим), несмотря на то, что сама тавтология p (равно нетавтологичность p) не схватывается нашей слабой мыслью. Таким образом, мы имеем:

1. (A) мыслимо, поскольку не доказано обратное этому (что p является тавтологией истинно, но не доказано);

2. (A) противоречиво, так как утверждается, что тавтология (в конечном счете, но не для самого субъекта высказывания в данный момент) p не есть тавтология.

Пункт 1 говорит о знании некоторого ограниченного агента; пункт 2 говорит о знании в абсолютном смысле. Знание агента не дошло до глубинной противоречивости утверждения (A), но это ничего не отменяет – агент (или эпистемический субъект) *мыслит объект*, которого не только не существует, но и *который невозможен логически*.

Если наше рассмотрение корректно, то все модальные аргументы, которые включают переход от мыслимого к возможному, оказываются ошибочными. Это и модальный аргумент С. Крипке против тождества ментального и физического, и «аргумент зомби» Д. Чалмерса против редукционистского объяснения сознания, и все аналогичные указанным аргументы. В своей критике мы ограничимся рассмотрением лишь аргумента зомби Д. Чалмерса.

Пример со сложной и не доказанной тавтологией представляется эквивалентным примеру со сложной и недоказанной теоремой. Это позволяет нам обратиться к аргументации Д. Чалмерса, который приходит к выводу, что мы не способны мыслить ошибочность теоремы Ферма, а когда считаем иначе, то имеем концептуальную путаницу – некогерентность в описании исходной ситуации. Чалмерс пишет: «Кто-то мог бы подумать, что он в состоянии представить ситуацию, в которой последняя теорема Ферма оказывается

ложной, вообразив ситуацию, когда ведущие математики заявляют, что нашли контрпример. Но если допустить, что эта теорема *в действительности* (подчеркнуто мной. – *Д.А.*) верна, то мы видим, что данная ситуация была *неверно* (подчеркнуто мной. – *Д.А.*) описана: на самом деле речь идет о сценарии, в котором последняя теорема Ферма верна, а какие-то математики ошибаются» [4. С. 132]. Дело в том, что мы не можем допустить (в рамках приводимого примера), что для нашего эпистемического агента теорема «в действительности» верна, но он утверждает, что она не верна. Это будет весьма скверная эпистемология весьма скверного (в силу лживости) эпистемического агента.

Не в ошибке дело. В случае с тавтологией мы тоже ошибаемся, считая, что высказывание «p не является тавтологией» истинно, но на самом деле оно ложно. Однако мы не проявляем какой-либо некогерентности в рамках *имеющейся у нас информации*, т.е. информации, которая обозрима нашим интеллектом. Мы искренне (правдиво) считаем, что данная формула («в действительности» тавтология) не есть тавтология.

Значит, в отношении математиков из примера Чалмерса мы *можем* мыслить, что они нашли контрпример (равно мыслить противоположное – что такого контрпримера не существует, что истинно «в действительности»). По-видимому, Чалмерс выдает апостериорные знания эпистемического агента за априорные, связывая их с понятием первичного интенсионала: «Важно, однако, что подобного рода ошибки всегда имеют априорный характер, так как они возникают из неверного применения первичных интенсионалов наших понятий к представленной ситуации» [4. С. 132]. Увы, наши понятия не всегда соответствуют понятиям бесконечного интеллекта, а иногда даже не являются для него понятиями, в силу собственной некогерентности. Наши «понятия» не всегда есть понятия.

Помимо формальных истин, есть истины эмпирические. Выражаясь в категориях метафизики Лейбница: для бесконечного интеллекта *все существующее* оказывается *логически* возможным, однако для конечных интеллектов имеются «истины факта», которые не могут быть логически проанализированы в силу слабости этих интеллектов. Разделение на *логические и фактические* истины актуально *только* для существ конечных, но совершенно неуместно в случае интеллекта бесконечного. Поэтому претензия Чалмерса на суждения о *логической* возможности (или невозможности) того или иного положения дел в мире равняется претензии на обладание *бесконечным* интеллектом. *Применительно к* фактической *действительности* логические возможности (невозможности) считает лишь бесконечный интеллект.

Отсюда следует, что *чисто логическая* некогерентность *сущего* или мыслимого *в качестве сущего* человеку недоступна. Поэтому ни зомби, ни круглые квадраты, ни урановые горы чистой логикой не устраняются. Чтобы их устранить, требуется дополнительный, нелогический инструментарий. В частности, теория дескрипций Б. Рассела оказывается бессильной в борьбе с пегасами, кентаврами и круглыми квадратами. Теория дескрипций способна нам помочь лишь в отношении *логической формы*, но отнюдь не содержания отрицательных экзистенциальных высказываний.

Чалмерс полагает, что «представимость и возможность расходятся главным образом в случаях апостериорной необходимости» [4. С. 116]. Возьмем высказывание «тысячеугольник существует». Не думаю, что Чалмерс будет настаивать, что тысячеугольник представим, равным образом он не станет настаивать на апостериорном характере данного высказывания. Тем не менее возможность здесь обручена с непредставимостью, и во избежание двоеженства, ведущего к нарушению закона запрещения противоречия, должна быть разведена с представимостью (мыслимостью).

Невозможные объекты конструируются и мыслятся нами, *существами конечными*, в том числе и логически невозможные объекты (не принадлежащие «действительности»). Если перевести в категории Я. Хинтикки [2], можно сказать, что логически невозможные объекты конструируются (аналогично трансцендентальной иллюзии И. Канта) нашим интеллектом на уровне *поверхностной информации*. Мыслимость на уровне поверхностной информации некоторого объекта или положения дел не влечет логической возможности данного объекта на уровне глубинной информации (ибо, как сказано выше, логически возможное есть сфера интеллекта бесконечного). Хинтикковские невозможные возможные миры суть порождение конечного интеллекта некоторого агента, для бесконечного интеллекта таких миров нет. Невозможные возможные миры конструируются на основе интеллектуальной конечности (ограниченности).

Рис. 1

В качестве примера подобного конструирования, но уже выходящего за рамки чистой логики, можно вспомнить лестницу Оскара Реутерсварда (рис. 1) (а после него – Маурица Эшера и других художников, развивавших тему невозможных фигур). Движение вверх и вниз по лестнице дано на уровне чувственного восприятия ближайших ступенек, однако продолжительный ряд ступенек (выходящий за рамки нашего конечного восприятия) оказывается противоречивым, так как движение вверх приводит нас вниз, и наоборот. Значит, нарисованный и представленный (помысленный) нами объект – данная замкнутая округлая фигура следующих друг за другом ступеней (рис. 1) – является на самом деле геометрически (в эвклидовом смысле) невозможным объектом.

Вторым примером вышесказанного может выступить аргумент *философского зомби*. Какие следствия для оценки корректности данного аргумента мы получим, если принять гипотезу порождения невозможных объектов всяким конечным эпистемическим агентом? Если из мыслимости логическая возможность еще не следует (как мы показали выше), то аргумент зомби оказывается *ошибочным*, так как он построен на выведении логической возможности зомби[1] из его мыслимости. В терминологии Хинтикки можно сказать, что зомби оказываются обитателями *невозможных возможных* миров, т.е. миров, конструируемых и мыслимых некоторыми эпистемическими агентами в силу их ограниченности. Поэтому всезнающий интеллект не несет ответственности за наличие зомби (теодицея).

Чалмерс считает иначе: «Таким образом, единственный путь, открытый для оппонента в нашем случае, состоит в утверждении, что при описании зомбийного мира как зомбийного мира мы неверно применяем понятия и что в этом описании в действительности заложено скрытое противоречие. Быть может, если бы мы подумали о нем с достаточной степенью ясности, мы осознали бы, что, воображая физически идентичный мир, мы тем самым *автоматически* воображаем мир, в котором существует сознательный опыт. Но в таком случае оппонент должен был бы указать нам, где именно в том, что кажется вполне когерентным описанием, могло бы скрываться противоречие. Если же внутренняя некогерентность не может быть раскрыта, то это очень серьезный довод в пользу логической возможности зомбийного мира. Как и прежде, я не могу заменить никакой внутренней некогерентности; у меня есть ясная картина представляемого мной при представлении зомби» [4. С. 132].

Следуя Чалмерсу, мы вынуждены делать странные заключения: если «внутренняя некогерентность не может быть раскрыта» … то ее нет (!); а если у меня есть «ясная картина» … то имеется и *логическая* возможность (!). «Признаюсь, что логическая возможность зомби кажется мне столь же очевидной … я не могу заметить какого-либо противоречия в этом описании (описании зомби. – *Д.А.*)» [4. С. 129]. Если я не могу заметить противоречия, то его и нет! Блаженны верующие…

Для уверенности в духе Чалмерса некоторые основания, конечно, имеются. Эти основания связаны с природой самой логики. Кажется, что логика необычайно толерантна ко всем нашим мнениям и представлениям. В решающей степени это определяется тем, что доказать противоречивость чего-либо в *абсолютном* смысле невозможно. Противоречие всегда фиксируется лишь *в относительном смысле*, связанном с некоторым языком, как то доказал Алонозо Черч применительно к теории чисел [1]. Таким образом, противоречий в абсолютном смысле не существует.

Требование Д. Чалмерса «раскрыть внутреннюю некогерентность» *его собственных представлений* выполнимо, разве что, Господом Богом. Однако сам Чалмерс полагает, что невыполнение данного требования подрывает позиции его оппонентов, аргументирующих против перехода от представимости к логической возможности. Если не доказано, что переход от представимости к логической возможности некорректен, значит, все, кто думает, что он

[1] Непросто определить, что такое логическая возможность применительно к данному примеру, ведь зомби не числятся среди логических констант!

некорректен, должны доказать это! Увы, хорошее для демократии не всегда хорошо для науки, в которой далеко не всякий утверждающий имеет право голоса, и перекладывание бремени доказательства на оппонента не есть хороший аргумент для обоснования собственных утверждений.

Попытка переложить бремя доказательства некогерентности на оппонента в данном случае выглядит излишне тяжелым бременем – доказывать должен как раз сам Чалмерс, а не его оппоненты, ибо когерентность относительно легче доказать, чем некогерентность. Почему? Потому что в доказательстве когерентности изначально присутствует (предполагается) та или иная логическая система, со своими критериями когерентности; критерии же некогерентности присутствуют (если присутствуют) лишь имплицитно. Когерентность изначально релятивизирована и закреплена за некоторой системой, некогерентность же для собственной экспликации еще только нуждается в релятивизации и последующем доказательстве, что значительно сложнее.

II. Некоторые следствия для логики, математики и философии

Остановимся более детально на заявленной толерантности логики. Если бы интеллект не имел границ, то для такого интеллекта не имела бы никакого смысла ни логика, ни математика. Логика и математика являются «костылями» нашей конечности, необходимой для компенсации нашей ограниченности техникой рассуждения и/или расчета, для бесконечного интеллекта ни логика, ни математика не нужны. В качестве одной из возможных интерпретаций избыточности логики и математики для бесконечного интеллекта можно указать на номинализм Х. Филда [3. С. 26–28]. Представляется, что интересны и иные конструктивистские, не обязательно номиналистического типа, интерпретации, позволяющие считать логику и математику инструментами конечных существ. Инструментальная интерпретация позволяет рассматривать логику и математику независимо от нормативных или дескриптивных функций.

На первый взгляд принудить бесконечный интеллект к использованию логики может *проблема вычислимости*. Способен ли бесконечный интеллект вычислить невычислимое? Однако данное возражение легко парируется тем, что для бесконечного интеллекта данной проблемы нет, в силу того, что он никогда не может совершить *ошибку* принятия невычислимого за вычислимое. Для конечных интеллектов корень проблемы именно здесь. Все, что бесконечный интеллект вознамерился бы вычислить, если бы ему только понадобилось (захотелось) что-то вычислять, ведь он и без этого результат знает, оказалось бы *вычислимым*! Это только для конечного интеллекта существует разрыв между прагматикой и семантикой, между уместным и возможным; для бесконечного же интеллекта *горизонт возможного* (семантика) сливается с *горизонтом нужного* (прагматика).

Итак, с точки зрения нашей интеллектуальной ограниченности (конечности) имеет смысл делить, вслед за Г. Лейбницем, истины на два типа – истины разума и истины факта. Истины разума нисколько не дискредитируются ненужностью логики и математики для бесконечного интеллекта, о которой говорилось выше. Наоборот, они все (вечно и неизменно) пребывают в нем без какого-либо вычисления. А вот истины факта для бесконечного интел-

лекта, как мы уже сказали, не нужны. Всякий индивидуальный факт или событие дан(о) априорно, апостериорное же для бесконечного интеллекта просто не существует. Бытие (наличие) всякой *апостериорной истины* производно от нашей эпистемической *конечности*.

Понятие «первичных интенсионалов» вызывает серьезные сомнения своей претензией на логическую просчитанность сущего. Первичными интенсионалами могут быть лишь мысли Бога (бесконечного интеллекта) до создания мира. Логике, как инструменту конечных умов, доступен анализ лишь вторичных интенсионалов. Поэтому деление интенсионалов на первичные и вторичные, по-видимому, должно быть инвертировано – априорное (поскольку мы признаем его наличие, например, в качестве концептуальных оснований языка) должно быть отнесено не к первичным интенсионалам, как то предлагает Д. Чалмерс [4. С. 171], а ко вторичным интенсионалам, ведь мы имеем дело с априорным существ *конечных*.

Чалмеровские квазипервичные интенсионалы всегда апостериорны, т.е. являются *фактуальными* описаниями с точки зрения некоторого *конечного интеллекта*, или эпистемического субъекта (пусть и общечеловеческого), их аналитичность на деле всегда мнима (мыслима как логически невозможная конструкция) – что-то вроде «трансцендентальной иллюзии» конечных существ. Для бесконечного же интеллекта мыслимое и возможное совпадают, горизонты семантики и прагматики сливаются в одно.

Следует также отметить, что те апостерионые (а не априорные, как утверждает Чалмерс) дескрипции, которые задают первичные интенсионалы ненужны и неуместны. Задается, прежде всего, некоторый язык с именами объектов. Переходя к категориям метафизики Лейбница, можно сказать, что сущности вещей *априорно* заданы в рамках некоторого языка одновременно с их именами бесконечным интеллектом. Именно поэтому жесткие же десигнаторы данного языка в дескрипциях (= первичных интенсионалах) просто не нуждаются. Если согласиться с доводами С. Крипке, они задаются как-то иначе – с помощью указательных местоимений (в духе Б. Рассела) и другими неописательными средствами. При таком подходе вторичный уровень оказывается первичным и наличия интенсионалов на первичном уровне не требуется, поэтому двухуровневая семантика никак не может быть построена.

А не связана ли идея феноменального опыта с идеей подобной «априорности» первичных интенсионалов, которые на самом деле есть нечто апостериорное? Достаточно вспомнить Ч.С. Пирса и Г. Райла, чтобы согласиться с возможностью чисто *апостериорного* толкования нашей самости. Феноменальное сознание может оказаться без остатка сводимым к сознанию не феноменальному, плюс чему-то еще, не являющемуся сознанием (физическому, биологическому, социальному), но такому, что это нечто, не являющееся сознанием, оказывается доступным лишь носителю данного сознания.

Как быть с *логически* возможным, ведь логика для бесконечного интеллекта не нужна? Мыслимое конкретно и подвижно с точки зрения изменчивости границ интеллекта, определяется сферой того, что *для него* априорно (мнимое априоное). Должно ли *возможное* зависеть от границ интеллекта? Не думаю. *Логически* возможное в абсолютном смысле есть постулат конечного интеллекта, в контексте конструирования им интеллекта бесконечного.

Логика в абсолютном смысле может существовать лишь в свете божественного интеллекта (сконструированного эпистемическим агентом несуществующего объекта) как его тень.

Логическая *необходимость*, определяемая на основе закона противоречия, очень узка; а *возможность*, определяемая на основе закона противоречия, очень широка. Будем считать данные определения необходимости и возможности чисто логическими. Тогда высказывание «Нечто является круглым и квадратным» не будет содержать противоречия с точки зрения чистой логики. Противоречие появляется только в случае дополнения логического некоторым языком с нелогическими постулатами. В нашем случае – это язык некоторой геометрии, которая не сводима к чистой логике.

Очень интересен вопрос об априорных дисциплинах, к логике не сводимых, ведь только в них мы имеем по-настоящему интересное, *содержательное* и *концептуальное* (поскольку детерминировано языком) a priori. Какие науки, помимо геометрии, могут претендовать на подобный статус априорных дисциплин, не являющихся чистой логикой. Представляется, что к подобным дисциплинам может быть отнесена философия. Вопрос разделения философии и математики должен начинаться с разделения двух типов содержательного a priori. Толкование философии как металогики (Р. Карнап) выглядит слишком узким, необходимо какое-то более широкое толкование концептуального a priori, которое используется в философии.

Кроме того, по-видимому, философия не исчерпывает всю область интересного (т.е. содержательного, «синтетического») a priori, которое остается от математики. В пользу этого говорят и примеры иллюзий нашего восприятия невозможных объектов современных художников, объекты картин которых невозможны с точки зрения геометрии. Это говорит в пользу чего-то подобного трансцендентальной эстетике, задающей априорные условия возможности нашего (конечного) чувственного восприятия, как то и намечалось Кантом.

Разговор об особом концептуальном, связанном с некоторым языком a priori, видится более правильным, чем поиски синтетического a priori. Логика плюс значения *чисто концептуального* плана, т.е. нейтральные в отношении обозначения и существования объектов и событий действительного мира, но несущие дополнительную интенсиональную семантику некоторого языка. Референция же и онтология, которые лежат за рамками языкового a priori, всегда множественны и относительны, как то убедительно показал У. Куайн.

Представляется, что семантика возможных миров эквивалентна континууму языков, расширяющих своим концептуальным содержанием чистую логику, но не имеющих прямой детерминации со стороны мира. Понятия возможного и необходимого детерминированы в ней не только чисто логически, но и *концептуально*, что делает область возможного шире, а область необходимого уже, чем то мы имеем в чисто логическом смысле (как мы уже говорили, зомби не является логической константой). Возможное становится уже, а необходимое шире по своему объему даже без влияния положения дел в мире. В рамках *такого* возможного нам уже не найти ни круглых квадратов, ни «зелубых» объектов, несмотря на то, что они не преследуются в рамках чистой логики.

Таким образом, возможные миры не принадлежат полностью сфере чистой логики, но содержат некоторый онтологический аспект, так как изначально яв-

Таким образом, возможные миры не принадлежат полностью сфере чистой логики, но содержат некоторый онтологический аспект, так как изначально являются *концептуально* непротиворечивыми мирами некоторого языка. Может быть, именно это и делает допустимым построение двухуровневых семантик в семантике возможных миров – сначала некоторый язык с его «первичными интенсионалами» (первый уровень), а только потом универсум концептуально возможных в рамках заданного языка миров (второй уровень).

Литература

1. *Church A.* An Unsolvable Problem of Elementary Number Theory // American Journal of Mathematics. Vol. 58. No. 2 (Apr., 1936).

2. *Хинтикка Я.* Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс. 1980. 448 с.

3. *Целищев В.В.* Философия математики. Новосибирск. Наука, 2002. Ч. 1. 212 с.

4. *Чалмерс Д.* Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории. М., 2013. ЛИБРОКОМ. 512 с.

Ankin Dmitry V. – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/2

CONCEIVABLE AND POSSIBLE IN LIGHT OF THE LIMITS OF INTELLECT

Keywords: conceivable and possible, a priori and a posteriori, nature of logic and mathematics, impossible possible worlds, epistemic agent, the zombie argument, two-dimensional semantics

The article discusses the question of a ratio conceivable and possible. The proposed solution is in recognition of an inevitable divergence between what can be conceivable as possible and what is possible actually. This rupture of conceivable and possible is explained by existing limits of human intellect. The limits of human intellect can be expressed in categories of J. Hintikka who considers the sphere of logical through a prism of epistemic agent with limited information, and divides in this regard surface information and depth information. In the context of the epistemic agent with limited information transition from conceivable to logically possible, used in modal arguments of various type is wrong. In article criticized the zombie argument of D. Chalmers as an example of a similar mistake. The idea of the impossible possible worlds (Hintikka) is interpreted by the author in a spirit the necessity of selection special, not actually existing objects which inevitably (similarly transcendental illusion of Kant) designed by the finite epistemic agent at the level of superficial information. The idea of depth information is interpreted in the context of classical concept of infinite intellect, and also through differentiation of truth of the reason and truth of the fact (G. Leibniz). The question of the special substantial a priori determined by semantics of language is also raised in article. The idea of similar semantic a priori seems to the author more perspective, than classical idea of synthetic a priori (I. Kant). That idea also is attracted for an explanation of the nature of mathematics and philosophy. In this regard there is an interpretation of logic and mathematics as tools of the finite epistemic agent. Instrumental interpretation allows us to consider the logic and math independently of normative or descriptive functions. The article discusses the necessary connection of semantics of the possible worlds with ontological (or metaphysical) postulates which is generated by the fact that the universe of the possible worlds is determined by conceptual means of the accepted language and therefore depends on its conceptual a priori. Division of the Chalmers primary and secondary intensional criticized as the division which is not considering a role of the epistemic agent. In view of the finiteness of the knower, it becomes problematic a concept of «primary intensional», and after it should be revised the idea of two-level semantics as dependent on ontological prerequisites of some language.

References

1. Church, A. (1936) An Unsolvable Problem of Elementary Number Theory. *American Journal of Mathematics*. 58(2).

2. Hintikka, J. (1980) *Logiko-epistemologicheskie issledovaniya* [Logical and Epistemological Study]. Translated from English by V.N. Bryushinkin, E.L. Nappelbaum. Moscow: Progress.

3. Tselishchev, V.V. (2002) *Filosofiya matematiki* [Philosophy of Mathematics]. Novosibirsk: Nauka.

4. Chalmers, D. (2013) *Soznayushchiy um. V poiskakh fundamental'noy teorii* [The conscious mind. In search of a fundamental theory]. Translated from English by V. Vasiliev. Moscow: LIBROKOM.

Вестник Томского государственного университета
Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36)

УДК 1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/36/3

И.В. Берестов

ХОЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ В ТРЕТЬЕМ АРГУМЕНТЕ ТРАКТАТА ГОРГИЯ «О НЕ-СУЩЕМ»

Мы показываем, что в третьем аргументе трактата «О не-сущем» Горгий доказывает два тезиса: I. Различные субъекты не могут постигать один и тот же внутренний интенциональный объект; и II. Различные субъекты не могут постигать один и тот же реальный интенциональный объект. Мы укажем на роль холистических допущений в этом доказательстве.
Ключевые слова: *Горгий, «О не-сущем», холизм, интенциональные акты, интенциональные объекты.*

Введение

В настоящей статье мы намерены продолжить начатый в [1] разбор аргументации Горгия в третьем аргументе трактата *De Melisso Xenophane Gorgia*, VI, §§ 23–26. Мы покажем, какие преимущества может дать предположение о неявном использовании Горгием холистического понимания целого для интерпретации этого аргумента, в котором обосновывается непередаваемость того, что один человек мыслит о сущем другому человеку (§ 26). Мы предлагаем интерпретацию рассуждения Горгия в §§ 23–26, в котором он доказывает два тезиса[1]: I. Различные субъекты не могут постигать один и тот же *внутренний* интенциональный объект (§§ 23, 25); и II. Различные субъекты не могут постигать один и тот же *реальный* интенциональный объект (§ 24).

Мы делаем предположение, что в II. используются два допущения, которые, как мы пытались показать в наших предыдущих статьях [2, 3, 4], мог использовать Парменид в своей поэме при обосновании немножественности сущего. Первое допущение утверждает тождество интенционального акта и его объекта, а второе – неразличимость объектов, которые не могут существовать (мыслиться, постигаться) друг без друга. Кроме того, и в I., и в II. используется третье допущение: целое или сложный объект имеет холистический характер, конституенты которого определяются друг через друга, а значит, не могут существовать друг без друга.

Наша интерпретация помогает утверждать существенную связь рассматриваемого рассуждения Горгия с некоторыми положениями из поэмы Парменида [3; 1] и с тезисом Протагора о человеке как мере всех вещей [4]. В этом наша интерпретация отличается от интерпретации А. Мурелатоса [5. P. 164, note 2; 5. P. 166, note 31], отвергающего опору Горгия на тезис Протагора. Кроме того, наша интерпретация §§ 23–26 делает рассуждение Горгия во всём третьем аргументе единообразным и исходящим из одинаковых принципов – в отличие от подхода А. Мурелатоса, который мы разбирали в [1. С. 265].

[1] Ниже мы будем рассматривать интенциональные акты, направленные на «внутренние» (исключительно ментальные) объекты, и направленные на реальные объекты. В последнем случае реальный объект задаётся посредством внутреннего.

Сначала мы приведём положения, задающие один из способов холистической трактовки целого. К некоторым из этих положений, с нашей точки зрения, могут быть с разной степенью надёжности редуцированы некоторые высказывания Горгия из §§ 23–26. Затем мы последовательно разберём §§ 23–26 и попытаемся объяснить, почему мы полагаем возможным использование Горгием нескольких частных случаев этих положений.

Формализация холизма[1]

Мы будем подразумевать под холистическим пониманием целого следующий тезис:

(H) *Какая-либо конституента первого целого отличается от каждой конституенты второго целого, если и только если каждая конституента первого целого отличается от каждой конституенты второго целого*.

Под (несобственными) конституентами целого в (H) и далее мы будем понимать объекты (части), связываемые в целое какими-либо отношениями, свойства объектов и отношения между ними, а также само это целое.

Положение (H) подразумевается в нескольких широко известных формулировках холистического подхода к соотношению целого и его частей или конституент. В качестве примера приведём следующую формулировку:

(H^1) *Любая конституента целого определяется через каждую из его конституент*.

Положению (H) эквивалентно положение:

(H^2) *Некоторая конституента первого целого тождественна некоторой конституенте второго целого, если и только если каждая конституента первого целого тождественна соответствующей конституенте второго целого*.

Мы будем полагать, что отношение *тождества* и *различия* в (H) и (H^2) удовлетворяет следующим двум принципам – *Принципу неразличимости тождественных* и *Принципу тождества неразличимых*, соответственно:

(Id→In) $(\forall x)\,(\forall y)\,[x{=}y \rightarrow (\forall P)\,(P(x) \leftrightarrow P(y))]$.

(In→Id) $(\forall x)\,(\forall y)\,[(\forall P)\,(P(x) \leftrightarrow P(y)) \rightarrow x{=}y]$.

Частным случаем (H) является положение:

(PW) *Одна и та же часть не может содержаться в различных целых*.

Одним из условий, при которых имеется «целое», о котором идёт речь в (H), является следующее:

(Rel→W) *Если какие-либо объекты соотнесены каким-либо отношением, то имеется некоторое целое (например, положение дел), содержащее все эти объекты, соотнесённые этим отношением, или целое, тождественное некоторым соотнесённым объектам и содержащее все остальные*.

Ещё одно допущение касается не целого вообще, а специфического целого, которым является пропозиция как объект пропозициональной установки, на которую направлен интенциональный акт:

(IndepIA) *Если интенциональный акт направлен на внутренний интенциональный объект, то этот внутренний интенциональный объект определяется этим и только этим интенциональным актом*.

[1] Предлагаемая формализация опирается на [4. С. 660–665].

Далее мы будем полагать, что пропозиции находятся среди внутренних интенциональных объектов. Действительно, из допущения

(Re) *Некоторые характеристики реального объекта не определяются интенциональным актом*, положений (Rel→W), (IndepIA), (H^1) выводится противоречие.

Таким образом, мы получили положение

(¬ReI) *Интенциональный акт не может быть направлен на реальный объект*.

Оправдать (IndepIA) можно через допущение, что интенциональный акт тождествен тому целому из внутренних интенциональных объектов (пропозиции), на которое он направлен. Также можно допустить, что интенциональный акт не зависит от других интенциональных актов, являясь проявлением «свободной» или «независимой» активности субъекта, и если актов много, то в целом окажутся части не определяемые друг через друга, что запрещено в (H^1).

Более сильным положением, чем (IndepIA), является следующее положение:

(Id) *Интенциональный акт и внутренний интенциональный объект этого акта тождественны друг другу*.

Из (Id) следует (IndepIA), но не наоборот.

Из (H^1) & (IndepIA) следует:

(UnIA) *На любой внутренний интенциональный объект, на который направлен какой-либо интенциональный акт, направлен один и только один интенциональный акт*.

Положение (H) можно формализовать в виде:

(H_f) $(\exists c_1)\,(\forall c_2)\,(c_1 \neq c_2) \leftrightarrow (\forall c_1)\,(\forall c_2)\,(c_1 \neq c_2)$,

где c_1 является переменной, пробегающей по конституентам произвольного целого w_1, c_2 является переменной, пробегающей по конституентам произвольного целого w_2: $c_1 \in w_1$ & $c_2 \in w_2$.

Положение (Id) можно формализовать в виде:

(Id_f) $(\forall \mu)\,(\forall p)\,(\forall \boldsymbol{A})\,[(\boldsymbol{A}_\mu \hat{\ } p) \leftrightarrow \mu = \hat{\ } p]$.

Выражение «$\boldsymbol{A}_\mu \hat{\ } p$» читается как «интенциональный акт μ типа $\boldsymbol{A}$ направлен на пропозицию $\hat{\ } p$, которую выражает предложение p».

Теперь мы можем записать исходный, являющийся базовым для последующих вариаций, частный случай (H_f) – холистическое допущение о соотношении частей и целого не для любого целого, как было в (H_f), а только для специфических целых, которыми являются пропозиции, или для целых, которые состоят из пропозиций и направленных на них интенциональных актов. Для простоты мы будем рассматривать элементарные пропозиции, выражаемые предложениями с одноместными предикатами:

(HPr^{basic}) $[\boldsymbol{A}^1_\mu \hat{\ } P(a)\ \&\ \boldsymbol{A}^2_\nu \hat{\ } Q(b)] \rightarrow [\{\hat{\ } P(a) = \hat{\ } Q(b) \vee \mu = \nu \vee P = Q \vee a = b\} \leftrightarrow \{\hat{\ } P(a) = \hat{\ } Q(b)\ \&\ \mu = \nu\ \&\ P = Q\ \&\ a = b\}]$.

В (HPr^{basic}) и далее мы подразумеваем возможность универсальной квантификации перед всей формулой по каждому терму, но не будем записывать кванторы, чтобы облегчить понимание формул.

Выражение «$\boldsymbol{A}^1_\mu \hat{\ } P(a)$» в ($HPr^{basic}$) читается как: «интенциональный акт μ типа $\boldsymbol{A}^1$ направлен на пропозицию $\hat{\ } P(a)$, которую выражает предложение $P(a)$».

Положение (HPr^{basic}) можно вывести из (H_f) & (Id_f) или из (H_f) & (UnIA).

Далее используем следующие допущения:

($\neq$S) *Если субъекты различны, то их интенциональные акты различны –*

$[\boldsymbol{A}^1{}_{\mu(s1)}\hat{}P(a)\ \&\ \boldsymbol{A}^2{}_{\nu(s2)}\hat{}Q(b)] \rightarrow [s_1 \neq s_2 \rightarrow \mu(s_1) \neq \nu(s_2)]$.

($\neq$A) *Если типы интенциональных актов (восприятие, понимание, вера и проч.; различие типов выражается через различные пропозициональные установки или различные эпистемические операторы) различны, то интенциональные акты различны –*

$[\boldsymbol{A}^1{}_{\mu}\hat{}P(a)\ \&\ \boldsymbol{A}^2{}_{\nu}\hat{}Q(b)] \rightarrow [\boldsymbol{A}^1 \neq \boldsymbol{A}^2 \rightarrow \mu \neq \nu]$.

Из (UnIA) & ($\neq$S) можно получить следующее положение:

($\neq$SO) *Если имеются два различных субъекта, интенциональные акты которых направлены на их внутренние интенциональные объекты, то внутренние интенциональные объекты этих интенциональных актов этих субъектов различны.*

Из (HPr^{basic}) & ($\neq$S) & ($\neq$A) можно получить ещё одно положение, отражающее холистический характер такого целого, как пропозиция; это положение можно рассматривать как вариацию (HPr^{basic}):

(HPr) $[\boldsymbol{A}^1{}_{\mu(s1)}\hat{}P(a)\ \&\ \boldsymbol{A}^2{}_{\nu(s2)}\hat{}Q(b)] \rightarrow [\{\hat{}P(a) \neq \hat{}Q(b) \vee \mu(s_1) \neq \nu(s_2) \vee s_1 \neq s_2 \vee P \neq Q \vee a \neq b \vee \boldsymbol{A}^1 \neq \boldsymbol{A}^2\} \rightarrow \{\hat{}P(a) \neq \hat{}Q(b)\ \&\ \mu(s_1) \neq \nu(s_2)\ \&\ P \neq Q\ \&\ a \neq b\}]$.

Выражение «$\boldsymbol{A}^1{}_{\mu(s1)}\hat{}P(a)$» читается как «субъект s_1 обладает интенциональным актом μ типа $\boldsymbol{A}^1$, направленным на пропозицию $\hat{}P(a)$, которую выражает предложение $P(a)$».

Неформально, в (HPr) говорится следующее:

Если хотя бы одна конституента одной пропозиции отличается от соответствующей конституенты другой пропозиции (причём среди конституент пропозиции присутствует сама пропозиция) или тип интенциональных актов, направленных на эти пропозиции, различен, или различны субъекты этих актов или сами эти акты, то все конституенты этих пропозиций различны и направленные на эти пропозиции интенциональные акты тоже различны.

Теперь посмотрим на то, в каком виде (HPr^{basic}) и (HPr) используются Горгием.

***MXG*, VI, § 23**

До нас дошло два изложения трактата Горгия *О не-сущем*, или *О природе*: Секст Эмпирик, «Против учёных» – *Adv. Math.* VII, 65–87[1] и Псевдо-Аристотель, «О Мелиссе, Ксенофане, Горгии» – *De Melisso Xenophane Gorgia* (далее – *MXG*), гл. V–VI, 980a 19–980b 21[2]. Интерес для нас сейчас представляет только последняя, третья, часть трактата (*MXG* VI, §§ 20–26, 979a12–980b21; *Adv. Math.* VII, 83–87), являющаяся обоснованием несообщаемости ментального содержания одного субъекта другому субъекту.

Ниже мы подробно рассмотрим тезисы и аргументы из §§ 23–26. В *MXG* VI, § 23, 980b8–11 говорится следующее:

---

[1] См. [6].

[2] [7]. Современная редакция древнегреческого текста, перевод на русский и необходимые комментарии приведены в [8]. Мы будем использовать этот перевод, с незначительными изменениями.

«Если же предположить, что возможно [для говорящего] познать [нечто], и даже сказать о том, что ему удалось познать, то мыслит ли при этом слушающий то же самое? Ибо одно и то же не может совместно присутствовать во многих и отдельных [целых][1]; ибо в этом случае одно стало бы двумя».

Из приведённой цитаты видно, что Горгий в § 23 пытается доказать следующий тезис:

(G23)*Внутренний интенциональный объект мышления слушателя может не совпадать с оригинальным интенциональным объектом мышления, который имел в виду говорящий.*

И Горгий приводит основание для (G23): *одна и та же часть не может присутствовать в «отдельных», а значит, различных целых, ведь часть в первом целом не тождественна части во втором целом*. Выше мы обозначили это положение как (PW). Горгий имеет право ссылаться на (PW), если он (неявно) признаёт (H).

Однако одного лишь (H) недостаточно для получения вывода о возможности несовпадения интенциональных объектов говорящего и его слушателя. Горгию нужно ещё установить, что говорящий и слушающий, содержащие свои интенциональные объекты, являются *различными* целыми, т.е. не составляют *одно* целое, содержащее и говорящего с его интенциональными объектами, и слушающего с его интенциональными объектами. Для того, чтобы это установить, Горгий мог бы дополнительно принять ещё два допущения. Первым допущением является (≠S). Вторым допущением является (IndepIA).

Заметим, что посредством (H) & (IndepIA) & (≠S) можно доказать более сильное заключение, чем (G23): внутренние интенциональные объекты двух различных субъектов не просто могут не совпадать, но не совпадают. Это заключение является более сильным также и потому, что для его получения нам нет нужды допускать, что один интенциональный акт принадлежит именно говорящему, а другой – его слушателю. Это заключение формализуется следующим образом:

(G23[1]) $\{\boldsymbol{G}_{\mu(s1)}\hat{}P(a)\ \&\ \boldsymbol{G}_{\nu(s2)}\hat{}Q(b)\ \&\ s_1 \neq s_2\} \rightarrow a \neq b$.

Здесь $\boldsymbol{G}$ – эпистемический оператор, соответствующий пропозициональной установке «постигать, что …». Постижение некоторой пропозиции не влечёт согласие с ней или убеждённость в ней.

Положение (G23[1]) следует из (H) & (IndepIA) & (≠S), являясь в то же время частным случаем (HPr). Положение (G23) следует из (G23[1]), если сначала s_1 интерпретировать как говорящего, s_2 – как его слушателя, а затем применить правило $p \Rightarrow \Diamond p$.

Внешние или реальные интенциональные объекты в § 23 не рассматриваются. Доказательство того, что различные интенциональные акты не могут быть направлены на реальный объект, Горгий приводит ниже, в § 24.

---

[1] А. Мурелатос [5. P. 141–143] полагает, что здесь вместо «целых» следует подставить «познающих субъектов», что делает тезис Горгия похожим на платоновский тезис о невозможности присутствия одной идеи во многих вещах (Parm. 131b). Однако основанием невозможности присутствия «одного и того же» в различных людях может быть более общее положение (PW). Иначе для обоих тезисов трудно предложить приемлемое обоснование, о чём см. [1. С. 263–264].

MXG, VI, § 24: общая структура

Далее читаем – *MXG* VI, §24, 980b11–14:

«Но даже если, говорит он, [одно и то же] может [присутствовать] одновременно в нескольких [различных людях], ничего не препятствует (oujde<n kwlu>ei) тому, чтобы оно не явилось (fai>nesqai) для них [в видах], подобных (oJmoi>oiv) [друг другу] – если сами они [*sc*. люди] не полностью подобны друг другу и не находятся в одном и том же (ejn tw~| aujtw~|); а будь они именно такими, они уже не были бы двумя [различными людьми]».

Интерпретация § 24 в виде законченного силлогистического рассуждения является непростым делом и может быть выполнена несколькими способами. В любом случае, как кажется, целью рассуждения Горгия является ниспровержение следующего положения:

(ReO) *Интенциональные акты двух различных субъектов направлены на один и тот же интенциональный объект*.

Перефразируем (ReO) в виде (s_1 и s_2 – субъекты, ios_1 – интенциональный объект интенционального акта, принадлежащего субъекту s_1, ios_2 – интенциональный объект интенционального акта, принадлежащего субъекту s_2):

(ReO^1) $s_1 \neq s_2$ & $ios_1 = ios_2$.

Также кажется понятным, что доказательство в целом является доказательством *a contrario* и состоит в принятии в качестве допущения для доказательства *a contrario* (ReO^1), установлении его ложности и впоследствии отбрасывания, т.е. в принятии отрицания (ReO^1), которое означает, что никакие субъекты не могут обладать интенциональными актами, направленными на один и тот же интенциональный объект.

MXG, VI, §24: интерпретация текста

Сначала Горгий допускает, что (ReO^1) истинно для случая, когда интенциональными объектами являются реальные объекты, т.е. допускает, что $s_1 \neq s_2$ & $io_r s_1 = io_r s_2$. Горгий далее утверждает: «ничего не препятствует» тому, чтобы $io_r s_1$ и $io_r s_2$ ($io_r s_1 = io_r s_2$) показались субъектам s_1 и s_2 в виде $io_i s_1$ и $io_i s_2$ соответственно, причём $io_i s_1 \neq io_i s_2$, если выполнены определённые условия; но выполнение этих условий влечёт $s_1 = s_2$. Будем интерпретировать выражение «ничего не препятствует тому, чтобы $io_i s_1 \neq io_i s_2$, если *p*» как «если *p*, то возможно, что $io_i s_1 \neq io_i s_2$» = «$p \rightarrow \Diamond(io_i s_1 \neq io_i s_2)$». Последующее выражение «[люди] не полностью подобны [друг другу]» естественно трактовать как «обладают несовпадающими характеристиками». Используя это, запишем положение

«… ничего не препятствует (oujde<n kwlu>ei) тому, чтобы оно [*sc*. одно и то же реальное сущее] не явилось (fai>nesqai) для них [*sc*. для людей] [в видах], подобных (oJmoi>oiv) [друг другу] – если сами они [*sc*. люди] не полностью подобны друг другу и не находятся в одном и том же (ejn tw~| aujtw~|), …»

в следующем виде:

(1) *Субъекты* s_1 *и* s_2 *обладают несовпадающими характеристиками* & s_1 *и* s_2 *не «присутствуют в одном и том же»* $\rightarrow \Diamond(io_i s_1 \neq io_i s_2)$.

Далее, положение

«… а будь они [*sc*. люди] именно такими [т.е. имей они именно те свойства, которые отрицаются у них в предыдущем предложении = будь люди

“полностью подобны” друг другу и находясь “в одном и том же (ejn tw~| aujtw~|)”], они уже не были бы двумя [различными людьми]»

перепишем в следующем виде:

(2) *Все характеристики* s_1 *и* s_2 *совпадают* & s_1 *и* s_2 *«присутствуют в одном и том же»* → $s_1=s_2$.

Выражение «присутствуют в одном и том же» в (1) можно трактовать по крайней мере двумя способами: во-первых, как «присутствуют в одном и том же месте», во-вторых – как «присутствуют в одном и том же целом». Однако трактовка «присутствуют в одном и том же месте» не позволит из (1) & (2) & $s_1 \neq s_2$ & $io_r s_1 = io_r s_2$ вывести желаемое Горгием $s_1=s_2$. Поэтому далее мы будем рассматривать трактовку «присутствуют в одном и том же целом».

В положении (2) из первого конъюнкта антецедента & (In→Id) следует $s_1=s_2$, т.е. антецедент (2). Кстати, второй конъюнкт антецедента (2) также следует из первого. Таким образом, (2) достаточно надёжно.

Как мы допустили, s_1 *и* s_2 имеют один и тот же интенциональный объект – реальный интенциональный объект $r=io_r s_1=io_r s_2$. Это означает, что s_1 *и* s_2 соотнесены друг с другом некоторым отношением. По (Rel→W), имеется некоторое целое, конституентами которого являются s_1 *и* s_2. Поэтому второй конъюнкт из антецедента (1) ложен. Следовательно, остаётся принять второй конъюнкт из антецедента (2) – s_1 *и* s_2 *присутствуют в одном и том же целом*.

MXG, VI, §24: неявная опора на парменидовское допущение

В этом месте, если мы хотим предложить последовательную интерпретацию Горгия, нам придётся привлечь дополнительный критерий различия объектов, ещё не рассматривавшийся в настоящей статье:

(DisO) *Объекты произвольной природы различимы, если и только если хотя бы один из них может существовать, если не существует другой*.

Формулировка критерия (DisO) близка к определению «реального различия» у Дунса Скота – с той разницей, что в (DisO) не подразумевается, что «существование» должно быть обязательно «реальным»; (DisO) может применяться также и к объектам, существующим в мышлении. Другим критерием, близким к (DisO), является критерий различия пропозиций, использовавшийся Г. Фреге. Критерий Фреге также может рассматриваться как частный случай (DisO). Ранее мы трактовали один из частных случаев (DisO) как одну из посылок в парменидовском доказательстве немножественности сущих или их неразличимости (см. положение (Т3*b*) в [2. С. 243]).

Если Парменид действительно использовал положение, близкое к (DisO), то Горгий, который, несомненно, использовал элеатовские темы, методы, посылки и заключения[1], мог также использовать и (DisO). По (H^1) и полученному выше положению s_1 *и* s_2 *присутствуют в одном и том же целом*, субъекты s_1 *и* s_2 определяются друг через друга, а значит, не могут существовать независимо друг от друга. Из этого, по (DisO) & *modus tollens*, следует, что s_1 и s_2 неразличимы. Иначе говоря, мы получили, что *все*

[1] См. [9. P. 162–169; 190–197; 220–222; 10. P. 180–181; 201–203].

характеристики s_1 *и* s_2 *совпадают* – первый конъюнкт антецедента (2). Таким образом, мы получили оба конъюнкта антецедента (2). Следовательно, мы получили и консеквент (2) – $s_1=s_2$.

MXG, VI, §24: итоговая интерпретация всего рассуждения

Всё вместе доказательство, которое мы полагаем интерпретацией § 24, выглядит следующим образом. Из $io_rs_1=io_rs_2$ & (Rel→W) & (H^1) & (DisO) & *modus tollens* выводится неразличимость s_1 и s_2. Из неразличимости s_1 и s_2 & (In→Id) (или из неразличимости s_1 и s_2 & (2)) следует $s_1=s_2$. Но это противоречит принятому допущению $s_1\neq s_2$ & $io_rs_1=io_rs_2$. Следовательно, (ReO^1) для случая интерпретации интенциональных объектов как реальных – $s_1\neq s_2$ & $io_rs_1=io_rs_2$ – следует отбросить.

Заметим, что положение (1) в выводе непосредственно не участвует; можно предположить, что (1) играет поясняющую роль, вводя читателя в курс дела и объясняя рассматриваемую ситуацию.

При этом из (ReO^1) для случая интерпретации интенциональных объектов как внутренних – $s_1\neq s_2$ & $io_is_1=io_is_2$, – также выводится противоречие: из $s_1\neq s_2$ & $(Id)^1$ следует $io_is_1\neq io_is_2$, а значит, (ReO^1) ложно. Заметим, что $io_is_1\neq io_is_2$ следует также и из $s_1\neq s_2$ & (≠SO).

В итоге получаем, что (ReO^1) следует отбросить для любой интерпретации интенциональных объектов, т.е. следует признать, что *интенциональные акты двух различных субъектов не могут быть направлены на один и тот же интенциональный объект – как внутренний, так и реальный*.

Заметим, что Горгий, если признаёт посылки (Rel→W) и (H^1), необходимые для выведения ¬($s_1\neq s_2$ & $io_rs_1=io_rs_2$), может получить с их использованием более сильное, чем ¬($s_1\neq s_2$ & $io_rs_1=io_rs_2$), положение (¬ReI), следующее, как мы видели выше, из (Rel→W) & (IndepIA) & (H^1). Таким может быть один из способов обоснования тезиса из *MXG* VI, § 20, 980a18:

«…даже если вещи и существуют [в реальности], для нас они непознаваемы».

MXG, VI, § 25

Рассмотрим *MXG*, VI, § 25, 980b14–17:

«Но кажется, что даже одни и те же [реальные] объекты [даже один] человек воспринимает (φα□νεται □μοια α□σθαν□μενος) в одно и то же время несходным образом, но различное слыша и видя, и различая их теперь и прежде. Поэтому едва ли один [человек] воспринимает всё так же, как другой».

В первой части первого предложения (заканчивающейся словами «… различное слыша и видя») утверждается, что интенциональные акты различных видов даже одного субъекта в одно и то же время направлены на различные внутренние интенциональные объекты, вне зависимости от того, направлены они на разные реальные объекты или на один и тот же реальный объект.

---

[1] Если Горгий действительно признавал (Id) в этом месте или в других местах, то он мог опираться в этом на Парменида. В [4. С. 662–663] мы пытались доказать, что Парменид в своей поэме использует частный случай (Id).

Таким образом, здесь утверждается, что $s_1=s_2$ & $io_rs_1=io_rs_2$ & $\boldsymbol{P}^{\mathbf{v}}\neq\boldsymbol{P}^{\mathbf{a}} \rightarrow io_is_1\neq io_is_2$. Здесь эпистемический оператор $\boldsymbol{P}^{\mathbf{v}}$ соответствует пропозициональной установке «видеть, что …», а $\boldsymbol{P}^{\mathbf{a}}$ – «слышать, что …».

Записать это более точно можно через следующие две формулы, вероятно, они обе в равной мере могут рассматриваться как формализация первой части первого предложения § 25:

(G25s1.1) $\{P^{v}_{\mu(s)}\hat{}P(a_r)$ & $\boldsymbol{P}^{\mathbf{a}}_{v(s)}\hat{}Q(b_r)$ & $\boldsymbol{P}^{\mathbf{v}}\neq\boldsymbol{P}^{\mathbf{a}}\} \rightarrow \hat{}P(a_r)\neq\hat{}Q(b_r)$.

(G25s1.1[1]) $\{\boldsymbol{P}^{\mathbf{v}}_{\mu(s)}\hat{}P(a_r)$ & $\boldsymbol{P}^{\mathbf{a}}_{v(s)}\hat{}Q(b_r)$ & $\boldsymbol{P}^{\mathbf{v}}\neq\boldsymbol{P}^{\mathbf{a}}\} \rightarrow a_r\neq b_r$.

Здесь a_r обозначает представление (или «маску») о реальном объекте r (или за которым стоит реальный объект r); a_r обязательно является интенциональным объектом некоторого интенционального акта.

Каждая из этих формул выводится из (H) & (IndepIA) & (≠A) и является частным случаем (HPr).

Во второй части первого предложения из § 25 «…и различая их [воспринимаемые объекты, т.е. внутренние интенциональные объекты] теперь и прежде» утверждается, что один и тот же субъект в разное время воспринимает один и тот же реальный объект в виде различных интенциональных объектов[1], вне зависимости от того, направлены ли его интенциональные акты на разные реальные объекты или на один и тот же реальный объект. Вероятно, здесь подразумевается, что субъект изменяется с течением времени, так что, строго говоря, мы имеем здесь дело не с одним субъектом, а с двумя различными субъектами. Мы можем допустить также, что Горгий подразумевает здесь (≠S). По (≠S), различие субъектов влечёт различие их интенциональных актов. Кажется, Горгий здесь уже не ограничивается только «ви́дением» и «слышанием», вероятно, говоря о произвольных способах восприятия (которые мы будем изображать в виде эпистемических операторов $\boldsymbol{P}^1$ и $\boldsymbol{P}^2$):

(G25s1.2) $\{\boldsymbol{P}^1_{\mu(s1)}\hat{}P(a_r)$ & $\boldsymbol{P}^2_{v(s2)}\hat{}Q(b_r)$ & $s_1\neq s_2\} \rightarrow a_r\neq b_r$.

Положение (G25s1.2) следует из (H) & (IndepIA) & (≠S), являясь частным случаем (HPr).

Во втором предложении § 25 Горгий делает вывод, что ни один субъект не воспринимает реальный объект в том же виде (т.е. под теми же «масками»), что другой субъект, вне зависимости от того, направлены ли интенциональные акты этих субъектов на разные реальные объекты или на один и тот же реальный объект. В действительности этот вывод совпадает с тезисом из второй части первого предложения § 25, где из различия субъектов выводится различие их *внутренних* интенциональных объектов. В обоих случаях этот вывод формализуется как (G25s1.2).

Заключение: *MXG*, VI, § 26

Ниже, в последнем параграфе трактата, Горгий подводит итог всему аргументу, говоря, что знание одного субъекта не может быть сообщено другому субъекту, отличному от первого, поскольку (*MXG* VI, § 26, 980b 19):

---

[1] С первого взгляда кажется, что в тексте второй части первого предложения из § 25 речь идёт о том, что субъект сам различает объекты, т.е. постигает, что они различны: $\{\mathbf{P}^{\mathbf{v}}_{\mu(s)}\hat{}P(a_r)$ & $\mathbf{P}^{\mathbf{a}}_{v(s)}\hat{}Q(b_r)$ & $\mathbf{P}^{\mathbf{v}}\neq\mathbf{P}^{\mathbf{a}}\} \rightarrow \mathbf{G}_{\lambda(s)}\hat{}a_r\neq b_r$. Но в $\mathbf{G}_{\lambda(s)}\hat{}a_r\neq b_r$ не подразумевается несовпадения simpliciter (а не по чьему-то мнению и пр.) интенциональных объектов (хоть реальных, хоть внутренних) различных интенциональных актов, обоснование чего является общей целью §§ 23–26.

«…никто не мыслит то же самое, что и кто-то другой».

Иначе говоря, передать то, что знаешь, думаешь и проч. о фиксированном интенциональном объекте, невозможно (помимо прочих оснований, не рассматривавшихся в настоящей статье) просто потому, что успешная передача подразумевает, что оба субъекта имеют в виду *один и тот же* интенциональный объект, а это невозможно в силу рассмотренных выше следующих двух аргументов.

I. Различные субъекты не могут постигать один и тот же *внутренний* интенциональный объект, что можно формализовать следующими способами:

(G26) $\{\boldsymbol{G}_{\mu}\hat{}P(a)\ \&\ \boldsymbol{G}_{\nu}\hat{}Q(b)\ \&\ \mu\neq\nu\} \rightarrow \hat{}P(a)\neq\hat{}Q(b)$.

(G26^1) $\{\boldsymbol{G}_{\mu}\hat{}P(a)\ \&\ \boldsymbol{G}_{\nu}\hat{}Q(b)\ \&\ \mu\neq\nu\} \rightarrow a\neq b$.

В (G26) «то же самое» трактуется как «мысль» или «пропозиция», а в (G26^1) «то же самое» трактуется как «внутренний интенциональный объект»; (G26) и (G26^1) следуют из (H) & (IndepIA) и являются частными случаями (HPr^{basic}).

Заметим, что ранее мы предлагали такую интерпретацию тезиса Протагора о человеке как мере всех вещей и некоторых фрагментов поэмы Парменида, в которой используются различные частные случаи (HPr), так что можно предположить, что Протагор и Парменид были предшественниками Горгия в использовании (H) – см. [3, 4].

II. Различные субъекты не могут постигать один и тот же *внешний* интенциональный объект в силу доказательства из § 24, использующего сильное дополнительное допущение (DisO), не встречающееся в других рассуждениях Горгия из §§ 24–26. Смысл этого рассуждения в том, что субъекты, постигающие какой-либо один и тот же объект, связаны друг с другом, а значит, по (Rel→W), составляют целое, а значит, по (H^1), все конституенты в этом целом определяются друг через друга и не могут существовать друг без друга, а значит, по (DisO), неразличимы, а значит, по (In→Id), тождественны друг другу.

Литература

1. *Берестов И.В.* Аргументы Горгия Леонтийского как свидетельство философской значимости проблемы интенционального тождества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 259–268.

2. *Берестов И.В.* «Единство сущего» у Парменида как неразличимость конституент ноэмы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 240–253.

3. *Берестов И.В.* Эпистемический холизм в 28 B 2 DK Парменида и в «Евтидеме» Платона // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия «Философия». 2015. Т. 13, вып. 2. С. 104–114.

4. *Берестов И.В.* Парменидовские предпосылки в homo mensura Протагора // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10, вып. 2. С. 659–670.

5. *Mourelatos A.P. D.* Gorgias on the Function of Language // Philosophical Topics. 1987. Vol. XV, No. 2. P. 135–170.

6. *Sextus Empiricus.* Adversus mathematicos // Sexti Empirici opera. Vols. 2–3. / Mutschmann, H., ed. Leipzig: Teubner, 1914.

7. *Aristoteles.* De Xenophane, de Zenone, de Gorgia // Aristotelis opera / Bekker, I., ed. Berlin: Reimer, 1831 Vol. 2. P. 202–206.

8. *Вольф М.Н.* Трактат О не-сущем, или О природе Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: Условно-формальная структура и перевод // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 152–169.

9. *Calogero G.* Studi sull' eleatismo. Roma: Tipografia del Senato, 1932.

10.*Loenen J.H.M.M.* Parmenides, Melissus, Gorgias: A Reinterpretation of Eleatic Philosophy. Assen: Royal VanGorcum, 1959.

Berestov Igor V. – Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Science (Novosibirsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/3

A HOLISTIC ASSUMPTIONS IN THE THIRD ARGUMENT OF GORGIAS' TREATISE "ON NON-BEING"

Keywords: Gorgias, "On Non-Being", holism, intentional acts, intentional objects.

In this paper we continue to analyze Gorgias' argumentation in the third argument of the treatise "On Non-Being". We denote the benefits for the interpretation of this argument can arose, if we accept the suggestion that Gorgias implicitly use (in the third argument of "On Non-Being", *apud De Melisso Xenophane Gorgia*, VI, §§ 23–26; it is grounded here that the content of one man's thought cannot be communicate to another man) a holistic understanding of a whole. We offer an interpretation of Gorgias' argument here, in which he proves two theses: I. Different subjects cannot comprehend the same *internal* intentional object (§§ 23, 25); and II. Different subjects cannot comprehend the same *real* intentional object (§ 24). We suggested that in II. Gorgias implicitly exploited the two assumptions that could be used by Parmenides in his poem – in some arguments against plurality of being. The first assumption asserts the identity of an intentional act and its object, and the second one – the indistinguishable of such a objects which cannot exist (be thought of, be comprehended) without each other. Furthermore, both in I. and II. the third assumption is used: a whole or a complex object is a holistic one – i.e. its constituents are determined by each other, and so they cannot exist without each other. Our interpretation helps to reveal the significant logical connection between Gorgias' arguments under consideration and some statements in Parmenides' poem, and also Protagoras' thesis that man is the measure of all things. In this aspect our interpretation is different from A. Mourelatos' interpretation, who rejects that Gorgias relies on Protagoras' thesis. Moreover, our interpretation of §§ 23–26 makes Gorgias' reasoning in each thesis of the third argument uniform one and treats it as proceeding from the same principles – in contrast to A. Mourelatos' approach.

References

1. Berestov, I.V. (2016) Gorgias of Leontinoi's arguments as an evidence for philosophical significance of problem about intentional identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(34). pp. 259–268. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863/34/31

2. Berestov, I.V. (2015) "Unity of being" in Parmenides as indistinguishability of noema's constituents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(32). pp. 240–253. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863/32/27

3. Berestov, I.V. (2015) Epistemicheskiy kholizm v 28 B 2 DK Parmenida i v "Evtideme" Platona [Epistemic holism in Parmenides' 28 B 2 DK and "Euthydemus" by Plato]. *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya "Filosofiya"*. 13(2). pp. 104–114.

4. Berestov, I.V. (2016) Parmenides' Premises in Protagoras' Homo Mensura. *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 10(2). pp. 659–670. (In Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2967

5. Mourelatos, A.P.D. (1987) Gorgias on the Function of Language. *Philosophical Topics*. XV(2). pp. 135–170. DOI: 10.5840/philtopics19871527

6. Sextus Empiricus. (1914) Adversus mathematicos [Against astrologers]. In: Mutschmann, H. (ed.) *Sexti Empirici opera*. Vols. 2–3. Leipzig: Teubner.

7. Aristoteles. (1831) De Xenophane, de Zenone, de Gorgia. In: Bekker, I. (ed.) *Aristotelis opera*. Vol. 2. Berlin: Reimer. pp. 202–206.

8. Wolf, M.N. (2014) Gorgias' "On Not-Being Or On Nature" in De Melisso Xenophane Gorgia, V–Vi: Its Formal Structure and a Translation from the Greek into Russian. *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 8(2). pp. 152–169.

9. Calogero, G. (1932) *Studi sull' eleatismo*. Roma: Tipografia del Senato. (In Latin).

10. Loenen, J.H.M.M. (1959) *Parmenides, Melissus, Gorgias: A Reinterpretation of Eleatic Philosophy*. Assen: Royal VanGorcum.

УДК 124.2
DOI: 10.17223/1998863X/36/4

Е.В. Григоренко

МОДЕЛЬ ИДЕАЛЬНОГО ЯЗЫКА КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Анализируются модели идеального языка в аналитической философии в рамках концепций Г. Фреге, Б. Рассела, У. Селларса, П. Стросона и П. Грайса. Модель идеального языка Г. Фреге направлена на формирование строгих понятий, характеризующих в полной мере только процесс мышления. Языковая модель Б. Рассела направлена на описание и выражение всего происходящего в действительности посредством создания теории дескрипций и теории имён. Философские концепции У. Селларса и П. Стросона основаны на грамматике и направлены на понимание и интерпретацию реальности в рамках создания определённой языковой модели. В финале статьи представлен анализ работы П. Грайса «Логика и речевое общение» как образец решения модели идеального языка, способствующей установлению коммуникации между людьми, а также пониманию и формированию интерпретации в естественном языке.
Ключевые слова: *идеальный язык, естественный язык, модель, интерпретация, грамматика, логика, коммуникация, общение.*

Создание модели идеального языка обсуждается представителями аналитической философии – Г. Фреге, Б. Расселом, У. Селларсом, П. Стросоном, П. Грайсом, Дж. Сёрлом и др. Философы создают данную языковую модель для исследования работы естественного языка и формирования определённой онтологической системы, в той или иной мере отражающей связи и отношения, которые характеризуют действительность.

В.А. Ладов в работе «Формальный реализм» говорит об онтологии как о философской системе, выступающей средством для понимания роли логики в познании материальной действительности. Исследователь выявляет онтологию, представляющую реализм и антиреализм. Реалистская модель выражена в философии Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна и характеризуется формированием понятий, представляющих характеристику действительности, она направлена на то, чтобы быть отдельной знаковой моделью для её понимания. Антиреалистская модель представлена в аналитической философии П. Грайсом, Дж. Сёрлом и обозначена своей направленностью к реальности, где созданные авторами понятия постоянно меняются субъектами в зависимости от предназначения деятельности, а также целей и задач познания.

Ярким представителем реализма в аналитической философии является Г. Фреге. Данную концепцию мыслитель разрабатывает в работе «О смысле и значении» посредством формирования критериев истинного знания и истинностного значения.

Главная цель Г. Фреге заключается в том, что он разрабатывает понятия смысла, значения, представления с целью формирования строгой характеристики и интерпретации действительности.

По утверждению мыслителя, значением собственного имени является предмет, обозначенный этим именем; представление, которое при этом воз-

никает у человека, является в полной мере субъективным, а смысл выражает объективное знание, но тем не менее это не есть сам предмет.

Философ уверен в том, что именно стремление к истине побуждает человека к переходу от смысла к значению. Истинностное значение характеризуется автором как адекватное представление истинности или ложности суждений, что и является объективным пониманием знания и соотношения между «смыслом» и «значением». «Таким образом, мы вынуждены признать в качестве значения предложения его истинностное значение. Под истинностным значением – значением истинности предложения я понимаю то, что оно либо истинно, либо ложно. Других значений истинности не бывает» [1. С. 235].

Мыслитель анализирует взаимосвязь главного предложения с придаточным с целью установки особенности значения. Главное предложение всегда связано с придаточным на основе одной общей мысли. Если в придаточном предложении одно выражение заменяется другим, то только в том случае, когда оно имеет тот же смысл, что и главное предложение. «Главное предложение вместе с придаточным имеет своим смыслом одну-единственную мысль, и истинность целого предложения не зависит от того, истинно или нет придаточное предложение. В таких случаях в придаточном предложении нельзя заменять некоторое выражение другим, имеющим то же обычное значение, а можно заменять только таким, которое имеет то же косвенное значение, то есть тот же обычный смысл» [1. С. 237].

В придаточном предложении, по утверждению Г. Фреге, слова имеют косвенное, не истинное значение, выражающееся в просьбе, приказе, вопросе. Такой тип предложения не имеет значения, а имеет только смысл.

Г. Фреге анализирует слова, имеющие в предложении обычное значение, тем не менее в качестве смысла мысль в них таковой не является, а в качестве значения – не значение истинности. Философ приводит следующий пример: «Тот, кто открыл эллиптическую форму планетных орбит, умер в нищете» [1. С. 238]. Автор подчеркивает, что смысл данного предложения не является завершенной мыслью, поскольку грамматический субъект «тот, кто» не имеет самостоятельного смысла, а делает возможным связь с предложением, которое следует далее: «умер в нищете». Значением данного предложения является не значение истинности, а Кеплер.

Философ приводит пример предложения для подтверждения идеи о том, что при перестановке суждений их значение может меняться, следовательно, у автора не всегда есть возможность заменять предложения подобными с сохранением их истинностного значения. «При таком подходе если предложение «Наполеон понял опасность, угрожавшую его правому флангу» мы заменим другим предложением с тем же значением истинности, например «Наполеону было уже 45 лет», то изменится не только наша первая, но и наша третья мысль, причем может стать иным и ее значение истинности – а именно, в том случае, если его возраст не был основанием для решения повести гвардию в наступление на врага» [1. С. 238]. Таким образом, если в понимании смысла этого предложения основываться на втором примере, то его значение и смысл будут совершенно иными, чем в первом примере.

Г. Фреге анализирует еще один пример предложений, в которых посредством главного и придаточного предложений можно выразить несколько

мыслей, а представленные эти мысли в отдельности не соответствуют данным предложениям. «В предложении «Так как удельный вес льда меньше удельного веса воды, лед плавает в воде» мы имеем:

1) удельный вес льда меньше удельного веса воды;

2) если нечто имеет удельный вес, меньший, чем у воды, то оно плавает в воде;

3) лед плавает в воде» [1. С. 245].

Философ полагает, что третью мысль не обязательно рассматривать как содержащуюся в первых двух. В этом случае ни первая и третья мысли, ни вторая и третья, взятые вместе, не составляют смысла данного предложения. Мыслитель утверждает, что в придаточном предложении «так как удельный вес льда меньше удельного веса воды» выражена как наша первая мысль, так и часть нашей второй мысли [1. С. 245]. Данное придаточное предложение нельзя заменить другим предложением, имеющим то же значение истинности, поскольку, сделав это, можно изменить и вторую мысль предложения, что может затронуть и ее истинностное значение.

По утверждению Г. Фреге, смыслом любого предложения является его мысль как составная часть отдельного, так и полного предложений. Значением при этом является имя, характеризующее предмет, а также знание, представляющее предмет исследования.

Необходимо отметить причины, которые препятствуют достижению истинного знания и истинностного значения: случаи, когда предложения взяты отдельно друг от друга; если одно суждение заменяется другим, но с другим значением.

Таким образом, Г. Фреге представил реалистское учение, сформированное в рамках логики, характеризующейся законами непротиворечия и исключённого третьего. Эта концепция не направлена на исследование естественного языка, а представляет собой идеальную модель языка, характеризующуюся созданием строгих понятий, выражающих процесс мышления.

Основоположником модели идеального языка в аналитической философии является английский философ – Б. Рассел. Данную модель мыслитель формирует в работе «Философия логического атомизма».

В основе языковой модели Б. Рассела – атомы, представляющие логические понятия, отражающие предметы. «Причина, по которой я называю свою доктрину логическим атомизмом, состоит в том, что атомы, которые я хочу получить как конечный результат анализа, являются логическими, а не физическими. Некоторые из них будут представлять собой то, что я называю «индивидами» [«particulars»] – преходящие предметы, такие как небольшие пятна, цвета или звуки – а некоторые будут предикатами или отношениями и т.д. Дело в том, что атом, который я хочу получить, – это атом логического, а не физического анализа» [2].

Основой концепции логического атомизма Б. Рассела является идея о том, что факт выражается целостным предложением, а не именем и является частью реального мира. Философ полагает, что за исключением психологии большинство наших высказываний предназначены для выражения фактов, которые будут относиться к внешнему миру.

Согласно учению мыслителя, существование предметов в действительности возможно только при адекватном их описании (т.е. построении дескрипций). Дескрипция, как отмечает Б. Рассел, должна быть определённой.

Помимо дескрипций, философ говорит о существовании неполных символов, которые направлены на характеристику повседневности. Они являются комплексами, поскольку обладают значением только в использовании и не имеют никакого значения сами по себе. Неполные символы также отражают всё происходящее в действительности. «Очень легко это можно видеть в случае с «автором Веверлея», потому что «автор Веверлея» не обозначает ни просто Скотта, ни что-либо ещё. Если бы он обозначал Скотта, пропозиция «Скотт есть автор Веверлея» совпадала бы с пропозицией «Скотт есть Скотт», что не так, поскольку Георг IV хотел знать, истинна ли первая пропозиция, и не хотел знать, истинна ли вторая. Если бы «автор Веверлея» обозначал нечто иное, чем Скотт, пропозиция «Скотт есть автор Веверлея» была бы ложной, что не так. Следовательно, вы должны заключить, что «автор Веверлея» сам по себе на самом деле вообще ничего не обозначает; а это характеристика неполных символов» [2]. Здесь онтологическая модель представлена Б. Расселом посредством формирования определённых суждений, направленных на строгое описание и интерпретацию всего происходящего в действительности.

Б. Рассел анализирует отношение символов к предметам, утверждая, что каждому человеку необходимо прийти к полному соотношению символа и вещи. Исследователь полагает, что все символы обязательно имеют значение, но существует бесконечное число разных способов значения, которые различаются между собой. К этому относится отношение пропозиции к факту, которое отлично от отношения имени к индивиду, это можно видеть из того, что существуют две пропозиции, всегда относящиеся к одному данному факту, а с именем это не так. Согласно концепции философа, всегда возможно прийти к вещи, на которую нацелены только с помощью символа, достигающего её подходящим способом, это решает каждый познающий человек.

Необходимо отметить, что идеальная модель языка представлена Б. Расселом посредством формирования теории дескрипций и теории имён, которые направлены на строгое выражение и интерпретацию всего происходящего в материальном мире. Данная модель выражена в рамках теории реализма, характеризующей реальность с помощью формирования определённых понятий, чётко её отражающих.

Главные выразители модели идеального языка в аналитической философии – это представители грамматики У. Селларс и П. Стросон.

У. Селларс в работе «Грамматика и существование: предисловие к онтологии» анализирует систему суждений, направленных на строгое отношение их между собой и чёткое выражение посредством суждений всего происходящего в материальном мире. Здесь мыслитель говорит о формировании общих качеств действительности: об истинности и человечности. «Моя цель в этой статье – исследовать расхожую догму, что санкционировать переход от

(1) S есть белое

к

(2) (Ef) S есть f,

или от

(3) S есть человек

к

(4) (Ek) S есть k,

или от

(5) Том учён или Том высок

к

(6) (Ep) p или Том высок –

значит обязать себя к существованию сущностей более высокого порядка, чем воспринимаемые индивидуальные вещи [individuals]» [3. С. 108].

Философ отмечает, что каждый представленный переход характеризует абстрактные сущности, выражающие процессы, явления и качества действительности, такие как треугольность, человечность и пр. Таким образом, мыслитель создаёт универсальные категории, направленные на характеристику материального мира.

У. Селларс анализирует превращение существительного в общее понятие, а именно, представляет формирование общих (идеальных) понятий, направленных на описание и понимание действительности. «Тогда как слово «белое» может выступать и в роли прилагательного, и в роли существительного так, что (9) остаётся правильным русским предложением, нам на самом деле необходимо преобразовать слово “треугольное” в слово “треугольность”, чтобы получить высказывание, соответствующее (9), а именно (11) треугольность есть качество» [3. С. 111].

Философ представляет утверждение, которое защищает: «Конструкция (Ef) S есть f (2) должна говорить “Существует качество f-ность такое, что S имеет f-ность” (2) ничуть не в большей степени, чем конструкция “S есть белое” (1) должна рассматриваться нами как то, что в действительности выражает “S имеет белизну”» (1) [3. С. 113]. Таким образом, У. Селларс подтверждает идею о том, что посредством формирования логических конструкций можно получить общие понятия, характеризующие качество предметов.

Исследователь отстаивает ещё одно утверждение, которое связано с переходом от «S есть человек» к «(EK) S есть K». На самом деле, как подчёркивает автор, данные рассуждения приводят к следующим выводам: «… существует K, такой что S есть K, и рассмотрение контекста «Существует K…» на самом деле приводит к (4) существует класс K-вид такой, что S есть представитель K-вида, подобно тому, как «Существует f такое, что S есть f» (2) приводит к «Существует качество f такое, что S обладает f (2). Кроме того, подобно тому, как S обладает белизной (1) является категориальным аналогом (1), так и (3) S есть представитель человеческого вида является категориальным аналогом (3)» [3. С. 115]. Здесь философ ещё раз демонстрирует идею о том, что качество вещи соответствует своему категориальному аналогу, т.е. ей самой.

У. Селларс рассуждает о соответствии логических высказываний высказываниям в естественном языке. Исследователь говорит о создании онтологии, направленной на формирование чётких характеристик, отражающих всё существующее в действительности. Создание данной системы возможно только в том случае, когда квантифицированные переменные являются тем, чьими значениями являются сингулярные термины.

Философ суммирует вышесказанное и делает вывод о том, что там, где «экзистенциальная квантификация» является квантификацией контекста, она имеет форму «i есть N». Здесь квантифицированное высказывание выступает аналогом высказывания, утверждая при этом существование объектов определённого сорта.

Подводя итоги, мыслитель утверждает, что треугольное является значением слова, и, таким образом, необходимо сформулировать экзистенциальное высказывание, в котором значение характеризует означаемое, а свойство отвечает за обозначение.

На основе анализа работы У. Селларса «Грамматика и существование: Предисловие к онтологии» можно заключить, что автор представил онтологическую систему в рамках реализма, в основе которой абстрактные сингулярные термины, имеющие форму «f-ность», «К-вид», «что-р». Они не могут быть переформулированы с позиции выражений формы «x есть f», «x есть К» и «р», а являются категоризирующими высказываниями типа «f-ность есть качество», «К-вид есть класс», «р есть пропозиция». Таким способом, как отмечает философ, можно устранить платонистические затруднения, направленные на формирование общих понятий, существующих отдельно от вещей.

Разработанные мыслителем категории являются общими для выражения определённых качеств, связей и отношений в мире. У. Селларс представил модель идеального языка, направленную на формирование конкретных строгих качеств, понятий, отражающих всё происходящее в материальном мире.

П. Стросон в работе «Грамматика и философия» анализирует роль грамматики в формировании модели идеального языка, отмечая, что в связи с этим носитель языка призван конструировать, интерпретировать и критически оценивать предложения, но совсем не следует, что всё это он делает осознанно.

Согласно концепции философа, каждый человек не сознательно строит или интерпретирует предложения, основываясь на определённых правилах. Мыслитель полагает, что правила могут помогать человеку в процессе познания и овладения им языком, но при этом человек не отдаёт себе отчёта в существовании конкретных правил. «Правила могут «управлять» речевым поведением и даже способностью критически оценивать предложения таким образом, что человек не отдаёт себе отчёта в их существовании. Поэтому не следует ожидать, что человек, в совершенстве овладевший языком, сможет теоретически сформулировать суть того, что он применяет на практике» [4].

П.Ф. Стросон отмечает, что всё остаётся в полном распоряжении каждого человека, поскольку из каждой практики можно извлечь теорию и сформулировать её, учитывая все правила. Это и является главной задачей грамматики языка в широком смысле слова.

Модель идеального языка основана на грамматике и представлена системой словарей, каждый из которых характеризует определённую область исследований и конкретные задачи. Согласно концепции философа, в число словарей входят: онтологический словарь, семантический словарь, функциональный словарь и словарь названий формальных средств. Внутри первых трёх словарей и между ними самими существуют пересечения и зависимости, а четвёртый словарь является автономным, он необходим только в процессе

перехода от сущностной грамматики к вариативной. В онтологический словарь входят понятия: пространство, время, длительность, ситуация, общая характеристика, общее отношение и некоторые подклассы двух последних понятий: подразделение общей характеристики на состояния, действия, свойства и выделение внутри общих отношений симметричных и несимметричных отношений. Функциональный словарь характеризует взаимосвязь между главными членами предложения и взаимосвязь главных членов предложения с остальными членами предложения. Описывая семантический словарь, П.Ф. Стросон представляет три класса элементов: имена, общие характеристики, отношения и дейктические элементы. Четвёртый словарь автономен и необходим лишь при переходе от сущностной грамматики к вариативной, к нему относятся такие понятия, как порядок элементов и словоизменение.

Свою грамматику П.Ф. Стросон называет сущностной, она ориентирована на грамматику определённого языкового типа. Философ утверждает, что данный тип грамматики помогает человеку сформулировать общие понятия, направленные на описание всего происходящего в материальном мире.

Автор полагает, что все сомнения, касающиеся неоднозначности понятий, являются преувеличенными. Это утверждение мыслитель объясняет тем, что все люди принадлежат к существам одного вида с общим типом нервной и церебральной организации, и, исходя из этого, нет оснований считать, что общие категории, используемые человеком в опыте, кардинальным образом различаются между собой.

Согласно концепции философа, ни один способ рассмотрения языка не позволил бы поставить ни одной проблемы, если бы эти проблемы не были поняты отдельным исследователем. В связи с этим автор полагает, что не стоит опасаться того, что любой исследователь, который ставит определенную проблему, может избежать единой теории языка.

Таким образом, П.Ф. Стросон формирует модель идеального языка в рамках создания сущностной грамматики и включает в неё онтологические категории. Эта модель претендует на свою универсальность, поскольку она может выступать фундаментом для понимания естественного языка и всего происходящего в действительности. Здесь автор также является реалистом, поскольку формирует категории, изначально направленные на описание и интерпретацию действительности с целью познания мира, особенностей развития сознания и обыденного языка.

Один из ярких мыслителей языковой прагматики, представляющий модель идеального языка, направленную на понимание и формирование истинного значения в рамках соотношения логики и речевого общения – американский философ П. Грайс.

Данная концепция представлена философом в рамках антиреализма, характеризующегося созданием идеальной языковой модели, основанной на том, что значение слова и его интерпретация постоянно регулируются субъектами в процессе общения и меняются в зависимости от ситуации, места происходящего и цели познания.

Согласно концепции философа, идеальный язык должен включать в себя формальную символику и его предложения должны быть ясными, иметь строго определенное истинностное значение и быть заведомо свободными от

всякой метафизики. В связи с этим основания науки станут на надёжный фундамент, поскольку утверждения учёного будут выразимы на таком языке.

П. Грайс подчёркивает мнимое различие логики и естественного языка, утверждая, что это является ошибкой, которая возникает из-за недостаточного внимания к характеру и силе влияния тех условий и факторов, которые управляют речевым общением. Таким образом, логическое учение становится основой для речевого общения и растворяется в нём.

Мыслитель вводит термин «имплицировать», означающий связывание между понятиями, суждениями и предложениями.

П. Грайс представляет пример неконвенциональных импликатур и определяет их как импликатуры речевого общения.

Главным моментом речевого общения является диалог, главная цель которого заключается в достижении собеседниками совместной цели. Этот принцип философ называет Принципом Кооперации.

Автор отмечает постулаты, соблюдение которых в целом соответствует выполнению этого принципа. Эти постулаты философ делит на четыре категории: Количества, Качества, Отношения и Способа.

Категория Количества связана с тем количеством информации, которое требуется передать; к этой категории относятся следующие постулаты:

1. «Твоё высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога).

2. «Твоё высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется» [5].

К Категории Качества относится общий постулат «Старайся, чтобы твоё высказывание было истинным», а также два более конкретных постулата:

1. «Не говори того, что ты считаешь ложным».

2. «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований».

С категорией Отношения связан один-единственный постулат – это постулат релевантности («Не отклоняйся от темы») [5].

Категория Способа касается, прежде всего, того, как что-либо говорится. К этой категории П. Грайс относит один общий постулат «Выражайся ясно» и несколько частных постулатов, заключающихся в стремлении избегать непонятных выражений и неоднозначности, быть кратким и организованным.

Помимо перечисленных постулатов, мыслитель отмечает эстетические, социальные, моральные, например, такие как «Будь вежлив». Эти постулаты обычно соблюдаются участниками диалога, и они могут порождать неконвенциональные импликатуры.

В концепции философа целью речевого общения является максимально эффективная передача информации, а также воздействие на других собеседников и управление их поведением. Таким образом, мыслитель представляет антиреалистскую теорию значения, характеризующуюся тем, что диалог и его эффективность регулируются каждым собеседником и основаны на субъективном понимании знания и его реализации.

П. Грайс относит свои идеи к рационалистическому направлению и, тем самым, говорит о необходимости понимания следования речевому канону в процессе диалога.

Философ отмечает возможные отступления от положений Принципа Кооперации и видит необходимость во введении коммуникативной импликатуры, направленной на понимание друг друга участниками диалога.

Общая схема вывода коммуникативной импликатуры выглядит у П. Грайса следующим образом: «Он сказал, что p; нет оснований считать, что он не соблюдает постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; он не мог сказать p, если бы он не считал, что q; он знает (и знает, что я знаю, что он знает), что я могу понять необходимость предположения о том, что он думает, что q; он хочет, чтобы я думал – или хотя бы готов позволить мне думать – что q: итак, он имплицировал, что q» [5]. Здесь философ представляет корреспондентскую теорию истины, заключающуюся в том, что представление о предмете одного собеседника в полной мере соответствует представлениям другого. Мыслитель данными суждениями ещё раз подтверждает антиреалистскую направленность своей концепции, заключающуюся в том, что истинность или ложность значения выражения регулируется собеседниками постоянно в процессе диалога, и только так можно понять то, соотносится ли моё утверждение с утверждением собеседника и что оно выражает.

В заключение работы философ представляет свойства коммуникативной импликатуры.

Для появления коммуникативной импликатуры необходима как минимум презумпция Принципа Кооперации, а из того, что от соблюдения этого принципа можно уклониться, следует, что в определённых ситуациях обобщённая коммуникативная импликатура может подавляться.

П. Грайс подчёркивает, что коммуникативные импликаты не являются, по крайней мере изначально, частью значения тех выражений, с употреблением которых они связаны. Поскольку истинность коммуникативного импликата не необходима для истинности того, что говорится, импликатура порождается не тем, что говорится, а самим произнесением, или тем, как именно это говорится.

Философ говорит о вычислении коммуникативных импликатур как о вычислении тех компонентов смысла, существование которых следует продолжить, чтобы сохранить презумпцию соблюдения Принципа Кооперации. Конкретных предположений такого рода может быть много, а их список может быть открытым.

Необходимо отметить, что модель идеального языка разработана П. Грайсом с целью создания системы употребления языковых выражений и их понимания в рамках антиреализма, характеризующегося постоянной сменой значений, зависящих от нужности и применимости тех или иных идей собеседниками.

На основе всего вышеизложенного важно подчеркнуть, что модель идеального языка в рамках той или иной онтологической системы рассмотренных аналитических философов направлена на формирование множества значений, характеризующих все изменения, события и качества материального мира.

Б. Рассел представляет идеальную модель языка посредством формирования дескрипций, понятий, У. Селларс разрабатывает теорию, направленную на создание общих понятий, характеризующих качества и отношения действительности, П. Стросон говорит о необходимости создания общих по-

нятий, выражающих количество, качество, а также связи и отношения в материальном мире. Все вышеназванные модели идеального языка представляют реализм, а концепция П. Грайса, выражающая идеи использования языка, охарактеризована в рамках антиреализма, предоставляющая человеку возможность и свободу выбора определённых значений в процессе их выражения.

Все вышеназванные мыслители акцентируют внимание на том, что логика не может и не должна быть «оторвана» от реальной действительности, а стремится быть основой для понимания естественного языка и всего происходящего в действительности. Онтологической модели необходимо представлять правила и логические конструкции, являющиеся основой речевого общения, поскольку они выступают описанием и интерпретацией всех связей и отношений, происходящих в действительности.

Литература

1. *Фреге Г.* Логика и логическая семантика: сборник трудов / пер. с нем. Б.В. Бирюкова; под ред. З.А. Кузичевой. М.: Аспект-Пресс, 2000. 512 с.

2. *Рассел Б.* Философия логического атомизма // Электронная библиотека RoyalLib.Com URL: http://royallib.com/book/rassel_bertran/filosofiya_logicheskogo_atomizma.html (дата обращения: 30.10.16).

3. *Селларс У.* Грамматика и существование. Предисловие к онтологии // Язык, истина, существование. Томск, 2006.

4. *Стросон П.Ф.* Грамматика и философия // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. 392 с. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/strawson.html (дата обращения: 30.10.16).

5. *Грайс П.* Логика и речевое общение. URL: http://kant.narod.ru/grice.htm (дата обращения: 30.10.16).

Grigorenko Ekaterina V. – Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/4

THE ABSTRACT OF THE ARTICLE «THE MODEL OF AN IDEAL LANGUAGE AS AN INTERPRETATION OF REALITY IN THE ANALYTIC PHILOSOPHY»

Keywords: the ideal language, the natural language, the interpretation, of grammar, logic, communication, intercommunication

This article presents a study model of a ideal language in analytic philosophy. The author of the article is based on a study of V. A. Ladov «Formal realism», which presents two concepts – realism and antirealism, within which is formed the model of an ideal language. Realism is formed by creating a particular ontological model, characterized by the creation of concepts, singular terms that characterize reality. Antirealism presents an ideal model of the language, aiming at the demonstration of the constant change of the values of an expression, depending on the time and place of the events. The language model G. Frege characterized by establishing certain true concepts that reflect the thinking process. The model of an ideal language B. Russell expressed by means of the theory of descriptions and the formation of concepts aimed at the full description and the knowledge of reality. Language model W. Sellars is characterized by the creation of concepts, expressing nouns, adjectives, aimed at a clear description of reality. P. Stroson builds grammatical theory is not only through the formation of concepts, but also by creating categories that express communication, relationships, transitions, reflecting reality. The ideal model of language use P. Grice is characterized by constant change in the value of an expression that depends on the perception and place of the events. All the studied representatives of analytical philosophy: G. Frege, B. Russell, W. Sellars, P. Strowson, P. Grice expressed the ideal model of language claiming that logic is in any case should not be divorced from reality, and can be the basis for building a system of concepts, categories, specific terms, to all changes and processes occurring in the material world. These ideas are presented in the article, under the concepts of realism and antirealism.

References

1. Frege, G. (2000) *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Translated from German by B.V. Biryukova. Moscow: Aspekt-Press.

2. Russell, B. (n.d.) *Filosofiya logicheskogo atomizma* [The philosophy of logical atomism]. [Online] Available from: http://royallib.com/book/rassel_bertran/filosofiya_logicheskogo_atomizma.html. (Accessed: 30th October 2016).

3. Sellars, W. (2006) Grammatika i sushchestvovanie. Predislovie k ontologii [Grammar and Being. Introduction to Ontology]. In: surovtsev, V. (ed.) *Yazyk, istina, sushchestvovanie* [Language, Truth, Being]. Translated by V. Surovtsev. Tomsk: Tomsk State University.

4. Strawson, P.F. (1986) Grammatika i filosofiya [Grammar and philosophy]. In: Petrov, V.V. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow: Progress. [Online] Available from: http://abuss.narod.ru/Biblio/strawson.html. (Accessed: 30th October 2016).

5. Grice, P. (n.d.) *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and speech communication]. [Online] Available from: http://kant.narod.ru/grice.htm. (Accessed: 30.10.16).

УДК 165.41
DOI: 10.17223/1998863X/36/5

А.А. Дмитриева

ШАТКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕЗИСА О НЕОПРОВЕРЖИМОСТИ ИНТРОСПЕКЦИИ ФЕНОМЕНАЛЬНЫХ УБЕЖДЕНИЙ

Представлена критика доводов Дэвида Чалмерса в пользу неопровержимости интроспекции феноменальных убеждений. Целью статьи является выдвижение ряда возражений против тезиса о неопровержимости интроспекции феноменальных убеждений, главное из которых исследует лежащие в основании данного тезиса имплицитные допущения существования особой интимной связи между чистым феноменальным понятием и представляемым им феноменальным свойством, а также прямого доступа через процедуру «знакомства» к самим феноменальным убеждениям.
Ключевые слова: *достоверность интроспекции, интроспекция, феноменальное понятие, феноменальное убеждение, эпистемология интроспекции.*

Представление о том, что в процессе интроспекции феноменальных свойств мы способны сформировать «ясные» и «достоверные» феноменальные понятия, которые лежат в основе наших феноменальных убеждений, соответствует нашей интуиции. Такое представление можно назвать частным случаем перцептивной модели интроспекции, определяющей интроспекцию как «внутреннее восприятие» и наделяющей его абсолютной достоверностью по сравнению с «внешним восприятием» (перцепцией). Это традиция понимания интроспекции уходит корнями по крайней мере к философии Нового времени [1]. В статье будут рассмотрены современные подходы к определению эпистемологических возможностей интроспекции феноменальных убеждений.

Обширная критика классического понимания возможностей интроспекции, произведенная психологами-бихевиористами и ранними аналитическими философами сознания [2], вызвала к жизни новые аргументы сторонников возможностей интроспекции. Сегодня эти аргументы формулируются в основном относительно интроспекции феноменальных убеждений. Их выдвигают, например, Дэвид Чалмерс [3], Бри Гертлер [4] и Урия Кригель [5]. В статье будут рассмотрены аргументы Чалмерса в пользу неопровержимости интроспекции феноменальных убеждений и предложены контраргументы в отношении этой позиции.

Для того чтобы перейти к рассмотрению затруднений концепции достоверности интроспекции феноменальных понятий и убеждений Чалмерса, необходимо дать представление о типах феноменальных понятий, которые он предлагает различать. При этом особое внимание стоит обратить на его чистые феноменальные понятия и их подвид – прямые феноменальные понятия.

Феноменальные свойства и типы феноменальных понятий

По определению Чалмерса, феноменальные свойства – это свойства воспринимаемого объекта, которые не сводимы к его физическим или функциональным свойствам [3. С. 221]. Феноменальные свойства оформляются

в процессе восприятия предмета в понятие о феноменальных свойствах предмета, которые никак не связаны с понятиями о его физических свойствах.

В эссе «Содержание и эпистемология феноменальных убеждений» [3] Чалмерс выделяет три категории феноменальных понятий: (1) относительные феноменальные понятия, которые, в свою очередь, делятся на два типа (red_C и red_I), (2) демонстративные феноменальные понятия (E) и (3) чистые феноменальные понятия (R), а среди них уже прямые феноменальные понятия.

Чистые феноменальные понятия R, в отличие от других видов понятий – red_C, red_I и E, – которые фиксируют отсылку через отношение к внешним объектам (red_C и red_I) или через акт указания (E) ссылаются на референт, например феноменальную красноту, «прямо, посредством свойственной им феноменальной природы» [3. С. 225].

Чтобы лучше прояснить смысл чистых феноменальных понятий, Чалмерс обращается к мысленному эксперименту с Мэри, который впервые был предложен Фрэнком Джексоном в статье «Эпифеноменологические квалиа» [6]. Чистые феноменальные понятия позволяют объяснить, какое именно знание ученый Мэри сформировала, когда она покинула свою черно-белую комнату, в которой она изучила все о физических свойствах цветов, но никогда не имела опыта их восприятия. Согласно Чалмерсу, когда Мэри впервые увидела помидор, она сформировала чистое феноменальное понятие красного цвета.

Важно обратить внимание на то, что понятия red_C, red_I и E являются условно строгими, но не являются эпистемологически строгими, а понятие R является и условно, и эпистемологически строгим. Чалмерс употребляет здесь понятие «эпистемологический» в не совсем привычном смысле слова. Эпистемологическое содержание понятия – это феноменальное содержание понятия, которое привносится в него субъектом, имеющим переживание, которое представляется данным понятием (например, «влажный», «кислый» и т.д.). Он противопоставляет его условному содержанию понятия – это содержание понятия, которое касается нефеноменальных свойств объекта и не может переживаться субъектом, но имеется в виду, когда он употребляет это понятие (например, указание на химический состав вещества). Возьмем для примера понятие «вода» и определим, что будет его условным и эпистемологическим содержанием. Условное содержание этого понятия (например, «химический состав этого элемента – H_2O») указывает на тот же референт во всех возможных мирах, которые являются контрафактическими (т.е. отличными в чем-то от актуального). В то же время эпистемологическое содержание этого понятия (например, «прозрачное жидкое вещество, которое находится в океанах и падает с неба») может указывать на разные референты в актуальном мире. Далее, если понятие C является относительным или демонстративным феноменальным понятием (red_C, red_I или E), то C указывает на предметы o_1 и o_2 во всех возможных мирах, которые являются контрафактическими, как на такие предметы, которые являются X, Y, Z, потому что относительные и демонстративные феноменальные понятия являются условно строгими (но не эпистемологически строгими). Возьмем для примера понятие «красный помидор». Если понятие «красный помидор» является относительным феноменальным понятием (red_C, red_I), то это понятие указывает на опре-

деленные объекты, которые являются красными помидорами во всех возможных мирах, которые являются контрфактическими (то есть в актуальном мире эти объекты не обозначаются как «красный помидор»), как на такие, которые обладают свойствами «красный цвет», «шарообразная форма», «мягкая текстура».

Чистые феноменальные понятия *R* являются не только условно строгими, но и эпистемологически строгими: их эпистемологическое содержание указывает на тот же референт во всех возможных мирах, которые рассматриваются как актуальные (а не как контрфактические). Происходит это от того, что, как пишет Чалмерс, «референт [такого] понятия каким-то образом присутствует внутри смысла [этого] понятия» [3. С. 233]. То есть Чалмерс утверждает, что эпистемологическое содержание чистого феноменального понятия является (или каким-то особым интимным образом соотносится с) самим свойством опыта, на которое это понятие указывает. Таким образом, если понятие *C* является чистым феноменальным понятием (*R*), то *C* указывает на предметы o_1 и o_2 во всех возможных мирах, которые являются актуальными, как на такие предметы, которые являются *именно-этим-X, именно-этим-Y, именно-этим-Z*, потому что чистые феноменальные понятия являются и условно и эпистемологически строгими. Опять же возьмем для примера понятие «красный помидор». Если понятие «красный помидор» является чистым феноменальным понятием (*R*), то оно указывает на определенные объекты, которые являются красными помидорами во всех возможных мирах, которые рассматриваются как актуальные, как на такие, которые обладают свойствами «именно этот красный цвет», «именно эта круглая форма», «именно эта мягкая текстура». Эта интимность связи между эпистемологическим содержанием чистого понятия и свойством, на которое оно указывает, придает, по мнению Чалмерса, особую значимость чистым феноменальным понятиям.

Уже среди чистых феноменальных понятий Чалмерс выделяет прямые феноменальные понятия и устойчивые феноменальные понятия. Разница между ними поясняется им опять же с помощью мысленного эксперимента с Мэри. Для начала Чалмерс отмечает, что «существует очень сильная интуитивная убежденность, что содержание феноменального понятия Мэри и феноменального убеждения определено феноменальным характером ее визуального опыта, таким способом, что оно [феноменальное понятие] будет варьироваться в прямой зависимости от этого характера в случаях, когда этот характер варьируется, в то время как физические и другие феноменальные свойства остаются неизменными, и что оно не будет варьироваться независимо от этого характера в таких случаях» [3. С. 235]. Получается, что некоторые чистые феноменальные понятия прямо зависят от свойств, которые они фиксируют, и изменение содержания такого понятия будет прямо следовать за изменением феноменальных свойств, которые ими схватываются. Именно такие чистые феноменальные понятия Чалмерс называет прямыми феноменальными понятиями.

Однако вовсе не все феноменальные понятия, которые мы формируем, являются прямыми феноменальными понятиями. Формирование прямого феноменального понятия требует одновременного наличия двух компонентов в ситуации, во-первых, непосредственного присутствия предмета, который

обладает феноменальным свойством, и, во-вторых, внимания субъекта, которое направлено на формирование понятия о переживании этого феноменального свойства. Мэри, впервые воспринимая цвет красного помидора, формирует прямое феноменальное понятие об *именно-этом-феноменальном свойстве*. Тем не менее не следует понимать это в том роде, что прямые феноменальные понятия мы формируем только тогда, когда мы сталкиваемся с объектами, которые нам не были ранее известны: формирование прямого феноменального понятия возможно и в случае сотого наблюдения определенного оттенка красного цвета, при условии, что субъект направляет свое внимание на это свойство и формирует феноменальное понятие о нем.

В отсутствие объекта, который обладает феноменальным свойством, мы можем сформировать по памяти устойчивое феноменальное понятие. Тем не менее такие понятия не обладают точностью прямых феноменальных понятий: «Прямые феноменальные понятия могут быть очень четкими, схватывающими очень специфичные феноменальные качества (например, очень специфичный оттенок феноменального красного цвета). Устойчивые феноменальные понятия обычно являются менее четкими, схватывающими менее специфичные качества» [3. С. 239].

Вместе с тем нельзя сказать, что из-за меньшей четкости устойчивых феноменальных понятий по сравнению с прямыми феноменальными понятиями они не являются чистыми феноменальными понятиями. Мэри может сохранить в памяти феноменальное понятие о восприятии феноменального свойства, и это устойчивое феноменальное понятие будет прежде всего зависеть от фиксируемого им феноменального свойства, а значит, будет оставаться чистым (хотя и менее четким, чем прямое) феноменальным понятием.

Как видно, Чалмерс сосредоточивает свое внимание на прямых феноменальных понятиях, потому что именно они входят в структуру прямого феноменального убеждения. Далее будет рассмотрен его сильно ограниченный тезис о неопровержимости прямых феноменальных убеждений.

Тезис о неопровержимости феноменальных убеждений и его ограничения

Чалмерс принимает тезис о неопровержимости интроспекции феноменальных убеждений с существенными ограничениями[1], которые, однако, не делают его абсолютно ясным, как будет показано ниже.

Следует обратить внимание на следующие особенности этого тезиса. Во-первых, несмотря на часто встречающееся различение тезиса о безошибочности и тезиса о неопровержимости интроспекции (когда такое различение проводится, имеют в виду следующее: тезис о безошибочности интроспекции предполагает, что если субъект утверждает, что он находится в феноменальном состоянии *P*, то невозможно, чтобы данное утверждение было неверным, а тезис о неопровержимости интроспекции предполагает, что если субъект утверждает, что он находится в феноменальном состоянии *P*, то никто из перспективы третьего лица не может доказать, что данное утверждении лож-

[1] Вариант тезиса, предложенный Чалмерсом, можно быть бы обозначить как «сильно ограниченный тезис о неопровержимости интроспекции феноменальных убеждений». Более сильный вариант тезиса, т.е. с меньшим количеством ограниченный, сформулирован У. Кригелем (См.: [5]).

но), Чалмерс утверждает [3. С. 242], что употребляет понятия «безошибочность» и «неопровержимость» одинаковом смысле, хотя свой тезис он называет все же тезисом о неопровержимости. Представляется, что, отождествляя безошибочность и неопровержимость, Чалмерс подчеркивает, что субъект обладает абсолютным «суверенитетом» в отношении некоторых феноменальных убеждений, или, иными словами, некоторые феноменальные убеждения абсолютно достоверны (ниже будет рассмотрено, какие именно). Во-вторых, формулируя свой «тезис о неопровержимости», он опирается на разработанное им понимание прямых феноменальных убеждений. Это убеждения, которые включают в себя прямые феноменальные понятия, т.е., напомним, понятия, которые связаны с представляемым феноменальным свойством особым интимным отношением. В-третьих, тезис о неопровержимости существенно ограничен. Эти ограничения будут рассмотрены ниже.

Тезис о неопровержимости Чалмерс формулирует следующим образом: «Прямое феноменальное убеждение не может быть ложным» [3. С. 242]. Обозначим некоторые ограничения этого тезиса, которые он предлагает.

Во-первых, тезис о неопровержимости относится только к прямым феноменальным понятиям и не относится к предсуществующим (т.е. относительным и устойчивым) феноменальным понятиям. Из этого следует, что большая часть наших феноменальных убеждений подвержена ошибкам.

Во-вторых, тезис о неопровержимости, как утверждает Чалмерс, ускользает от одного из самых частых возражений против достоверности интроспекции феноменальных свойств, а именно утверждения о том, что в случаях, когда опыт субъекта меняется очень быстро, не может идти речи о достоверности, потому что прямое феноменальное понятие не «успевает» четко сформироваться. Чалмерс считает, что поскольку он включил в свой тезис о неопровержимости только прямые феноменальные понятия, он остается незатронутым этим контрпримером. Так, сторонник тезиса о неопровержимости может утверждать, что в ходе очень частой смены переживаний прямые феноменальные убеждения просто не могут быть сформированы, так как их формирование требует использование внимания. Или наоборот, он может сказать, что субъект формирует прямое феноменальное переживание каждый раз, когда его переживание изменяется. В обоих случаях тезис о неопровержимости остается незатронутым: если сформировано именно прямое феноменальное понятие, то убеждение, которое его содержит, неопровержимо.

В-третьих, Чалмерс оговаривает, что, несмотря на то, что некоторые философы, например Родерик Чизолм [7], приписывают неопровержимость всем феноменальным убеждениям, его тезис приписывает неопровержимость только прямым феноменальным убеждениям. Он имеет в виду известное различение Чизолма относительного и безотносительного использования таких предложений, как «*x* выглядит *F* для *S*». Такое предложение используется в относительном смысле, если предполагается, что *x* выглядит для меня так, как *F*-вещи выглядят для нормального субъекта. Это убеждение относительное, потому что оно зависит от других убеждений, а именно – как выглядит *x* и как выглядят *F*-вещи для нормального субъекта. Но, как утверждает Чизолм, по крайней мере некоторые из таких убеждений используют слово «выглядеть» в безотносительном смысле, т.е. как описание существенного харак-

тера состояния, и поэтому некоторые из таких убеждений являются не относительными, а безотносительными и, следовательно, базовыми, а значит неопровержимыми. Чалмерс подчеркивает, что его ограничения в отношении тезиса о неопровержимости еще более строгие: даже безотносительное использование может быть ошибочным, когда оно касается использования чистых, но не прямых (т.е. содержащих реляционные или устойчивые понятия) феноменальных убеждений.

В результате получается, что неопровержимыми могут быть только прямые феноменальные убеждения, которые содержат в себе прямые феноменальные понятия; последние же могут быть сформированы только в процессе направления внимания на непосредственно наблюдаемый предмет.

Выше указывалось, что Чалмерс считает, что чистые феноменальные понятия особым интимным образом соотносятся с феноменальными свойствами, которые они представляют. Теперь же важно обратить внимание на то, что Чалмерс считает, что чистые феноменальные убеждения формируются иным образом, чем другие виды феноменальных убеждений, содержащие предсуществующие (реляционные или устойчивые) феноменальные понятия. Он называет это особое отношение знакомством[1].

Чалмерс определяет знакомство как особое интимное отношение, обеспечивающее прямой доступ к прямым феноменальным убеждениям. Очевидно, что оно подобно интимному отношению, существующему между феноменальным свойством и прямым феноменальным понятием, о котором говорилось выше. Другие виды убеждений (в том числе феноменальных) могут формироваться на основании других убеждений. Знакомство, напротив, предполагает формирование прямого феноменального убеждения не на основании других убеждений, а без опоры на них. Если можно так выразиться, прямое феноменальное убеждение формируется прямо «из самого себя». Как видно, мы еще раз встречаемся в рассуждениях Чалмерса с понятием «особого интимного отношения»: он утверждает, что оно существует между прямым феноменальным понятием и представляемым им феноменальным свойством, а также формируется в процессе доступа к прямым феноменальным убеждениям.

Аргументы против тезиса о неопровержимости интроспекции феноменальных убеждений

Представляется, что интимность, на которую указывает Чалмерс, говоря о формировании чистых феноменальных понятий и доступе к чистым феноменальным убеждениям, заключает в себе ряд теоретических сложностей, на которые необходимо указать.

Во-первых, представляется затруднительным понять, что именно Чалмерс имеет в виду, говоря, что чистые феноменальные понятия особым интимным образом соотносятся с феноменальными свойствами, которое выражают, или, как он утверждает, представляют само это свойство как оно есть. Обычно понятие представляет предмет или явление так, что какие-то особенности

[1] Понятие знакомства было предложено Бертраном Расселом в работе «Проблемы философии» (См.: [8]).

этого предмета или явления оказываются опущенными, не раскрытыми. Возьмем понятие «собака». Когда мы употребляем его, мы можем думать о том, что это млекопитающее с четырьмя лапами, одомашненное, лающее, с хвостом и т.д. Но мы, например, упускаем, что это животное не обитает естественно в Антарктике. Чалмерс не объясняет, как понятие может «прикасаться» к самому свойству полностью, раскрывая его содержание как оно есть. Принимая во внимание то, что любое понятие является лишь представителем объекта или явления, «интимность» отношения между прямым феноменальным понятием и представляемым им феноменальным свойством остается туманной.

Подобным образом описывается Чалмерсом и знакомство как особого рода процедура, с помощью которой мы формируем прямые феноменальные убеждения. Чалмерс подразумевает, что формирование прямого феноменального убеждения с помощью знакомства является прямой, не опосредованной другими убеждениями процедурой. Имеется в виду, что прямое феноменальное убеждение прямо соотносится с феноменальным свойством, представленным в прямом феноменальном понятии. Однако интимность связи между прямым феноменальным понятием и представляемым им феноменальным свойством, а также неопосредованность процедуры знакомства, в ходе которого предположительно формируется прямое феноменальное убеждение, нуждаются в пояснениях.

Во-вторых, необходимо указать на то, что поскольку Чалмерс предполагает, что чистые феноменальные понятия отображают феноменальное свойство как оно есть, постольку, по его мнению, они не могут отображать его ошибочно. Тем не менее я вполне могу представить себе, что феноменальное свойство *e* переживается мною как *e'*, причем мое переживание *e'* не соотносится полностью с тем, каковым в реальности является феноменальное свойство *e*. Этот аргумент приобретает особенное значение в свете того, что некоторые современные философы и психологи, например Кит Франкиш [9], Николас Хамфри [10], Дерк Перебум [11–13], рассматривают феноменальный опыт (такой, как *e'*) как иллюзию особого рода. Однако это вопросы метафизические, и здесь нет возможности рассматривать их глубоко. Коротко говоря, хотя сама идея о том, что феноменальный опыт является иллюзией, кажется парадоксальной, положение о том, что чистые феноменальные понятия отображают феноменальные свойства как они есть, представляется недостаточно обоснованным.

В-третьих, представляется не совсем ясным, как именно мог бы происходить обмен информацией, сформулированной в чистых феноменальных убеждениях, если их содержание столь приватно. Когда субъект, не знающий предложенной Чалмерсом классификации типов феноменальных понятий, говорит: «Я имею переживание красного [цвета]», имеет ли он в виду red_C, red_I или R? Языковая форма не дает никакого пояснения на этот счет, потому что любое из этих понятий может быть выражено в языке этой фразой. Можно, конечно, объяснить субъекту эту классификацию и попросить его уточнить, в каком именно смысле он употребил понятие «красное». Допустим, что все его внимание было поглощено восприятием какого-то оттенка красного помидора, который находился прямо перед ним, т.е., согласно Чалмерсу, он должен был сформировать чистое (и прямое) феноменальное понятие.

Сможет ли он объяснить нам все содержания, которые сложились в его чистом (и прямом) феноменальном понятии? Думается, что нет. Поскольку неясно, как мы можем передавать друг другу содержание наших прямых феноменальных понятий, постольку возникает вопрос об их эпистемологическом значении и применимости в философских и психологических исследованиях сознания.

В-четвертых, следует обратить внимание на то, насколько узкой получается область случаев интроспекции, которые удовлетворяют критериям, очерченным тезисом о неопровержимости. На этот момент указывает Эрик Швитсгебель в своей книге «Загадки сознания» [14]. Он утверждает, что такой ограниченный тезис о неопровержимости интроспективных процессов сужает их достоверность до такой степени, что их вклад в философские и психологические исследования сознания становится ничтожно мал. Тем не менее представляется, что данное возражение Швитсгебеля довольно просто устранить. Сторонники неопровержимости интроспекции феноменальных убеждений могут сказать, что для философского исследования возможностей интроспекции важен сам факт неопровержимости некоторых феноменальных убеждений, из которого следует важный вывод об особой достоверности, присущей познанию из перспективы первого лица.

Самым серьезным из приведенных возражений представляется первое. Из него следует, что сторонники неопровержимости интроспекции феноменальных убеждений должны показать, что именно они имеют в виду под интимностью отношения между чистым феноменальным понятием и феноменальным свойством, которое оно выражает, а также что именно предполагается под неопосредованностью процедуры знакомства, в ходе которой формируются прямые феноменальные убеждения.

Литература

1. *Дмитриева А.А.* Концептуализация интроспекции в философии Нового времени (Рене Декарт, Джон Локк, Дэвид Юм) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2014. № 2. С. 24–39.

2. *Дмитриева А.А.* Основные философские аргументы против перцептивной модели интроспекции // Дискуссия. 2014. № 2. С. 21–25.

3. *Chalmers D.* The Content and Epistemology of Phenomenal Belief // Consciousness: New Philosophical Perspectives / Ed. by Q. Smith, A. Jokic. Oxford, 2003. P. 220–272.

4. *Gertler B.* Introspecting Phenomenal States // Philosophy and Phenomenological Research. 2001. Vol. 63, № 2. P. 305–328.

5. *Kriegel U.* A hesitant defense of introspection // Philosophical Studies. 2013. Vol. 165, № 3. P. 1165–1176.

6. Jackson F. Epiphenomenal Qualia // The Philosophical Quarterly. 1975. Vol. 32, № 98, P. 127–136.

7. *Chisholm R.* Perceiving: A philosophical Study. N.Y., 1957.

8. *Russell B.* Problems of Philosophy. N.Y., 1912.

9. *Frankish K.* Quining diet qualia // Consciousness and Cognition. 2012. Vol. 21, № 2. P. 667–676.

10. *Humphrey N.* Soul Dust: The Magic of Consciousness. Princeton and Oxford, 2011.

11. *Pereboom D.* The Knowledge Argument and Introspective Inaccuracy // Consciousness and the Mind-Body Problem: Essential Readings / ed. T. Alter and R. Howell. N.Y., 2012. P. 9–28.

12. *Pereboom D.* Consciousness and Introspective Inaccuracy // Appearance, Reality, and the Good: Themes from the Philosophy of Robert M. Adams / Ed. L. M. Jorgensen and S. Newlands. Oxford, 2009. P. 156–187.

13.*Pereboom D.* Bats, Brain Scientists, and the Limitations of Introspection // Philosophy and Phenomenological Research. 1994. Vol. 54, № 2. P. 315–329.

14.*Schwitzgebel E.* Perplexities of Consciousness. Cambridge: MA, 2011.

Dmitrieva Angelina A. – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/5

THE FRAGILE INCORRIGIBILITY OF THE INTROSPECTION OF PHENOMENAL BELIEFS

Keywords: epistemology of introspection, introspection, phenomenal belief, phenomenal concept, the accuracy of introspection.

The aim of this article is to criticize David Chalmers' incorrigibility thesis, which holds that a direct phenomenal belief cannot be false. In order to maintain his claim, Chalmers distinguishes three types of phenomenal concepts – relational phenomenal concepts, demonstrative phenomenal concepts and pure phenomenal concepts. According to Chalmers, pure phenomenal concepts do not pick out phenomenal properties relationally or indexically as do relational phenomenal concepts and demonstrative phenomenal concepts. Instead, they pick them out directly, in terms of their intrinsic phenomenal nature. Chalmers also distinguishes two subtypes of pure phenomenal concepts – direct phenomenal concepts and standing phenomenal concepts. Direct phenomenal concepts, which underlie direct phenomenal beliefs, can be formed by a subject only in presence of an object with phenomenal properties and only if she directs her attention to them. Standing phenomenal concepts can be formed by memory. Chalmers assumes that direct phenomenal concepts can be described as phenomenal concepts, which are partly constituted by underlying phenomenal qualities. He also insists on the existence of a special intimate connection between a direct phenomenal concept and its content – the phenomenal quality. This specific intimate connection makes the phenomenal concept's representation of its content incorrigibly accurate. Moreover he describes the introspective access to a direct phenomenal belief (at heart of which there is a direct phenomenal concept) as an immediate, non-relational connection, which he names by the Russellian term "acquaintance." First, the article tries to show that] the idea of there being a special connection between direct phenomenal concepts and phenomenal properties, along with the idea of acquaintance, makes Chalmers' incorrigibility thesis weak, for these two ideas remain unexplained in his current description of this thesis. Moreover, because of their mysterious meaning, they most likely cannot be explained in the future. Second the article points out that the specific immediate connection between direct phenomenal concepts and phenomenal properties seems inexplicable, because of the meaning of the word "concept," which presupposes that any concept – relational or not – picks out only certain features of the object and cannot grasp all its details. Third, the article challenges the incorrigible accuracy of the representation of content in direct phenomenal concepts in the light of modern theories of consciousness, according to which phenomenal experience is illusory. Finally the article draws attention to the fact that even if direct phenomenal beliefs are indeed incorrigible, it remains unclear how they can enrich philosophical and psychological studies of consciousness as long as their content is so private. The first objection is, I think, the most serious one.

References

1. Dmitrieva, A.A. (2014) Kontseptualizatsiya introspektsii v filosofii Novogo vremeni (Rene Dekart, Dzhon Lokk, Devid Yum) [Conceptualization of introspection in modern philosophy (Descartes, John Locke, David Hume)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya – Moscow University Bulletin. Philosophy*. 2. pp. 24–39.

2. Dmitrieva, A.A. Osnovnye filosofskie argumenty protiv pertseptivnoy modeli introspektsii // Diskussiya. 2014. № 2. S. 21–25.

3. Chalmers, D. (2003) The Content and Epistemology of Phenomenal Belief. In: Smith, Q. & Jokic, A. (eds) *Consciousness: New Philosophical Perspectives*. New York: Oxford University Press. pp. 220–272.

4. Gertler, B. (2001) Introspecting Phenomenal States. *Philosophy and Phenomenological Research*. 63(2). pp. 305–328. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2001.tb00105.xView/save

5. Kriegel, U. (2013) A hesitant defense of introspection. *Philosophical Studies*. 165(3). pp. 1165–1176. DOI: 10.1007/s11098-013-0148-0

6. Jackson, F. (1975) Epiphenomenal Qualia. *The Philosophical Quarterly*. 32(98). pp. 127–136. DOI: 10.2307/2960077

7. Chisholm, R. (1957) *Perceiving: A Philosophical Study*. New York: Cornell University Press.

8. Russell, B. (1912) *Problems of Philosophy*. New York: Oxford University Press.

9. Frankish, K. (2012) Quining diet qualia. *Consciousness and Cognition*. 21(2). pp. 667–676. DOI: 10.1016/j.concog.2011.04.001

10. Humphrey, N. (2011) *Soul Dust: The Magic of Consciousness*. New York: Princeton University Press.

11. Pereboom, D. (2012) The Knowledge Argument and Introspective Inaccuracy. In: Alter, T. & Howell, R. (eds) *Consciousness and the Mind-Body Problem: Essential Readings*. New York: Oxford University. pp. 9–28.

12. Pereboom, D. (2009) Consciousness and Introspective Inaccuracy. In: Jorgensen, L.M. & Newlands, S. (eds) *Appearance, Reality, and the Good: Themes from the Philosophy of Robert M. Adams*. Oxford University Press. pp. 156–187.

13. Pereboom, D. (1994) Bats, Brain Scientists, and the Limitations of Introspection. *Philosophy and Phenomenological Research*. 54(2). pp. 315–329. DOI: 10.2307/2108491

14. Schwitzgebel, E. (2011) *Perplexities of Consciousness*. Cambridge: MA.

УДК 159.96
DOI: 10.17223/1998863X/36/6

А.В. Кузнецов

АРГУМЕНТ ПРОТИВ КОНСТИТУТИВНОГО ПАНПСИХИЗМА*

Данная статья является развитием моей предыдущей статьи [1] о конститутивном панпсихизме Дэвида Чалмерса, где впервые был представлен аргумент против этой позиции. Главное отличие от первой статьи заключается в том, что здесь этот аргумент излагается более ясно и четко, а также включает в себя выдвинутые Чалмерсом ответы и представление о двух видах каузальной релевантности ментального.
Ключевые слова: *конститутивный панпсихизм, панпротопсихизм, проблема ментальной каузальности, аргумент представимости.*

Теоретические разработки Чалмерса напрямую связаны с проблемой ментальной каузальности, так как, признавая за квалитативными характеристиками сознательного опыта самостоятельный онтологически статус, ему необходимо показать, как они взаимодействуют с физической реальностью. Без удовлетворительного решения проблемы ментальной каузальности любая дуалистическая концепция сознания является незавершенной и выглядит сомнительной. И Чалмерс это прекрасно осознает. В «Сознающем уме» [2] им выделяется три возможных решения этой проблемы: эпифеноменализм, квантовый интеракционизм и панпсихизм. Он признается [2. С. 193–207], что, по всей видимости, эпифеноменализм – самая правдоподобная гипотеза. Однако возможность эпифеноменализма касается настоящего положения дел, и, возможно, наука о сознании, которая только находится в зачаточном состоянии, в будущем укажет выход.

Но со времени публикации «Сознающего ума» симпатии философа меняются в пользу особой версии панпсихизма – панпротопсихизма, который наиболее точно отражает основной пафос его философии. Дело в том, что панпсихизм предполагает существование особых внутренних фундаментальных протофеноменальных свойств, которые ответственны за конституирование сознательного опыта и за выполнение физических функций. Это напрямую связано с одной из главных идей Чалмерса, что необходимо расширить представление о физическом мире, создать понятие о сознании как о таком же фундаментальном свойстве реальности, как и физические свойства.

Свидетельством смещения симпатий философа к панпсихизму является публикация двух статей[1], посвященных панпсихизму «The Combination Problem for Panpsychism» [3] и «Panpsychism and Panprotopsychism» [4]. Особый интерес представляет последняя статья, где Чалмерс предлагает аргумент в пользу панпсихизма. Несмотря на это, он продолжает утверждать, что панпсихизм – это

* Публикация подготовлена при поддержке РГНФ. Проект №15-03-00820.

[1] Надо заметить, что сдвиг Чалмерса к панпсихизму начинается в 1999 г., со статьи Chalmers D.J. Materialism and the Metaphysics of Modality // Philosophy and Phenomenological Research.1999, P. 473–496 [5].

всего лишь возможная опция, хотя большинство его последних докладов и выступлений по проблеме сознания посвящены именно панпсихизму.

В последнее время панпсихизм стал настоящим трендом в философии сознания. Помимо Чалмерса, панпсихизм в той или иной форме отстаивают Филипп Гофф, Гален Стросон, Стюарт Хамерофф и Кристоф Кох[1].

I. Аргумент в пользу существования внутренних свойств

Чтобы обосновать каузальную значимость сознания, по мнению Чалмерса, надо выйти из затруднения, которое создают два аргумента – аргумент представимости и каузальный аргумент.

Широко известный аргумент представимости (или зомби) показывает, что онтология не исчерпывается физическими свойствами, и указывает на особый онтологический статус феноменальных свойств.

Каузальный аргумент прямо связан с проблемой исключения, которая выводится из каузальной замкнутости физического. Если физический мир каузально замкнут, то каузальную релевантность[2] сознания невозможно обосновать. На этом основании сознание должно быть исключено из натуралистической онтологии[3].

Но Чалмерс считает, что проблема заключается в том, что невозможно отказаться ни от одного из этих аргументов, потому что каждый из них является истинным. Тогда он предлагает расширить понятие о физическом универсуме введением в него особых внутренних свойств, все или часть которых ответственны за конституирование сознательного опыта и одновременно за выполнение физических функций.

Идею внутренних свойств Чалмерс заимствует у Бертрана Рассела, который предложил концепцию нейтрального монизма. Рассел предположил, что весь мир состоит из «quiddities» или «чтойностей». Эти чтойности являются как основой физических свойств, которые представляют собой совокупность структурных, абстрактных – внешних – отношений, так и основой внутренних – феноменальных – свойств, благодаря которым физические предметы обладают своим «что». Но сами по себе эти чтойности не являются ни тем, ни другим, поэтому они нейтральны[4].

Таким образом, к онтологии необходимо прибавить внутренние свойства, иначе существование каких бы то ни было предметов становится необъяснимым. Если существуют только физические свойства, и все физические свойства – это реляционные, внешние или структурные свойства, тогда невозможно постичь, в каком же смысле утверждается существование предметов.

---

[1] Иногда к их числу еще относят другого нейроученого Джулио Тонони из-за его тесной работы с Кристофом Кохом, но Тонони всеми силами открещивается от панпсихизма.

[2] Каузальная релевантность иллюстрируется следующим образом. Мяч разбивает окно. Очевидно, что его масса и размеры играют ключевую роль в этом событии, а вот его цвет – нет. Значит, цвет мяча не является каузально релевантным, а его масса и размеры – да. Каузально релевантным является то свойство, в силу которого происходит каузальное взаимодействие.

[3] Но тогда, если физикализм верен, никакой ментальной причинности не существует. С этим не спешат согласиться философы-физикалисты, считая, что сам вопрос о каузальной релевантности сознания незаконен.

[4] Свои взгляды на этот счет Рассел излагает в Russell B. The Analysis of Matter. Nottingham, 2007 [6].

Поэтому надо допустить существование внутренних свойств. В этом заключается аргумент в пользу существования внутренних свойств.

В свою очередь, внутренние свойства ответственны за реализацию физических свойств. Значит, внутренние свойства каузально релевантны. Это является следствием из аргумента, которое снимает напряжение между аргументом представимости и каузальным аргументом.

II. Конститутивный Расселианский панпротопсихизм типа А и каузальная релевантность феноменальных свойств

Теперь имеет смысл реконструировать создаваемую Чалмерсом панпсихистскую концепцию и понять, почему фундаментальные внутренние свойства, ответственные за конституирование сознательного опыта, которые он называет протофеноменальными, являются каузально релевантными.

Свой вариант панпсихизма Чалмерс представляет в качестве *конститутивного Расселианского панпротопсихизма типа А*. Чтобы это понять, рассмотрим определения и различия, через которые он движется к своей позиции.

1. Панпсихизм – это тезис о том, что фундаментальные физические сущности сознательны, что для какой-либо фундаментальной частицы есть свойство «каково это быть данной частицей». Поэтому можно говорить о микро- и макроопыте (или просто опыте);

2. Чалмерс вводит понятие *конститутивного панпсихизма*: *опыт конституируется полностью или частично микроопытом или микрофеноменальными свойствами*. Частичное конституирование предполагает, что свою роль в образовании опыта может играть структурная организация. *Неконституитивный* (*эмерджентный* – это ясно по контексту) панпсихизм отвергается Чалмерсом, так как он сталкивается с непреодолимыми трудностями объяснения ментальной каузальности;

3. На третьем шаге Чалмерс разделяет конститутивный панпсихизм на два типа

3.1. *А-тип означает наличие априорного вывода из истин о микрофеноменальных свойствах к истинам о макрофеноменальных свойствах*. Это значит, что комбинация микрофеноменальных свойств с логической необходимостью влечет соответствующие макрофеноменальные свойства;

3.2. *В-тип – данный вывод является необходимым апостериори*. Чалмерс считает, что В-тип сталкивается с проблемами В-материализма, который полагает, что Трудная проблема есть, но тем не менее феноменальные свойства являются фундаментально физическими;

4. Различие *Расселианского* (Р) и *не-Расселианского* (не-Р) панпсихизма.

4.1. *Р – микрофеноменальные свойства могут выполнять роль, которую выполняют микрофизические свойства и одновременно конституировать опыт;*

4.2. *не-Р – микрофеноменальные свойства не могут выполнять эту роль, но все также конституируют опыт*.

Принятие Чалмерсом Расселианского панпсихизма объясняется тем, что здесь нет проблем с эпифеноменализмом. Теперь ясно, почему конститутивный панпсихизм делает феноменальные свойства каузально релевантными.

(i) Посылка – микрофеноменальные свойства играют роль микрофизических свойств;

(ii) Тогда – микрофеноменальные свойства каузально релевантны;

(iii) Посылка – если конституирующие свойства каузально релевантны, то каузально релевантны и конституируемые свойства. Это вытекает из самого понятия конституирования;

(iv) Тогда – если микрофеноменальные свойства конституируют макрофеноменальные, то макрофеноменальные свойства каузально релевантны;

(v) Микрофеноменальные свойства конституируют макрофеноменальные;

(vi) Вывод – *макрофеноменальные свойства (опыт) каузально релевантны.*

5. *Панпротопсихизм – фундаментальные физические сущности полностью или частично протофеноменальны*. Основное отличие панпротопсихизма от предыдущих форм панпсихизма состоит в том, что протофеноменальные свойства *не феноменальны*, т.е. нет ничего, что говорило бы о том, *каково это быть* протофеноменальным свойством. Скорее всего, это дополнение нужно Чалмерсу для того, чтобы представить панпсихизм в виде монистической, а не дуалистической концепции. Существование феноменальных свойств на фундаментальном уровне не только бы не снимало трудностей дуализма с объяснением ментальной каузальности, но и вело к панпсихизму в его вульгарном виде.

В результате получается следующее определение конститутивного панпсихизма:

Фундаментальные физические сущности обладают протофеноменальными свойствами, которые сами по себе феноменальными не являются, но полностью или частично отвечают за их конституирование, а также могут выполнять соответствующую физическим свойствам каузальную работу. Таким образом, они являются каузально релевантными свойствами и передают каузальную релевантность конституируемым феноменальным свойствам. Существует априорный вывод из протофеноменальных истин к феноменальным истинам.

Несмотря на кажущуюся благополучность конститутивного панпсихизма, представляется, что он имеет проблему с основанием, из которого выводится. Речь идет об аргументе представимости.

III. Первое затруднение панпсихизма. Отрицание аргумента представимости

Концепция панпротопсихизма ведет к тому, что если продублировать все физические свойства мира, то получится зомби с сознанием. Другими словами, зомби становятся непредставимы и невозможны в рамках обновленной, панпсихистской, онтологии, а это угрожает исходным размышлениям Чалмерса об аргументе представимости. Чтобы решить проблему, Чалмерс предлагает понятия *узкого и широкого физикализма*. Понятие *узкого* физикализма – это концепция обычного физикализма, понятие *широкого* физикализма расширяет обычный введением внутренних протофеноменальных свойств. Отсюда можно сделать вывод, что сознание конституируется особыми свой-

ствами, которые как раз и определяют его нередуцируемость в рамках узкого понятия физикализма, но делают его редуцируемым в рамках широкого.

Однако нельзя согласиться с тем, что трудность элиминируется подобным рассуждением. Дело в том, что основанием аргумента представимости является отождествление метафизической и логической возможностей, а также двумерная семантика. Последняя предполагает, что у каждого термина естественного вида («дерево», «вода», «железо») есть два интенсионала. Тождество интенсионалов термина «сознание» обеспечивает представимость зомби, тождество логической и метафизической возможностей[1] обеспечивает переход от представимости к возможности. Эти положения можно назвать сердцевиной антифизикалистской аргументации Чалмерса.

Идея двумерной семантики заключается в следующем: для каждого термина естественного вида можно выделить два интенсионала: *мягкий* – закрепляющий поверхностные свойства предмета и поэтому допускающий вариации экстенсионалов в рамках данного интенсионала, – *это первичный интенсионал*; и *жесткий* – это такой интенсионал, который Чалмерс называет *вторичным интенсионалом*, для него не существует никакой вариации экстенсионалов, а его воспроизведение всегда сопровождается свойствами первичного интенсионала. Таким образом, первичный интенсионал предполагает некоторое множество экстенсионалов с разными вторичными интенсионалами, а вторичный интенсионал предполагает лишь один экстенсионал с единственным первичным интенсионалом. Пример, который иллюстрирует различие интенсионалов, связан с водой. Текучесть, прозрачность, нейтральный вкус и другие подобные свойства образуют первичный интенсионал термина «вода». Можно представить, что носителем этих свойств могут быть самые разные жидкости. Молекулярная структура воды – это пример вторичного интенсионала термина «вода». Наличие этого интенсионала всегда определяет наличие первичного, т.е. одну и ту же жидкость. По первичному интенсионалу водой может считаться множество жидкостей с различными вторичными интенсионалами, но по вторичному интенсионалу водой будет только то, что обладает определенной молекулярной структурой, а значит, и соответствующим первичным интенсионалом, который оказывается несу-

[1] Проблема же совпадения метафизической и логической возможностей заключается в том, что метафизическая возможность означает возможность существования, а логическая – отсутствие противоречия в представлении. Мы не можем исследовать метафизическую возможность, не полагая за ней логической. Все, что метафизически возможно, возможно и логически; все, что логически невозможно, невозможно и метафизически. Но возможно ли метафизически то, что возможно логически? Этот вопрос лежит за пределами всякого ответа, считает Чалмерс, потому что, пристально взглянув на то, с чем мы имеем дело, говоря о метафизической возможности, мы увидим лишь логическую возможность. Исследовать метафизическую возможность можно только как логическую, заключает он. Следовательно, логический и метафизический виды возможностей совпадают. Тогда, принимая понятие метафизической возможности, из того, что представимость зомби логически непротиворечива (значит, логически возможна), вытекает возможность такого существа. Мое сомнение связано с тем, что априоризм Чалмерса может быть лишь игрой на словах и условных конвенциях, принимая которые мы используем те или иные понятия. Такой априоризм кажется полезным для критической оценки и погружения в чью-либо концепцию, но не подходит для обоснования какой-либо позитивной гипотезы, особенно натуралистической. Точно так же идея совпадения интенсионалов сталкивается с общим затруднением: из представимости зомби следует совпадение интенсионалов, из совпадения интенсионалов следует представимость зомби. Похоже, что здесь обнаруживается круг в аргументации, свойственный всем антифизикалистским аргументам представимости: из интуиции совпадения интенсионалов следует тезис совпадения интенсионалов.

щественным для определения термина. В случае с термином «сознание» первичным интенсионалом, по мнению Чалмерса, является «феноменальное чувство» («phenomenal feel»). Если вторичным интенсионалом термина «сознание» будут, например, функциональные свойства, организация или мозг, то это будет сущностным определением термина «сознание». Но, на взгляд Чалмерса, термин «сознание» таков, что его вторичный и первичный интенсионалы совпадают. Любой кандидат на статус вторичного интенсионала, кроме феноменального чувства, допускает представимость отсутствия первичного интенсионала. Следовательно, первичный и вторичный интенсионалы термина «сознание» совпадают. Получается, этот термин, как термин естественного вида, *аномален*. Поэтому такие интенсионалы, как «молекулярная структура воды – два атома водорода и один атом кислорода» и «феноменальное чувство», должны быть поставлены в один ряд.

Но в таком случае возникает очевидная непоследовательность: конституирующие протофеноменальные свойства должны быть вторичным интенсионалом феноменальных свойств. В то же время для термина «сознание» феноменальность или «феноменальное чувство» является вторичным интенсионалом. Все, что не обладает феноменальностью или «феноменальным чувством», не может быть названо сознанием в полном смысле этого слова. Вспомним, что протофеноменальные свойства *не феноменальны* по определению. Это значит, что нефеноменальные свойства не могут конституировать феноменальные по той причине, что тезис тождества интенсионалов и аргумент зомби основываются на том положении, согласно которому феноменальные свойства *логически не следуют* ни из какой комбинации или организации нефеноменальных свойств – никакая комбинация нефеноменальных свойств не может быть феноменальной. Особенно это ясно в случае конституирования, так как конститутивные свойства всегда могут быть редуцированы к свойствам конституентов. В случае феноменальных и нефеноменальных свойств легко убедиться, что это не так, если следовать логике Чалмерса. Это значит, что зомби должны быть всегда логически представимы. Таким образом, панпсихизм, как попытка предложить достойную онтологию, сталкивается с отрицанием ключевой идеи антифизикалистской аргументации – представимостью и возможностью зомби. В итоге конститутивный панпсихизм в погоне за решением проблемы ментальной каузальности становится не убежищем, а могилой дуалистической программы, отрицая собственное основание.

На конференции «Навстречу науке о сознании» 2015 года состоялась личная дискуссия с Чалмерсом, в ходе которой данное рассуждение было представлено в виде следующей последовательности тезисов:

1. Если «феноменальное чувство» не является первичным и вторичным интенсионалами термина «сознание» одновременно, тогда аргумент представимости ложен;

2. Сознание конституируется комбинацией протофеноменальных свойств;

3. В каждом возможном мире данная комбинация влечет наличие сознания;

4. Тогда эта комбинация протофеноменальных свойств является вторичным интенсионалом термина «сознание»;

5. Протофеноменальные свойства не являются феноменальными;

6. Из 4 и 5 следует, что вторичный интенсионал термина «сознание» не является «феноменальным чувством»;

7. Из 6, в конъюнкции с первым положением, следует ложность аргумента представимости [7. С. 177–178].

Наибольшее внимание Чалмерса привлек пятый пункт «протофеноменальные свойства не феноменальны». Он сказал, что это так, но отметил, что особая комбинация этих свойств феноменальна. В ответ было замечено, что, так как эта комбинация подразумевает конституирование, то нет вывода от конституирования, как суммы свойств, какой бы она ни была, к новому свойству – такое свойство должно быть эмерджентным, а Чалмерс отрицает эмерджентный панпсихизм. Конечно, свойства «один килограмм» и «один грамм» отличаются друг от друга, но это отличие не то же самое, что между феноменальным и нефеноменальным.

Также Чалмерс заметил, что комбинация протофеноменальных свойств может не быть вторичным интенсионалом термина «сознание». Тогда на множестве натурально возможных миров данная критика не действует. Но это открытый вопрос, и, скорее всего, комбинация протофеноменальных свойств должна быть вторичным интенсионалом, потому что здесь имеет место тот же самый случай, что и с водой, которая в одном случае прозрачная жидкость, в другом – молекула H_2O. К тому же отсутствие логической необходимости возвращает к исходному напряжению между аргументом представимости и каузальным аргументом, а само допущение протофеноменальных свойств становится бессмысленным и избыточным, так как Чалмерс принимает истинность тезиса натуральной супервентности сознания на теле. Другими словами, если комбинация протофеноменальных свойств, конституирующих сознание, не является вторичным интенсионалом, т.е. не выполняется во всех возможных мирах, то допущение панпсихизма бессмысленно, так как оно ничего не решает.

IV. Второе затруднение панпсихизма. Трансцендентализм и аргумент в пользу существования внутренних свойств

Но главное возражение Чалмерса заключалось в том, что, если конституирование не определяет наличие новых свойств, то как тогда существуют объекты? Здесь он незаметно попытался дезавуировать разницу между новыми конституируемыми свойствами и новыми свойствами, которые в случае сознания требуют какого-то таинственного перехода. Одновременно это возражение обнажило слабое место метафизики панпсихизма, держащейся на допущении существования внутренних свойств.

Как было сказано выше, существование внутренних свойств необходимо для придания предметам «чтойности», так как за экстернальными, реляционными и структурными свойствами должна скрываться дополнительная природа носителя этих свойств.

Такая аргументация похожа на пример догматической метафизики Нового Времени, предшествовавшей критической философии Юма и Канта. Поэтому на нее можно ответить, используя трансценденталистские доводы.

В опыте вещи даны как явления, как отношения, за которыми, вероятно, скрываются вещи сами по себе. Однако к таким вещам принципиально не существует никакого доступа или источника аподиктических высказываний о них, они находятся за пределами всякого возможного аподиктического суждения. То, что нам известно о вещах, связано с отношениями между событиями. Поэтому рассуждения о вещах в себе должны быть оставлены в стороне. Видимо, Чалмерс, используя идеи Рассела, неявно пытается говорить о подобных сущностях.

Если аналогия вещей в себе и внутренних свойств здесь проходит, то проблема сознания должна быть признана такой же метафизической загадкой, как существование души, конечность или бесконечность мира, природа Бога, а высказывания Чалмерса незаконными.

Безусловно, я не могу сказать, что эти рассуждения подрывают панпсихистские идеи Чалмерса, но надеюсь, что они показывают необходимость основательных метафизических уточнений концепции панпсихизма.

Литература

1. *Кузнецов А.В.* Конститутивный панпсихизм и проблема ментальной каузальности // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2015. № 6. С. 106–117.

2. *Чалмерс Д.* Сознающий ум / Пер. Васильева. М., 2014.

3. *Chalmers D.J.* The Combination Problem for Panpsychism, 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://consc.net/papers/combination.pdf (дата обращения: 30.10.16).

4. *Chalmers D.J.* Panpsychism and Panprotopsychism, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://consc.net/papers/panpsychism.pdf (дата обращения: 30.10.16).

5. *Chalmers D.J.* Materialism and the Metaphysics of Modality // Philosophy and Phenomenological Research. 1999. P. 473–496.

6. *Russell B.* The Analysis of Matter. Nottingham, 2007.

7. *Kuznetsov A.* Argument Against Chalmers's Panpsychism // Toward a Science of Consciousness, 2015. Book of Abstracts. Helsinki, 2015. P. 177–178.

Kuznetsov Anton V. – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

DOI: 10.17223/1998863X/36/6

ARGUMENT AGAINST CONSTITUTIVE PANPSYCHISM

Keywords: constitutive panpsychism, panprotopsychism, conceivability argument, the problem of mental causation

The argument that I'm going to represent tries to refute panpsychism not tending to criticize the principles of Chalmers' philosophy; it's derived from the truth of these principles. It's primarily based on the article «Panpsychism and Panprotopsychism» and on the second chapter of "the Conscious mind", which is regarded as the most crucial non-physical intuitions. Chalmers 'panpsychism rests on several ssumptions: 1. The conceivability argument is sound. 2. The causal argument is sound. 3. Consciousness is causally relevant. The basis of the conceivability argument is a two-dimensional semantics. Another basis of the conceivability argument Is the position that any metaphysical possibility implies logical possibility. The basis for the causal argument is the principle of the causal closure of the physical.The basis for the causal efficacy of consciousness is an attempt to close the "explanatory gap" arising out of the first two arguments. The basis of consciousness in the case of panpsychism is protophenomenal properties. Protophenomenal properties: 1. Run physical functions and are a kind of intrinsic properties. 2. Fully or partially constitute consciousness, as the constitution can transmit the causal relevance from protophenomenal properties to consciousness. 3. They are not phenomenal, as this would lead to the absurd position that the mower or dirty socks have consciousness. So look at these steps: 1. If the "phenomenal feel" is not the primary and the secondary intensions of the term "consciousness" at the same time, then the conceivability argument is false. 2. Consciousness is constituted by special combination of protophenomenal properties. 3. In every possible world replica of this combination implies the existence of consciousness. 4. Hence, the combination of protophenomenal

properties is the secondary intension of the term "consciousness". 5. Protophenomenal properties are not phenomenal. 6. Hence, the secondary intension of the term "consciousness" is not "a phenomenal feel". 7. Therefore, the conceivability argument is unsound. As we can see, the concept of constitutive panpsychism leads to the denial of its base. This does not mean the falsity of constitutive panpsychism, but nevertheless constitutive panpsychism needs deep metaphysical clarifications.

References

1. Kuznetsov, A.V. (2015) Konstitutivnyy panpsikhizm i problema mental'noy kauzal'nosti [Constitutive panpsychism and the problem of mental causation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya – Moscow University Bulletin. Philosophy*. 6. pp. 106–117.

2. Chalmers, D.J. (2014) *Soznayushchiy um* [The conscious mind]. Translated by V. Vasiliev. Moscow: LIBROKOM.

3. Chalmers, D.J. (2013) *The Combination Problem for Panpsychism.* [Online] Available from: http://consc.net/papers/combination.pdf. (Accessed: 30th October 2016).

4. Chalmers, D.J. (2012) Panpsychism and Panprotopsychism. [Online] Available from: http://consc.net/papers/panpsychism.pdf. (Accessed: 30th October 2016).

5. Chalmers, D.J. (1999) Materialism and the Metaphysics of Modality. *Philosophy and Phenomenological Research*. pp. 473–496. DOI: 10.2307/2653685

6. Russell, B. (2007) *The Analysis of Matter*. Nottingham: Spokesman Books.

7. Kuznetsov, A. (2015) Argument Against Chalmers's Panpsychism. *Toward a Science of Consciousness*. Book of Abstracts. Helsinki. pp. 177–178.

УДК: 16 +17 +1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/36/7

В.О. Лобовиков

АКСИОМАТИЗАЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ (Концептуальный синтез рационализма Лейбница и эмпиризма Локка, Юма, Мура)

Предлагается новая (дополненная) система аксиом для общефилософской теории знания. В язык этой аксиоматической теории включаются новые термины, в частности, термин «существует алгоритм (может быть построена машина) для установления, что p». При этом в теорию включаются ранее отсутствовавшие в ней аксиомы, определяющие значения новых терминов. Исследуются приложения аксиоматики к истории философии.
Ключевые слова: *аксиоматическая система философской-эпистемологии; априорное знание; оптимизм Лейбница; гильотина Юма; учение Мура о натуралистической ошибке.*

Посвящается 370-летию со дня рождения и 300-летию со дня смерти Г.В. Лейбница – универсального гения: первого представителя классической немецкой философии, лингвиста, математика, логика, юриста, богослова, инженера, физика, дипломата и востоковеда, конструктора вычислительных машин и «духовного отца» современной символической логики и информатики.

В истории философии существует множество проблем, обсуждение и стремление к окончательному разрешению (или, по крайней мере, к ощутимому прояснению) которых затянулось на многие века, а иногда даже и тысячелетия. Некоторые из этих проблем относятся к мелким деталям мировоззрения, но некоторые чрезвычайно (стратегически) важны для адекватной активности человечества, и поэтому чересчур длительная задержка в развитии их адекватного осознания и успешного разрешения крайне нежелательна. Последнее относится в особенности к задаче адекватного синтеза *оптимистического рационализма* Лейбница [1–7] и «нейтрального» *эмпиризма* Локка [8] и Юма [9, 10]. Отсутствие непротиворечивого синтеза этих двух частично адекватных философских доктрин в некой искомой (гипотетической) единой универсальной концептуальной схеме эпистемологии очень мешает прогрессу в *представлении знаний в искусственных интеллектуальных системах*. Мириться с этим нельзя.

Но на основании анализа существующей историко-философской литературы складывается впечатление, что, руководствуясь только традиционными методами историко-философского исследования, преодолеть упомянутую выше задержку в развитии вряд ли удастся. Для ее преодоления необходимо привлечь какие-то качественно новые средства научного исследования, например *гипотетико-дедуктивный метод*. Дело в том, что очень высокая степень сложности изучаемой предметной области может обусловить чрезвычайную (чрезмерную) сложность *явных* точных определений понятий (для нормальных представителей вида «гомо сапиенс»). Но это не исключает воз-

можность дать *точные* определения этим понятиям *неявно*: с помощью такой подходящей системы аксиом, каждый элемент которой вполне обозрим для нормального (среднестатистического) человека. Поэтому имеет смысл попытаться найти выход из затруднительного положения, систематически применяя *аксиоматический метод*. Результаты одной из таких попыток представлены ниже в настоящей статье.

Впервые попытка представить философскую эпистемологию как целое в виде аксиоматической системы была предпринята в статье [11]. Затем в этой системе были сделаны некоторые модификации, в частности, предложены существенные дополнения [12–14]. Однако все эти важные дополнения и изменения формулировок были разрозненными и фрагментарными. Теперь настало время свести все эти дополнения и модификации воедино, адекватно представив их в качестве взаимосвязанных аспектов некой новой (существенно переработанной и дополненной) системы аксиом общефилософской теории знания, а также дедуктивно вывести из этой дополненной аксиоматической системы некие новые нетривиальные логические следствия, представляющие интерес для эпистемологии.

В настоящей работе, так же как и в статье [11], общеизвестные аксиомы, теоремы и правила вывода классической логики подразумеваются в качестве адекватных, но явно не формулируются, то же самое подразумевается относительно аксиом, теорем и правил вывода общеизвестных систем модальной логики. Только *собственные* аксиомы философской эпистемологии явно формулируются в настоящей статье на искусственном языке символической логики и анализируются с помощью общеизвестной логической техники.

Начнем с принятия соглашений о значениях символов искусственного языка, используемого в данной работе: символ **Kp** обозначает пропозициональную форму «субъект *знает*, что **p**», где **p** – некое высказывание; символ **Ap** обозначает пропозициональную форму «субъект *a-priori знает*, что **p**»; **Ep** – пропозициональную форму «субъект *a-posteriori знает*, что **p**» или (что то же самое) «*знание* субъекта (что **p**) *является эмпирическим*»; **Sp** – «при некоторых условиях в некоем пространстве-времени некий субъект (непосредственно или посредством каких-то приборов и инструментов) *чувственно воспринимает (ощущает)*, что **p**»; **Tp** – «*истинно*, что **p**»; **Pp** – «*доказуемо*, что **p**»; **Fp** – «*субъект верит*, что **p**»; **Zp** – «*существует алгоритм* (может быть построена машина) *для установления*, что **p**». **Op** – «*обязательно* (является нормой), что **p**»; **Gp** – «*хорошо* (является положительной моральной ценностью), что **p**».

Символ **Mp** обозначает пропозициональную форму «*предмет знания*, что **p**, *материален*», т.е. **Mp** означает «*материальность содержания* **p**». **Ip** обозначает пропозициональную форму «*предмет знания*, что **p**, *идеален*», т.е. **Ip** означает «*идеальность содержания* **p**». **Wp** обозначает пропозициональную форму «*предмет знания*, что **p**, *изменяется*, движется». **Up** – обозначает пропозициональную форму «*предмет знания*, что **p**, *измеряется*». **Vp** – «*предмет знания*, что **p**, *разделяется*, расщепляется, делится”. **Xp** – «*множественность* содержания *знания*, что **p**». **Cp** – «*предмет знания*, что **p**, *является сложным*, составным (состоит из) **»**. **Dp** – «*предмет знания*, что **p**, *является конечным*, определенным». **Rp** – «*предмет знания*, что **p**, *является относи-*

тельным». **Yp** обозначает «*простоту* объекта знания, что **p**». **Lp** – «*абсолютность предмета знания*, что **p». Jp** – «*единство* (единственность) *предмета знания*, что **p».** Символы **↔, ¬, &, ∨, ⊃** обозначают классические логические операции «эквивалентность», «отрицание», «конъюнкция», «слабая (не-исключающая) дизъюнкция», «импликация», соответственно. Символы □ и ◊ (соответственно) – алетические модальности «необходимо, что **p**» и «возможно, что **p**».

В настоящей статье понятия **Ap** и **Ep** точно (хотя и не явно, а косвенно) определяются приведенными ниже аксиомами АХ-1 и АХ-2, являющимися *собственными* аксиомами философской эпистемологии.

АХ-1: Ap ↔ (Kp & (¬◊Sp & □(p ↔ □p) & □(p ↔ Tp) & □(p ↔ Pp) & □(p ↔ Fp) □(p ↔ Zp) & □(p ↔ Op) & □(p ↔ Gp))).

АХ-2: Ep ↔ (Kp & (◊Sp ∨ ¬□(p ↔ □p) ∨ ¬□(p ↔ Tp) ∨ ¬□(p ↔ Pp) ∨ ¬□(p ↔ Fp) ∨ ¬□(p ↔ Zp) ∨ ¬□(p ↔ Op) ∨ ¬□(p ↔ Gp))).

АХ-3: Mp ↔ ◊Wp: материальность эквивалентна изменчивости, т.е. возможности изменения.

АХ-4: Mp ↔ ◊Up: материальность эквивалентна измеримости, т.е. возможности измерения.

АХ-5: Mp ↔ ◊Sp: материальность эквивалентна ощутимости, т.е. возможности бытия объектом ощущения.

АХ-6: Mp ↔ ◊Vp: материальность эквивалентна делимости, т.е. возможности разделения.

АХ-7: Mp ↔ Xp: материальность эквивалентна множественности.

АХ-8: Mp ↔ Cp: материальность эквивалентна сложности.

АХ-9: Mp ↔ Dp: материальность эквивалентна конечности (определенности).

АХ-10: Mp ↔ Rp: материальность эквивалентна относительности.

Наряду с представленными выше аксиомами в рассматриваемой системе принимаются следующие дефиниции.

DF-1: Ip ↔ ¬Mp: по определению, идеальность есть нематериальность.

DF-2: Yp ↔ ¬Cp: по определению, простота есть не-сложность.

DF-3: Lp ↔ ¬Rp: по определению, абсолютность есть не-относительность.

DF-4: Jp ↔ ¬Xp: по определению, единство (единое) есть не-множественность (не-многое).

Представленная выше аксиоматическая система как целое была построена мною не мгновенно, а в течение некоторого времени шаг за шагом, фрагмент за фрагментом. Поэтому естественно, что первоначально разрозненные фрагменты этой системы создавались, изучались и публиковались мною по частям в различных журнальных статьях и сборниках материалов конференций [11–15]. Тем не менее представленная выше аксиоматическая система как целое выносится на обсуждение впервые: ранее она еще не была опубликована как целое в сочетании с точными формулировками и строгими доказательствами некоторых вытекающих из нее философски значимых теорем.

Если все данные выше определения принимаются, то система логических взаимоотношений между эпистемологическими понятиями **Kp**, **Ap, Ep, ¬Ap,**

¬Ep, ¬Kp может быть адекватно представлена (графически моделируется) с помощью приведенного ниже логического квадрата и включающего его в себя гексагона. Приведенная ниже графическая модель – еще один (дополнительный) элемент множества нетрадиционных (не-квантификационных) интерпретаций логического квадрата-и-гексагона, которое было первоначально создано в работах A. Sesmat [16], R. Blanché [17; 18], и G. Kalinowski [19], а затем успешно расширено усилиями J.-Y. Béziau [20, 21].

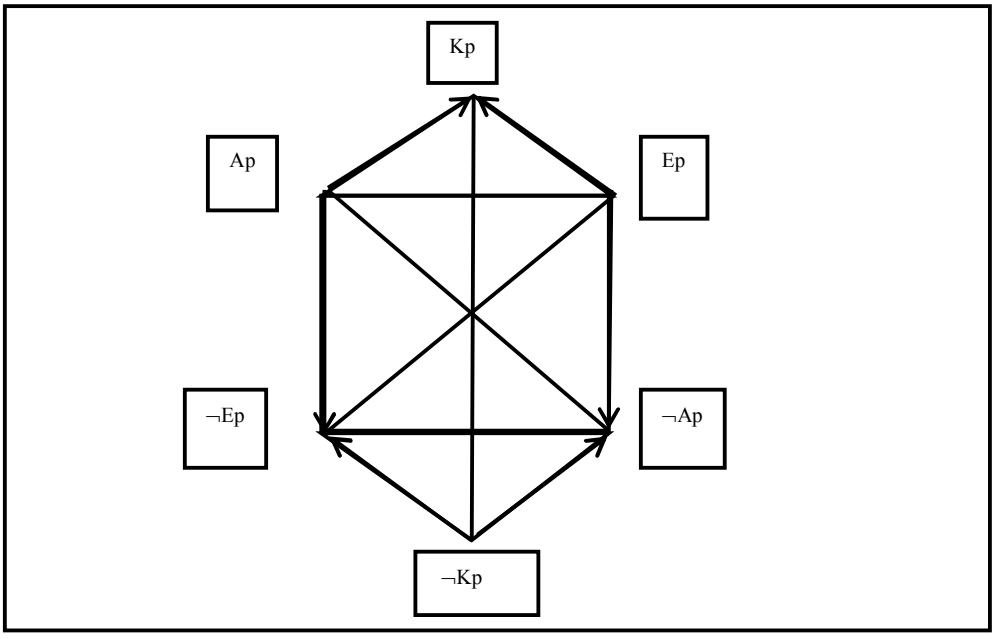

Рис.1. Синтез рационализма и эмпиризма в одной концептуальной схеме эпистемологии[1]

Систематически используя предложенную выше аксиоматическую систему философской эпистемологии в сочетании с представленной выше ее графической моделью (рис.1), можно эффективно разрушить естественно возникающую иллюзию логического противоречия между оптимистическим рационализмом Лейбница [1–7] и «нейтральным» эмпиризмом Локка [8] и Юма [9, 10]. Более того, используя указанные выше средства, можно эффективно разрушить естественно возникающую иллюзию *необходимо всеобщего* характера приписанного Юму принципа невозможности дедуктивного логического вывода суждений о долженствовании из суждений о существовании [9, 10]. Приписанное Юму (его интерпретаторами) категорически отрицательное решение важной логико-философской проблемы, впервые явно и ясно сформулированной в его «Трактате» [10. С. 510–511], интеллектуально респектабельно не всегда и не везде, а только в пределах сферы *эмпирическо-*

[1] Впервые рис.1, графически моделирующий систему логических взаимоотношений между эпистемологическими понятиями **Kp**, **Ap, Ep, ¬Ap, ¬Ep, ¬Kp,** был опубликован в [22], а затем в [11–15, 23].

го знания *случайных* истин (фактов). В сфере априорного *рационального* знания *необходимых* истин поставленный Юмом вопрос (точнее серия вопросов [10. С. 510–511]) решается, на мой взгляд, положительно. Это необычное для многих историков философии утверждение обосновывается ниже формальным дедуктивным выводом *утверждения о долженствовании*, имеющего логическую форму **Op**, из *утверждения о существовании*, имеющего логическую форму **Ap**. Дедуктивный формально-логический вывод **Op** из **Ap** осуществляется ниже в рамках предложенной выше аксиоматической системы.

1. **Ap** ↔ (K**p** & & (¬◊Sp & □(p ↔ □p) & □(p ↔ Tp) & □(p ↔ Pp) & □(p ↔ Fp) □(p ↔ Zp) & □(p ↔ **O**p) & □(p ↔ Gp))): аксиома AX-1.

2. **Ap:** допущение.

3. **(Kp & & (¬◊Sp & □(p ↔ □p) & □(p ↔ Tp) & □(p ↔ Pp) & □(p ↔ Fp) □(p ↔ Zp) & □(p ↔ Op) & □(p ↔ Gp))):** из 1 и 2, согласно пропозициональной логике.

4. **□(p ↔ Op):** из 3 по правилу удаления &.

5. **(p ↔ Op):** из 4 по правилу удаления □.

6. **Kp:** из 3 по правилу удаления &.

7. **(Kp ⊃ p)**: теорема эпистемической модальной логики.

8. **p:** из 6 и 7 по правилу *modus ponens*.

9. **Op:** из 5 и 8, согласно пропозициональной логике.

Что и требовалось доказать! Демонстрация 1–9 есть дедуктивный логический вывод суждения об обязательности (**Op)** из априорного знания о существовании (**Ap**). Более того, в рамках сформулированной выше аксиоматической системы из *априорного* знания, что **p**, можно логически вывести суждение о *необходимости* обязательности, что **p**, т.е. суждение, имеющее логическую форму (**□Op).** Логический вывод **□Op** из **Ap** представлен в данной работе последовательностью 1–16, продолжающей далее приведенную выше последовательность 1–9.

10. **□(λ ↔ β) ⊃ (□λ ↔ □β):** схема теорем алетической модальной логики [24. С. 48].

11. **□(p ↔ Op) ⊃ (□p ↔ □Op):** из 10 с помощью подстановки: **p** вместо **λ**; **Op** вместо **β**.

12. (**□p ↔ □Op):** из 11 и 4 по правилу modus ponens.

13. **□(p ↔ □p):** из 3 по правилу удаления &.

14. **(p ↔ □p):** из 13 по правилу удаления □.

15. **□p:** из 14 и 8, согласно пропозициональной логике.

16. **□Op:** из 15 и 12, согласно пропозициональной логике.

Что и требовалось доказать! Демонстрация 1–16 есть дедуктивный логический вывод суждения о *необходимой* обязательности (**□Op)** из априорного знания о существовании (**Ap**). Специфическим содержанием *позитивного* права является *случайная* обязательность, а специфическим содержанием *естественного* права является *необходимая* обязательность (о взаимоотношении этих двух видов обязательности см. [25]). В связи с вышесказанным важно иметь в виду, что рационализм Лейбница есть учение о *необходимых* истинах. В частности, в развивавшейся им теории *естественного* права речь

шла о *вечных и неизменных (необходимо всеобщих)* истинах морали и права [1, 6, 7, 25].

Перейдем теперь от «Гильотины Юма» к учению Дж. Э. Мура о «натуралистических ошибках (naturalistic fallacies) в этике» [26, 27]. В отличие от Юма, высказывавшегося более осторожно, Мур был более решителен. Последний сам предложил и систематически отстаивал категорически отрицательное решение впервые явно сформулированной им проблемы дедуктивного логического выведения *суждений о добре* (положительной моральной ценности) из *суждений о бытии*. Согласно Муру, такого рода дедуктивное выведение невозможно в принципе: любая попытка такого логического вывода есть «натуралистическая ошибка»; логического следования положительной моральной ценности из бытия нет и быть не может [26, 27].

По мнению М. Адлера [28], именуемая «Гильотиной» проблема, впервые явно сформулированная Юмом [10. С. 510–511], сходна (существенно *аналогична*) проблеме, явно сформулированной Муром в связи с учением последнего о натуралистических ошибках в этике [26, 27]. На мой взгляд, замеченное Адлером существенное *сходство* (фундаментальная *аналогия*) действительно имеет место. В данной статье это сходство проявляется в формальной аналогии между построенным выше дедуктивным выводом 1–16 и представленной ниже последовательностью I–XVI.

I. **Ap** ↔ (K**p** & & (¬◊Sp & □(p ↔ □p) & □(p ↔ Tp) & □(p ↔ Pp) & □(p ↔ Fp) □(p ↔ Zp) & □(p ↔ **O**p) & □(p ↔ Gp))): аксиома AX-1.

II.Ap: допущение.

III. **(Kp & & (¬◊Sp & □(p ↔ □p) & □(p ↔ Tp) & □(p ↔ Pp) & □(p ↔ Fp) □(p ↔ Zp) & □(p ↔ Op) & □(p ↔ Gp))):** из I и II, согласно пропозициональной логике.

IV. **□(p ↔ Gp):** из III по правилу удаления &.

V. **(p ↔ Gp):** из IV по правилу удаления □.

VI. **Kp:** из III по правилу удаления &.

VII. **(Kp ⊃ p)**: теорема эпистемической модальной логики.

VIII. **p:** из VI и VII по правилу *modus ponens*.

IX. **Gp:** из V и VIII, согласно пропозициональной логике.

Что и требовалось доказать! Демонстрация I–IX есть дедуктивный логический вывод суждения *о положительной моральной ценности* (**Gp**) из априорного знания *о существовании* (**Ap**). Более того, в рамках сформулированной выше аксиоматической системы из *априорного* знания, что **p**, можно логически вывести суждение о *необходимости* положительной моральной ценности, что **p**, т.е. суждение, имеющее логическую форму **□Gp.** Логический вывод **□Gp** из **Ap** представлен ниже в данной работе последовательностью I–XVI, продолжающей далее приведенную выше последовательность I– IX.

X. **□(λ ↔ β) ⊃ (□λ ↔ □β):** схема теорем алетической модальной логики [24. С. 48].

XI. **□(p ↔ Gp) ⊃ (□p ↔ □Gp):** из X с помощью подстановки: **p** вместо **λ**; **Gp** вместо **β**.

XII. **(□p ↔ □Gp):** из XI и IV по правилу modus ponens.

XIII. **□(p ↔ □p):** из III по правилу удаления &.

XIV. **(p ↔ □p):** из XIII по правилу удаления □.

XV. **□p:** из XIV и VIII, согласно пропозициональной логике.

XVI. **□Gp:** из XV и XII, согласно пропозициональной логике.

Что и требовалось доказать! Демонстрация I–XVI есть дедуктивный логический вывод суждения о *необходимости* положительной моральной ценности (**□Gp**) из априорного знания о существовании (**Ap**). Специфическим предметом эмпирической (*позитивной*) содержательной этики является *случайная* положительная моральная ценность (случайное добро), а специфическим предметом рациональной *формальной* этики – теории *естественной* морали – является *необходимо хорошая (тождественно хорошая) моральная форма* деятельности – *закон алгебры формальной этики* [29]. Учение Мура о натуралистической ошибке совершенно справедливо по отношению к *эмпирическ*ой этике – системе *апостериорных* знаний о бытии и о добре. Однако дедуктивный логический вывод I–XVI устанавливает точную формальную границу сферы адекватности обсуждаемого учения Мура. Вне этой формально определенной сферы его рассуждения неадекватны, так как, согласно последовательности I–XVI, в сфере *априорных* знаний *необходимых* истин знание о *добре* (**Gp** и **□Gp**) логически *выводится* из *априорного* знания о *бытии* (**Ap**).

Таким образом, систематически используя предложенную выше аксиоматическую систему философской эпистемологии, можно устранить ощущение логического противоречия между рационалистическим оптимизмом теории морали Лейбница [1–7] и учением Мура о натуралистической ошибке в этике [26, 27].

Будучи ограничен имевшимися в его распоряжении знаниями, Адлер осторожно отметил наличие эвристически значимого *сходства (аналогии)* между рассмотренными выше проблемами Юма и Мура, объединив их на этом основании в одном разделе своей книги [28]. Для более сильного утверждения о наличии эквивалентности у Адлера не было достаточных оснований. А из наличия отношения *сходства* наличие отношения *эквивалентности* логически не следует, так как, вообще говоря, сходство не является транзитивным отношением, а эквивалентность является.

Однако в отличие от Адлера у нас (имеются в виду читатель этой статьи и ее автор) есть достаточное основание для более сильного утверждения об эквивалентности (а не просто об аналогии) обсуждаемых проблем и их решений. Достаточным основанием для такого утверждения является следующий ниже дедуктивный логический вывод (в рамках исследуемой аксиоматической системы).

a) **Ap** ↔ (K**p** & & (¬◊Sp & □(p ↔ □p) & □(p ↔ Tp) & □(p ↔ Pp) & □(p ↔ Fp) □(p ↔ Zp) & □(p ↔ **O**p) & □(p ↔ Gp))): аксиома AX-1.

b) **Ap:** допущение.

c) **(Kp & & (¬◊Sp & □(p ↔ □p) & □(p ↔ Tp) & □(p ↔ Pp) & □(p ↔ Fp) □(p ↔ Zp) & □(p ↔ Op) & □(p ↔ Gp))):** из a) и b), согласно пропозициональной логике.

d) **□(p ↔ Gp):** из c) по правилу удаления &.

e) **(p ↔ Gp):** из d) по правилу удаления □.

f) **□(p ↔ Op):** из c) по правилу удаления &.

g) **(p ↔ Op):** из f) по правилу удаления □.

h) **(Op ↔ p):** из g) по правилу коммутативности ↔.

i) **(Op ↔ Gp):** из h) и e) по правилу транзитивности ↔.

Итак, если **Ap**, то между **Op** и **Gp** имеет место не просто аналогия, а *эквивалентность*. А если такой эквивалентности нет, то неверно, что **Ap**, и, следовательно, если в данном случае знание есть, то оно является *эмпирическим*.

Литература

1. *Лейбниц Г.В.* Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Г.В. Лейбниц. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 47–545.

2. *Лейбниц Г.В.* Переписка с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и курфюрстиной Софией // Г.В. Лейбниц. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С.371–394.

3. *Лейбниц Г.В.* Письмо к герцогу Ганноверскому // Г.В. Лейбниц. Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 491–493.

4. *Лейбниц Г.В.* Об универсальной науке, или философском исчислении // Г.В. Лейбниц. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 494–500.

5. *Лейбниц Г.В.* Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин // Г.В. Лейбниц. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 572–616.

6. *Лейбниц Г.В.* Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла // Г.В. Лейбниц. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. С. 49–554.

7. *Leibniz G.W.* Elementa Juris Naturalis // G.W. Leibniz. Philosophishe Schriften. Erster Band (1663–1672). Berlin: Akademie-Verlag, 1971. S. 431–485.

8. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разуме // Дж. Локк. Избранные философские произведения: в 2 т. М.: Изд. Соц.-эк. лит., 1960. Т. 1.

9. *Юм Д.* Исследование о человеческом разумении. М.: Прогресс, 1995.

10. *Юм. Д.* Трактат о человеческой природе. Мн.: Попурри, 1998.

11. *Лобовиков В.О.* Аксиоматическая система эпистемологии // Известия Уральского федерального университета. Общественные науки. 2016. № 1 (149). С. 5–19.

12. *Лобовиков В.О.* Еще одна аксиома рационалистической эпистемологии априорного знания: историко-философский и логический аспекты проблемы взаимосвязи истинности, доказуемости и алгоритмичности знания (Г.В. Лейбниц; К. Гёдель; А. Чёрч) // Дискурс-ПИ. 2016. № 1. С. 27–34.

13. *Лобовиков В.О.* Две новые аксиомы рационалистической эпистемологии (взаимосвязь доказуемости, истинности, невыразимости, непоколебимой веры и неопровержимого знания: Г.-В. Лейбниц; К. Гёдель; А. Тарский; Дж. Мур) // Дискурс-ПИ. 2016. № 2. С. 82–88.

14. *Лобовиков В.О.* Графическое моделирование модальной логики знания a-priori и a-posteriori с помощью логического квадрата и гексагона // Тезисы докладов научной конференции «Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке» (22 –24 июня 2016, Санкт-Петербург). СПб.: СПбГУ, 2016. С. 85–86.

15. *Лобовиков В.О.* Историко-философский и логический аспекты проблемы взаимосвязи истинности и доказуемости: Г.В. Лейбниц; А. Тарский; К. Гёдель // Дискурс-П. 2015. № 3–4. С. 65–71.

16. *Sesmat A.* Logique II. Les raisonnments, la logistique. Paris: Hermann, 1951.

17. *Blanché R.* Sur la structuration du tableau des connectifs interpropositionnels binaries // Journal of Symbolic Logic 22 (1957): 17–18.

18. *Blanché R.* Structures Intellectuelles. Essai sur l'organisation Systématique des Concepts. Paris: Vrin, 1966.

19. *Kalinowski G.* La Logique des normes. Paris: Presses Universitaires de France, 1972.

20. *Béziau J.-Y.* The New Rising of the Square of Opposition / Ed. Jean-Yves Beziau and Dale Jacquette. Around and Beyond the Square of Opposition. Basel: Birkhäuser, 2012. 3–19.

21. *Béziau J.-Y.* The Power of the Haxagon // Logica Universalis 6 (2012): 1–43.

22. *Лобовиков В.О.* Логический квадрат и гексагон эпистемических понятий (Эволюционная эпистемология как явный абсурд с точки зрения древнегреческой философии абсолютного знания, и загадочная абсурдность этой древнегреческой онтологии и философии знания с точки зрения современной логики, методологии и философии науки: о возможности логически непротиворечивого «снятия» конфликта двух парадигм) // Эпистемы: Сб. науч. статей. Екатеринбург: Ажур, 2014. Вып. 9. С. 57–68.

23. *Лобовиков В.О.* Уточнение статуса логико-философских принципов фальсификации и верификации (научного знания) в философской эпистемологии // Дискурс-Пи. 2015. № 1(18). С. 98–104.

24. *Фейс Р.* Модальная логика. М.: Наука, 1974.

25. *Лобовиков В.О.* Новая форма аналитической философии права и морали – алгебраическая система формальной этики и естественного права: точное формальное определение области уместной применимости «Гильотины Юма» // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 93–103.

26. *Мур Дж.Э.* Принципы этики. М.: Прогресс, 1984.

27. *Мур Дж.Э.* Природа моральной философии. М.: Республика, 1999.

28. *Адлер М.* Шесть великих идей. М.: Изд-во: Манн, Иванов и Фербер, 2015.

29. *Lobovikov V.* An Equivalence of Moore's Paradox and Gödel's Incompleteness Sentence in Two-Valued Algebra of Formal Ethics // Philosophy Study, January 2016. Vol. 6, No 1. P. 34–55. (Doi: 10. 17265/2159-5313/2016.01.004).

Lobovikov Vladimir O. – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/7

AN AXIOMATIZATION OF PHILOSOPHICAL EPISTEMOLOGY (A Conceptual Synthesis of Leibniz' Rationalism and the Empiricism of Locke, Hume, Moore)

Keywords: axiomatic-system-of-philosophical-epistemology; a-priori-knowledge; Leibniz'-optimism; Hume's-guillotine; Moore's-doctrine-of-naturalistic-fallacy.

The paper submits a new (substantially expanded) system of own axioms for the general philosophical theory of knowledge. In comparison with the previous option of axiomatizing epistemology some novel terms are added to the language of the axiomatic theory, for instance, the term "an algorithm exists (a machine can be constructed) for deciding that p", where p stands for a proposition. Precise definitions of meanings of the newly introduced terms are given indirectly by adding corresponding new own axioms of epistemology to the axiomatic system which axioms have not been included into the system hitherto. The submitted new axiomatic epistemology system makes up new precise definitions of the notions "a-priori-knowledge" and "a-posteriori-one". In the axiomatic system the two kinds of knowledge are precisely defined by means of compositions of epistemic, alethic, deontic, axiological and other modalities. Systematically exploiting the hypothetic-deductive method the author investigates the set of logic consequences of accepting the mentioned hypothetical precise definitions of the epistemic modalities "a-priori-knowledge-of-being" and "a-priori-knowledge-of-value" and of the graphic representation of their logical interrelations by means of the logical square-and-hexagon. In particular, at the level of artificial language a strict formal derivation of "it is obligatory that p" from "there is a-priory knowledge that p" is constructed within the framework of the submitted axiomatic epistemology system. Within the same system at the same level a strict formal derivation of "it is good that p" from "there is a-priory knowledge that p" is constructed as well. Moreover it is formally proved in the present paper that in the axiomatic system under consideration there is the logic equivalence between the modalities "it is obligatory that p" and "it is good that p", if it is true that "there is a-priory knowledge that p". The submitted new (significantly transformed and complemented) axiomatic system is applied to the relevant concrete material of the history of philosophy, namely, to G.W. Leibniz', D. Hume's, and G.E. Moore's philosophical epistemology views.

References

1. Leibniz, G.V. (1983) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 47–545.

2. Leibniz, G.V. (1984a) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 371–394.

3. Leibniz, G.V. (1984b). *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 491–493.

4. Leibniz, G.V. (1984c) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 494–500.

5. Leibniz, G.V. (1984d) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 572–616.

6. Leibniz, G.V. (1989) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 49–554.

7. Leibniz, G.W. (1971) *Philosophishe Schriften* [Philosophical Works]. Vol. 1. Berlin: Akademie-Verlag. pp. 431–485.

8. Locke, J. (1960) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya v 2 t.* [Selected Philosophical Works in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Sots.-ek. lit.

9. Hume, D. (1995) *Issledovanie o chelovecheskom razumenii* [Study of Human Understanding]. Translated from English by S.I.Tsereteli. Moscow: Progress.

10. Hume, D. (1998) *Traktat o chelovecheskoy prirode* [A Treatise of Human Nature]. Translated from English. Minsk: Popurri.

11. Lobovikov, V.O. (2016) Aksiomaticheskaya sistema epistemologii [Epistemology axiomatic system]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Obshchestvennye nauki*. 1(149). pp. 5–19.

12. Lobovikov, V.O. (2016) Another Axiom for Rationalistic Epistemology of A-Priori Knowledge (History-Of-Philosophy and Logic Aspects of the Problem of Interconnection among Truthfulness, Provability, and Algorithmic Character of Knowledge: G.W. Leibniz; K. Gödel; A. Church). *Diskurs-PI*. 1. pp. 27–34. (In Russian).

13. Lobovikov, V.O. (2016) Two New Axioms for Rationalistic Epistemology (Interconnection of Provability, Truthfulness, Inexpressibility, Not-Revisable Belief and Irrefutable Knowledge: G.W. Leibniz; K. Gödel; A. Tarski; G. Moore). *Diskurs-PI*. 2. pp. 82–88. (In Russian).

14. Lobovikov, V.O. (2016) [Graphic simulation of modal logic of knowledge a-priori and a-posteriori using logical square and hex]. *Sovremennaya logika: problemy teorii, istorii i primeneniya v nauke* [Modern logic: problems of the theory, history and application in science]. Proc. of the Conference. St. Petersburg. June 22–24, 2016. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 85–86. (In Russian).

15. Lobovikov, V.O. (2015) Historical-Philosophical and LogicAL Aspects of Interconnection of Truth and Provability: G. W. Leibniz; A. Tarski; K. Gödel. *Diskurs-P*. 3–4. pp. 65–71. (In Russian).

16. Sesmat, A. (1951) *Logique II. Les raisonnments, la logistique* [Logic II. Reasoning, Logistics]. Paris: Hermann.

17. Blanché, R. (1957) Sur la structuration du tableau des connectifs interpropositionnels binaries [On structuring the table of binaries of interpropositional connectives]. *Journal of Symbolic Logic*. 22(1957). pp. 17–18.

18. Blanché, R. (1966) Structures Intellectuelles. Essai sur l'organisation Systématique des Concepts [Intellectual Structures. Essay on the Systematic Organization of Concepts]. Paris: Vrin.

19. Kalinowski, G. (1972) *La Logique des norms* [The Logic of Norms]. Paris: Presses Universitaires de France.

20. Béziau, J.-Y. (2012) The New Rising of the Square of Opposition. In: Beziau, J.-Y. & Dale, J. (eds) *Around and Beyond the Square of Opposition*. Basel: Birkhäuser. pp. 3–19.

21. Béziau, J.-Y. (2012) The Power of the Hexagon. *Logica Universalis*. 6(2012). pp. 1–43. DOI: 10.1007/s11787-012-0046-9

22. Lobovikov, V.O. (2014) Logicheskiy kvadrat i geksagon epistemicheskikh ponyatiy (Evolyutsionnaya epistemologiya kak yavnyy absurd s tochki zreniya drevnegrecheskoy filosofii absolyutnogo znaniya, i zagadochnaya absurdnost' etoy drevnegrecheskoy ontologii i filosofii znaniya s tochki zreniya sovremennoy logiki, metodologii i filosofii nauki: o vozmozhnosti logicheski neprotivorechivogo "snyatiya" konflikta dvukh paradigm) [The logical square and hexagon of epistemic concepts (Evolutionary epistemology as an obvious absurdity in terms of Greek philosophy of absolute knowledge, and mysterious absurdity of this ancient Greek ontology and philosophy of knowledge from the point of view of modern logic, methodology and philosophy of science: The possibility of logically consistent "removal" of a conflict between two paradigms)]. In: Kislov, A.G. (ed.) *Epistemy* [Episteme]. Issue 9. Ekaterinburg: Azhur. pp. 57–68.

23. Lobovikov, V.O. (2015) Explicating Status of Logical-Philosophical Principles of Falsifiability and Verifiability (Of Scientific Knowledge) In Philosophical Epistemology (Logical Squares and Hexagons of Epistemic Statements). *Diskurs-Pi*. 1(18). pp. 98–104. (In Russian).

24. Faith, R. (1974) *Modal'naya logika* [Modal Logic]. Translated from English by G.E. Mintz. Moscow: Nauka.

25. Lobovikov, V.O. (2016) A new form of analytical philosophy of law-and-morals - algebraic system of formal ethics-and-natural-law: precise formal defining domain of relevant applicability of "Hume's Guillotine". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(34). pp. 93–103. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/34/11.

26. Moore, J.E. (1984) *Printsipy etiki* [Principles of Ethics]. Translated from English by L.V. Konovalova. Moscow: Progress.

27. Moore, J.E. (1999) *Priroda moral'noy filosofii* [The nature of moral philosophy]. Translated from English by L.V. Konovalova. Moscow: Respublika.

28. Adler, M. (2015) *Shest' velikikh idey* [Six Great Ideas]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

29. Lobovikov, V. (2016) An Equivalence of Moore's Paradox and Gödel's Incompleteness Sentence in Two-Valued Algebra of Formal Ethics. *Philosophy Study*. 6(1). pp. 34–55. DOI: 10. 17265/2159-5313/2016.01.004

УДК 165.0; 81:1
DOI: 10.17223/1998863X/36/8

А.Ю. Моисеева

СПЕЦИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЙ В ДОКСИЧЕСКИХ АТРИБУЦИЯХ

Тема статьи – способы спецификации модусов презентации или, в другой терминологии, понятий в доксических атрибуциях, согласно теории скрытых индексикалов. Рассматриваются спецификация посредством указания типа (С. Шиффер) и посредством указания самого понятия (М. Кримминс и Дж. Перри). Приводятся аргументы в пользу того, что версия М. Кримминса и Дж. Перри предпочтительна с формальной точки зрения, и ставится вопрос о том, насколько она правдоподобна.
Ключевые слова: *доксические атрибуции, скрытые индексикалы, модус презентации, понятие, подразумевание.*

Доксические атрибуции (belief ascriptions) представляют собой утверждения вида «*a* убежден, что *p*», где *a* именует некоторого эпистемического агента, *p* – пропозицию. С такими утверждениями связана старая семантическая проблема, которая состоит в том, что в них не работает принцип подстановочности тождественного. Пример Г. Фреге с Фосфором и Геспером разбирался в литературе настолько часто, что нет смысла его повторять. Сегодня существует несколько теорий, по-разному объясняющих причину этого явления, но в основном обсуждаются теории Н. Сэлмона и С. Шиффера, в которых убеждение анализируется как трехместное отношение между агентом, пропозицией и неким элементом психики агента, который выступает посредником в процессе распознания агентом пропозиции. Н. Сэлмон считает указание на этот третий член доксического отношения частью прагматической информации, привносящейся конкретным произнесением доксической атрибуции, С. Шиффер же пытается ввести его в семантическое содержание атрибуции. Для этого он постулирует существование некоторых скрытых семантических маркеров, определяющих третий элемент (он называется в этой теории модусом презентации) посредством ссылки на контекст. Поэтому теория С. Шиффера, а также подобные ей получили название теории скрытых индексикалов. Тема нашего обсуждения здесь – это способы спецификации модусов презентации или, в другой терминологии, понятий в теории скрытых индексикалов.

В статье «Доксическая атрибуция» [1] С. Шиффер утверждает, что, хотя модус презентации недоступен для внешнего наблюдения, репортер мог бы дать ему некоторое описание, основываясь на знании контекста. Контекст должен пониматься здесь в широком смысле, включающем информацию о том, как агент использует имена. Так, мы можем предполагать, что при обсуждении убеждений древнего астронома, выражающихся с использованием имени «Фосфор», будут релевантны те его модусы презентации Венеры, которые предполагают Венеру, видимую утром. Напротив, при обсуждении убеждений, выражающихся с использованием имени «Геспер», будут релевантны те модусы презентации Венеры, которые предполагают Венеру, ви-

димую вечером. Такое описание С. Шиффер называет типом модуса презентации. Как он утверждает, доксическая атрибуция, гласящая, что *a* убежден в *p*, истинна, если и только если

$$(\mathrm{TC})\ \square m\ (\mathrm{B}\ (a, p, m)\ \&\ \mathrm{F}m),$$

где *m* – модус презентации, F – тип, заданный контекстом.

Спецификация модусов презентации посредством указания их типа – операция, имеющая вполне ясный интуитивный смысл. Действительно, часто чтобы более точно передать, *что* агент думает об объекте, мы прибегаем к характеристике того, *как* он думает об этом объекте. Однако тип-специфицирующее условие истинности порождает некоторые проблемы. Представляется, что наиболее серьезна проблема, которая состоит в следующем: можно обоснованно сомневаться, что, когда репортер приписывает агенту убеждение, он подразумевает то, что, как предполагает наша теория, он должен подразумевать. Целесообразно будет вкратце воспроизвести здесь разъяснение этой проблемы, которое дает сам С. Шиффер.

Первая часть проблемы заключается в том, что репортер не согласился бы, если бы ему сказали, что он подразумевал пропозицию, включающую экзистенциальное обобщение и указание на тип модуса презентации. Отсюда можно вывести, что репортер в действительности не подразумевал такой пропозиции. Как пишет С. Шиффер, единственной альтернативой этому выводу является постулирование неявного (tacit) подразумевания – такого, которое недоступно для осознания самим репортером. Здесь мы сталкиваемся со второй частью проблемы. Очевидно, что необходимым условием даже неявного подразумевания является *намерение*, направленное на аудиторию. Нельзя подразумевать что-то, не намереваясь быть понятым. Отсюда теория неявного подразумевания предполагает, что имеется некоторый тип модуса презентации F такой, что репортер неявно подразумевает, что *a* убежден, что *p*, посредством модуса презентации типа F, и намерен (столь же неявно), чтобы его аудитория распознала, что он подразумевает, что *a* убежден, что *p*, посредством модуса презентации типа F. Но это «настолько же неправдоподобно, как распространять теорию дескрипций на «неполные» определенные дескрипции. Идея [такого распространения] состоит в том, что, когда говорящий произносит «Эта собака блохаста», должно быть некоторое свойство *Ф*, такое что он подразумевает пропозицию, что единственное нечто, являющееся собакой и *Ф*, блохасто. Настолько неправдоподобно это именно потому, что обычно будет множество потенциально полных дескрипций, которые одинаково очевидны в данном контексте (например, моя собака, собака, на которую мы оба смотрим, пятнистая собака в зеленом кресле и т.д.). Следовательно, весьма неправдоподобно, что будет одна дескрипция, такая что говорящий намеревается, чтобы между ним и его аудиторией было взаимопонимание в том, что он подразумевает пропозицию, включающую именно эту дескрипцию» [1. P. 515–516].

Короче говоря, чтобы утверждать, что говорящий подразумевает определенный тип модуса презентации, мы должны иметь достаточные основания, чтобы отрицать, что он подразумевает любой другой тип модуса презентации, который можно было бы предположить исходя из контекста. Но у нас обычно нет таких оснований.

Указанной проблемы можно избежать, если предположить, что репортер способен знать не только о типе, но и о самом модусе презентации. Первыми, кто принял и попытался обосновать такое предположение, стали М. Кримминс и Дж. Перри. Рассмотрим их аргументацию.

Главные положения своей версии теории скрытых индексикалов М. Кримминс и Дж. Перри формулируют в статье «Принц и телефонная будка» [2]. Статья начинается с подробного моделирования внутренней структуры третьего члена доксического отношения, который авторы называют собственно убеждением. Но, поскольку убеждением обычно называется само доксическое отношение, во избежание путаницы будем называть третий член мыслью, как это делает М. Кримминс в одной из более поздних статей [3]. В структуре мысли выделяется идея, репрезентирующая k-арное свойство или отношение, и упорядоченный набор из k понятий, репрезентирующих объекты:

$Structure\ (\tau) = \langle I^k, n_1, \ldots n_k \rangle$.

Содержанием мысли в некоторый момент времени считается пропозиция, в составе которой определенным образом скомбинированы содержания идеи и всех понятий, входящих в мысль, в этот момент времени:

$Content\ (\tau, t) = \langle\langle Of\ (I^k, t); Of\ (n_l, t), \ldots Of\ (n_k, t)\rangle\rangle$.

В качестве краеугольного камня всей семантики мысли выступает идея. Она ассоциирует конкретное понятие с одним из своих аргументных мест, и это аргументное место генерирует семантическую роль соответствующей конституэнты пропозиции. Так понятие оказывается «ответственным» за конкретную семантическую роль в пропозиции:

$Responsible\ (n, r, \phi) \leftrightarrow_{\text{def}} \square I, pl\ Associates\ (\phi, I, n, pl)\ \&\ Generates\ (pl, r)$.

Пояснение к своей теории М. Кримминс и Дж. Перри дают в виде схемы, которую целесообразно здесь продублировать, используя в качестве примера утверждение «Артур убежден, что Иван побил Кая» (см. рис. 1).[1] Как видно из схемы, мысль Артура включает идею побивания (I_n), которая имеет два аргументных места (pl_+ и pl_-), а также понятие Ивана (n_u), которое ассоциируется с первым аргументным местом, и понятие Кая ($n_к$), которое ассоциируется со вторым аргументным местом. Два аргументных места генерируют две роли в структуре отношения, которое является содержанием идеи побивания (r_+ и r_-). За первую роль ответственно понятие Ивана, за вторую роль – понятие Кая. Содержанием этих понятий являются сами Иван и Кай, которые выполняют соответствующие роли в пропозиции. Таким образом, придаточное предложение доксической атрибуции «Артур убежден, что Иван побил Кая» сообщает, во-первых, что у Артура имеется идея, содержанием которой является отношение побивания; во-вторых, что у него имеется мысль, в которой идея побивания ассоциирована с определенными понятиями о том, кто побил, и о том, кого побили; в-третьих, что содержанием этих понятий являются Иван и Кай соответственно. Вся доксическая атрибуция сообщает, что мысль, структура которой описана в придаточном предложении, является убеждением Артура.

[1] Оригинальную схему см. [3. P. 694. Fig. 1].

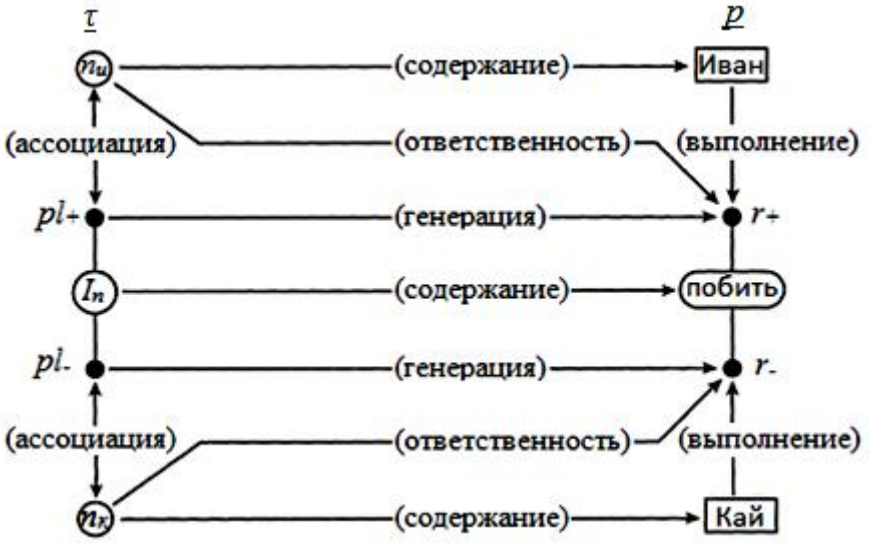

Рис. 1. Мысль Артура и ее содержание

Во всех подобных случаях, как считают М. Кримминс и Дж. Перри, доксическая атрибуция, произнесенная в момент времени *t* и гласящая, что *a* убежден в *p*, истинна, если и только если

(TC1) □*ф* [*B* (*a*, *ф*, *t*) & *Content* (*ф*, *t*) = *p* & □$_{r \text{ в составе } p}$ *Responsible* (n_i, r_i, *ф*)].

Как можно видеть, первые два конъюнкта в скобках по смыслу аналогичны шифферовскому отношению B (*a*, *p*, *m*), если проигнорировать параметр времени, но в третьем конъюнкте вместо указания на тип стоит указание на каждое отдельное понятие. Предположение, что мы можем прямо указывать на понятия, присущие другим людям, на первый взгляд кажется слишком сильным. Однако, как показывает М. Кримминс в своей книге [4. P. 89–91], это впечатление является следствием укорененности в философии расселовского взгляда на референцию, согласно которому говорящий может указывать лишь на те объекты, с которыми он непосредственно знаком. Если принять более «либеральное» условие референции, состоящее в том, что говорящий должен только знать, что объект существует, получится, что для указания на понятие достаточно знать (или предполагать, если допускаются пустые указания), что у агента существует это понятие. Основанием для такого предположения может быть тот простой факт, что агент однажды находился в ситуации, располагающей к формированию понятия об объекте, и был так или иначе заинтересован в этом объекте. С этой точки зрения нет ничего удивительного в том, что мы достаточно много знаем о понятиях, имеющихся друг у друга.

В качестве иллюстрации М. Кримминс и Дж. Перри используют ситуацию из «Принца и нищего» Марка Твена, рассматривая ее так, как будто она реальна. Они рассматривают гипотетического читателя книги, который объясняет то, что Майлс Гендон, безденежный дворянин, который впервые встретил Эдуарда, одетого в лохмотья, не поклонился принцу, утверждая

(1) Майлс не был убежден, что он (Эдуард в лохмотьях) королевской крови.

При этом чтобы избежать вывода, что Майлс был глуп или невежествен, читатель поясняет, что Майлс разделял преобладающую концепцию по поводу Эдуарда Тюдора, утверждая

(2) Майлс был убежден, что Эдуард Тюдор королевской крови.

Согласно теории скрытых индексикалов, утверждения (1) и (2) оба истинны. Однако М. Кримминс и Дж. Перри объясняют, почему они истинны, иначе, чем это сделал бы С. Шиффер. Последний сказал бы, что Майлсу приписываются модусы презентации, принадлежащие к двум разным типам. Тип, подразумеваемый в утверждении (1), он мог бы обозначить как «модус презентации, предполагающий, что Эдуард нищий» или «модус презентации, предполагающий, что Эдуард одет в лохмотья» или «модус презентации, предполагающий, что Эдуард – это мальчик, который бежит по улице навстречу Майлсу» и т.д. Тип, подразумеваемый в утверждении (2), он мог бы обозначить как «модус презентации, предполагающий, что Эдуард носит фамилию "Тюдор"» или «модус презентации, предполагающий, что Эдуард – принц» или «модус презентации, предполагающий, что Эдуард никогда не выходил за пределы дворца» и т.д. Проблема была бы в том, чтобы обоснованно выбрать конкретные описания типов.

Согласно объяснению М. Кримминса и Дж. Перри, в утверждениях (1) и (2) Майлсу приписываются два понятия об Эдуарде, и читателю не нужно определять эти понятия посредством типа, поскольку он осведомлен о том, как Майлс приобрел их и для чего он их использует. Так, из книги читатель знает, что одно из понятий возникло у Майлса в результате встречи с Эдуардом, когда тот, одетый в лохмотья, бежал по улице. Это понятие используется в контексте взаимодействия Майлса с Эдуардом в лохмотьях, и именно оно релевантно для истинности утверждения (1). В то же время читатель имеет основания полагать, что у Майлса уже до этого было другое понятие об Эдуарде, которое возникло на основе описаний принца, которые Майлс слышал или читал в газетах. Это понятие используется в контексте, так сказать, политических действий Майлса и релевантно для истинности утверждения (2). Поскольку с обоими понятиями Майлс связывает одно и то же имя «Эдуард», читатель, чтобы быть более точным, может использовать в своих доксических атрибуциях пояснения «Тюдор» и «Эдуард в лохмотьях» или надеяться, что сам контекст, в котором произносятся эти атрибуции, подскажет аудитории, какое из понятий он подразумевает.

Тот факт, что спецификация понятий посредством прямого указания на них избавляет теорию доксических атрибуций от проблемы множественности типов понятия, предполагаемых исходя из контекста, заставляет считать этот способ спецификации предпочтительным с формальной точки зрения. Правда, это преимущество имеет свою цену. В частности, если предполагать, что в доксические атрибуции входит прямое указание на понятия, то любые изменения в понятиях окажутся чреваты изменением в значениях атрибуций. Например, придется считать, что утверждения

(3) В день встречи с Эдуардом Майлс был убежден, что Эдуард Тюдор – принц

и

(4) В день коронации Эдуарда Майлс был убежден, что Эдуард Тюдор – принц

приписывают Майлсу разные убеждения! В самом деле, если в (3) имя «Эдуард Тюдор» неявно указывает на понятие, которое Майлс использовал наряду с понятием Эдуарда в лохмотьях, то в (4) то же самое имя указывает на понятие, которое возникло в результате слияния двух понятий об Эдуарде, которые были у Майлса до этого. Отсюда следует, что, согласно теории М. Кримминса и Дж. Перри, когда Майлс понял, что Эдуард в лохмотьях и есть Эдуард Тюдор, он разом отказался от всех своих убеждений об Эдуарде и сформировал новые убеждения, во многих случаях идентичные по пропозициональному содержанию старым убеждениям. Правдоподобность этого вывода в лучшем случае под вопросом.

Кроме того, есть основания полагать, что в некоторых контекстах доксическая атрибуция истинна в силу того факта, что в ней подразумевается не само понятие, а именно его тип. В качестве примера рассмотрим короткий вывод:

Каждый русский убежден, что Пушкин был гением.

Путин – русский.

Следовательно, Путин убежден, что Пушкин был гением[1].

Заключение представляет собой доксическую атрибуцию, которая, будучи взята изолированно, могла бы рассматриваться как специфицирующая понятия посредством прямого указания. Но сам вывод, который здесь осуществляется, зависит не от того, что мы знаем о понятии Пушкина, имеющемся у Путина, а от того, что мы знаем о «нормальном» для русского человека понятии Пушкина. Поэтому представляется, что более правомерным было бы рассматривать ее как специфицирующую понятия посредством их типа.

Для анализа обобщающих доксических атрибуций, подобных приведенной в примере, М. Кримминс и Дж. Перри формулируют свою версию типспецифицирующего условия истинности. Она выглядит следующим образом:

(TC2) $\square\phi\ [B\,(a, \phi, t)\ \&\ Content\,(\phi, t) = p\ \&\ \square n_1, \ldots, n_k\ \square_{r\ \text{в составе}\ p}\ C_i\,(n_i)\ \&$ $Responsible\ (n_i, r_i, \tau)]$,

где C_i – свойство, заданное контекстом в связи с ролью r_i.

Ясно, что для этого условия также актуальна проблема, поставленная С. Шиффером. Таким образом, пытаясь ее избежать, М. Кримминс и Дж. Перри достигают лишь частичного успеха. Вопрос о том, является ли этот успех достаточным, чтобы предпочесть их теорию, можно считать открытым.

Литература

1. *Schiffer S.* Belief Ascription // The Journal of Philosophy. 1992. Vol. 89, № 10. P. 499–521.
2. *Crimmins M., Perry J.* The Prince and the Phone Booth: Reporting Puzzling Beliefs // The Journal of Philosophy, 1989. Vol. 86, № 12. P. 685–711.
3. *Crimmins M.* Context in the Attitudes // Linguistics and Philosophy. 1992. № 15. P. 185–198.
4. *Crimmins M.* Talk about Beliefs. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
5. *Crimmins M.* Notional Specificity // Mind & Language. 1995. Vol. 10, № 4. P. 464–477.

Moiseeva Anna Y. – Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/8

NOTION SPECIFICATION IN BELIEF ASCRIPTIONS

Keywords: hidden indexicals, mode of presentation, notion, description, reference

[1] Аналогичный пример приводится у М. Кримминса [5].

In the spotlight of the semantics of belief contexts is the problem that in these contexts the substitutivity of identity principle is violated. One of the theories which pretend to explain this phenomenon is the theory of hidden indexicals. In this paper this theory given in version of Stephen Schiffer and in version of Mark Crimmins and John Perry is considered. Schiffer argues that belief is to be analyzed as a three place relation between an agent, a proposition and some mental entity which he calls *mode of presentation*. From his point of view, truth condition for belief ascription includes a designation of type of mode of presentation such that this type can be supposed on the basis of context. But one may reasonable doubt that, when a reporter ascribes a belief to an agent, he actually means what he would mean according this type-specifying condition. Schiffer comes to the following conclusion: to assume that the reporter mean one certain type of mode of presentation we should have sufficient reasons to deny that he mean any other type of mode of presentation which can be supposed on the context basis. But in general we do not have such reasons. The version of Mark Crimmins and John Perry avoid this problem fragmentary. A parallel to Schiffer's mode of presentation they call a *notion*. According to their theory, a reporter usually is able to refer to some notion directly, without the mediation on its type. To do this he only need to know that the agent has this notion. The reason for such knowledge may consist in simple fact that once the agent was in situation disposing to form the notion of an object and he was interested in this object. One weakness of such notion specification is as follows: any changes in agent's notions must affect to the truth value of the belief ascriptions involving direct reference to these notions. Sometimes it seems to be implausible. Besides, in some contexts, as one may reasonably assume, belief ascription is true exactly because of the fact that the reporter mean not the notion itself but the notion type. To analyze such contexts Crimmins and Perry give their own formulation of type-specifying condition, and for this condition the problem raised by Schiffer occurred to be actual too.

References

1. Schiffer, S. (1992) Belief Ascription. // The Journal of Philosophy. 1992. Vol. 89, № 10. P. 499–521.

2. Crimmins, M. & Perry, J. (1989) The Prince and the Phone Booth: Reporting Puzzling Beliefs. *The Journal of Philosophy*. 86(12). pp. 685–711. DOI: 10.2307/2027014

3. Crimmins, M. (1992) Context in the Attitudes. *Linguistics and Philosophy*. 15(2). pp. 185–198. DOI: 10.1007/BF00635806

4. Crimmins, M. (1992) *Talk about Beliefs*. Cambridge, MA: MIT Press.

5. Crimmins, M. (1995) Notional Specificity. *Mind & Language*. 10(4). pp. 464–477.

УДК 1:62
DOI: 10.17223/1998863X/36/9

А.Ю. Нестеров

ПЛАТОНИЗМ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ТЕХНИКИ: ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПРАВИЛО В ПРОЕКТИВНОМ СЕМИОЗИСЕ[1]

Обсуждается возможность выражения средствами семиотики «четвёртого царства» Фридриха Дессауэра в философии техники. Техника понимается как материальное осуществление проективного семиозиса. Тезис статьи заключается в том, что открытие объективных законов технического формообразования в виде самостоятельного «царства» или «мира» должно подразумевать его деление на группы семантических, синтаксических и прагматических правил проективного семиозиса и рассматриваться в контексте общефилософской проблемы выражения.
Ключевые слова: *четвёртое царство, проективный семиозис, техническое сознание, Фридрих Дессауэр, прагматика.*

В настоящей статье мы покажем одну из классических проблем на стыке онтологии и эпистемологии в свете платонистского понимания аналитической философии техники [1, 2], а именно проблему правил для применения правил. Эта проблема определяет содержательный контекст классической герменевтики XVII–XIX веков, теории познания и философии языка от Д. Беркли и Г. Лейбница до актуальной аналитической традиции, онтологии от Платона до Р. Ингардена и К.Р. Поппера, однако предметной ясности способы её постановки достигают лишь в теории права и в философии техники. И если в аналитической философии права этот вопрос может считаться хорошо разработанным, то в философии техники он едва поставлен.

Правило в рецептивном и проективном семиозисе

Как таковая проблема правила появляется тогда, когда обнаруживается, что способ мышления об объекте – логическая форма, в которую включен предмет в индивидуальном мышлении, или языковая форма, посредством которой объект оказывается обозначен в той или иной ситуации коммуникации, – не совпадает ни с объектом, ни с порядком обнаружения этого объекта чувственным восприятием. Онтологически такого рода проблемная ситуация выражается в преодолении наивного монизма, в постановке вопроса о самостоятельном существовании двух и более «миров», в умножении критериев существования. Эпистемологически возникает вопрос о корреляции, корреспонденции, взаимодействии или любого рода соотносимости этих двух или более миров. Именно этот последний вопрос, формулируемый в виде проблемы соотношения внешнего и внутреннего, эмпирического и рационального, восприятия, мышления, языка и рефлексии и т.д., и является интересующей нас проблемой правил второго порядка, правил для применения правил.

[1] Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-6200.2016.6 «Семиотические основания техники и технического сознания».

Поскольку любого рода процессы являются знаковыми процессами [3], семиозис, объединяющий чувственное восприятие, рассудок и разум, должен рассматриваться 1) в виде совокупности правил семантического, синтаксического и прагматического характера и 2) с учётом рецептивного или проективного направления семиозиса. О рецептивном направлении знаковых процессов мы говорим в случаях познания, формулируемых в классических эпистемологических моделях, и в случаях понимания, определённого в терминах технической или философской герменевтики. Характерным примером рецептивного семиозиса является представление о познании как об интериоризации или репрезентации сущего: человек познаёт, сначала осуществляя акт чувственного восприятия, результаты которого с некоторой задержкой интерпретируются логическими схемами рассудка, выраженными в грамматических категориях тех или иных языков, а затем в акте рациональной рефлексии сопоставляет «опытные истины» и «логические истины», т.е. порядок осуществления семиозиса задаётся направлением от объективно наблюдаемого факта к рефлексии, часто произвольной, связанной с вымыслом и фантазией. О проективном направлении знаковых процессов [4] мы говорим в случаях конструктивистски определённого познания, творчества и деятельности. Проективный семиозис может быть понят через концепции рационального познания: человек познаёт, опираясь на готовые, частично уже имеющиеся в его распоряжении в момент рождения, предданные любому акту познания модели и схемы, так что первыми осуществляются формы разума, затем формы разума отображаются на формах рассудка, и лишь в последнюю очередь рассудочная схема накладывается на массив данных чувственного восприятия, упорядочивая его, разъединяя, проводя границы и т.д. Проективный семиозис подразумевает порядок осуществления, обратный рецептивному, для теории сознания это рассуждение хорошо иллюстрируется метафорой К.Р. Поппера, противопоставляющей бадью и прожектор [5].

Решение фундаментальной проблемы познания в классической рецептивной эпистемологии связано с концепцией отображения форм одного мира на формах другого мира: для Античности математическая идея отпечатывается в материи, отображая в ней свою форму; для средневековой и во многом новоевропейской философии фигура «бога» опосредует в том или ином виде соотнесение чувственного и умопостигаемого; для аналитической философии в версии Л. Витгенштейна грамматика изоморфна структурам наблюдения и т.п. Представление о познании как отображении одной системы на другой – один из наиболее значимых результатов европейской философии. Это отображение может мыслиться как «внешнее» и как «внутреннее». Если оно берётся как внешнее отношение, то «реальным миром», отображаемым во «внутреннем мире», оказывается более сложная, содержащая большее количество элементов система, отображающаяся на более простой, содержащей меньшее количество элементов системе: в качестве такого рода реальности выступает, в зависимости от автора концепции и от эпохи, либо мир физических объектов, либо мир правил (божественный мир). Если же отображение берётся как внутреннее, внутрисистемное отношение, то «реальным миром» оказывается бесконечно большое количество правил, выражаемое и показываемое каждой из систем, участвующих в познании, а «внутренним миром» –

та сумма правил, которая известна человеку в рецептивном и проективном смысле. Модель в истории философии, которая показывает указанное отображение миров друг в друге в акте познания в качестве внутрисистемного отношения, – это трансцендентализм. С точки зрения трансцендентализма в его рецептивном выражении проблема доступа к реальности, равно как и проблема материи, остаются метафизическими проблемами, неразрешимыми до тех пор, пока рецептивное направление познания не будет рассмотрено на фоне проективного, конструктивного познания. Именно техника как материально выраженная проективная рефлексия позволяет в данном случае создать набор проверяемых следствий, подтверждающих онтологические предпосылки трансцендентализма. Трансцендентальная философия, которую исторически возводят к И. Канту, фактически осуществляется в истории философии, начиная с А. Августина, как семиотика, общая теория знаков, претендующая на единообразное описание процедур познания, коммуникации и понимания в терминах семантических и прагматических правил и способов их взаимодействия в реальных, выраженных в той или иной материи сущностях.

До тех пор, пока познание рассматривается сугубо рецептивно, проблему формы отображения одной системы на другой довольно трудно увидеть в качестве проблемы, и эта трудность приводила в истории философии к метафизике, умножению сущностей и трудно воспроизводимым онтологическим конструкциям. Когда познание рассматривается проективно, в качестве процедуры создания технического объекта – а любой создаваемый человеком «объект» является техническим объектом, изобретённым в фантазии, воплощённым сначала в логическую форму, а затем выраженным в материи физического мира, – проблема отображения друг в друге слоёв сознания в смысле немецкого идеализма или взаимодействия миров в смысле К.Р. Поппера становится предельно ясной и открытой.

Правило применения правила в проективном семиозисе

Вопрос о правилах для применения правил в проективном семиозисе предельно конкретно ставит Фридрих Дессауэр, определяя сущность техники и формулируя концепцию так называемого четвёртого царства. Сущность техники определяется им платонистски: «Техника есть реальное бытие из идей посредством финалистского формирования и обработки из данного природой инвентаря» [6. С. 115]. Техническое – это сфера, в которой вымысел и фантазия, облачённые в логическую (или хотя бы грамматическую) форму, воплощаются в действительный мир, соответствующий законам природы. Техника – это и есть проективный семиозис в той его части, которая касается объективного осуществления рассудочных структур в субстрате чувственного восприятия.

В рамках трансцендентализма (и плюрализма) онтология – это набор правил, по которым нечто существует, будучи либо воспринимаемым, либо переменной корректно построенной функции, либо учитываемым фантазией или вымыслом. Каждый конкретный слой семиозиса, как бы его ни определяли разные авторы, от чувственного восприятия (или мира физических объектов) до рассудка (мира логических и грамматических форм, мира языка) и разума (мира рефлексии, свободы, нравственности), представляет собой

в первую очередь набор объективно существующих синтаксических правил, которые некоторым образом применяются и формируют системы значений в этом применении [7]. Ф. Дессауэр в «Философии техники» отталкивается от троякого деления мира на три «царства» в смысле И. Канта, включающего «царство опытного познания», «царство воли и нравственного закона», «царство эстетического и целесообразного [des Zweckmaessigen]» [8. С. 50], и показывает, что мало определить синтаксические правила того или иного семиозиса, осуществляющегося в них, необходимо показать, как ирреальное, инобытие, вымысел, ненаблюдаемая логическая форма превращаются в действительное как наблюдаемое и ощущаемое. Такого рода превращение и есть техника, для прояснения которой необходимо выделить особое «четвёртое царство»: «Тройного деления мира по Канту недостаточно. В четвёртом царстве мы вступаем в новый мир, заключающийся в технике» [8. С. 56].

«Четвёртое царство» Ф. Дессауэра – это пробное решение проблемы проективного взаимодействия слоёв семиозиса. Классической философской традиции, уже Г. Лейбницу, было понятно, что в условиях онтологического плюрализма необходимо найти и обосновать ту форму, которая позволяет, в рецептивном смысле, определённому комплексу ощущений учитываться соответствующей ему формой рассудка (такого рода учитывание даёт основание для корреспондентской истины). В проективном смысле такого рода форма должна обеспечивать выражение некоторого переживания в той или иной грамматике, удовлетворение некоторой потребности в том или ином техническом решении. Сам Г. Лейбниц использовал в этих целях фигуру предустановленной гармонии [9], Д. Беркли в аналогичном случае сформулировал идею доброго бога как такого универсального наблюдателя, который не меняет формы наблюдения в процессе наблюдения [10]. Однако эти решения, несмотря на их убедительность и непротиворечивость, работают для обоснования рецептивных процессов, не проективных. Если искать адекватные параллели для проблем, пробным решением которых является концепция «четвёртого царства», то они обнаруживаются в целом в вопросе о выражении, составляющем предмет философии творчества. Анализ «предустановленных форм решений», из которых состоит «четвёртое царство», следует сопоставлять с анализом грамматических и стилистических норм, которые тот или иной язык предоставляет поэту, с анализом соответствий цветовой палитры и геометрии фантазии художника, с анализом звуковых рядов, частотных характеристик, посредством которых выражает свои образы композитор или музыкант-импровизатор, с анализом логических структур, формул и правил, которые позволяют учёному сформулировать абдуктивную гипотезу.

Если Аристотель [11] вслед за Сократом и Платоном связал правило с мастерством или техне, искусством, где обладать мастерством означало действовать на основании правила, то Ф. Шляйермахер показал [12], что всякое искусство есть деятельность, которая подразумевает правила второго порядка: необходимо не просто знать правила расположения элементов в некоторой области, но и знать правила применения этих правил. Это наиболее общая постановка проблемы выражения, заключающаяся в том, что действующий субъект (мастер, художник, техник) не просто знаком с синтаксисом той области, в которой он намерен осуществить своё намерение, потребность

или переживание, но знает, как применять синтаксис данной конкретной области. Соответственно, проблема правил для правил – это область прагматики семиозиса, позволяющая посредством применения синтаксиса порождать некоторую семантику. В техническом действии, в отличие от классической постановки этого вопроса в теории искусств, речь идёт о на порядок более сложном взаимодействии: необходимо не просто соотнести произвольность фантазии с объективными формами того или языка, но еще и воплотить ту или иную (художественную, логическую, грамматическую) форму в том или ином субстрате чувственного восприятия, в материи. Соответственно, возникает проблема общезначимых правил выражения как последовательного соотнесения в проекции вымысла, рассудка и физического мира. В терминах популярной онтологии К.Р. Поппера это можно сформулировать в виде проективного взаимодействия трёх миров, приводящего к появлению новых объектов физического мира в результате его взаимодействия с третьим миром под влиянием интенций, возникших во втором мире.

«Четвёртое царство» Ф. Дессауэра

Концепция «четвёртого царства» Ф. Дессауэра не является принципиально новой или неожиданной с точки зрения истории философии. Таковой она является только для критиков, не принимающих интенции платонизма в целом, как, например, Г. Рополь [13]. «Четвёртое царство» выполняет те же функции в проективном семиозисе, что и «мир идей» Платона в рецептивном. Вопрос заключается в том, с позиции какого типа правил сам Ф. Дессауэр трактует этот мир, и можно ли сегодня, спустя более 80 лет после первой публикации этой концепции, принять её в авторском виде?

Приведём цитату с шестью характеристиками «четвёртого царства», сформулированными Ф. Дессауэром через 32 года после первой публикации в качестве ответа на критику:

«1. Царство предустановленных образов решений обосновывает и ограничивает технику, которая определяется через него. В отношении человеческих потребностей часто невозможно предсказать, являются ли они технически исполнимыми. […] Мы знаем, что тождество «немыслимо = невозможно» не верно. Есть многое в багаже наших сегодняшних знаний, что ранее было немыслимым, а есть и такое, что и сегодня немыслимо, однако реально существует. Поэтому и для техники должно быть верным то, что в отношении возможности и невозможности обнаружения и реализации образов решений нет никакой определённости, если только задание не располагается в близкой, обозримой области, или если оно противоречит известному порядку природы. […]

2. Когда мы в целях упрощения языка обсуждения заимствуем из теологически ориентированной метафизики выражение «творение» и подразумеваем под ним всю полноту космического, всё, прямо или косвенно доступное органам чувств, тогда творение предстаёт в несколько изменённой конфигурации: оно содержит не только объекты, «телесные субстанции», как говорили древние, от звёзд до частиц пыли, не только всё одушевлённое и неодушевлённое, но и существенно большую сферу латентных, т.е. скрытых, еще не реализованных образов, которые посредством человеческой деятельности

переносятся, «высвобождаются» к реальному существованию. Потенциальная часть космоса необозримо велика, и именно она обеспечивает для нас динамический характер творения. […]

3. […]Динамический характер космоса, как он для нас раскрывается в технике, исходит из человеческой деятельности. Именно человек, носитель формообразующих сил, которые делают необходимым, заставляют исследовать, оформлять и обрабатывать, источник беспокойства как таковой, он извлекает образы силы из потенциального космоса, помогает им приступить к действию. Изобретающий человек… приводит латентные картины к «развитию», раскрывает их, продолжает определённым и ограниченным образом творение, является одним из источников этой динамики.

4. Тем самым мы можем обобщить: изначальные формообразующие способности человека являются основанием технического исторического процесса [geschichtliches Geschehen], латентное наличие в «четвёртом царстве» предустановленных, подлежащих исполнению форм является основанием возможности техники. Динамика, неугомонность и неостановимость продолжающегося формообразования с её следствием в виде поразительной трансформации общества есть беспокойство человека, который не чувствует себя дома, который ищет родину, которому природы не достаточно. […]

5. Мышление человека, его направленные на познание усилия имеют в познаваемом родственный объект, в случае естествознания это предданная природа. Если бы не было такого рода эквивалентности, то не было бы и познания или, словами древних, отражения в духе. Это сродство было ясно грекам за 500 лет до н.э., и это была, так сказать, заря Европы. Должно быть и сродство между человеческими потребностями и латентными образами творения, пребывающими формами «четвёртого царства», корреспонденция в том же смысле, в каком она для других случаев точно показана теорией групп. Должны быть однозначные соответствия между потребностью и образом решения в потенциальном царстве природы. Насколько эти соответствия двух сфер можно прояснить в понятиях соответствия корреспондирующих структур, таких как «инвариантность», «трансформация», «гомо- и изоморфность», пока неизвестно. Работы такого рода нам неизвестны. Но именно в этом направлении лежит ответ на исходный вопрос этой книги: как возможна техника? Она возможна только за счёт структурной аналогии. В идеале словарю языка человеческих бед и желаний должен быть противопоставлен словарь форм исполнения с лежащим в основе взаимно однозначным соответствием терминов обоих.[…]

6. Сформированное таким путём противопоставление области желаний, которая происходит из человеческой природы, с областью исполнений, которые становятся возможными благодаря силам природы, приводит к выводу о том, что не все потребности могут быть удовлетворены таким путём; потому что человек – не только природное, но и духовное существо. Но так как все духовные и душевные функции человека привязаны к природным процессам, следует понимать, что формы «четвёртого царства», т.е. технические проблемы, являются значимыми предпосылками для исполнения таких потребностей, которые обусловлены его духовной природой, сформированы его

сознанием. Это подтверждается тем фактом, что объективные предметы культуры в своём воплощении суть технические предметы…» [6. С. 82–85].

Четвёртый тезис и его разработка в философских работах Ф. Дессауэра убеждают в том, что он сам видит в «четвёртом царстве» лишь набор правил образования и преобразования, т.е. синтаксис. Однако именно этот тезис вызывал и вызывает оправданную критику. Тезис настоящей статьи заключается в том, что открытие объективных законов технического формообразования в виде самостоятельного «царства» или «мира» должно подразумевать его деление на группы семантических, синтаксических и прагматических правил проективного семиозиса и рассматриваться в контексте общефилософской проблемы выражения.

Техника как таковая, если следовать приведённому определению Ф. Дессауэра, является узкой областью проективного материального осуществления форм рассудка в субстрате физического мира, доступного чувственному восприятию. Эту область можно обозначить как область технического семиозиса, где синтаксические правила фиксируют способы преобразования рассудочных схем в объекты и процедуры физического мира, прагматические правила показывают применение таким образом определённого синтаксиса в рамках доступного конкретному субъекту запаса знаний, навыков и умений, семантические правила показывают воплощённые в физическом мире технические объекты как значения и технические среды – как системы значений. Развёртывание этой модели – задача семиотически (и аналитически) определённой философии техники.

Заключение

«Платонизм» в философии техники заключается в учёте «предустановленных форм решений», в принятии онтологической предпосылки, согласно которой нечто несуществующее не может быть изобретено. Он требует анализа механизмов доступа изобретателя к предустановленным формам в актах измышления, внедрения и обработки, анализа механизмов взаимодействия «миров», «царств» или «слоёв семиозиса» в творческой деятельности. В целом философия техники разворачивается как исследование правил проективного семиозиса, коренящееся в истории философии творчества и выстраивающее свои модели контрадикторно рецептивному семиозису. Аналитическая философия техники, таким образом, оказывается сферой, в которой находят практическое применение традиционные умозрительные модели анализа рецептивного семиозиса и творческой деятельности.

Литература

1. *Ястреб Н.А.* Аналитический подход в философии техники // Вестник Московского государственного областного университета. 2016. № 1. С. 102–107.

2. *Ястреб Н.А.* Проблема двойной демаркации технического знания в аналитической философии техники // Вестник Томского государственного университета. Философия, социология, политология. 2016. № 2. С. 129–136.

3. *Нестеров А.Ю.* Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода // Вестник СГАУ. 2015. Т. 14, № 1. С. 235–246.

4. *Нестеров А.Ю.* Проективный семиозис в герменевтике (на примере технического сознания) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 134–140.

5. *Popper K.R.* Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford, 1995.

6. *Dessauer F.* Streit um die Technik. Freiburg in Breslau, 1959.

7. *Нестеров А.Ю.* Существование и значение: проблема субстрата знаковой функции // Вестник Томского государственного университета. Философия, социология, политология. 2014. № 4 (28). С. 56–63.

8. *Dessauer F.* Philosophie der Technik: das Problem der Realisierung. Bonn, 1927.

9. *Leibniz G.W.* Monadologie und andere metaphysische Schriften. Hamburg, 2002.

10. *Berkeley G.A.* treatise concerning the principles of human knowledge. Oxford, 1998.

11. *Аристотель.* Метафизика // Сочинения в 4 т. М., 1975. Т. 1.

12. *Schleiermacher F.D.E.* Die allgemeine Hermeneutik // Internationaler Schleiermacher-Kongress Berlin 1984. Berlin, New York, 1985.

13. *Ropohl G.* Allgemeine Technologie. Eine Systemtheorie der Technik. Karlsruhe, 2009.

Nesterov Aleksandr Y. – Samara National Research University (Samara, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/9

PLATONISM IN THE ANALYTICAL PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY: PRAGMATIC RULE IN PROJECTIVE SEMIOSIS

Keywords: the fourth kingdom, projective semiosis, technical consciousness, Friedrich Dessauer, pragmatics

The article discusses the possibility for expressing “the fourth kingdom” of Friedrich Dessauer in the philosophy of technology by means of semiotics. Technology is understood as a material realization of the projective semiosis. The essence of technology is determined by F. Dessauer in terms of Platonism: “Technology is the real idea existence finalistically formed and processed with the inventory given by the nature”. Technical is an area in which fiction and fantasy, wrapped in the logical (or at least the grammatical) form, are embodied in the virtual world corresponding to the laws of nature. Technology is a projective semiosis in the part that concerns the objective realization of rational structures in the substrate of sensory perception. "The fourth kingdom" has the same function in the projective semiosis as the "world of ideas" by Plato in the receptive one. The dispute concerns the identification of the rule type applied by F. Dessauer while interpreting this world and whether it is possible today, after more than 80 years since the first publication of this conception, to take it in the author’s form. The thesis of the article is that the discovery of the objective laws of technical formation as an independent "kingdom" or "world" should imply its division into groups of semantic, syntactic and pragmatic rules of projective semiosis and be considered in the context of philosophical problem of expression. "Platonism" in the philosophy of technology means the accounting of "the preset forms of decisions", making ontological premise that something non-existent cannot be invented. It requires the analysis of the inventor’s access mechanisms to the preset forms in acts of speculation, implementation and processing, as well as the analysis of interaction mechanisms among "worlds", "kingdoms" or "layers of semiosis" in creative activities. In general, the philosophy of technology unfolds as a study of the rules of projective semiosis, grounded in the history of creativity philosophy and building its models contradictory to receptive semiosis. Analytical philosophy of technology, therefore, is the field where practical application of traditional speculative models of receptive semiosis analysis and creative activities can be found.

References

Yastreb, N.A. (2016) Analytical approach in philosophy of technology. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Moscow State Regional University Magazine*. 1. pp. 102–107. (In Russian). DOI: 10.18384/2310-7227-2016-1-102-108.

2. Yastreb, N.A. (2016) The Problem of double Demarcation in analytic Philosophy of Technology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2. pp. 129–136. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/34/15

3. Nesterov, A.Yu. (2015) The essence of technical consciousness within the frame of the semiotic approach. *Vestnik SGAU – Vestnik of Samara State Aerospace University.* 14(1). pp. 235–246. (In Russian). DOI: 10.18287/1998-6629-2015-14-1-235-246

4. Nesterov, A.Yu. (2015) Projective semiosis in hermeneutics (in the context of technical consciousness). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(32). pp. 134–140. (In Russian).

5. Popper, K.R. (1995) *Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*. Oxford University Press.

6. Dessauer, F. (1959) *Streit um die Technik* [Controversy over technology]. Freiburg in Breslau: Herderbücherei.

7. Nesterov, A.Yu. (2014) Existence and meaning: the matter of semiosis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(28). pp. 56–63. (In Russian).

8. Dessauer, F. (1927) *Philosophie der Technik: das Problem der Realisierung* [Philosophy of technology: the problem of realization]. Bonn: Cohen.

9. Leibniz, G.W. (2002) *Monadologie und andere metaphysische Schriften* [Monadology and other metaphysical writings]. Hamburg: Meiner, F.

10. Berkeley, G.A. (1998) *Treatise concerning the principles of human knowledge*. Oxford University Press.

11. Aristotle. (1975) *Sochineniya v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 1. Moscow.

12. Schleiermacher, F.D.E. (1985) Die allgemeine Hermeneutik [General Hermeneutics]. *Internationaler Schleiermacher-Kongress*. Berlin 1984. Berlin, New York.

13. Ropohl, G. (2009) *Allgemeine Technologie. Eine Systemtheorie der Technik* [General technology. A system theory of technology]. Karlsruhe: Universität Karlsruhe Universitätsbibliothek.

УДК 1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/36/10

А.П. Никитин

ПРОБЛЕМА АНАЛОГИИ ДЕНЕГ И ЯЗЫКА В РАКУРСЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ[1]

Анализируется подход, рассматривающий деньги как языковую систему. Представлены аргументы в обоснование аналогии между деньгами и языком и аргументы в опровержение этой позиции. Дана критика прагматической концепции значения денежных знаков, выявлены ее логические противоречия. Предлагается альтернативный взгляд на проблему соотношения денег и языка.
Ключевые слова: *деньги, язык, коммуникация, семантика, прагматика.*

Довольно распространенное определение аналитической философии гласит, что она есть философия, последовательно устраняющая из аргументации метафоры и произвольные аналогии. Устранению одной из таких аналогий посвящена данная работа, а именно концептуального сходства денег и языка. Эта аналогия представляет интерес как для экономической теории, так и для философии языка, а сама проблема ее состоятельности связана с той традицией в аналитической философии, которая занята вопросами социальной эпистемологии.

Следуя принципу последовательности, сначала будет представлен сам подход, в соответствии с которым возможно проводить смысловую параллель между деньгами и языком. Затем будут рассмотрены аргументы против указанной аналогии, которые часто артикулируются в сообществе ученых, занимающихся исследованием денег. Столкновение с этими контраргументами приводит сторонников представленного подхода к формированию прагматической концепции значения денежных знаков, на критике которой мы остановимся более подробно. В заключении предлагается альтернативный взгляд на проблему соотношения денег и языка, не столь интересный, как критикуемый, но от этого, возможно, более правдоподобный.

Установление аналогии между деньгами и языком является сформировавшейся тенденцией в социально-гуманитарных работах различной направленности. Назовем только некоторые из них. В области экономической теории наиболее значимой можно считать статью К. Веннерлинда «О чем молчит презренный металл? Семиотика денег и общественный контроль» [1]. В парадигме экономической социологии известна работа К. Поланьи «Семантика использования денег» [2]. В постмодернистском движении указание на языковую сущность денежного обращения использовал Ж. Бодрийяр в книге «Символический обмен и смерть» [3]. В отечественной науке аналогия денег и языка популярна как в среде экономистов [4] и социологов [5], так и в среде социолингвистов [6]. Большинство авторов при этом ссылаются на классиче-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-7733.2016.6.

скую работу Г. Зиммеля «Философия денег» [7], в которой немецкий философ и социолог рассматривал, помимо всего прочего, коммуникативную функцию денег.

В обоснование аналогии между деньгами и языком можно привести цитату из статьи К. Веннерлинда: «Существуют важные сходства между лингвистическим дискурсом и денежным обменом. Наиболее очевидная общая черта: это символические системы, которые служат для передачи социальных знаний между людьми. Если слово передает идеи и смыслы в речи или письме, то с помощью денег анонимные владельцы собственности взаимодействуют в рамках рыночного обмена. Более того, как слово не имеет смысла вне языка, так и деньги нельзя понять вне денежной культуры… Кроме того, как слово может передавать различный смысл в зависимости от контекста, в котором оно используется, так и деньги передают различный опыт в зависимости от того, какое отношение они опосредуют» [1. С. 68].

В соответствии с этим подходом, деньги можно считать особого рода языковой системой, в которой присутствуют следующие аналогичные признаки:

1. С помощью языка человечество обозначает предметы и отношения между ними, языковая картина мира обусловливает границы реальности для человека. С помощью денег человечество выражает стоимость товаров и услуг, ее совокупность (мировой ВВП) обусловливает границы экономического обогащения.

2. Языковая картина мира подвижна и неустойчива: люди придают словам другой смысл, вводят новые понятия, избавляются от архаизмов. Границы рынка также не являются фиксированными: меняется стоимость товаров, увеличивается разнообразие предоставляемых услуг, возможна трансформация товара в общедоступное благо.

3. Существование языка и денег невозможно представить без человека. В обоих случаях необходима фигура интерпретатора, которая придает смысл и значение словам и которая признает в деньгах ценность.

4. Интерпретация языковых и денежных единиц позволяет адекватно переводить их из одной системы в другую. К примеру, слово «bread» можно перевести на русский язык как «хлеб» благодаря тому, что американцы подразумевают под этим знаком хлеб. Соответственно, если бы стоимость булки хлеба в США составляла 2 доллара, а в России 30 рублей, путем нехитрых вычислений можно было бы увидеть, что под долларом подразумевается 15 рублей. В экономической теории такой перевод называется паритетом покупательной способности, но в реальности он действует только по опосредованному кругу, т.е. тогда, когда хлеб покупается в одной стране и продается в другой.

5. Наконец, использование языка и денег в процессе социальной коммуникации зиждется на всеобщем признании языковых и денежных единиц и на доверии к ним. Доверие понимается здесь как вера субъекта в то, что все остальные тоже принимают единицу как средство обращения. Субъекты коммуникации ежедневно доверяют друг другу в том плане, что ожидают от них адекватного понимания своих слов. Отправляясь в путешествие по стране, россияне берут с собой рубли, ожидая, что другие примут их в качестве пла-

ты за необходимые товары и услуги, тем самым доверяя им свое существование. Как в том случае, если слова субъекта не понимаются прочими лицами, так и в том случае, если его деньги не принимаются остальными людьми, он оказывается в ситуации социальной изоляции.

Обобщая все вышесказанное, можно просто вспомнить слова американского экономиста Эдвина Долана о том, что деньги – это «язык рынка». Об этом писал и Г. Зиммель, утверждая, что ключевая функция денег состоит в распределении доверия среди анонимных индивидов, которое создает необходимую основу для формирования больших рыночных сетей.

Прежде чем обратиться к контраргументам, необходимо сделать следующее замечание по существу рассматриваемой нами проблемы: в истории экономической мысли мало кто сомневался в символическом содержании денежных единиц. Даже среди сторонников металлизма распространено было мнение, что как только люди перестанут ценить материал, из которого сделаны монеты, так сразу же их обладатели останутся ни с чем. Об этом писал еще Аристотель, рассуждая о природе богатства: «Стоит лишь тем, кто пользуется деньгами, переменить отношение к ним, и деньги потеряют всякое достоинство, не будут иметь никакой ценности в житейском обиходе, а человек, обладающий даже большими деньгами, часто не в состоянии будет достать себе необходимую пищу» [8. С. 392]. Очевидность этого положения может ощутить каждый россиянин, если попытается осуществить покупку, используя билеты Банка России образца 1995 г., сколько бы он их ни накопил. Возможно аналогичное утверждение, что стоит лишь тем, кто пользуется словами, переменить отношение к ним, и слова потеряют всякий смысл, не будут иметь никакого значения в общении, а человек, использующий их, часто не в состоянии будет воздействовать на других своей речью. Очевидность и этого положения может осознать каждый носитель русского языка, если попытается завести знакомство с другими людьми словами «Давай ватажиться».

Аргументы против аналогии денег и языка начинаются с рассмотрения знаковой сущности того и другого. Но при этом утверждается фундаментальность языка по отношению к деньгам. Денежное обращение – это факт социальной реальности. Язык фундаментален по отношению к социальным фактам в том смысле, что ни один из них не может существовать без лингвистического представления. Дж. Сёрль приводит в качестве примера самые простые случаи: Барак Обама является президентом США, сам Дж. Сёрль является профессором, в руках у него двадцатидолларовая купюра, автомобиль у окна – его собственность. Все эти факты «требуют лингвистического представления для того, чтобы существовать… Но предложения английского языка не требуют лингвистического представления, чтобы быть предложениями английского языка» [9. P. 110–111]. В отношении денежных знаков постулируется простой тезис: нет языка – нет денег. При этом обратная обусловленность не действует: «Интуитивно нам ясно даже без всякой теории, что язык фундаментален в весьма конкретном отношении: язык может существовать без денег, собственности, правительства или брачных отношений, но нельзя иметь деньги, собственность, правительство или брачные отношения при отсутствии языка»

[10. С. 16]. Таким образом, первичность языка по отношению к деньгам не позволяет считать последние полноценным аналогом лингвистических систем, которые, в свою очередь, не требуют репрезентации.

Второй контраргумент заключается в том, что денежные знаки самореферентны и взаимообращаемы, что отличает их от языковых единиц. Слово «хлеб» обозначает именно хлеб, а не само себя или слово «bread». Фраза «хлеб состоит из четырех букв» является бессмысленной, поскольку хлеб обычно состоит из муки и воды, поэтому адекватно утверждать, что «слово "хлеб" состоит из четырех букв». Деньги же являются одновременно и знаками, и товарами: за тысячу рублей возможно купить продукты, а можно купить тысячу рублей (разменяв) или несколько долларов. Именно поэтому паритет покупательной способности между валютами, о котором говорилось выше, не реализуется на практике, поскольку в их отношении действуют те же законы спроса и предложения, что и в отношении других товаров, - чем больше спрос на доллары со стороны владельцев рублей, тем больше их стоимость в данной валюте. Если бы то же самое осуществлялось в отношениях между языками, то тогда бы возникла путаница, что подразумевается человеком, произносящим слово «bread», – хлеб или «хлеб».

Третий контраргумент заключается в анализе семантического значения денежных и языковых единиц. Его суть в том, что нельзя проводить аналогию между выражением стоимости товара и обозначением предмета в слове, так как первый случай – это ситуация применения переменной, а второй случай – ситуация применения константы. Ежедневно носитель русского языка уверен, что словосочетание «булка хлеба» обозначает соответствующей формы мучное изделие, но он не уверен в том, что ему удастся купить хлеб за 30 рублей. Единственное, что он может ожидать – это признание самой единицы измерения (рубль), но как будет варьироваться выраженная ею стоимость, ему неизвестно.

Иными словами, если сравнивать слова обыденного языка и знаки «сто рублей» или «двадцать долларов», то семантика последних не фиксирована. В решении этого противоречия сторонниками отождествления денег и языка предлагается подход, в соответствии с которым значение денежных знаков определяется субъектом в процессе практического применения, т.е. прагматически.

Своеобразие данного подхода хорошо иллюстрируется примером, приведенным В.А. Лукиным: «Когда человек тратит деньги, он делает выбор в пользу одного из равноценных объектов, входящих в экстенсионал денежного знака. Так, скажем, на Великолукском железнодорожном вокзале в 2011 году за 50 рублей можно было купить либо бутылку пива, либо пачку сигарет, либо дешевый детектив. Тот объект, который владелец 50 рублей выбирает из ряда других, включенных в экстенсионал банкноты, и в обмен на который отдает ее, – референт данного денежного знака» [6. С. 277]. Экстенсионалом знака «50 рублей», таким образом, является все то, что можно купить за 50 рублей, а референт знака определяет человек в процессе покупки чего-то, что не стоит больше указанной суммы.

Прагматическая концепция в интерпретации денежных знаков является довольно распространенной, но уже на интуитивном уровне кажется стран-

ной. Прибавляется и этический аспект. Мы уже писали о том, что в осмыслении социокультурной значимости денег на уровне обыденной мифологии и метафизических построений широко распространена амбивалентность представлений в виде дихотомии божественного и дьявольского [11]. Представим теперь человека, мировоззрение которого наполнено идеей о том, что деньги – это зло. Оказавшись на Великолукском вокзале в 2011 г., испытывая мучительную жажду и изнывая от жары, он покупает бутылку пива, и, наслаждаясь вкусом пенного напитка, должен думать, что пиво – это тоже зло, но не из-за его вреда для здоровья, а из-за того, что оно куплено за деньги. С другой стороны, такому человеку наверняка понравится афоризм «счастье не в деньгах», и уж точно он будет понимать, что «счастье не в пятидесяти рублях», однако утоление жажды вполне может сделать его счастливым, пусть и на короткое время.

Это только мировоззренческие нюансы, возникающие из-за того, что в прагматической концепции смешиваются объектный и предикационный уровни референции. Именно так, на наш взгляд, стоит трактовать идею о том, что словосочетания «бутылка пива» и «пятьдесят рублей» указывают на один и тот же предмет в случае, если бутылка пива покупается за пятьдесят рублей.

Продемонстрируем это в логической форме. Возьмем множество товаров, которые стоят 50 рублей, обозначив их существование высказыванием типа □xA(x) – «есть такое x, при котором A(x)» – «существуют такие товары, которые стоят 50 рублей». Предположим, что словосочетание «товары стоимостью 50 рублей» и предикат «стоят 50 рублей» обозначают одно и то же множество. Далее абстрагируем стоимость в понятии «пятьдесят рублей» и будем утверждать, что данная сущность подразумевает те самые x, при которых выполняется A(x). Сами пятьдесят рублей, даже если это просто запись на электронном счете, действительно входят в эту совокупность, поскольку они являются товаром, стоящим пятьдесят рублей. Но, выполняя функцию количественного выражения стоимости, этот товар входит в подмножество □x(A(x)&B(x)), где B(x) – «быть деньгами», «выполнять денежную функцию». Отсюда утверждать, что каждые пятьдесят рублей являются, с одной стороны, денежным знаком, а с другой стороны, товаром, вполне адекватно. При этом противоречиво утверждать, что все товары стоимостью пятьдесят рублей являются пятьюдесятью рублями и деньгами соответственно.

В прагматической концепции есть важное наблюдение, которое делает ее не столь противоречивой, как кажется на первый взгляд. Фраза «товары стоимостью 50 рублей» является неопределенной дескрипцией, такой же как словосочетания «предметы весом сто килограмм», «люди в возрасте 40 лет», «спортсмены, одержавшие 10 побед на международных соревнованиях» и т.д. Сто килограммов, сорок лет, десять побед – количественные явления, которые мы не можем подменить никаким предметом, они не существуют сами по себе, как субстанция, а только в качестве признаков и свойств. Существует сто килограммов чего-то, сорок лет продолжительности чего-то, десять побед кого-то в чем-то. Пятьдесят рублей же просто есть, и существует возможность обменять это на товар стоимостью пятьдесят рублей. Физическая подмена обусловливает семантическую: купив за пятьдесят рублей бутылку пива, можно назвать ее «пятьдесят рублей». Такой аргумент нельзя

недооценивать, ведь в обыденной жизни, к примеру, когда человек, совершая покупку, расстается с крупной суммой денег, он, глядя на свое приобретение, отождествляет его со своей тратой.

Однако если признать обоснованность экстраполяции физического обмена на семантические отношения, то тогда обычная коммуникация приобретет курьезный характер. Субъект, обменяв свою дачу на автомобиль, будет называть его «дача»; субъект, получивший дачу вместо своего автомобиля, будет называть ее «автомобиль» и т.п. Если субъект выражает стоимость дачи в автомобиле, то он придает понятию «автомобиль» два смысла – транспортное средство и стоимость дачи. Последнее не обозначает саму дачу. Соответственно, если субъект оценивает стоимость дачи в пятьсот тысяч рублей, то «500 000 рублей» для него – финансовый актив и стоимость дачи, что опять же не подразумевает саму дачу. Денежные знаки, таким образом, будучи самореферентными, также являются функциональными, выражая стоимость товаров и услуг, но не сами предметы и действия. Прагматика денежных знаков лишь увязывает их наличие с возможностью их использования: если у нас есть N денежных единиц, то у нас есть возможность приобрести что-то, что не стоит более N.

Таким образом, говоря о сходстве денег и языка, следует констатировать знаковую природу того и другого при отсутствии общего коммуникативного содержания, на чем настаивают сторонники прагматической концепции денежных знаков. И дело здесь даже не в том, что значение денежных знаков не фиксировано. В таком доводе не учитывается, что слова, на самом, деле, также могут менять свое референтное поле, что не мешает считать их языковыми единицами. В философии языка известны гипотетические примеры У.В.О. Куайна, Н. Гудмена, Х. Патнема, когда слово «кролик» может означать правый бок кролика или его цвет, предикат «зеленый» может быть приложим к вещам, которые в перспективе становятся голубыми, слово «вода» указывает на жидкость, идентичную воде во внешних свойствах, но имеющую иной химический состав, чем H_2O, и т.д. «Любое частное употребление языкового выражения может быть подведено под неограниченное количество правил употребления. Любое частное употребление может быть противопоставлено любому правилу. Следовательно, любое частное употребление языкового выражения не может быть с полной определенностью подведено под какое-либо правило» [12. С. 12].

Но, как бы не менялось значение слов, люди используют их таким образом, что делают возможным процесс обычного общения. Для того, чтобы считать денежный знак аналогией слова, необходимо задаться вопросом, возможен ли рынок без денег. Общение не может осуществляться без символического отображения реальности, будь то жест рукой, звуки или письменные знаки. При этом ничто не мешает человечеству обмениваться товарами без денежного посредника. Деньги облегчают этот процесс, нивелируя трансакционные издержки, делая его быстрее и эффективнее. Денежная система имеет в большей степени функциональное значение, а не предметное. Главный же социокультурный результат денежного обращения – это объективация ценности. Деньги существуют в языковой среде, но их конкретно направленная функциональность больше роднит их с другими семиотическими

системами, в которых с помощью количественных показателей отображается значимость. Например, индексы в научной и образовательной среде, рейтинги популярности, имиджевые оценки и т.д. Скажем, как с помощью индекса цитируемости структурируется социальное пространство науки, так и с помощью денег структурируется пространство рынка. Как различные валюты конвертируются друг в друга, так и системы учета цитат являются взаимообращаемыми.

Язык по отношению к этим количественным системам является первичным необходимым условием существования. Языковая коммуникация между учеными приводит к созданию системы цитируемости, что приводит к облегчению самой коммуникации; языковая коммуникация между участниками рынка приводит к созданию денег, что приводит к увеличению ее эффективности и т.д. Но коренное отличие этих семиотических систем от языка состоит в их целевом предназначении: наука может существовать без индексов цитируемости, рынок может существовать без денег, но невозможно представить коммуникацию без языка. Искушение поставить в один ряд деньги и язык возникает именно из представления о необходимости денежных знаков для человеческой цивилизации. Наш мир действительно трудно представить без денег, но эта трудность не является доводом в пользу того, чтобы считать их неотъемлемой частью нашего существования.

Литература

1. *Веннерлинд К.* О чем молчит презренный металл? Семиотика денег и общественный контроль // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 65–82.

2. *Поланьи К.* Семантика использования денег // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 125–137.

3. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

4. *Селищев А.С.* «Язык» и «деньги»: сравнительный анализ двух категорий // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 5 (83). С. 39–48.

5. *Зарубина Н.Н.* Деньги в социальной коммуникации // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 3–12.

6. *Лукин В.А.* Семиотика денег и семиотические аспекты экономического кризиса // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 1 (51). С. 274–282.

7. *Simmel G.* Philosophy of Money. London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2005. 543 p.

8. *Аристотель.* Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

9. *Searle J.R.* Making the Social World: the Structure of Human Civilization. New York: Oxford University Press, 2010. 208 p.

10. *Сёрль Дж.* Что такое институт? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 5–27.

11. *Никитин А.П.* Божественное и дьявольское в деньгах // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2. С. 105–113.

12. *Суровцев В.А., Ладов В.А.* Витгенштейн и Крипке: следование правилу, скептический аргумент и точка зрения сообщества. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 136 с.

Nikitin Anton P. – Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation).

DOI: 10.17223/1998863X/36/10

THE PROBLEM OF ANALOGY OF MONEY AND LANGUAGE IN VIEW OF ANALYTICAL PHILOSOPHY

Keywords: money, language, communication, semantics, pragmatics

The article is devoted to consideration of analogy of money and language, its foundation on the one hand and its productivity on the other hand. This analogy represents interest both for economical

theory and for the philosophy of the language. And the problem of its prosperity is connected to that tradition in analytical philosophy which concerns the issues of social epistemology. In this work the approach itself is presented, in accordance with which it is possible to draw a conceptual parallel between money and language. The arguments in favor of the stated analogy are given. They are:

– how language denotes objects and relations between them so money conveys the price of goods and provides their exchange;

– a total combination of language units is not a constant given so the combination of token money;

– the existence of language and money is impossible to imagine without an interpreter's figure;

– the interpretation of language and currency units gives the opportunity to transfer them from one system to another in an adequate way;

– language and money use in the process of social communication is founded on universal language and currency units recognition and on trust to them.

The arguments against analogy of money and language are studied such as:

– language primacy in relation to money does not permit to regard money as a complete analogue of linguistic systems as money cannot exist without language whereas language can;

– token money are self-referential that differs them from language units;

– it is impossible to draw an analogy between the expression of the goods value an indication an object in the word as in the first case it is the situation when variable is used and in the second one constant is used. In the solution of this contradiction, the supporters of money and language identification propose such approach according to that the significance of token money is defined by a subject in the process of practical use, i.e. pragmatically. The critique of pragmatic conception of token money is given and the alternative view at the problem of money and language correlation. The sign nature of both is established having lack of communicative contents. Money exists in language area but its concrete functionality makes it close not with language but with other semiotic systems in which value is expressed with the help of quantitative marks. Language regarding these quantitative systems is an essential condition of existence.

References

1. Vennerlind, K. (2010) O chem molchit prezrennyy metall? Semiotika deneg i obshchestvennyy kontrol' [What does filthy lucre keep silent about? Semiotics of money and public control]. *Voprosy ekonomiki*. 2. pp. 65–82.

2. Polanyi, K. (2007) Semantika ispol'zovaniya deneg [The semantics of the use of money]. In: Nureev, R.M. (ed.) *"Velikaya transformatsiya" Karla Polan'i: proshloe, nastoyashchee, budushchee* ["The great transformation" by Karl Polanyi: Past, present and future]. Moscow: GU-VShE. pp. 125–137.

3. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Dobrosvet.

4. Selishchev, A.S. (2013) "Yazyk" i "den'gi": sravnitel'nyy analiz dvukh kategoriy ["Language" and "money": A comparative analysis of the two categories]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 5(83). pp. 39–48.

5. Zarubina, N.N. (2006) Den'gi v sotsial'noy kommunikatsii [Money in social communications]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 3–12.

6. Lukin, V.A. (2013) Semiotika deneg i semioticheskie aspekty ekonomicheskogo krizisa [Semiotics of money and semiotic aspects of the economic crisis]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(51). pp. 274–282.

7. Simmel, G. (2005) *Philosophy of Money*. London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group.

8. Aristotle. (1983) *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.

9. Searle, J.R. (2010) *Making the Social World: the Structure of Human Civilization*. New York: Oxford University Press.

10. Searle, J.R. Chto takoe institut? [What is the institute?]. *Voprosy ekonomiki*. 8. pp. 5–27.

11. Nikitin, A.P. (2014) Divine and devilish in money. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2. pp. 105–113. (In Russian).

12. Surovtsev, V.A. & Ladov, V.A. (2008) *Vitgenshteyn i Kripke: sledovanie pravilu, skepticheskiy argument i tochka zreniya soobshchestva* [Wittgenstein and Kripke: Adherence to the rule, the skeptical argument and point of view of the community]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 303
DOI: 10.17223/1998863X/36/11

И.В. Черникова, Д.В. Черникова

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ И КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ[1]

Представлены изменения в онтологии сознания, обусловленные достижениями современной науки в изучении проблемы «сознание – познание – мозг». Результаты исследования основаны на сравнительном анализе философских концепций сознания (рационалистическая, персоналистическая, экзистенциальная, диалектико-материалистическая, феноменологическая, аналитическая) и концепций сознания, формируемых в когнитивной науке.
Ключевые слова: *сознание, познание, язык, мышление, когнитивная наука.*

Проблема сознания более 2000 лет была одной из центральных проблем философии. Сформировались различные подходы в философской трактовке сознания: рационалистическая, персоналистическая, экзистенциальная, диалектико-материалистическая, феноменологическая, аналитическая и др. Есть обобщающие философские работы, в которых дан сравнительный анализ философских концепций сознания [1]. В рационалистической философии акцентировалось внимание на гносеологических проблемах, а сознание отождествлялось с познанием. Важным свойством сознания является его рефлексивность, оно не только внешний мир отражает, но и себя самого. На нем основано диалектико-материалистическое толкование сознания как способности высокоорганизованной материи – мозга – отражать объективный мир. Персоналисты указали на недостаток рефлексивно-рационалистической концепции сознания, полагая, что ее сторонники превращают сознание в некое «око духа», расположенное перед миром. Мунье подчеркивал, что человек «интимно сопричастен объекту», при этом отрицается традиционная схема познания, где сознание расположено перед миром: «сознание в мире» коренным образом отлично от «сознания о мире». В центре персоналистического подхода к сознанию – внутренний мир личности. Большое внимание уделяется проблеме бессознательного.

В экзистенциальных трактовках сознания происходит окончательный разрыв с трансцендентализмом. Сознание перестает быть самодостаточным и задается в иных сферах (язык, власть и т.п.). В отличие от натуралистических концепций сознание не растворяется в бытии, не ставится в один ряд с природными процессами. Напротив, исходным является положение, что о бытии можно говорить лишь как о факте сознания, его конституирующих способностях. О структурах бытия вне сознания запрещено говорить в феноменологии.

В феноменологической концепции сознания главным свойством сознания является интенциональность – способность выходить за рамки себя к новому горизонту, направленность на предмет. Сознание в феноменологии представляет собой целостный поток переживаний, в которых воспринимается предмет.

[1] Исследование выполнено по гранту РГНФ 14-03-00371-а.

В структурализме сознание ни натуралистично, ни рефлексивно. Структуралисты открывают новые содержания сознания, основанные на априорных истинах разума, которые выявляются в языке, бессознательном, означающем и т.д. Бессознательное для структуралистов как момент объективного в мире субъективных очевидностей. В самом сознании обнаруживается такое, что сознанием не является, но определяет сознание. Структуралистское бессознательное – это абстрактный формо-упорядочивающий и формо-порождающий механизм – «матрица».

В начале XX века в философии обозначился так называемый лингвистический поворот, связанный с изучением языка как картины мира, как зеркала мышления, вследствие чего формируются языковые концепции сознания – герменевтические трактовки сознания *и аналитическая концепция сознания*. Связь мышления и речи исследовали психологи (Выготский и др.). Проблему сознания философы стали анализировать через язык. В философской герменевтике сознание трактуется как «со-знание» (Гадамер). Знание рассматривается как «частный «феномен, подлинный смысл которого определяется не им самим, а тем целостным контекстом, в который он включен. Этот контекст может быть «сыгран» в процессе «спекулятивной игры языка». Гадамер оценивает европейскую традицию познания как опирающуюся на установку субъективизма (истина от субъекта). Он подчеркивал превосходство античной традиции познания, где мышление понято как момент бытия, а не как образ действия субъекта. Разрыв бытия и мышления ведет к полной подмене движения самой вещи движением мысли о ней. Чтобы мышление было не субъективным, а соответствовало бытию, герменевтика предлагает то целое, которое соединяет все многообразие человеческого знания в единый контекст, – это язык. Язык не как инструментальное средство выражения формальных структур логики и не как средство говорения, а как процесс диалога, который ведут между собой бытие и мышление, «вещи сами по себе» и человеческое знание о них. У Гадамера сознание – не просто самосознание, а «со-знание» как целостное знание, соединяющее все иные виды знания. Носителем такого «со-знания» индивид способен выступать лишь отчасти. Воплощением этого коррелятивного целого выступает язык.

Особая роль в разработке проблемы сознания принадлежит аналитической традиции. Так называемая аналитическая программа включает большую группу активно полемизирующих друг с другом авторов, которых объединяет понимание сознания как продукта приобщения человека к пространству смыслов (Bildung). Наиболее известные – Х. Патнем (теория тождества физических состояний мозга и его ментальных явлений «qualia») и близкий ему по взглядам Д. Дэвидсон, разработавший теорию множественных интерпретаций материальных событий в мозге. Другие аналитики считают, что на проблему «mind – body» в настоящее время принципиально нельзя дать удовлетворительный ответ (К. Макгинн, Т. Нагель и др.). Важным практическим проектом аналитической философии сознания явились исследования искусственного интеллекта. Многие указанные теории были подробно и критически рассмотрены в отечественной философской литературе. Так, Н.С. Юлина считает, что проблема сознания, несмотря на резко усилившееся внимание к ней со стороны философов и учёных, остаётся в статусе «Великой тайны»

[2. С. 126]. С точки зрения Н.С. Юлиной, все вышеназванные теории не могут прийти даже к общей точке зрения по определению самого факта сознания и его характеристик. Однако аналитическая традиция в разработке проблемы сознания продолжает интенсивно развиваться.

Сегодня, в связи с достижениями конкретных наук в изучении мозга, прежде всего нейронауки, благодаря технологиям трехмерного картирования мозга, осуществляется прорыв в понимании тайны сознания. Рассмотрим, как современная философия осмысливает эти достижения науки, как меняются философские концепции сознания? Диспозиция сил ведущих игроков на поле сознания может быть, на наш взгляд, представлена следующим образом. Дж. Серл в истолковании сознания важнейшей считает его характеристику как субъективной реальности, поскольку в принципе неустранимо его описание от первого лица: «…сознанию присуща неэлиминируемая субъективная онтология» [3. С. 70].

Д. Денет полагает, что сознание – результат не восприятия, а нашей способности формировать мысли относительно ментальных состояний первого уровня. Д. Деннет отмечает несостоятельность образа сознания как особой ментальной реальности, которую он именует «картезианским театром». Сознание не в головах и не всепроникающий эфир в мире, а нечто между нашими головами, это многоуровневый феномен, в котором выделяются несколько слоев. Сознание, по Д. Деннету, – это функциональный процесс или операция с когнитивной информацией. Процесс был запущен с возникновением языка и семиотических средств и оформлялся в ходе меметической и социальной инженерии [4. С. 127].

Д. Чалмерс попытался найти средний путь между установками Деннета и Сёрла. Чалмерс проводит различие между легкими проблемами сознания и трудной проблемой сознания. «Легкая» проблема включает набор феноменов, которые обычно «ассоциируются с понятием сознания» и являются предметом исследования нейрофизиологии, когнитивной психологии и смежных с ними дисциплин. Сюда относятся: реакции на внешние стимулы, их дискриминирование и категоризация; отчеты о ментальных состояниях; интегрирование информации когнитивной системой; фокус внимания; контроль поведения; различие между бодрствованием и сном. Все эти феномены хорошо объясняются в привычных функциональных терминах. «Трудная» проблема сознания – это проблема «субъективного опыта». «Легкая» проблема связана с выявлением когнитивных механизмов, нацеленных на понимание функционирования сознания. «Трудная» проблема связана с выяснением онтологического статуса сознания, с пониманием сути феномена «сознание» как субъективного опыта. Как объяснить субъективный аспект информационных процессов? В этом – ключевой вопрос проблемы сознания. Объяснение в функциональных терминах, считает Чалмерс, оставляет вопрос открытым. Главная тема его исследования – это различие между биологической работой мозга и поведением, с одной стороны, и ментальным опытом, который рассматривается отдельно от поведения, т.е. *квалиа*, – с другой.

Рассмотрим, что нового привносит когнитивная наука в исследование сознания. В отношении сознания, когнитивная наука позволяет преодолеть противоречия и обнаружить пересечения в обсуждении сознания, понимае-

мого как информационная реальность (рационалистическая традиция) и как субъективная реальность. В рационалистической традиции сознание трактуется как знание, в феноменологической – как интенциональность (направленность на предмет). В когнитивной науке сознание является высшей когнитивной способностью, имеет информационную природу (когнитивных программ – перцептивных и символьных), это сложный многоуровневый феномен, формирующийся на стыках, создаваемый «переливами» природного и культурного.

Менталистские исследования сознания осуществлялись в рамках теории репрезентации высшего порядка. Согласно этим теориям, сознание есть результат репрезентации одних ментальных состояний другими ментальными состояниями. Сегодня признано, что этот подход недостаточен для понимания сознания, поскольку он не раскрывает онтологического статуса сознания. Вопрос о специфике реальности сознания, о том, что собой представляет сознание как субъективная реальность, ведет к так называемой трудной проблеме сознания, которая связана с теорией субъективности. Согласно Д. Чалмерсу, ментальные состояния есть особая реальность, не совпадающая с функциональными схемами, а лишь коррелированная с ними. Философ считает, что ментальные состояния зависят от физических функциональных схем. Однако на основе принципа «каузальной замкнутости» физического мира, согласно которому все физические события имеют физические же причины, он отрицает возможность обратного влияния ментальных состояний на физические процессы, протекающие в структурах мозга (концепция, называемая самим Чалмерсом «натуралистический дуализм»).

Д.И. Дубровский, анализируя природу субъективной реальности, показал, что возникшая в ходе эволюции способность сложных организмов производить информацию об информации является основой возникновения субъективности. Такое явление субъективного опыта, как интроспекция – способность отображения собственных явлений субъективной реальности, – также является действием более высокого уровня сложности – отображение отображения [5. С. 35]. В этом контексте сознание предстает как результат репрезентаций второго порядка, включающих психологические состояния. Эти репрезентации, когда душа созерцает самое себя, называют внутренними чувствами в отличие от внешнего чувства, посредством которого мы представляем предметы вне нас. Интроспективное сознание, или самосознание как сознание сознания, является более высоким уровнем сознания, нежели перцептивное сознание, которое предполагает способность воспринимать окружающую среду и свои телесные состояния. Исследователи, работающие над проблемой сознания в русле когнитивной науки, в центр внимания ставят вопрос о соотношении сознания и мысли (мозговые процессы, «внутренняя речь», субъективная реальность и сознание объективированное, выраженное в языке и деятельности), с одной стороны, и сознания и материальной действительности – с другой.

Современные когнитивные исследования подтверждают, что мозг функционирует как сложная саморазвивающаяся система, уровень сложности которой повышается с формированием языка на этапе эволюции социальности. Язык – результат самоорганизации и селекции, отмечает Т.В. Черниговская,

это коэволюция неврологической базы и социальной динамики, это «интерфейс между сознанием и мозгом, сознанием и миром» [6. С. 10]. Нейроны из разных областей коры могут быть одновременно объединены в единый функциональный блок. «Это означает, что мы имеем дело с тонко настраивающимся оркестром, местоположение дирижера которого неизвестно и нестабильно, а возможно, и не заполнено вообще, так как оркестр самоорганизуется с учетом множества факторов» [7. С. 22].

В когнитивной науке сознание изучается через призму взаимодействия «мозг – мышление – язык». Причем сознание и познание характеризуются как эволюционная способность. Такая характеристика была дана в контексте эволюционной эпистемологии. Эволюционная эпистемология – когнитивная практика, которую развивали в англоязычных странах К. Поппер, С. Тулмин, Д. Кэмпбелл, в немецкоязычных странах – К. Лоренц, Г. Фоллмер, Р. Ридль, Э. Ойзер и др. Эволюционная эпистемология определяется как «теория познания, которая исходит из трактовки человека как продукта биологической и социальной эволюции» [8. P. 413]. Предметом эволюционной эпистемологии является эволюция когнитивных структур, механизмы роста знания, познание, понимаемое как функция развития, функция жизни. В таком контексте эволюционная эпистемология предстает одновременно «биологизацией эпистемологии» и «эпистемологизацией биологии», новой междисциплинарной коммуникацией науки и философии. Идейно близкими к эволюционной эпистемологии являются генетическая эпистемология Ж. Пиаже и натурализированная эпистемология У. Куайна.

Существенный импульс дальнейшего развития эволюционный подход к познанию и сознанию получил в более поздних работах У. Матураны и Ф. Варелы, которые в эволюционном ключе объясняют появление сознания как новой размерности структурного сопряжения системы и среды. У человека такими новыми размерностями стали язык и самосознание. «Разум как некий феномен оязычивания в сети социального и лингвистического сопряжения не есть нечто такое, что находится в мозге. Сознание и разум лежат в области социального сопряжения – именно там источник их динамики» [9. С. 206]. Суть «эволюционного когнитивизма» состоит в интерпретации знания в свете более богатого репертуара задействованных в его получении когнитивных ресурсов, нежели индивидуальный опыт. В него включаются информационные ресурсы, сформировавшиеся под действием алгоритмов эволюционной истории. Человек выступает центром, через который проходят информационные потоки, идущие от физического мира, биологической материи, социума и культуры. Подход когнитивной науки, осуществляющей трансдисциплинарное исследование мышления и интеллекта, базируется на новой онтологии, называемой холистической, и на неклассической эпистемологии. Согласно новому взгляду, мышление имеет телесную основу, оно есть нечто большее, чем простое оперирование абстрактными символами.

Обратимся к системно-эволюционной методологии в объяснении феномена сознания и когнитивной эволюции. В 1944 году Р. Хофстандер опубликовал книгу «Социальный дарвинизм и американская мысль», он предположил, что натуралистическая (эволюционистская) струя глубоко проникла в американскую мысль, и, вероятнее всего, она будет давать о себе знать

и впредь. Глубинная натуралистическая струя со временем стала пробиваться и в самой аналитической философии. Лидер аналитического движения в США У. Куайн в свое время сделал далеко идущее заявление, что эпистемология должна становиться натуралистической. Жизнь показала, что происходящая сегодня трансформация аналитической философии идет примерно в этом русле: от анализа языка и логики к осмыслению фактической стороны науки – не только физики, но и биологии.

Представления о мире, формируемые эволюционно-синергетической парадигмой, основные характеристики которой анализировались в работах автора [10. С. 50–112], коррелируют с представлениями о природе мышления и познания, формируемыми современной когнитивной наукой. В контексте эволюционно-синергетической парадигмы, основывающейся на идеях глобального (универсального) эволюционизма, системности, коэволюции, нелинейности формируется представление о когнитивной эволюции как о естественно-историческом процессе, как о генно-культурной коэволюции. Эволюционно-синергетическая парадигма является знанием нового типа, это трансдисциплинарное знание, которое характеризуют не только как кооперацию различных научных областей, но и как перенос когнитивных схем из одной области знаний в другую. Когнитивная наука ставит проблему создания трансдисциплинарного языка, в котором привычные слова наделяются новым смыслом

Трансдисциплинарные исследования имеют два аспекта интеграции. Первый аспект имеет онтологическое обоснование, он связан с переходом от дискретного, атомистического мировосприятия к системному. Декартовский каркас мира, в котором наличие двух независимых субстанций – протяженность и мышление – обусловило противостояние физического и ментального, обусловило деление всего многообразия наук на естественные и гуманитарные. В свою очередь, выявление специфики различных форм движения материи служило основанием для дисциплинарной структуры наук о природе. В квантово-релятивистской картине мира, в отличие от механистической, формируется представление о реальности как системе взаимосвязей, в познании микромира центральными становятся отношения «наблюдаемое – наблюдатель». С середины XX в. утверждается новое представление о реальности как процессе, в рамках которого нельзя взирать на действительность как зритель, со стороны, необходимо участвовать, изменяя ее и одновременно себя (синергетический подход). Реальность не только воспринимается разумом, но конструируется им. Любой объект познания включен в некий заранее истолкованный контекст, за пределами которого находятся другие, тоже заранее истолкованные контексты.

Второй аспект трансдисциплинарной интеграции характеризуется особым типом мышления, так называемым сложным мышлением, сопрягающим сложность, порождаемую познанием, и сложность объекта познания – саморазвивающихся систем. Познание, понимаемое в эволюционной эпистемологии как этап глобального эволюционного процесса, как жизнедеятельность, рождает новый уровень сложности. Если мышление есть составляющая реальности, то мыслить о ней возможно только с учетом мысли о мысли. Трансдисциплинарное взаимодействие отличает когнитивные науки, конвергентное взаимодействие которых позволяет говорить о единой когнитивной

науке, осуществляющей тесную взаимосвязь психологии, лингвистики, эпистемологии, информатики, нейрофизиологии в познании познания. Чтобы обосновать, что когнитивные исследования не просто конгломерат наук, необходимо выявить основания их трансдисциплинарной интеграции. Возможным подходом к решению этой проблемы может стать выделение общего, объединяющего все исследования метода. Таковым, на наш взгляд, является системно-эволюционный метод, который является одновременно онтологическим основанием современного понимания мышления и сознания и обозначается как системно-эволюционный подход.

Системно-эволюционный подход к объяснению сознания разрабатывается в когнитивной науке на основе теории, предложенной нобелевским лауреатом Дж. Эдельманом и Дж. Тонони. Согласно этой теории, мозг является местом коммуникативного взаимодействия конкурирующих групп нейронов, в результате которого в нем формируется «динамическое ядро», действующее как новый параметр порядка, «функциональный кластер», обеспечивающий самоорганизацию. В связи с расшифровкой генома человека вырос интерес к поиску генетических основ отдельных когнитивных функций и индивидуальных различий. Также происходит сближение когнитивных исследований с теми разделами нейрофизиологии, которые изучают аффективно-мотивационные аспекты поведения. Одновременно когнитивная лингвистика стремится использовать язык в качестве окна в структуры мозга.

С появлением в конце XX в. методов трехмерного картирования мозга на первый план выдвинулась методология и задачи когнитивной нейронауки. Это такие задачи, как выявление закономерностей эволюционного и онтогенетического развития систем мозга, их связи с феноменами сознания и познавательной активности. Современный этап развития когнитивной науки называют нейросетевым, или коннекционистским. Исследование познания здесь не сводится к тому, что происходит в мозгу, а включает постоянное взаимодействие организма и его окружения. Когнитивная система рассматривается как включающая в себя мозг, тело, внешнее окружение. Сознание не отождествляется с мозгом, а когнитивные процессы понимаются не как изолированные процессы внутри носителя, а как результат взаимодействия системы и среды.

Согласно коннекционистской модели, в основании функционирования нейронных сетей мозга лежит не абстрактное логическое мышление, а распознавание паттернов [11. С. 47]. В частности, изучение нейрофизиологических процессов в мозге человека показало, что скорость перемещения потенциала действия вдоль нервного волокна и время синоптической передачи не обеспечивают реально существующее быстродействие механизмов мышления и памяти, т. е. процессы мышления и памяти на долю секунды происходят быстрее, чем передача нервных импульсов. У. Пенфилд в книге «Тайна разума» отмечает: «Разум всегда стоит выше содержания нашего сознания. Это абсолютно независимая сущность. Разум приказывает, мозг исполняет. Мозг – это посланец к сознанию» [12. P. 68].

Итак, в отношении сознания, когнитивная наука, на основе системно-эволюционного подхода, позволяет преодолеть противоречия и обнаружить пересечения в различных философских трактовках сознания и этим вывести

обсуждение проблемы сознания на новый более высокий уровень концептуализации. На наш взгляд, когнитивная наука осуществляет не редукцию ментального к физическому и не сводит все поведенческие функции к когнитивным процессам, а создает более сложную модель познания посредством интеграции естественных и гуманитарных наук. Она демонстрирует стремление понять сознание и такие связанные с ним явления, как язык, свобода, мораль, познание, не только через исследование культуры и социальности, но и с использованием естественнонаучных аргументов.

Литература

1. *Книгин А.Н.* Философские проблемы сознания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 338 с.
2. *Юлина Н.С.* Тайна сознания: альтернативные стратегии исследования // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 125–135.
3. *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
4. *Юлина Н.С.* Философский натурализм: О книге Дэниела Деннета «Свобода эволюционирует». М.: Канон+, 2007. 239 с.
5. *Дубровский Д.И.* Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Изд. дом «Стратегия-Центр», 2007. 272 с.
6. *Черниговская Т.В.* Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с.
7. *Черниговская Т.В.* Если зеркало будет смотреться в зеркало, что оно там увидит? // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов. М.: Изд. Института психологии РАН, 2009. Вып. 4. С. 13–37.
8. *Campbell D.T.* Evolutionary epistemology // The philosophy of Carl Popper. Le Selle (Ill.): Open court, 1974. P. 408–448.
9. *Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
10. *Черникова И.В.* Постнеклассическая наука и философия процесса. Томск: НТЛ, 2007. 250 с.
11. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 256 с.
12. *Penfield W.* The Mystery of Mind. Princeton: Princeton University Press. 1975. 231 p.

Chernikova Irina V. – National Research Tomsk State University, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/11

Chernikova Daria V. – National Research Tomsk State University, National Research Tomsk Polytechnic University(Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/11

THE PROBLEM OF CONSCIENCE IN PHILOSOPHY AND COGNITIVE SCIENCE

Keywords: conscience, cognition, language, thinking, cognitive science

On the basis of the comparative analysis of the philosophic concepts of conscience (rationalistic, personalistic, existential, dialectic-materialistical, phenomenological and analytical) and concepts of conscience in cognitive science the paper highlights changes in ontology of cognition conditioned by the progress of the contemporary science in the research of “conscience – cognition – brain” problem. At that, conscience and cognition are characterized as an evolutional ability. This characteristic was given in light of evolutional epistemology. The research of the conscience in the evolutional approach allows explaining the conscience as a new dimension of the structural coherence of the system and environment. Language and self-conscience appeared as such a dimension at humans. Conscience and mind is not a sort of substance placed in brain, and not a function that can be attributed exclusively to the brain. Conscience and mind are formed in social interference; that is the source of their dynamics. The essence of the evolutional cognitivism is in the interpretation of brainpower in light of cognitive resources exceeding the individual experience. Human being is the centre wherethrough information flows go from physical world, biological materia, socium and culture. It is displayed that cognitive science on the basis of the system-evolutional approach to conscience analysis allows to overcome contradictions and reveal coherence in various philosophic interpretations of conscience, and thus, convey the discussion of conscience to the new level of conceptualization. In our opinion, cognitive science in the research of “conscience – cognition – brain” problem performs not the reduction of

mental to physical, and does not reduce behavioral functions to cognitive processes. Cognitive science creates more complex model of conscience by the integration of natural sciences and humanities. It demonstrates the aspiration to understand the conscience and associated phenomena as language, cognition, freedom, moral not only by the research of culture and sociality, but by using natural science arguments.

References

1. Knigin, A.N. (1999) *Filosofskie problemy soznaniya* [The philosophical problem of consciousness]. Tomsk: Tomsk State University.

2. Yulina, N.S. (2004) Tayna soznaniya: al'ternativnye strategii issledovaniya [The mystery of consciousness: An alternative strategy research]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 125–135.

3. Searle, J. (2002) *Otkryvaya soznanie zanovo* [The Rediscovery of the Mind]. Moscow: Ideya-Press.

4. Yulina, N.S. (2007) *Filosofskiy naturalizm: O knige Deniela Denneta "Svoboda evolyutsioniruet"* [Philosophical naturalism: On Daniel Dennett's "Freedom evolves"]. Moscow: Kanon+.

5. Dubrovskiy, D.I. (2007) *Soznanie, mozg, iskusstvennyy intellect* [Consciousness, Brain, Artificial Intelligence]. Moscow: Strategiya-Tsentr.

6. Chernigovskaya, T.V. (2013) *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie* [Schrödinger cat's Cheshire smile: Language and consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

7. Chernigovskaya, T.V. (2009) Esli zerkalo budet smotret'sya v zerkalo, chto ono tam uvidit? [If the mirror looks in the mirror, what will it see there?]. In: Ushakov, D.V. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya* [Cognitive Studies]. Vol. 4. Moscow: Institute of Psychology. pp. 13–37.

8. Campbell, D.T. (1974) *Evolutionary epistemology. In: The philosophy of Carl Popper*. Le Selle: Open court. pp. 408–448.

9. Maturana, U. & Varela, F. (2001) *Drevo poznaniya* [Tree of Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya.

10. Chernikova, I.V. (2007) *Postneklassicheskaya nauka i filosofiya protsessa* [Postnonclassical science and process philosophy]. Tomsk: NTL.

11. North, D. (2010) *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmeneniy* [Understanding the process of economic change]. Moscow: HSE.

12. Renfield, W. (1975) *The Mystery of Mind*. Princeton: Princeton University Press.

УДК 1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/36/12

А.Т. Юнусов

ЭССЕНЦИАЛИЗМ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ АРИСТОТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ[1]

Рассматривается достаточно распространённая в современном англоязычном философском сообществе практика сравнения определенных частей учения Аристотеля (его «эссенциализма» и элементов его «семантической теории») с теориями С. Крипке и Х. Патнэма. Учитывая современное состояние понимания тех частей учения Аристотеля, с которыми сравниваются теории Крипке и Патнэма, я прихожу к выводу, что плодотворность такой практики крайне сомнительна.
Ключевые слова: *Аристотель, эссенциализм, семантическая теория, Крипке, Патнэм.*

Темой моей работы будет одно достаточно характерное для аналитической философии нескольких последних десятков лет явление, а именно начинающаяся с 70-х гг. XX в. и устойчиво воспроизводящаяся с тех пор тенденция проводить параллели между элементами теории семантики и онтологии Аристотеля и некоторыми современными семантическими теориями. Исторически обстоятельства появления этой тенденции объяснить совсем несложно: 60–70-е гг. в англоязычной философии – это время, с одной стороны, всплеска предметного интереса к логике Аристотеля [1–8], а с другой – время возникновения каузальной теории референции Крипке – Патнэма [9–11], с определенными моментами которой элементы учения о значении и сути Аристотеля как раз и будут с тех пор устойчиво сравниваться.

К сожалению, формат настоящей статьи совершенно не подходит для того, чтобы произвести подробный анализ всей истории подобных сравнений и детально описать, что же именно сравнивается с чем, насколько успешно и какие интересные моменты выясняются в ходе такого сравнения, хотя само по себе это и было бы интересно. Поэтому ограничимся всего одной (впрочем, на мой взгляд, едва ли не самой важной) проблемой, связанной с этой темой: а именно, вопросом о том, что способны нам дать подобные сравнения и зачем, собственно, они производятся?

За недостатком места я не буду пересказывать здесь семантические теории Крипке и Патнэма, предполагая, что читатель либо с ними знаком, либо может достаточно легко ознакомиться как в перво-, так и во второисточниках. В противоположность этому о тех элементах теории Аристотеля, с которыми теории Крипке и Патнэма сравниваются, нельзя сказать, что они хорошо известны философскому сообществу, и поэтому о них необходимо предварительно сказать два слова. Их изложение будет, однако, очень крат-

[1] Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15–03-00864. Проект: «Четвертая книга “Метафизики” (“Гамма”): ее истоки, содержание, истолкование в греческой и латинской философского традиции» (Aristotle’s Metaphysics, Book IV (‘Gamma’): Its Sources, Content, and Its Interpretation in Greek and Latin Philosophical Traditions).

ким и предельно обобщенным, поскольку полноценное и точное их объяснение представляет собой задачу, которая исследовательским сообществом до сих пор не решена.

О той «семантической теории» Аристотеля, которая сравнивается с теориями Крипке и Патнэма, можно сказать следующее: прежде всего, она нигде не дана в цельном виде, но разбросана по разным местам его трактатов, и, как правило, извлекается авторами из этих мест задним числом для решения определенных проблем, которые встают при интерпретации этих текстов. Основными текстами, из которых она реконструируются, является не трактат «Об истолковании» (*De.Int.* 1 16a3-18), как можно было бы подумать, и даже не IV книга «Метафизики» (*Metaph.* IV.4 1006a11-1008b11), где вопросам значения слов уделяется немало внимания в контексте обсуждения принципа противоречия, но прежде всего – ряд мест «Второй аналитики». В *An.Post.* I.1 71a11-17 Аристотель, среди прочего, говорит, что тому, кто приступает к целенаправленному исследованию чего-либо, необходимо понимание значения терминов, которые он будет использовать в этом исследовании, а из *An.Post.* 10 76a31-36; b11-22 можно заключить, что значение прежде всего (хотя и не исключительно) необходимо знать для терминов, обозначающих те предметы, на изучение которых и будет направлено все исследование в целом. Далее, во II книге «Второй аналитики» Аристотель делает ряд замечаний, которые ряд авторов интерпретируют как дальнейшее развитие его «семантической теории»: в *An. Post.* II.7 92b4-8 и 10 93b29-35 Аристотель говорит, что о вещах, в существовании которых мы еще не уверены, мы можем знать, что они (а вернее их «имена») значат (τ σημα νει), но не можем знать их сущности (τ τ στι; essence), т.е. их истинного определения (например, мы можем знать, что значит слово «козлоолень», но определения «козлооленя» мы иметь не можем, поскольку козлооленей не существует); а в *An. Post.* II.8 93a16-b14 весьма детально, но в то же время крайне запутанно описывает, как мы можем отыскать истинное определение и сущность вещи, если мы предварительно имеем в нашем распоряжении некий более слабый вид определения, который иногда также называют «номинальным» определением (*An. Post.* II.10 94a7–9; 13–14). Складывая вместе все эти места, некоторые исследователи заключают, что в *An. Post.* II.8 93a16-b14 Аристотель говорит о том, как нам найти истинное определение (т.е. сущность) вещи с помощью предварительно известного нам значения того термина, который используется для указания на эту вещь.

Теперь стоит кратко указать, о каких чертах обычно говорят те исследователи, которые склонны подмечать сходства этой «семантической теории» Аристотеля с теориями Крипке и Патнэма.

1. Прежде всего, сходство этих теорий видят в эссенциализме, т.е. в постулировании существования у вещей реальной сущности (τ τ στι; essence), не зависящей от нашего способа описания этих вещей [12. С. 514; 13. С. 214; 14 С. 14–16; 15 С. 4; 16 С. 248; 17, 19–20].

2. Эта сущность присуща в их устройстве индивидам, однако она конституирует их как представителей определенного естественного вида [12. С. 543; 13. С. 214; 14. С. 6].

3. Мы способны указать на определенные признаки этой вещи, которые присущи ей в рамках ее сущности, и именно поиском таких признаков (т.е. определением сущности вещей) занимается наука (совокупность этих признаков в случае Аристотеля можно считать определением вещи) [12. С. 543–544. Прим. 53; 14. С. 197–198].

4. Свойства, входящие в сущность вещи, присущи ей необходимым образом (отсюда – представление о знаменитой апостериорной необходимости Крипке) [13. С. 233; 18. С. 70; 14. С. 18–19].

5. Существенные признаки вещи (т.е. свойства, входящие в состав ее сущности) обнаруживаются нами в результате научного исследования, а не задаются произвольно [13. С. 219; 14. С. 197–198].

Отдельные исследователи дополняют этот список сходств также следующими:

1. Объяснение значения термина, обозначающего естественный вид, подразумевает отсылку к его сущности [12. С. 543–544. Прим. 53].

2. Объяснение значения термина, обозначающего естественный вид, подразумевает одновременно отсылку к реальному индивиду, принадлежащему к этому виду; при этом референция к нему фиксируется нелогическими средствами, т.е. индексикально [12. С. 543. Прим. 52; 13. С. 217–218].

3. В человеческом сообществе существуют привилегированные группы носителей языка, которые наделяются привилегированным правом жестко фиксировать референцию за релевантными представителями вида, которые будут впоследствии служить «контрольными индивидами», с которыми будет происходить сравнение в процессе употребления терминов естественного вида [12. С. 543–544. Прим. 54].

Итак, семантическую теорию Аристотеля сравнивают с семантическими теориями «современных эссенциалистов» и проводят параллели, прежде всего, по указанным пунктам. Вопрос, который мне хотелось бы поставить, звучит очень просто: зачем производятся подобные сравнения? Можем ли мы что-то из них получить?

Существует множество достойных причин, по которым мы склонны проводить параллели между двумя теориями, пусть даже достаточно сильно разнесенными во времени.

1. Прежде всего, мы ищем сходство некоторых теорий для того, чтобы установить их преемственность друг другу и влияние одной из них на другую – так, мы можем пытаться установить, как Платон повлиял на Аристотеля или Фреге на Рассела и какие черты теории одного из них сохраняются в теории другого, а какие, напротив, отбрасываются. Очевидно, однако, что в нашем случае подобной цели стоять не может: ни Крипке, ни Патнэм не указывают Аристотеля в качестве источника своих теорий сознательно[1], и историческое (а также теоретическое) расстояние между

[1] Аристотель, безусловно, является важным источником вдохновения для Патнэма: однако не в указанной сфере (в теории сознания, а не в семантике) и не в указанное время (в 90-е, когда Патнэм начал склоняться к гелиморфическому решению проблемы сознание – тело, а не в 70-е, когда написаны его указанные выше работы по семантике). Патнэм также прямо критикует теорию значения Аристотеля, например, в [11. С. 19–24]; однако, во-первых, эта работа относится к концу 80-

нашими персонажами слишком велико, чтобы предположить бессознательное влияние. Кроме того, постулировать какую-либо непосредственную преемственность (в смысле влияния) современного эссенциализма с древним, насколько мне известно, просто фактически не пытается ни один автор.

2. Далее, мы можем сопоставлять теории с целью прояснить одну из них за счет другой. В самом деле, универсальное свойство нашего познания заключается в том, что мы понимаем новое и незнакомое, сопоставляя его с уже известным и ясным нам. Таким образом, можно было бы предположить, что мы ищем сходство семантических теорий Аристотеля, с одной стороны, и современных эссенциалистов – с другой с тем, чтобы объяснить новомодные теория последних с помощью старого, доброго и столь близко знакомого нам Аристотеля. В конце концов, объяснять теории одних философов с помощью теорий других, уже ранее изученных философов – это старый и вполне надежный педагогический прием. Однако такое объяснение нам в данном случае тоже не подойдет. Дело в том, что имеет смысл прояснять одну теорию с помощью другой только в том случае, если последняя нам не только более знакома, но и более понятна. Что касается взятого в отдельности эссенциализма Аристотеля и современных философов, то их еще можно сличать на подобном основании (хотя и тут следует быть острожным). Но вот у «семантической теории» Аристотеля с понятностью большие проблемы: как уже было указано, никакой цельной теории значения Аристотеля в нашем распоряжении нет; в разговоре о такой теории нам приходится обходиться разрозненными фрагментами, из которых эту теорию можно в крайнем случае реконструировать. О масштабе проблем с понятностью говорит хотя бы тот факт, что среди многочисленных подобных реконструкций нет двух таких, которые в итоге дают в существенной степени схожие теории. Странно было бы пытаться сделать более понятными теории Крипке и Патнэма на основе теории, настолько запутанной и неясной самой по себе.

3. Возможно, в таком случае мы могли бы, напротив, объяснить теорию Аристотеля с помощью теорий Крипке и Патнэма. В самом деле, первая, как мы только что заметили, настойчиво нуждается в прояснении, тогда как последние, напротив, вполне понятны. Однако и здесь нас ждет проблема. Прояснение одной теории с помощью другой является допустимым педагогическим приемом в том случае, когда тому, кто проводит такую аналогию, вполне понятны как одна теория, так и другая – он владеет ими обеими и может привлечь внимание того, кому он их объясняет, к релевантным сходствам между ними. Однако ведь в нашем случае речь не о непонятности теории Аристотеля для широкой публики, которой надо найти способ ее объяснить; речь идет о ее запутанности, отрывочности и неясности в принципе, в том числе, как можно судить по множеству противоречащих друг другу интер-

---

х, а во-вторых, в ней критикуется не изложенная выше «семантическая теория» «Второй аналитики», а примитивная картина обозначения из 1-й главы «Об истолковании».

Что касается Крипке, то с ним все еще более однозначно: единственные ссылки, которые мы можем найти у него на Аристотеля, – это те, где имя «Аристотель» фигурирует в качестве примера [9. С. 6–14, 29–30, 57, 61–63, 65, 74–75].

претаций, ни одна из которых до сих пор не признана стандартной, и для ее непосредственных исследователей. В этом случае объяснять мысль Аристотеля с помощью теорий Крипке и Патнэма значило бы выстраивать свое *понимание* этой мысли, взяв за основу, т.е. в качестве ключа для ее интерпретации, семантические теории современных эссенциалистов. Но, собственно, какое право мы имеем так поступать? Мы могли бы действовать подобным образом в том случае, если бы между ними была реальная историческая связь, однако ее, как уже отмечалось выше, между ними нет. Строить интерпретацию Аристотеля на основе Крипке в отсутствие исторической связи – значит навязывать Аристотелю чуждый ему круг проблем, заранее искать в Аристотеле нечто такое, чего там быть не должно. Если мы заранее исходим из предположения о том, что некоторые теории должны быть подобны друг другу, то нам, безусловно, будет легче найти сходство при их анализе (и таковое сходство действительно удавалось обнаружить), однако на чем, собственно, основано наше предположение об их сходстве? Я не могу найти для него подходящего основания, и тем не менее оно часто руководит исследованиями теории значения Аристотеля в последнее время.

Поиск сходств в теориях современного и античного эссенциализма переходит все разумные пределы. Действительно, если мы будем руководствоваться целью не только показать, что у Аристотеля в его философии науки на вооружении имеется теория значения, решающая точно тот же самый круг проблем, которые решает теория значения современных эссенциалистов, но и доказать, что теория Аристотеля решает эти проблемы лучше и превосходит все имеющие хождение в современной философии теории подобного рода (как это делает один из самых крупных современных исследователей семантической теории Аристотеля Дэвид Чарльс в своей 400-страничной монографии [14]), то это, вне всякого сомнения, резко понижает наши шансы реконструировать реальную теорию значения Аристотеля, хотя бы уже потому, что эта реальная теория может оказаться недостаточно хороша для этих целей. Она может оказаться противоречива, незакончена, неудачна на других основаниях. В конце концов, она может быть направлена на совершенно другой круг проблем. Но нам все же должна быть интересна прежде всего именно она. Это не значит, что, докопавшись до нее, мы не будем иметь права сравнить ее с какими-то другими теориями (вполне будем, хотя найти в этом большой смысл будет все так же непросто), однако сначала мы должны установить ее независимо от тех теорий, с которыми мы (почему-то) хотим ее сравнить.

Ситуация со сравнением современного эссенциализма с античным в современной аналитической философии в действительности служит эмблемой для еще более характерной и имеющей еще более широкое хождение проблемы – стремлению к поиску сходств между теориями вне всякой необходимости или без всякой реальной цели. Серьезно сравнивать нечто одно с чем-то другим имеет смысл только в том случае, если мы рассчитываем из этого сравнения нечто извлечь – в случае теорий, если это объяснит нам нечто об одной теории за счет другой. Однако нередко бывает, что, найдя любое, даже самое случайное, но любопытное сходство, мы не можем удержаться от того, чтобы его подметить и провести параллели между мыслями

двух фигур. Тем не менее, если мы не можем установить реальной непосредственной или опосредованной исторической преемственности между двумя мыслями (или если подмеченное нами сходство не вписывается в более масштабную систему сходств, определенно указывающих на общее направление мысли), то наше наблюдение едва ли будет иметь реальную ценность. Его можно отнести на счет хорошо известной привычки человеческого разума привносить в материал, с которым он имеет дело, больше порядка, чем там реально содержится. В этом смысле наблюдение за такими случайными сходствами – это занятие сродни разглядыванию очертаний, которые мы видим в проплывающих облаках. Это может быть увлекательно и крайне любопытно, и это весьма приятное времяпрепровождение. Однако не стоит обманываться насчет его теоретической плодотворности.

Литература

1. *Aristotle's* Prior and Posterior Analytics / ed., comm. by W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1949. 690 p.

2. *Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / пер. с англ. Н.И. Стяжкина и А.Л. Субботина. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 313 с.

3. *Corcoran J.* Completeness of an Ancient Logic // Journal of Symbolic Logic. 1972. Vol. 37, No. 4. P. 696–702.

4. *Corcoran J.* A Mathematical Model of Aristotle's Syllogistic // Archiv für Geschichte der Philosophie. 1973. Vol. 55, No. 2. P. 191–219.

5. *Corcoran J.* Aristotelian Syllogisms: Valid Arguments or True Universalized Conditionals? // Mind. 1974. Vol. 83. P. 278–281.

6. *Smiley T.J.* What is a Syllogism? // Journal of Philosophical Logic. 1973. Vol. 2, No. 1. P. 136–154.

7. *Lear J.* Aristotle and Logical Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 136 p.

8. *Aristotle*. Prior Analytics / ed., trans., comm. by R. Smith. Indianapoils; Cambridge: Hackett Publishing, 1989. 302 p.

9. *Kripke S.* Naming and Necessity. Oxford: Blackwell, 1972. 172 p.

10. *Putnam H.* The Meaning of 'Meaning' // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. 1975. Vol. 7. P. 131–193.

11. *Патнэм Х.* Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. 1982. Вып. 13. С. 377–390.

12. *Bolton R.* Essentialism and Semantic Theory in Aristotle: Posterior Analytics, II, 7–10 // The Philosophical Review, 1976. Vol. 85, No. 4. P. 514–544.

13. *Sorabji R.* Definitions: Why Necessary and in What Way? // Aristotle on science, the "Posterior analytics": proceedings of the eighth Symposium Aristotelicum / ed. by E. Berti. Padova: Editrice Antenore. 1981. P. 205–244.

14. Charles D. Aristotle on meaning and essence. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 2000. 428 p.

15. *Rorty R.* Kripke versus Kant // London Review of Books. 1980. Vol. 2, No. 17. P. 4–5.

16. *Ayers M.R.* Locke Versus Aristotle on Natural Kinds // The Journal of Philosophy. 1981. Vol. 78, No. 5. P. 247–272.

17. *Soames S.* Analytic Philosophy in America // Analytic Philosophy in America And Other Historical and Contemporary Essays. Princeton: Princeton University Press. 2014. P. 3–35.

18. *Modrak D.K.W.* Aristotle's Theory of Language and Meaning. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. 316 p.

19. *Putnam H.* Representation and reality. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988. 137 p.

Iunusov Artem T. – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/12

ESSENTIALISM AND SEMANTIC THEORY OF ARISTOTLE IN MODERN ANALYTIC PHILOSOPHY

Keywords: Aristotle, essentialism, semantic theory, Kripke, Putnam

A certain tendency can be spotted in the English-speaking philosophical community – predominantly (but not exclusively) among ancient philosophy scholars – in the last few decades. It is a tendency to compare certain traits of Aristotle's philosophy with the semantic theories of certain modern analytics philosophers – mainly with those ones of Sual Kripke and Hillary Putnam. The subjects under comparison are "essentialism" and certain elements of "semantic theory" of Aristotle and the semantic theories of Putnam and Kripke. Comparing those scholars find surprisingly large number of similar traits – starting with the thesis, that essences of the certain objects, though being necessary, are discovered in course of scientific investigation and in certain cases all the way to the "linguistic division of labor". But how valuable such comparisons really are? To answer that we have to turn to the question of for what purposes comparison of two theories can be performed at all. We can compare two theories to track a historical influence of the earlier to the later – but that is obviously not the case with the theories under question, as they are not connected in any such way. We can further use the earlier theory that is more familiar and more clear to as a means of understanding a later and a less intelligible; but that in not the case as well in our case, as the theory in question of Aristotle, being fragmentary, not easy to follow and overall convoluted, is much less intelligible than those of Kripke and Putnam. Finally we can on contrary try to elucidate the earlier convoluted theory by the comparing it to the later and intelligible one; however if there is no real historical connection between them (and in our case there is not) we have no right to do that, as we would be forcing the problematic of the later theory on the earlier one with no ground for doing that whatsoever. Therefore I come to the conclusion that this kind of comparisons can not be counted among theoretically valuable ones: it can be curious and quite entertaining, but it can hardly help us to understand either of the theories in question.

References

1. Aristotle. (1949) *Prior and Posterior Analytics*. Oxford: Clarendon Press.

2. Lukasiewicz, J. (1959) *Aristotelevskaya sillogistika s tochki zreniya sovremennoy formal'noy logiki* [Aristotelian syllogistic from the standpoint of modern formal logic]. Translated from English by N.I. Styazhkin, A.L. Subbotin. Moscow: Foreign Literature Publ.

3. Corcoran, J. (1972) Completeness of an Ancient Logic. *Journal of Symbolic Logic*. 37(4). pp. 696–702. DOI: 10.2307/2272415

4. Corcoran, J.A. (1973) Mathematical Model of Aristotle's Syllogistic. *Archiv für Geschichte der Philosophie*. 55(2). pp. 191–219. DOI: 10.1515/agph.1973.55.2.191

5. Corcoran, J. (1974) Aristotelian Syllogisms: Valid Arguments or True Universalized Conditionals? *Mind*. 83. pp. 278–281. DOI: 10.1093/mind/LXXXIII.330.278

6. Smiley, T.J. (1973) What is a Syllogism? *Journal of Philosophical Logic*. 2(1). pp. 136–154.

7. Lear, J. (1980) *Aristotle and Logical Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.

8. Aristotle. (1989) *Prior Analytics*. Translated from Latin by R. Smith. Indianapoils; Cambridge: Hackett Publishing.

9. Kripke, S. (1972) *Naming and Necessity*. Oxford: Blackwell.

10. Putnam, H. (1975) The Meaning of 'Meaning'. *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*. 7. pp. 131–193.

11. Putnam, H. (1982) Znachenie i referentsiya [Meaning and reference]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Vol. 13. Moscow: Raduga. pp. 377–390.

12. Bolton, R. (1976) Essentialism and Semantic Theory in Aristotle: Posterior Analytics, II, 7–10. *The Philosophical Review*. 85(4). pp. 514–544. DOI: 10.2307/2184277

13. Sorabji, R. (1981) Definitions: Why Necessary and in What Way? In: Berti, E. (ed.) *Aristotle on science, the "Posterior analytics": Proceedings of the Eighth Symposium Aristotelicum*. Padova: Editrice Antenore. pp. 205–244.

14. Charles, D. (2000) *Aristotle on meaning and essence*. Oxford; New York: Clarendon Press; Oxford University Press.

15. Rorty, R. (1980) Kripke versus Kant. *London Review of Books*. 2(17). pp. 4–5.

16. Ayers, M.R. (1981) Locke Versus Aristotle on Natural Kinds. *The Journal of Philosophy*. 78(5). pp. 247–272. DOI: 10.2307/2025955

17. Soames, S. (2014) *Analytic Philosophy in America And Other Historical and Contemporary Essays*. Princeton: Princeton University Press. pp. 3–35.

18. Modrak, D.K.W. (2001) *Aristotle's Theory of Language and Meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.

19. Putnam, H. (1988) *Representation and reality*. Cambridge, Mass.: MIT Press. pp. 137.

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 001.95
DOI: 10.17223/1998863X/36/13

С.Ф. Денисов, Л.В. Денисова

КВАЗИНАУКА В НЕНАУЧНОМ ЗНАНИИ: СТРУКТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ

Выделяются такие ненаучные знания, как квазинаука, существующая внутри науки, и околонаучные знания (альтернативные и сотериологические). Квазинаука состоит из таких видов, как халтура, мошенничество и идеологизированная наука. Структура квазинауки представлена в эволюционном развитии.
Ключевые слова*: социоантропологические смыслы науки, ненаучные знания, квазинаука, идеологизированная наука.*

С возникновением и распространением научных знаний, демонстрацией наукой своей практической и спасительной мощи научные знания начинают занимать центральное положение в жизни общества. Вследствие этого огромный массив знаний, не входящих в структуру научного знания, начинает осмысливаться в своей соотнесенности с наукой. Уже Аристотель разделяет знания на три большие группы: научные (теоретические), практические и творческие. В аристотелевской интерпретации собственно научные знания отвечают основной цели научной деятельности – познанию ради познания, поиску истины ради самой истины. В таком случае практические знания, предназначенные для использования в деятельности, и творческие, направленные на создание прекрасного, являются вненаучными.

В настоящее время к вненаучному знанию, кроме практических и творческих, относятся многочисленные религиозные, мифологические, обыденные знания. Вненаучные знания имеют собственную основу, специфическую аксиологическую значимость, существенно отличающуюся от научных знаний. Вненаучные знания часто демонстрируют индифферентное отношение к науке, декларируют свою незаинтересованность в получении статуса науки. В частности, искусство в своем самоопределении заявляет, что оно не является наукой и имеет свои гносеологические особенности, отличные от научного познания. Религия также преподносит себя как вненаучное знание и даже в случае осмысления специфики своего познания как более значимого, чем научное, декларирует свой ненаучный статус. Такого рода вненаучные знания в англоязычной традиции закрепляются в термине «non-scientific» – «ненаучный», в смысле «не относящийся к науке», «находящийся вне ее». В России этот термин часто переводится как «вненаучный».

Однако, кроме такого рода вненаучных знаний, существует знание, которое находится внутри науки, формально обладает статусом научности, хотя научным знанием по существу не является. Такого рода ненаучные знания

в английском языке обозначаются термином «un-scientific», который также может означать «ненаучный», но в ином смысле: не противостоящий науке, а находящийся внутри нее. Кроме того, существует огромный слой знаний, которые находятся уже не внутри науки, а за ее пределами, но в то же время позиционируют себя в качестве научного знания. Такого рода знание целесообразнее рассматривать в качестве отдельного вида, отличного от вненаучного. И в этом плане можно согласиться с Н.И. Мартишиной, которая считает, что «представляется целесообразным использовать для обозначения этих существенно отличающихся по объему и явно различных по содержанию понятий различные термины и говорить в первом случае о вненаучном, во втором – об околонаучном знании. В этом случае употребление термина «околонаучное знание» эвристично» [1. С. 18]. Околонаучное знание представляет собой «совокупность специфических форм познания, концентрирующихся вокруг науки, воспроизводящих некоторые из присущих науке гносеологических особенностей, но не соответствующих критериям научности в полном объеме и реализующихся в стандартах иных видов знаний» [1. С. 18]. При этом в англоязычной литературе наибольшее распространение нашел термин «para-scientific», который в российской культуре оказывается тождествен терминам «околонаучное» или «паранаучное» знание.

Таким образом, собственно в ненаучном знании можно выделить следующие три вида, а именно, вненаучные «non-scientific», ненаучные «un-scientific», находящиеся внутри науки, и ненаучные, находящиеся «около» науки «para-scientific». Un-scientific и para-scientific в конечном счете опираются на те ценности науки, которые можно назвать социоантропологическими и которые ненаучное знание начинает активно симулировать, имитировать.

В наиболее общем плане можно вести речь о трех социоантропологических смыслах науки. Первый смысл можно назвать социокультурным: наука выступает как социокультурная сила, представляющая собой существенный компонент культуры и элемент социальной структуры общества. Наука состоит из людей, получающих материальное вознаграждение за свой труд, людей, делающих карьеру в своей профессии, наконец, людей, небезразличных к славе. Общество заинтересовано в развитии науки, а потому выделяет ей материальные, финансовые, моральные, символические ресурсы. Второй социоантропологический смысл науки связан с пониманием ее как средства, повышающего производительную и экономическую мощь общества, в этом случае наука становится производительной и экономической силой, приводящей в действие механизмы общественного развития. Третий социоантропологический смысл науки можно назвать сотериологическим или космическим. С наукой связываются надежды на избавление человечества от всех зол, в том числе космического характера. В наиболее общем плане этот антропологический смысл нашел свое воплощение в философских взглядах Платона, а также в воззрениях русских космистов, в концепции ноосферы В.И. Вернадского. Наука здесь выступает как спасительная сила.

Имитация науки как производительной и экономической силы выливается в создании так называемого альтернативного околонаучного знания. Это знание состоит из многочисленных предположений о существовании паранормальных явлений, таких как телепатия, ясновидение, психогенез, левита-

ция и многих других, не регистрируемых научными средствами. Сюда же можно отнести многочисленные околонаучные концепции альтернативной медицины, истории, филологии и т.д. Альтернативное околонаучное знание конкурирует с наукой, осмысливая себя как более эффективную силу, нежели официально признанная наука.

Симулирование науки как спасительной силы приводит к становлению и распространению разнообразных по форме знаний о средствах (предметах), наделенных сверхъестественной силой избавления человека от болезней, достижения безопасности и/или успеха в жизни. Примером могут служить учения о спасительной (заряженной экстрасенсом) воде, пирамидах и т.п. К сотериологическому околонаучному знанию относятся также учения Е.П. Блаватской и Е.И. Рерих. Сотериологическое околонаучное знание конкурирует как с наукой, так и с традиционными религиями. При этом сотериологическое околонаучное знание располагается ближе к религии и довольно далеко отстоит от официальной науки.

Таким образом, ненаучные знания представлены тремя слоями: один слой располагается внутри науки, два других слоя находятся за пределами науки и составляют комплекс околонаучных (паранаучных) знаний (альтернативное и сотериологическое околонаучное знание). «Паранаука – это ансамбль существующих в качестве контекста развивающейся науки знаний и практик, которые 1) явно или неявно конкурируют с наукой за понимание, объяснение и интерпретацию фрагментов универсума, претендуя в то же время на социокультурную легитимацию и институализацию в статусе науки; 2) существенно противоречат представлениям, нормам, этосу, принципам и идеалам современной науки; 3) мотивируются скорее аксиологически, чем когнитивно» [2. С. 27].

Что же касается ненаучного знания внутри науки, то оно имеет множество наименований, чаще всего его называют квазинаукой, лженаукой или псевдонаукой. Квазинаука (от лат. guasi – якобы, как будто, как бы, очень похожий, лживый) – это такое знание, которое находится внутри науки, имитирует научное знание и научную деятельность, но наукой не является. Сам термин «квазинаука» указывает на то, что знания, которые называются квазинаучными, очень похожи на научные. Смысл «очень похожи на науку» содержится в терминах «псевдонаука» и «лженаука», и эти слова можно считать синонимами. Во всяком случае, приставки «квази-», «псевдо-» и «лже-» соответственно на латинском, греческом и русском языках означают одно и то же – ложный, притворный, неподлинный, кажущейся, поддельный, фальсифицированный.

Конечно, в некоторых случаях понятия «квазинаука», «псевдонаука» и «лженаука» рассматриваются как различные. «Квазинаука формально уподобляется науке, стремясь “к захвату власти” в том или ином секторе научного поля с расчётом на патронаж властей и идеологическую поддержку со стороны влиятельных социальных институтов и групп. Лженаука реализует сознательный обман в целях личного / коллективного /кланового обогащения. Характерной чертой псевдонауки является психологическая невосприимчивость соответствующего субъекта к критике и опровержению утверждений, продвигаемых им в статусе научных» [2. С. 14]. Однако квазинаука вполне

может быть продуктом сознательного обмана, а субъекты как лженауки, так и квазинауки чаще всего невосприимчивы к критике. Кроме того, лженаука и псевдонаука могут быть поняты как разновидности квазинауки. В случаях, когда ученый сознательно идет на обман, фальсифицируя экспериментальные данные, можно вести речь о лженауке как разновидности квазинауки.

В нашей жизни мы часто встречаемся с различными квази – квазисоседями, квазиженщинами, квазиродственниками и другими многочисленными подделками. Мир полон подделок, симулякров. «В наше время подделываются не только предметы старины и художественные произведения, как это было в основном раньше, но все, что только можно подделать, от алкоголя и продуктов питания до промышленных товаров. Не обошел этот процесс и науку. Об имитации научной деятельности широкому кругу почти ничего не известно, о ней, кроме специалистов, мало кто знает. Однако размах подделок под науку является не меньшим, чем в других областях человеческой деятельности. Подобно подделкам в искусстве и промышленной сфере, научные подделки могут быть как откровенной халтурой, распознать которую по силам неспециалистам, так и иметь очень высокий уровень исполнения» [3. С. 71].

Квазинаука неоднородна, в ней, в свою очередь, можно вычленить три вида. Квазинаука первого вида состоит из заведомо слабых в научном плане работ, которые могут быть названы очень емким словом «халтура». В наши дни слово «халтура» употребляется в двух значениях: «недобросовестно сделанная работа» и «побочный легкий заработок». Эти значения тесно взаимосвязаны, как правило, легкий заработок является следствием недобросовестно сделанной работы. Халтурная работа – это симулякр настоящей работы. Во всех сферах человеческой деятельности подвизаются халтурщики, не является исключением и наука. Халтурщик от науки имитирует научную деятельность, при этом старается симулировать те виды и формы научной деятельности, которые приносят быстрые и большие деньги. Поскольку наука во многих случаях финансируется различными фондами, постольку повышенное внимание халтурщики уделяют грантам. В.А. Кутырев называет таких людей «грантоедами». «Современная наука не только призвание, но и профессия, в которой борьба за профессиональный рост и признание напрямую связана с финансовым фактором. Грантостяжательство остается одним из основных способов получения как ресурсов для ведения исследований, так и материального благополучия самого исследователя» [4].

Халтура как вид квазинауки возникает как итог, следствие отступления ученого от норм и правил научной деятельности. Эти правила носят довольно жесткий характер, и ученый нередко их нарушает. Все те нормы, которые должны регулировать деятельность ученого и о которых пишет Р. Мертон, формируют в научном и околонаучном мире идеальный образ ученого классического типа. По мнению М. Махони, ученый такого типа представляет собою идеальное существо, которое является представителем нового биологического вида – Homo Scientus. Например, одно из правил гласит, что ученый должен как можно больше публиковаться. Но времени нет, и возникают квазинаучные тексты, которые создают помехи в исследовании. Д. Мартин замечает: «Самый низкий поступок для ученого – это вносить ненужные по-

мехи в систему научных знаний. Если вы провели плохое исследование, то люди, скорее всего, не обратят на него внимания, но если вы притворяетесь, что провели хорошее исследование, когда на самом деле это не так, вы задерживаете развитие всей совокупности научных знаний. Придут другие люди и будут пытаться построить свои исследования на основе вашего только затем, чтобы, в конце концов, обнаружить, что что-то у них идет неправильно. Они должны будут потратить свое время на поиск ошибки в работе, которую вы взяли за основу и, возможно, перестроить всю структуру своего исследования. Чем дольше такое мошенничество остается нераскрытым, тем больше в итоге оказываются потери научных ресурсов» [5. С. 158].

Появлению халтурных квазинаучных текстов способствует компьютерная технология. «Появление копировальной техники, компьютеров и разнообразных компьютерных программ приводит к тому, что мыслям не дают «отстояться», а текстам – «отлежаться». Мысль «слетает с клавиатуры», а не вызревает в процессе неторопливого, глубокого и всестороннего обдумывания… Производимых текстов так много, что их давно никто не читает. Но если тебя не читают, не будут стараться и понять, тогда нет нужды в пояснениях, прояснениях, аргументации. Так рождается квазинаучный язык, состоящий из механически соединяемых слов-монстров… Наука и научное сообщество становятся симулякрами, производящими на гора псевдознания и псевдопроблемы» [6. С. 60].

В этих условиях все труднее понять, где настоящая наука, а где квазинаука, поскольку последняя вытесняет науку, как кукушонок, вырастающий в гнезде маленькой птички. «Главная опасность квазинауки состоит в том, что она уже давно стала частью официально признанной науки. Многие исследования, проводимые в педагогике, психологии, социологии, экономике и даже технических наук, можно смело отнести к квазинауке. Уже трудно сказать, чего в педагогике, психологии, социологии и экономке больше – науки или квазинауки. Засилье квазинауки в указанных науках – секрет Полишинеля. Настало время открыто заявить, что значительная часть современной науки есть не что иное, как самая настоящая квазинаука. Тема квазинауки становится все более актуальной!» [3. С. 71].

Распространение недобросовестных, низкокачественных исследований и публикаций на фоне снижения общего уровня культуры в массах провоцирует дальнейшую деградацию нравов, порождающую новый вид квазинауки – научное мошенничество.

Мошенничество в уголовном праве понимается как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Мошенник всегда обманщик, он или сознательно искажает истину, или умалчивает о ней с целью получения материальной выгоды. При этом, по мнению А. Кона, можно вести речь о трех разновидностях мошенничества: 1) «подлог» – прямая фальсификация результатов исследования; 2) «приукрашивание» – искажение результатов исследования в желаемом направлении; 3) «стряпня» – отбор данных, подтверждающих гипотезу исследования. Собственно «стряпня» представляет собой то, что мы выше назвали халтурой в науке.

Размещенное на сайте Службы чистоты исследований (Office of ResearchIntegrity – ORI), созданной в 1989 году при Министерстве здравоохранения и социального обеспечения США, определение научного мошенничества выглядит так: «Мошенничеством в науке считается фабрикация, фальсификация и плагиат» [4]. Все это – формы обмана, умышленного искажения результатов научного исследования. Есть ли между ними какое-либо различие?

Термин «фабрикация» содержит в себе смыслы создания чего-либо, ведь специфика фабрики как раз и заключается в производстве. В науке под фабрикацией обычно понимают создание ложного продукта, ложного эксперимента. Наиболее ярким и показательным примером научной фабрикации может выступать исследование биолога Каммерера в начале 1900-х годов. Каммерер (Kammerer) пытался доказать, что приобретенные признаки могут наследоваться. Каммерер держал несколько поколений огненных саламандр, которые в своих естественных условиях черные с желтыми пятнами, на черной почве. На такой черной почве желтые пятна, как утверждал Каммерер, исчезли, и все саламандры становились черными. Кроме того, эти признаки стали передаваться по наследству. Другой исследователь, усомнившийся в правоте этих заявлений, вычислил время, требуемое для того, чтобы вывести столько поколений саламандр, сколько перечислено в отчетах Каммерера, и обнаружил, что общий суммарный промежуток времени оказывается намного больше того времени, которое Каммерер провел за работой. Через семь лет двое ведущих ученых получили разрешение обследовать несколько образцов тел подопытных животных. На этих образцах они обнаружили следы впрыскивания черной туши. Результаты эксперимента были сфабрикованы, т.е. были созданы ложные результаты эксперимента. После уличения в фабрикации Каммерер покончил жизнь самоубийством.

Фальсификация (от лат. falsification – подделываю) тоже представляет собой подделку, выдаваемую за настоящую вещь. Под фальсификацией в науке понимается манипулирование результатами исследований, их подтасовка, искажение. Д. Мартин иронично замечает: «Некоторые “экспериментаторы” знают, что самый простой способ провести эксперимент – это не проводить его вообще. Они могут не затруднять себя такими суетными заботами, как приобретение оборудования, привлечения участников для экспериментов или изучения методов статистики. Все, что им нужно, – это научиться описывать эксперименты» [5. С. 157].

Под плагиатом понимается присвоение чужих идей и текстов. Плагиат – это и процесс, и результат, когда уже созданный кем-то продукт выдается за создание, произведение другого.

Таким образом, фабрикация, фальсификация и плагиат как формы научного мошенничества различаются следующим образом. Фабрикация – создание ложного продукта. Фальсификация – искажение уже созданного кем-либо продукта. Плагиат – выдача созданного кем-либо продукта за свой собственный продукт.

Но не только деньги и слава первооткрывателя способствуют возникновению и распространению квазинауки, но и такие факторы, как идеология и власть, вторгающиеся в сферу науки. Г.А. Абелев пишет: «Есть

у псевдонауки одна общая причина. Эта причина – вмешательство вненаучных сил в естественный ход развития науки. Такое вмешательство может исходить от Идеологии, Власти, Денег или Публики» [7. С. 8–9]. Появляется новый вид квазинауки – идеологизированная наука. Здесь идеологическая риторика вытесняет взвешенную научную дискуссию, а вместо научных аргументов предъявляются властно-идеологические доводы [8. С. 90–99].

Под идеологией понимается система теоретического мировоззрения, отражающая и защищающая интересы группы людей либо социальных институтов. В Советской России идеология пронизывала и буквально терроризировала философию, политическую экономию, политологию, социологию, литературоведение, культурологию и другие социальные и гуманитарные наук. Идеологизации подвергались не только гуманитарные науки, но и естествознание. В частности, в начальный период развития социализма в нашей стране квазинаука поддерживается государством в физике (А.А. Максимов, Р.Я. Штейнман), химии (Г.Н. Челынцев), биологии (О. Лепешинская). Наиболее известен феномен лысенковщины в сельскохозяйственной науке.

В идеологизированной науке мошенничество находит защиту во властных государственных структурах. Иначе говоря, научное мошенничество, предпосылки которого появляются в халтурных работах, в идеологизированной науке развивается и крепнет. Важно понимать, что в идеологизированной науке исчезает научная критика, место которой занимают идеологические аргументы, ничего общего с наукой не имеющие. И если в настоящей науке роль критиков отводится рецензентам, экспертам и оппонентам, то в идеологизированной науке критики воспринимаются в качестве врагов и вредителей. В конце концов, идеологизированная квазинаука настолько отдаляется от подлинной науки, что превращается в околонаучное знание, а точнее – в альтернативное околонаучное знание, в котором формируется конспирология, согласно которой в мире действуют тайные, зловредные, а потому губительные силы, объединенные в секретные сообщества и плетущие нити заговора против человечества вообще или конкретного квазиученого.

Таким образом, квазинаука представляет собой такой вид ненаучного знания, который существует внутри науки. Структура квазинауки представлена тремя видами: научной халтурой, научным мошенничеством и идеологизированной наукой. Квазинаука начинается с научной халтуры, которая является результатом отклонения ученого от идеалов и норм научного этоса. По мере все большего отклонения от этих норм появляется такой вид квазинауки, как научное мошенничество. При поддержке властными структурами научной халтуры и научного мошенничества появляется третий вид квазинауки – идеологизированная наука, выступающая мостом от квазинауки к околонаучному знанию.

Литература

1. *Мартишина Н.И.* Наука и паранаука в духовной жизни современного общества. Омск: ОмГТУ, 1997. 178 с.

2. *Головин Д.В.* Паранаука: социокультурные основания и функции: автореф. дис. … канд. филос. наук. Иваново, 2012. 27 с.

3. *Гальмак А.М.* Можно ли измерить квазинауку? // В защиту науки. 2008. № 3. С. 71–82.

4. *Данилов В.Н.* Мошенничество в науке [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu (дата обращения: 24.06.2016).

5. *Мартин Д.* Психологические эксперименты. Секреты механизмов психики. СПб.: Прайм – Еврознак, 2004. 480 с.

6. *Мальцева А.П.* Квазисоциальный институт лженауки: причины возникновения и проблемы существования // Лженаука в современном мире: медиа сфера, высшее образование, школа: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти академика Э.П. Круглякова, проходившей в Санкт-Петербургском государственном университете 21–22 июня 2013 г. / [ред. кол.: С. В. Тихонова (отв.ред.) и др.]. СПб.: Изд-во ВВМ, 2013. 59–64 с.

7. *Абелев Г.И.* Об истоках псевдонауки // Здравый смысл. 2002. № 1(22). С. 8–9.

8. *Ахундов М.Д., Баженов Л.П.* У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. № 2. С. 90–99.

Denisov Sergey F. – Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/13

Denisova Liubov V. – Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia(Omsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/13

QUASISCIENCE IN NON-SCIENTIFIC KNOWLEDGE: STRUCTURE AND EVOLUTION

Keywords: socio-anthropological sense in science, non-scientific knowledge, quasi-science, fraud in science, ideologized science

In non-scientific knowledge one can distinguish such kinds of knowledge as extra-scientific, unscientific (being inside science and called quasiscientific) and non-scientific one concentrated around science, which is named parascience or pseudoscientific knowledge. Both quasiscience and pseudoscientific knowledge parasitize on anthropological sense of science: quasiscience simulates sociocultural force, pseudoscientific knowledge tries to imitate science as productive and saving power. Quasiscience is generated as the result of violation of high requirements and norms and ideals of the scientific ethos by some scientists. In such cases violation may be insignificant which generates quasiscience, but in the course of more and more significant deviations from the norms and ideals new kinds of quasiscience appear. Three main types of quasiscience can be singled out. The first type includes works known to be weak in scientific respect and this type can be defined as quasiscientific hack. Spreading of swindling, shobby research and publications provokes further deviation from ideals and norms of scientific investigation and creates a new kind of quasiscience i. e. scientific fraud. Fabrication, falsification and plagiarism are referred to scientific fraud. Under fabrication the creation of a false scientific product is meant. Under falsification the distortion of the scientific product already created by other scientist, distortion of scientific truth and results of scientific experiments or observations is implied. Plagiarism is presentation of the scientific product which has been created by someone else as the scientific product created by the person who presents it at the moment. Quasiscience which begins to be supported by public authorities is evolving into the third type of such phenomenon and becomes ideologised science. In ideologised science quasiscientific hack and quasiscientific fraud receive state justification and quasiscience itself is transformed in pseudoscientific knowledge.

References

1. Martishina, N.I. (1997) *Nauka i paranauka v dukhovnoy zhizni sovremennogo obshchestva* [Science and parascience in the spiritual life of the modern society]. Omsk: Omsk State Technical University.

2. Golovin, D.V. (2012) *Paranauka: sotsiokul'turnye osnovaniya i funktsii* [Parascience: Sociocultural foundation and function]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Ivanovo.

3. Galmak, A.M. (2008) Mozhno li izmerit' kvazinauku? [Can we measure quasiscience]. *V zashchitu nauki*. 3. pp. 71–82.

4. Danilov, V.N. (n.d.) *Moshennichestvo v nauke* [Fraud in science]. [Online] Available from: http://www.academia.edu. (Accessed: 24th June 2016).

5. Martin, D. (2004) *Psikhologicheskie eksperimenty. Sekrety mekhanizmov psikhiki* [Doing Psychology Experiments]. Translated from English by S. Rysoev, S. Chilingarova. St. Petersburg: Praym – Evroznak.

6. Maltseva, A.P. (2013) [Quasisocial Institute of Pseudoscience: The causes and problems of existence]. *Lzhenauka v sovremennom mire: media sfera, vysshee obrazovanie, shkola* [Pseudoscience in the modern world: Media, higher education, school]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg. June 21–22, 2013. ST. Petersburg: VVM. pp. 59–64. (In Russian).

7. Abelev, G.I. (2002) Ob istokakh psevdonauki [On the origin of pseudoscience]. *Zdravyy smysl*. 1(22). pp. 8–9.

8. Akhundov, M.D. & Bazhenov, L.P. (1989) U istokov ideologizirovannoy nauki [At the root of ideological science]. *Priroda*. 2. pp. 90–99.

УДК 1.16
DOI: 10.17223/1998863X/36/14

В.А. Ладов

ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ КРИТИКИ РЕЛЯТИВИЗМА

Классический аргумент в опровержение релятивизма впервые был сформулирован Платоном в диалоге «Теэтет». В эпистемологических дискуссиях релятивистов и их противников данный аргумент неоднократно повторялся в истории философии. Однако чаще всего этот аргумент воспроизводился наивно с логической точки зрения. Он построен на основании неявного допущения логически последовательного семантически замкнутого языка, существование которого отвергается в таких ортодоксальных для логики XX века концепциях, как теория типов Б. Рассела и семантическая теория метаязыков А. Тарского. Данные теоретические построения были инструментом для решения проблемы логических парадоксов. Следовательно, чтобы признать корректность эпистемологической аргументации Платона с позиции логики, необходимо критически проанализировать ортодоксальный подход к решению парадоксов, выявив его недостатки, и представить иное решение, которое допускало бы существование семантически замкнутого языка. В данной статье автор пытается достичь указанной цели, репрезентируя новое "ad hoc решение" логических парадоксов в семантически замкнутом языке. Таким образом, эпистемологическая критика релятивизма получает необходимое логическое обоснование.
Ключевые слова: *эпистемология, логика, Платон, релятивизм, истина, парадокс, самореферентность, семантически замкнутый язык.*

Классический аргумент в опровержение релятивизма

Первый развернутый вариант эпистемологической критики релятивизма был дан Платоном в диалоге «Теэтет». В качестве резюме главного критического аргумента платоновского Сократа можно привести следующий отрывок из диалога:

«СОКРАТ. Знаешь ли, Феодор, чему дивлюсь я в твоем друге Протагоре?

ФЕОДОР. Чему?

СОКРАТ. … с какой же стати, друг мой, Протагор оказывается таким мудрецом, что даже считает себя вправе учить других за большую плату, мы же оказываемся невеждами, которым следует у него учиться, если каждый из нас есть мера своей мудрости?» [1. 161e].

Суть платоновской аргументации состоит в демонстрации непоследовательности, самоотрицании или самопротиворечивости позиции релятивизма. Если Протагор утверждает, что любое суждение истинно только относительно того или иного конкретного человека, ибо «каждый из нас есть мера своей мудрости», то как быть с самим этим релятивистским тезисом? Если Протагор «считает себя вправе учить других за большую плату» этому основополагающему утверждению, то само позиционирование данного утверждения вступает в противоречие с его содержанием. Протагор с абсолютной достоверностью, не допускающей какой-либо релятивизации, утверждает тезис об относительном характере любой истины.

Вслед за Платоном классический аргумент в опровержение релятивизма повторил Аристотель в «Метафизике» [2] и Фома Аквинский, анализировавший исследования Аристотеля в «Комментарии к Метафизике» [3].

В современной философии этот классический аргумент использовали такие известные философы, как Э. Гуссерль в «Логических исследованиях» [4], критиковавший позицию психологизма в логике, и Х. Патнем в «Разум. Истина. История» [5], представивший в качестве критики релятивизма мысленный эксперимент «Мозги в бочке».

В эпистемологических дискуссиях последних десятилетий данный аргумент снова появляется в исследованиях К. Кордига [6], критикующего теорию онтологической относительности У. Куайна [7], и Х. Сигэла [8], высказывающего критику в адрес таких современных релятивистов, как Х. Браун [9], Д. Миланд [10] и Х. Филд [11].

Обсуждению позиций релятивистов и их противников в философии XX века посвящены работы автора настоящей статьи [12, 13].

Предпосылка логического характера для классического аргумента

Несмотря на свою многовековую историю и столь авторитетных адептов, классический аргумент в опровержение релятивизма строится на основании одной важной предпосылки логического характера, имеющей, как правило, латентный характер, а именно, предпосылки существования семантически замкнутого языка, в рамках которого возможно построение так называемых самореферентных высказываний.

Высказывание:

«S есть P»

является самореферентным в том случае, если оно становится на место собственного логического субъекта:

«(S есть P) есть P».

Данную предпосылку принимает как само собой разумеющееся платоновский Сократ, «замыкая» тезис релятивизма на него самого и таким образом обосновывая его самопротиворечивость. Эту же процедуру проделывает и Аристотель. Э. Гуссерль нигде не проблематизирует логическое основание самого типа аргументации, которую он применяет в опровержение психологизма (эпистемологического релятивизма) в логике. Критики релятивизма в конце XX века продолжают опираться на платоновский аргумент, не замечая каких-либо проблем в его основании. Характерным примером здесь может служить суждение Х. Сигэла:

«Основное сократовское прозрение, что релятивизм отрицает самого себя и потому оказывается непоследовательным, остается фундаментальной трудностью для тех, кто мог бы возродить и защищать античную доктрину Протагора или ее современный вариант» [8. P. 253].

На языке современной эпистемологии классический аргумент в опровержение релятивизма, основанный на явлении самореферентности, выглядит следующим образом. Имеется высказывание релятивиста:

(S) «Любое высказывание относительно».

Если данное высказывание поставить на место его собственного логического субъекта (поскольку оно тоже представляет собой одно из высказываний), то получим:

(S_1) «S относительно».

Последовательный релятивист должен приписывать предикат «быть относительным» и своему собственному высказыванию, лишая его претензии на безусловную истинность. Если же релятивист, по примеру Протагора, высказывает данный тезис с убеждением в своей абсолютной правоте, то он оказывается в позиции, противоречащей содержанию этого тезиса.

Вопрос о семантически замкнутом языке в современной логике

Однако в современной логике вопрос о возможности семантически замкнутого языка не имеет столь очевидного, как это кажется эпистемологам, положительного ответа. Напротив, одни из наиболее авторитетных логических теорий XX века давали однозначный отрицательный ответ на данный вопрос. Это теория типов Б. Рассела [14, 15] и семантическая теория метязыков А. Тарского [16, 17]. С точки зрения данных концепций логически последовательный семантически замкнутый язык невозможен. И Б. Рассел, и А. Тарский устанавливали запрет на семантически замкнутый язык, блокируя возможность формулировки самореферентных высказываний и тех видов рассуждений, в которых данные высказывания могли бы быть использованы.

Если эпистемология будет ориентироваться на результаты исследований Б. Рассела и А. Тарского, то аргументацию «от самореферентности» нужно будет признать некорректной с логической точки зрения, и, таким образом, классический аргумент в опровержение релятивизма платоновского Сократа нужно будет признать недействительным. В «Principia Mathematica» Б. Рассел эксплицитно указывает на связь своих логических исследований с проблемами эпистемологии [15. С. 110]. Некорректным, исходя из данного типа аргументации, следует считать не Протагора, а, скорее, платоновского Сократа, который использует запрещенный логический прием.

Не факт, что эпистемология должна принять логическую позицию Рассела – Тарского, но очевидно то, что она должна с этой позицией считаться, чтобы не выглядеть наивной. Классический аргумент в опровержение релятивизма больше не может репродуцироваться в его изначальной платоновской форме без обсуждения тех логических оснований, на которых он строится.

Таким образом, эпистемологическая критика релятивизма должна содержать в качестве своей интегральной части рассмотрение вопроса о возможности последовательного семантически замкнутого языка. Если эпистемолог хочет и впредь пользоваться аргументом «от самореферентности» платоновского типа, то он должен в ходе дискуссии логического характера с представителями иерархического подхода Рассела – Тарского показать, что последовательный семантически замкнутый язык возможен.

Семантически замкнутый язык и логические парадоксы

В логике XX в. вопрос о семантически замкнутом языке возникает в связи с проблемой логических парадоксов. В 1902 г. Б. Рассел написал Г. Фреге

письмо, в котором указывал на логические затруднения, возникающие при отсутствии каких-либо ограничений на образование множеств (классов):

«Вы утверждаете, что функция может быть неопределяемым элементом. Я тоже так считал, но теперь этот взгляд кажется мне сомнительным из-за следующего противоречия: Пусть *w* будет предикатом ‘быть предикатом, не приложимым к самому себе’. Приложим ли *w* к самому себе? Из любого ответа вытекает противоречие. Стало быть, мы должны заключить, что *w* не является предикатом. Также не существует класса (как целого) тех классов, которые, как целое, не являются членами самих себя. Отсюда я заключаю, что при определённых обстоятельствах определяемое множество не образует целого» [18. P. 130–131].

Так был сформулирован парадокс, который в дальнейшем в логической литературе называли парадоксом множества всех непредикативных множеств или парадоксом класса всех стандартных классов. Существуют два вида классов: стандартные и нестандартные. Стандартным называется класс, который не включает себя самого в качестве собственного элемента. Например, класс всех яблок является стандартным. Он включает в себя конкретные объекты материального мира – яблоки, но не включает в качестве собственного элемента себя самого, поскольку класс всех яблок сам яблоком уже не является. Таких классов подавляющее большинство: класс всех людей, класс всех деревьев, класс всех столов и т.д. Поэтому они и именуются стандартными. Однако существуют и специфические, нестандартные классы. Нестандартным называется класс, который включает себя самого в качестве собственного элемента. Например, класс всех предметов, не являющихся яблоками, является нестандартным. Он включает в себя все предметы, не являющиеся яблоками, а именно, людей, деревья, столы и т.д. Но при этом и сам класс предметов, не являющихся яблоками, также может быть рассмотрен как предмет, не являющийся яблоком. Поэтому данный класс включает себя самого в качестве собственного элемента.

Б. Рассел видит проблему в образовании класса всех стандартных классов. Класс всех классов, не являющихся членами самих себя, оказывается противоречив в том смысле, что по отношению к нему мы с одинаковой претензией на истинность можем употребить два противоречащих друг другу суждения. Истинным является как суждение «Класс всех стандартных классов есть стандартный класс», так и противоречащее ему «Класс всех стандартных классов есть нестандартный класс». Если мы допустим, что класс всех стандартных классов стандартен, то он должен стать членом самого себя, ведь это класс, включающий в себя все возможные стандартные классы. Но в таком случае мы приходим к выводу, что этот класс является нестандартным. Если мы допустим, что класс всех стандартных классов является нестандартным, то мы должны рассмотреть его в качестве члена себя самого. Но членами данного класса являются только стандартные классы, и поэтому мы приходим к выводу, что данный класс тоже является стандартным.

А. Тарский не предлагает нового парадокса, как Б. Рассел, а просто рассматривает классический «парадокс Лжеца» в современной формулировке:

«Мы дадим очень простую формулировку этой антиномии благодаря Я. Лукасевичу.

Для большей ясности мы будем использовать символ ‘*c*’ как печатную аббревиатуру выражения ‘*предложение, напечатанное на этой странице, в строке 5 сверху*’. Рассмотрим теперь следующее предложение:

c не является истинным предложением

(данное предложение в исходном тексте напечатано на прочитываемой странице именно на 5-й строке сверху. – *В.Л.)*.

Принимая во внимание значение символа ‘*c*’, мы можем эмпирически установить:

(α) *‘c не является истинным предложением’ тождественно c*.

Для взятого в кавычки имени предложения *c* мы вводим разъяснение типа 2) (речь идет о представленном выше в статье А. Тарского разъяснении употребления предиката истины посредством формулировки предложений эквивалентности. – *В.Л.)*:

(β) *‘c не является истинным предложением’ является истинным предложением тогда и только тогда, когда c не является истинным предложением.*

Посылки (α) и (β), взятые вместе, тут же дают противоречие:

c является истинным предложением тогда и только тогда, когда c не является истинным предложением» [16. P. 157–158].

Основополагающей причиной возникновения парадоксов и Б. Рассел, и А. Тарский называют явление «замыкания» языка на самом себе, когда высказывание, взятое целиком, помещается на место логического субъекта самого этого высказывания. Б. Рассел обозначает это явление как «самореферентность»:

«У всех указанных выше противоречий (которые суть лишь выборка из бесконечного числа) есть общая характеристика, которую мы можем описать как самореферентность или рефлексивность» [14. С. 18].

А. Тарский называет такой замкнутый язык «универсальным языком»:

2… семантические антиномии… доказывают, что любой универсальный язык, в котором соблюдаются обычные законы логики, должен быть непоследовательным» [16. P. 164–165].

Соответственно, решение логических парадоксов и Б. Расселу, и А. Тарскому виделось в устранении той основополагающей причины, которая эти парадоксы порождает. Оба логика разрабатывают специфические концептуальные построения, которые позволяют «размыкать» язык.

На уровне классов (множеств) данная методика работает следующим образом:

«Общность классов в мире не может быть классом в том же самом смысле, в котором последние являются классами. Так мы должны различать иерархию классов. Мы будем начинать с классов, которые всецело составлены из индивидов, это будет первым типом классов. Затем мы перейдём к классам, членами которых являются классы первого типа: это будет второй тип. Затем мы перейдём к классам, членами которых являются классы второго типа; это будет третий тип и т.д. Для класса одного типа никогда невозможно быть или не быть идентичным с классом другого типа» [19. С. 90].

Это позволяет найти решение «парадокса Рассела», а именно, само предположение о нестандартности класса всех стандартных классов, с точки зрения расселовской теории типов, признается логически некорректным, ибо в

рамках данной теории невозможна ситуация, когда класс становился бы собственным элементом.

На уровне высказываний суть иерархического подхода сводится к следующему:

«…истинностная оценка должна релятивизироваться относительно типа высказанных утверждений. Любое утверждение о высказываниях *n*-го типа само будет относиться к *n*+1 типу и не должно включаться в класс оцениваемых высказываний» [20. С. 59].

Это позволяет решить семантические парадоксы, подобные «парадоксу Лжеца», а именно, предикат истины для предложения (высказывания) «Это предложение не является истинным», используется в ином логическом смысле термина «истинный», нежели тот, что используется внутри указанного предложения. Вопрос об истинности предложений того или иного языка нельзя сформулировать в этом языке. Чтобы поставить данный вопрос, необходимо перейти на уровень метаязыка. Поэтому из предположения, что предложение «Это предложение не является истинным» истинно, мы не получаем противоречия. Данное предложение является истинным в одном логическом смысле и не является истинным в другом.

С точки зрения эпистемологии запрет на семантически замкнутый язык означает, как уже было установлено ранее, запрет на использование аргумента платоновского Сократа для критики релятивизма, поскольку данный аргумент основывался на допущении семантически замкнутого языка. И поскольку запрет на семантически замкнутый язык возникает в связи с необходимостью решения проблемы логических парадоксов, постольку, если ставить задачу сохранить для эпистемологии аргумент платоновского Сократа, необходимо показать, что возможно иное решение логических парадоксов, отличное от решения иерархического подхода Рассела – Тарского. Это решение должно быть таким, в рамках которого блокируются парадоксы при сохранении семантически замкнутого языка.

Иное решение логических парадоксов уместно предложить после критического отношения к существующему решению Рассела – Тарского.

Недостатки иерархического подхода Рассела – Тарского

Иерархический подход к решению парадоксов, без сомнения, стал ортодоксальным в логике XX века. В большинстве энциклопедических работ и учебников по логике именно данный подход до сих пор трактуется как приемлемое решение проблемы логических парадоксов. Однако в современной исследовательской литературе иерархический подход все чаще подвергается критике. В частности, говорится о том, что Б. Рассел слишком демонизировал роль самореферентности. Можно привести примеры самореферентных высказываний, которые не влекут за собой логических противоречий. Так, Т. Боландер различает понятия «порочной самореферентности» и «невинной самореферентности»:

«Самореферентность, которая ведет к парадоксам, мы называем *порочной самореферентностью*, а самореферентность, которая этого не делает, мы называем *невинной самореферентностью*» [21. P. 24].

Д. Билл обсуждает понятие «truth-teller», что можно было бы перевести как «правдолюбец», для описания самореферентного высказывания с поло-

жительным предикатом истины [22. P. 126]. Этот пример показателен тем, что, как только мы в формулировке «Лжеца» заменим отрицательный предикат истины на положительный, угроза парадокса сразу же исчезает. На это же обращает внимание и Т. Боландер:

«Можно показать, что саморефрентность может быть порочной только тогда, когда она включает отрицание или что-то эквивалентное ему (такое, как ‘нет’)2 [21. P. 24].

Г. фон Вригт вводит термин «существенная отрицательность» для характеристики тех форм рассуждений, включающих отрицание, которые приводят к образованию парадоксов. По этому признаку фон Вригт объединяет известные парадоксы, основанные на явлении самореферентности:

«Можно сказать, что антиномии Греллинга, Рассела и Лжеца устанавливают или демонстрируют ‘существенную отрицательность’ некоторых понятий» [23. С. 447].

Таким образом, можно заключить, что к явлению самореферентности следует подходить более аккуратно. Нет сомнений в том, что самореферентность, включающая отрицание, сразу создает опасность логического тупика для мышления, что демонстрируют указанные фон Вригтом парадоксы. Но рассуждения, основанные на явлении самореферентности, в которых отрицание отсутствует, никаких проблем для последовательного мышления не создают. И если к этому еще прибавить мнения тех, кто считает, что самореферентность является важной идеей для развития теоретических построений в науке, в частности в логике, а такова, например, позиция А. Андерсона:

«Затруднение такой позиции (имеется в виду полный запрет на самореферентность как способ устранения парадоксов. – *В.Л.)* состоит в том, что некоторые из самых глубоких доказательств в логике включают самореферентность (в том смысле, который необходим для достижения абсолютной ясности…» [24. P. 8]), то можно заключить, что иерархический подход к решению парадоксов – это слишком грубая работа в методологическом отношении. То, что сделали Б. Рассел и А. Тарский, можно метафорически описать как предложение ампутировать руку пациенту, который обратился с жалобой на занозу в пальце.

Американский логик Ф. Фитч указывает еще на один важный недостаток иерархического подхода посредством демонстрации того, что теория типов Б. Рассела сама может быть построена только на основании предпосылки универсального, семантически замкнутого языка, запрет на который она стремилась установить. Ф. Фитч утверждает, что теория типов

«...*не может* приписать тип значению слова ‘тип’, хотя она должна это делать, если эта теория касается всех значений. Проще говоря, нет ‘порядка’… который можно приписать пропозиции обо всех пропозициях, поэтому нет порядка, который можно приписать пропозиции, устанавливающей… теорию типов» [25. P. 71].

Подобного рода аргумент высказал и Х. Патнем [26] уже в отношении семантической концепции А. Тарского. Этот аргумент стал известен под названием «аргумента красных чернил». Если красными чернилами записываются правила для всех возможных языков, высказывания которых записаны чернилами всех иных известных цветов, то каким цветом будут записываться

правила для языка красных чернил? Если красным (поскольку чернил иного цвета у нас уже больше нет), то сам этот язык оказывается замкнут на самом себе, т.е. самореферентным.

Наконец, Р. Мартин указывает на то, что иерархический подход, во-первых, не согласуется со здравым смыслом:

«Моя позиция на настоящий момент состоит только в том, что вопрос о способности естественных языков выражать свою собственную семантику (т.е. вопрос о семантически замкнутых языках. – *В.Л.)* – это важный вопрос, по отношению к которому имеющийся ортодоксальный ответ (т.е. ответ в рамках иерархического подхода. – *В.Л.)* в поразительной степени контринтуитивен» [27. P. 272].

И, во-вторых, выглядит слишком тривиальным:

«Конечно, отказ от самореферентности делает возможным ввести предикат истины или предикат подтверждения безнаказанно, но это не единственный путь, и, определенно, это не самый естественный и интересный путь» [27. P. 275].

Критические аргументы Р. Мартина лучше всего проиллюстрировать на примере эпистемологической проблематики. Если эпистемолог в своей концепции продуцирует высказывание о том, какую истинностную оценку следует приписывать теоретическим высказываниям, то, в соответствии с иерархическим подходом, при критической оценке данной концепции запрещается ставить вопрос об истинности самого этого высказывания в том же смысле, в каком это высказывание эпистемолога говорит об истинности теоретических высказываний. Очевидно, что данный запрет выглядит по меньшей мере странным с точки зрения здравого смысла, ибо как мы можем всерьез относиться к работе предполагаемого эпистемолога, что-то утверждающего об истинности теоретических высказываний, если даже его собственная концепция, состоящая из такого рода высказываний, уже не подпадает под действие тех тезисов, которые в ней устанавливаются. Разве этот эпистемолог может сказать что-то достоверно истинное о других концепциях, если он не в состоянии высказаться достоверно даже о своей собственной концепции? Решить же данную проблему с помощью методики, которая позволяет просто ее не замечать, – слишком тривиально.

Трудности в установлении фундаментальной причины логических парадоксов

Ранее автором настоящей статьи была предложена теоретическая разработка, обозначенная как «формальный реализм» [28], в рамках которой фундаментальной причиной логических парадоксов называлось явление отрицательной самореферентности.

Если парадоксы порождает именно отрицательная самореферентность, то нет нужды выносить полный запрет на самореферентность как таковую (т.е. на семантически замкнутый язык в целом), следует уточнить, какие виды саморферентных рассуждений могут быть признаны логически корректными, а какие нет. Формальный реализм предложил оставить в арсенале логически корректных форм теоретического дискурса те, которые содержат положи-

тельную самореферентность, признав несостоятельными лишь рассуждения с отрицательной самореферентностью.

Однако российский логик В.О. Лобовиков в своей работе «Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Геделя о неполноте и юридические фикции как важный компонент юридической техники» [29] поставил под сомнение тезис формального реализма о том, что именно отрицательная самореферентость является причиной возникновения логических противоречий:

«Отвергая гипотезу, что причиной логической противоречивости автореферентных парадоксов является их автореферентность как таковая, некоторые исследователи (например, В.А. Ладов в интересной монографии ‘Формальный реализм’) выдвигают гипотезу, что причиной логической противоречивости автореферентных парадоксов является их *негативная* автореферентность. Таким образом, с ‘самой по себе’ автореферентности вообще обвинение и даже подозрение снимается, ‘круг подозреваемых сужается’. Теперь в качестве эффективного средства против обсуждаемого вида парадоксов предлагается воздерживаться от любых актов *отрицательной* самоприменимости. Но не является ли такое предложение тоже весьма грубым, чересчур радикальным средством (достаточным, но не необходимым условием) устранения парадоксов обсуждаемого вида? Всякое ли негативное автореферентное высказывание представляет собой формально-логическое противоречие?» [29. С. 54].

Далее автор указанной работы приводит формулировку первой теоремы Геделя как пример непротиворечивого предложения, содержащего отрицательную самореферентность. В формальной записи предложение Геделя выглядит следующим образом:

$$\omega \equiv \neg(s \vdash \omega),$$

где s – формальная арифметическая теория, ω – формула (предложение) в рамках s, такая, что она недоказуема в s.

Предложение Геделя является самореферентным, ибо на вопрос, а какое именно предложение является недоказуемым в s, можно указать на следующее предложение: «Имеется предложение, такое, что оно недоказуемо в s», т.е. геделевским предложением оказывается сама ω, указывающая на себя самое. Если самореферентное предложение «Имеется предложение, такое, что оно недоказуемо в s» истинно, то оно недоказуемо в s.

Самореферентное предложение Геделя содержит отрицание «не является доказуемым», и тем не менее оно непротиворечиво. Отсюда автор рассматриваемой работы делает вывод о том, что явление отрицательной самореферентности нельзя считать подлинным основанием логических противоречий, поскольку можно привести, по крайней мере, один пример (первая теорема Геделя) непротиворечивого предложения, содержащего отрицательную самореферентность.

Рассмотренный критический аргумент по отношению к концепции формального реализма имеет важное значение. Он еще раз акцентирует наше внимание на том, сколь сложной оказывается проблема поиска основания логических противоречий. Сталкиваясь с этой проблемой, мы оказываемся в некоем диссипативном предметном поле, вместо однозначного основания, под которое можно было бы подвести все имеющиеся противоречия, перед

нами только лишь россыпь отдельных, несводимых к единому основанию явлений, порождающих антиномии.

Сторонники иерархического подхода считали, что основанием противоречий выступает самореферентность. Тем не менее не все самореферентные высказывания противоречивы. Формальный реализм предположил, что основанием противоречий выступает отрицательная самореферентность, однако первая теорема Геделя дает нам пример непротиворечивого высказывания, содержащего отрицательную самореферентность. Предположение о том, что только отрицание с предикатом истины в самореферентной среде приводит к противоречиям, как в случае с «парадоксом Лжеца», тоже придется отвергнуть, ибо мы вспоминаем «парадокс Рассела», где речь идет о классе всех классов, которые не являются собственными элементами. Здесь имеется самореферентность (когда мы ставим вопрос, является ли этот класс собственным элементом), имеется отрицание, но нет предиката истины. Венчает этот концептуальный хаос сформулированный американским логиком С. Ябло в конце XX в. так называемый «парадокс Ябло» [30], который содержит отрицательный предикат истины, но вообще не предполагает явление самореферентности, что позволило С. Ябло заявить:

«Я заключаю, что самореферентность не является ни необходимым, ни достаточным условием парадокса Лжеца и подобных ему парадоксов» [30. P. 252].

Парадокс Ябло возникает на основании циклов двойной референции, которые содержатся в его формулировке:

«Вообразим бесконечную последовательность предложений S1, S2, S3…, каждое из которых утверждает, что любое последующее предложение не является истинным:

(S1) для всех k>1, Sk не является истинным.

(S2) для всех k>2, Sk не является истинным.

(S3) для всех k>3, Sk не является истинным».

Предположим, для образования противоречия, что некоторое Sn истинно. Допустим, Sn говорит, что для всех k>n Sk не является истинным. Следовательно, (a) Sn+1 не является истинным, и (b) для всех k>n+1, Sk не является истинным. Но (b) есть то, что фактически говорит Sn+1, и это противоречит (a), а именно Sn+1 является истинным! Пусть каждое предложение Sn в данной последовательности не является истинным. Но тогда предложения, следующие за любым данным Sn, не являются истинными, и отсюда Sn истинно! [30. P. 251–252].

Поскольку о предложении Sn+2 говорят сразу два предложения, а именно, Sn и Sn+1, постольку предложение Sn+1 оказывается и истинным (т.е. говорит, что Sn+2 не является истинным), и ложным (на основании изначального допущения, что Sn говорит о ложности всех Sk, таких, что k>n). Данные циклы двойной референции повторяются далее на каждом шаге бесконечной последовательности предложений Ябло.

Решение логических парадоксов в интуиционистской и паранепротиворечивой логиках

Если признать верной гипотезу, что единого, фундаментального основания логических парадоксов вообще не существует, то тогда для их решения понадо-

бится принципиально иная методология, которая уже не ориентируется (как это имело место и в иерархическом подходе, и в концептуальной разработке формального реализма) на поиск и устранение фундаментального основания.

Один из таких методов предлагает Ф. Фитч. Как уже было отмечено выше, этот американский логик критикует иерархический подход и является сторонником концепции семантически замкнутого языка. Ф. Фитч утверждает, что идея семантически замкнутого языка является одной из наиболее важных для философии. Философия в силу своей специфики обязана пользоваться именно семантически замкнутым языком, поскольку она строит концепции максимально возможного уровня общности:

«Характерная черта философии состоит в том, чтобы дотянуться до этого максимального уровня и быть способной использовать самореферентные виды рассуждения, которые возможны на этом уровне» [25. P. 69].

Для того, чтобы сохранить семантически замкнутый язык и решить при этом проблему логических парадоксов, Ф. Фитч предлагает путь, который характерен для математического интуиционизма и интуиционистской логики:

«В *Символической логике*, 1952, внедрены многие из свойств его (т.е. Ф. Фитча. – *В.Л.)* базисной логики. Эта работа также включает отношение к модальной логике, как и детальное сравнение с интуиционизмом Гейтинга, к которому его исследования имеют близость» [31. P. 552].

Этот путь предполагает отказ от логического закона исключенного третьего:

«В заключение следует отметить, что вид отрицания, используемый в системе С-дельта, представляет собой *ограниченный* вид отрицания, ограниченный в том смысле, что в отношении него не действует принцип исключенного третьего, этот специфический ограничитель состоит в том, что пропозиция может не быть истинной, но также может и не отрицаться (т.е. не быть ложной)» [32. P. 401].

В случае отказа от закона исключенного третьего мы просто лишаемся возможности сформулировать парадоксы, например строгий «парадокс Лжеца». Рассмотрим высказывание:

«Это высказывание ложно»

При допущении его истинности мы должны сделать вывод о его ложности. Но при допущении его ложности мы не должны с необходимостью делать вывод о его истинности, поскольку принцип бивалентности (из-за устранения закона исключенного третьего) здесь уже не действует. Если высказывание «Это высказывание ложно» ложно, то отсюда не следует, что оно истинно. Данное высказывание может быть неопределенным (ни истинным, ни ложным).

В паранепротиворечивой логике Г. Прист [33] постулирует отказ от закона недопущения противоречия. В этом случае мы можем фиксировать парадоксальные рассуждения, содержащие противоречия, но не в состоянии указать на проблематичность подобного рода рассуждений, ибо представление о противоречии как о логически недопустимой для мышления ситуации в такой логике просто отсутствует.

По отношению к подобного рода попыткам разрешить проблему логических парадоксов можно сформулировать два критических аргумента.

Во-первых, такая методика представляется чересчур тривиальной. Попытка разрешить проблему логических парадоксов просто указанием на то,

что парадоксы больше не будут рассматриваться в качестве проблемы, в большей степени похожа на уход от проблемы, нежели на ее решение. Такая попытка искусственно упрощает проблемную ситуацию даже в большей степени, нежели иерархический подход, который в парадоксах также видел псевдопроблему, связанную с логической «грубостью» естественного языка. И Б. Рассел, и А. Тарский, пытаясь решить проблему парадоксов, все же оставались в рамках классической логики, сохраняя ее основные законы.

Во-вторых, отказ от основных законов классической логики ставит принципиальный для эпистемологии вопрос о границах рациональной деятельности в целом. Если логические противоречия больше не будут выступать той демаркационной линией, по которой последовательное рациональное мышление отличается от иррациональных проявлений психики человека, то какой тогда смысл будет вкладываться в понятие рациональности? Не потеряет ли при данных обстоятельствах это понятие своих существенных признаков?

«Ad hoc решение» логических парадоксов в семантически замкнутом языке

Решение логических парадоксов, которое будет предложено ниже, берет от исследований Ф. Фитча ориентацию на семантически замкнутый язык, а от иерархического подхода Рассела – Тарского стремление сохранить основные законы классической логики. При этом, опираясь на гипотезу об отсутствии фундаментального основания парадоксов, данное решение не будет ориентироваться на поиск такого основания и, соответственно, на его устранение. Наш метод будет в определенной степени согласован с направлением исследований Р. Мартина. Мы воспользуемся понятием «семантической некорректности», которое Р. Мартин формулирует в своих работах, посвященных вопросам существования семантически замкнутого языка и решения логических парадоксов [27, 34].

Суть метода сводится к следующему. Поскольку мы отказываемся от поиска фундаментальной причины образования логических парадоксов, постольку мы не можем решить проблему парадоксов a priori, в общем виде, как это делал иерархический подход, т.е. через устранение основания, на котором парадоксы в принципе могут быть построены. В нашем распоряжении остается только эмпирический метод и, соответственно, «ad hoc решение», т.е. конкретное решение, применяемое для конкретного случая. Мы работаем в семантически замкнутом языке без каких-либо сбоев до того момента, пока в опыте не столкнемся с ситуацией парадокса. Как только это происходит, мы фиксируем высказывания, репрезентирующие парадокс как семантически некорректные, и устанавливаем запрет на данную форму рассуждения как рационально непоследовательную. Эмпирически установив данное ограничение на рациональный дискурс, мы продвигаемся дальше, пока не встретим новый парадокс, по отношению к которому мы выставим следующее ограничение. Последовательно устанавливаемые ограничения подобного рода постепенно очерчивают для нас форму рафинированного, свободного от парадоксов, рационального дискурса.

Естественно, что к недостаткам данного метода можно отнести его эмпирический характер, что в целом не характерно для логических исследований. Тем не менее достоинства этого метода, как кажется, все же перевешивают указанный недостаток, а именно, мы сохраняем семантически замкнутый

язык как важный инструмент философского мышления, не «зацепляем», как это делал иерархический подход, вместе с рационально непоследовательными (парадоксальными) формами рассуждений те, которые оказываются совершенно свободными от противоречий, и оставляем в неприкосновенности основные законы классической логики, что позволяет нам четко видеть границы рациональной деятельности в целом.

Эпистемологические следствия проведенных логических исследований

Поскольку представленное выше «ad hoc решение» логических парадоксов позволяет нам сохранить семантически замкнутый язык, постольку критический аргумент платоновского Сократа по отношению к релятивизму Протагора получает надлежащее логическое обоснование. Во-первых, мы признаем, что сам аргумент «от самореферентности», используемый платоновским Сократом, является допустимым с логической точки зрения. И во-вторых, используя указанную выше методику выявления противоречий, мы признаем высказывание релятивиста «Все высказывания относительны» семантически некорректным и устанавливаем запрет на данную форму рассуждений как рационально непоследовательную.

Как эпистемологи, мы остаемся в той же самой позиции платоновского Сократа, что и до проведения логических исследований, но теперь наша позиция оказывается не наивной, как прежде, а рефлексивной, обоснованной с логической точки зрения.

Литература

1. *Платон.* Теэтет // Платон. Соч.: в 4 т. СПб.: Изд-во С-Пб. ун-та, 2007. Т. 2. С. 229–327.
2. *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Наука, 1976. Т. 1.
3. *Thomas Aquinas*. Commentary on the Metaphysics. Chicago, 1961.
4. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Пролегомены к чистой логике // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство «Сагуна», 1994. С. 175–353.
5. *Патнем Х.* Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002.
6. *Kordig C.* Self-Reference and Philosophy // American Philosophical Quarterly. 1983. Vol. 20, No. 2. P. 207–216.
7. *Куайн У.* Онтологическая относительность // Современная философия науки. М., 1996. С. 40–61.
8. *Siegel H.* Relativism, Truth and Incoherence // Issues in Epistemology. 1986. Vol. 68, No. 2. P. 225–259.
9. *Brown H.* For a Modest Historicism // The Monist, 1977. Vol. 60. P. 540–555.
10. *Meiland J.* Is Protagorean Relativism Self-Refuting // Grazer Philosophische Studien. 1979. Vol. 9. P. 51–59.
11. *Field H.* Realism and Relativism // The Journal of Philosophy. 1982. Vol. 79. P. 553–567.
12. *Ладов В.А.* Онтологическая проблематика в аналитической философии // Эпистемология и философия науки, 2010. Т. XXIII, № 1. С. 84–97.
13. *Ладов В.А.* Проблема реальности в аналитической философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 4 (12). С. 30–49.
14. *Рассел Б.* Математическая логика, основанная на теории типов // Логика, онтология, язык. Томск, 2006. С. 16–62.
15. *Уайтхед А., Рассел Б.* Основания математики: в 3 т. Самара: Самарский университет, 2005. Т. I.
16. *Tarski A.* The Concept of Truth in Formalized Languages // Logic, Semantics, Metamathematics. Oxford: Oxford University Press, 1956. P. 152–278.
17. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания семантики // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М., 1998. С. 90–129.
18. Frege G. Philosophical and Mathematical Correspondence. Oxford: Basil Blackwell, 1980.
19. *Рассел Б.* Философия логического атомизма. Томск: Водолей, 1999.

20. *Суровцев В.А.* Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.

21. *Bolander T.* Self-Reference and Logic // ΦNews. 2002. № 1. P. 9–43.

22. *Beall Jc.* A Neglected Deflationist Approach to the Liar // Analysis, 2001. 61.2, April. P. 126–129.

23. *Вригт Г.Х. фон.* Гетерологический парадокс // Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. М., 1986. С. 449–482.

24. *Anderson A.P.* St. Paul's Epistle to Titus // The Paradox of the Liar. New Haven and London, 1970. P. 1–11.

25. *Fitch F.* Self-Reference in Philosophy // Mind. 1946. Vol. 55, No. 217. P. 64–73.

26. *Патнем Х.* Реализм с человеческим лицом // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М.: ДИК, 1998. С. 466–494.

27. *Martin R.* Are Natural Languages Universal? // Synthese. 1976. Vol. 32, No. 3/4. P. 271–291.

28. *Ладов В.А.* Формальный реализм. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011.

29. *Лобовиков В.О.* Проблема неполноты формально определенных систем норм позитивного права, первая теорема Геделя о неполноте и юридические фикции как важный компонент юридической техники // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 2 (49). С. 53–57.

30. *Yablo S.* Paradox without Self-reference // Analysis. 1993. Vol. 53. P. 251–252.

31. *Marcus R.* F.B. Fitch 1908–1987 // Proceedings and Addresses of American Philosophical Association. 1988. Vol. 61, No. 3. P. 551–553.

32. *Fitch F.* Universal Metalanguages for Philosophy // The Review of Metaphysics. 1964. Vol. 17, No. 3. P. 396–402.

33. *Prist G.* Truth and Contradiction // The Philosophical Quarterly. 2000. Vol. 50, No. 200. P. 305–319.

34. *Martin R.* Toward a Solution to the Liar Paradox // The Philosophical Review. 1967. Vol. 76, No. 3. P. 279–311.

Ladov Vsevolod A. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/14

LOGICAL FOUNDATIONS OF EPISTEMOLOGICAL CRITICISM OF RELATIVISM

Keywords: epistemology, logic, Plato, relativism, truth, paradox, self-reference, semantically closed language

For the first time the classical argument against relativism was formulated by Plato in «Theaetetus». The argument was repeated more than once in history of philosophy. However, the argument was mostly represented to be naive from a logical point of view. It was built on the foundation of latent admission of consistent semantically closed language. Existence of the language was rejected by orthodox conceptions in the 20th century logic (Russell's theory of types and Tarski's semantic theory of metalanguages). These conceptions allowed to solve the problem of logical paradoxes. Therefore, to recognize correctness of Plato's epistemological argument it is necessary to analyze orthodox method critically and to present a new solution that would be admit semantically closed language. Author of this article tries to achieve the aim representing the new «ad hoc solution» of logical paradoxes in semantically close language. Thus, epistemological criticism of relativism is found its essential logical justification.

References

1. Plato. (2007) *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 229–327.

2. Aristotle. (1976) *Sochineniya: v 4 t.* [Works in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

3. Aquinas, Th. (1961) *Commentary on the Metaphysics*. Chicago: St. Augustine's Press.

4. Husserl, E. (1994) *Filosofiya kak strogaya nauka* [Philosophy as a rigorous science]. Translated from German. Novocherkassk: Saguna. pp. 175–353.

5. Putnam, H. (2002) *Razum, istina i istoriya* [Reason, Truth and History]. Translated from English by T.A. Dmitriev, M.V. Lebedev. Moscow: Praksis.

6. Kordig, C. (1983) Self-Reference and Philosophy. *American Philosophical Quarterly*. 20(2). pp. 207–216.

7. Quine, W. (1996) Ontologicheskaya otnositel'nost' [Ontological Relativity]. Translated from English by A.A. Pechenkin. In: *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern philosophy of science]. Moscow: Logos. pp. 40–61.

8. Siegel, H. (1986) Relativism, Truth and Incoherence. *Issues in Epistemology*. 68(2). pp. 225–259. DOI: 10.1007/BF00413833

9. Brown, H. (1977) For a Modest Historicism. *The Monist*. 60. pp. 540-555. DOI: 10.5840/monist197760421

10. Meiland, J. (1979) Is Protagorean Relativism Self-Refuting. *Grazer Philosophische Studien*. 9. pp. 51–59. DOI: 10.5840/gps197994

11. Field, H. (1982) Realism and Relativism. *The Journal of Philosophy*. 79. pp. 553–567. DOI: 10.1111/1468-0068.36.s1-1.1

12. Ladov, V.A. (2010) Ontologicheskaya problematika v analiticheskoy filosofii [The ontological problems in analytic philosophy]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 23(1). pp. 84–97.

13. Ladov, V.A. (2010) Problema real'nosti v analiticheskoy filosofii [The problem of reality in analytical philosophy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(12). pp. 30–49.

14. Russell, B. (2006) Matematicheskaya logika, osnovannaya na teorii tipov [Mathematical logic based on the theory of types]. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Logika, ontologiya, yazyk* [Logic, Ontology, Language]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 16–62.

15. Whitehead, A. & Russell, B. (2005) *Osnovaniya matematiki: v 3 t.* [Foundations of Mathematics. In 3 vols]. Vol. 1. Samara: Samara State University.

16. Tarski, A. (1956) *Logic, Semantics, Metamathematics*. Oxford: Oxford University Press. pp. 152–278.

17. Tarski, A. (1998) Semanticheskaya kontseptsiya istiny i osnovaniya semantiki [The semantic concept of truth and the basis of semantics]. In: Gryaznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* (antologiya) [Analytical Philosophy: The establishment and development (Anthology)]. Translated from English and German. Moscow: Dom intellektual'noy knigi. pp. 90–129.

18. Frege, G. (1980) *Philosophical and Mathematical Correspondence*. Oxford: Basil Blackwell.

19. Russell, B. (1999) *Filosofiya logicheskogo atomizma* [The philosophy of logical atomism]. Translated from English by G. Ruzavin. Tomsk: Vodoley, 1999.

20. Surovtsev, V.A. (2001) *Avtonomiya logiki: istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteyna* [The autonomy of logic: the sources and genesis of the system early Wittgenstein's philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.

21. Bolander, T. (2002) Self-Reference and Logic. *FNews*. 1. pp. 9–43.

22. Beall, Jc. (2001) A Neglected Deflationist Approach to the Liar. *Analysis*. 61(2). pp. 126–129. DOI: 10.1093/analys/61.2.126

23. Wright, G.H. fon. (1986) *Logiko-filosofskie issledovaniya: Izbrannye trudy* [Logical and philosophical studies: Selected Works]. Translated from German by E. Tarusina & A.S. Karpenko. Moscow: Progress. pp. 449–482.

24. Anderson, A.P. (1970) *The Paradox of the Liar*. New Haven and London. pp. 1–11.

25. Fitch, F. (1946) Self-Reference in Philosophy. *Mind*. 55(217). pp. 64–73.

26. Putnam, H. (1998) Realizm s chelovecheskim litsom [Realism with a Human Face]. In: Gryaznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: stanovlenie i razvitie* (antologiya) [Analytical Philosophy: The establishment and development (Anthology)]. Translated from English and German. Moscow: Dom intellektual'noy knigi. pp. 466–494.

27. Martin, R. (1976) Are Natural Languages Universal? *Synthese*. 32(3/4). pp. 271–291. DOI: 10.1007/BF00484779

28. Ladov, V.A. (2011) *Formal'nyy realism* [Formal realism]. Tomsk: Tomsk State University.

29. Lobovikov, V.O. (2013) Problema nepolnoty formal'no opredelennykh sistem norm pozitivnogo prava, pervaya teorema Gedelya o nepolnote i yuridicheskie fiktsii kak vazhnyy komponent yuridicheskoy tekhniki [The problem of incompleteness of formally defined systems of positive law, the first Gödel's incompleteness theorems and legal fictions as an important component of legal technique]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 2(49). pp. 53–57.

30. Yablo, S. (1993) Paradox without Self-Reference. *Analysis*. 53. pp. 251–252. DOI: 10.2307/3328245

31. Marcus, R. (1988) F.B. Fitch 1908–1987. *Proceedings and Addresses of American Philosophical Association*. 61(3). pp. 551–553.

32. Fitch, F. (1964) Universal Metalanguages for Philosophy. *The Review of Metaphysics*. 17(3). pp. 396–402.

33. Priest, G. (2000) Truth and Contradiction. *The Philosophical Quarterly*. 50(200). pp. 305–319. DOI: 10.1111/j.0031-8094.2000.00187.x

34. Martin, R. (1967) Toward a Solution to the Liar Paradox. *The Philosophical Review*. 76(3). pp. 279–311.

УДК 165.0
DOI: 10.17223/1998863X/36/15

Л.Д. Ламберов

ПРОБЛЕМЫ ДЕФЛЯЦИОНИЗМА: ПАРАДОКС ЛЖЕЦА

Рассматриваются соотношения дефляционных теорий истины и парадокса лжеца. В числе возможных вариантов разрешения проблемы парадокса лжеца рассматриваются решения А. Тарского, С. Крипке и Я. Хинтикки, а также диалетеизм Г. Приста и его переформулировка Х. Филдом. Обосновывается прагматический подход к решению парадокса лжеца, намечается обоснование вывода о том, что решение парадокса лжеца не является «внутренней» проблемой дефляционизма.
Ключевые слова: *дефляционизм, истина, значение, референция, парадокс лжеца, взаимозаменимость, прагматизм.*

Многие исследователи традиционно считают, что разрешение парадокса лжеца, тесно связанного с понятием истины, лежит на плечах авторов разнообразных теорий истины. Это убеждение состоит в том, что сторонник, например, корреспондентной теории истины (или любой другой) для доказательства корректности и адекватности своей концепции должен разрешить парадокс лжеца. Однако эти исследователи упускают из виду тот факт, что подобные парадоксы могут быть сформулированы и относительно других семантических понятий (выполнимость, обозначение и т. д.). Означает ли это, что автор определенной теории выполнимости или обозначения для доказательства корректности и адекватности своей концепции должен разрешить соответствующие (подобные по своей форме) парадоксы для рассматриваемых им понятий? Если это верно, то в такой же ситуации относительно парадокса лжеца и сопутствующих ему парадоксов находится и дефляционизм. Поскольку в последнее время дефляционизм все чаще рассматривается как наиболее перспективное направление исследования, постольку необходимо выяснить возможности дефляционизма в разрешении парадокса лжеца. Настоящая статья посвящена рассмотрению соотношения дефляционных теорий истины и парадокса лжеца. В числе возможных вариантов разрешения проблемы парадокса лжеца рассматриваются решения А. Тарского, С. Крипке и Я. Хинтикки, а также диалетеизм Г. Приста и его переформулировка Х. Филдом. Рассмотрение этих вариантов решения позволяет перейти к прагматическому решению парадокса лжеца, подобному решению проблемы взаимозаменимости частей дефляционной схемы эквивалентности, а также решению проблемы построения дефляционных теорий значения и референции. В конечном счете это позволяет проблематизировать изначальный вопрос о релевантности парадокса лжеца по отношению к той или иной теории истины. Намечается обоснование вывода о том, что решение парадокса лжеца не является «внутренней» проблемой дефляционизма.

Сторонники дефляционизма относительно истины полагают, что понятие истины является примитивом. Последнее означает, что истина является далее не анализируемым понятием, которое не может быть определено через какие-

либо другие понятия. Эта общая черта всех дефляционных теорий соседствует с широким разнообразием конкретных реализаций дефляционного подхода. Существует большое количество различных дефляционных теорий – даже дефляционных теорий истины (можно выделить также дефляционные теории значения, референции, фактов, ценностей и т. д.). Тем не менее общим моментом является понимание роли истинностного предиката в языке и методов его объяснения. Можно выделить иерархию дефляционных подходов: (1) теория избыточности, согласно которой истинностный предикат избыточен и может без особых затруднений быть устранен, (2) теория раскавычивания, согласно которой истинностный предикат используется в качестве инструмента номинализации и деноминализации, (3) просентенциальная теория, согласно которой истинностный предикат может, подобно местоимениям, использоваться в квантификации для целей формулирования обобщений. Коротко говоря, дефляционизм относительно истины [1] – это теория истины, согласно которой понятие истины понимается как метафизически пустое понятие, выполняющее в языке специфические логико-лингвистические функции (обобщение, косвенная речь, «семантическое восхождение»), полностью объяснимое при помощи схемы эквивалентности. Последняя, в свою очередь, может пониматься различно – как схема в рамках теории избыточности, как схема раскавычивания, просентенциалистская, минималистская, экспрессинистская и т. д. Тем не менее можно выделить общую форму дефляционной схемы эквивалентности:

(DT) <*p*> истинно ≡ *p*.

Ясно, что указанная схема схожа с эквивалентностью вида Т А. Тарского; в проекте А. Тарского важное место занимало обсуждение парадокса лжеца, поэтому закономерно возникает вопрос о соотношении дефляционизма и этого парадокса. Кроме того, поскольку парадокс лжеца тесно связан с понятием истины, от любой теории истины следует ожидать объяснения (а точнее, решения) парадокса.

Парадокс лжеца является одним из наиболее обсуждаемых парадоксов в истории философии. Традиционно считается, что этот парадокс был впервые сформулирован Эвбулидом Милетским (авторство приписывается ему, например, Диогеном Лаэртским). Ряд авторов полагает, что парадокс впервые сформулировал Эпименид Критский (считается, что его цитирует апостол Павел в Послании к Титу), высказав свое знаменитое утверждение «Критяне всегда лгут». Однако имеются сомнения в том, что это утверждение является парадоксальным [2. С. 93–95], – конечно, кто-то из критян когда-то говорил правду, но этот исторический факт не должен выводиться исключительно из логики; поскольку некоторые критяне говорили правду, то утверждение Эпименида ложно; если же Эпименид был единственным критянином, то его утверждение было бы парадоксальным. От истории парадокса, рассмотрение которой не является целью настоящей статьи, обратимся, собственно, к формулировке парадокса. Парадокс лжеца (точнее парадоксальное утверждение) может быть сформулирован так:

(L) Утверждение (L) ложно.

Для прояснения парадоксальности утверждения (L) рассмотрим его подстановку в схему (DT):

<Утверждение (L) ложно> истинно ≡ утверждение (L) ложно.

Утверждение (L) оказывается истинным в том случае, если оно ложно, и, соответственно, ложным, если оно истинно. В строгом смысле, противоречие в форме конъюнкции двух несовместимых утверждений (что (L) истинно и что (L) ложно) может быть получено, например, при условии, что помимо схемы, объясняющей понятие истины (например, схемы (DT)), имеют место (a) закон исключенного третьего, (b) принцип «взрыва» (*ex falso quodlibet*; из противоречия следует все, что угодно), (c) удаление дизъюнкции; (d) введение конъюнкции. Для (L) из закона исключенного третьего следует два случая: (1) (L) истинно, (2) (L) ложно. Оба случая тривиально приводят к противоречию, из которого, как это ясно из (b), следует все, что угодно.

Сам по себе парадокс лжеца получает различную интерпретацию. Ряд исследователей полагают, что он демонстрирует недостатки обычного (соответствующего обыденным интуициям) понятия истины, а при рассмотрении дефляционизма это может служить обоснованием того, что схема (DT) должна быть пересмотрена. Другие исследователи используют парадокс лжеца в качестве аргумента для отказа от классической логики и замены ее некоторым вариантом многозначной, паранепротиворечивой или параполной логики. Кроме того, из парадокса лжеца иногда выводятся следствия философского характера: например, следствия относительно семантической компетенции и языка, природы контекстуальной зависимости в языке, особенностей понятия определения, в некотором смысле принципиальной «неполноты» мира или того, что понятие истины является нечетким понятием.

В связи с парадоксом лжеца возникает закономерный вопрос о том, на чем конкретно необходимо делать акцент при разрешении этого парадокса – либо мы должны пересмотреть принципы логики, либо понятие истины, либо и то, и другое, либо что-то третье (четвертое?). Таким образом, в отношении любой теории истины, например дефляционизма, проблема парадокса лжеца принимает вид следующей трилеммы: либо необходимо пересмотреть дефляционное определение понятия истины, либо пересмотреть принципы логики, либо пересмотреть и то, и другое. Безусловно, эта трилемма имеет место в том случае, когда мы работаем с уже сформированной теорией истины либо ее базовым каркасом. Поскольку с точки зрения какой-либо теории истины было бы странно в связи с разрешением парадокса лжеца (или какой-либо другой проблемы) обращаться к пересмотру самой этой теории истины. Наиболее понятным оказывается попытка пересмотра принципов логики либо дополнение имеющейся теории истины некоторыми внешними принципами, которые, как это представляется исследователю, позволят защитить его теорию истины.

В отношении дефляционизма и парадокса лжеца в дальнейшем будут рассмотрены две следующие альтернативы: (1) пересмотр принципов логики (в особенности в рамках диалетеизма), (2) дополнение дефляционизма внешним принципом прагматического характера.

Для начала необходимо обратиться к семантической концепции А. Тарского. Стремясь избежать парадоксов, А. Тарский свое решение основывал на раз-

делении семантически замкнутых и семантически незамкнутых языков. Семантически замкнутый язык содержит семантические термины для выражений этого самого языка; кроме того, эти семантические термины определены собственными средствами этого языка. По мнению А. Тарского, мы можем дать определение понятия истины для языка с четко заданной структурой. По сути, у А. Тарского истина определяется рекурсивно через понятия выполнимости и упорядоченного множества. Определение истины для некоторого языка А. Тарский предлагал давать в соответствующем метаязыке, что позволяет дать определение семантических понятий для семантически незамкнутых языков. В общих чертах этот подход может быть использован и в рамках дефляционизма. Безусловно, в любом естественном языке можно выделить фрагмент, целиком поддающийся формализации или выразимый (переводимый), например, в языке классической логики первого порядка.

Также возможны и другие подходы. Так, С. Крипке [3] показал, что может быть построен неклассический язык, содержащий аппарат первопорядковой арифметики и закодированное определение понятия истинности для этого же языка. С другой стороны, первопорядковая теория, построенная Я. Хинтиккой (его IF-логика), содержит все эквивалентности вида T для этой теории. Таким образом, снимается проблема А. Тарского – проблема бесконечной иерархии языков и определений истинности для них. Здесь, однако, следует отметить, что подобная иерархическая проблема возникает для понятия адекватности. П. де Руильхан и С. Бозон [4] получили результат, согласно которому теоретико-модельный критерий адекватности истинностного предиката не выразим в языке первопорядковой IF-логики. То есть понятия логической истинности, логической импликации и логической эквивалентности для языка IF-логики не определимы какой бы то ни было формулой конечного порядка, имеющей ту же самую сигнатуру, что и этот язык. Иными словами, даже если понятие истинности для такого языка, определенное методом А. Тарского в метаязыке, адекватно переводимо обратно в язык IF-логики, как это утверждает Я. Хинтикка, это ничего не дает нам. Дело в том, что носитель объектного язык не будет знать об адекватности определения такого понятия истины, знание этого будет доступно лишь носителю метаязыка.

Еще один вариант решения проблема парадокса лжеца – использовать подстановочную интерпретацию кванторов [5, 6]. Так, может быть построено исчисление, являющееся универсальной теорией истины, т.е. материально адекватное и непротиворечивое выражение истинности всех предложений языка в самом этом языке. Таким образом, с помощью подстановочной интерпретации кванторов также удается преодолеть проблему А. Тарского – проблему бесконечной иерархии языков и определений истинности для них. Тем не менее каким бы ни было привлекательным предприятием использование подстановочной интерпретации кванторов, такой подход вряд ли может удовлетворить сторонников «мейнстримного» дефляционизма. При подстановочной интерпретации кванторов переменные, фактически, ничего не пробегают, или, можно сказать, «пробегают» (в весьма узком смысле) множество имен объектов. Подстановочная интерпретация кванторов позволяет решить проблему двусмысленности вхождений сентенциальных переменных, но цена, которую за это решение приходится заплатить, весьма высока. В частно-

сти, такое понимание кванторов существенно ограничивает понятие логического следования в том смысле, что если, например, в некотором языке L выводимо обобщение $(x)\Phi(x)$, то при расширении данного языка путем добавления к нему новых имен оно может оказаться более невыводимым. Последнее оказывает влияние на доказательство полноты рассматриваемой логической системы [7. С. 183; 8]. Другими словами, строгая полнота и компактность оказываются недоказуемыми при подстановочной интерпретации кванторов без каких-либо дополнительных модификаций логической системы. Большинство же дефляционистов для решения проблемы двусмысленности вхождений сентенциальных переменных предлагают использовать само понятие истины. Так, как уже было указано в начале статьи, согласно дефляционным теориям истины, истинностный предикат выполняет особую логико-лингвистическую функцию в языке, т.е. позволяет формулировать утверждения, которые не могли быть получены ранее (в частности, обобщения, или, если использовать терминологию У. Куайна, истинностный предикат используется для целей семантического восхождения и, соответственно, семантического нисхождения). Большинство сторонников дефляционного подхода противятся изменению интерпретации кванторов или смешению двух интерпретаций, поскольку желают сохранить классическое первопорядковое понятие логического следования и «простоту» используемого языка. Использование понятия истины позволяет нам, сохраняя объектную интерпретацию кванторов, формулировать предложения, которые мы не могли бы сформулировать без него. Понятие истины значительно расширяет выразительные возможности нашего языка и не требует использования подстановочной интерпретации кванторов, что должно значительно упростить объяснение языка, поскольку мы отказываемся от технически весьма сложного аппарата квантификации, используя при этом то, что представляется более естественным.

Рассмотрим диалетеизм. Следует отметить, что диалетеизм и дефляционизм в чистом виде не сочетаются. Дело в том, что с точки зрения диалетеизма [9] выражения «Истинно, что *p*» и «*p*» не являются взаимозаменимыми в контекстах отрицания (подобного понимания отрицания также придерживается в ряде работ М. Даммит, сравнивая отрицание с модальностями). Таким образом, диалетеизм не поддерживает эквивалентность выражений «Истинно, что *p*» и «Не ложно, что *p*». Кроме того, диалетеизм обычно понимается как взгляд, согласно которому противоречащие друг другу предложения (например, A и $\sim A$) оба и истинны, и ложны одновременно. Тем не менее такое понимание диалетеизма приводит скорее к тому, что диалетеист должен признать не только то, что противоречащие друг другу предложения являются одновременно истинными и ложными, но и то, что они одновременно не являются ни истинными, ни ложными [10. С. 24–25]. Рассматривая диалетеизм, Х. Филд предлагает определять диалетеизм как точку зрения, согласно которой и предложение, и его отрицание *принимаются*. Следует сразу оговориться, что диалетеизм не представляет собой тривиальную точку зрения о том, что все противоречия истинны, и не является теорией, в рамках которой в полной мере отвергается закон исключенного третьего. Диалетеизм представляет собой взгляд, что существуют диалетейи, т.е. такие предложения, которые являются одновременно и истинными, и ложными (или в варианте

Х. Филда и утверждение, и отрицание которых равно принимаются). То есть закон исключенного третьего работает для всех обычных предложений, но не для диалетей. Возможный вариант формулирования диалетеизма состоит в том, чтобы заменить классическое первопорядковое понятие следования на паранепротиворечивое понятие следования.

Какой любопытный момент содержится в попытке диалетеиста разрешить парадокс лжеца? При внимательном рассмотрении переформулировки диалетеизма Х. Филдом проявляется ее общая прагматическая направленность. Фактически диалетеизм может быть понят как частный случай (или точнее, частное следствие) прагматического варианта дефляционной теории истины. Рассмотрение проблемы взаимозаменимости [11] левой и правой частей схемы эквивалентности, а также рассмотрение проблемы построения теории значения [12] и теории референции [13] на основе дефляционного подхода к понятию истины приводят в конечном счете к возможности (даже необходимости!) прагматической интерпретации дефляционизма. Согласно этой прагматической интерпретации, дефляционная схема (DT) дает определение того, как ведет себя истинностный предикат, т.е. того, какие выводы («логические» переходы) можно делать в тех или иных случаях. Предполагается, что везде, где встречается «*p*», можно поставить «<*p*> истинно». А там, где встречается «<*p*> истинно», – поставить «*p*». Тем не менее здесь следует говорить о *готовности* говорящего взаимозаменять «*p*» и «<*p*> истинно». Это решение будет полным только в том случае, когда оно будет сопровождаться неким внешним по отношению к теории истины объяснением того, при каких условиях говорящий *готов* производить указанную замену. Вводя подобный прагматический принцип, мы получаем возможность эпистемически подойти к определению значения языкового выражения. В частности, как это представляется, теперь мы можем отделить ситуации, когда говорящий обладает знанием значения того или иного предложения, и когда он таким знанием не обладает. Важно отметить также и то, что, согласно дефляционизму, схема (DT) работает независимо от истинности предложения *p*, также и в рамках дефляционной эпистемической концепции значения не важно, истинно ли предложение, значение которого мы намерены выяснить. Также при дефляционном подходе к референции важную роль играет понятие диспозиции – диспозиции к принятию определенных подстановок в схему (что соответствует принципу контекстуальности). Очевидно, что при прагматической интерпретации, т.е. при обращении к понятию диспозиции (готовности) принимать ту или иную взаимную замену левой и правой частей схемы (DT), возможный вариант решения парадокса лжеца «перекладывается» на плечи говорящего. Тот или иной конкретный говорящий может быть (возможно, лишь неосознанно) сторонником подхода А. Тарского, С. Крипке, Я. Хинтикки, Г. Приста, Х. Филда либо иметь свое собственное видение проблемы парадокса лжеца. В связи с тем, что с точки зрения одного лишь дефляционизма разница между этими вариантами невелика, и ею можно пренебречь, можно утверждать, что парадокс лжеца не является «внутренней» проблемой дефляционизма. Последнее означает, что решение парадокса лжеца – это задача не какой-то конкретной теории истины, а более общей логической или логико-метафизической (в самом широком смысле) теории. Поэтому, строго говоря,

парадокс лжеца угрожает дефляционизму лишь в том случае, если решение указанного парадокса в более общей теории приведет к пересмотру последней, которая уже не будет согласовываться с дефляционизмом.

Литература

1. *Ламберов Л.Д.* Дефляционные теории истины: проблема обобщенного определения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. № 3. С. 13–19.

2. *Sorensen R.* A Brief History of the Paradox: Philosophy and the Labirinths of the Mind. Oxford, 2003. 394 p.

3. *Kripke S.* Outline of a Theory of Truth // The Journal of Philosophy. 1975. Vol. 72, No. 19. P. 690–716.

4. *De Rouilhan P., Bozon S.* The Truth of IF: Has Hintikka Really Exorcised Tarski's Curse? // The Philosophy of Jakko Hintikka / Auxier R. E., Hahn L. E. Chicago, 2006. P. 683–705.

5. *Бессонов А.В.* Теория объектов в логике. Новосибирск, 1987. 133 с.

6. *Бессонов А.В.* Предметная область в логической семантике. Новосибирск, 1985. 111 с.

7. *Dunn M., Belnap N.* The Subsitution Interpretation of the Quantifiers // Nous. 1968. Vol. 2, No. 2. P. 177–185.

8. *Henkin L.* The Completeness of the First-Order Functional Calculus // Journal of Symbolic Logic, 1949. Vol. XIV. P. 159–166.

9. *Priest G.* In Contradiction. Dordrecht, 1987. 328 p.

10. *Field H.* Is the Liar Sentence Both True and False? // Deflationism and Paradox / ed. by Beall JC, Armour-Garb B. Oxford, 2005. P. 23–40.

11. *Ламберов Л.Д., Тарасов И.П.* В защиту дефляционной конвенции Т («кантианские темы» в современной эпистемологии) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2010. №4. С. 50–61.

12. *Ламберов Л.Д.* Дефляционизм, контекстуальность и теория значения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Политология. Социлогия. 2011. № 2. С. 31–37.

13. *Ламберов Л.Д.* Дефляционизм, контекстуальность и теория референции // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. № 2. С. 22–26.

Lamberov Lev D. – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yelstin (Yekaterinburg, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/15

PROBLEMS OF DEFLATIONISM: LIAR PARADOX

Keywords: deflationism, truth, meaning, reference, liar paradox, interchangebility, pragmatism

Two alternatives are considered with regards of deflationism and the liar paradox: (1) revisiting of the principles of logic (in particular, in the framework of dialeteism), (2) adding an external pragmatic principle to deflationism. Tarski suggested that the truth definition for a given language should be formulated in the appropriate meta-language that allows one to define semantic concepts of semantically-open languages. In general, this approach can be used within deflationism. Kripke and Hintikka solved the Tarski's problem – the problem of an infinite hierarchy of languages and truth definitions for them, but they did not managed to solve the problem of the liar paradox. One can use the substitution interpretation of quantifiers to solve the problem of liar paradox, but the consequence of it is that strict completeness and compactness become unprovable without special modifications of a given logical system. Field offers to define dialeteism as a point of view, according to which both, sentence and its negation are accepted by a given speaker. In fact, dialeteism can be understood as a special case of the pragmatic variant of deflationary theory of truth. The solution of the paradox of the liar in this case would be complete only when deflationism is accompanied with some external explanation of the conditions under which the speaker is willing to make the substitution according to deflationary scheme. By means of this pragmatic principle we are able to epistemically define the concept of meaning. The problem of solving the liar paradox should be solved not by some particular theory of truth, and by a more general logical or logico-metaphysical theory. Therefore, the liar paradox threatens deflationism only in the cast that a liar paradox solution in a more general theory leads to a revision of the latter, which would no longer be consistent with deflationism.

References

1. Lamberov, L.D. (2011) Deflyatsionnye teorii istiny: problema obobshchennogo opredeleniya [Deflationary theories of truth: The problem of the generalized definition]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. 3. pp. 13–19.

2. Sorensen, R. (2003) *A Brief History of the Paradox: Philosophy and the Labirinths of the Mind*. New York: Oxford University Press.

3. Kripke, S. (1975) Outline of a Theory of Truth. *The Journal of Philosophy*. 72(19). pp. 690–716. DOI: 10.2307/2024634

4. De Rouilhan, P. & Bozon, S. (2006) The Truth of IF: Has Hintikka Really Exorcised Tarski's Curse? In: Auxier, R.E. & Hahn, L.E. (eds) *The Philosophy of Jakko Hintikka*. Chicago: Open Court. pp. 683–705.

5. Bessonov, A.V. (1987) *Teoriya ob"ektov v logike* [The theory of the objects in the logic]. Novosibirsk: Krasand.

6. Bessonov, A.V. (1985) *Predmetnaya oblast' v logicheskoy semantike* [Specialization in logical semantics]. Novosibirsk: Nauka.

7. Dunn, M. & Belnap, N. (1968) The Subsitution Interpretation of the Quantifiers. *Nous*. 2(2). pp. 177–185.

8. Henkin, L. (1949) The Completeness of the First-Order Functional Calculus. *Journal of Symbolic Logic*. 14. pp. 159–166. DOI: 10.2307/2267044

9. Priest, G. (1987) *In Contradiction*. Dordrecht: Clarendon Press.

10. Field, H. (2005) Is the Liar Sentence Both True and False? In: Beall, J.C., Armour-Garb, B. (eds) *Deflationism and Paradox*. New York: Oxford University Press. pp. 23–40.

11. Lamberov, L.D. & Tarasov, I.P. (2010) V zashchitu deflyatsionnoy konventsii T (“kantianskie temy” v sovremennoy epistemologii) [In defense of the deflationary convention T (“Kantian themes” in modern epistemology)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosphy, Sociology and Political Science*. 4. pp. 50–61.

12. Lamberov, L.D. (2011) Deflationism, contextuality and theory of meaning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosphy, Sociology and Political Science*. 4(16). pp. 31–37. (In Russian).

13. Lamberov, L.D. (2012) Deflyatsionizm, kontekstual'nost' i teoriya referentsii [Deflationism, contextuality and reference theory]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2. pp. 22–26.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 141
DOI: 10.17223/1998863X/36/16

А.Н. Иванова

ВОЗВРАЩЕНИЕ – ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ПУТЕШЕСТВИЯ: АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ПУТЕШЕСТВИЯ КАК ФОРМЫ САМОТРАНСЦЕНДЕНЦИИ

Путешественник в каждом Путешествии ставит цель вывести себя за границы привычного мира, культуры и своего Я на какой-то период времени, ведь он человек с потребностью в самотрансценденции, находящийся в активном поиске Новизны. Как бы долго или интенсивно ни проходило то или иное Путешествие, в конечном счете для Путешественника наступает не менее важный этап в нем – Возвращение домой, или, в противном случае, оно становится странствованием, эмиграцией, шизофренией и т. д. Именно на этом завершающем этапе происходит создание Продукта – некоего доказательства и творческого итога совершенного Путешествия.
Ключевые слова: *путешествие, возвращение, продукт, самотрансценденция, новизна, личность путешественника, философия путешествия.*

Если логический финал Путешествия – это Возвращение, то есть смысл напомнить, с чего оно начинается и кто отправляется в Путешествие. В предыдущих статьях мы рассмотрели разные типы путешествий – все возможные варианты передвижения человека как в физическом реальном мире («внешние» географические), так и во внутреннем пространстве его личности – и объединили их термином Путешествие. Мы полагаем, что внешние и внутренние путешествия отличаются только направлениями движения (Маршрутами), а по сути являются стремлением личности совершить акт самотрансценденции, покинуть известные пределы самого себя, общества, культуры и отправиться на поиски Новизны, т.е. чего-то, ранее абсолютно не виданного и не испытанного путешественником. Другими признаками Путешествия являются: осознанность и добровольность совершения «внешних» и «внутренних» путешествий; способность Путешественника к самотрансценденции; его желание и возможность в конечном итоге вернуться обратно (в социум, на родину, в обыденную реальность, в свое Я); создание Путешественником некоего «продукта» (Продукта), произведенного им после завершения Путешествия и на основании полученных там впечатлений. Возвращение Домой и создание Продукта, как мы уже упоминали выше, являются обязательными условиями того, чтобы путешествие было названо Путешествием. На этом «домашнем» этапе Путешественник проходит адаптацию к миру обыденной реальности и изменениям в самом Себе, которые произошли с ним после встречи с Новизной. Далее он погружается в процесс рефлексии над темой своего Путешествия, чтобы осознать его смысл и ценность в первую очередь для Себя, а затем поделиться с другими своими находками через

Продукт. Большинство людей, которые совершают поездки в разные регионы планеты или способны перемещаться по внутренним пространствам своего Я, не в состоянии, как правило, пройти этап Возвращения творчески и продуктивно, т.е. завершить его созданием интересного обществу Продукта-итога. Чаще всего итогами их путешествий становятся их личные впечатления, рассказанные в узком кругу. Без наличия Продукта мы не можем считать произошедшее с человеком Путешествием, а его самого называть Путешественником, ведь в этом случае его личный опыт, впечатления и переживания остаются глубоко внутренними, а путешествие – случаем из частной жизни. И, конечно, в общий этап, который мы условно можем назвать Возвращение, входит фаза, окончательно завершающая предыдущее Путешествие и начинающая новое: построение планов о будущих географических путешествиях или предчувствие интересных внутренних маршрутов. Итого, мы получаем три основных стадии этого этапа Возвращение: возвращение Домой, создание Продукта и планирование-предчувствие новых Путешествий.

Поскольку Философия Путешествия только формируется, у нее нет самостоятельного тезауруса или какой-то «фирменной» методологии для описания реалий, которые в ней исследуются, поэтому мы вынуждены заимствовать инструментарий у других направлений гуманитарных знаний. Попробуем соединить в своей концепции Путешествия идеи разных философских школ с представлениями социологов (Д. Урри, Ж. Бодрийяр), культурологов (Д. Кэмпбелл), этнографов (А. ван Геннеп), психологов (К.Г. Юнг, А. Маслоу. С. Гроф) и исследователей в междисциплинарных направлениях (М.М. Бахтин), а также с философскими мыслями писателей, взятыми из их художественных произведений (Х.Л. Борхес, М. Кундера, А. Камю). Авторы из области философии, на мнение которых мы будем опираться, как правило, являются представителями экзистенциализма (Э. Фромм, Ж.-П. Сартр, Г. Марсель и другие), иррационалистической философии жизни (Ф. Ницше), философии сознания (М.К. Мамардашвили), структурализма (М. Фуко), постмодернизма (Ж. Дерида, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Батай). *Ниже мы приводим основные моменты и термины из разных источников, использованные в работе над темой «Возвращение как этап Путешествия».*

Каждый, по мнению Х. Арендт, имеет право на «частную долю мира, фрагмент бытия» [1], но возвращение физически или ментально к тому, что мы привыкли называть Домом («экзистенциальное обладание» Э. Фромма [2]) или Самостью (К.Г. Юнг [3], А. Маслоу [4]), – это только часть процесса «Великого Возвращения» (М. Кундера [5]). Человеку, совершившему Путешествие, требуется время для «перехода» – адаптации к Дому, родной культуре и Новизне в Себе. Описание этого «транзитного» этапа в жизни Путешественника, как человека, склонного к постоянной/периодической самотрансценденции, можно встретить в работах Ж. Делеза и Ф. Гваттари (в понятиях «дестратификация» и «ризомы» [6]); Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Бодрийяр развивают идею «ацентризма», как отказ от центра, управляющего какой-либо структурой [6]; М.М. Бахтин говорит о «вненаходимости» как форме идентичности [7]; М. Мамардашвили такие переходные состояния называл «блаженным обмороком ухнувшего в глубины обморочного сознания» [8]; М. Бланшо – «опытом пустоты на краю всякой исполненности» [9.

С. 69]; Э. Левинас – «ленью», «усталостью» и «дурным одиночеством» [10]; Ж. Делез, Ф. Гваттари, Д. Урри используют понятия «номадизм» и «кочевник» для обозначения переходных состояний в жизни человека [6]; ван Геннеп полагает «ритуал перехода» («Rites de passage») обязательным атрибутом любого процесса изменения [11]; сюда же можно отнести деперсонализационные явления – «остранение» В. Шкловского [12] и «отчуждение» Б. Брехта [12]. М. Хайдеггер определял периоды «перехода» как пребывание «перед лицом Ничто», он говорил о состояниях «рассеяния», неустойчивости, подвешенности, когда привычных понятий и вещей вдруг не оказывается под рукой («das Zuhandene») [1]. Ж. Батай писал о «выборе незнания, в которое бросается знание, теряясь в нем» [13]. Следующим этапом Возвращения становится осознание перемен и принятие своего нового Я, которое становится тем временным парадигмальным пространством личности, в рамках которого и создается Продукт. Опыт понимания «кто Я», своей Самости на конкретном этапе существования человека описывали Ж.-П. Сартр, Г. Марсель, Ж. Батай, Э. Фромм, А. Маслоу, К.-Г. Юнг, В. Франкл, А. Камю, М. Пруст, Ф. Кафка, Э. Левинас и многие другие. М.Ю. Трофимов рассматривает приход к Себе в «пограничной ситуации», которая является «основанием для трансформации целостности человека». Он пишет: «Метафизическая смерть и метафизическое рождение есть качественные изменения человека: в обоих случаях происходит смена одной целостности личности другой» [14]. Мамардашвили называет обретение Я «Необходимостью себя» [8]; Хайдеггер – «мигом», «возвращением к себе из рассеяния» [1]. Ницше в «Ecco Homo» писал, что «нельзя уклониться от истинного ответа на вопрос, как становятся сами собою» [15. С. 718]. Об этапах возвращения из дальнего и опасного путешествия и обретения себя в новом качестве повествует *исследователь мифологии* Д. Кэмпбелл – создатель теории «мономифа» [16]. Возвращение как этап в жизни Путешественника мы предлагаем разделить на такие стадии.

I. Возвращение Домой:

1. Собственно само прибытие Домой в результате потребности и возможность вернуться на родину, в рамки понятного социума, культуры, языка и своего Я;

2. Нахождение Путешественника какое-то время в «пограничном» состоянии, которое можно считать результатом адаптационных процессов, когда его личность принимает некое «диффузированное» (лиминальное) состояние, завершает акт самотрансценденции и ждет вызревания обновленного в Путешествии Я;

3. Осознание внутренних перемен, встреча с Собой новым (как с Другим), переход к Себе измененному и принятие Его.

II. Создание Продукта – фиксация увиденного или пережитого в Путешествии в некоем произведении:

1. Рождение идеи, креатива, образа, жанра Продукта;

2. Реализация задуманного в соответствии с ментальными, этнопсихологическими, языковыми нормами того социума, который Путешественник считает родным для себя.

III. Планирование-предчувствие новых Путешествий – фаза, окончательно завершающая предыдущее Путешествие и начинающая новое; здесь идет построение планов на будущие географические путешествия или предчувствие интересных внутренних маршрутов.

В данной статье мы ставим перед собой цель рассмотреть наиболее подробно первую стадию этапа Возвращения и слегка обозначить содержание второй и третьей стадий, так как они могут стать темой отдельного исследования.

Итак, завершающийся этап Путешествия – Возвращение – становится возможен, только если Путешественник имеет страстное желание и реальную возможностью вернуться обратно в социум, в рамки привычного мира, ментальности, культуры, языка, традиций, обыденной реальности, в свое Я.М. Кундера пишет: «Возвращение по-гречески nostos. Algos означает страдание. Стало быть, ностальгия – это страдание, причиненное великой жаждой возвращения» [5. С. 8]. Возвращение из любого Путешествия – географического внешнего или метафизического внутреннего – это всегда возвращение Домой, к Себе, в мир привычной реальности, социума, языка, культуры, так же как и отправление в Путешествие – это своего рода бегство от этих вещей. Понятие Дом стоит на одном из первых мест в иерархии ценностей Путешественника, поэтому Путешествие может длиться сколько угодно долго, но человек не может не вернуться обратно в конечном итоге, так как в этом случае он не сможет называться Путешественником и становится кем-то другим. Х.Л. Борхес когда-то написал: «Историй всего четыре» [17. С. 280], подразумевая, что в мире существует всего четыре архетипических сценария, по которым так или иначе проходят события в жизни человека и сюжеты произведений литературы, искусства, их отражающие. «Вторая история (…) – о возвращении», – считал Борхес, приводя в пример историю поиска Одиссеем родной Итаки. Д. Кэмпбелл вторит ему, полагая, что существует некий «мономиф», главными структурными звеньями которого являются: обычная жизнь героя в мире людей – отправление в путешествие – подвиги, приобретение новых друзей и знаний – возвращение домой в новом качестве. Психологи юнгианского направления согласны с Кэмпбеллом и считают, что Путешествие героя *(в нашем случае Путешественника)* – единственно возможный путь к созреванию перемен в человеке: уходя из дома, проходя испытания, обретая друзей и врагов, его психика взрослеет, а личность становится более цельной и переходит на новый уровень – самоактуализируется (А. Маслоу [4]). Английский психотерапевт Г. Мэдисон подобрал удачный термин для потребности в переменах такого рода – «экзистенциальная миграция», правда, он употреблял его по отношению к людям, переехавшим насовсем в чужие края. В его наблюдениях люди покидают страну «с целью экзистенциального самовыражения – поиска предела своих возможностей, смысла существования». Ими движет «потребность в познании аспектов бытия, которое не может быть реализовано дома, в условиях статичной картины мира», а осуществляется при встрече с Иным-Другим-Чужим, прохождении обрядов инициации во взрослую жизнь, отказе от части себя – переживанию смерти в метафорической форме [18].

Если условием взросления героя и его Я является противопоставление себя миру обыденной реальности, уход из дома, то понимание им перемен возможно лишь, когда он оказывается вновь на пороге родного дома. Гессе писал: «Дороги расходятся как лучи, и каждая – это дорога домой» [19. С. 86]. Только после перерыва, во время которого проходило Путешествие, возможно осознание Новизны, вошедшей в жизнь Путешественника и его личность. Урри в книге «Мобильности» приводит теорию «седентаризма (оседлости)», которая считает «ограниченные и аутентичные места, регионы или страны фундаментальной основой человеческого опыта» [20. С. 110]. Чтобы описать черты «оседлости», социолог использует термины Хайдеггера: «проживать» («жить в покое, быть довольным и находиться дома в каком-то месте») и «строить» («заботливо выращивать и защищать, возделывать землю и разводить виноград») [20. С. 111]. Домом каждый Путешественник волен считать то место, которое соответствует его представлениям о родине (в смысле дом – культура – язык – социум) и пространстве его личности. Одиссей мечется по пространству Средиземноморья в поисках маленького скалистого островка Итаки, роднее которого для него нет ничего во всем мире. Камю писал: «Калипсо предлагает Улиссу выбор между бессмертием и отечеством. Он отвергает бессмертие. В этом, быть может, весь смысл «Одиссеи» [21]. Кундера вторит ему: «Страстному постижению неведомого (приключению) он [Одиссей] предпочел апофеоз ведомого (возвращение). Бесконечному (ибо приключение никогда не мыслится законченным) он предпочел конечное (ибо возвращение есть примирение с конечностью жизни)» [5. С. 10]. Своей подлинной родиной некоторые Путешественники считают не ту страну и культуру, которую они покинули первоначально, а некое найденное в путешествии пространство, в котором они отчетливо видят черты родного Дома. Другой участник Троянской войны Эней скитается в тех же широтах, что и Одиссей, чтобы найти место, где после долгого Путешествия он построит-воссоздаст новый-старый родной город, которого уже не существует в том месте, где он был раньше. Эней знает, что война и Путешествие сильно изменили его, но ему нужен Дом, чтобы понять, насколько глубоки эти перемены, поэтому он перемещается, нося Дом в сердце, а идею его воплощения – в голове [22].

Хайдеггер использует термин Ницще «Выздоравливающий», чтобы отразить суть этого «транзитного периода», когда человек как бы уже Дома, но еще не вполне: «Выздоравливающий находится на пути к самому себе, так чтобы он мог сказать о себе, кто он есть» [23]. Я Путешественника в этот период серьезно диффузировано, его личность деперсонализирована, трансперсонализирована и отчасти маргинализирована. Именно в таком состоянии «полураспада» легче всего проскользнуть в щель между мирами – ярким миром Путешествий (географических и метафизических) и монохромным пространством обыденной реальности. Точнее, о разнице между мирами мы можем говорить весьма условно, а скорее всего нам лучше последовать за Хайдеггером, который *вслед за Зиммелем* думал о значении «мостов»: «Они не соединяют берега, которые в каком-то смысле уже “здесь”. Берега возникают только вслед за мостом» [20. С. 111]. В рамках темы переходных состояний Путешественника нам импонируют идеи, заимствованные Урри у Делеза и Гваттари, «текучести и номадизма», чтобы описать состояния мак-

симальной мобильности: «Нет стасиса, есть только процессы создания и трансформации. Нет ничего до движения; движение выражает сущность вещей» [20. С. 113]. Важность фазы «моста-перехода» в жизни Путешественника сложно переоценить, ведь в этой «декомпрессионной камере» происходит процесс адаптации к новому Себе и окружающему миру. Л. Кэрролл вложил в уста своей героини Алисы, вернувшейся домой из своих приключений, такую фразу: «Как удобно потерять имя! Скажем, возвращаешься ты домой, а никто не знает, как тебя зовут» [24]. Мало того, что окружающие люди должны заново привыкнуть к Путешественнику, который на какой-то период снова ищет обычной жизни в социуме, но и он сам должен «вспомнить», как его зовут. Идеально описывает то, что происходит с Путешественником после Возвращения, и понятие «ацентризм», которое образно передал Фуко: «Мы – носители западного, логоцентристского типа рациональности … ищем центральную комнату в страхе, что таковой нет» [6]. Делез проповедовал «номадический» стиль мышления, отношения к себе и окружающему миру в таких словах: «Центральная комната ... остается пустой, хотя человек заселяет ее. Здесь, в этой зоне субъективации, человек становится ... хозяином своих молекул и сингулярностей» [6].

Нам представляется, что период «творческого распада личности» можно описать, используя также термины антрополога А. ван Геннепа: «ритуалы перехода» *(фр. rites de passage)* или «лиминальность» *(лат. limin – порог, граница)*, которые ученый изобрел для описания процедур инициации – перехода человеком из одного состояния в другое в древних цивилизациях и современных туземных культурах [25. С. 40–44]. «Лиминальность» – важное понятие для описания дихотомии, которая возникает в процессе перехода личности или группы людей от «устойчивой» позиции к «переменным» структурам.

В. Тернер (Тэрнер) определял «транзитную» или переходную фазу так: «В условиях лиминальной фазы, индивид пребывает ни «там», ни «тут». Он находится «между» … юридически, традиционно, конверционно и церемониально установленных позиций. Соответственно, приостановлено действие как «предыдущего», так и «будущего» его статуса, индивид пребывает в позиции отчуждения и неопределенности, в кондиции ожидания реализации реконструированных и обновленных культурных моделей и парадигм» [11]. Трофимов *в статье «Метафизическое рождение и метафизическая смерть в пограничных состояниях»* также описывает процесс перехода личности из одного качества в другое: «В экзистенциальной философии существует представление о том, что человеческое существование с наибольшей полнотой раскрывается в пограничных ситуациях … Человек, оказываясь в пограничной ситуации, может перейти из бытия низшего (неподлинного) в бытие высшее (подлинное), т.е. метафизически «родиться» … В экзистенциализме выход личности за границы своей обособленности, осознание своего предназначения происходит внутри собственного «я». Более того, в условиях пограничной ситуации человек может метафизически умереть. Метафизическая смерть, так же как и метафизическое рождение, осуществляется сознательно с помощью личностных усилий самого человека» [14]. Гроф назвал необычные состояния сознания, проходя которые человек символически умирает в

старом качестве и рождается в новом, – «холотропными состояниями» *(от греч.«холос» – «цельный», «трепейн» – «движущийся по отношению к чему-то»* [25. С. 22]. Путешественнику нужны мужество и силы не только для совершения Путешествия, но и для стадии «перехода». Д. Г. Лоуренс спрашивал по этому поводу: «Готовы ли вы к тому, что вас сотрут, вычеркнут, отменят, превратят в ничто? Готовы ли вы стать ничем? Погрузиться в забвение? Если нет, вы никогда по-настоящему не изменитесь» [25. С. 40]

Итак, мы видим, что личность Путешественника нуждается в «этапе распада», как в «отдыхе» от Путешествия и для вынашивания «беременности» (самого Себя нового). Вызревание новых реалий, смыслов, структур на этой стадии позволит «родить» Себя в оболочке Новизны, практически собрать любой вариант Себя, который покажется наиболее актуальным на данном этапе существования личности и конгруэнтным ее опыту, полученному в Путешествии. А. Эйнштейн как-то сказал: «Разум, однажды расширивший свои границы, никогда не вернется в прежние» [26]. Путешественник, совершивший акт самотрансцендирования в и через Путешествие и вернувшийся к Себе новому, по сути все равно остается «номадом» внутри.

Путешественнику после произошедшего с ним приключения в реальном или метафизическом пространстве уже сложно стоять на позициях жестко структурированной организации бытия; строгого внешнего детерминизма событий; поиска смысла объектов, раскрывающихся субъекту в процессе познания; фундаментального разделения на внешнее-внутреннее/прошлое-будущее и т. д. С точки зрения Делеза и Гваттари, современность отчетливо демонстрирует выраженную потребность в «номадологической модели мировидения» [6], а мы вслед за ними считаем, – и личности. В этой модели понятие структуры заменяется на термин «ризома», как принципиально процессуальный аструктурный способ организации чего-либо с высокой возможностью для имманентной подвижности и, следовательно, реализации ее креативного потенциала самоконфигурирования [6]. Итак, завершив «переходный период», Путешественник-«ризома» должен обладать достаточным творческим потенциалом, чтобы зафиксировать в Продукте принесенную им из Путешествия Новизну.

К моменту создания Продукта полумаргинальная личность вернувшегося из дальних краев-миров Путешественника, приобретает, в конечном итоге, социально приемлемые очертания, а «точка сборки» (К. Кастанеда), которая была подвижна в «транзитной зоне», фиксируется на том месте сознания, где у него сейчас складывается какая-то картина мира и самого Себя. В задачи Путешественника входит «перевод» результатов своих Путешествий на язык социума в рамках парадигмальных терминов его языка и культуры. К Продуктам можно отнести нечто, что другие люди смогут увидеть, услышать, прочесть, пережить, потрогать, как-то этим воспользоваться: книги, фотографии, статьи, стихи, картины, музыка, фильмы, курсы лекций, научные работы и даже новые коллекции одежды, меню в ресторанах, блоги в соцсетях. Неотъемлемой чертой Продукта должна быть востребованность его обществом, способность отвечать на его физические и метафизические запросы, а также потенциал влиять на коллективное сознание и бессознательное. Более того, Продукт может появиться на свет и существовать только через Соприкосно-

вение с другими людьми. М. Кундера передает нам эмоции Одиссея, который вернулся на родную Итаку и ждал только одного, чтобы люди попросили его рассказать о его Путешествии, но они непрерывно говорили с ним только о том, что происходило с ними на острове в годы его отсутствия. «Двадцать лет он только и думал о своем возвращении. Но, вернувшись, он с удивлением обнаружил, что его жизнь, сама суть его жизни, ее сердцевина, ее сокровище находились за пределами Итаки, в том двадцатилетии его скитаний. И это сокровище он утратил и может обрести, лишь рассказывая о нем» [5].

Продукты, созданные по следам Путешествий, являются результатом их «осмысления» в виде различных произведений, которые предъявляются обществу на достаточно понятном ему языке или метаязыке символов – звуков – кодов (в случае с произведениями искусства). Известный британский исследователь Африки XIX в. Д. Ливингстон однажды написал: «Гораздо легче совершать путешествие, чем описывать его» [27]. Кроме вербализованных Продуктов, существует целый пласт других, воздействующих на аудиторию с помощью цветовых кодов и символов (живопись, мода, дизайн, кино и т. д.), звуков (музыка, ритм, чужой непонятный язык), запахов и вкусов (парфюмерия, кулинария) и т.д. От того, какого типа было Путешествие – географическое или метафизическое, – а также его Маршрута зависит и вид Продукта. Например, логично предположить, что этнографическая или образовательная поездка может оформиться в книгу в жанре «травелог», курс лекций; экстремальный туризм – в публикации в интернет-ресурсах, документальный фильм; паломничество – в проповедь; языковой тур – в переводе на родной язык произведений авторов того региона, язык которого изучал Путешественник; гастрономическое путешествие – в открытие ресторана той или иной кухни; фототур – в выставку фоторабот и т.д. Если Маршрутами для Путешествий были метафизические внутренние пространства личности – Сновидения, Страна Смерти, Бог, Самость, Космос и другие, то следует ожидать произведений художественной литературы и кинематографа, живописи, музыки. Мамардашвили по этому поводу отметил, что как «…текст Пруста есть путешествие души, так и «Божественная комедия» – одна из первых великих записей внутреннего путешествия души» [8]. И хотя У. Джеймс сомневается в возможности создания Продуктов после таких Путешествий и считает, что «самый лучший критерий для распознания мистических состояний сознания – невозможность со стороны пережившего их найти слова для их описания, вернее сказать, отсутствие слов, способных в полной мере выразить сущность этого рода переживаний» [28. С. 297]. Но все же Продукты – итоги метафизических путешествий – чаще всего становятся для других людей самостоятельными Маршрутами для Путешествий.

Путешественник идет на создание Продукта: во-первых, чтобы понять изменения в собственной личности, производя работу по переводу в область сознания накопленный в Путешествии опыт самотрансценденции; во-вторых, чтобы мир, другие люди разделили с ним радость Путешествия – его идеи, эмоции, откровения, мысли, образы, звуки, запахи, краски; в-третьих, Путешественник мечтает своим Продуктом или своим личным примером (тоже Продуктом) изменить социум, помочь ему совершить акт самотранценденции, избавиться от каких-то стереотипов, стать духовно богаче, пропитать его

кодами и смыслами других культур или метафизических миров. Многие из целевой аудитории Продукта о Путешествиях никогда не покидали родных стен, поэтому Путешественник становится для них своего рода послом-медиумом-шаманом, т.е. кем-то, стоящим между миром обыденной реальности и Иным-Другим-Чужим, поэтому любой Продукт должен быть выражен на языке социума. Деррида неоднократно приводит цитату из Р. Этьембля: «Культура определяет человека более жестко, чем „национальность" или „раса", жестче даже, чем „класс", выходцем из которого он является» [29]. Н.В. Черепанова отмечает: «Выявлены трансцендентальные условия путешествий: а) потребность человека в самопонимании …; б) потребность человека в понимании своего культурного мира, пределы которого, как границы мира должного, устанавливаются в сравнении с другими культурными практиками существования человека …; в) организация культурного пространства, формирующая аттрактивные локусы, к которым веками устремляются люди. Это позволило предположить, что путешествие – это способ измерения пространства культуры» [30]. Все исследователи «Путешествия» как Продукта говорят о его многожанровости вообще и смешении разных жанров внутри одного произведения, а аудитория Продукта должна уметь читать эти в широком смысле Тексты. Камю уверял: «Проблема искусства есть проблема перевода. Плохие писатели те, кто пишут, считаясь с внутренним контекстом, неизвестным читателю. Нужно писать как бы вдвоем…» [21]. По другую сторону Продукта всегда стоит его потребитель – представитель целевой аудитории.

По этому поводу хорошо выразился А. Болдачев: «Иллюзия цельности, самостоятельности, самодостаточности Я легко разрушается одиночеством. Человек не может вынести одиночества, поскольку большая часть его Я (событий, его составляющих) не принадлежит ему одному. Для поддержания его Я нужны сожители, сослуживцы, собеседники. А им нужен он. Социум хитро устроен. Я не является персональным Я. Оно раздроблено и распределено. Оставаясь в одиночестве, человек теряет свое Я» [31].

И все же помимо задачи соответствовать интересам других людей у Путешественника главная цель – через Продукт прочувствовать, понять все про самого Себя после встречи в Путешествии с Новизной. Камю когда-то написал знаменитую фразу: «Путешествие как самая великая и серьезная наука помогает нам вновь обрести себя» [21]. И продолжил эту мысль: «Миллионы глаз созерцали этот пейзаж, а для меня он словно первая улыбка мира. Он выводит меня из себя в глубинном смысле слова. (…) Он отказывает мне в индивидуальности и не откликается на мои страдания. Мир прекрасен, и в этом все дело. Он терпеливо разъясняет нам великую истину, состоящую в том, что ум и даже сердце – ничто» [21]. Наиболее полную картину, состоящую из цепочки таких событий, как Путешествие и испытания, Возвращение и пребывание Дома. Структура «мономифа» полностью соответствует этапам «перехода» Геннепа: в обоих случаях они состоят из трех основных стадий, пройдя которые герой становится «Мастером двух миров», соединяя в своем существе знания о внешнем и внутреннем мире, становится «самоактуализировавшейся личностью» (Маслоу [4]). Кроме того, «четыре истории» Борхеса можно рассмотреть через эти три стадии: история об «укрепленном городе, который штурмуют и обороняют герои», – это дальнее путешествие

с элементами риска; история «о возвращении» – достижение родных берегов, Дома после долгого отсутствия; «о поиске» – в ней писатель говорит о поиске человеком вечных сокровищ (Золотого Руна, золотых яблок, лика Бога, Грааля), и мы склонны видеть в этой истории «транзитную, лиминальную» фазу, в которой идет вызревание понимания, какие ценные приобретения сделал Путешественник во время Путешествия; в истории «о самоубийстве бога» (Одина – «Один жертвует собой Одину, самому себе», Христа, Атиса [17. С. 280–281]). Кэмпбелл назвал книгу, в которой изложил идею «мономифа», «Тысячеликий герой», так как во время путешествия по Иному-Другому-Чужому миру герой встречается с бесчисленным количеством друзей и врагов, которые на самом деле являются «архетипами-субличностя-ми» – частями его собственной личности и Я, сознания и подсознания – и нужны ему в качестве внутреннего ресурса для преодоления препятствий [16]. Г. Гессе завершает «Степного волка» такой фразой: «Я знал, что все сотни тысяч фигур игры жизни лежат у меня в кармане, я изумленно угадывал смысл игры, я был согласен начать ее еще раз, еще раз испытать ее муки, еще раз содрогнуться перед ее нелепостью, еще раз и еще множество раз пройти через ад своего нутра» [32].

«Мономиф является своего рода зашифрованным посланием, которое передается через культурное наследие, сохраняется человечеством ради всеобщего блага. Путешествие Героя есть не что иное, как образец «правильного» сценария развития личности», – считает И. Греков [33]. В итоге напрашивается вывод: Продукты, созданные на основе географических или внутренних Путешествий, в той или иной форме отражают «мономиф» или «архетип путешествия» в коллективном бессознательном. Если это так, то подобного рода Продукты всегда будут востребованы в социуме, поскольку Путешественник выполняет ту «работу», которую бы хотели проделать и все остальные, но в силу лени или страха перед чем-то неизвестным, не решаются. Вспомним еще раз Борхеса: «Историй всего четыре. И сколько бы времени нам не осталось, мы будем пересказывать их – в том или ином виде» [17. С. 281]. Для других людей Продукт – что-то вроде «Путеводителя» или иногда Маршрут для Путешествия в новые географические, духовные, интеллектуальные, личностные, культурные или эстетические измерения. Почему миф о путешествиях героя такой универсальный и остается актуальным не одно тысячелетие? Гроф пишет, что Кэмпбелл нашел ответ, «обладающий простотой и неумолимой логичностью истинного прозрения – мономиф странствия героя является схемой кризиса преображения, испытать который способен каждый, когда глубинные проявления бессознательного поднимаются на поверхность сознания. Путешествие героя описывает ту территорию опыта, которую человеку приходится преодолеть, когда это происходит» [25. С. 54]. Более того, Путешественник – личность с потребностью в самотрансценденции, установив контакт с трансперсональной областью психики и отражая в Продуктах историю своей личности, показывает другим примеры ее трансформаций через умирание своих старых Я, а значит, в символической форме он передает людям опыт будущего «Величайшего Путешествия» (Гроф) или настоящей смерти. Абрахам а Санта-Клара, немецкий монах XVII в., как-то сказал: «Человек, который умирает до того, как умирает, не умирает, когда

умирает» [25. С. 66]. И как бы ни старалась западная культура вытеснить эту тему из коллективного сознания общества, она неизбежно встает однажды перед каждым человеком. Хайдеггер в «Бытие и время» написал, что жизнь – это «существование, направленное к смерти» [1].

Жизнь Путешественника мы можем сравнить с флуктуационными движениями «маятника-челнока», которые он совершает, Путешествуя между миром обыденной реальности и миром Маршрутов, ведущих в пространства Иного-Другого-Чужого. С обществом Путешественник контактирует во многом через свои Продукты, а создав очередной, отправляется в дорогу по новому Маршруту. Для него Путешествия эквивалентны понятию самой жизни, так как, путешествуя, он находится на пути к самореализации. Эйнштейну принадлежит фраза: «Человек начинает жить лишь тогда, когда ему удается превзойти самого себя» [26]. Как только стадии «перехода» и «создания Продукта» завершены, «номадический» Путешественник-«ризома» ждет «инспирирующего толчка (повода)» или, по-другому, случайность, чтобы начать новое движение. Он воспринимает поток своей жизни в виде «Сада расходящихся тропок» [17. С. 86] и готов в любое мгновение пойти по любой из них, чтобы «не откладывать свое существование на потом» [13].

Литература

1. *Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время / пер. Т. Баскакова. М.: Молодая гвардия. 2005. [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/safranski_ryudiger/haydegger_germanskiy_master_i_ego_vremya.html (дата обращения: 12.05.16).

2. *Фромм Э.* Иметь или быть? / пер.с англ. Н. Войскунской, И. Коменкович. С. Федулова. М.: Прогресс, 1990. 336 с.

3. *Юнг К.Г.* Структура психики и архетипы / пер.с нем. Т. Ребеко. М.: Академический проект, 2013. 528 с.

4. *Леонтьев Д.А.* Развитие идеи самоактуализации в работах А. Маслоу // Вопросы психологии. 1987. № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://www.voppsy.ru/contents/c873.htm/ (дата обращения: 12.05.16).

5. *Кундера М.* Неведение: Роман / пер.с фр. Н. Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2010. 224 с.

6. *Постмодернизм.* Энциклопедия. М.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с.

7. *Ушакин С.* Вне находимости: Бахтин как чужое свое. [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2006/79/ush6.html (дата обращения: 12.05.16).

8. *Мамардашвили М.* Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени». [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/mamardashvili-topology.htm (дата обращения: 12.05.16).

9. *Бланшо М.* Опыт-предел // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / пер.с фр. С. Фокина. СПб.: Мифрил, 1994. С. 63–77.

10. *Левинас Э.* Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.

11. *Ратиани И.* Теория лиминальности. Проблема антропологии и современного литературоведения. [Электронный ресурс]. URL: www.irmaratiani.ge/teoria.htm (дата обращения: 12.05.16).

12. *Руднев В.* Поэтика деперсонализации (Л.Н. Толстой и В. Б. Шкловский). [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/06.htm (дата обращения: 12.05.16).

13. *Батай Ж.* Внутренний опыт / пер. с фр., послесловие и комментарии С.Л. Фокина. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. 336 с. [Электронный ресурс]. URL: http://qame.ru/book/philosophy/vnutrennii_opit/pdf (дата обращения: 12.05.16).

14.*Трофимов М.Ю.* Метафизическое рождение и метафизическая смерть в пограничной ситуации. [Электронный ресурс]. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=862&article_id=5845 (дата обращения: 12.05.16).

15.*Ницше Ф.* Сочинения: в 2 т. М: Мысль, 1990. Т. 2. 829 с.

16.*Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. М.: Рефл-бук, АСТ, 1997. 384 с

17.*Борхес Х.Л.* Проза разных лет / пер. с исп.; сост. и предисл. И.Тертерян. М.: Радуга, 1989. 320 с.

18.*Madison G.* The End of Belonging. Untold stories of leaving home and the psychology of global relocation. Revised January, 2010. 220 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gregmadison.net/documents/EndBelongwebsitedraft.pdf (дата обращения: 12.05.16).

19.*Гессе Г.* Сон о флейте: сказки, легенды, притчи / пер. С. Апт и др. СПб.: Азбука-классика, 2001. 256 с.

20.*Урри Д.* Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева. М.: Праксис, 2012. 576 с.

21.*Камю А.* Записные книжки. М.: Вагриус, 2000. [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/kamyu_alber/zapisnie_knigki.html (дата обращения: 12.05.16).

22.*Топоров В.Н.* Эней – человек судьбы. М.: Радикс, 1993. 208 с.

23.*Хайдеггер М.* Кто такой Заратустра у Ницше? [Электронный ресурс]. URL: http://nietzsche.ru/look/xxa/why-is-zaratustra (дата обращения: 12.05.16).

24.*Кэрролл Л.* Алиса в стране чудес. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=85347 (дата обращения: 12.05.16).

25.*Гроф С.* Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти / пер. с англ. М. Ошурков, Л. Михайлова, Т. Лем, О. Черняк, М. Дремин, А. Кисислев. М.: АСТ, 2008. 475 с.

26.*Эйнштейн А.* Как изменить мир к лучшему / пер. с англ. Л. Коротеева, М. Десятова. М.: Литрес, 2013. 260 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/albert-eynshteyn/kak-izmenit-mir-k-luchshemu-2/ (дата обращения: 12.05.16).

27.Л*ивингстон Д.* Дневники исследователя Африки. М.: Эксмо, 2015. 430 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/david-livingston/dnevniki-issledovatelya-afriki-3/(дата обращения: 12.05.16).

28.*Сазонова Н.И.* Визуальная антропология и новые подходы к исследованию религиозного культа: к постановке проблемы. [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/sazonova_n._i._202_207_2_155_2015.pdf (дата обращения: 12.05.16).

29.*Дерида Ж.* Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. [Электронный ресурс]. URL:
http://royallib.com/book/derrida_gak/gak_derrida_v_moskve_dekonstruktsiya_puteshestviya.html
(дата обращения: 12.05.16).

30.*Черепанова Н.В.* Путешествие как способ измерения культурного пространства. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/puteshestvie-kak-fenomen-kultury (дата обращения: 12.05.16).

31.*Болдачев А.* Темпоральность. Я. (1). [Электронный ресурс]. URL: http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/temporalnost-ya-1(дата обращения: 12.05.16).

32.*Гессе Г.* Степной волк; Курортник; Паломничество в страну Востока: роман, повести / пер. с нем. В. Курелла. С. Апт, С. Аверинцев. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990. 352 с.

33.*Греков И.* Мастер двух миров: мономиф Дж. Кэмпбелла и архетипы К.Г. Юнга. [Электронный ресурс]. URL: http://psychosophiology.ru/media/library/masterlib/monomyth (дата обращения: 12.05.16).

Ivanova Anna N. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

DOI: 10.17223/1998863X/36/16

HOMECOMING IS AN IMPORTANT STAGE OF TRAVEL: THE ANALYSIS OF THE TRAVEL STRUCTURE AS A FORM OF SELF-TRANSCENDENCE

Keywords: traveling, homecoming, self-transcendence, originality, personality traveler, travel philosophy

In previous articles it was offered to combine different types of traveling – all possible means of travel for a human in the physical real world («external» geographical) and in «internal» space of his personality – into term Travel. If Novelty is the main value and one of the true Travel's criteria, then its other features are awareness and voluntary fulfillment of the «external» and «internal» journeys; Trav-

eler's ability to self-transcendence; his aspiration and opportunity to eventually return back (to society, to birthplace, to everyday reality, to Self); Traveler's creation of a «product» (further Product) produced after the completion of Travel and based on the experience obtained there. It is at this stage of the Return occurs the creation of a Product – a certain proof and creative and creative outcome of committed Travel.

At the beginning of the Return's stage Traveler gets over adaptation to the world of everyday reality and changes inside Himself that have occurred to him after meeting with Novelty. Only after a break, during which Travel took place, and exclusively on the contrast with everymen who live within four walls, it is possible to perceive Novelty, which came into Traveler's life and his personality. During this period of time Traveler's Self is highly diffused and his personality is depersonalized, transpersonalized and partially marginalized. Current stage in the Return's process called «transit», «liminality» (A. van Gennep). Cultivation of new realities, means and structures at this stage will allow to «give birth» to Self in the skin of Novelty, particularly compile any variation of Self which looks most relevant at this phase of personality existence and congruent to its experience gained in the Traveling. By the time of Product's creation, Traveler's personality ultimately gains socially acceptable outlines and he gets a formed image of the world and Himself. Further, Traveler dives into the process of reflection on the topic of his Traveling to firstly realize its meaning and value for Himself and then share with others his conclusions via Product which is presented to society in a plain language or metalanguage of characters-sounds-codes (in case of artworks). Without the presence of the Product, we cannot consider what happened to the man as Travel and we cannot call him a Traveler as his personal experience and impressions in this case stay deeply internal and a Travel is an event out of personal life. And of course the general stage which can be called as Return includes phase which completely finalizes a previous Travel and begins a new one: building plans for future geographic journeys and apprehend interesting «internal» routes. In total we derive three main phases of the stage Return: Homecoming, Product creation and new Travel planning-apprehanding.

References

1. Safranski, R. (2005) *Khaydegger: germanskiy master i ego vremya* [Heidegger: German master and his time]. Translated from German by T. Baskakova. Moscow: Molodaya gvardiya. [Online] Available from: http://royallib.com/book/safranski_ryudiger/haydegger_germanskiy_master_i_ego_vremya.html. (Accessed: 12th May 2016).

2. Fromm, E. (1990) *Imet' ili byt'?* [To Have or to Be?]. Translated from English by N. Voyskunskaya, I. Komenkovich, S. Fedulov. Moscow: Progress.

3. Jung, C.G. (2013) *Struktura psikhiki i arkhetipy* [The structure of the psyche and archetypes]. Translated from German by T. Rebeko. Moscow: Akademicheskiy proekt.

4. Leontiev, D.A. (1987) Razvitie idei samoaktualizatsii v rabotakh A. Maslou [The development of self-actualization of the ideas in the works by A. Maslow]. *Voprosy psikhologii*. 3. [Online] Available from: http://www.voppsy.ru/contents/c873.htm/. (Accessed: 12th May 2016).

5. Kundera, M. (2010) *Nevedenie* [Ignorance]. Translated from French by N. Shulgina. St. Petersburg: Azbuka-klassika.

6. Gritsanov, A.A. & Mozheyko, M.A. (eds) *Postmodernizm. Entsiklopediya* [Postmodernism. Encyclopedia]. Moscow: Interpresservis; Knizhnyy Dom.

7. Ushakin, S. (2006) *Vne nakhodimosti: Bakhtin kak chuzhoe svoe* [Outside findability: Bakhtin as their of ours]. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nlo/2006/79/ush6.html. (Accessed: 12th May 2016).

8. Mamardashvili, M. (n.d.) *Psikhologicheskaya topologiya puti. M. Prust "V poiskakh utrachennogo vremeni"* [Psychological topology of the way. M. Proust "In Search of Lost Time"]. [Online] Available from: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/mamardashvili-topology.htm. (Accessed: 12th May 2016).

9. Blanchot, M. (1994) Opyt-predel [Experience -limit]. In: Bataille, G. *Tanatografiya Erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Tanatography of Eros: Georges Bataille and the French thought in the mid-twentieth century]. Tranlsated from French by S. Fokin. St. Petersburg: Mifril. pp. 63-77.

10. Levinas, E. (2000) *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe* [Selected works. Totality and Infinity]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

11. Ratiani, I. (n.d.) *Teoriya liminal'nosti. Problema antropologii i sovremennogo literaturovedeniya* [The theory of liminality. The problem of modern anthropology and literary criticism]. [Online] Available from: www.irmaratiani.ge/teoria.htm. (Accessed: 12th May 2016).

12. Rudnev. V. (1999) *Poetika depersonalizatsii (L.N. Tolstoy i V. B. Shklovskiy)* [Poetics of depersonalisation (L.N. Tolstoy and V.B. Shklovsky)]. [Online] Available from: http://www. ruthenia.ru/logos/number/1999_11_12/06.htm. (Accessed: 12th May 2016).

13. Bataille, G. (1997) *Vnutrenniy opyt* [Internal expertise]. Translated from French by S.L. Fokin. St. Petersburg: Aksioma, Mifril. [Online] Available from: http://qame.ru/book/philosophy/vnutrennii_opit/pdf. (Accessed: 12th May 2016).

14. Trofimov, M.Yu. (2011) Metaphysical birth and metaphysical death in a boundary situation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 349. pp. 60-63. [Online]. Available from: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=862&article_id=5845. (Accessed: 12th May 2016). (In Russian).

15. Nietzsche, F. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works in 2 vols]. Translated from German by Yu. M. Antonovsky. Vol. 2. Moscow: Mysl'.

16. Campbell, J. (1997) *Tysyachelikiy geroy* [The Hero with a Thousand Faces]. Translated from English by D. Usachev. Moscow: Refl-buk, AST.

17. Borges, J.L. (1989) *Proza raznykh let* [Prose of different years]. Translated from Spanish by I.Terteryan. Moscow: Raduga.

18. Madison, G. (2010) The End of Belonging. Untold stories of leaving home and the psychology of global relocation. [Online] Available from: http://www.gregmadison.net/documents/EndBelongwebsitedraft.pdf. (Accessed: 12th May 2016).

19. Hesse, H. (2001) *Son o fleyte: skazki, legendy, pritchi* [Flute Dream: Tales, Legends, Proverbs]. Translated from German by S. Apt et al. St. Petersburg: Azbuka-klassika.

20. Urry, D. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities]. Translated from English by A.V. Lazarev. Moscow: Praksis.

21. Camus, A. (2000) *Zapisnye knizhki* [Notebooks]. Moscow: Vagrius. [Online] Available from: http://royallib.com/book/kamyu_alber/zapisnie_knigki.html. (Accessed: 12th May 2016).

22. Toporov, V.N. (1993) *Eney – chelovek sud'by* [Aeneas – a man of destiny]. Moscow: Radiks.

23. Heidegger, M. (2000) *Kto takoy Zaratustra u Nitsshe?* [Who is Nietzsche's Zarathustra?]. Translated from German by I.V. Zhuk. [Online] Available from: http://nietzsche.ru/look/xxa/why-is-zaratustra. (Accessed: 12th May 2016).

24. Carroll, L. (n.d.) *Alisa v strane chudes* [Alice in Wonderland]. [Online] Available from: http://www.e-reading.club/book.php?book=85347. (Accessed: 12th May 2016).

25. Grof, S. (2008) *Velichayshee puteshestvie. Soznanie i tayna smerti* [The greatest journey. Consciousness and the mystery of death]. Translated from English by M. Oshurkov, L. Mikhaylova, T. Lem, O. Chernyak, M. Dremin, A. Kisislev. Moscow: AST.

26. Einstein, A. (2013) *Kak izmenit' mir k luchshemu* [How to change the world for the better]. Translated from English by L. Koroteev, M. Desyatov. Moscow: Litres. [Online] Available from: http://www.litres.ru/albert-eynshteyn/kak-izmenit-mir-k-luchshemu-2/. (Accessed: 12th May 2016).

27. Livingstone, D. (2015) *Dnevniki issledovatelya Afriki* [The Diaries of an African Explorer Africa researcher]. Tranlsated from English by V. Zhitomitsky. Moscow: Eksmo. [Online] Available from: http://www.litres.ru/david-livingston/dnevniki-issledovatelya-afriki-3/. (Accessed: 12th May 2016).

28. Sazonova, N.I. (2015) Visual anthropology and new approaches to the study of religious worship: To the statementof the problem. *Vestnik TSPU – TSPU Bulletin*. 2(155). pp. 202-207. [Online] Available from: http://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/sazonova_n._i._202_207_2_155_2015.pdf. (Accessed: 12th May 2016). (In Russian).

29. Derrida, J. (1993) *Zhak Derrida v Moskve: dekonstruktsiya puteshestviya* [Jean Jacques Derrida in Moscow: the deconstruction of travel]. Translated from French by E. Petrovskaya. Moscow: Kultura. [Online] Available from: http://royallib.com/book/derrida_gak/gak_derrida_v_moskve_dekonstruktsiya_puteshestviya.html (Accessed: 12th May 2016).

30. Cherepanova, N.V. (2006) *Puteshestvie kak sposob izmereniya kul'turnogo prostranstva* [Traveling as a way to measure the cultural space]. Philosphy Cand. Diss. Tomsk. [Online] Available from: http://www.dissercat.com/content/puteshestvie-kak-fenomen-kultury. (Accessed: 12th May 2016).

31. Boldachev, A. (2014) *Temporal'nost'. Ya. (1)* [Temporality. I. (1)]. [Online]. Available from: http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/temporalnost-ya-1. (Accessed: 12th May 2016).

32. Hesse, H. (1990) *Stepnoy volk; Kurortnik; Palomnichestvo v stranu Vostoka* [Steppenwolf; Spa Visitor; Journey to the East]. Translated from German by V. Kurell, S. Apt, S. Averintsev. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

33. Grekov, I. (2013) *Master dvukh mirov: monomif Dzh. Kempbella i arkhetipy K.G. Yunga* [The Master of Two Worlds: Monomyth of J. Campbell and Archetypes of C.G. Yung]. [Online] Available from: http://psychosophiology.ru/media/library/masterlib/monomyth. (Accessed: 12th May 2016).

УДК 130.2: 316.7
DOI: 10.17223/1998863X/36/17

А.З. Исаханян

АВТОМОБИЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ ПРОСТРАНСТВА

Рассматривается, каким образом возникновение и распространение автомобильной культуры в XX и XXI веках повлияло на изменение представлений о пространстве. Рассматриваются изменение социального пространства, а также процесс его расширения и «обесценивания». Исследуются трансформация понятия «место» под влиянием автомобильности, а также возникновение понятия «не-место» в современной культуре.
Ключевые слова: *автомобильная культура, пространство, место, не-место.*

Одним из самых значительных событий XX века, повлиявших на изменение образа жизни современного человека, безусловно, является изобретение автомобиля. Появление и распространение автомобильной культуры стало важным фактором основных социальных и культурных изменений, которые произошли в обществе модерна и постмодерна.

Особенно большие изменения в социальной жизни общества, которые появились с распространением личного транспорта, связаны с новым восприятием пространства. Эти перемены отмечают многие современные исследователи (З. Бауман, Дж. Урри, М. Оже и др.). В данной статье автор хотел бы проследить, каким образом развитие автомобильной культуры связано с возникновением нового понимания пространства и места.

Распространение автомобиля способствовало появлению множества дополнительных социальных практик и возможностей. С использованием автомобиля расширилась география человека, который теперь перестал быть жестко привязанным к какой-либо местности и получил дополнительную динамику и мобильность. Строительство новых дорог предоставило возможность, с одной стороны, продлить пространство практически до любой точки, с другой стороны, сократить его, так как высокие скорости транспортных средств дают возможность охватить бо́льшие пространства. Практически каждый участок пространства становится доступным для современного человека, при этом преодоление расстояния между ними не требует больших временных затрат. С каждым днем сеть автомобильных дорог охватывает всё бо́льшие территории, присоединяя точки, ранее казавшиеся недоступными.

Нужно отметить, что автомобиль не был первым средством передвижения, который существенным образом повлиял на изменение восприятия пространства и времени. Пионером в этом являются, железнодорожные сети, которые соединили многие точки пространства, позволив быстрее перемещаться между ними. Кроме того, расписание движения поезда синхронизировало все эти пространственные узлы, подчинив их определенному графику существования в данной сети. Все это предоставило человеку бо́льшую мобильность и скорость передвижения, что сформировало новые социальные практики.

Развитие автомобильной культуры, с одной стороны, способствовало дальнейшему распространению этих практик, но с другой – существенным образом их трансформировало. По сравнению с поездом автомобиль дал еще больше свободы передвижения. Английский социолог Джон Урри пишет: «Автомобильность предоставила способ преодоления общественной расписанности, позволив автомобилистам развивать собственное расписание своей социальной жизни. И она же произвела и многократно воспроизвела ряд других мест вне железнодорожного вагона и станции (включая сюда и сам автомобиль как «место обживания»)» [1. С. 233]. Если ранее человек был зависим от расписания следования поезда, а также от его маршрута, то личный автомобиль снял все эти ограничения. Он дал свободу создавать индивидуальный, удобный водителю маршрут. Индивидуализация времени и маршрутов стала одним из важнейших факторов, сформировавших образ жизни современного человека.

Делая акцент на данную характеристику автомобильности, Джон Урри отмечает: «Автомобиль служит источником свободы, «свободы дороги», благодаря своей гибкости (приспособляемости), позволяя водителю путешествовать на большой скорости, в любое время и в любом направлении по сложной системе дорог западных обществ, связывающей воедино практически все дома, рабочие места и места развлечений. Автомобили расширяют выбор мест, куда люди могут отправиться, и, следовательно, раздвигают их человеческие возможности. Социальная жизнь во многом была бы невозможна без гибкости автомобиля» [2. С. 91]. Таким образом, можно утверждать, что автомобиль формирует новое пространство, в том числе и социальное, пространство мобильности, скорости, индивидуальности и динамичности. В рамках этого пространства современный человек абсолютно свободен в выборе направления движения и ограничен только возможностями своего автомобиля либо дорожного трафика.

Еще одним важным аспектом изменения пространственного восприятия явилось то, что автомобиль расширил зоны дома и работы, которые исторически были тесно взаимосвязаны. «Автомобильность отдалила работу от дома и породила долгие поездки на службу и обратно, по городу и за его пределы. Она разнесла друг от друга жилые и деловые кварталы, сокрушив местные пункты розничной торговли, до которых каждый мог дойти или доехать на велосипеде, подточила городские центры, проела себе путь на неавтомобильные тропы и в публичные пространства. Она отделила дома от досуговых зон, которые теперь стали доступны лишь посредством моторизированного транспорта» [1. С. 245].

Но если, с одной стороны, можно говорить о том, что большие скорости предоставили возможности покорять бо́льшие пространства, расширив тем самым географию человека, оборотной стороной этого процесса явилось то, что Зигмунд Бауман характеризует как «обесценивание» пространства. Он отмечает, что во время поздней или, как он ее называет «текучей», современности пространство потеряло то стратегическое значение, которым оно обладало в период «тяжелой» современности, модерна. С появлением транспортных средств, способных развивать высокую скорость, главной целью стало «завоевание» пространства, покорение все новых территорий. З. Бауман от-

мечает: «„Завоевание пространства“ теперь стали понимать как использование более быстрых машин. Ускоренное движение означало бо́льшее пространство, и ускорение движения становилось единственным средством расширения пространства. В этой погоне игра состояла в пространственной экспансии, а ставкой в ней было пространство; пространство сделалось ценностью, время – инструментом» [3. С. 15]. Но когда человек имеет возможность в любое время оказаться в любой точке пространства, то это пространство теряет свою «особую ценность», т.е. «обесценивается». Если во время ранней современности главной задачей было открыть и охватить как можно бо́льше территории, то поздняя, «текучая» современность ставит перед собой другие цели. По мнению Зигмунда Баумана, ценностью в поздней современности является не столько само пространство, сколько его эксклюзивность и исключительность. Чем более доступно пространство, тем больше оно обесценивается.

С «обесцениванием» пространства можно связать переосмысление понятия «место» в современной философии. М.В. Скопина отмечает, что место является некоторой частью пространства. «Можно предположить, что место служит, прежде всего, для того, чтобы описать нашу взаимосвязь с миром. Это могут быть память о нем, чувства, ощущения как на физическом, так и на метафизическом уровне» [4. С. 66]. Многие исследователи (Э. Кейси, М. Хайдеггер, М. Оже и др.), рассматривая понятие места, сходятся в том, что особенно важным для характеристики этого понятия является его историко-культурный контекст.

М.В. Скопина, исследуя понятие «места», ссылается на работу М. Хайдеггера «Строить, жить, мыслить». Согласно Хайдеггеру, «существуют различные сценарии восприятия места:

– мимолетное восприятие. Место воспринимают с дальнего расстояния, подобно объекту фотографии. В таком случае это место будет существовать как место мимолетного восприятия, необычного, живописного вида – живописный горбатый мостик в пейзажном парке;

– восприятие, связанное с повторяемостью действий. Место соотносится с неким «социальным ритуалом» (о различных «социальных ритуалах» много писал известный французский социолог Мишель Конон). Например, старый рыбак-любитель ходит под мост каждый день, чтобы ловить рыбу. Мост является в таком случае объектом повседневного восприятия, не ассоциируясь в памяти с точным событием;

– восприятие, связанное с пережитыми эмоциями или событиями. Мост как случайное место любовной или исторической встречи. Место играет в таком случае значимую роль в индивидуальной или коллективной памяти через сиюминутную активацию процесса будущего воспоминания» [4. С. 67].

Таким образом, можно говорить о том, что место имеет на только культурную, объективную значимость, как, например, какое-либо архитектурное произведение, но и субъективную, имеющую значение для конкретного индивида либо группы людей.

Французский антрополог Марк Оже в своей работе «Не-места: Введение в антропологию постмодерна» («Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity») рассматривает место как нечто привычное, органичное, об-

житое, ассоциируемое у человека с чувством историчности, дома, в то время как «не-место» (в оригинале «non-places») он обозначает как пространство, где одиночки, ничем не связанные друг с другом, взаимодействуют посредством текстов и экранов. К таким пространствам он относит аэропорты, торговые центры, автодороги.

Место у М. Оже локализовано, знакомо, наделено определенными знаками, это пространство идентичности, аутентичности, где могут развиваться отношения между личностями в контексте истории. В противоположность ему «не-место» – это пространство коммуникации и потребления, где одиночки сосуществуют в рамках определенных социальных границ или даже социальных эмоций. В этом пространстве индивиды не способны непосредственно взаимодействовать друг с другом, посредниками при взаимоотношениях выступают знаки, тексты, и эти тексты и взаимоотношения создают «усредненного человека», потребителя этих «не-мест». «Если место может определяться как идентифицирующее, связующее (диалоговое) и историческое, то пространство, которое не может себя определить как идентифицирующее или как связующее, или как историческое, будет определяться как не-место... Место... непременно должно соединять в себе прошлое и современность» [4. С. 68].

В отличие от места, «не-места» не имеют истории. Марк Оже утверждает, что «не-места» – это порождения «сверхсовременности», которая имеет несколько характеристик. Первая – «чрезмерное количество событий». Это означает, что современность порождает огромное количество событий, которые человечество не успевает осмыслить. Следующей характеристикой Марк Оже называет «чрезмерное пространственное изобилие», которое отличается полной и быстрой свободой передвижения по всему миру. И последняя характеристика «сверхсовременности» – это индивидуализация ссылок, т.е. возможность каждого человека интерпретировать поток информации самостоятельно, не ориентируясь на общественное мнение [5]. Следовательно, «не-места» можно понимать как точки, в которых человек не проживает, а остается автономным и одиноким. Таким образом, важной характеристикой формирования места является комплекс факторов как объективных, так и субъективных, развернутых в контексте истории, которые наделяют «место» идентичностью, значимой для индивида либо группы людей.

Питер Мерриман в своей статье «Движущиеся Места Марка Оже, «Не-места» и Географии Английской Автомагистрали М1» («Driving Places Marc Auge, Non-places, and the Geographies of England's M 1 Motorway»), анализируя работу Марка Оже, отмечает, что «не-места» и места не встречаются в чистом виде, они не автономны, а взаимодействуют друг с другом, постоянно перетекая одно в другое и влияя друг на друга. На примере английской автомагистрали М1 он показывает, как одно и то же пространство может быть одновременно и местом, имеющим историческую, культурную значимость и аутентичность, и в то же время являться транзитным полем, обладая характеристиками «не-места» [5].

Некоторые современные исследователи приходят к выводу, что места сами по себе теряют смысл. Они значимы, поскольку связывают друг с другом другие места, принимают людей, вещи, информацию и т.д., движущихся из

одного места в другое. «Сегодня «non-places» – это не только вокзалы или аэропорты; это также улицы и площади городов, пустыри, транзитные территории и глобальные места шопинга, вроде торгово-развлекательных комплексов, неотличимые одно от другого, – это пространства, чье количество и чья роль в жизни городского жителя неуклонно росли на протяжении последних пяти-шести десятилетий... Иными словами, образ жизни современного горожанина в значительной степени проходит в «не-местах» в традиционном понимании этого термина» [6].

Кроме мест и «не-мест», британский социолог Зигмунд Бауман говорит еще об одном виде пространства, а именно о «пустых» пространствах. В одной из глав «Текучей современности» он описывает ситуацию, когда он приехал в один европейский город в лекционную поездку и в аэропорту его встретила дочь знакомого специалиста. Она отвезла гостя в отель. Дорога заняла почти два часа из-за плотного потока машин. На обратном пути Бауман взял такси, и таксист довез его до аэропорта за несколько минут. Но путь, который выбрал таксист, пролегал не через центр города, а через мрачные трущобы. Автор делает вывод, что столь разные маршруты двух водителей связаны с тем, что у них различаются ментальные карты города. Каждый человек создает свою индивидуальную карту города, в которую часть территорий или маршрутов попадают, другая же часть отсутствует. Те территории, которые не попадают в индивидуальную карту человека, Зигмунд Бауман и называет «пустыми» пространствами.

«В том городе, так же как и в любых других, живет множество горожан, и у каждого из них в голове своя карта города. И каждая карта имеет пустые пространства, хотя на каждой из них в разных местах. Карты, которыми руководствуются в своем движении различные категории жителей, не совпадают, но чтобы любая карта «имела смысл», некоторые области города на ней должны быть опущены как бессмысленные и – насколько это касается приписываемого значения – бесперспективные. Исключение таких мест позволяет всему остальному сиять и наполняться значением» [3. С. 114]. В отличие от места и «не-места» «пустые» пространства не обладают какой-либо значимостью, но являются частью социального пространства человека, будучи не включенными в него. Автомобиль, проносясь мимо пространств, которые воспринимаются водителем только как меняющиеся картинки за окном, является причиной того, что данные территории исключаются из ментальной карты человека.

Автомобильная культура играет одну из ключевых ролей в формировании подобных пространств, являясь одним из средств, связывающим места между собой, соединяя эти точки пространства в некую сеть. Узлам этой сети могут быть как места, так и «не-места». Сам же автомобиль можно обозначить как одно из мест современности, так как многие характеристики места, о которых говорят исследователи, как то «обжитость», историчность, способ обозначения идентичности, присущи и самому автомобилю. Можно говорить, что сам автомобиль является своеобразным «движущимся местом», связывающим не только географическое, но и социальное, индивидуальное пространство человека в единую сеть.

То, что автомобиль для современного человека обладает характеристиками «обжитости», которые присущи понятию «жилища», отмечают многие исследователи (Дж. Урри, Ж. Бодрийар и др.). Как уже говорилось ранее, распространение автомобильности дало возможность жить и работать в совершенно разных частях города или даже в разных городах. Автомобиль стал связующим звеном между домом и работой, и следствием этого явилось то, что человек больше времени проводит внутри автомобиля. Чтобы движение стало более комфортным, водитель старается сделать салон автомобиля более удобным, «обжить» его. Автомобиль становится неким интимным, приватным пространством для водителя, которое он формирует согласно своим личным пристрастиям и вкусу.

Французский социолог Жан Бодрийяр указывает на то, что автомобиль стал особым пространством проживания для современного человека. Он пишет: «Таким образом, машина не просто противостоит дому, образуя вторую половину повседневного быта, – она и сама представляет собой особое жилище, только недоступное для посторонних; это замкнуто-интимная сфера, но без обычных черт уюта, с острым чувством формальной свободы, с головокружительной функциональностью... Осуществляется необычайный компромисс: оставаясь у себя дома, мы все более удаляемся от дома. Итак, автомобиль – это средоточие новейшей субъективности, центр без окружности, тогда как у субъективности домашнего мира всегда есть внешняя граница» [7. С. 76].

Нужно отметить, что современные водители стараются создать в салоне автомобиля особую атмосферу уюта. Зачастую можно наблюдать, как салон автомобиля украшают различными аксессуарами, будь то брелки, игрушки, подушки и т.д., хотя все эти предметы не обладают функциональностью и никоим образом не влияют на технические характеристики автомобиля. Но все эти мелочи наделяют пространство автомобиля особой спецификой. Автомобиль нельзя воспринимать только как средство передвижения, это особое личное, приватное пространство для водителя, наделенное своей аутентичностью и значимостью. Автомобиль – это также зона общения между людьми, все чаще он становится местом деловых переговоров или рабочим кабинетом. Кроме того, это зона семейного общения, что также подчеркивает особый социальный статус автомобиля [8].

Таким образом, можно говорить, что автомобильная культура явилась мощным катализатором, повлиявшим на формирование новых представлений о пространстве и месте в культуре модерна и постмодерна. Использование автомобиля сформировало новые социальные практики и социальные пространства. Под влиянием автомобильной культуры пространство расширилось, на карте мира остается все меньше точек, которые не были бы еще завоеваны человеком. Но оборотной стороной этого процесса является обесценивание пространства. В связи со своей доступностью пространство теряет то стратегическое значение, которым оно обладало ранее.

Исходя из вышеизложенного, распространение автомобильной культуры также можно назвать важным фактором, повлиявшим на новое осмысление понятия «места». Во-первых, исследователи начинают говорить о смерти места и появлении «безместности», «не-мест». Появление этих транзитных

точек, в которых человек пребывает, но не проживает, говорит о потере местом его традиционных характеристик субъективной и культурно-исторической значимости. Но в то же время место и «не-место» не могут существовать в чистом виде, они существуют, только перетекая одно в другое. Пространство можно представить как сеть, состоящую из этих узловых точек, которые связаны между собой и активно взаимодействуют. Автомобильная культура является в данном случае одним из средств, позволяющим связать все это пространство в единую систему.

Во-вторых, сам автомобиль можно исследовать как некое место, которое обладает традиционными характеристиками данного понятия, как то идентичность, значимость, «обжитость», но в то же время имеет свои отличительные особенности. Этими специфическими чертами являются индивидуализация, динамичность, мобильность и скорость, которые влияют на формирование новых социальных пространств.

Литература

1. *Урри Дж.* Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.

2. *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.

3. *Бауман З.* Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

4. *Скопина М.В.* Феномен «места» и «не-места» в постиндустриальном городе // Вестник МГСУ. 2013. № 1. 66–71 с.

5. *Merriman P.* Driving Places Marc Auge, Non-places, and the Geographies of England's M 1 Motorway // Automobilities. London: Sage Publications, 2005. 145–167 с.

6. *Паченков О.* Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33.html (дата обращения: 10.08.2016 г.).

7. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 218 с.

8. *Featherstone M.* An Introduction //Automobilities. London: Sage Publications, 2005. 1–24 с.

Isakhanyan Anait Z. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/17

AUTOMOBILITY CULTURE IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CONCEPTS OF SPACE

Keywords: automobility, space, place, non-place

The article is considered how the origin and spreading of automobile cultureis influenced to change conception of space in the twentieth and the twenty-first centuries. It is examined both changes in social space and the process of enlargement and "devaluation" of space as well. The author explores the transformation of the concept of “place” affected by car culture, as well as the beginning of the notion of "non-place" in contemporary culture. The same time a car itself is considered in the context of the concept of place, so as for modern man it has many characteristics that are inherent to the traditional comprehension of place. Also, the automobile is regarded as a means of connecting places and non-places into a single social and individual space.

References

1. Urry, J. (2012a) *Mobil'nosti* [Mobilities]. Translated from English. Moscow: Praksis.

2. Urry, J. (2012b) *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology beyond societies: Types of mobility for the 21st century]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: HSE.

3. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English by Yu. Asochakov. St. Petersburg: Piter.

4. Skopina, M.V. (2013) Fenomen “mesta” i “ne-mesta” v postindustrial'nom gorode [The phenomenon of “place” and “non-place” in the post-industrial city]. *Vestnik MGSU – Proceedings of Moscow State University of Civil Engineering*. 1. pp. 66–71.

5. Merriman, P. (2005) Driving Places Marc Auge, Non-places, and the Geographies of England's M 1 Motorway. In: Featherstone, M., Thrift, N. & Urry, J. *Automobilities*. London: Sage Publications. pp. 145–167.

6. Pachenkov, O. (2012) *Publichnoe prostranstvo goroda pered litsom vyzovov sovremennosti: mobil'nost' i “zloupotreblenie publichnost'yu”* [Public space of the city in the face of contemporary challenges: Mobility and “abuse of publicity”]. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/p33.html. (Accessed: 10th August 2016).

7. Baudrillard, J. (2001) *Sistema veshchey* [The system of things]. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: Rudomino.

8. Featherstone, M. (2005) An Introduction. In: Featherstone, M., Thrift, N. & Urry, J. *Automobilities*. London: Sage Publications. pp. 1–24.

УДК 316.776
DOI: 10.17223/1998863X/36/18

А.Ю. Карпова

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАСШИРЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ АНОМИИ

Исследуется концепция аномии. Автор рассматривает существующие концепции социальной и личностной аномии, определяет универсальность каждого подхода, чтобы определить причины происхождения определенной формы аномии в конкретный период времени. Предлагается расширение концепции, которое автор видит в обозначении новых форм аномии: аномия теории, аномия дискурса, информационная аномия.
Ключевые слова: *информация, коммуникация, аномия, информационная аномия.*

> Тревожащее ощущение собственной оторванности не просто от мнений, но от всего жизненного опыта большого числа собственных современников, на самом деле типично для современных демократических обществ.
>
> *Альберт Хиршман*

Понятие «аномия» принадлежит социологической науке, используется в различных сферах социологии и применяется для анализа состояний общества, оно буквально означает «беззаконие, безнормность» (*фр. anomie*)., нет Единого определения понятия «аномия» нет, так как такое социальное явление, как аномия, проявляется в различных аспектах и на разных уровнях. Понятие аномии полисемантично, а явление аномии полиаспектно. Сама формулировка понятия претерпела коренные изменения: от понятия безнормности к понятию безнормативности, «так как второе означает не отсутствие норм, а отсутствие способности к нормативному урегулированию» [1. С. 69–70]. В форме метафоры данное понятие доведено до определения аномии, как «тенденции к социальной смерти; в своих крайних формах означает смерть общества» [2. С. 244].

В концепциях аномии как классиков, так и современных социологов существует неопределенность по поводу источника возникновения данного феномена. В целом, все концепции стремятся определить причины происхождения определенной формы аномии (социальной, личностной и др.), изучить и описать конкретные проявления – нарушения социального взаимодействия, объяснить социальные последствия, измерить уровень аномии в конкретном обществе, в конкретный период времени, типизировать аномичных индивидов. Но ни в одной из концепций не фигурирует источник. *Мы полагаем, что источник возникновения любой формы аномии следует искать в коммуникационной системе.*

Прежде чем приступить к объяснению выдвинутого тезиса, обратимся к тем концепциям, которые образуют многостороннюю мозаику теоретических объяснений и интерпретаций феномена аномии в социологии, каждая из ко-

торых описывает конкретную форму аномии в узко очерченном пространстве социума.

В качестве критерия для различения подходов, в которых, по нашему мнению, определены различные формы аномии, мы предлагаем рассматривать количественную и качественную реакцию на информацию, которая поступает по каналам коммуникации. Существенное значение в данном случае имеет «вес аномии» и «длина вектора». Под «весом аномии» мы предлагаем понимать количественную меру реакции в обществе на разрушение устойчивых паттернов норм и правил. Это величина и сила охвата аномией всех структурных элементов общества. В качестве «длины вектора» мы предлагаем понимать качественную меру реакции отдельных индивидов на «вызовы» и изменения правил и норм в обществе.

В работах Э. Дюркгейма, Р. Мертона, Т. Парсонса аномия рассматривается, прежде всего, на макроуровне, как социальное явление, а при анализе причин, как правило, рассматривается социальная нестабильность, кризисное состояние общественной системы. Само понятие аномии у данных авторов применяется в прямом (классическом) значении термина *anomie*, как безнормность, безнормативность.

В предметной области социологии понятие «аномия» определено Э. Дюркгеймом как состояние социальной дезорганизации общества, при котором происходит распад системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок. Ключевая идея Э. Дюркгейма заключается в том, что аномия возникает в период экономических кризисов, революций, войн и других масштабных потрясений. Любые перемены в политической, социально-экономической, культурной сферах жизни общества запускают в действие механизм заражения. Принципиально меняется самосознание человека и его отношение к окружающему миру, порождая, по мнению Дюркгейма, девиации, апатию и пессимизм в обществе [3].

Идея аномии Дюркгейма стала отправной точкой в создании социологической теории девиации. В самом общем смысле ее можно определить как описание социальной ситуации, при которой безнормность ведет к нарушению социального взаимодействия. Т. Парсонс расширил границы идеи аномии, разработав теорию анализов взаимодействия, продолжая заданный Э. Дюркгеймом вектор исследования солидарности в обществе [4]. Оттолкнувшись от ключевой идеи Дюркгейма о том, что солидарность – главный атрибут социальной системы, Парсонс выстраивает свою концепцию социального взаимодействия. Всякие действия людей, которые можно рассматривать и как случайные, и как закономерные, в любом случае ведут к каким-либо последствиям. Причем последствия можно частично предсказать и, соответственно, разработать механизм сохранения «социального равновесия», защиту от негативных последствий. Парсонс описывает такого рода механизмы, позволяющие снизить деструктивное влияние аномии, и определяет их по функциональным признакам.

Значительный вклад в разработку понятия социальной аномии внес и Р. Мертон. В своей концепции он акцентирует внимание на распад в культурной сфере жизни общества. Он описывает процесс разрушения между культурными нормами, целями и возможностями граждан. Люди вынуждены

ради получения высоких доходов, достижения социального статуса пренебрегать законом и моралью [5. С. 309–312]. Как отмечает сам Мертон, «цель оправдывает средства», становится ведущим принципом деятельности индивида в случае, когда структура культуры излишне превозносит цель, а социальная организация излишне ограничивает возможный доступ к апробированным средствам ее достижения» [5. С. 307].

В самом общем виде вектор исследований в работах классиков задан: поиском причин и особенностей проявления аномии в обществе (Э. Дюркгейм); социоструктурных оснований (Р. Мертон); определением механизмов преодоления деструктивных последствий аномии (Т. Парсонс).Универсальность данного подхода в том, что в целом авторы исследуют «вес» социальной аномии.

Работы социально-психологической направленности содержат в себе одномерный массив микроуровня исследований, задаваемый в рамках изучения аномичных индивидов. Классическое понятие *anomie*, как правило, замещается на *anomia*, проводя границу между изучением аномии на уровне общества и на уровне отдельной личности[1]. Исследователи сосредоточены на изучении такой формы аномии, как «аномия личности». К данному направлению можно отнести работы: по типологизации личностной аномии (Р. Макайвер, Д. Рисмен); изучению психопатологии аномичных индивидов (Э. Фромм); факторному анализу аномии (Г. Маклосски и Д. Шар); «аномической депрессии» (Р. Агнью); «одиночеству» (У. Садлер и Т. Джонсон); шкале аномии (Л. Сроула) и др. Как пример обобщающей характеристики аномичного индивида можно привести слова Р. Маккайвера: «Аномический человек духовно стерилен и ответствен лишь перед собой» [6. С. 79].

Дальнейшие исследования в этой области обогатили концептуальный аппарат «аномии личности» и привнесли новые методики и способы измерения аномичного состояния индивида. Частные проявления «аномической депрессии» у индейцев и изучение последствий конфликта культур описаны в работах В. Джилека [7]. «Общая теория напряжения» (Р. Агнью) направлена на изучение источников возникновения социально-психологического напряжения индивида и обозначение типов такого напряжения [8]. У. Садлер и Т. Джонсон исследовали влияние одиночества на возникновение аномии и провели масштабное измерение одиночества на четырех уровнях: космическом, культурном, социальном и межличностном.

Универсальность данного подхода мы определяем как исследование «длины вектора» личностной аномии.

Работы, которые направлены на поиск общих закономерностей и последствий проявления социальной и личностной аномии, привели научно-исследовательское сообщество к «междисциплинарному эклектизму» – синтезу подходов в исследовании сложного и мультидисциплинарного феномена аномии [9]. Например, синтез социальных, естественных и гуманитарных наук в исследовании аномии обосновывает С.А. Кравченко, предлагая использовать интегральный теоретико-методологический инструментарий. Вектор исследований макроуровня данный автор задает в рамках изучения

[1] Прим. автора: замещение термина anomie на anomia произошло благодаря работам американского социолога Лео Сроула.

«нормальной аномии», как расширение совокупных «уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека» [10. С. 3–10]. Проблема аномии за прошедшие два тысячелетия не только не утратила своей актуальности, скорее произошло, по выражению С.А. Кравченко, «переоткрытие аномии». Связано это с усложнением социальной динамики, становлением «сложного социума», с появлением современных концепций «текучей современности» (З.Бауман), «роста рисков» (Э. Гидденс) и другими. Кроме того, «переоткрытие аномии» связано еще и с тем, что онтологическая база для исследования данного феномена не является на сегодня исчерпывающей, как и анализ проявлений и последствий аномии или способы ее измерения.

По мнению С.Г. Кара-Мурзы, авторитетного исследователя аномии в российском обществе, «понятие аномии вполне конкретное и жесткое, обозначает оно тяжелую социальную болезнь» [11. С. 7]. Термин «аномия» имеет негативную коннотацию и определяется как «программа-вирус» (Кара-Мурза), запускающая процесс дезинтеграции общества.

В более широком смысле данное направление исследований мы определяем как интегральное. Ключевая характеристика данного направления: теоретическое обоснование для различения между пониманием аномии как феномена «болезни общества», имеющего экспрессивно-ценностную окраску, к пониманию аномии как процесса, находящегося в прямой зависимости от темпоральности исследуемого поля: неподчинение устанавливаемым в конкретный исторический период нормам – разрушение старых норм и еще не пришедшее за этим принятие новых.

Универсальность данного подхода в том, что в нем значимы оба критерия: «вес аномии» и «длина вектора».

Эвристический потенциал в расширении концепции аномии заложен в работах современных социологов, но при этом не «привязан» к феномену аномии. Мы обозначили работы, имеющие неисчерпаемый потенциал для определения новых форм аномии как *метагруппы*.

Например, по своему содержанию работы, которые разрывают границы нормы в рамках социологической теории, мы условно определяем под названием «аномия теории». Акторно-сетевая теория (ANT) Мишеля Каллона, Бруно Латура, Джона Ло и их последователей (Э. Мол, М. Акрич, Н. Альбертсен, В. Синглтон и др.) бросает вызов классическим социологическим понятиям, таким как «общество» и «социальное», подвергают переопределению сам предмет социологии. Они ставят под сомнение само существование социальной материи (общество, социальное действие, социальный порядок, социальное измерение). Как пишет сам Латур, полемизируя со сторонниками классических подходов, «…нет никакой «социальной силы», которой можно было бы “объяснить” недоступные объяснению остаточные характеристики других областей» [12. С. 15].

Теоретическая революция по «пересборке социального» (Б. Латур), «материально-семиотический» подход как стирание границы между человеческими (humans) и нечеловеческими (nonhumans) агентами, приписывание нематериальным объектам равного с человеком статуса, в том числе и в части производства действия, являются примером аномии. Спорное, конфликтно

обособленное поле, несмотря на междисциплинарность ANT, создаваемое этими авторами, запускает процесс перегруппировки связей, который состоит в разрыве одних и возникновении других в пределах социологической теории. Фактически рушатся одни нормы, но на смену им еще не пришли другие. Кроме того, сам процесс аномии вызывает «цепную реакцию» внутри научного сообщества. Разные школы на Западе, а теперь уже и в России, интерпретируют ANT по-своему: от деконструкции социологического знания, «тупика норм» до «возвращения» первоначального смысла социальной теории. Герменевтический круг разрывается, поскольку происходит искажение внутри самой системы, претендующей стать нормой.

Другим примером, *мета*потенциала «аномии теории», на наш взгляд, является концепция мобильности Джона Урри. Классическая социальная мобильность П. Сорокина основана на смене социальных позиций в социальном пространстве в двух измерениях: горизонтальное/вертикальное. В работах Д. Урри социальная мобильность модифицируется в «новые правила». В них весь социальный мир представлен «…в широком диапазоне экономических, социальных и политических практик, инфраструктур и идеологий, в которые включаются, из которых следуют или которыми блокируются самые разные виды перемещений людей, идей, информации или предметов» [13. С. 209].

Манифест мобильности Д. Урри, как он сам заявляет, трансформирует социальную науку. Аномия в данном случае проявляется в том, что рушатся устойчивые социологические практики исследования мобильности, сама категория «общество» заменяется на «мобильность». Урри предлагает рассматривать движение (его виды, формы, изменяющиеся во времени и пространстве) как спусковой механизм, запускающий в действие различные мобильности всего многообразия материального и нематериального мира. Предлагаемый им «мобильный поворот» делает привычные нормы устаревшими, утратившими значения в усложняющемся социуме. Кроме того, аномия на макроуровне теории мобильности задает условия для появления аномии на микроуровне. То есть с появлением множества систем мобильности в каждой из них импульс к движению может рассматриваться как предсказуемым, так и непредсказуемым, рискованным и безопасным, воспроизводимым и невозможным к повторению. Взаимозависимые мобильности (телесные, физические, воображаемые, виртуальные, коммуникационные) создают новые нормы взаимодействия [13. С. 233]. Соответственно, в процессе движения норма может подвергнуться трансформации и перейти в безнормность.

Объединяющим началом *метагруппы* является то, что базовые для социологии понятия, которые берутся за точку отсчета, подвергаются деструкции, и пока сложно спрогнозировать, получат ли они в будущем статус нормы или будут критически осмыслены и отвергнуты социологическим сообществом.

Еще одной из потенциально возможных форм аномии мы предлагаем рассматривать «аномию дискурса». В качестве примера предлагаем рассмотреть последнюю работу американского экономиста Альберта Хиршмана «Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность» [14]. Суть его работы в описании базовых «императивов аргументации», которые определяют дискурс нескольких поколений граждан по поводу прогрессивных программ

и реформ начиная с Великой французской революции и заканчивая обществом «всеобщего благоденствия» XX века.

Фактически в его работе предпринята грандиозная попытка определить причины появления дискурсивных искажений в процессе политической коммуникации, за которыми последовали реакции в форме противодействия навязываемым императивам аргументации. А. Хиршман анализирует развитие риторики в словесных баталиях, полемических маневрах, формах аргументации определенных групп, «придерживающихся разных мнений относительно базовых политических проблем», между которыми вырастает искусственная стена непонимания [14. С. 9]. По сути, феномен, который описывает А. Хиршман, можно рассматривать как пример разрушения взаимодействия в социальной системе общества. Причины этому он видит в развитии «трех реакций», под которыми он определяет три последовательно сменяющие друг друга волны:

1) идейное консервативное движение, возникшее как реакция на провозглашение прав и свобод Великой Французской революции;

2) контрреформистское движение, возникшее в связи с признанием всеобщего избирательного права;

3) критическая реформационная волна в ответ на прогрессистскую концепцию государства всеобщего благосостояния [14. С. 13–15].

В трех ключевых тезисах, выдвинутых А. Хиршманом, отражена вся суть аномичных изменений в социальной системе. Он условно разделяет все риторические уловки политических оппонентов, присваивая им метафорические ярлыки в форме тезисов об извращении, тщетности, опасности.

Работа А. Хиршмана предоставляет огромный эмпирический материал для социологов в части осмысления причин аномии в различных типах обществ с той точки зрения, когда определение причинно-следственных связей между разрушением культурно-ценностной системы норм и правил напрямую связано с дискурсивными практиками социального взаимодействия. Социологическая направленность его работы несомненна. Хотя сам он считает, что сосредоточился только лишь на «холодном» анализе внешних феноменов: дискурса, аргументов, риторики. Мы считаем необходимым подчеркнуть исключительную важность его работы для расширения концепции аномии по следующим причинам:

Во-первых, он очерчивает контуры политической риторики в пространственно-временном континууме;

Во-вторых, дает почву для осмысления побудительных мотивов социального действия;

В-третьих, позволяет изучить реакцию на риторические уловки политических лидеров по каждому из реакционных периодов со стороны как отдельных индивидов, групп, так и общества в целом.

Эвристический потенциал *метагруппы* не ограничивается только лишь описанными выше формами аномии. Мы считаем, что возможности для расширения концепции заключаются в исследовании происходящих процессов аномичных изменений в обществе с привязкой к информационно-коммуникационной системе. Именно здесь мы видим неисчерпаемый потенциал для определения новых форм аномии.

В конце XX века философ Фред Дрецке написал: «Вначале была информация. Слово появилось позже. Переход произошел благодаря развитию организмов, обладающих способностью избирательно использовать эту информацию с тем, чтобы выжить и увековечить свой вид» [15. С. 12]. В этих словах, на наш взгляд, прослеживается ключевая взаимосвязь между возникновением аномии в обществе и ее источником.

Последствия почти безграничного потока информации служат причиной нарастающих социальных изменений в обществе. Происходящие трансформации, с которыми сталкиваются отдельные индивиды, группы, общество в целом, уже не поддаются простому анализу и даже намерения четко определить наличие или отсутствие такого феномена, как аномия, в том виде, в котором его изучали предыдущие поколения социальных ученых, кажутся сегодня анахронизмом. Аномия случалась и раньше, но никогда в таких масштабах. Она развивается, как дерево, которое отращивает ветви во многих направлениях. Постоянное восстановление, а не уничтожение, накопление, а не потеря информации привели к сегодняшнему тупику. В период, когда тотальный информационный шум, «цунами доступных фактов, контекстов и перспектив» создают ощущение перегрузки в сознании людей, аномия в определенной степени может становиться нормой, и в этом уже парадокс [16. С. 429].

Когда Клод Шеннон, один из основоположников теории информации, в 1949 году рисовал на листке бумаге пирамиду, пытаясь определить хотя бы приблизительное количество информации, содержащейся на разных информационных носителях, – на верхушке этой пирамиды у него находилась Библиотека Конгресса США, содержащая 100 трлн бит, 10^{14} информации [17]. Его последователь, современный исследователь в области квантовой теории информации Сет Ллойд (Seth Lloyd) спустя полвека обозначил цифру всей имеющейся на сегодняшний день информации в объеме 10^{90} бит [18]. Можно ли, наблюдая такой рост, избавиться от ощущения надвигающейся информационной катастрофы? И насколько трудно, или даже невозможно, описать существующую информационную реальность окончательно.

Вместе с теорией информации появились и перегрузка информацией, и избыток информации, и информационная усталость. Еще Маршалл Маклюен в 1962 году высказал парадоксальную для того времени догадку о том, что избыток информации приведет к тому, что «...в конце беспорядок будет уже не преодолеть» [19]. И ведь это он говорил по поводу устной и письменной эпохи. Но это же можно принять и как его гениальное предвидение разрушительной силы электронных коммуникаций. Что последует за этим неконтролируемым поглощением огромного количества информации в человеческом сознании? Апатия? Пресыщение? Или «технологическая симуляция сознания», которую предсказывал М. Маклюэн? В самом пессимистическом варианте – глобальная эпидемия аномии, когда социальная система, переполненная энтропией, приблизится к некоему эволюционному рубежу.

Если раньше вся производимая и потребляемая человечеством информация частично исчезала, растворялась в небытие, и это была нормой, то теперь, с приходом информационных технологий, все наоборот. Мы можем записать и сохранить потенциально всю информацию. Во все периоды развития человеческой цивилизации, будь то период расцвета печатного станка

или период создания и развития информационно-коммуникационных технологий (ІКТ), постоянно возникают дискуссии о том, какие новые сложности, крайности, проблемы, зависимости возникают в социальных коммуникациях. Несмотря на непрекращающиеся споры о коммуникации в обществе, до сих пор ее качество нисколько не улучшается. Наоборот, социальная коммуникация стала гораздо затруднительнее. Это и есть время, которое З. Бауман назвал временем «слабых связей», когда связи становятся поверхностными, кратковременными, неустойчивыми. Это время «разжижения» взаимодействия в социальной системе общества [20. С. 161].

Можно сказать, что аномия всегда существовала в обществе, это не новый термин – это фундаментальный процесс. Классики социологии охватывали лишь отдельные ее стороны и давали им определения. В современном сложном обществе мы стали замечать во многих тенденциях прослеживающиеся закономерности, которые можно назвать производными более высокого порядка и дать им определение аномии. Каждая структурная единица общества может обладать неограниченной информационной вместимостью, имеет бесконечное число возможностей интерпретации информации, передача информации может быть сколь угодно различной по траектории и силе воздействия, de facto , каждый участник коммуникативного процесса имеет возможность изменять смысл информации. Следовательно, непрерывный процесс искажений информации становится характерной чертой коммуникации. Информация становится стратегическим ресурсом общества как на микроуровне (индивиды, группы), так и на макроуровне (нации, государства). Информация определяет порядок, устойчивость социальной системы, а ее искажение ведет к дезорганизации системы.

Применительно к процессу информационного обмена можно констатировать: мы наблюдаем новый феномен, «информационную аномию», которая выходит за рамки всего того, что до сих пор являлось нормой. *Информационную аномию мы определяем как непрерывный процесс производства искажений информации в коммуникативной цепи, который имеет естественные и искусственные формы происхождения и является продуктом информационного общества.*

Информация искажается всеми участниками коммуникации, что деструктивно влияет на общество, вызывая в массовой аудитории ощущение зыбкости, изменчивости всего и вся вокруг, тревожное ощущение собственной оторванности от мнений своих современников, о котором писал А. Хиршман. Массовая аудитория становится неспособна самостоятельно производить разумные оценки происходящего, продуцируя тотальное распространение и заражение общества социальной аномией. А она, как утверждают исследователи, практически не поддается «лечению».

Литература

1. *Афанасьев В.* Эволюция концепции аномии в социологии девиантного поведения // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. № 2. С. 69–75.

2. *Hilbert R.A.* Durkheim and Merton on anomie: An unexplored contrast and its derivatives // Social Problems. 1989. N 36 (3). P. 244.

3. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

4. *Парсонс Т.* О социальных системах / под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. 832 с.

5. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) / пер. с фр. Е.А. Самарской. М.: Прогресс. С. 299–313.

6. *Маккайвер Р.* Реальность социальной революции // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 78–94.

7. *Jilek W.G.* Salish Indian Mental Health and CultureChange: Psychohygienic and Therapeutic Aspects of theGuardian Spirit Ceremonial. Holt, Rinehart & Winston, Toronto, 1974. 131 p.

8. *Agnew R.* Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory. Los Angeles: Roxbury Pub, 2006. 238 p.

9. *Merton R.* Sociological ambivalence. New York: Free Press, 1976.

10. *Кравченко С.А.* «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8 (364). С. 3–10.

11. *Кара-Мурза С.Г.* Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.

12. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в актарно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 381 с.

13. *Урри Д.* Мобильности // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5 (111). С. 197–252.

14. *Хиршман А.* Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность / пер. с англ. Д.А. Узланера. М.: Изд. дом гос.ун-та «Высшая школа экономики», 2010. 208 с.

15. *Dretske F.* Knowledge and the Flow of Information. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1981. 273 p.

16. *Foster D.W.* The Best American Essays 2007. New York: Mariner, 2007. 336 p.

17. *Глик Дж.* Информация. История. Теория. Поток // пер.с англ. М. Кононенко. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 576 с.

18. *Lloyd S.* Programming the Universe: A Quantum Computer Scientist Takes On the Cosmos. New York: Knopf, 2006. 223 p.

19. *McLuhan.* The Gutteberg Galaxy. Toronto: University of Toronto Press, 1962. 293 p.

20. *Бауман З.* Текучая современность / пер. с англ.; под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Karpova AnnaYu. – National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/18

HEURISTIC POTENTIAL OF ANOMIE CONCEPT EXPANDING

Keywords: information, communication, anomie, information anomie

The concepts of anomie, which form the multilateral mosaic of theoretical explanations and interpretations of the phenomenon of anomie in sociology, describe a particular form of anomie in narrowly outlined area of society. In the domain of sociology, there is uncertainty about the source of the emergence of the phenomenon of anomie. In general, all the concepts are aimed to determine the causes of the origin of certain forms of anomie (social, personal, etc.), analyze and describe the concrete manifestations (impaired social interaction), explain the social consequences, measure the level of anomie in a particular society at a particular time, typify anomie-prone individuals. But none of the concepts has the source mentioned. The author puts forward the idea that the source of any form of anomie is to be found in the communication pathway. As a criterion for distinguishing between approaches, the author proposes to consider both quantitative and qualitative response to the information coming through the channels of communication. Essential concepts in this framework of analysis are then the ‘weight of anomie’ and the ‘vector of anomie’. By the ‘weight of anomie’ the author understands quantitative measure of the reaction in the society for the destruction of patterns of stable rules and regulations. It is the size and strength of anomie coverage of all structural elements of society. By the "vector of anomie“ the author proposes to realize a qualitative measure of the reaction of individuals on the “challenges" and changes of the rules and regulations in society. The heuristic potential for the expansion of the concept of anomie according to author is laid in the works of modern sociologists, but it is not "tied" to the phenomenon of anomie. The works have an inexhaustible potential for the definition of new forms of anomie are referred by the author a meta-group. The common basis for the meta-group definition, according to the author, is the fact that the basic concepts of sociology, which are

taken as a starting point, are subject to decomposition and are difficult to predict whether in the future they will receive the status of the norm or will be critically re-analyzed and rejected by the sociological community. As new forms of anomie the author describes the followings: anomie of theory, anomie of discourse, and information anomie. The author puts forward the thesis: a continuous process of production of information distortion becomes an inherent part of the communication, all communication participants produce distortion of information, and anomie of information is a product of the information society.

References

1. Afanasiev, V. (1992) Evolyutsiya kontseptsii anomii v sotsiologii deviantnogo povedeniya [The evolution of the concept of anomie in the sociology of deviant behavior]. *Rubezh. Al'manakh sotsial'nykh issledovaniy*. 2. pp. 69–75.

2. Hilbert, R.A. (1989) Durkheim and Merton on anomie: An unexplored contrast and its derivatives. *Social Problems*. 36(3). p. 244. DOI: 10.1525/sp.1989.36.3.03a00030

3. Durkheim, E. (1994) *Samoubiystvo: Sotsiologicheskiy etyud* [Suicide: A sociological study]. Translated from French by V.A. Bazarov. Moscow: Mysl'.

4. Parsons, T. (2002) *O sotsial'nykh sistemakh* [About Social Systems]. Translated from English by V.F. Chesnokova, S.A. Belanovsky. Moscow: Akademicheskiy Proekt.

5. Merton, R. (1996) Sotsial'naya struktura i anomiya [Social structure and anomie]. In: Wolfgang, M. (ed.) *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)* [Sociology of Crime]. Translated from French by E.A. Samarskaya. Moscow: Progress. pp. 299–313.

6. McIver, R. (1994) Real'nost' sotsial'noy revolyutsii [Reality of a social revolution]. In: Dobrenkov, V.I. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Translated from English by A. Burak. Moscow: Moscow State University. pp. 78–94.

7. Jilek, W.G. (1974) *Salish Indian Mental Health and CultureChange: Psychohygienic and Therapeutic Aspects of theGuardian Spirit Ceremonial*. Toronto: Holt, Rinehart & Winston.

8. Agnew, R. (2006) *Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory*. Los Angeles: Roxbury Pub.

9. Merton, R. (1976) *Sociological ambivalence*. New York: Free Press.

10. Kravchenko, S.A. (2014) “Normal'naya anomiya”: kontury kontseptsii [The “Normal anomie”: the contours of the concept]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8(364). pp. 3–10.

11. Kara-Murza, S.G. (2013) *Anomiya v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: Causes and manifestations]. Moscow: Nauchnyy ekspert.

12. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktarno-setevuyu teoriyu* [Social Rebuilding: An Introduction to Actor-Network Theory]. Translated from English by I. Polonskoy. Moscow: HSE.

13. Urry, D. (2012) Mobil'nosti [Mobilities]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 5(111). pp. 197–252.

14. Hirschman, A. (2010) *Ritorika reaktsii: izvrashchenie, tshchetnost', opasnost'* [The rhetoric of reaction: A perversion, the futility, the danger]. Translated from English by D.A. Uzlaner. Moscow: HSE.

15. Dretske, F. (1981) *Knowledge and the Flow of Information*. Cambridge, Mass.: MIT Press.

16. Foster, D.W. (2007) *The Best American Essays 2007*. New York: Mariner.

17. Glik, J. (2013) *Informatsiya. Istoriya. Teoriya. Potok* [The Information. A History. A Theory. A Flood]. Translated from English by M. Kononenko. Moscow: AST: CORPUS.

18. Lloyd, S. (2006) *Programming the Universe: A Quantum Computer Scientist Takes On the Cosmos*. New York: Knopf.

19. McLuhan, M. (1962) *The Gutteberg Galaxy*. Toronto: University of Toronto Press.

20. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Translated from English by Yu. Asochakov. St. Petersburg: Piter.

УДК 091, 801.73
DOI: 10.17223/1998863X/36/19

В.А. Матвеенко

О ДУШЕ СЛОВ: ГЕРМЕНЕВТИКА КАК СПОСОБ ЯПОНСКОГО МИРОПОНИМАНИЯ

Рассматривается понятие «котодама» и его роль в понимании японцами действительности. На основании этимологического и текстуального анализа делается вывод об имевшей место быть онтологической неразличенности между словом и действием – смыслом и референцией. Благодаря этому язык японской философии не знает тех преград, которые стояли перед языком философии Запада, полном терминологической перегруженности и предрассудков, оказывающих прямое влияние на истолкование и осмысление. Предполагается, что философская герменевтика является не столько основным методом интерпретации языковой ситуации, сколько способом мышления в целом.

Ключевые слова: *герменевтика, интерпретация, японская философия, философия языка, котодама.*

Дописьменную культуру Японии принято считать культурой анимизма[1]: древние обитатели японских островов мыслили мир преисполненным *тама* – «духовной [силой]», вызывающей трепетный страх и благоговение. Как бы данная сила себя ни проявляла – будь то дерево, гора или человек – это становилось воплощением божественного (относящегося к *ками*) и удостаивалось особого отношения.

Эта идея отразилась позднее в культивировании японского языка путем почитания наделенной магической силой поэзии *вака*, что было одним из четырех основных структурных элементов становления древнеяпонской мысли и самоидентификации японцев [2. С. 457]. Остальными тремя элементами являлись поклонение *ками*, императорская линия, хроники «Кодзики» и «Нихонги».

Особенностью *вака* является то, что они писались на чистом японском языке с запретом на использование любых китайских слов или грамматических конструкций, с одной стороны, потому что в них заведомо отсутствует *некая сила* [3. С. 297], которая позволяет сознанию *кокоро* достичь единения с миром или слушателем, а с другой – чтобы показать нечто исконно японское в среде, где начинают доминировать попытки уподобления Китаю. Эта сила получила имя *котодама*[2], что дословно значит «душа слов», т.е. слова и

[1] В то же время есть точка зрения, согласно которой ряд поверий и культов вообще не связаны с анимизмом, а материал «Кодзики», «Нихонги» и «Манъёсю» не дает оснований видеть его тотального господства в культуре [1. С. 24]. Мы не будем пытаться опровергнуть тот или иной взгляд, так как это не относится к дальнейшему исследованию. Однако мы считаем необходимым сказать, что именно понятие анимизма, т.е. очеловечивания природных объектов, позволяет нам распространить культурный подход на нечеловеческие существа и рассматривать организацию японского космоса в его исходном единстве, где различие происходит на уровне формы, а не на уровне содержания.

[2] Мы пока нарочно не приводим иероглифические написания, так как речь идет о звуковом облике слова, существовавшем еще до заимствования китайской письменности.

дела имеют душу *тама*; а «слово так же реально существует, как и событие» [4. С. 43]. Это вера в то, что в своём звуковом обличии язык кроет духовную силу, раскрывающую вещи *моно* и способную влиять на ход всех событий в мире[1].

Более того, по словам филолога Ватанабэ Сёити, наличие (existence) в языке *котодама* делает язык «живым» [5]. К такому выводу он пришел в своей работе о природе японского языка, сравнивая его с немецким, считая его (в отличие от французского и других «мертвых» романских языков) тоже «живущим языком», оперируя смыслом, который закладывал в это определение Фихте[2]. Это «наличие» придает языку особые осязаемые измерения, которые не выдерживают перевода и делают японский язык непостижимым для понимания.

Как мы сказали выше, слово *котодама* образовано путем корнесложения слов *кото* и *тама*, которые мы каждое в отдельности рассмотрим ниже, опираясь на труд Р.Э. Миллера. Благодаря его глубокому этимологическому анализу слова *кото* (или *ко□то□*[3] в старояпонской форме), сделанному на фонетическом уровне [5. С. 262–264], мы знаем, что оно фонетически восходит к старояпонской глагольной основе *катар-* (яп. говорить, излагать) и имеет с ним такую же связь, как слова *говорить* и *говор* или *tell* и *tale*. Но это совершенно не объясняет, как связано (и связано ли вообще) слово *ко□то□* в значениях *слово*, *речь*, *язык* со своими омофоном *ко□то□* в значениях *дело*, *поступок*, *событие* и связан ли это этот омофон также с глаголом *катар-*. Отвечая на этот вопрос, Миллер ссылается на древнеяпонских писцов, которые верили в единство этих слов и неоднократно демонстрировали это убеждение путем написания обоих вариантов *ко□то□*, выбирая для записи одни и те же китайские идеограммы: когда подразумевалась *речь* 言, неоднократно использовался иероглиф *событие* 事, а когда подразумевалось *событие* 事, на письме изображалась *речь* 言, образуя, таким образом, биномы 言霊 и事霊.

На основании вышесказанного мы можем прийти к напрашивающемуся выводу, что двойственность слова *ко□то□* стала результатом поздней семантической дифференциации изначально единого этимона. Однако Миллер считает более реальной ситуацию независимого сосуществования слова *ко□то□* (яп. слово, речь, язык), родственного основе *катар* (яп. говорить, излагать) и слова *ко□то□* (яп. дело, поступок, событие), восходящего к среднекорейскому *ко□с* (кор. дело) [5. С. 264].

Семантический выбор вышеуказанных иероглифов для записи *ко□то□* связан с тем, как мы склонны полагать, что древнеяпонских писцов интересовала этимология не в современном лингвистическом смысле как поиск ис-

---

[1] Помимо представления о «душе слов», в Японии также существовала вера в «душу числа» – представление о мистической силе цифр, которые описывают основу мироздания и позволяют истолковывать суть событий и текстов.

[2] Под «мертвыми» и «живыми» языками Фихте соответственно подразумевал «чужие» и «собственные» языки народов, т.е. языки, которые меняются под влиянием других языков, и языки, которые изменяются естественно в ходе собственной истории [6].

[3] Диерезис здесь не подразумевает умлаута гласного, а указывает на неявное фонетическое различие между гласными первого и второго типа, но главное – он в нашей работе указывает на употребление не идеограммы, соответствующей старояпонской фонограммы.

токов слова и его формы, а как поиск изначального смысла слова и его истинного значения, что соответствует исконному древнегреческому пониманию этимологии. Поэтому мы предполагаем, что для японцев того времени оба варианта *ко□то□* действительно были одним и тем же: слова восходили к поступкам, а поступки – к словам. Появилось же данное убеждение благодаря концепции *котодама*. Но в то же время этимологическая реализация данной концепции с помощью различных идеограмм позволила *котодама* стать частью японской традиции.

Теперь нам необходимо разобраться с тем, что в Древней Японии мыслилось под словом *тама* 霊. Традиционно эта морфема переводится как «дух», «душа». Но мы должны обратить внимание на то, что древнеяпонская культура различала *три* образа духовного. Это уже упомянутое нами в самом начале сверхъестественное, но имманентное миру бытие, известное как *тама*, а также *ти* и *ками□*.

Из этих троих концептов *ти* кажется наиболее архаичным и заложившим основание древнейшего слоя концепций мистического, божественного и магического [5. С. 266]. На данный момент этот концепт не имеет полнозначности и уже в «Кодзики» и других составляющих старояпонского корпуса текстов фигурирует лишь как окончание теонимов. Помимо *ти* ту же функцию выполнял суффикс *ицу*, обозначая духов, наделенных магической силой, и выполняя функцию гонорифического титула, и префикс *ми*, отсылающий непосредственно к анимистическим духам [1. С. 25].

Тама в указанной троице занимает второе место по значимости, но уже в тех же примерах старояпонской письменности употребление *тама* сходит на нет, а впоследствии практически полностью вытесняется наиболее известным понятием *ками□* [7. С. 73].

Одной из ключевых особенностей *тама*, на которую необходимо обратить внимание, является ее изначальная способность «отделить» себя от человека или объекта, которому она присуща. То есть *тама* не обязательно является чем-то, помещенным во что-то, а, напротив, это вполне независимая бестелесная субстанция. Во многом это связано с тем, что для японцев понятие о-дух-отворенности и наличие *тама* никак не соотносятся с понятием дых-ания, которое помимо прочего не является признаком жизни. Поэтому наличие *тама* тоже не является необходимым условием жизни, и она может отсутствовать в теле [7. С. 84]. Несмотря на зафиксированные в японских текстах трепет и страх, которые внушало наличие *тама*, следует понимать, что это был скорее всего именно почтительный страх, так как до проникновения в Японию буддизма, если у чего-то, в том числе и у *тама*, и была какая-то чудотворная сила, то она скорее была направленной во благо, чем во зло, – в большинстве случаев по отношению к «плохому» используется еще одно понятие «духа», а именно *моно*.

Маловероятно, что древние японцы были хорошо знакомы с довольно сложной системой взаимоотношений между духами в китайской культуре, но мы знаем, что понятие *ками□* принято соотносить с китайским *шэнь* 神, которое является общим термином для целого ряда божеств, духов и сверхъестественных сил, поэтому очевидно, что в процессе семантической идентифи-

кации *ками*□ вобрало в себя многие аспекты *шэнь*[1] [5. С. 267]. Возможно, это объясняет, почему понятие *ками*□ с такой легкостью вытеснило предшествующее *тама* – первое является более многогранным.

Резюмируя все вышеупомянутое, мы можем сказать, что *котодама* – это душа *тама*, помещённая в слово *кото*, из которого она тем не менее может быть с легкостью извлечена как самостоятельно, так и с чьей-нибудь помощью. В последнем случае ритуальные манипуляции с только что извлеченной *тама* принимали в Японии вид *ко*□*то*□*агэ* 言擧, что дословно значит «поднятие (осуществление) слов».

Под *котоагэ* понимается сам процесс вербализации и приведения *тама* в жизнь, в том числе и обращение к богам. Исходя из древних поверий о том, что судьба контролируется высказанными словами, к *котоагэ* старались не прибегать, и данный процесс был в определенной мере табуирован. Но в то же время в «Манъёсю» можно встретить и более «бытовые» случаи использования *котоагэ*, в виде простых ритуалов произнесения названий *кото* (вещей), которые должны произойти, например напутствия и или желания. Хорошим примером может выступить 972-й стих «Манъёсю»:

Пусть будет войск
Несметное число,
Ты храбрецом себя покажешь, знаю,
И всех без лишних слов
Сумеешь победить!

На наш взгляд, подобная «одухотворяющая сила языка» явно прослеживается и в ряде японских поговорок, например, «слухи рождают тени [того, о чем разговор] (яп. *уваса-о сурэба кагэ га сасу*, 噂をすれは影かさす[2]); «высказанное – осуществляется» (яп. *кути кара дэрэба сэкэн* 口から出れば世間); «ложь, сказанная одним, – истина для других» (яп. *хитори усо-о цутаурэба бандзин дзицу о цутау* 一人虚を伝うれば万人実を伝う); «проклиная – копаешь могилу обоим» (яп. *хито-о нороваба ана футацу* 人を呪わば穴二つ). Данные примеры достаточно ярко описывают «осуществляющую» силу языка с помощью *котоагэ*言擧и страх перед ним самим[3].

Основываясь на этом, в определенных контекстах мы можем утверждать, что *котодама* является практикой аффирмации, будучи фактом взаимоотношения сознания, которое создает сущее и вселенную[4]. Лучше всего это про-

---

[1] Следует отметить, что китайская культура тоже имела дифференциацию понятия «душа», описываемую, в частности, словами по хунь魂 и по魄. Первое понятие, собственно, выступает во многих контекстах эквивалентом японскому тама и тамасий и представляет собой ту часть духовного облика человека, которая покидает тело после смерти. Но в то же время в старояпонских источниках нет эквивалента по魄. Скорее всего это связано с тем, что по понималась как «часть духовного облика, которая не покидает тело и остается с человеком после погребения», а связанная со смертью тематика избегалась в Японии на всех уровнях культуры [5. С. 267].

[2] См.: Дзицуё: котовадза сё:дзитэн 「実用ことわざ小事典」 (Краткий практический словарь японских поговорок) [8].

[3] О других функциях языка, проявляющихся в поговорках см.: The Nature of Japanese Speech According to Japanese Proverbs [9]

[4] Полагая котодама проявлением искренности человеческого сердца, сам язык становится преисполненным искренности макото, т.е. становится способным быть понятым. Таким образом, истина-искренность макото является основным принципом, создающим слову кото (言) условие

является путем использования в *макуракотоба*[1] 枕詞 (изголовье-слово) в качестве магической формулы-начала, активизирующей душу слов *котодама* [16] для воплощения слова в реальность. *Макуракотоба* занимали важное место в круге магических операций раннего общества Ямато. В своем значении они восходили к хвалебным словам и молитвословиям *норито*祝詞, т.е. вели свое происхождение от сакральных формул. Данные слова использовались в ритуальных космологических загадках и не подразумевали возможности отгадывания, «реализуя металингвистическую функцию языка, ориентированную на проверку того, пользуются ли все участники речевого акта одним и тем же культурно-языковым кодом» [16]. То есть мы можем понимать *котодама* как своеобразную способность и функцию языка описывать общество[2], устанавливать и нормировать социолингвистические связи в нем[3].

Чтобы описать использование *котодама*, мы приведем два из трех стихов «Манъёсю», где это слово используется[4]. Сам же источник выбран не случайно, так как есть основания полагать, что *котодама* есть «основная концепция «Манъёсю» [17. С. 36]:

事靈	*kotodama no*	Здесь, у перекрестка множества дорог,
八衢	*yaswo no timata ni*	Где решает дело сила слов,
夕問	*yupuke twopu*	Я гадаю нынче ввечеру.
占謂	*ura masa-ni noru*	«Ты, гаданье, правду изреки,
妹触	*imo pa api-yora-mu*[5]	Встречусь ли с возлюбленной моей?»[6]

(M2506)

В данном стихе описано древнеяпонское вечернее гадание *юкэ*. Гадание заключалось в том, что человек выходил в ранние вечерние часы на более-менее людную дорогу и ждал, пока не услышит первые слова прохожих. Первые услышанные слова трактовались как предсказание. Во второй строке

возможности стать поступком кото (事). Вследствие такого подхода к рассмотрению данного феномена мы склонны утверждать о наличии представления об отсутствии границы между физическим миром и миром идей, полагая их различными уровнями одной и той же реальности [10, 11, 12, 13, 14], в которой отношение является предпосылкой к существованию, а их связь – отношением истины макото [15. С. 120–121].

[1] Данный прием появился в X в., а прежде назывался окосикотоба 序詞 (начинающим словом), т.е. словом, вызывающим возникновение чего-либо.

[2] Концепция котодама в свое время использовалась не только в контексте исключительности японского языка, но и для осознания японцами себя как нации, потому что сутью своей котодама уходит в корни японской национальной идентичности.

[3] На понимании котодама как специальной особенности образного языка и поэзии в свое время настаивал [2. С. 493] конфуцианский мыслитель и исследователь природы японского языка Фудзитани Мицуэ 富士谷御杖 (1768–1823). Он считал, что в древности коммуникативная сила котодама была известна всем и образный язык использовался во всех типах социальных отношений, в особенности между правителем и подданными.

[4] Внимания заслуживает тот факт, что при иероглифической записи слова котодама в приведенных примерах было использовано слово кото в значении «поступок».

[5] Приведенная транскрипция соответствует используемой в «Оксфордском корпусе старояпонских текстов» [19].

[6] Здесь и далее перевод сделан по изданиям «Манъёсю (собрание мириад листьев)» [18] и «Манъё:сю:. Дзэн якутю: гэмбун цуки「万葉集 全訳注原文付」 (Манъёсю. Оригинал и комментарии)» [20].

место проведения гадания переведено просто как «перекресток множества дорог», но начинающее вторую строку слово *ясо* этимологически связано с словами алтайской языковой семьи, означающими «тайное, сокрытое», что объясняет время проведения гадания и поиск «силы слов» в их бестелесности [5. С. 269].

Второй отрывок может послужить также иллюстрацией к использованию *макуракотоба:*

志貴嶋	*sikwisima no*	О, прекрасная страна
倭國者	*yamato no kuni pa*	На простертых островах!
事靈之	*kotodama no*	То Ямато, где слова силой дивною полны
所佐寐國	*tasukuru kuni zo*	И приносят счастье всем.
眞福在具	*ma-saki-ku ari-koso*	Будь же счастлив ты в пути!

(М3254)

В данном стихе примером *макуракотоба* является поэтический эпитет для Ямато – Сикисима (志貴嶋), который был переведен как «простертые острова», но «простертые» не соответствует идеографической записи (志貴[1]), в то время как фонетическая форма *напоминает* японский корень *сик-*, который значит «разбросанный, размещенный на удалении друг от друга». То есть фонетический облик слова воспринимается как «разбросанные», несмотря на то, что грамматически староянпонское *сики* не может быть девербализовано от *сик-*, значащего «разбрасывать» [5. С. 270]. Возможность понять скрытый смысл становится реальной только при ознакомлении с другими сопутствующими стихами и предпониманием[2] всей языковой ситуации[3], а это, в свою очередь, возможно благодаря *котодама*.

Немного возвращаясь назад, мы напомним, что сам культ *котодама* уходит глубоко в древность, но, возможно, он был забыт и вновь реставрирован как социолингвистический феномен во времена визита первого японского посольства в танский Китай в начале XIII века. Это было связано с опытом понимания иностранного языка, который был совершенно непонятен фонетически, но обретал смысл на письме [5. С. 281–285]. Это ожидаемо порождало вопросы о том, *чем* китайский язык отличается от японского, *почему* это так и *в чем* причина этого различия. Ответ очень прост: только в японском языке присутствует *котодама*. Более того, это не только те *в чем* и *почему*, о которых задумывались японцы, но и само объяснение природы этого различия, так как *котодама* изначально является исключительной особенностью японского языка, данной ему с целью стать тем, благодаря чему вообще возможно понимание. В данной связи вспоминаются слова Мартина Хайдеггера

---

[1] В других стихах для записи эпитета Сикисима используются такие варианты, как 礒城, 式, 之奇.

[2] В данном случае под «предпониманием» мы в определенной мере понимаем предрассудки, которые являются условием для понимания [21]. Дело в том, что лишь неудавшаяся попытка считать сказанное истинным приводит к стремлению «понять» его. Таким образом, завершенность содержит в себе не только формальный момент, гласящий, что сказанное в совершенстве выражает мнение, но также, что сказанное есть истина [22].

[3] Обращаем здесь внимание на поговорки «[Слушай] разговор с начала» (яп. ханаси ва мото кара 話は元から) и «сказанное – [лишь] половина [смысла]» (яп. ханаси хамбун 話半分).

о том, что язык «покоится на метафизическом различении чувственного и нечувственного, поскольку строение языка несут на себе основные элементы звук и письмо, с одной стороны, и значение и смысл – с другой» [23. С. 281]. Именно рассмотрение языка через призму концепции *котодама*, по нашему предположению, позволяет снять это метафизическое различение[1].

Таким образом, мы можем говорить о своеобразном герменевтическом круге, который образует концепция *котодама*, и философской герменевтике, которая присутствовала во взаимосвязи древнеяпонского понимания языка и понимающего его человека. Широкая распространенность концепции *котодама* и активное использование *макуракотоба* (и некоторых других приемов) как предпосылки к интерпретации позволяют нам говорить о понимании письменного или устного языка не как о способе познания, а скорее, как о способе существования человека.

Однако, подводя своеобразный итог рассмотрению концепции *котодама* в древности, мы считаем необходимым сделать одно важнейшее замечание. Исходя из коллокаций слова *котодама* в «Манъёсю», очевидным становится то, что оно встречается не в контекстах, описывающих людей, а в контекстах, посвященных различным географическим ориентирам: в наших случаях это были простертые острова и перекресток. Тем не менее мы помним, что язык – это феномен человеческого бытия, который людьми и используется, поэтому сила *котодама* может быть использована и воспринята только по отношению к носителям этого языка. Можем ли мы считать человека недостающим звеном или искать какую-либо связь, которая поможем нам с «места» перейти к «человеку? Мы склонны полагать, что такой связи нет, а японская культура древности предстает перед нами как *безличностно ориентированная культура*, где человек имел вторичный и посреднический характер по отношению к *слову*, которое управляло *вещами*. Обе эти концепции *слова* и *вещи* напрямую связываются с местом их актуализации, не придавая реального значения человеку, что впоследствии отразилось на ранних социолингвистических представлениях древнего общества, где особую роль играла география: как сам рельеф, так и отношение земли к каким-либо культовым обрядам.

Скорее всего, данные представления основываются на следах сохранившейся с эпохи Дзёмон горизонтальной космологии, т.е. *географической* куль-

---

[1] Своеобразное возрождение традиции котодама мы можем наблюдать в эпоху Токугава, когда, с одной стороны, влияние имела секта Сингон, увязывая котодама с изучением санскрита и мантр, а с другой – появляются представители Школы национальных наук, создавшие оригинальные концепции данного феномена культуры. Этот процесс во многом находился под влиянием интеллектуальных заимствований из цинского Китая, где процветали спекулятивные филологические построения о единстве звуковой формы слова инь 陰 (яп. ин) и его семантического содержания ян 陽 (яп. ё:). В частности, один из первых интерпретаторов котодама нативист Накамура Кодо 中村孝道 (нач. XIX в.) создал метафизико-фонетическую таблицу, в которой положение знака-фонемы позволяло установить его метафизическое значение и, соответственно, действенность влияния на тот или иной аспект мироздания [3. С. 249]. Схожие идеи были и у его младшего современника Ямагути Сидо 山口志道 (1765–1842): «На основе интерпретации знаков азбуки катакана, которые он отождествлял с символическим графическим отображением космогонических процессов, описанных в «Кодзики» и «Нихон сёки», он создал интегрированную и внутренне не противоречивую холистическую систему, позволяющую при условии принятия ее постулатов истолковать широкий круг явлений различного порядка – начиная с метафизического и кончая физиологическим; он считал, что каждому знаку каны соответствует изначальный неизменный смысл, который и есть котодама» [3. С. 277].

тово-обрядной разметке, а не *вертикальной*, привнесенной шаманизмом. Это привело к закреплению определённых территорий за конкретными *духами*, а не за конкретными *родами* и наделению этих территорий особым священным статусом, который приравнивался к статусу святилищ[1].

Вряд ли кто-то будет оспаривать тот факт, что концепция *котодама* своими корнями уходит в древнейшие периоды японской цивилизации и занимает центральное место на различных стадиях ее древности, благодаря чему мы можем воспроизвести социолингвистическую картину представлений древних японцев об окружающем мире и связях в нем.

Тут же хотелось бы отметить, что вопрос о *котодама* не является пережитком древности, исчерпавшим себя в эпоху Токугава. Современную интерпретацию *котодама* мы можем прочесть и в наши дни в трудах у испытавшего влияние Виттгенштейна и англо-американской аналитической философии языка в целом Омори Сёдзо 大森荘蔵 (1921–1997), который, сопротивляясь принятому с древних времени искушению мистифицировать язык, пытался обнаружить *котодама* в обыденной неясности и осмысленности или бессмысленности речи. Наиболее полно его идеи отражены в работе «Эссе о душе языка» [24. С. 115–167]. Но в отличие от своих предшественников в своих философствованиях он уже не пытается обнаружить у слов наличие какой-либо мистической силы, но в то же время напоминает о той силе, которой обладает слово, чтобы управлять людьми, а тем самым – и событиями в мире. Таким образом, побуждая людей к действиям, язык на самом деле способен изменять действительность.

Подводя итог нашему обзору концепции *котодама*, можем ли мы сказать, что подобная неразличенность слов и поступков приводит к языковой прозрачности бытия? Можем ли мы понимать язык как метафизический акт, благодаря которому осуществляется постоянное становление бытия-в-мире и нашего присутствия в нем? Мы склонны полагать, что снятие онтологического различения слов и поступков, выражаемое *кото*, говорит о том, что язык японской философии не знает тех преград, которые стояли перед языком философии, сформированным под влиянием грамматических структур греческого и латинского языков и вызванных этим онтологических импликаций и предрассудков [25. С. 92–93], оказывающих прямое влияние на истолкование и осмысление. Иная структура предикации и возможность истолкования не только глагола в качестве действия, но существительного и слова вообще в корне меняет процесс понимания. Мы обнаруживаем понимание не в осмыслении суждения, а в философской герменевтике – в единстве высказанного и предполагаемого, «поскольку они взаимно зовут друг друга и мысль осваивается в этой перекличке...» [23. С. 278].

Литература

1. *Ермакова Л.М.* Культы и верования в раннем периоде японской культуры // Синто: путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 1. 704 с.

[1] Для более детального понимания того, на каких основаниях священными становились те или иные места, см. раздел «От священной территории к храмовой постройке» в работе Ермаковой «Культы и верования в раннем периоде японской культуры» [1].

2. *Heisig J.W., Kasulis T.P. and Maraldo J.C.* Japanese Philosophie: a Sourcebook. Honolulu: Univercity of Hawai'i Press, 2011.

3. *Мещеряков А.Н.* Боги, святилища, обряды Японии: энциклопедия Синто. 2010. 310 с.

4. *Григорьева Т.П.* Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979. 368 с.

5. *Miller R.A.* The "Spirit" of the Japanese Language // The Journal of Japanese Studies. 1977. Vol. 3, no. 2. P. 251–298.

6. *Фихте И.Г.* Речи к немецкой нации. СПб.: Наука, 2009. 352 с.

7. Накорчевский А.А. Синто. СПб.: Азбука-классика, 2003. 448 с.

8. *Дзицуё:* котовадза сё:дзитэн 「実用ことわざ小事典」 (Краткий практический словарь японских поговорок). Токио: Нагаокасётэн, 1995.

9. *Fisher J.L., and Teigo Yoshida*. "The Nature of Speech According to Japanese Proverbs." // The Journal of American Folklore. 1968. Vol. 81, no. 319. P. 34–43.

10. *Вацудзи Тэцуро*. Дзоку нихон сэйсинси кэнкю: 「続日本精神史研究」 (Исследование японской интеллектуальной традиции) // Вацудзи тэцуро дзэнсю:「和辻哲郎全集」 (Полное собрание сочинений Вацудзи Тэцуро). Токио: Иванами сётэн, 1931. P. 273–551.

11. Х*иромацу Ватару*. Кототэки сэкайкан э но дзэнсё: 「事的世界観への前哨」 (Осознавая мир через кото). Токио: Чикума Сёбо, 2007.

12. *Хиромацу Ватару*. Сэкай но кё:до: сюкантэки сондзай ко:дзо: 「世界の共同主観的存在構造」 (Онтологическая структура всеобщей субъективности мира). Токио: Ко:дансия гакудзюцу бунко, 1991.

13. *Уэда Сидзутэру*. Котоба то симписюги 「言葉と神秘主義」 (Язык и мистицизм) // Уэда Сидзутэру сю: 「上田閑照集」 (Антология Уэды Сидзутэру). Токио: Иванами сётэн, 2001–2003. P. 288–303.

14. *Кимура Бин*. Дзикан то дзико 「時間と自己」 (Время и самость) // Кимура бин тёсакусю: 「木村敏著作集」 (Кимура Бин. Избранное). Токио: Ко:бундо, 1982. P. 129–268.

15. *Матвеенко В.А.* Структура понятия истины в смысловом контексте японской культуры // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 119–127.

16. *Ермакова Л.М.* «Душа слова», «сердце» и «имена вещей» в раннеяпонской словесности // Эстетика бытия и эстетика текста в культурах средневекового Востока. М.: Восточная литература, 1995. 288 с.

17. *Кожевников В.В.* Еще один взгляд на «Манъёсю» // Известия Восточного института. 2002. №5. С. 34–48.

18. *Манъёсю* (собрание мириад листьев). М.: Наука, 1971–1972. Т. 1–3.

19. *Man'yoshu*. The Oxford Corpus of Old Japanese [online]. Available at: < http://vsarpj.orinst.ox.ac.uk/corpus/ojcorpus.html#MYS > [Accessed 6/02/16].

20. *Манъё:сю:*. Дзэн якутю: гэмбун цуки「万葉集 全訳注原文付」 (Манъёсю. Оригинал и комментарии). Токио: Ко:дансия, 1978.

21. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

22. *Бетти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе. М.: Канон, 2011. 144 с.

23. *Хайдеггер М.* Из диалога между японцем и спрашивающим // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

24. *О:мори Сё:дзо:*. Котодама рон. Котоба то «моно-кото» 「ことだま論—言葉と〈もの一こと〉」 [Эссе о душе языка: вещи и слова] // Омори Сёдзо тёсакусю: 「大森荘蔵著作集〉」 [Собрание сочинений Омори Сёдзо]. Токио: Иванами сётэн, 1998.

25. *Гадамер Х.-Г.* Язык метафизики // Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества. Минск: Пропилеи, 2007. 240 с.

Matveenko Valentin A. – Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/19

ON THE SPIRIT OF WORDS: HERMENEUTICS AS A WAY OF JAPANESE WELTANSCHAUUNG

Keywords: Hermeneutics, Interpretation, Japanese Philosophy, Philosophy of Language, Kotodama

The article deals with the Japanese philosophical concept of *kotodama*, and its role in comprehensive of reality. Starting with analysis of both *koto* and *tama*, which are parts of *kotodama* compound, I

describe the place of *tama* conception in spiritual structure of Ancient Japan cosmos, comparing it with well known conception of *kami*. As a result, we understand that *kotodama* is a spirit of word, which can be taken out through the process of *kotoage*, which is clarified as well. Finally, observing the collocations of word *kotodama* in the *Man'yoshu* songs, I conclude that this conception is mentioned only in "geographical" context, but in "personal" one, and I can assume that on the early stage of its history Japan was impersonal oriented culture. Looking through a number of *kotodama* theories by different thinkers, I feature *kotodama's* central place is Japanese understanding of reality and its sociolingustical relation. During the analysis of the second part of compound – *koto* – I explicate the idea of ontological nondistinction that lies behind differences between subjective name and objective thing, and between sense and reference. To support this assumption some examples of proverbs, usage of *kotodama* conception and *makurakotoba* in *Man'yoshu* are provided. Basing on the idea of the true essence of things, which exists in their empirical givenness and in language, and truth is a fundamental principle, which enables a word to become a deed, I continue with the thesis on the philosophical hermeneutics which took the central part in interpretation not only of any text, but of speech as well. To summarize the review of *kotodama* concept, can I say that this lack of distinction between words and actions leads to linguistic transparency of being? Can we understand the language as a metaphysical act, thanks to which is possible persistent formation of being-in-the-world and our presence in it? We tend to believe that the emancipation from the ontological distinction of words and actions, expressed by *koto*, says that the language of Japanese philosophy does not know such formidable obstacles, which stood in front of the philosophical language, formed under the influence of the grammatical structures of the Greek and Latin languages and their ontological implications and superstitions. Such difference has a direct impact on the interpretation and understanding. The possibility of interpretation not only a verb as an action, but a noun and any word at all, fundamentally changes the process of understanding. I conclude that Japanese way of understanding is not a comprehension of judgment, but a philosophical hermeneutics – the unity of the said and intended, because "they call upon each other, and the meaning occurs in this roll..."

References

1. Ermakova, L.M. (2002) Kul'ty i verovaniya v rannem periode yaponskoy kul'tury [Cults and beliefs in the early Japanese culture]. In: Ermakova, E.M. & Komorovsky, G.E. (eds) Sinto: put' yaponskikh bogov [Shinto: The Way of the Japanese gods]. Vol. 1. St. Petersburg: Giperion.

2. Heisig, J.W., Kasulis, T.P. & Maraldo, J.C. (2011) *Japanese Philosophie: a Sourcebook*. Honolulu: University of Hawai.

3. Meshcheryakov, A.N. (2010) *Bogi, svyatilishcha, obryady Yaponii: entsiklopediya Sinto* [Gods, temples, rituals Japan: Encyclopedia of Shinto]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

4. Grigorieva, T.P. (1979) *Yaponskaya khudozhestvennaya traditsiya* [Japanese artistic tradition]. Moscow: Nauka.

5. Miller, R.A. (1977) The "Spirit" of the Japanese Language. *The Journal of Japanese Studies*. 3(2). pp. 251–298.

6. Fichte, I.G. (2009) *Rechi k nemetskoy natsii* [Speeches to the German Nation]. TRanlsated from German by A. Ivanenko. St. Petersburg: Nauka.

7. Nakorchevskiy, A.A. (2003) *Sinto* [Shinto]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.

8. Anon. (1995) *Dzitsue: kotovadza se:dziten* [A Concise Practical Dictionary of Japanese proverbs]. Tokio: Nagaokaseten. (In Japan).

9. Fisher, J.L. & Yoshida, T. (1968) "The Nature of Speech According to Japanese Proverbs". *The Journal of American Folklore*. 81(319). pp. 34–43.

10. Tetsuro, V. (1931) *Vatsudzi tetsuro dzensyu* [Complete Works]. Tokyo: Ivanami seten. pp. 273–551.

11. Wataru, H. (2007) *Kototeki sekaykan e no dzense* [Getting aware of the world through the koto]. Tokyo: Chikuma Sebo.

12. Wataru, H. (1991) *Sekay no ke:do: syukanteki sondzay ko:dzo:* [Ontological structure of universal subjectivity of the world]. Tokyo: Ko:dansya gakudzyutsu bunko.

13. Sidzuteru, U. (2001–2003) Kotoba to simpisyugi [Language and mysticism]. In: *Ueda Sidzuteru syu:* [Anthology Ueda Sidzuteru]. Tokyo: Ivanami seten. pp. 288–303.

14. Bin, K. (1982) *Kimura bin tesakusyu:* [Selected Works]. Tokyo: Ko:bundo. pp. 129–268.

15. Matveenko, V.A. (2015) Struktura ponyatiya istiny v smyslovom kontekste yaponskoy kul'tury [The structure of the concept of truth in the semantic context of Japanese culture]. *Gumani-*

tarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East. 4. pp. 119–127.

16. Ermakova, L.M. (1995) “Dusha slova”, “serdtse” i “imena veshchey” v ranneyaponskoy slovesnosti [“The soul of the word”, the “heart” and “the names of things” in early Japan literature]. In: Braginsky, V.I. (ed.) *Estetika bytiya i estetika teksta v kul'turakh srednevekovogo Vostoka* [Aesthetics of life and aesthetics of the text in the medieval East cultures]. Moscow: Vostochnaya literatura.

17. Kozhevnikov, V.V. (2002) Eshche odin vzglyad na “Man’esyu” [Another look at “Man'yō-shū”]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 5. pp. 34–48.

18. Konrad, N.I. (ed.) (1971–1972) *Man'yōshū* [Man'yōshū. Collection of Ten Thousand Leaves]. Translated from Japanese by A. Gluskina. Vol. 1–3. Moscow: Nauka.

19. *Man'yōshū*. The Oxford Corpus of Old Japanese. [Online]. Available at:

< http://vsarpj.orinst.ox.ac.uk/corpus/ojcorpus.html#MYS >. (Accessed: 6th February 2016).

20. Anon. (1978) *Man"e:syu: Dzen yakutyu: gembun tsuki* [Man'yōshū: Original text and comments]. Tokyo: Ko:dansya.

21. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow: Progress.

22. Betty, E. (2011) *Germenevtika kak obshchaya metodologiya nauk o dukhe* [Hermeneutics as the general methodology of the human sciences]. Translated from German by E. Borisov. Moscow: Kanon.

23. Heidegger, M. (1993) Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika.

24. Sedzo, O. (1998) *Omori Sedzo tesakusyu* [Collected Works by Omori Sedzo]. Tokyo: Ivanami seten.

25. Gadamer H.-G. (2007) *Puti Khaydeggera: issledovaniya pozdnego tvorchestva* [The Ways of Heidegger: The studies of the late works]. Translated from Germany by A. Lavrukhin. Minsk: Propilei.

УДК 1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/36/20

В.В. Петренко, И.А. Эннс

ВЛАСТЬ, ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В АКТУАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТЕОРИИ: ПРАВОСУДНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Представлена современная социально-философская редакция «справедливости» как рецепции аристотелевской идеи целевого и равного распределения. Проанализированы способы тематизации «справедливого» в социальной теории и политической философии. Выделены методологические основания анализа и репрезентации этого феномена как продолжения логики античной топики «справедливости». По мнению авторов статьи, дискурс справедливости обслуживает как область категоризации обязанностей и обязательств, так и сферу правоприменения.
Ключевые слова: *власть, право, справедливость, социальная теория, политическая философия.*

В книге «Справедливость. Как поступать правильно?» профессора Гарвардского университета М. Сэндела [1], ставшей бестселлером, на примерах огромного количества самых неожиданных ситуаций из жизни современного социума – от экономики, политики, финансовой сферы, отношений свободного рынка, расовой сегрегации и, конечно, судебного прецедента до дебатов по поводу суррогатного материнства, проблем инвалидов и использования стволовых клеток – в повестку дня вынесен старый вопрос о том, возможна ли социальная справедливость. Автор, как ожидалось, исследует границы применения этого предиката в условиях современных европейских демократий. Вывод, к которому он приходит, заставляет по-новому взглянуть на тот теоретический ресурс, с которым связано базовое представление о «порядке дискурса» справедливого устройства западной формы общежития.

Показательно, что, выбрав для анализа три ракурса рассмотрения справедливости: 1) как рост благосостояния; 2) как ценность свободы и автономии и 3) как «добродетель» и идею «благой жизни», М. Сэндел, подробно остановившись на первых двух, заканчивает свой фундаментальный экскурс в историю философского обоснования справедливости именно третьей ее трактовкой, восходящей к античным «этикам» и, главным образом, к аристотелевской постановке вопроса относительно справедливого как соответствующего способностям в распределении прав и в поиске конечной цели всей конфигурации общественных институтов [1. С. 32–33]. Одновременно, М.Сэндел возвращает нас к мысли Аристотеля о месте и значении «политического» как естественного горизонта нашего самовыражения и важнейшего аспекта «справедливого положения дел» [1. С. 235–236].

Социальная философия, избравшая своим предметом политические сущности, всегда задействует категории, демонстрирующие универсальный характер. Фундаментальное значение таких феноменов, как сознание, язык, ценность

и, наконец, власть, имеет выход, в первую очередь, в социальную онтологию. Но не менее важен эпистемологический ресурс обозначенных понятий.

Тема власти принципиальна для западной метафизики. *Абстрактное* полагание власти как предмета политического отношения обнаруживает себя в структуре большинства западноевропейских метафизических проектов – от Античности до настоящего времени. Этот концепт традиционно истолковывается как диспозиция волевого доминирования. Последнее, как правило, уравновешено рациональными доводами в пользу сдерживания эгоистических наклонностей индивида исходя из соображений необходимости и разумного принуждения. В то же время эмпирическое выражение власти – как игры господства и подчинения – всегда подчеркнуто *конкретно*. С последним обстоятельством вынуждены считаться современная политическая теория и философия социального анализа, т.е. объяснительные схемы, нацеленные на масштабные векторы силы в макросоциальном пространстве [2].

Классическая философия всегда совмещала горизонты политики, идеологии и нормативной аксиологии. Исполнение философией идеологической функции естественным образом упиралось в «надстраивание» специфического *«символического»* над логикой развертывания собственно философского мышления, часто – в выполнение прямого идеологического заказа. Причиной тому была претензия классической метафизики оставаться держательницей главных мировоззренческих акций, отвечать за единственно «правильную» интерпретацию мира, в сущности, утвердить ее как инвариантную. Добиваться поставленной цели следовало коротким путем – используя механизмы, наработанные социальными институтами, аккумулировавшими монополию на власть, монополию на политическое доминирование: речь шла о *макрополитической* структуре социальности, о тех институализированных властных образованиях, которые выражают позицию насилия и получают *правовое* закрепление в макросоциальном поле. Их обслуживают соответствующие дисциплинарные практики и идеологические дискурсы. Таким образом, устойчивая связь политической (к примеру, государственной) структуры и философии в отправлении последней своей идеологической функции обусловлена той версией в трактовке самой власти, которую мы можем обозначить как «hard» («жесткая») версия. Власть здесь представляет собой узаконенную асимметрию подчинения и принуждения. Как правило, так понимаемая власть демонстрирует себя открыто. Её легитимность держится на прозрачных для дискуссии общественных договоренностях, санкционированных со стороны общественного ценностного приоритета. В число таких абсолютных ценностей рано попадает ***идея справедливого*** экономического, политического и культурно-исторического устройства социального мира вообще. Именно она придает устойчивый характер социальной норматике и коррелирует с идеологией поступательного и последовательного прогрессизма.

Но возможна и другая интерпретация *властного*, а, следовательно, и насильственного отношения. Философия Новейшего времени демонстрирует иной подход в трактовке *политического* и предлагает иную версию теоретического представления «власти», ее сущности и дискурсивной артикуляции.

«Soft» («мягкая») стратегия в истолковании власти исходит из того обстоятельства, что власть проявляет себя ризоматически. Новая методология

анализа покоится на исследованиях микрофизики в производстве, осуществлении и эффектах власти. Одним из первых, кто отстаивал обозначенную методологическую оптику, был М. Фуко [3]. Его трактовка современной социальности в терминах «общества контроля» выводила власть из-под влияния однопорядковости и единообразия одного-единственного генерализирующего дискурса, релевантного классическому типу культуры, устройству социального мира и классическому строю мышления. М. Фуко реформирует смысл политического, политологического и историко-культурного исследования, дополняя его генеалогией. Развитие этой линии в истории философии второй половины XX – начала XXI в. уточняет фукинианскую модель, задействуя синтез метафизики и онтологии власти Ф. Ницше, дополненный идеей интенциональности Э. Гуссерля, структуралистским и постструктуралистским опытом анализа дискурса, а также новым – «ироническим» – истолкованием политики в духе С. Жижека и постфрейдовской аналитики бессознательного.

Актуальная постановка вопроса о власти имеет как минимум два следствия: 1) во-первых, она снимает зависимость любой диспозиции неравенства от политической поляризации в обществе, берущей начало в противостоянии крупных социальных образований, применительно к которым власть всегда распределена неравномерно; 2) во-вторых, в отношении самой власти новое ее видение означает утверждение принципа *локальности*. Власть *случайна*: это обстоятельство заставляет говорить об особой регулятивной функции так понимаемой власти. Генеалогический горизонт новой политологии учитывает обязательную *интенциональную* соотнесенность субъекта и тех социальных диспозиций, которые делают его членом сообщества. Французский философ истории П. Вен поясняет позицию М. Фуко как проводника этой новой методологии: «Субъект – не образующая инстанция, он сам образован так же, как и его объект, но тем не менее свободен реагировать, поскольку обладает свободой, и избирать стороннюю точку зрения, поскольку обладает мыслью» [4. С. 128]. Отныне – эмпирически – власть предстает как отдельные точки бифуркации отношений неравенства. Власть, по глубокому убеждению М. Фуко, рассеяна по отдельным регионам социального поля. Таких регионов – множество, и *право* – один из наиболее репрезентативных. Теперь философия права должна отразить новое существо идеологической функции в философском исполнении: философия не столько «производит» идеологии, сколько вскрывает «идеологические эффекты» (Ж. Бодри), дезавуируя закамуфлированную репрессивность. Кроме того, в повестке дня оказывается задача ре/деконструкции механизмов конституирования субъекта, вписанного в порядок социального.

Принимая в расчет, что власть диффузного образца неравномерно закреплена в социальном поле, но именно она несет ответственность за возможности самопонимания и действия, в которых субъект артикулирует себя и с которыми напрямую себя ассоциирует, крайне важно сфокусироваться на таких социальных институциях и полях дискурса, где социальная норматика и субъективные предпочтения принимают форму внутреннего императива, личного убеждения, ведущего к добровольному и взаимно заинтересованному сотрудничеству. В отличие от агрессивного властного вызова и принуж-

дения подобные регионы социальности способны продемонстрировать позитивные эффекты диспозиций господства/подчинения. Более того, существуют социальные институции, прямой задачей которых является поддержание *справедливого* положения дел (к таковым может быть отнесена судебная и, в целом, правовая система). Каким же образом диспозитив насилия/диспозитив власти регламентирует порядок дискурса справедливости? *В частности, как работает идея правосудности в направлении инкорпорирования ценностей справедливого соотношения сил на уровне общественного и единичного субъектов?*

В книге «Размышления о неравенстве» Н. Больц иронически отзывается о справедливости как «самом себя оправдывающем идеале, который риторически отгородился от традиции и опыта» (Больц, 2014, 117), ссылаясь на К. Шмитта в том мнении, что «справедливое государство является врагом либерального правового государства» [5. С. 118].

Между тем вся история новоевропейской общественности держится идеи справедливости, видя в ней единственно достойную цель государственности и социальности вообще. Способы тематизации этой максимы однозначно указывают на ее западное происхождение, отсылая к древнегреческой редакции «справедливого» уже у Аристотеля. В «Никомаховой этике» [6] различение *уравнивающей* и *распределяющей* справедливости, отсылающее к требованию целевого и равного распределения, является определяющим для будущего ракурса концептуализаций в сфере как политического, так и социального. Однако рецепция аристотелевской трактовки «справедливого» как *правосудного* и примыкание к этой идее в социальной теории и философии права шли непростым путем.

В этом смысле – как позиция «от противного» – вызывает интерес фигура Дж. Роулза. Его несомненной заслугой является возвращение в философско-правовой дискурс концепта справедливости как вполне самостоятельной темы для обсуждения. Опубликованная в 1971 году «Теория справедливости» [7], в которой Дж. Роулз резюмирует свои взгляды, не утратила актуальности и в настоящее время. Философская дискуссия вокруг проблем справедливости, свободы, власти и права неизменно отсылает к Дж. Роулзу.

В работе Дж. Роулз обращается к анализу заявленной проблемы и ставит задачу разработать теорию, которая включает не только определение общих принципов в понимании *справедливого*, но и их фундаментальное философское обоснование. Позиция Дж. Роулза оформляется в результате критики утилитаризма, и созданная теория «представляет альтернативу утилитаристской мысли вообще и, стало быть, ее различным версиям» [8. С. 34]. В полном согласии с кантианской аргументацией Дж. Роулз полагает, что «должное» содержит цель в себе самом, обладает самостоятельной ценностью и не предусматривает никаких внешних по отношению к себе целей – будь то идея общественного блага или эмпирические представления частного, единичного сознания. Теория справедливости не может быть построена на гетерономных основаниях: принципы справедливости носят безусловный характер; они не связаны никакими фактическими социальными или природными обстоятельствами.

Принимая во внимание многоаспектность феномена «справедливого», Дж. Роулз строго очерчивает предмет своего исследования – *социальная справедливость*. Тематизации подлежит «базисная структура общества», которую Роулз определяет как «способы, которыми основные социальные институты распределяют фундаментальные права и обязанности и определяют разделение преимуществ социальной кооперации» [8. С. 22]. Под «базисной структурой» Дж. Роулз понимает целокупность основных политико-правовых, социальных, экономических институтов. К таковым он относит конституцию, свободу слова, частную собственность, семью. Они означивают жизненные перспективы индивидов, их преференции, ожидания, способы реализации жизненных планов: «кем они надеются быть и как они надеются осуществить это» [8. С. 22]. В основе теории Дж. Роулза – отнюдь не классическое метафизическое истолкование субъекта в его сущностном эйдетическом схватывании; скорее – онтология интерсубъективности. Человек здесь – не изолированный агент декартовского типа: он вовлечен в *различные* институциональные практики и выступает субъектом коммуникации и социального взаимодействия.

Так, представленная у Дж. Роулза базовая общественная структура предполагает, что ее главной функцией станет приемлемое распределение общественных благ и социального бремени, предусмотренных социальной кооперацией. Поэтому принципы справедливости должны определить «спецификацию основных прав и обязанностей». Способы «приемлемого распределения приоритетных благ» оказываются необходимым условием для реализации любого жизненного плана. К их числу Дж. Роулз относит основные права и свободы, механизмы самореализации, власть, уважение, авторитет, достоинство, благосостояние и т.п.

Итак, представление о справедливости Дж. Роулз увязывает с идеей распределения. На первый взгляд, он сводит ее к «распределительной справедливости» Аристотеля, сопряженной со сферой регулирования и распределения наличных благ как материального, так и символического порядка. Справедливость предстает как процедура, устанавливающая «надлежащий баланс между конкурирующими целями…и…конкурирующими притязаниями на преимущества общественной жизни» [8. С. 24–25]. В то же время Дж. Роулз солидарен с Аристотелем в том, что само понятие справедливости многозначно. К примеру, когда речь заходит о вознаграждении и наказании, значение понятия справедливости возникает из горизонта соотнесенности с *несправедливым*. Оно увязывается с понятием «заслуженного», и тем самым мы начинаем иметь дело с так называемой компенсационной справедливостью. Правда, Дж.Роулз намеренно абстрагируется от подобных и связанных с ними проблем. Для него теория социальной справедливости – это «единственное основание для систематического осмысления этих более неотложных проблем» [8. С. 24].

Теоретико-методологическая база, которой Дж. Роулз руководствуется в своем анализе, – классическая либеральная теория рационального выбора и общественного договора. Именно ее Дж. Роулз апплицирует на всю проблематику справедливости и использует в качестве принципиального обоснования. В духе Дж. Локка и И. Канта он понимает общественный договор

как исключительно гипотетическую ситуацию консенсуса, в рамках которого «свободные и рационально мыслящие субъекты, преследующие свои цели, выбирают принципы справедливого социального сообщества» [8. С. 26]. Таким образом, проблема обоснования сведена к рациональному выбору средств, регулирующих социальную кооперацию и распределение полученных на ее основе общественных благ. В свою очередь, рациональный выбор предполагает дискуссию, артикулированную в аргументативном дискурсе. В нем принципы оцениваются на предмет их рациональной приемлемости в ситуации договора. Целью выступает достижение согласия, а справедливость сведена к определению процедуры выбора. Последняя должна быть максимально *«честной»*, что означает ее независимость от обстоятельств природной, социальной и экзистенциальной фактичности. В этом горизонте справедливость как «честность» – это беспристрастность и бескорыстие. В духе трансцендентального полагания субъектом выбора выступает некто, не обремененный страстями и предрассудками.

Ситуацию выбора Дж. Роулз описывает при помощи понятий «исходное положение» и «занавес неведения», которые выносят за скобки *фактичность самих субъектов*, обеспечивают отношения равенства и взаимности в правах и обязанностях. Эти принципы не ограничены жизненным миром, напротив, выступают в качестве его трансцендентального условия и источника нормативности. Принципы справедливости Дж.Роулза, подобно «первичным правилам» Л.Г. Харта, являются основанием определения, т.е. регулятивом нормативного действия. Они делают возможным (1) анализ эмпирических представлений о благе; (2) дают критерий, позволяющий провести их теоретическую ревизию; эти же принципы (3) формируют идеал совершенного справедливого сообщества и (4) обеспечивают рациональную критику, требуя «реформации или ликвидации» любой социальной конфигурации [8. С. 19].

В противоположность Аристотелю теория справедливости Дж. Роулза являет собой попытку трансцендентального обоснования социального. Источником социальной нормативности является *справедливость*, которая коррелирует с рефлексивностью, т.е. с аналитической способностью субъекта. У Дж.Роулза это – способность формулировать собственное представление о благе, менять его в силу необходимости и рационально ему следовать. В результате такого осознанного выбора субъекты приходят к согласию. В сущности, они принимают некие «постулаты договоренности». *Первый* из них Дж. Роулз называет принципом свободы. Этот принцип предписывает, что «каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей» [8. С. 267]. *Второй* имеет двухуровневую структуру и состоит из следующих подпунктов: «социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно (a) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших и (b) делают открытыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей» [8. С. 267]. Подпункт (a) Дж. Роулз называет «принципом различия», подпункт (b) – «принципом равных возможностей». Сами принципы находятся в отношениях жесткой координации, которую

Дж. Роулз рассматривает как отношения «лексикографической» зависимости. Так постулируется абсолютный приоритет принципа свободы. Это означает, что следование принципу свободы выступает непременным условием выполнимости второго принципа. В рамках второго принципа перед нами – приоритет равенства возможностей над принципом перераспределения социально-экономических благ. Поэтому у Дж. Роулза неравенство допустимо и оправдано тогда и только тогда, когда неравное распределение улучшает положение тех, кто менее удачлив в «лотерее природы».

Нелишне задаться вопросом, действительно ли принципы справедливости, сформулированные Дж. Роулзом как выражение «честности», носят безусловный характер и не связаны ни с какой конкретной идеей блага? Удается ли самому Дж. Роулзу выдержать все «условия безусловного», предъявляемые им к ситуации выбора, к процедуре принятия справедливого решения? Как раз справедливости ради приходится признать, что Дж. Роулз не остался полностью беспристрастным. Его теория уязвима в той части, где она эксплуатирует, в сущности, трансцендентальную идею абсолютной ценности личности. Как известно, личностная свобода и суверенное право – краеугольный камень либеральной идеологии; в философском смысле – имея в виду метафизику Нового времени – это и есть основание европейской современности. И хотя Дж. Роулз делает попытку скорректировать свою позицию, увязывая принципы справедливости с *определенной* конфигурацией социальности – демократическим устройством европейского коммьюнити – это не решает проблемы обоснования.

В этом пункте Дж. Роулза активно критиковали сами либеральные мыслители. Так, М. Фридмен и Ф. Хайек считали ошибкой его идею увязывать понятие *справедливого* только с принципом распределения. Д. Белл скептически оценивал модель справедливого общества у Дж. Роулза, трактуя ее как попытку реабилитации социалистического идеала. Не остался в стороне и Ю. Хабермас. Он с подозрением отнёсся к «справедливости» Дж. Роулза как регулятору социальной коммуникации. Похожий скепсис разделяет Ф. Анкерсмит, когда на примере философии естественного права XVII–XVIII вв., исключившей *историю* из политической мысли, доказывает, что любая попытка создать такую *вне*историческую философию обречена на провал: «Как и современная политическая философия, – пишет он, – историческая реальность отказалась скрываться за “занавесом неведения” Роулза» [9. С. 46].

В результате традиционные философско-либералистские схемы обнаружили лакуну. Удержать во что бы то ни стало трансценденталистскую оптику представления наиболее значимых в мировоззренческом, а, значит, в философском отношении сущностей и целеполаганий не удалось. Не удалось вывести их из-под удара той методологии, что обнаружила недостаточность и неэффективность классической трансценденталистской логики. Ее дефицит обозначил себя при обсуждении тем, где пресловутый исторический/ генеалогический подтекст открыто указывал на подвижность тематического горизонта схватывания таких сущностей, как «власть», «право», «справедливость» и сам «субъект». В итоге, классическая *вне*историческая схема трансцендентального обоснования оказалась дополнена феноменолого-

экзистенциалистской и даже постструктуралистской аналитикой «субъективного» и «социального». Так, к теме *справедливости* прямо обращается философская герменевтика в лице П. Рикера [10]. Социальная справедливость оказывается тематизирована со стороны привычных для герменевтической методологии установок на когнитивные/эпистемологические горизонты предпонимания и, собственно, понимания.

В работе, увидевшей свет во Франции в 1995 году, собраны тексты, демонстрирующие интерес автора к феномену «справедливого». Последнее не ограничивается формой прилагательного и, следовательно, логического предиката, а оказывается, по словам самого П. Рикера, «возведенным на уровень существительного…и…в функции существительного позволяет осуществить гораздо больший охват исследуемого понятийного поля» [11. С. 185]. Следует добавить, что П. Рикер изначально вводит «справедливое» в контекст *юридического*, которое он трактует как серединное между *нравственным* и *политическим*. В целом *юридическое* видится П. Рикеру восстановлением и торжеством «мира» в противоположность «войне».

В тексте «Справедливого» обнаруживаются многочисленные пересечения с авторами, так или иначе проявившими интерес к этой сфере. П. Рикер не обходит вниманием Платона, Аристотеля, Т. Гоббса, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля. Авторы античных «Этик» интересуют его не меньше, чем поборники естественных человеческих прав. В равной степени П. Рикер отслеживает судьбу «справедливого» и «правового» в политической философии Новейшего времени – от Х. Аренд до М. Уолцера. Структурно-семиотический анализ идей справедливости и ответственности сопровождается ссылками на аналитических философов в лице П. Строссона, Л.Г. Харта и Д. Дэвидсона. Важной для П. Рикера оказывается позиция Э. Левинаса в вопросе о «заслуженном Другом». Но главным предметом обсуждения становится теория справедливости Дж. Роулза, к которой П. Рикер возвращается на протяжении всего исследования. Следует отдать должное той скрупулезности, с которой П.Рикер это делает: его критика носит характер уважительно-дискуссионного, но принципиального размежевания.

Главная претензия, обращенная к социально-философской схеме Дж. Роулза, состоит в том, что так называемая «базовая структура общества» является импликацией вполне определенной ситуации, посредством которой заключен первичный договор общественного согласия. Эта ситуация у Дж. Роулза мыслится как изначально fair (честная). «Тем самым, – замечает П. Рикер, – фикция исходной ситуации принимает на себя все бремя окончательного доказательства» [11. С. 69]. Подмеченную черту П. Рикер находит общей для любой контрактуалистской логики. В итоге, он приписывает Дж. Роулзу антиутилитаризм, а также ожидаемую дезонтологизацию в истолковании справедливого. Тезис о возникновении *справедливого* «благодаря размышлению при условии абсолютной честности», согласно П. Рикеру, создает новые проблемы. Среди них П. Рикер выделяет следующие: «Что дает справедливость для ситуации размышления, благодаря которому может возникнуть соглашение о справедливом устройстве институтов? Вторая проблема: какие принципы можно выбрать в этой фиктивной ситуации размышления? Третья проблема: какой аргумент может убедить размышляющие

стороны единодушно избрать роулзианские принципы справедливости, а не, скажем, какой-либо вариант утилитаризма?» [11. С. 71]. И хотя П. Рикер одобрительно отзывается о принципе самоограничения, которому теория справедливости Дж. Роулза подвергает себя, когда поступает в распоряжение либеральных демократий, это не исправляет ситуацию. Теория Дж. Роулза, по мнению П. Рикера, демонстрирует откровенно формальный характер. Она слабо поясняет, что обеспечивает равновесие между справедливым как формальным принципом структуры социальности и «свободным пространством для возможных выражений личной и коммунитарной жизни, не отмеченных в этом базовом институциональном отношении» [11. С. 83].

Не будучи политологом или философом права, П. Рикер все же предлагает эвристичную схему для проблематизации и концептуализации «справедливого», в том числе и в правовом поле. Его анализ наследует тем первичным интуициям, которые характеризуют герменевтику вообще, и, в конечном итоге, продолжает логику исследования справедливости, заимствованную у аристотелевской трактовки *«правосудности»* как *практического* знания и умения, как риторики, ищущей «серединности» и «умеренности».

П. Рикер обращается к семантике «ответственности», имея все основания полагать, что последняя тесным образом связана со «справедливостью». Он недоумевает по поводу разнобоя в терминологическом словоупотреблении «ответственности» в контекстах, выходящих за границы юридического языка описания. «В предельных случаях, – отмечает он, – вы ответственны за все и вся» [11. С. 41]. П. Рикер увязывает такую практику с полисемией глагола «отвечать»: именно это обстоятельство так часто делает «ответственность» принципом моральной философии. Дальнейший анализ позволяет П. Рикеру отследить семантические сдвиги фундирующих «ответственность» понятий. По его мнению, в большинстве случаев мы имеем дело с расширением близкого по смыслу референциального поля. П. Рикер исследует смысловые возможности понятий *«вменения»* и *«воздаяния»*, делая их первичными в отношении принципа ответственности. Так в теологической перспективе идея вменения действия кому-либо и тем самым полагание его ответственным за что-либо заставляет говорить о «высшей справедливости». Здесь П. Рикер подробно анализирует двойную – «космологическую и этическую» – артикуляцию идеи вменения у И. Канта. Пустое понятие трансцендентальной свободы, по мысли П. Рикера, ожидало своей аппликации на область практического. «Вторая Критика, – пишет он, – и вводит решающую связь между свободой и законом, связь, в силу которой свобода образует основание для бытия закона, а закон – основание для познания свободы. Только теперь свобода и вменяемость совпадают между собой» [11. С. 48]. П. Рикер намеренно избегает деривации в отношении понятия «справедливого», однако в данном пункте логично ассоциировать «справедливое» с вышеобозначенным совпадением.

Опираясь на логику естественного права, П. Рикер обращается к проблематизации ответственности в аналитической и феноменолого-герменевтической традиции. В заслугу первой он ставит теорию аскрипции П. Строссона. Он оценивает ее как значительную попытку лишить понятие «вменения» этической нагруженности, а, следовательно, и коннотат «ответственности» и «справедливости»: «Заслугой этой теории является то, что она открыта мо-

рально-нейтральному исследованию действия» [11. С. 51]. В то же время П. Рикер недвусмыслен в обозначении дефицитов «чистого» логического и семантического анализа: «В переходе от высказывания к высказывающемуся и в переходе от действия к действователю фигурирует проблематика, с которой невозможно справиться ресурсами какой бы то ни было лингвистической философии. Речь идет о смысле, сопрягаемом с ответами на вопрос кто? (кто говорит? кто действует? Кто рассказывает о своей жизни? Кто обозначает себя в качестве виновника, морально ответственного за свои поступки?)» [11. С. 52–53].

В своем «археологическом» – герменевтическом и экзистенциально-онтологическом – углублении в субъекта речи и поступка П. Рикер постулирует важность жизнемирных горизонтов, образующих цепочки личностных, сингулярных темпоральностей. В герменевтике рикеровского образца они носят как ретроспективный/ретенциальный, так и перспективный/протенциальный характер. Например, возможная ретроспекция задействует моральную интенцию негодования, которая, по мнению П.Рикера, возникает при столкновении с несправедливым. Так, личностная онтология «справедливого» и «несправедливого» формирует герменевтику первичного влечения и семантику *интенции справедливого*.

Первый позитивный тезис П. Рикера говорит нам, что эта семантика из области «морального» – как *желаемого* и институционально слабо оформленного – перемещается в область «юридического». Моральная интенция негодования состоит «в смутном ожидании победы слова над насилием» [11. С. 14]. Где же возможна такая победа? Там, где, согласно П. Рикеру, «конфликт возводится на уровень *судебного процесса (*курсив наш. – *В.П., И.Э.*), причем процесс этот, в свою очередь, центрирован вокруг словесных дебатов, начальная неопределенность которых обрывается речью, в которой высказывается *право (*курсив наш. – *В.П., И.Э.*). Следовательно, в обществе – сколько бы насилия в нем ни оставалось и из-за происхождения этого общества, и из-за его обычаев – существует место, где слово одерживает верх над насилием» [11. С. 12]. То, что связано с институтом права, демонстрирует две важные черты: 1) во-первых, установление дистанции между преступлением и наказанием и 2) во-вторых, появление на сцене «некоего третьего» (в лице самой юридической институции). Только так, полагает П. Рикер, «справедливая дистанция, посредничество какого-то третьего, беспристрастность становятся великими синонимами чувства справедливого, путем которого с самого юного возраста заставляло нас следовать наше негодование» [11. С. 14]. Иначе говоря, *справедливость* в горизонте «юридического» предстает как интенциональное образование и репрезентация особого положения дел, при котором будет произнесено *слово*, устанавливающее между конфликтующими сторонами справедливую дистанцию. Здесь «справедливое отождествляется с законным» [11. С. 29].

Второй тезис в рикеровской аналитике *справедливости* возвращает нас в область морали. Соотнесенность «справедливого» с «благим» обнаруживает себя на стадии семантического анализа смещений в использовании понятия «ответственности» в отношении объекта и субъекта последней. Моральный план размышлений об «ответственном» и «справедливом» П. Рикер обосно-

вывает ссылкой на Э. Левинаса «в связи с развертыванием интерсубъективности в качестве важнейшей философской темы» [11. С. 60]. Вслед за Э. Левинасом П. Рикер делает источником морального предписания идею Другого. Сдвиг семантики предиката ответственности оказывается переворачиванием: «…мы делаемся ответственными за ущерб, потому что вначале мы несем ответственность за другого» [11. С. 60]. Однако формализм юридического образца дает о себе знать (П. Рикер постоянно подчеркивает смешение правового и нравственного горизонтов в опыте сопоставления «ответственности» и «справедливости»). Указанный формализм заявляет о себе в интерпретации фигуры Другого как *каждого*. Межличностные отношения сами предельным образом формализованы: «Сколь бы чудесной ни была добродетель дружбы она не может …выполнить задачу справедливости… Добродетель справедливости устанавливается на отношении дистанцированности от другого… Другой сообразно дружбе есть *ты*; другой сообразно справедливости есть *каждый*…» [11. С. 16–17]. Мы видим, как дает о себе знать привычка к трансцендентальному обоснованию права. Единственно благодаря ему оказался возможен проект европейской современности.

В этической перспективе, которую сам П. Рикер обозначает как телеологию, человеческое существование протекает «в терминах желания и нехватки». «Именно в терминах желания и нехватки можно говорить о стремлении к полной, осуществленной жизни. Эта связь между жизнью, желанием, нехваткой и осуществлением, – настаивает П. Рикер, – образует уровень моральности» [11. С. 18]. *Справедливость* в горизонте нравственного истолкования – очередной интенциональный объект, оправдательный в смысле удовлетворения базового желания совместной – благой – жизни с другими. В формулировке самого П. Рикера, «…в телеологическом плане стремления к благой жизни справедливое является аспектом благого, соотнесенного с другим» [11. С. 29].

Наконец, заключительный тезис рецепции «справедливого» у П. Рикера обретает вид *«практической мудрости»* и демонстрирует подлинный *«трагизм действия»*, который так часто торжествует над теорией, юридическим предписанием и даже моральным влечением. Этот тезис особенно важен. Здесь аристотелевская идея правосудности заявляет о себе с неукоснительной неизбежностью. (По словам Н. Больца, юристы должны размышлять о справедливости в горизонте времени точно так же, как это делают философы, размышляющие о бытии [5. С. 265]). Согласно П. Рикеру, самому тяжелому испытанию понятие справедливого подвергается, когда оно артикулировано как «сингулярное решение, принятое в обстановке конфликта и неопределенности…на стадии применения нормы к ситуативной реализации суждения» [11. С. 29].

Изначальное влечение обнаруживает себя в качестве того, что П. Рикер называет «глубокой убежденностью». Ею «заканчивается путь поиска справедливости, начатый стремлением жить при правосудных институтах и ратифицированный правилами правосудия, процедурному формализму которых удается гарантировать беспристрастность» [11. С. 26–27]. «Беспристрастность» являет еще одно *интенциональное наполнение* «справедливости». Оно обращено к структуре настоящего в темпоральной организации субъекта

и работает на поддержание той самой «глубокой убежденности». П. Рикер поясняет: «Беспристрастное – это такая фигура, в которой воплощается идея справедливого в ситуациях неопределенности и конфликта или же – высказываясь до конца – в обычном или чрезвычайном режиме трагизма действия» [11. С. 29]. «Беспристрастность» как интенция сознания у П. Рикера прекрасно корреспондирует с трактовкой «справедливого» Н. Больца. Для последнего «справедливость» перестает быть ценностью, становясь оценкой оценки, чему способствует рефлексивный характер самой идеи справедливого. Этот рефлексивный горизонт поддержан требованием определенного устройства социальной организации и социального распределения. Н. Больц высказывается предельно откровенно: «Смелость гражданина выражается в том, что он ищет свою идентичность в ритуальном поддержании социальной ситуации, находит свое достоинство с помощью институций в потреблении и признает в функционирующей социальной системе современный эквивалент справедливости» [5. С. 264]. И далее: «…тем самым поддерживается античная идея справедливости, воплощенная в верности. Обращение к древним грекам избавляет от ценностных фантомов, которые мешают рассмотрению современного общества» [5. С. 265].

Так прагматический поворот» в духе Л. Болтански и Л. Тевено [13] в социально-философских исследованиях справедливости последнего времени возвращает нас к логике Аристотеля, транскрибированной М. Сэнделом [13] и Н. Больцем [5]. К идее справедливого целевого и равного распределения человеческого ресурса. М. Сэндел дефинирует эту логику как «нарративную интерпретацию субъектности» [1. С. 283]. Идея состоит в том, чтобы увидеть и принять общественную жизнь как благую саму по себе и «саму в себе» – без боязливых оглядок на трансцендентное целеполагание, вынесенное за скобки актуальной социальности: «Аристотель не считает возможным размышлять о справедливости в отрыве от размышлений о смысле распределяемых обществами благ: должностей, почестей, прав и возможностей….Если размышления о моем благе сопряжены с размышлениями о благе сообществ, с которыми связана моя идентичность, то стремление к нейтральности может быть ошибочным (это прямой выпад против новоевропейского абстрактного либерализма и абстрактной «честности» Дж. Роулза. – *В.П.*, *И.Э.*). Размышлять о справедливости, «не размышляя при этом о благой жизни, пожалуй, невозможно – и даже нежелательно» [1. С. 284]. Думается, в сходных обстоятельствах Аристотель когда-то называл человека политическим животным, а современные авторы рассматривают общественную дискуссию по вопросам политического и гражданского жизнеустройства как действенный инструмент властного вмешательства для обеспечения идеала солидарности, как того требует демократический проект. В этих условиях задачей философской критики становится анализ порядка, функционирования и технического совершенствования всей совокупности общественных институтов и социальных агентов в направлении лучшего/справедливого распределения власти, общественных благ и свобод, в чем особое – инструментальное – содействие призван оказать институт права.

Литература

1. *Сэндел М.* Справедливость. Как поступать правильно? М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.
2. *Манн М.* Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 208 с.
3. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
4. *Вен П. Фуко*. Его мысль и личность. СПб.: Владимир Даль, 2013. 195 с.
5. *Больц Н.* Размышление о неравенстве. Анти-Руссо. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 270 с.
6. *Аристотель*. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. 830 с.
7. *Rawls J.* A Theory of Justice. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1971.
8. *Роулз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 536 с.
9. *Анкерсмит Ф.Р.* Политическая репрезентация. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 288 с.
10. *Ricoeur P.* Le Jucte I, II. Paris, Edition Esprit, 1995, 2001.
11. *Рикер П.* Справедливое. М.: Гнозис; Логос, 2005. 304 с.
12. *Болтански Л., Тевено Л.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.
13. *Sandel M.J.* Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Petrenko Valeria V. – Tomsk State University; West Siberian branch «Russian University of Justice» (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/20

Enns Irina A. – Tomsk State University; West Siberian branch «Russian University of Justice» (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/20

POWER, LAW AND JUSTICE IN THE CONTEMPORARY SOCIAL AND PHILOSOPHICAL THEORY: JUSTNESS AS THE FOUNDATION OF EUROPEAN MODERNITY

Keywords: power, law, justice, social theory, political philosophy

The article presents the contemporary socio-philosophical edition of "justice" as the reception of Aristotelian ideas of the purposeful and equal distribution. Ways of a tematization of the "justice" in the social theory and political philosophy are analyzed. Identified three ways in consideration of a justice in the social theory and political philosophy: justice as growth of a welfare, justice as the value of freedom and autonomy and justice as "virtue" and the idea of "the good life". The methodological bases of the analysis and representation of this phenomenon are noted as continuations of logic of ancient topics of “justice”. The base for the modern social and philosophical theory is the idea of Aristotle on justice as the ultimate goal of the state and social in general. The political appears as the natural horizon of any self-expression and the most important aspect of a fair situation. The contemporary philosophical discussion on problems of the right shows not eliminability of the horizons "justice" from the scope of the theoretical. According to the authors, the discourse of justice serves as an area of categorization of duties and obligations, and the sphere of right applications.

References

1. Sendel, M. (2013) *Spravedlivost'. Kak postupat' pravil'no?* [Justice. How to do the right thing?]. Translated from English A. Kalinin. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
2. Mann, M. (2014) *Vlast' v XXI stoletii: besedy s Dzhonom A. Khollom* [Power in the 21st Century: Conversations with John Hall]. Translated from English by K. Bandurovsky. Moscow: HSE.
3. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: Beyond the knowledge, power and sexuality]. Translated from French. Moscow: Kastal'.
4. Wen, P. (2013) *Fuko. Ego mysl' i lichnost'* [Foucault. His thinking and personality]. Translated from English by P. Shestakov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
5. Bolz, N. (2014) *Razmyshlenie o neravenstve. Anti-Russo* [Thinking about inequality. Anti-Rousseau]. Translated from German by A. Zhenin. Moscow: HSE.

6. Aristotle. (1984) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works. In 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.

7. Rawls, J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press.

8. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Translated by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

9. Ankersmit, F.R. (2012) *Politicheskaya reprezentatsiya* [Political representation]. Moscow: HSE.

10. Ricoeur, P. (1995, 2001) *Le Jucte I, II* [The Just, I, II]. Paris: Edition Esprit.

11. Ricoeur, P. (2005) *Spravedlivoe* [The Juste]. Translated from French. Moscow: Gnozis; Logos.

12. Boltanski, L. & Thevenot, L. (2013) *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov* [Criticism and Justification of Justice: Essays in Sociology Castles]. Moscow: NLO.

13. Sandel, M.J. (1998) *Liberalism and the Limits of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 159.964.21, 7.037.5
DOI: 10.17223/1998863X/36/21

К.А. Семенюк

БЕЗУМНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ШИЗОФРЕНИИ И «СКОНСТРУИРОВАННОЕ БЕЗУМИЕ» СЮРРЕАЛИСТОВ (К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ)

По данным ВОЗ, количество диагнозов «шизофрения» растет. Арт-терапия, практикуемая в ходе реабилитации больных, даёт богатый художественный материал для интерпретации «языка» шизофрении. В статье сопоставляются художественная практика сюрреализма, поскольку сюрреализм декларирует безумие в качестве художественной реальности, и творчество больных шизофренией, на примере серии рисунков пациента ТКПБ.
Ключевые слова: *шизофрения, сюрреализм, семиотика.*

«Разум – каторжная цепь для художника, а потому желаю всем художникам лишиться разума», – провозгласил в 1915 году Казимир Малевич (цит. по [1. С. 81]). Этот принцип отказа от «цепей» разума и логики, морали и постулатов классической эстетики – всего того, что Андре Бретон назовёт «картезианско-кантовским зданием», – будет активно проводиться в жизнь многими направлениями авангарда. Искусство захотело говорить языком безумия, поскольку только так художник сможет ввести в игру бессознательное и порвать путы сковывающего творческую активность разума. В этой связи основной чертой новой образности становится радикальная, шоковая деформация реальности в противовес мимесису и гармонии классицизма и реализма. Особое место среди деформирующих поэтик авангарда занимает поэтика сюрреализма, поставившего своей целью сделать бессознательное вообще и безумие в частности своей художественной реальностью. Однако так ли безумен «безумный» сюрреализм? Для того чтобы это понять, нам необходимо сопоставить сюрреалистическую образность и ту образность, которую выдаёт истинное, «диагностированное» безумие. В данном случае речь идет о творчестве людей, больных шизофренией. Дело в том, что среди душевнобольных именно шизофреники обладают невероятной творческой и, прежде всего, художественной активностью. Какова необходимость и актуальность такого сопоставления? Шизофрения, названная Делёзом и Гваттрари «болезнью века», по данным ВОЗ, всё сильнее укрепляет свои позиции. Так, с 2000-го года количество диагнозов «шизофрения» увеличилось на 40 %. Причём полиморфизм проявлений заболевания составляет одну из главных проблем дифференциальной диагностики.

Отсутствие нозологического единства шизофрении тесно связано со старым вопросом о «сущности» этого заболевания, однако попытки выстроить какую-то стройную систему распознавания и интерпретации данного вида психического расстройства так до сих пор ни к чему не привели. В связи с тем, что большинство врачей рассматривают шизофрению не как единое

заболевание, а как группу психозов, со сходной картиной лечения, диагноз F20 (шизофрения) ставится по совокупности наиболее злокачественных проявлений заболевания.

Неутешительность такой ситуации делает актуальными поиски новых, дополняющих основные, методов диагностики. Сопутствующая психиатрии медицинская психология активно использует в этой связи проективные тесты (один из самых распространённых – «Дом. Дерево. Человек»). Однако большинство проективных тестов направлено на целостный, глобальный подход к оценке личности. Нас же в данной статье интересует семиотика проявлений расщеплённого сознания, маркеры шизофрении. Арт-терапия, широко практикуемая в ходе реабилитации больных, даёт богатый художественный материал для анализа знаков, «языка», «дискурса», которыми «говорит» шизофрения, что выводит нас из зоны интересов собственно психиатрии к проблемам философии сознания и языка. А потому моей целью является поиск принципов и оснований, позволяющих производить дифференциацию «здоровой», пусть и деформированной, образности, и образности «больной». Безусловно, что в рамках данной статьи этот «неподъёмный» проект реализовать невозможно. Поэтому в качестве конкретной задачи можно рассматривать лишь создание эскиза возможных поисков в данной области.

Отталкиваясь от гипотезы английского психиатра Тимоти Кроу о том, что шизофрения – это болезнь языка, я предлагаю сосредоточиться на «продукте», который выдаёт шизофрения, – на тексте. В статье 1997 года «Является ли шизофрения расплатой за язык?» Кроу утверждает, что шизофрения и язык имеют единые эволюционные корни – генетические изменения. В силу данных изменений полушария головного мозга начали развиваться независимо, и левое стало «специализироваться» на языке. Те же самые изменения вызывают шизофрению, т.е. существует связь мозговых механизмов языка и шизофренических дефектов. И действительно, внешний (здоровый) наблюдатель идентифицирует в другом болезнь не по соматическим проявлениям, а именно по патологическому тексту. Причём каждая форма шизофрении выдаёт свой собственный, весьма специфичный текст. *Паранойдная* говорит о спецслужбах, проникающих в сознание больного с помощью лучей, *гебефреническая* нелепо смеётся и кривляется, а *кататоническая* застывает в ступоре и молчит. Но молчание – это тоже речь, как танец или жест. А значит, шизофрения говорит, и отличие шизофренического высказывания от высказывания обыденного языка состоит в том, что оно «нарушает согласованную прагмасемантику» [2. С. 26] и синтаксические связи внутри высказывания, как пишет Вадим Руднев. В этой связи один из первых вопросов, с которым сталкивается исследователь, – вопрос о референции знака (рисунка) и симптома (означаемого). Что изображает шизофреник? Является ли это изображение слепком, копией бессознательных процессов (и если да, то каких)? Или же оно точно так же существует по законам искусства, как и любое другое? Для того чтобы разобраться в этом, нам необходимо, хотя бы в общих чертах, представлять себе клиническую картину заболевания.

Начало болезни редко бывает внезапным, хотя родственники часто связывают возникший психоз с эмоциональным стрессом или перенесённым соматическим заболеванием. Но более подробный расспрос впоследствии пока-

зывает, что первые симптомы болезни существовали уже задолго до события, с которым связывается радикальное изменение личности больного. Что лишний раз доказывает необходимость ранней диагностики, когда заболевание ещё не привело к глубокому психическому дефекту.

При всём разнообразии симптоматики манифестного периода болезни можно выделить один симптом, который часто является фоном начинающегося психоза – это нарастающее чувство страха. Защита от страха – галлюцинации, призванные, по Бинсвангеру, понижать уровень экзистенциальной тревоги. Также необходимыми диагностическими признаками являются аутизм, нарушение стройности ассоциаций (формальное мышление), амбивалентность (внутренняя противоречивость чувств и желаний).

С шизофреником происходит парадоксальное явление – замыкаясь в себе, отказываясь от полноценного общения с миром, живя в своей параллельной бредовой реальности, он может менять язык общения, т.е. переходить от вербальных средств к языку рисунка. Даже кататоники, по упоминанию еще Эмиля Крепелина (1909 г.), с большой охотой создают бесчисленное количество повторяющихся рисунков, с преобладанием в них образов фантастических и сказочных существ. Психиатры, наблюдавшие за детьми-шизофрениками, и вовсе приходят к заключению, что в острой фазе шизофренического процесса дети либо много говорят, либо много рисуют. «Одна функция, – пишет советский психиатр М.П. Кононова, – как бы заменяет другую, а обе служат одной цели: оформлению внутренних переживаний» (цит. по [3. С.17]). Однако что нам может *рассказать* рисунок больного?

Действительно, двумя яркими проявлениями упомянутого выше формального мышления являются *символизм* и *паралогизм*. Символизм раскрывается в том, что для выражения мыслей шизофреники используют собственные, непонятные окружающим символы, причём в качестве таковых могут использоваться как известные всем слова или визуальные образы, так и неологизмы. Огромная проблема шизофрении состоит в том, что значение её символов может неоднократно меняться или повторяться в разных знаках. Так, например, цифра «8» становится символом бесконечного счастья, бесконечного страдания, а равно и абсолютной безысходности (потому что это петля). Или возникает ассоциативная параллель между строением позвоночника, семью цветами радуги и семью нотами. Паралогизм обнаруживается при попытках объяснить значения устойчивых выражений и поговорок. Шизофреническое мышление, даже если оно с первого взгляда связно и логично, смешивает прямой и переносный смыслы. Так, интерпретация поговорки «Лес рубят, щепки летят» будет выглядеть следующим образом: «Ну да, дерево-то из волокон, они откалываются при ударе топором».

Таким образом, принципиальная разница между картиной мира человека, больного шизофренией, и здорового состоит в том, что, по мысли Лакана, у больного символ не просто превышает означаемое, но полностью его подменят. Такой сбой происходит в психотическом сознании не из-за конфликта «я» и «мира», как это обычно мыслится (моё сознание как-то неверно отражает окружающую реальность и порождает в этой связи галлюцинации). Нет, этот конфликт, если воспользоваться лакановской схемой Реальное – Воображаемое – Символическое, происходит внутри инстанций самого соз-

нания. То есть шизофреническое сознание оперирует знаками без денотатов по той простой причине, что их просто нет (с позиции здорового внешнего наблюдателя, конечно). У шизофреника все перемешивается – знак, денотат и значение. Знак и предмет для него, как для первобытного человека или младенца, неразличимы. А это, в свою очередь, может говорить только об одном – символы, которыми говорят шизофреники, не являются знаками. Как пишет Лакан: «Психотик не знает языка, на котором говорит» [4. С. 20].

Тогда получается, что перед исследователем, рассматривающим рисунки душевнобольного или слушающим его рассказ, предстоит единственный случай, когда говорит само бессознательное, Оно, Реальное, так как Я психотика распалось. В этой речи нет планов выражения и содержания, это тот самый «базовый язык», о котором пишет Лакан, анализируя случай Даниэля Шребера. Соответственно, и нет смысла разбираться в том, *что* конкретно выражает тот или иной рисунок, так как *выражать* уже нечего и некому. Речь больного, рисунок больного – это сама болезнь. Сюрреализм же предлагает нам загадку, ребус, символ, *за* которыми стоит некая реальность. В этой связи поиск демаркационной линии между деформирующей поэтикой и деформацией языка болезнью должен идти от обратного тому, что уже делалось в истории искусства и психиатрии не единожды, – нам нужно искать не сходство между ними, а различие. Необходимо отличить реальность «значащую» от «незначащей». Это предполагает поиск маркера, который выдаёт в сюрреализме здоровое (или невротическое, но не психотическое) сознание.

Сюрреализм своими корнями уходит в творчество немецких романтиков, мистико-религиозные и оккультные учения, опирается на философию интуитивизма и психоанализ Фрейда. «Фрейдогенная» (В. Бычков) атмосфера начала XX в. оказывает огромное влияние практически на все авангардные направления искусства. В эпоху между двух мировых войн, когда разум был скомпрометирован, необходимо было найти ему замену, которая позволила бы обнаружить подлинную реальность. Этой реальностью становится реальность *rêve* (термин приблизительно переводим как *мечта, грёза, сновидение*). Для того чтобы «поймать» эту грёзу, необходим был метод. Какой метод мог предложить Андре Бретон – студент-медик, переполненный идеями Фрейда? Конечно же, это психический автоматизм, занявший ключевую позицию как в собственной бретоновской философии, так и в концепции сюрреалистического искусства вообще. В «Четвёртом манифесте сюрреализма» Бретон пишет: «Сюрреализм. Чистый психический автоматизм, имеющий в виду выражение, или устно, или письменно, или любым другим способом, реального функционирования мысли. Диктовка мысли, при отсутствии какого бы то ни было контроля со стороны разума, вне какой бы то ни было эстетической и моральной озабоченности…

Сюрреализм основывается на вере в высшую реальность некоторых форм ассоциаций, которыми до него пренебрегали, во всемогущество грёз, в незаинтересованную игру мысли» [5. С. 86].

Рецепты Бретона по превращению художника в подобие радиоприёмника, в аппарат, регистрирующий бессознательное, предполагали как приведение себя в состояние абсолютной психологической пассивности, творчество в одиночестве, так и приём «эфира, опиума, кокаина, морфия» (цит. по [6.

С. 29]). Надо добавить, что, не у всех это хорошо получалось, даже несмотря на употребление галлюциногенов. Да и сам Бретон, как всякий истинный француз, до крайности рационалистичен, а потому к технологии построения «сюрреалистического образа» он подходит скорее как математик, нежели как психический больной. Бретон с предельной точностью и рационализмом высчитывает свой шокирующий образ. Ничего удивительного в том, что он впоследствии, по его собственному признанию, теряет интерес к «автоматическому письму» и переходит к записи снов. Однако запись некогда виденного сна предполагает его осмысление, а также существование этой записи в пространстве языка литературы. То есть такое заявление Бретона обнажает не очень удобную истину сюрреализма, а именно *сознательность*, *преднамеренность*, *сделанность* автоматического письма.

В совместной работе «Непорочное зачатие» Бретон и Элюар, при всей своих экстравагантности и интереса к патологии, маниакальности, дебильности, общему параличу, откровенно признаются, что продукт их литературной лаборатории – это всего-навсего симуляция. Эта симуляция, по их словам, похожа на психотические эффекты, из чего делается вывод об их тождестве. Что ж, симуляция была удачной, но это показывает лишь ловкость одарённых писателей, а не возможность здорового сознания произвольно воспроизвести онеройд[1].

В реальной практике симуляция часто выливалась в набор неких штампов, шокирующих воспитанную на традиционном искусстве буржуазную публику. Так произошло, в частности, с Сальвадором Дали, который в массовом сознании и есть олицетворение всего сюрреализма. Теоретизируя не меньше Бретона, он создаёт параноидально-критический метод. Свой метод Дали, несмотря на то, что он дистанцируется от группы Бретона, считает аналогичным бретоновскому. По мнению Дали, этот способ позволял достать из бессознательного глубоко запрятанные мысли и желания. Для этого был необходим ум сумасшедшего, параноика, не скованного рациональными и моральными установками. Однако сам Дали сумасшедшим не был, следовательно, его паранойя была связана с критической способностью.

Картины Дали наполнены головоломками с эротическим или скотоложеским содержанием. Являясь ярым фрейдоманом, Дали пытается с помощью живописи разобраться в своих личных проблемах и страхах – страхе кастрации, нарциссизме, инсектофобии и т.д. Вот здесь-то и скрывается основание для того, чтобы разграничить сюрреалистическую образность и образность шизофреническую, так как сюрреалисты совершили подмену понятий. Дело в том, что называя своё творчество безумием, паранойей и т.п., они при этом опираются на фрейдистский психоанализ, а Фрейд (за исключением нескольких случаев) занимался неврозами, а не психозами. Более того, применение психоанализа для лечения психозов, как правило, даёт обратный эффект. Сама суть психоанализа предполагает наличие двух планов: плана содержания и плана выражения. Это и делает его весьма эффективным в терапии неврозов. То есть невроз в отличие от шизофрении семиотизируем. Так, парез лицевого нерва – это знак пощёчины, истерическая рвота – знак того, что чело-

[1] Онеройд – острый психоз с помрачением сознания, фантастическими сноподобными переживаниями, противоречивым отношением к действительности.

век хочет сказать: «Меня от вас тошнит!», сниженный тонус мышц, согбенные плечи депрессивного – «Пожалейте, погладьте!».

То есть, декларируя психотическое поле игры, сюрреалисты остаются в поле невротическом, потому что там, где в рисунке сюрреалиста стоит знак, указывающий на некую реальность, некий смысл, в рисунке шизофреника ничего подобного нет и быть не может. Соответственно, интерпретация рисунков больных шизофренией предполагает не поиск смысла того, как и почему связаны, например, позвоночник, семь нот и семь цветов радуги, а поиск бессмыслицы. Но тогда возникает закономерный вопрос: «А как отличить бессмыслицу от сознательно деформированного смысла, симуляцию и игру от болезненной реальности? Где маркер?».

История психиатрии знает большое количество исследований в области творчества шизофреников (в особенности это касается немецких психиатров первой половины XX века), но их общим недостатком, впрочем, является несколько описательный характер. Тем не менее среди основных черт шизофренического рисунка выделяются следующие:

1) стереотипность, когда на протяжении долгого времени больной ежедневно рисует одни и те же предметы и образы;

2) схематизм и монотонность, симметрия;

3) незавершённость композиции и разорванность;

4) нетерпимость к пустым местам и орнаментальность;

5) мрачность сюжета и калейдоскоп цвета;

6) отсутствие цветовых градаций и преобладание кричащих цветов красного и желтого;

7) символические фигуры, с преобладанием геометрии и т.д.

Эмпирических наблюдений много, но все они не сведены в систему. Это делает необходимым и актуальным поиски объединяющего принципа. Впрочем, позволю себе утверждение, что, даже оперируя такими разрозненными сведениями, в сюрреалистическом рисунке мы подобного не найдем. Прежде всего, потому, что при всей своей деформирующей поэтике, сюрреализм не нарушает законов композиции, во-вторых, потому, что шокирующие на первый взгляд символы, которыми оперируют сюрреалисты, имеют под собой уже богатую традицию интерпретации.

Дабы не быть голословной, позволю себе провести небольшой сравнительный анализ нескольких полотен сюрреалистов и серий рисунков больного шизофренией, находящегося на постоянном лечении в ТКПБ.

Ряд карандашных набросков обнаруживает явное преобладание геометрических форм, открытых цветов (с доминантой красного и желтого), смешение живого и неживого, стереотипность линий и образов, симметричность или разорванность композиции. Если попробовать их сравнивать с сюрреалистической живописью (никоим образом не пытаясь соизмерять уровень таланта художников), то становится очевидно, что сюрреалистическая композиция, будь то композиция у Дали или Магритта, или Хуана Миро, или Макса Эрнста, не в пример разнообразнее и сложнее, нежели композиция шизофреника. Там, где у шизофреника «говорит» болезнь, у художника присутствует математически точно выстроенный образ, служащий общей идее произведения. Хрестоматийная «Это не трубка» Магритта при всей «шизойдности»

отношений образа и текста выражает лишь иронию и игру. Действительно, даже натуралистически изображённая трубка – это всего-навсего художественная иллюзия, из которой нельзя курить.

Другая, не менее хрестоматийная картина сюрреализма – «Постоянство памяти» Дали – передаёт сложный и нелинейный характер времени, относительность временного процесса.

Дали и Магритт хороши в качестве примера потому, что, являя собой прямую противоположность друг другу (эксцентричный позёр Дали и задумчивый буржуа Магритт), они имеют каждый свою собственную, но всегда узнаваемую символику и манеру письма. Яйцо, море, олива, муравьи, мягкие часы – постоянные символы мира Дали. Человек в котелке, трубки, яблоки, бубенцы, парящие камни – Магритта. При этом мы не можем, например, сказать, что яйцо как символ начала мира хоть в чем-то противоречит логике здравого смысла.

Таким образом, сюрреалистические вселенные имитируют только форму онеройдной сновидности, содержательно оставаясь в поле искусства, а не болезни. Текст произведения искусства остаётся текстом, посланием, он композиционно завершён. Ассоциативный ряд, порождаемый сюрреалистической живописью, несмотря на все «безумные» декларации, традиционен для европейского искусства и европейской культуры. Искусство всегда сконструировано по законам искусства, болезнь – никогда.

Литература

1. *Сюрреализм* и авангард: Материалы российско-французского коллоквиума. М.: Гитис.1999.

2. *Руднев В.* Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 528 с.

3. *Болдырева А.С.* Рисунки детей дошкольного возраста, больных шизофренией. М.: Медицина, 1974.

4. *Лакан Ж.* Семинары. Книга 3: Психозы. (1955/1956). М.: Гносис/Логос, 2014.

5. *Назвать* вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейского искусства XX века. М.: Прогресс, 1986.

6. *Андреев Л.* Сюрреализм. М.: Гелеос, 2004.

Semenyuk Xenia A. – Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation).

DOI: 10.17223/1998863X/36/21

INSANE REALITY OF SCHIZOPHRENIA AND “ SIMPLE MADNESS” OF SURREALISTS (ON THE ISSUE OF FIGURE INTERPRETATION IN THE ART OF MAD)

Keywords: schizophrenia, surrealism, semiotics

Schizophrenia, which Deleuze and Guattari described as “the disease of century,” according to the WHO still strongly reinforces its position. Since 2000, the number «schizophrenia" diagnoses has increased by 40%. And the disease manifestations polymorphism is one of the main differential diagnostic problems. The lack of schizophrenia nosological unity is closely connected with the old question of the disease "essence". However, attempts to build some kind of a correct recognition and interpretation of this mental disorder type still have not given results. Due to the fact that most doctors consider schizophrenia not as a single disease, and as a group of psychoses, with a similar picture of the flow, the diagnosis F20 (schizophrenia) is made on set of the disease most malignant manifestations. It actualizes search for new diagnostic methods to complement the main ones. Psychiatry and medical psychology widely use for this aim projective tests (one of the most common test is “House. Tree. Man”). If a projective test is aimed at a holistic approach to the assessment individual, the present study focuses on the semiotic forms of disrupted mind. In the patients rehabilitation practice art therapy is widely used, it gives a variety of artistic material for the signs, "language", schizophrenia "discourse"

analysis. The schizophrenic often substitutes one language for another - verbal language for the drawing language. The conceptual basis of this researching is the Timothy Crow (English psychiatrist) hypothesis, that schizophrenia is a language disease. The article identifies correlation between sign (drawing) and symptom (the signified). The surrealism art practices are interpreted in this researching as surrealism declares insanity as an artistic reality. Through using examples of TCPH patient drawings, the insane and the surrealists creativity comparative analysis is made in the article. It is concluded that Surrealism, in contrast to the schizophrenics art, only simulates illness, at the same time compositionally and associativly it remains in the European art field.

References

1. Isayev, S.A., Balashova, T., Chenier-Zhandron, J. & Galtseva, E.D. (eds) (1999) *Syurrealizm i avangard: Materialy rossiysko-frantsuzskogo kollokviuma* [Surrealism and Avant-garde: Proceedings of the Russian-French colloquium]. Moscow: Gitis.1999.

2. Rudnev, V. (2007) *Filosofiya yazyka i semiotika bezumiya: Izbrannye raboty* [Philosophy of Language and Semiotics of Madness: Selected Works]. Moscow: Territoriya budushchego.

3. Boldyreva, A.S. (1974) *Risunki detey doshkol'nogo vozrasta, bol'nykh shizofreniey* [Drawings of preschool children with schizophrenia]. Moscow: Meditsina.

4. Lakan, J. (2014) *Seminary. Kniga 3: Psikhozy. (1955/1956)* [Seminars. Book 3: Psychosis. (1955/1956)]. Translated from French by A. Chernoglazov. Moscow: Gnosis/Logos.

5. Andreyev, L.G. (1986) *Nazvat' veshchi svoimi imenami. Programmnye vystupleniya masterov zapadnoevropeyskogo iskusstva XX veka* [To call a spade a spade. Software performances of masters of Western European art of the twentieth century]. Moscow: Progress.

6. Andreev, L.G. (2004) *Syurrealizm* [Surrealism]. Moscow: Geleos.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1.16
DOI: 10.17223/1998863X/36/22

Г.Г. Антух

ФИЛОСОФИЯ ОЧЕВИДНОСТИ В ЧИСТОЙ ЛОГИКЕ Э. ГУССЕРЛЯ

Работа посвящена формальной критике концепции чистой логики Э. Гуссерля. Предметом анализа выступает идея самообоснования логических принципов. Формулируются тезисы чистой логики и показываются противоречия, скрывающиеся в ее основоположениях. Обсуждаются условия достоверности логико-теоретических положений. Рассматривается принцип очевидности (Evidenz), предложенный Э. Гуссерлем в качестве методологического решения проблемы обоснования законов логики. Выясняется, что в основе принципа очевидности лежит парадоксальное утверждение вероятностности логико-теоретических истин. Делается вывод о неразрешимости проблемы достоверности логико-теоретических принципов в формате тезисов чистой логики.

Ключевые слова: *чистая логика, реальные и идеальные законы, логические истины, достоверность, очевидность.*

На рубеже XIX–XX вв. Э. Гуссерль предпринимает попытку обосновать тезис о принципиальной независимости предмета и метода логики от психологии. В своей критико-аналитической работе «Пролегомены к чистой логике» (1900) он ставит задачу на разрешение проблемы демаркации онтологических и теоретико-познавательных границ между субъективными реально-психологическими предпосылками познания и объективным идеально-логическим содержанием мышления. Центральным выводом Гуссерля становится положение о фундаментальном различии психологии как эмпирической науки о фактах мышления и чистой логики (ЧЛ) как теоретической дисциплины об объективных законах и идеально-сущностных закономерностях, лежащих в основе всякого познания [1].

Согласно идее ЧЛ, логика есть независимая от психологии априорная теоретическая дисциплина, а ее предметом следует считать идеальное единство объективных логико-теоретических истин/положений. Цель логики состоит в исследовании первичных понятий, предельных значений, коренящихся в структуре чистой рациональности априорного познания. Если психология, по Гуссерлю, есть эмпирическая наука, устанавливающая общие, вероятностные положения о фактах психики/мышления, то логика как априорная дисциплина развивает универсальные положения, которые с самоочевидной достоверностью основываются на родовых понятиях. Объем общих понятий ЧЛ есть совокупный объем низших видовых различий, утвержденных в идеальной структуре родовидового многообразия логико-теоретических положений.

В силу аналитико-дедуктивного/априорного происхождения положений ЧЛ их достоверность, согласно Гуссерлю, является очевидной и непреложной. Первостепенная функция логики заключается в том, чтобы быть практи-

ческим руководством к теоретическому познанию и посредствам своих законов осуществлять нормирование познавательной деятельности. Предписывающая функция логики распространяется не только на теоретическое знание отдельных наук, но и на самое себя, т.е. ЧЛ, по Гуссерлю, является самозаконодательной дисциплиной, не требующей дополнительного обоснования. Поясняя данную особенность логики, Гуссерль рассуждает следующим образом.

Во всяком познании и, соответственно, во всякой отдельной науке, утверждает он, необходимо учитывать основополагающее различие между тремя родами связей:

1) связь переживаний в познании, т.е. связь психических и психологических аспектов субъективной стороны познания;

2) связь предметов и вещей, представляющих теоретическое единство конкретной области познания;

3) логическая связь – связь, устанавливающая единство теоретических истин сообразно идеальной структуре объективных логико-теоретических положений.

Все три вида связи de facto представляют собой неразрывную тождественную действительному познанию форму познавательной деятельности. Однако различия, лежащие в основе каждой отдельной связи, указывают на разницу в их происхождении, а, следовательно, и способе обоснования. Гуссерль пишет: «В случае физики, например, мы различаем связь психических переживаний существа мыслящего о физическом от физической природы, познаваемой им, и обе эти связи в свою очередь – от идеальной связи истин в физической теории, например аналитической механики, теоретической оптики и т.п.» [1. С. 158]. Как видно, логическая связь, по Гуссерлю, может и должна быть обособлена от феноменального и предметного содержания познания. Такая дифференциация выглядит справедливой, по крайней мере, когда она касается естественных наук, но как быть в случае с теоретическими дисциплинами?

На данный вопрос Гуссерль отвечает однозначно и утверждает, что логика, являясь теоретической наукой, также подчиняется единству трех родов связей в познании. Разница заключается лишь в том, что исследуемые ЧЛ предметы представляют собой не реальные факты, а идеальные виды. Особенность логики заключается в том, что идеальные закономерности, которые составляют ее теоретическое единство, в качестве частных случаев подчиняются правилам, устанавливаемым ею же. «Логические законы, – пишет Гуссерль, – суть одновременно части и правила этих связей, они принадлежат одновременно теоретическому единству, и к области логической науки» [1. С. 159]. Абсолютная независимость логико-теоретических истин от психологического и предметного содержания познания делает законы ЧЛ и содержащиеся в них нормативные положения универсальными. Данная универсальность, по мнению Гуссерля, дает основания говорить об общеобязательном и аподиктическом характере законов логики.

Резюмируя вышесказанное, имеет смысл представить основоположения ЧЛ в трех тезисах:

(А) онтологический тезис утверждает существование идеальных объектов (значений) и идеально-сущностных закономерностей;

(Б) эпистемологический тезис постулирует возможность познания идеально-сущностных закономерностей, лежащих в основе логико-теоретических положений;

(В) методологический тезис гарантирует достоверность логико-теоретических положений, усматриваемую посредством её очевидности.

Современники Гуссерля критиковали концепцию ЧЛ по ряду позиций [2]. Первым делом следует обратить внимание на то, что в своих рассуждениях Гуссерль стремится обосновать объективный характер логических истин за счет радикального разделения идеальных и реальных законов. Однако такой подход приводит к тому, что области идеально-логического и реально-психологического содержания мышления изолируются друг от друга, вследствие чего возникает конфликт онтологического и эпистемологического тезиса.

Базовое противоречие

По существу, имеется два вопроса: вопрос о бытии истины (А) и вопрос об установлении истины (Б). Вопрос о бытии истины Гуссерль разрешает в пользу объективного идеализма платонического типа, с позиции которого законы логики имеют внесубъективную природу и их существование никак не зависит от познающего субъекта. Для эпистемологического тезиса ЧЛ характерен теоретико-познавательный оптимизм, допускающий возможность познания идеальных законов логики. Тем не менее проблема установления истины есть проблема реального познания истины; реальное познание всегда исходит из единичных субъективно-психологических условий протекания познавательной деятельности. Вследствие этого возникает спорное обстоятельство, где, с одной стороны, существование идеально-логических закономерностей свободно от субъективных условий познания, с другой – процедура установления логико-теоретических положений зависит от этих условий. Таким образом, допуская справедливость тезиса (А), тезис (Б), в силу особенностей декларируемых Гуссерлем положений, выглядит спорным. Либо обратная ситуация: если тезис (Б) считать верным, то доказательство тезиса (А) становится проблематичным. И в том и в другом случае универсальность и непреложность законов ЧЛ ставится под сомнение.

Для устранения противоречия между постулированием идеально-сущностной природы законов ЧЛ и тезисом, предполагающим возможность их объективного познания, Гуссерль предлагает (В) методологическое решение. Он утверждает, что реальные законы отличаются от идеальных тем, что первые доступны познанию через наблюдение над частными случаями, и индукции, приводящей к усмотрению общих положений, вторые – за счет их бессомненной очевидности (Evidenz). Многие критики ЧЛ, в числе которых был П. Наторп, считали, что отсылка к самоочевидности логических принципов также ставит логику в зависимое положение от реально-психологических условий познания [3]. Они размышляли примерно так: если сознание достоверности той или иной истины возникает при известных условиях, называемых очевидностью, а очевидность есть не что иное, как психологический эквивалент убежденности в истинности некоторого положения вещей,

то, само собой разумеется, гарантировать всеобщей достоверности этой истины нельзя. В таком случае законы логики также не могут считаться универсальными.

Впрочем, Гуссерль не отрицает, что понятие очевидности до известной степени имеет психологический объем (§ 50, «Пролегомены к чистой логике»). В то же время он настаивает на том, что логическая очевидность должна рассматриваться не как психологическое условие возникновения некоторой убежденности, а как коренящаяся в структуре логико-теоретических принципов возможность установления отношения межу очевидностью и формой суждения. Согласно данной точке зрения, положения очевидности законов ЧЛ являются обращенными в логико-методологический регулятив теоретическими истинами, которые, в свою очередь, не высказывают ничего о психологических аспектах очевидности и реальных условиях ее возникновения. Например, логико-теоретическое положение закона транзитивности гласит:

Если все А суть В, а все В суть С, то все А суть С.

Далее Гуссерль предлагает осуществить преобразование логико-теоретического положения в логико-методологический регулятив, относительно которого можно говорить о логической очевидности следующим образом:

Очевидность известной истины «все А суть С» имеет возможность быть справедливой для умозаключения с предпосылками форм «все А суть В» и «все В суть С».

Из примера видно, что положение очевидности не является предписанием, утверждающим законосообразность логико-теоретического положения со способом его реализации в действительной практике мышления, но лишь устанавливает ее возможность. По этому поводу Гуссерль пишет: «Чисто логические законы суть истины, вытекающие из самого понятия истины и родственных ему по существу понятий. В применении же к возможным актам суждения они, основываясь на одной только форме суждения, высказывают идеальные условия возможности или невозможности его очевидности» [1. С. 165]. В данном случае имеется в виду, что очевидность как идеальная возможность некоторого положения быть истинным всегда существует, и этого, по мнению Гуссерля, достаточно для решения вопроса о предельных основаниях логического правилоприменения.

Нетрудно заметить, что такой способ рассмотрения проблемы скрывает в себе некоторую двусмысленность, которая заключается:

– во-первых, в попытке обосновать реальную очевидность логических принципов посредством идеальных оснований,

– во-вторых, в сведении предельных оснований логического правилоприменения к вероятностным значениям очевидности теоретических положений.

Для пояснения первого замечания возьмем теоретическое положение закона непротиворечия, в котором утверждается: *из двух контрадикторных суждений только одно является истинным.* Получим из него положение очевидности следующей формы: *очевидностью может отличаться только одно из двух контрадикторных суждений.* Если обратить внимание на полученное в результате преобразования теоретического принципа положение очевидности, то можно заметить, что данный принцип не высказывает ничего

сверх того, что содержит в себе исходное теоретическое положение. Становится понятно, что форма логико-методологического регулятива, которую предлагает Гуссерль, аксиоматична, она не вскрывает механизм установления очевидности, она лишь закрепляет за очевидностью идеальную возможность некоторого логико-теоретического положения быть истинным. Возникает резонный вопрос, каким образом тавтология очевидности может гарантировать достоверность логико-теоретических истин?

Прежде чем обратиться ко второму замечанию, стоит уточнить, что переживание очевидности, согласно Гуссерлю, есть реальная процедура познания, идеальна лишь возможность ее возникновения и/или существования (§ 51, «Пролегомены к чистой логике»). Поэтому, для того чтобы из идеальной возможности теоретической истины быть очевидной получить принцип, имеющий природу реального предписания, необходимо учитывать фактор вероятности. В данном случае рассуждение строится таким образом: если существует некоторое истинное положение «А», то необходимо существует возможность, чтобы кто-нибудь судил с очевидностью, что «А есть». По аналогии с принципами математики это выглядело бы так: существует положение a + b = b + a, и существует вероятность того, что кто-либо будет с очевидностью считать 3 + 4 = 4 + 3. Тогда логико-методологический регулятив/положение principium contradictionis в завершенном виде могло бы выглядеть так: *существует вероятность, что из двух контрадикторных суждений одно будет отличаться очевидностью*. На первый взгляд все верно, но если согласиться с тем, что достоверность логико-теоретических положений основывается на их очевидности, а очевидность есть вероятностный коррелят истины, то получается, что законы ЧЛ вероятностны и не могут считаться абсолютно истинными.

Однако этот момент Гуссерль оставляет непроясненным, ссылаясь на то, что реально-психологический контекст очевидности не имеет никакого значения для утверждения положений ЧЛ, имеет значение лишь то, что очевидность в *идеале* всегда наличествует и что задача прояснения условий возникновения очевидности и процедур ее реализации является проблемой психологии и методологии. С учетом разъясненных противоречий может быть поставлено два вопроса: 1) что является первичным условием достоверности логико-теоретических положений и 2) каким образом, при наличии такового, соотносятся идеально-логическое и реально-психологическое содержания мышления?

По нашему мнению, способ, при помощи которого Гуссерль стремился обойти проблему конфликта онтологического и эпистемологического тезисов ЧЛ, в силу ряда обстоятельств, является парадоксальным.

Суть проблемы

Гуссерль утверждает, что законы логики стоит рассматривать не иначе как единство объективных и достоверных истин. Их достоверность, настаивает он, подтверждается за счет их очевидности. Из этого мы можем сделать вывод, что всякой достоверности в процессе действительного познания логических истин предшествует очевидность. Во всяком случае, говоря о возможности реального познания законов логики, мы должны полагать, что акт

усмотрения достоверности некоторой теоретической истины – это, прежде всегореальная процедура, т.е. акт познания. Иначе, законы логики должны были бы быть приняты на веру – в качестве аксиом, а это как раз то, что критиковал Гуссерль.

Как было показано выше, очевидность всегда существует как идеальная возможность некоторого положения быть истинным, т.е. если есть некоторое «А», то есть вероятность, что «А истинно». Однако прежде всякой достоверности в действительном познании существует вероятность, что «А есть». До тех же пор, пока не установлено, что «А есть», нет никаких причин говорить о том, что «А истинно». Положим, любое потенциально истинное положение/высказывание является неистинным (т.е. ни истинным, ни ложным) до тех пор, пока его истинность не будет установлена. Также согласимся с тем, что истинность неистинных положений должна устанавливаться из правилоприменения истинных положений к неистинным. Однако если установление истинности всякого рода положений должно проистекать из правилоприменения истинных положений к неистинным, то что следует принимать за истинные положения в случае, если истинные положения требуют удостоверения и являются неистинными? Если истинные положения являются неистинными до тех пор, пока их истинность не установлена, то возможность установления истинности неистинных положений отсутствует. В отношении положений ЧЛ, законы которой являются наиболее общими принципами мышления, процедура установления истинности не представляется возможной. В противном случае возникает ситуация, в которой установление истинности положений ЧЛ есть процедура установления истинности неистинных положений.

Мнимость отсылки к самоочевидности

Ясно, что суть противоречия, скрывающегося в основоположениях логики Гуссерля, состоит в отсутствии предельных значений достоверности логико-теоретических истин. Отсылка же к очевидности положений ЧЛ не снимает данную проблему. Выше уже говорилось, что форма положений очевидности, на которой настаивает Гуссерль, не содержит в себе условий достоверности законов ЧЛ. Напомним, что очевидность рассматривается им не как условие, при котором логико-теоретическое положение должно считать достоверным, а как факт логического следования из области логико-теоретических истин к положениям очевидности. В таком случае очевидность не гарантирует никакой достоверности, но, по сути, является вероятностным коррелятом понятия истины. Возьмем область чисто логических идеальных понятий/суждений – *A* и область логико-методологических положений/суждений очевидности – *B*. Гуссерль утверждает, что следствия из *B* гарантируют достоверность *A*, где *B* есть следствие из *A*. Разумеется, что если область понятий *A* требует обоснования из области понятий *B*, а область понятий *B* принадлежит области понятий *A*, то область понятий *A* не выходит из собственных границ. Согласно этому, доказательства неопровержимости логико-теоретических положений должны проистекать из идеальной структуры чисто логических истин, что делает невозможным реальное познание/обоснования законов ЧЛ и возвращает нас к сути проблемы.

Далее, если все же согласиться с тем, что логическая очевидность есть методологический коррелят истинности логико-теоретических положений, то возникает другая трудность, связанная с предикативной ориентацией понятия очевидности. На примере комбинированного принципа противоречия и tertium non datur мы имеем следующее положение: *из двух контрадикторных суждений одно с необходимостью является истинным, другое – ложным*. Получаем из него логико-методологический регулятив формы: *очевидностью может отличаться одно из двух контрадикторных суждений, где противоречащее ему суждение может не отличаться очевидностью*. Ясно, что такой методологический принцип вряд ли можно считать хоть сколько-нибудь удовлетворительным. По Гуссерлю, очевидность известной истины проистекает из возможности данной истины быть очевидной. Поясняя понятие очевидности, он ссылается на достоверность логической вероятности, где из двух контрадикторных суждений очевидностью, приравненной к значению истинностности, отличается только одно суждение. Возьмем два контрадикторных суждения: «Кентавры существуют» и «Кентавры не существуют». Согласно Гуссерлю, одно из этих суждений может отличаться очевидностью. Допустим, суждение «Кентавры не существуют» отличается очевидностью. Значит, суждение «Кентавры существуют» не отличается очевидностью и, по сути, является неочевидным. Однако неочевидность суждения не означает его ложность, а означает то, что данное суждение требует прояснения, т.е. является неистинным. Неочевидность суждения «Кентавры существуют» можно усмотреть только в антитезе с контрадикторным суждением, из этого следует, что неочевидное суждение «Кентавры существуют» возвращает нас к противопоставлению суждений: «Кентавры существуют» и «Кентавры не существуют». Далее, из двух контрадикторных суждений одно необходимо должно быть неочевидным, и вышеизложенный ход рассуждения повторится снова, и так до бесконечности. Это дает право говорить о том, что очевидность как вероятностный коррелят истинности становится причиной для бесконечного регресса от неочевидных положений к очевидным. Избежать этого можно только при условии, что понятие очевидности будет выведено из области логико-теоретических оснований.

Таким образом, наше исследование показало, что философия очевидности в чистой логике Э. Гуссреля скрывает в себе ряд противоречий, которые не могут быть разрешены чисто логическим путем. Поиск способов решения данной проблемы может стать предметом будущих исследований.

Литература

1. *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. I: Пролегомены к чистой логике / пер. с нем. Э. А. Бернштейна; под ред. С.Л. Франка. Новая редакция Р.А. Громова. М.: Академический проект, 2011.

2. *Kusch M.* Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge. London; New York: Routledge, 1995.

3. *Моханти Дж.Н.* Понятие «психологизм» у Гуссерля и Фреге // Логос. № 6 (63), 2007. С. 128–147.

4. *Антух Г.Г.* К вопросу о психологизме: проблема логического правилоприменения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 151–158.

5. *Hanna R.* Husserl's Arguments against Logical Psychologism (Prolegomena, §§17–61), in V. Mayer (ed.), Logische Untersuchungen. Berlin: Akademie Verlag, 2008. P. 27–42.

Antukh Gennady G. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federarion).
DOI: 10.17223/1998863X/36/22

PHILOSOPHY OF EVIDENCE IN E. HUSSERL'S PURE LOGIC

Keywords: pure logic, real and ideal laws, logical truths, principle of evidence

The paper is dedicated to formal criticism of pure logic concept by E. Husserl. The subject of the analysis is the idea of self-justification logical principles. A thesis of pure logic is formulated and contradiction that hiding in its foundation is shown. Conditions of reliability of logical and theoretical positions are discussed. Principle of evidence (Evidenz) proposed by E. Husserl as a methodological solution to the problem of justification of logic laws is considered. It turns out that in the foundation of the principle of evidence exist paradoxical statement of probabilistic logic and theoretical truth. It was concluded that problem of reliability logic and theoretical principles in format of pure logic is impossible.

References

1. Husserl, E. (2011) *Logicheskie Issledovaniya. T. I: Prolegomeny k chistoy logike* [Logic Research. T. I: Prolegomena to pure logic]. Translated from German by E.A. Bernstein. Moscow: Akademicheskiy proekt.

2. Kusch, M. (1995) *Psychologism. A Case Study in the Sociology of Philosophical Knowledge*. London; New York: Routledge.

3. Mohanty, J.N. (2007) Ponyatie "psikhologizm" u Gusserlya i Frege [The concept of "psychology" in Husserl and Frege]. *Logos*. 6(63). pp. 128–147.

4. Antukh, G.G. (2015) To the question on psychologism: Problem of logical rule implementation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(32). pp. 151–158. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/32/17

5. Hanna, R. (2008) Husserl's Arguments against Logical Psychologism (Prolegomena, §§17–61). In: Mayer, V. (ed.) *Logische Untersuchungen* [Logical Researches]. Berlin: Akademie Verlag. pp. 27–42.

УДК 1 (091)
DOI: 10.17223/1998863X/36/23

М.Н. Вольф, А.В. Косарев

НЕОСОФИСТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА В СВЕТЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Явление (движение) риторического поворота сопряжено с новым пониманием классической риторики, которое возникает во второй половине XX в. – неософистической риторикой. Термин в силу своей неоднозначности труден для понимания и порождает споры и дискуссии среди представителей разных философских направлений. Эта ситуация проиллюстрирована на примере дискуссии о термине «Третья софистика» между В. Витанза и А. Кирога. Фактически эта дискуссия демонстрирует разницу в подходах к историко-философской методологии: разницу между контекстуалистским и апроприационистским подходами. Подробно разбираются основные принципы, характерные для каждого из этих подходов, обосновывается, что наиболее приемлемой методологией для корректного историко-философского анализа неософистической риторики и связанного с нею риторического поворота является апроприационистский подход.
Ключевые слова: *неософистическая риторика, методология истории философии, третья софистика, софистика, риторика, апроприационизм, контекстуализм.*

Возрождение интереса к риторике стало особенно заметным в последние несколько десятилетий. Этот интерес выходит далеко за пределы самого риторического знания и наблюдается сегодня практически в любой области, будь то академическая наука, общественная или политическая сфера. Для обозначения этого явления все чаще используется термин «риторический поворот» (риторический поворот в науке, в политике, в философии), и в самом общем виде он подразумевает появление новых (обновленных) форм научного исследования и, шире, дискурса, противопоставляющих себя объективизму[1].

Сколь бы различными ни были попытки осмыслить и дать границы этому явлению, большинство из них исходит из того, что риторика, о которой идет речь, переступает границы дисциплинарной матрицы классической риторики, и этот момент фиксируется терминологически – речь начинает идти о новой, или неософистической, риторике. Видно, что в данной терминологии прослеживается, с одной стороны, связь с софистами или софистикой, причем подразумевается некий специфический, характерный именно и только для софистов способ получения знания или ведения коммуникации, а с другой стороны, сохраняется связь с теми нормами и принципами, которые были характерны для классической риторики как искусства эффективной, убеждающей речи. В силу некоторой размытости понятия «неориторика» (или неософистическая риторика) и использования его в контексте различных дисциплинарных подходов нередко возникают затруднения с пониманием

[1] Этот феномен обсуждается в частности в [1]. Термин был введен Ричардом Рорти в 1984 году (Iowa Symposium on The Rhetoric of the Human Science) и обозначал один из трех, заключительный на сегодняшний день, видов движения по переосмыслению принципов исследования в науке (первые два – лингвистический поворот и интерпретативный поворот) [1. P. vii].

того, что же именно стоит за этим общим термином, более того, возражения относительно его употребления звучат не от сторонников коммуникативной теории, современной риторики, политологов и др. – главные претензии озвучиваются историками античной философии.

Приведем один частный пример[1]. В. Витанза предлагает характеризовать современное состояние философии и гуманитарной сферы вообще как «Третью софистику» [3, 4, 5]. Под первой софистикой обычно подразумевают движение софистов в Греции в V в. до н.э., под второй – римскую софистику II и III вв. н. э. Терминология была введена Филостратом, и он подчеркивал, что если первая софистика ориентирована на философские вопросы, то вторая – уже на систематизацию и описание человеческих типов, и тяготеет к литературе [6. С. 191][2]. В любом случае, термин «Третья софистика» в данном контексте подразумевает отсылку к Античности, что порождает определенные разногласия, но их суть становится очевидной, только если понимать, что оппоненты Витанза придерживаются строгого хронологического подхода к античной истории философии. Впервые, как мы сказали, термин был использован В. Витанза в ряде своих работ. Позже, после статьи Laurent Perot (1993), к этому термину обратились историки Античности [7, 8]. Они начинают понимать под «Третьей софистикой» период развития греческой имперской и христианской по преимуществу литературы и теологии IV в. н. э., когда риторика фактически обеспечивает взаимодействие культурной элиты Римской империи и набирающего вес христианства и вследствие этого понимается широко, включая в себя различные типы речей и литературных жанров. При этом, если в начале 2000-х годов на основании анализа стиля и содержания соответствующих раннехристианских текстов исследователи предпочитали говорить о «Софистике 2.1» или «Второй софистике бис» [7. P. 41], то с выходом [9] можно считать, что термин «Третья софистика» закрепился в антиковедении. При этом А. Кирога [7], занимая резко критическую позицию по отношению к концепции Витанза, отмечает, что, хотя Витанза претендует на использование хронологического критерия, его термин должен быть понят как «ахронологический софизм» и не гарантирует аккуратности и корректности самой теории [7. P. 31–42].

Дело в том, что В. Витанза относит период «Третьей софистики» к XIX–XX вв. и подчеркивает, что для него важна не последовательность софистик (*первая*, *вторая*, *третья*), аккуратно выдержанная в хронологическом ключе. Он придерживается диахронного подхода, ставя акценты на стиль и содержание, и относит к Третьей софистике таких далеко отстоящих друг от друга во времени авторов, как Горгий (которого он не слишком изящно называет «прото-Третье-софистическим ритором»), Ницше, Деррида, Лиотар, Фуко и

[1] Дискуссий в отношении правомерности использования термина «(нео-)софистическая риторика» и его значении довольно много. Одну из них, сугубо историко-философскую (между Э. Скьяппой и Дж. Пулакосом), мы подробно обсуждали в [2. С. 233–236]. Та дискуссия, которую мы намерены рассмотреть далее, интересна тем, что она выходит за рамки историко-философского дискурса и несколько провокационна ввиду занимаемой одним из ее участников, В. Витанза, позицией.

[2] Сама Б. Кассен, обсуждая речь Элия Аристида «Против Платона» , также использует термин «Третья софистика», но не в хронологическом аспекте его значения, а в том, которое означает некую иную риторику, отличную от риторики софистов и риторики философов, объективную и не зависящую от способов ее приложения, т. е. ни добродетельную, ни порочную и т.п. [6. С. 166–172].

др. [5. P. 248, 257]. Критерием для выделения «Третьей софистики» и закрепления за ней особой роли становится принципиально новое понимание риторики, которая должна заменить собой традиционную философию, не претендуя при этом на то, чтобы быть основополагающим, фундаментальным знанием [3. P. 41–42]. Понятая таким образом риторика оказывается, во-первых, «недисциплинарным», т.е. не систематическим знанием, которое нельзя отождествить с каким-либо учением, например платонизмом или аристотелизмом. Будучи вынесенной за скобки каких-либо учений или имен, такая риторика должна быть названа «постфилософской», поскольку, в отличие от философской риторики, не претендует на какое-либо «герменевтическое понимание», урегулирование интерпретативных различий, а, напротив, она устанавливает, обозначает и эксплуатирует эти различия. Во-вторых, она оказывается «метадисциплиной», поскольку не может использовать ни методы каких-либо дисциплин (сама являясь в некотором роде методом, инструментом написания любой из них), ни их содержание, поскольку в конечном итоге оно определяется способом его подачи [3. P. 41–43][1].

Итак, очевидно, что Витанза, помещая риторику в контекст «Третьей софистики», претендует на то, чтобы отказаться от понимания риторики в ее прежнем значении философской, или софистической, риторики, но вместе с тем ее содержание определяют те же самые персонажи, которые традиционно отождествлялись с континентальным крылом философии или (нео)софистической риторики.

Этот пример наглядно иллюстрирует те расхождения в способах оценки и реконструкции определенных философских идей, которые существуют сегодня в историко-философском знании. Подходы, которые реализуются в современных дискурсах, зачастую не находят поддержки и понимания у сторонников классических методов, ориентированных на работу с текстовыми свидетельствами. Чтобы понять, насколько конструктивен предложенный выше подход понимания «новой софистики» и действительно ли он обнаруживает новые возможности не только для риторики, но и для всей гуманитарной сферы, возводя ее до уровня универсальной и не зависящей от обстоятельств коммуникативной практики, лишенной универсальных эпистемических оснований, или это только «ахронологический софизм», необходимо уточнить содержание самого термина неософистической риторики и зафиксировать контексты, в которых он используется.

Если решать этот вопрос с позиций историко-философского анализа тех философских процессов, которые потребовали переоценки софистической

---

[1] Надо сказать, что сам Витанза все-таки несколько ангажирован в своей концепции, поскольку смотрит на риторику не под максимально независимым (мета-) углом зрения, а свое новое прочтение предлагает, исходя из определенной дисциплинарной области (которую, в свою очередь, определяет как синонимичную своему определению риторики) – с позиций курсов академического письма или композиции (распространенных в американских университетах, но с трудно подбираемыми аналогами в российской академической действительности). В каком-то смысле это может налагать отпечаток на заявление непредвзятости его позиции.

Кроме того, выводы и методы Витанза получили много нареканий не только в способах решения частных вопросов, но и в отношении его главной задачи. В своих работах Витанза претендует на написание истории риторики, но от истории в них мало, во всяком случае, эта история выглядит крайне постмодернистской [10]. Эти моменты также могут играть пейоративную роль в восприятии выводов Витанза.

риторики, спровоцировали в целом усиление интереса к этой сфере, с целью их проблематизации, установления границ и генезиса этих процессов, необходимо определиться с позициями, с которых будет осуществляться такая историко-философская рефлексия. Иными словами, речь должна идти в первую очередь о выборе методологии.

Зачастую (особенно отчетливо это видно в квалификационных работах) выбор методологии историко-философского исследования представляется в некотором роде бессмысленной задачей, поскольку конечная работа все равно нередко сводится к «вглядыванию» в текст, а оформление методологического раздела превращается в неприятную рутину, поскольку иначе, как «реконструкция и интерпретация», охарактеризовать свою работу с историко-философским материалом авторы не в состоянии даже тогда, когда их интерес выходит за рамки текста и требует обращения к более широкому контексту. В нашем случае именно методологические дискуссии относительно конечных целей и задач истории философии в состоянии пролить свет как на выбор наиболее адекватной поставленным задачам методологии, так и объяснить существующие разногласия относительно термина.

На сегодняшний день в истории философии оформились два противостоящих друг другу подхода. Один – «антикварный» контекстуализм, или «просто история», не интересующаяся целями современной философии, но продолжающая держаться принципов историцизма. Для него принципиально важно, что историко-философская работа идет с некоторым текстом из прошлого, для понимания которого достаточно разместить его в тот контекст, в котором он был написан. Любая попытка выйти за рамки самого текста или оговоренного контекста ведет, по мнению сторонников этого подхода, к аисторическим, надуманным и ложным интерпретациям. Другой – апроприационизм, «присваивающий» подход, полагающий, что история философии гарантирует источник идей и аргументов для современной философии. Это оставляет мало от самой истории философии, которая работает с прошлым философских идей, сближая ее с собственно философией. Апроприационисты зачастую не заинтересованы в полной и достоверной картине прошлого, в адекватном понимании доктрин. Им важно только, каким образом эти доктрины могут помочь в разрешении или как минимум в оформлении (или даже служить обрамлением) современных философских проблем. Доктрины и методы переносятся в современность в таком виде, что зачастую полностью утрачивают собственный контекст и содержание, в лучшем случае сохраняя только некоторые из когда-то присущих им черт [11. P. 1–4; 12. P. 116–119]. Сторонники этих двух подходов нередко резко критически настроены друг к другу. Контекстуалисты с пренебрежением относятся к апроприационистам, приписывая им отбрасывание исторической правды. Апроприационисты считают историю ради самой истории, вне приложения ее к более широким задачам, бессмысленной, антикварной. Существенные отличия одного подхода от другого заключаются в том, что контекстуалисты во многом наследуют методам классической филологии, стараясь не отходить от буквы текста и языка, на котором этот текст написан. Апроприационисты полагают, что невозможно написать историю философии, не погружая ее в контекст современных проблем, иначе невозможно отличить вечные философские проблемы от частных сиюминутных задач. Иными словами, даже если мы придерживаемся требо-

ваний исторический правды, нужно помнить, что у истории философии иные задачи, чем у истории: она не может не выходить за рамки установленного определенным текстом языкового, исторического или понятийного контекста, иначе сами понятия и идеи останутся невнятными. Поскольку философия прежде всего предполагает работу не с фактами (еще один значительный вопрос, о котором спорит историко-философская методология – что считать философским фактом), а с аргументацией, которую используют философы для обоснования собственной позиции, понять такой аргумент, оценить его силу и состоятельность вне наших собственных принципов и парадигм мышления и не противопоставляя его современным способам построения аргументации, невозможно.

С точки зрения контекстуалистской истории философии термин «софистическая риторика» оказывается оксюмороном. Во-первых, говорят ее сторонники, софисты не создавали никакой риторики. Риторика как дисциплина оформилась вряд ли раньше эры Платона и Аристотеля. Во всяком случае, существует некоторый консенсус, опирающийся на диалог «Горгий» и признающий, что именно Платон «отчеканил риторику (как монету)» [13. P. 16, n. 3]. Во-вторых, даже если условно допустить, что именно софисты заложили определенные основания риторики, такая софистическая риторика ничем принципиально не отличается от риторики платоновской или аристотелевской, поскольку не является каким-либо особым философским методом исследования реальности, но служит только оформлению речи определенным образом.

Технологии, характеризующие именно софистическую риторику, как правило, подразумевают использование и развитие техник, введенных Горгием, реже – Антифонтом или Протагором[1]. Но наши источники об этих фигурах невероятно скудны, а истолкования их доктрин нередко целиком и полностью зависимы от той оптики, через которую смотрит на эти доктрины интерпретатор. Э. Скьяппа приводит пример: на протяжении XX в. в Протагоре видели позитивиста, прагматиста, феноменолога, эмпирициста, утилитариста, субъективного и объективного релятивиста, и, комментируя эту ситуацию, он пишет: «Если мы будем исследовать историю в соответствии с нашими вкусами, мы не увидим повсюду ничего, кроме себя самих» [14. P. 196]. Таким образом, вердикт контекстуалистов для софистической риторики таков: используя этот термин, мы имеем дело с отсутствующим объектом, что сразу превращает любые наши выводы в ложные и необъективные. Кроме того, если не существовало софистической риторики, невозможно говорить о каком-либо *новом* ее варианте, иными словами, неософистическая риторика – такой же оксюморон.

---

[1] Нередко под софистической техникой подразумевают те приемы, против которых выступал Аристотель в «Софистических опровержениях», но такой подход скорее свойствен апроприационистской истории философии. То, что часто называется «софистическими ухищрениями», «софизмами», развивалось и возникло существенно позже исторических софистов, и характерно скорее для современников Аристотеля. В частности, знаменитые софизмы «Рогатый», «Куча» и др. принадлежат представителю одной из сократических школ – мегарской – Евбулиду. Знаменитый софизм «Протагор и Еватл», который часто приписывают Протагору или используют как иллюстрацию рассуждений Протагора, не имеет к историческому софисту никакого отношения и приводится в своем сочинении Авлом Геллием (II в. н.э.). В данном случае речь должна идти скорее о многозначности античного понятия «софист». Как замечает Э. Скьяппа, термин «софист» размыт: в зависимости от того, кого мы называем софистами, тому мы и приписываем софистическую риторику [13. P. 8].

Что касается апроприационистов, то для них это – спор о словах, но не о содержании. Их девизом могли бы стать слова Б. Кассен: «Как научили бы нас при необходимости Горгий и Антифонт, недостаток свидетельств не означает, что событие не имело места» [6. С. 162]. Для этого направления важны не тексты в контексте их написания, а те интерпретации и содержание, которые они получают, будучи размещенными в совершенно ином, отличном от исторического, контексте. Можно обозначить два типа апроприационизма: сильный и слабый. Для сильного, или абсолютного, направления вопрос исторической правды в принципе не интересен. Они используют готовые, устоявшиеся интерпретации, либо занимаясь их истолкованием, либо используя в каком-либо ином, не историко-философском ключе (в рамках истории логики, онтологических изысканий и проч.). Слабое направление предлагает различные интерпретации, исходя из текущего состояния философской науки и ее ключевых интересов, собственного видения интерпретатора и прочих подобных факторов, получая те результаты, о которых говорил Э. Скьяппа – искомый автор становится нашим собеседником, органично вписывается практически в любое направление современной философии, но теряет свою оригинальность и автономность[1].

В любом случае такие подходы рисуют картину прошлого, которая выходит за рамки стандартного видения, зафиксированного в античных источниках или свидетельствах (в частности, у Платона или Аристотеля), и тем самым вызывает нарекания со стороны контекстуалистов. Тем не менее многие современные интерпретации Горгия и софистики в целом именуют реабилитирующими, поскольку, вопреки стандартному платоновскому пониманию Горгия, он оказывается не просто великолепным мастером стиля, но и серьезным философом, с чем не согласились бы, исходя из того, что мы читаем в сохранившихся текстах, ни Платон, ни Аристотель. Термин «философская, или софистическая риторика» изнутри такого подхода не вызывает нареканий. Но если мы допускаем существование некоторого собственно софистического метода конструирования реальности в интерпретациях, которые возникают исключительно во второй половине XX в., то правомерно встает вопрос, а не ангажировано ли появление таких интерпретаций самим ритори-

[1] Как изменяются интерпретации, например, учения Горгия в зависимости от понимания роли его стиля и какие дискуссии идут вокруг этой темы, мы писали в [15. С. 276–278], где обсуждали направления, в которых идут интерпретации софистических доктрин, прежде всего Горгия. Риторический стиль Горгия принимается в качестве его онтологии. Речь не описывает прошлое, не рисует будущее, она совпадает со временем, в каком-то смысле речь и есть время. Речь создает свой предмет в момент произнесения [6. С. 10]. Иными словами, не предсуществующая онтология с присущим ей терминологическим аппаратом создает картину мира, а картина мира создается в момент произнесения речи, реальность определяется коммуникативной ситуацией, и создает эту реальность ритор, номадически мигрируя от одной коммуникативной ситуации к другой. Начало такой интерпретации положил С. Консиньи в споре с другими реабилитирующими подходами, и она не была бы возможной без предварительных рассуждений Р. Рорти о противопоставлении фундаменталистской эпистемологии и герменевтики, которое задает иное понимание рациональности, предполагающее отказ от фундаментализма. Аналогичная модель может быть выведена из пост-структуралистских или хайдеггерианских рассуждений. В частности, к схожему видению ситуации приходит Б. Кассен, интерпретируя софистическую онтологию как логологию [6]. Таким образом, отметим, данная интерпретация базируется на постпрагматических и постструктуралистских положениях и едва ли выводима на основании самих только сохранившихся речей Горгия. Но при этом важно сместить акценты не на историческую правду таких интерпретаций, а на то, что история философии в таком ее приложении сама оказывается новой поисковой формой современного философского дискурса или в состоянии инициировать такие формы через проблематизацию античных софистических доктрин.

ческим поворотом? В любом случае, даже если принять во внимание пренебрежение контекстуалистов в отношении присваивающего подхода и отбросить его, это означало бы отбросить аналитический и оценочный подход к реконструкции философских идей[1], а вместе с ними и возможность соотнесения идей, понятий и аргументов прошлого и настоящего.

Таким образом, можно зафиксировать и уточнить задачу, которая стоит перед историей философии: описать и объяснить генезис такого явления, как «риторический поворот», можно с учетом того, что современный дискурс не только признает существование софистической риторики, вопреки возражениям контекстуалистской истории философии Античности, но и формирует само это представление о софистической риторике, настаивая на сознательной переоценке платоновского и аристотелевского видения софистики. Делая поправку на возражения контекстуалистской истории философии, можно сказать, что задача истории философии в отношении этого вопроса должна быть переориентирована. Отказ от термина «софистическая риторика» и объявление его оксюмороном приведут к отказу замечать и понимать существенный пласт современных проблем философии и мировоззрения в целом, и по сути запрещают иные модели философствования и понимания мира, помимо тех, что были приняты в классических образцах. Однако и популярность термина «софистическая риторика», и переоценка софистики как философского явления как раз требуют от истории философии осмысления и анализа, почему и каким образом эта переоценка инициирует генезис риторического поворота. Причем важно не то, что́ переоценивается: отказ от платоновских подходов к софистам на протяжении всего XX в. очевиден и давно превратился в философскую рутину; важно понимание кардинального изменения ситуации. Те техники, способы рассуждения и соответствующие им доктрины, которые критикуются Платоном и Аристотелем, как неприемлемые для их времени, в современных реалиях оказывается полезными, даже необходимыми, но осмысливаются и утилизируются в каждом дискурсе своим особым способом. Включение определенным образом понятой изнутри апроприационистских моделей софистической риторики в новый, современный контекст и осмысление способов ее функционирования в нем порождают ту или иную форму неософистической риторики. Имеются два направления в философии XX в., которые либо сознательно нацелены, либо в какой-то мере исходят из переоценки классического видения софистики, а потому, на наш взгляд, напрямую ответственны за возникновение, становление и развитие неософистической риторики и риторического поворота, а потому историко-философский анализ именно этих направлений представляется нам необходимым для продуктивного понимания такого явления, как риторический поворот. Это неориторика (Ch. Perelman, S. Toulmin) и прагматизм (в частности, C.S. Peirce, J. Dewey и незаслуженно забытый F. C. S. Schiller), а также возрож-

[1] Слово «аналитический» мы используем в более широком значении, чем «подход, свойственный для аналитической философии». Речь идет не столько о приверженности методологии точных или естественных наук (как приверженности сциентизму), сколько о предпочтении аргументативной строгости, пусть даже в ущерб доктринальной точности.

денная версия прагматизма и неопрагматизм (R. Rorty, R. Bernstein, J. Margolis)[1], так или иначе выходящие на обсуждение коммуникативной проблематики.

Литература

1. *The Rhetorical* Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry / ed. by H.W. Simons. University of Chicago Press, 1990. 388 p.

2. *Вольф М.Н.* «Дедалы речей». Софистика в современных исследованиях // ΣΧΟΛΗ. Философское атиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 217–243.

3. *Vitanza V.J.* Critical Sub/Versions of the History of Philosophical Rhetoric // Rhetoric Review. 1987. Vol. 6, № 1. P. 41–66.

4. *Vitanza V.* «Some More» Notes, Toward a «Third» Sophistic // Argumentation. 1991. № 5. P. 117–139.

5. *Vitanza V.J.* Negation, Subjectivity, and the History of Rhetoric. State University of New York Press, 1997.

6. *Кассен Б.* Эффект софистики / пер. с фр. А. Россиуса. М.; СПб. : Московский философский фонд; Университетская книга, 2000. 238 с.

7. *Quiroga A.* From Sophistopolis to Episcopolis. The Case for a Third Sophistic // Journal for Late Antique Religion and Culture. 2007. № 1. P. 31–42.

8. *Fowler R.C., Quiroga Puertas A.J.* A Prolegomena to the Third Sophistic // Plato in the Third Sophistic / ed. by Ryan C. Fowler. De Gruyter, 2014. P. 1–30. viii. 309 p.

9. *Plato* in the Third Sophistic / ed. by Ryan C. Fowler. De Gruyter, 2014. viii. 309 p.

10. *Scott R.L.* Non-discipline as a remedy for rhetoric? A reply to Victor Vitanza // Rhetoric Review. 1988. Vol. 6, №. 2. P. 233–237.

11. *Philosophy* and Its History. Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy / ed. by M. Laerke, J. E.H. Smith, and E. Schliesser. Oxford, 2013. 362 p.

12. *McComiskey B.* Gorgias and the New Sophistic Rhetoric. Carbondale: Southern Illinois University Press, 2002. xiii + 156 p.

13. *Schiappa E.* Sophistic Rhetoric: Oasis or Mirage? // Rhetoric Review. 1991. Vol. 10, №. 1. P. 5–18.

14. *Schiappa E.* Neo-Sophistic Rhetorical Criticism or the Historical Reconstruction of Sophistic Doctrines? // Philosophy & Rhetoric. 1990. Vol. 23, №. 3. P. 192–217.

15. *Вольф М.Н.* Горгий Леонтийский и античная модель дескриптивной эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 269–280.

16. *Mailloux S.* Sophistry and rhetorical pragmatism // Rhetoric, sophistry, pragmatism / ed. by Steven Mailloux. Cambridge University Press, 1995. P. 1–32.

17. *Вольф М.Н.* Софистика. Горгий Леонтийский: Трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. 249 с.

Volf Marina N. – Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/23

Kosarev Andrey V. – Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/23

---

[1] Если Шиллер был первым, кто указал на связь между протагоровской софистикой и софистической риторикой, отрицая традиционный взгляд Платона на Протагора, и задавался вопросом, какие именно риторические, коммуникативные процессы позволяют согласовывать меру, установленную или принятую одним человеком с мерой другого, то именно Дьюи впервые обратил внимание на родовое сходство между прагматизмом и коммуникацией [16]. Именно он в Experience and Nature (1929) четко обозначил те особенности, присущие коммуникации, которые вобрал в себя прагматизм. Это способы, которыми язык взаимодействует с опытом, события трансформируются в объекты, строятся отношения между значением и знаком и т.д. Для прагматизма важно, что мир един, но создается он общими усилиями. Восприятие мира и взаимодействие человека с ним подразумевает ясное описание мира и его феноменов посредством осмысленных знаков, которые в процессе коммуникации могут быть переданы одним человеком другому с различной степенью ясности (что, в каком-то смысле, подхватывает софистическую проблематику коммуникации между разными людьми или установление связи между собственными впечатлениями одного человека, и предлагает средства для решения проблемы, обозначенной Горгием в третьем аргументе [17. С. 176–184]).

NEO-SOPHISTIC RHETORIC IN VIEW OF THE METHODOLOGY OF THE HISTORY OF PHILOSOPHY

Keywords: neo-sophistic rhetoric, methodology of the history of philosophy, third sophistic, sophistic, rhetoric, appropriationist approach, contextualist approach

The rhetorical turn phenomenon is associated with a new understanding of classical rhetoric, which raised in the second half of XX century – neo-sophistic rhetoric. The term because of its ambiguity is difficult to understand, and gives rise to controversy and debate among the proponents of different philosophical fields. This situation is illustrated by the discussion of the term «Third sophistic» between V. Vitanza and A. Quiroga. In fact, this debate demonstrates the difference between two approaches in the methodology of the history of philosophy: contextualist and appropriationist approaches. This paper examines the basic principles, specific to each of these two approaches. Appropriationist approach often receives negative feedback due to its intense modernization the ideas of the past. The paper gives some reasons for the point, that the most appropriate methodology for a correct historico-philosophical analysis of neo-sophistic rhetoric and the rhetorical turn bounded with it is appropriationist approach because of it gives the most accurate relation between the ideas, concepts and arguments of the past and present.

References

1. Simons, H.W. (ed.) (1990) *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry*. Chicago: University of Chicago Press.

2. Wolf, M.N. (2014) “Logodaidaloi”: The sophistic in contemporary studies. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe atikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 8(2). pp. 217–243. (In Russian).

3. Vitanza, V.J. (1987) Critical Sub/Versions of the History of Philosophical Rhetoric. *Rhetoric Review*. 6(1). pp. 41–66.

4. Vitanza, V. (1991) “Some More” Notes, Toward a “Third” Sophistic. *Argumentation*. 5. pp. 117–139. DOI: 10.1007/BF00054001

5. Vitanza, V.J. (1997) *Negation, Subjectivity, and the History of Rhetoric*. New York: State University of New York Press.

6. Cassin, B. (2000) *Effekt sofistiki* [Effect of sophistry]. Translated from French A. Rossius. Moscow; St. Petersburg: Moscow Philosophical Foundation; Universitetskaya kniga.

7. Quiroga, A. (2007) From Sophistopolis to Episcopolis. The Case for a Third Sophistic. *Journal for Late Antique Religion and Culture*. 1. pp. 31–42.

8. Fowler, R.C., & Quiroga Puertas, A.J. (2014) A Prolegomena to the Third Sophistic. In: Fowler, R.C. (ed.) *Plato in the Third Sophistic*. De Gruyter. pp. 1–30.

9. Fowler, R.C. (ed.) (2014) *Plato in the Third Sophistic*. De Gruyter.

10. Scott, R.L. (1988) Non-discipline as a remedy for rhetoric? A reply to Victor Vitanza. *Rhetoric Review*. 6(2). pp. 233–237. DOI: 10.1080/07350198809359168

11. Laerke, M., Smith, J. E.H. & Schliesser, E. (eds) (2013) *Philosophy and Its History. Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. New York: Oxford University Press.

12. McComiskey, B. (2002) *Gorgias and the New Sophistic Rhetoric*. Carbondale: Southern Illinois University Press.

13. Schiappa, E. (1991) Sophistic Rhetoric: Oasis or Mirage? *Rhetoric Review*. 10(1). pp. 5–18. DOI: 10.1080/07350199109388944

14. Schiappa, E. (1990) Neo-Sophistic Rhetorical Criticism or the Historical Reconstruction of Sophistic Doctrines? *Philosophy & Rhetoric*. 23(3). pp. 192–217.

15. Wolf, M.N. (2016) Gorgias of Leontini and Ancient Greek model of descriptive epistemology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(34). pp. 269–280. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/34/32

16. Mailloux, S. (1995) Sophistry and rhetorical pragmatism. In: Mailloux, S. (ed.) *Rhetoric, sophistry, pragmatism*. Cambridge University Press. pp. 1–32.

17. Wolf, M.N. (2014) *Sofistika. Gorgiy Leontiyskiy: Traktat “O ne-sushchem, ili O prirode” v sovremennykh interpretatsiyakh* [Gorgias of Leontini: A treatise “On not-that exists, or On the nature” in modern interpretations]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

УДК 141.12
DOI: 10.17223/1998863X/36/24

С.А. Гашков

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЭПИСТЕМА» В РАБОТЕ «СЛОВА И ВЕЩИ» МИШЕЛЯ ФУКО

Понятие «эпистема» является важнейшим в «археологический» период творчества Фуко. В работе «Слова и вещи» речь ещё не идёт ни о генеалогии отношений власти и знания, ни о герменевтике европейской субъективности. Что такое эпистема? Основываясь на текстах самого Фуко, а также на ряде исследовательских работ, мы пытаемся ответить на этот непростой вопрос.
Ключевые слова: М. Фуко, эпистема, материалистическая онтология, структурализм.

«Археология» Фуко, очевидно, не вписывается в ряд привычных дисциплин, таких как «история философии», «философия науки» или «философия истории», в которых прослеживается взаимосвязь некоторых рационально значимых моментов, позволяющих систематизацию и периодизацию знаний. С другой стороны, Фуко выстраивает «археологию» как позитивный структуралистский метод, призванный к раскрытию глубинных структур знания как в тех пластах, которые таковой ценностью признанно обладают, как и в тех, которым в ней привычно отказывают специалисты. «Слова и вещи» (1966) – книга, ознаменовавшая собой пик развития французского структурализма и ставшая ключевой в университетской карьере самого Фуко, в значительной степени посвящена анализу трёх эпистем: доклассической (ренессансной), классической (XVI–XVII века) и «антропоцентрической» (XVIII–XIX века). Важнейший вопрос, который мы должны себе здесь поставить: что такое эпистема? Фуко подчёркивает, что, вводя этот термин, он противопоставляет свой археологический метод традиционной объективистской истории знания:

«… Здесь знания не будут рассматриваться в их развитии и объективности… нам бы хотелось выявить эпистемологическое поле, эпистему, в которой познания, рассматриваемые вне всякого критерия их рациональной ценности или объективности их форм, утверждают свою позитивность и обнаруживают, таким образом, историю, являющуюся не историей их… совершенствования, а… историей условий их возможности…» [1. С. 35].

В переходе от вопроса об онтологических основаниях мышления к вопросу об упорядочивании дискурсивных практик нужно видеть разрешение проблемы возникновения того несистематического способа мышления, который не исключает, однако, систему как таковую, но предпосылает ей бытие поля исторического совершения.

«Эпистема не есть некая большая теория, подпирающая (всякое знание), это пространство рассеяния, это открытое поле… эпистема не есть срез истории, общий всем наукам; это одновременная игра специфических последействий» [2. Т. 1. С. 58].

В сочинении 1963 года «Рождение клиники» Фуко обращается к эписте-

мологическому анализу социальной функции высказывания. Он выступает с той идеей, что необходимо далее не рассматривать высказывание внутри данного дискурса, как это было принято в позитивистской философии языка, но сравнивать высказывания, взятые из различных параллельных дискурсов.

«Нужно было бы в таком случае трактовать данные дискурса не как автономные ядра множественных означений, но как события и функциональные сегменты, постепенно формирующие систему. Смысл высказывания определялся бы не сокровищем содержащихся в нём намерений… но разницей, которая его артикулирует в других реальных и возможных современных ему высказываниях… Вот тогда появилась бы систематическая история дискурсов» [3. С. 63].

Таким образом, в «Рождении клиники» впервые появляется идея эпистемы, которая получает дальнейшее развитие и расширение в «Словах и вещах» (1966). Семантическое поле этого понятия охватывает базовые теоретические принципы социальных наук, включая в себя вопросы о сущности языка, знака, значения и порядка представления.

В статье, появившейся уже в июле 1967 года в журнале Critique «Смерть человека или истощение cogito», посвящённой выходу «Слов и вещей», Ж. Кангилем, философ и историк науки, пытается прояснить научной публике философское и научное значение такого события, как выход «Слов и вещей», и, конечно, не обходит вниманием вопроса о введении этого нового понятия. Он подчёркивает вторичность внутри эпистемы теории знания по отношению к практике знания:

«Трудно быть первым, кто даёт имя некой вещи… Вот почему понятие эпистемы, объяснению которого Фуко посвящает своё произведение, не обладает характером непосредственной очевидности. Культура есть некий код упорядочивания человеческого опыта … наука или философия суть теория или интерпретация порядка (…) Они предполагают существование сети или конфигурации форм предварения (appréhension) по отношению к продукции культуры, которые конституируют уже, по отношению к этой культуре, некое *знание* (un *savoir*) по сю сторону наук или философий. Эта сеть неизменна и уникальна в некую эпоху, которая определяет себя и, следовательно, отделяет себя по отношению к ней» [4. С. 179].

Таким образом, в эпистеме можно увидеть некую промежуточную форму, предваряющую возникновение наук и философий в полноценном виде, некий культурный «фон» возможности научного мышления, непрозрачный в то же время для самих учёных, принадлежавших к той или иной эпохе. В этом смысле важнейшим достижением «Слов и вещей» следует признать открытие чистого «опыта порядка», а точнее «упорядочивания», предложенного Фуко вместо традиционного культурологического функционализма. Через введение понятия «эпистемы» принцип нахождения исторических критериев научности решительным образом выводится по ту сторону как философской метатеории, так и эмпирической истории научных опытов и открытий, которая оказывается, таким образом, внешней по отношению к внутренне структурированной научной и исторической реальности. У того же Кангилема мы находим следующее определение, проясняющее связь между эмпирической историей и эпистемой:

«Этот фон возможной науки и есть то, что Фуко называет эпистемой. Это больше не первичный код западной культуры, это ещё не некая наука как оптика Гюйгенса или некая философия как система Мальбранша. Это то, без чего нельзя было себе вообразить возможными эту оптику или эту философию, в их эпоху скорее, чем три четверти века назад» [4. С. 605].

Из понятий, вводимых археологией Фуко, понятие эпистемы является наиболее радикальным и обладающим наиболее творческой и проблематической мощью. Эпистема не есть только инструмент археологического анализа, но также и некое философско-историческое априори, указывающее на связь разнородных элементов истории мысли и переводящие теоретические затруднения научного исследования, существовавшие в плоскости трансцендентного претворения сугубо философских идей и категорий, в область *прагматических* предпосылок труда, языка и жизни. То есть, заключаем мы, научно-философское значение эпистемы как исторического априори в «Словах и вещах» состоит в том, чтобы не только связывать различные исторические дискурсы, как то было в «Рождении клиники», но в том, чтобы служить недостающим переходным звеном между историей знания и исторической реальностью.

В своём «Предисловии» к английскому изданию «Слов и вещей» Фуко указывает, что археология есть история систем «неформального» знания. Иными словами, Фуко претендует на то, что гуманитарное знание обладает не меньшей, а даже большей строгостью, чем естественнонаучное. Понятие «эпистемы» в этом смысле не означает ничего иного, как указание на особую строгость и точность «гуманитарных наук» (согласно Фуко, речь идёт о лингвистике, экономике и биологии). Так, сравнивая эпистемы с парадигмами Куна, Х.-Г. Меркиор подчёркивает то важное различие, что куновские «научные парадигмы» – ближайший аналог эпистем, связанных с изменениями представлений физики об устройстве объективного мира, – всё же не подчиняются строгим правилам. В то же время эпистемы представляют собой «фундаментальный код», «генеративную грамматику когнитивного языка». Эпистемы являются чем-то большим, чем «мировоззрениями», «и зависят от более глубокого уровня сознания и бессознательного» [5. С. 67]. Смысл «сознательного» и «бессознательного» раскрывается, согласно Меркиору, в современной «антропологической» эпистеме, в которой «человека» изучают, с одной стороны, психология, социология и «культурология», рассматривая его как субъект, с другой стороны, биология, экономика и филология, соответственно, как объект.

Впрочем, в последнем произведении «археологического» цикла – «Археологии знания» (1969) – Фуко даёт неожиданно формальное определение эпистемы, которое отражает в большей степени проблематику связи эпистемы с историей знания, но в малой степени связи её с реальностью. Этот этап принято считать «методологической неудачей» археологии, в результате которой Фуко вскоре отказался и от понятия эпистемы.

Итак, можно задать себе вопрос: является ли археология Фуко своеобразной методологией истории науки вообще и философии в особенности, отвлечённой от привычного «телеологизма», одинаково свойственного гегельянству, марксизму и позитивизму? Вопрос о том, в каком смысле мы можем

рассматривать Мишеля Фуко как философа, упирается, таким образом, в отношение археологии к феноменологии, философскому учению, превзошедшему романтические и позитивистские прогрессистские установки. В этой связи нам хотелось бы, во-первых, проанализировать отдельные важные положения весьма интересных работ некоторых ведущих специалистов по философии Фуко. Во-вторых, нам представляется необходимым сузить поле нашего исследования пространством одной эпистемы, а именно той, которую Фуко называет «классической».

Выбор «классической» эпистемы оказывается не случайным не только в отношении параллели с феноменологией. Вспомним, что Гуссерль придавал особое значение нововременной науке Галилея и Декарта, а Хайдеггер говорил о представляющем мышлении, начинающемся с картезианства. Классическая эпистема нам может быть особенно интересна, например, в том пространстве, о котором говорит Э. Балибар, называя его «постмарксистским в двояком смысле», и в том смысле, в котором возникает следующая сложность: «Как мыслить категории историчности, исходя из материальности тела, *не* вписывая при этом историческое событие в горизонт метаморфоз *жизни*..?» [6. С. 75]. Речь идёт о том, что человек, будучи существом историческим, не может обладать некоторой сущностью, будь она ассоциирована с его духовной или телесно-материальной природой. Поэтому речь и должна, как нам представляется, идти о периоде в истории, в котором ставится вопрос о пространстве произвольного комбинирования знаков, который и представляет собой, в археологии Фуко, «классическое мышление». Таким образом, на наш взгляд, речь идёт не просто о той «классической эпистеме», которая, «возможно, некогда была», но той, которая «только и должна была быть». Но здесь-то и возникает у Фуко известное трение между «материализмом» и «трансцендентализмом», которое некоторые исследователи (Беатрис Хан) сопоставляют с двояким прочтением Канта: антропологическим и критическим. Внимательному читателю «Слов и вещей» становится понятно, что эпистема не может быть ни до конца прагматической, ни априорно-исторической структурой, что предполагало собой сущностное видение практик либо знания, вписывая эпистему в рамки социальной, историко-культурной или естественнонаучной действительности.

Иными словами, в том смысле, в котором, как говорит тот же Балибар, Фуко (как и Маркс) является историческим «номиналистом», т.е. мыслит не философию истории, а «философию в истории» [6. С. 75]. Маркс как философ-материалист в этом смысле вписывается в ту рационалистическую традицию, которая постулировала наличие единой человеческой сущности, проявляющейся, например, в труде. «Классической эпохой» знания оказывается та эпоха, в которую знание не сводится ни к ренессансному «соответствию» и «подобию» знаков, о которых пишет Фуко, ни к послекантовскому философско-историческому трансцендентализму. В этом смысле классическая эпистема должна характеризоваться наличием «произвольной системы знаков», «аналитической решётки» и «пространства для комбинаторики», противопоставляемой «естественному».

«В классическую эпоху, – пишет Фуко, – использование знаков означает не попытку, как в предшествующие века, найти за ними некий изначальный

текст раз произнесённой и постоянно повторяемой речи, а попытку раскрыть произвольный язык, который санкционировал бы развёртывание природы в её пространстве, опорные термины её анализа и законы её построения. Знание не должно больше заниматься раскопками древнего Слова в тех неизвестных местах, где оно может скрываться, теперь оно должно изготовлять язык, который, чтобы быть добротным, то есть анализирующим и комбинирующим, должен быть действительно языком исчислений» [1. С. 97].

К духовным истокам современности в философском осмыслении эпохи возникновения европейской субъективности и «новой» науки обращались в XX веке такие разные мыслители, как Фуко, Хайдеггер или Мамардашвили. Попытку ответить на вопрос, в какой мере мы можем и должны рассматривать Фуко как философа, основываясь преимущественно на его археологии, мы находим в подробной и весьма основательной работе Беатрис Хан «Недостающая онтология Мишеля Фуко». Мы должны согласиться с Хан, что творчество Фуко не только возможно делить на «периоды»: «археологический», «генеалогический», «герменевтику субъекта», но и видеть изменение «эпистема», «архив», «диспозитив», «дискурс». Понятие эпистемы характеризует в «Словах и вещах» археологический метод, а археология может рассматривается как соперница и «второе я» феноменологии. В «Археологии знания» понятие эпистемы практически заменяется на понятие архива.

Жерар Лебрен утверждает, что современный выходу «Слов и вещей» читатель в большей мере воспринимает эту книгу как полемику с феноменологией, с одной стороны, и как набросок истории философии – с другой. Ж. Лебрен выдвигает три дополнительных полемических тезиса: 1) феноменология не была способна понять природу классического дискурса, 2) феноменология была несправедлива к Канту, 3) феноменология считала себя продолжением очень древнего проекта, в то время как она оказалась продуктом своего времени [7. С. 34].

Лебрен отмечает, что, в отличие от Гуссерля, который ассоциировал универсальный матезис с математизацией науки, Фуко перемещает центр анализа с «исчисляемого» на «упорядочиваемое» и вводит понятие «представления» вместо геометрического априори, о котором говорит Гуссерль. Таким образом, понятие «представления» носит полемический характер, утверждает Лебрен. «Так, – пишет Лебрен, – мы немного лучше понимаем, почему Фуко пришлось создать понятие эпистемы и (парафеноменологическое) понятие исторического априори» Таким образом, Фуко удаётся избежать феноменологического объективизма, прослеживающегося в том же «Кризисе». «Не следует сожалеть, что у Декарта не было трансцендентального эго, поскольку он не мог этого предчувствовать: «в те времена» Когито могло появиться как первое звено цепи доказательств» [7. С. 35]. Таким образом, Лебрен подчёркивает, что Фуко удалось избежать подводных камней трансцендентализма, на которые наталкивался и Гуссерль, и, можно сказать, и Хайдеггер. Очевидно, Декарт не ставил себе задачей заложить основы трансцендентализма, историцизма и критического идеализма, философские основания одной эпохи не могут быть выведены из другой.

Беатрис Хан также придаёт особую важность сложным связям археологии Фуко и феноменологии. Беатрис Хан напоминает слова самого Фуко

о том, что для него важнейшим философом являлся Хайдеггер, и всё его философское развитие предопределено мыслью Хайдеггера, хотя специальных исследований он ему не посвящал. «Может быть, в этом смысле, – замечает Хан, – хайдеггеровская онтология может быть прочитана как не-сознательное (impensé) творчества Фуко, – не потому, что он об этом никогда не думал или забыл, но потому, что он с нею работает, не формулируя этого эксплицитно, так как требуется внутреннее осмысление» [8. С. 27]. Возвращаясь в «Заключении» к своему труду к данному вопросу, Хан подчёркивает следующие фундаментальные соответствия у Фуко и Хайдеггера: 1) мысль понимается в не-метафизическом смысле, она связывается с повседневными практиками, что оспаривает тезис Гуссерля о значении как о продукте интенциональности, 2) мысль предшествует осмыслению, сознательности, и в этом смысле присутствует на доонтологическом уровне, «ангажированная модусом бытия дазайн». И в этом смысле, «мысль, как кажется, обозначает, по Фуко, аналог «понимания бытия», имманентного человеческим практикам», 3) человек определён через то, что у него нет никакой постоянной природы, понятия «субъективность» и «человек» ставятся обоими мыслителями под вопрос [8. С. 309].

Другая очевидная параллель может быть проведена между эпистемой Фуко и Хайдеггеровским «временем картины мира» (Weltbild), так как в центре классической эпистемы и «времени картины мира» у Фуко и Хайдеггера соответственно оказывается «представление» (représentation, Vorstellung).

Говоря о близости различения ренессансной и «модерновой» модели, Х.-Г. Меркиор отмечает: «Хайдеггер предлагает антитезу между «соответствием» (Entsprechung) как законом мышления до современности и представлением как нормой современного знания» [5. С. 49]. В «Время картины мира» Хайдеггер показывает, что современная наука, естественная или гуманитарная, занята опредмечиванием сущего в объясняющем представлении, «которое имеет целью поставить перед собой всякое сущее так, чтобы рассчитывающий человек мог… удостовериться в нём» [9. С. 50]. Человек, по Хайдеггеру, становится исключительным субъектом – «подлежащим», на которое всё сущее опирается в своём бытии. Собственно, Фуко разносит по разным местам нововременной антропоцентризм и классический рационализм в той же мере, в какой он дифференцирует ренессансный пантеизм и классику. Фуко видит в классической эпистеме период, когда появилась возможность искусственного и произвольного упорядочивания образных систем мира.

«Существует единственная и необходимая диспозиция, пронизывающая всю классическую эпистему: это совместное вхождение универсального исчисления и поиска элементарных основ в систему, которая является искусственной и которая, благодаря этому, может раскрыть природу, начиная с её исходных элементов... Именно эта система вводит в познание вероятность, анализ и комбинаторику, элемент произвола, оправданный в рамках системы. Именно эта система сближает всякое знание с языком и стремится заместить все языки системой искусственных символов и логических операций» [1. С. 49].

Эпистема очерчивает с первого взгляда не видимый, но проясняемый в рассуждении круг того, что перестаёт быть самоочевидным, того, что требует нового теоретического осмысления. Рано или поздно учёные решают не

то, что то или иное положение «ложное», а то, что так невозможно больше мыслить. Эпистема – в этом смысле, это – эпоха мысли, и, так сказать, не всегда отчётливо проводимое «эпохе» осмысления и осмысляемости. Например, комментируя вышеприведённый фрагмент, необходимо отметить, что современная философия языка часто признаёт недостаточным объяснение природы значения через механизм психофизической каузальности, семантические теории, непосредственно порождённые в рамках классической эпистемы (Локк, Гоббс, Декарт), но и не окончательно «преодолённые» в рамках теории референции (Дж.Ст. Милль, Г.Фреге), утверждавших примат смысла («интенсионала») над предметностью («экстенсионалом»). В этом смысле тот же Патнэм признаёт необходимым создание новой теории значения «естественных видов», которую он объявляет реализмом. [10. С. 122–123]. Такое трёхчастное видение теории значения как нельзя лучше соответствует пониманию Фуко эпистемы. Доклассическая эпистема – сходство значения и знака, классическая – произвольная «менталистская» теория знака, рациональная и универсалистская теория значения, нововременная – двусоставность значения: ментальный и природно-исторический компонент и современный кризис рационализма.

Таким образом, мы можем заключить: 1) эпистема в «археологии» Фуко служит внутренней структурой, определяющей знания, институты и практики, при этом «археология» прямо противопоставляет себя физикалистским и историцистским методам истории науки, 2) хотя археология противопоставляет себя гуссерлевской феноменологии, эпистема по Фуко содержит в себе существенные сходства с Хайдеггеровской критикой мышления как представления, 3) эпистема продолжает обладать значительным научным и эвристическим потенциалом, несмотря на отказ самого Фуко далее развивать это понятие.

Литература

1. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр., СПб.: Академия, 1994.

2. *Foucault M.* Dits et Ecrits. Paris, 1992. T. 1: Texte 58.

3. *Фуко М.* Рождение клиники / пер. с фр. М.: Смысл, 1998.

4. *Canguilhem G.* La Mort de l'Homme ou Epuisement du Cogito // Critique. 1967. N. 241. P. 599–618,

5. *Merquoir J-G.* Foucault ou le nihilisme de la chair. 1986.

6. *Balibar E.* Foucault et Marx : l'enjeu du nominalisme // Foucault – philosophe. Rencontre internationale. Paris, 1989.

7. *Le Brun G.* Note sur la phénoménologie dans les *Mots et les Choses* // Foucault – philosophe. Rencontre internationale. Paris, 1989.

8. *Han B.* L'Ontologie manquée de Michel Foucault. Grénoble, 1998.

9. *Хайдеггер М.* Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. и комментарии В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 41–63.

10. *Макеева Л.Б.* Семантические идеи Х. Патнэма // История философии. 1997. № 1. С. 121–135.

Gashkov Sergey A. – Baltic State Technical University "VOENMEKH", named after D.F. Ustinov (St. Petersburg, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/24

WHAT IS MICHEL FOUCAULT'S EPISTEME?

Keywords: Foucault's philosophy, episteme, structuralism, ontology

The paper considers the notion of Foucault's episteme in his "Order of things." Even if Foucault himself has abandoned the notion of "episteme" for other concepts such the "archive", "discourse" or "dispositive", it remains one of the most important methodological points in his intellectual biography. If we consider Foucault as a philosopher, we have to analyze how Foucault dialogizes or polemicizes with eminent philosophical movements of his time: phenomenology, existentialism, marxism. We have to take in consideration the most influential Foucault's commentators, ex.g.: E. Balibar, B.Han, G.Le Brun, G.Canguilhem, J.-G.Merquoir. The archeology of Foucault contests a long humanistic tradition that postulates the common nature of human being and the continuity of rational knowledge. Not only romantics or positivist thinkers, but even a materialist philosopher like Marx was, admitted an emancipation of human being and an accumulation of knowledge as a real background of progress. Our aim is to prove that the episteme notion is not only deconstructive one but contains a mighty potential to demonstrate fundamental structures of thought, history and being. Firstly, it is not occasionally that for discovering episteme Foucault explores sciences about language, economy and life and not mathematics or physics. It proves that these sciences have to do with particular historical reality. Secondly Foucault considers philosophical theories as epiphenomena of episteme. So the episteme has a particular ontological status, it is a priori and necessary; it is a complex conscious and subconscious structure of practices, institutions and knowledge. The very center of Foucault's archeological epistemology is the classical episteme. In this point the Foucault's work has much in common with the Heidegger's "Age of the World Picture". Another question is about the succession of epistemes. Foucault distinguished three epistemes: the pre-classical, classical and modern ("anthropocentrical") ones. It is possible to see how the epistemological discontinuities work at the empirical level. The applied sciences often meet difficulties to think the reasons of structural changes and cannot explain why they abandon an idea for another one. The actual difficulties to re-think the human and social sciences seem to due to this discontinue character of knowledge, as Foucault wrote.

References

1. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archaeology of Human Sciences]. Translated from French. St. Petersburg: Akademiya.

2. Foucault, M. (1992) *Dits et Ecrits* [Sayings and Writings]. Vol. 1. Paris: Gallimard.

3. Foucault, M. (1998) *Rozhdenie kliniki* [The Birth of the Clinic]. Translated from French by A. Tkhostov. Moscow: Smysl.

4. Canguilhem, G. (1967) La Mort de l'Homme ou Epuisement du Cogito [The Death of Man or Exhaustion of the Cogito]. *Critique*. 241. pp. 599–618.

5. Merquoir, J-G. (1986) *Foucault ou le nihilisme de la chair* [Foucault or nihilism of the flesh]. Paris: PUF.

6. Balibar, E. (1989) Foucault et Marx: l'enjeu du nominalisme [Foucault and Marx: the challenge of nominalism]. *Foucault – philosophe*. International Meeting. Paris.

7. Le Brun, G. (1989) Note sur la phénoménologie dans les Mots et les Choses [A Note on Phenomenology in Words and Things]. *Foucault – philosophe*. International Meeting. Paris.

8. Han, B. (1998) *L'Ontologie manquée de Michel Foucault* [The Missing Ontology of Michel Foucault]. Grénoble: Editions Jérôme Millon.

9. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches]. Translated from German by V.V. Bibikhina. Moscow: Respublika. pp. 41-63.

10. Makeeva, L.B. (1997) Semanticheskie idei Kh. Patnema [Semantic ideas by H. Putnam]. *Istoriya filosofii*. 1. pp. 121–135.

УДК 1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/36/25

Б.В. Емельянов

БОГОИСКАТЕЛЬСТВО Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО

Анализируются причины и последствия попыток Д.С. Мережковского создать «новую» религию Третьего Завета, противопоставив ее православию. Дана также оценка подобных попыток В.С. Соловьева, категорий «новой» религии – духа и плоти, пола, «святой плоти».
Ключевые слова: *богоискательство, православие, новая религия, дух, плоть.*

Характерной чертой интеллектуального взлета русской философской и религиозной мысли конца XIX – начала XX в. было, по определению Н. Бердяева, «религиозное беспокойство и искания». Причиной этого явления, ясно обозначившаяся к концу века являлась утрата веры в Бога. Она-то и побудила писателей, философов, вообще людей совестливых искать существенную опору, *искать Бога*, хотя сами представления о нем не были адекватны ортодоксально-религиозным. Этот «поиск» потребовал переосмысления всего культурного, философского, религиозного наследия, в том числе определенных сфер официального православия. В конечном итоге возникло широкое, разнообразное по содержанию течение русской общественной мысли, именуемое в разное время «новым религиозным сознанием» и «богоискательством». Оно было емким, отличалось творческим подходом и попыткой синтезировать различные области духовной культуры.

Поиски Бога коснулись всех деятелей русской религиозной мысли рубежа веков. У каждого из них были свои причины для поиска, и шли к этому они разными путями. Разными, естественно, были и результаты. Одним из первых оригинальных русских богоискателей был Дмитрий Сергеевич Мережковский.

Ему было дано высказать ряд идей, определивших религиозно-духовное возрождение русской мысли рубежа веков. Одна из них связана с символизмом. Свой творческий путь и как поэта, писателя, и как философа, публициста Мережковский начал как символист. В России конца XIX в. именно символизм стал тем направлением слова и мысли, под знамена которого встали те, кто боролся против натурализма в литературе и искусстве, и те, кто в философии боролся против позитивизма и панлогизма. Начиная с первых стихов, образность символизма Мережковский пронес через все свое творчество, которое неизменно исследовало и живописало противоречие «земли» и «неба», «горнего» и «дольнего», «духа» и «плоти». Мережковский при этом изначально был религиозен, не теряя веры на всех поворотах жизненного пути. В предисловии к своему полному собранию сочинений он констатировал: «Основной вопрос моих сочинений: что такое христианство для современного человечества?» [1. Т. 2. С. V]. И, естественно, как оно соотносится с язычеством? Поиски ответа на эти вопросы Мережковский ведет под знаком борьбы с устойчивой догматичностью Церкви. По его мнению, догмат, хотя и

является «Столпом Истины», предполагает и определенное движение, иначе трудно понять идею эсхатологии. Догматы пусть остаются догматами, но при этом они не должны закрывать горизонты видения истины, к которым надо стремиться. Это видение проблемы религиозного догмата Мережковский озвучил в своем выступлении на одном из заседаний религиозно-философских собраний в 1903 г. Итожа его, он сказал: «Догматы не кандалы, не цепи, а самые далекие горизонты, к которым мы идем. Нужна вся свобода ума, вся сила, чтобы стремиться к этому горизонту» [2. С. 426].

На рубеже XIX–XX вв. в русской философии началась смена мировоззренческих парадигм. В общественной мысли и культуре господствовало чувство «между прошлым и будущим, без настоящего», чувство необходимости обновления, выработки новых представлений о свободе и ее реализации личностью. Новый резонанс приобрела идея возрождения личности через синтез времен, эпох и культур и потребность проявить в жизни героя глобальные законы мира. В мироощущении эпохи ясно ощущались богоискательские тенденции, взгляд на историю как путь к Христу и одновременно апокалипсическая оценка пути «от Христа», а также взгляд на историю как систему отношений, чьи зародыши (корни) скрыты в прошлом. Д.С. Мережковский был в центре этих мировоззренческих построений и отражал их уже в ранних своих произведениях. Так, в 1892 г. он выпускает поэтический сборник «Символы. Песни и поэмы». В нем он ведет разговор о христианстве и язычестве, восхваляя обе религии. Поэт уверен, что должна возникнуть новая вера, которая сможет вернуть человеку его величие и преобразовать мир. Проповедником этой новой религии он считал себя. В этом же году в докладе «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» (1892) Д.С. Мережковский так описал мировоззренческую ситуацию рубежа веков: «Никогда еще люди так не чувствовали сердцем необходимость верить и так понимали разумом невозможность верить… Никогда еще пограничная черта науки и веры не была такой резкой и неумолимой, никогда еще глаза людей не испытывали такого невыносимого контраста тени и света» [3. Т. 19–20. С. 244–245]. Кризис сознания и культуры, по Мережковскому, был вызван кризисом веры и научного знания. Он предложил выход из создавшегося мировоззренческого тупика, определив тем самым начало русского религиозного ренессанса: «Религия еще не культура, но нет культуры без религии» [4. С. 31], – и одним из первых начал поиск новой религии.

В начале XX в. Мережковский публикует трилогию «Христос и Антихрист». В ней через судьбы героев разных времен и народов он пытается осмыслить бытие, дать его оценку и перспективы развития. Трилогия Мережковского – новый тип историософской прозы, в которой три акта исторической драмы раскрывают противоречивое и непременное развитие религиозного сознания, как борьбу двух истин – христианства и язычества в Древнем Риме второй половины IV века, в Италии рубежа XV–XVI столетий и в России периода петровских преобразований.

Судьба главных героев трилогии Мережковского олицетворяет разные уровни сознания человека во взаимодействии с миром исторического христианства на трех стадиях его развития и персонифицирует противостояние двух «бездн»: языческого и христианского миропонимания, взаимодействующих

в истории и в личности через притяжение и отталкивание. В «Юлиане Отступнике» анализируются возможности спасения умирающей культуры через прививку ей религиозного сознания, соединившего обожествление земных благ с любовью и жертвенностью. В «Воскресших богах. Леонардо да Винчи» непреодолимая двойственность человеческой души раскрывается через бытие человеческой личности. И здесь главными проблемами является смена мировых культур, внутренние механизмы этого процесса, судьба человека «переходного» периода, представления о добре и зле, красоте и любви, которыми вообще сильна символика: даже Христос и Антихрист как символы христианства и язычества могут быть представлены как «богочеловеческое» и «человекобожеское» начало в человеке. Третий роман – «Антихрист. Петр и Алексей» – новый этап символических обобщений, связанных с возможными отступлениями от Заветов Христа; особенно в области власти, губящей человеческое в человеке.

Еще одним мировоззренчески значимым произведением Мережковского, определившим его религиозные поиски, является книга о «тайновидцах духа и плоти» – Достоевском и Толстом. Главная философская мысль работы основана на наличии у человека трех ипостасей – телесной, душевной и духовной, восходящей к идеям александрийской школы. Исходя из этой установки, Мережковский пишет о Толстом как о «величайшем выразителе этого не телесного и не духовного, а именно телесно-духовного – “душевного человека” – той стороны духа, которая обращена к духу, и той стороны духа, которая обращена к плоти – таинственной области, где совершается борьба между Зверем и Богом в человеке: это ведь и есть борьба и трагедия всей его собственной жизни, он ведь и сам по преимуществу человек “душевный”, не язычник, не христианин до конца, а вечно воскресающий, обращающийся и не могущий воскреснуть и обратиться в христианство, полуязычник, полухристианин» [3. Т. 10. С. 27].

Толстой и Достоевский для писателя антиподы. Первый – «провидец плоти», второй – «провидец духа». Толстой – это эпикуреец, тоскующий по христианству, размышляющий о смерти. Такое противоречивое эпикурейство и делает Толстого, пишет Мережковский, «одним из источников великолепия его творчества, как бы то ни было, слава Л. Толстого заключается именно в том, что он первым выразил – и с какой бесстрашною искренностью! – эту новую, никем не исчерпанную, неисчерпаемую область нашей утончающейся телесно-духовной чувствительности; и в этом смысле можно сказать, что он дал нам новое тело, как бы новый сосуд для нового вина» [3. Т. 10. С. 169].

Достоевский – другой, и противоречия его другие. «Достоевский больше думал о царстве Сына, чем о царстве Духа, больше верил в Того, Кто был и есть, чем в Того, кто был, есть и будет… таким образом разжигал новую религиозную вражду» [3. Т. 10. С. 161]. Он боролся «с ужасом духа – слишком яркого и острого сознания, с ужасом всего отвлеченного, призрачного и, в то же время, беспощадно реального» [3. Т. 10. С. 170].

Д.С. Мережковский не был философом в традиционном смысле этого слова. Но философию он знал, и она интересовала его. Он был писателем-философом: большинство его художественных и публицистических произведений несут печать философских размышлений на религиозные, историче-

ские и современные ему темы. И все они в той или иной степени связаны с богоискательством, с попыткой создать новую религию «Третьего Завета».

У истоков этой религии, по мнению Мережковского, стоял В.С. Соловьев с его идеей богочеловечества. «Вл. Соловьев, – пишет он, – предчувствовал, что все историческое христианство – только путь, только преддверие к религии Троицы. Учение о Троице он пытался сделать живым откровением, синтезом человеческого и Божественного логоса, слова, ставшего плотью, как бы исполинским сводом нового храма Святой Софии Премудрости Божией» [5. С. 62]. На раннем этапе становления идей богоискательства Д.С. Мережковский развивает идеи Вл. Соловьева, считавшего, что для достижения желаемой духовно-нравственной гармонии современная цивилизация должна преобразоваться во «Вселенскую Церковь», объединяющую людей под знаком христианских добродетелей. Но если Вл. Соловьев из боязни отлучения от церкви не говорил о необходимости нового взгляда на христианство, то Мережковский устанавливает «прямую связь православия со старым порядком в России» и делает вывод, что «к новому пониманию христианства нельзя подойти иначе, как отрицая оба начала вместе» [3. Т. 24. С. 115]. Именно здесь намечается отход Д.С. Мережковского от Вл. Соловьева, а в последующем и его критика. В книге «Не мир, но меч» он отмечает, что Вл. Соловьев, являясь подлинным пророком новой религии, оказался слаб в ее утверждении: «Вождем русского народа Вл. Соловьев не сделался. Вести других на революционное действие не мог бы он уже потому, что сам не довел свое революционное сознание до действия. Если бы он был последователен, то, после казни цареубийц, отрекся бы он от самодержавия и примкнул бы к революции. И не только примкнул бы сам, но и призвал бы к ней весь русский народ» [5. С. 60]. Вл. Соловьев, как говорится, пошел «другим путем» – путем прокламации теократической утопии, т. е. к соединению (союзу) церкви (католической) с русским самодержавием. Другими словами, пишет Мережковский, Вл. Соловьев «не понял или недостаточно понял всю неразрешимость антиномии между государством и церковью», не понял, что «единственный реальный путь к царству Божиему, боговластию есть разрушение всех человеческих царств, то есть величайшая из всех революций» [5. С. 61]. Именно в таком понимании задач новой религии, новой церкви, в создании «религиозной общественности», призванной бороться со всеми ликами российского «хамства» и пошел дальше Вл. Соловьева Д. Мережковский.

Богоискательство Д.С. Мережковского является оригинальной мировоззренческой конструкцией, системой взглядов на мир и на возможности его познания. Оно складывалось постепенно на основе критики «исторического христианства» как «новое религиозное сознание». В этом смысле оно, несомненно, религиозно, и его понятийное поле адекватно религиозно-философскому со своим специфическим решением онтологических, гносеологических, антропологических и историософских проблем.

Формирование и оформление онтологических идей у Мережковского связаны с определением сути и значения категорий религиозной философии – плоти и духа. В христианстве и философском осмысливании его начал утверждается исключительное значение духа и принижение и даже отрицание плоти. В результате идеализм становится «бесплотным». Мережковский

предполагает, что оба начала («бездны») «дух» и «плоть» («небо и земля») не должны умалять одна другою, а в пределе быть равноправны в создании третьего начала. Н.А. Бердяев в статье «О новом религиозном сознании», посвященной анализу творчества Д.С. Мережковского, пишет: «Мережковский в самом начале своего пути ощутил, мистически почувствовал, что нет спасения в том, чтобы одну бездну принять, а другую отвергнуть… Мережковский понял, что исход из религиозной двойственности, из противоположности двух бездн – неба и земли, духа и плоти, языческой прелести мира и христианского отречения от мира… не в одном из двух, а в третьем: в Трех» [6. С. 344]. Вполне естественно философ определился с содержанием понятий «дух» и «плоть», т.е. главных составляющих Троицы. Свои изыскания он провел в «Тайне Трех», где пришел к выводу, что истоки христианской Святой Троицы следует искать в Самофракийских таинствах, посвященных Кабирам – Святым Богам, в элевсинских мистериях, где поклонение триипостасному Богу уже было. У первых это: «Отец небесный Зевс, Мать Земля Деметра и Сын Земли и Неба Дионис. И в Елевзинских таинствах те же Трое, только в ином сочетании: Отец Дионис, Мать Деметра и Сын Иакх» [7]. Другими словами, еще в языческой мифологии существовала триипостасность: «Самофракийские и Елевзинские таинства совершались еще накануне Никейского собора, где исповедан был догмат о Пресвятой Троице. И до наших дней, в каждой христианской церкви, исповедуется в Символе веры открытое людям от начала времен и все еще сокровенная Тайна Трех» [7. С. 21]. Раз это так, то нужно вернуться к первоначальному неслиянному единству, но уже в новом диалектическом варианте Третьего Завета. А он у Мережковского гласит: «В Боге Три начала: первое, отрицающее или замыкающее – “огонь закона”, гнев; второе – утверждающее или расширяющее – “веяние тихого ветра”, любовь; и третье, соединяющее два первых. Нет. Да, Да и Нет. – А = Отец. + А = Сын. ± А =- Дух». Именно Царство Духа делает тождественным два начала («бездны») – дух и плоть.

Инновация с Духом как тождеством двух противоположностей на этом не заканчивается. Незадолго до революции он высказал идею, что Дух как третье лицо Троицы – это Мать. В романе «14 декабря», говоря о будущем России, он написал: «Не погибнет Россия, спасет Христос и еще Кто-то. Тогда не знал, Кто, – теперь знаю. Радость, подобная ужасу, пронзила сердце, как молния: Россию спасет Мать» [8. С. 111].

Дух – Мать как тайна мира говорит еще об одной тайне, считал Мережковский, – о тайне пола. Эта тайна была объектом интереса многих современников Мережковского, особенно тех, кто был причастен к богоискательству. И понятно почему. «Внехристианское человечество вернулось к тайне пола и бесконечно углубило ее, так что с падением всех старых религий новые религиозные возможности всего более предчувствуются именно здесь, в бессознательной тоске о преображенном поле…» [5. С. 27]. У христианства явно негативное отношение к полу, вернее, оно «просмотрело» его, «не выкинуло нарочно, а как бы нечаянно уронило на пол; но то, что роняется Богом, подбирается дьяволом» [5. С. 26]. Христианство не поняло тайну пола, его объединяющее начало. Оно бесполо: «В Троице языческой – Отец, Сын и Мать; в христианской – вместо матери Дух. Сын рождается без Матери, как

бы вовсе не рождается. Вместо живого откровения, мертвый и умерщвляющий догмат» [5. С. 30]. Нужна новая религия, считает Мережковский, в которой противоречий, присущих христианству, не будет, а пол займет подобающее ему место.

В новом христианстве нужно по-новому решать проблему пола, духа и плоти. Философия пола Мережковского ориентирована на решение так называемой «тайны трех» и проблемы «святости пола». Решая первую проблему, философ употребляет присущее его гносеологии понятие «тайна» и пишет специальную работу «Тайна Трех». В ней он утверждает: первая тайна единого Бога-отца и в этом смысле тайна божественного «Я»; вторая тайна – это тайна двух, как отношение между «Я» и «не-Я»: при этом «не-Я» исключает меня, уничтожает меня и уничтожается мною, не касаясь одного пункта – пола. Через пол совершается проникновение одного бытия в другое, «одного тела в меня и моего тела в другое». Отсюда рождение нового существа; в Троице – это рождение Сына. В этом смысле вторая тайна – это тайна пола. А третья тайна – это тайна Святого Духа, т. е. единство трех ипостасей в духе. В конечном итоге – это тайна общества, образ Царства Божьего.

Следующая проблема, связанная с проблемой пола, – разработка понятия «святая плоть». Новое слово Д.С. Мережковского в решении этой проблемы состояло в том, что он изменил ракурс в понимании монистического единства духа и плоти и, соответственно, святости. В отличие от исторического христианства он утверждает новую религиозно-антропологическую парадигму синтеза духа и плоти – святую плоть, формула которой «три в одном» в их диалектической связи: «“один” соотносится с единственностью и неделимостью человека, “два” – с общностью людей божественной по своей природе чувственной любовью (или с “два в одном”), при которой тем не менее сохраняется неповторимость каждого, “три” – с множественностью, которая представляет собой “Три в одном” и которая не разрушает любовного “два”» [9. С. 111]. В краткой формуле Третий завет – это «Троица нераздельная и неслиянная» [1. С. 39], демонстрирующая наличие двух диалектических составляющих – нераздельности и неслиянности, которые организуют триединство – «диаду в триаде». Так понимаемая святая плоть становится для русского мыслителя основанием новой религии неохристианства, а также церкви, названной им Церковью Плоти и Крови. Когда в октябре 1899 г. Мережковский и Гиппиус пришли к идее такой церкви, они начали знакомить с ней своих близких друзей. Как пишет в своем дневнике Гиппиус, «решили мы сказать многим, которых считали одних с нами исканий, чтобы вместе прийти к последнему уяснению мысли и ее осуществлению» [10. С. 91]. В обсуждении идеи такой церкви в разное время приняли участие Д.В. Философов, В.В. Розанов, П.П. Перцов, А.Н. Бенуа, брат Гиппиус Владимир, а позже С.П. Дягилев и Нувель. Не все приняли идею Церкви Плоти и Крови. «*И так случилось*, – пишет Гиппиус, – что мы двое как бы с одной стороны стояли, а они все – против нас, и никто уже *о деле* не понимал» [10. С. 91].

Причина неприятия идеи новой церкви, по ее мнению, «нерешенная» загадка пола, «которой все были отравлены. И многие хотели Бога для оправдания пола» [10. С. 93].

Потребовалось два года, чтобы в декабре 1901 г. Мережковский, Гиппиус и Философов совершили первое богослужение новой церкви, приготовив в доме Мережковских соответствующую утварь и молитвы. Это богослужение «на троих» в рамках новой религии вряд ли можно было назвать церковью.

Тогда же осенью 1901 г. у Мережковского и Гиппиус возникла идея объединить различных по мировоззренческим ориентациям представителей русской интеллигенции и церкви не равнодушных к судьбам отечественной культуры и православной религии. Обсудив эту идею с В.В. Розановым, Н.М. Минским и В.А. Тернавцевым, они обратились к обер-прокурору Синода К.П. Победоносцеву за разрешением проводить религиозно-философские собрания. Эти собрания (их прошло двадцать два) послужили началом последующих аналогичных собраний и обществ в Петербурге, Москве, Киеве и других городах России.

Хотя Мережковский постоянно подчеркивал свое богоискательство, стремление обновить христианство, предлагая различные, пусть и утопические, решения, эти его усилия не скрывали интереса мыслителя к «общественности», к тому же в демократическом варианте. Многим его работам свойственны поразительно верные оценки «живой жизни». Самой впечатляющей из них, по моему мнению, является анализ мещанства как Грядущего Хама, предпринятый им в преддверии революции, сломавшей все стороны российского социума. Ему он предваряет выяснение соотношения мещанства и русской интеллигенции. Мещанство может быть воинствующим и весьма разнообразным. Мережковского особо интересует «грядущий на царство мещанин», т.е. Грядущий Хам. У него в России три лица. «Первое, настоящее, – над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви. Второе лицо, прошлое, – рядом с нами, лицо православия, воздающего кесарю Божие… Мертвый позитивизм православной казенщины, служащий позитивизму казенщины самодержавия… Третье лицо, будущее, – под нами, лицо хамства, идущего снизу, – хулиганства, босячества, черной сотни, – самое страшное из всех» [5. С. 324].

Может ли такому мещанству Грядущего Хама что-то противопоставить, например, социализм или анархизм, как их понимают Герцен и Бакунин, задается вопросом Мережковский и отвечает: «Социализм желает заменить один общественный порядок другим, власть меньшинства властью большинства… Сила и слабость социализма, как религии, в том, что он предопределяет будущее социальное творчество и тем самым невольно включает в себя дух вечной середины, мещанства, неизбежное метафизическое следствие позитивизма, как религии, на котором и сам он, позитивизм, построен» [5. С. 303]. Аналогично малоперспективен и анархизм. Тогда Мережковский в традициях противопоставления трем «нет» трех «да» считает, что трем лицам зла в России противостоят три начала духовного благородства: живая плоть народа, его живая душа и интеллигенция как живой дух России. Резюме Мережковского выражает и его политическое кредо предреволюционной поры и своеобразный итог богоискательства: «Для того чтобы, в свою очередь, три начала духовного благородства и свободы могли соединиться против трех начал духовного рабства и хамства – нужна *общая идея*, которая соединила бы интеллигенцию, церковь и народ; а такую общую идею может дать только

возрождение религиозное вместе с возрождением общественным. Ни религия без общественности, ни общественность без религии, а только *религиозная общественность* спасет Россию» [5. С. 325]. Чтобы создать ее, Мережковский зовет русскую интеллигенцию разорвать «кощунственный союз религии с реакцией» и стать Разумом «новой истинной Церкви» и восстать «со Христом – против рабства, мещанства и хамства» [5. С. 326].

Литература

1. *Мережковский Д.С.* Полное собрание сочинений: в 17 т. СПб.; М., 1911.
2. *Мережковский Д.С.* Новый путь. 1903. № 11.
3. *Мережковский Д.С.* Полное собрание сочинений: в 24 т. М., 1914.
4. *Мережковский Д.С.* Было и будет: Дневник 1910–1914. СПб., 1915.
5. *Мережковский Д.С.* Не мир, но меч. К будущей критике христианства. М., 2000.
6. *Бердяев Н.А.* О новом религиозном сознании // Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. СПб., 1907.
7. *Мережковский Д.С.* Тайна Трех. М., 1999.
8. *Бельчевичен С.П.* Проблема взаимосвязи культуры и религии в философии Д.С. Мережковского. Тверь, 1999.
9. *Митич О.* Христианство Третьего завета и традиции русского утопизма // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М., 1999.
10. *Гиппиус З.Н.* Дневники. М., 1999. Кн. 1.

Emelyanov Boris V. – Ural Federal University named after first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/25

THE SEARCH FOR GOD D. S. MEREZHKOVSKY

Keywords: the search for God, Christianity, the new religion, the spirit, the flesh

At the turn of XIX-XX centuries in Russian thought in connection with reconsideration of the philosophical and religious heritage and role in the life of the country of the Orthodoxy began the movement of Russian social thought called God. The search for God was mixed and affected many Russian philosophers. One of them was Merezhkovsky, who offered in return to Orthodoxy of the new religion of the Third Testament. In the formulation of her ideas, he started from solovievsky idea of Godmanhood, and the basic tenets of the spirit and the flesh, sex, "Holy flesh" tested in the trilogy "Christ and Antichrist", the essay "Mystery of Three" and "Coming ham". The efforts of Merezhkovsky and his associates Z. Gippius and D. Filosofov was not successful, and ideas of the religion of the Third Testament is not received from the Russian philosophers of the support.

References

1. Merezhkovskiy, D.S. (1911) *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 t.* [Complete Works. In 17 vols]. St. Petersburg; Moscow.
2. Merezhkovskiy, D.S. (1903) *Novyy put'*. 11.
3. Merezhkovskiy, D.S. (1914) *Polnoe sobranie sochineniy: v 24 t.* [Complete Works. In 24 vols]. Moscow.
4. Merezhkovskiy, D.S. (1915) *Bylo i budet: Dnevnik 1910–1914* [It was and it will be: Diaries of 1910–1914]. St. Petersburg.
5. Merezhkovskiy, D.S. (2000) *Ne mir, no mech. K budushchey kritike khristianstva* [Not peace, but a sword. For the future criticism of Christianity]. Moscow: Lokid.
6. Berdyaev, N.A. (1907) *Sub specie aeternitatis*. St. Petersburg: V.M. Pirozhkov.
7. Merezhkovskiy, D.S. (1999) *Tayna Trekh* [The Mystery of the Three]. Moscow: Respublika.
8. Belchevichen, S.P. (1999) *Problema vzaimosvyazi kul'tury i religii v filosofii D.S. Merezhkovskogo* [The problem of the relationship of culture and religion in the philosophy of D.S. Merezhkovsky]. Tver.
9. Mitich, O. (1999) Khristianstvo Tret'ego zaveta i traditsii russkogo utopizma [Third Testament Christianity and traditions of Russian utopianism]. In: Keldysh, V.A., Koretskaya, I.V. & Nikitin, M.L. (eds) *D.S. Merezhkovskiy: mysl' i slovo* [D.S. Merezhkovsky: Thought and word]. Moscow: Nasledie.
10. Gippius, Z.N. (1999) *Dnevniki* [Diaries]. Book 1. Moscow: Intelvak.

УДК 141.43
DOI: 10.17223/1998863X/36/26

Т.Ю. Седыченко

КАК МЫСЛИТ БОГ СПИНОЗЫ?[1]

Рассмотрено содержание понятий natura naturata и res в онтологии Спинозы. Предложено решение проблемы «мыслящей» субстанции-бога как субъекта мышления. Показано, что: 1) понятие res, употребляемое Спинозой по отношению к бесконечным и конечным модусам атрибутов субстанции, имеет различное содержание; 2) соотношение бесконечных модусов – движения/покоя и интеллекта, а также специфика идеи бога объясняют характер и природу «мышления» бога.
Ключевые слова: *субстанция, атрибуты, модусы, natura naturata, res, идея бога, бог, мышление, интеллект, движение, покой.*

I

Субстанция как *natura naturata* есть у Спинозы природа, или порожденное бытие, мир, вселенная. «Под *natura naturata* я понимаю все то, что вытекает из необходимости природы бога, иными словами – каждого из его атрибутов, т.е. все модусы атрибутов бога, поскольку они рассматриваются как *вещи* (*res*) (курсив наш. – *С.Т.*), которые существуют в боге и без бога не могут ни существовать, ни быть представляемы» [1. С. 388].

При этом *natura* здесь можно понимать двояко: 1) как первичную сущность (или – атрибуты), но уже в состоянии ее модификаций и 2) как всего лишь совокупность конечных «вещей», в целом составляющих мир, вселенную, природу. Во втором случае мир представляется оторванным от производящей причины, что недопустимо для Спинозы, поскольку эта причина является имманентной порожденным и порождаемым модусам. Спиноза призывает понимать порожденную природу в первом случае, неоднократно утверждая, что без бога ничто не может быть познано[2]. Поэтому *natura naturata* есть сама субстанция в ее конкретизированном как совокупность ее конечных модусов виде.

Важно отметить, что *naturata* обычно переводят как «порожденная», что указывает на *уже* свершившийся акт. Такой перевод правомерен только по отношению к бесконечным вечным модусам, которые суть «от вечности сотворенное богом и навеки остающееся неизменным» [1. С. 108]. *Naturata* следует переводить как «порождаемая» по отношению к конечным модусам, поскольку они вечно порождаются субстанцией. Так, Спиноза называет порождением первого рода бесконечные вечные модусы, порождением «второго же рода – облик всей вселенной (facies totius universi), который, хотя и видоизменяется бесконечными способами, тем не менее остается всегда одним и тем же» [2. С. 604].

---

[1] Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-33-00009.

[2] Та же самая мысль о видении и познании всех вещей в боге и через бога является одной из центральных у Мальбранша. На наш взгляд, Мальбранш более четко выразил то, что имеет в виду Спиноза. Например, «если бы мы не созерцали некоторым образом Бога, мы не видали бы ни одной вещи» или «Бог действует в нас» (см.: *Мальбранш*. Рассуждения об истине. Кн. 3, ч. 2, гл. 6).

Рассмотрим употребление понятия res по отношению к *natura naturata*.

Каждый бесконечный *порожденный* модус есть особое *состояние* субстанции, которое по-разному выражается в каждом из ее атрибутов. По Спинозе, первые (непосредственные) модусы – движение и покой в атрибуте протяжения и бесконечный разум (интеллект) в атрибуте мышления – есть одна и та же *res*[1]. Поэтому законы и порядок образования бесконечных и конечных модусов в атрибуте протяжения, которые мы рассмотрим далее, соответствуют таким же законам и порядку образования модусов в атрибуте мышления.

1. Движение и покой как res по отношению к natura naturans и natura naturata

У Спинозы существует отличие в понимании модусов движения и покоя как особых (вечных) состояний атрибута протяжения и как временных состояний конечных вещей. *Покой* воспринимается таковым с точки зрения человека, в природе же (в субстанции) покоя не существует, он есть лишь *мера движения*, точнее – мера деятельности субстанции. Такая деятельность есть сохранение данного состояния конечной вещи, то, что Спиноза называет стремлением вещи к самосохранению: «Каждая вещь имеет в себе стремление сохранить себя в своем состоянии» [1. С. 100]. Поэтому субстанция и признается Спинозой вечно деятельной: конечные вещи, пребывающие в покое относительно движущихся тел, тем самым пребывают в состоянии сохранения как этого их положения, так и существования. Любое тело остается в покое относительно самого себя и, хотя подвергается многочисленным изменениям под влиянием внешних конечных модусов, все же сохраняет свою природу. По отношению к природе порожденной д*вижение* понимается Спинозой как перемещение тела или внешних тел относительного покоящегося тела, поэтому эти бесконечные модусы (движение и покой) характеризуют то состояние, в котором находится какое-либо тело, и являются причиной изменения состояний других тел. Поскольку тела по отношению к субстанции понимаются Спинозой как модусы атрибута протяжения субстанции (*modus* – мера или способ действия) в их непрерывном изменении, постольку можно сказать, что в этом атрибуте субстанции есть лишь непрерывные изменения состояний (модусов) пространства-материи, в чем и проявляется ее вечная деятельность. Поэтому модусы движения и покоя воспринимаются в природе порожденной (порождаемой) как *две различные res* только с точки зрения человека как конечного модуса, содержащего в себе самом эти же модусы. Однако в субстанции движение и его мера – одна и та же порожденная *res*: в протяжении «не одно движение, а движение и покой вместе…так как в протяжении нет части» [1. С. 88].

Вопрос, на который Спиноза не дает ответа, состоит в том, как образуется этот первый модус – покой, или *мера* движения, и почему движение не может составлять сущность атрибута протяжения, а является лишь его порожденным модусом?

---

[1] Например, в схолии к теореме 7 второй части «Этики» Спиноза пишет, что «субстанция мыслящая и субстанция протяженная составляют одну и ту же субстанцию, понимаемую в одном случае под одним атрибутом, в другом – под другим. Точно так же модус протяжения и идея этого модуса составляют одну и ту же вещь, только выраженную двумя способами».

Само слово *движение* подразумевает действие относительно чего-то покоящегося (находящегося в иной пропорции движения). То есть в порожденной природе движение как таковое без покоя не существует; в порождаемой же природе атрибут протяжения представляет собой чистое бесконечное движение материи-пространства, понимаемое как вечная *деятельност*ь атрибута самого по себе, без ограничений, без пропорций соотношения движения и покоя)[1]. Деятельность атрибута протяжения заключается в самой его сущности, поскольку «в материи нет ничего, кроме механических соединений и операций» [1. С. 294]. При этом важно, что в бесконечно делимом по своей природе пространстве его части различаются только модально, поскольку «материя повсюду одна и та же» [1. С. 376], а пустоты и атомов не существует [1. С. 227–228]. *Модус* движения понимается Спинозой тоже механистически – как перемещение, соединение и разделение модальных «частей» материи. То есть движение и покой характеризуют мир, поскольку этот последний есть совокупность модусов атрибута протяжения. Таким образом, с одной стороны, движение и покой вечны, поскольку имеют непосредственное отношение к вечной деятельности (субстанции), с другой стороны, они все же *мера* деятельности, относящаяся к конечным вещам.

Можно лишь предположить, что атрибут протяжения как сам по себе деятельный, делимый до бесконечности, сам в себе порождает разные пропорции движения[2], благодаря которым происходит образование конечных состояний материи, которые и формируют *natura naturata* – природный мир. «Могущество бога, в силу которого существуют и действуют все вещи и *он сам* (курсив наш. – *С.Т.*), есть сама его сущность» [1. С. 394].

Здесь мы видим и различное понимание материи у Спинозы: в *natura naturans* он отождествляет ее с пространством и в качестве атрибута наделяет ее вечной деятельностью, в *natura naturata* – понимает как субстрат, из которого посредством движения и покоя формируются вещи. В атрибуте протяжения *потенциально* присутствуют все возможные результаты деления протяжения – модусы, т.е., деление материи на конечные (временные) индивидуальные (разнородные) состояния: «сущность материи, как мы показали, состоит в протяжении, или в *постоянно* (курсив наш. – *С.Т.)* делимом пространстве» [1. С. 233]. Время же появляется вместе с образованием *natura naturata* (т.е. движения/покоя и интеллекта): «Время и длительность *начались* (курсив наш. – *С.Т.*) вместе с вещами, ибо время есть мера длительности или же, скорее, только модус мышления»[3] [1. С. 303]. Мера длительности суще-

---

[1] Формирование вещей у Спинозы и происходит благодаря возникновению в субстанции различных пропорций движения, т. е. благодаря тому, что мы называем состояниями покоя. «Всякая отдельная вещь, начинающая действительно существовать, становится такой через движение и покой… различие (между вещами. – *С.Т.*) происходит только вследствие постоянно новой пропорции движения и покоя» [1. С. 110], т.е. «меры движения и покоя не одинаковы» [1. С. 171]

[2] По поводу первого порождения тел Спиноза говорит лишь, что «мы уже установили, что природа есть существо, о котором высказываются все атрибуты, и если это так, то ей не может недоставать ничего, чтобы произвести все то, что должно быть произведено» [1. С. 90].

[3] Время как мера длительности не может быть атрибутом субстанции (атрибут – вечен), но только модусом, порожденным вместе с вещами. В протяжении этот модус как мера длительности вещи соотносится с мерой движения, поскольку длительность существования вещи определяется мерой ее движения и покоя. «Чтобы определить длительность данной вещи, мы сравниваем ее с длительностью вещей, имеющих прочное и определенное движение, и это сравнение называется временем. Поэтому время не состояние вещей, но только модус мышления, т.е., как мы сказали, мысленное бытие. Оно

ствования вещи определяется пропорцией движения и покоя в ней или, с другой стороны, время существования идеи вещи определяется пропорцией деятельности бесконечного модуса интеллекта. То есть «из того, что бог вечен, не следует, что его действия (а именно – порождение) также могли существовать от вечности» [1. С. 305].

2. Разум и идея бога как res по отношению к natura naturans и naturata

Как уже отмечалось выше, Спиноза понимает интеллект (разум) в атрибуте мышления и движение и покой в атрибуте протяжения как один и тот же модус, рассматриваемый с разных сторон, т.е. «воля и ум (у Спинозы это то же, что и интеллект, разум. – *С.Т.*) относятся к природе бога точно так же, как движение и покой» [1. С. 389]. Правда, А.Г. Гаджикурбанов предлагает различать понятия «разум» и «воля»: «Спиноза понимает под *разумом* Бога *объективное* содержание Его бесконечного мышления, то есть *идеи* вещей… под *волей* Бога он подразумевает *формальное* бытие тех же идей» [3. С. 59]. На наш взгляд, посредством разума *формируются* идеи в их объективном бытии, и в этом необходимом действии проявляется воля бога. Бесконечные модусы – интеллект и движение/покой – мы предлагаем понимать как единый *инструмент*, по-разному представленный в атрибутах мышления и протяжения, с помощью которого бог непрерывно порождает мир. То есть интеллект сам по себе не может содержать в себе идеи, но только непрерывно порождать их. В свою очередь, он присущ идеям, как и движение присуще вещам. Как посредством движения и покоя происходит разделение, соединение и т.п. образование и изменение вещей, так и посредством разума происходит то же самое разделение, соединение и т.п. образование и изменение идей. Поэтому бесконечный ум бога есть такое же основание или причина (*res*) бесконечного образования и изменения идей, как и движение в отношении вещей.

Если движение и покой в атрибуте протяжения образуют множество вещей, то интеллект (или разум бога) в атрибуте мышления «познает» (или «различает») как бесконечные атрибуты, так и модусы субстанции [1. С. 405]. Прежде чем рассматривать природу мышления бога, рассмотрим следующее.

Помимо интеллекта как первого бесконечного модуса мышления Спиноза говорит еще об одном бесконечном *res* – об *идее* бога: «В боге необходимо существует идея как его сущности, так и всего того, что необходимо вытекает из его сущности» [1. С. 404]. Как такая идея соотносится с божественным интеллектом? Например, Ж. Делез, учитывая, что бесконечный модус, рассматриваемый под атрибутом протяжения, – движение и покой, а под атрибутом мышления – интеллект (ум, разум бога), утверждает, что «идея Бога – это идея в ее объективном бытии, а бесконечный ум – это та же самая идея, взятая в ее формальном бытии» [4. С. 414]. Но в таком случае получается, по Делезу, что идея бога в атрибуте мышления – тот же самый модус, что и интеллект, или та же *res*, что и движение/покой в атрибуте протяжения, соглас-

---

есть модус мышления, служащий для объяснения длительности» [1. С. 278]. Проще говоря, в природе существует мера длительности, а в мышлении человека эта мера называется временем.

но порядку и связи вещей [1. С. 407]. Это, конечно, не так. Для Спинозы идея бога и его разум не тождественны.

Во-первых, идея бога есть то, что бог «представляет» о себе самом в целом, она вытекает непосредственно из атрибута мышления [1. С. 382], а из нее уже посредством интеллекта вытекает множество идей: «Непосредственнейшая модификация атрибута, называемого нами мышлением, объективно заключает в себе формальную сущность всех вещей [1]» [1. С. 168]. Помимо этого, «идея бога, из которой вытекает бесконечно многое бесконечно многими способами, может быть только одна» [1. С. 405], и, наоборот, «бытием (какой-либо конечной. – *С.Т.*) идеи называется то, что содержится объективно в идее бога» [1. С. 272]. То есть интеллект есть лишь *инструмент*[2] для порождения множества идей (как движение и покой – средство для порождения вещей), а идея бога представляет собой их единство или субстрат. Следовательно, идея бога – первый непосредственный порожденный модус, образованный прежде модусов интеллекта и движения/покоя. *Natura naturans* изначально имела идею о себе самой: «Бог…имеет идею о себе самом, каковая…всегда существовала одновременно с богом» [1. С. 297].

Во-вторых, сама по себе «идея бога, благодаря которой он называется всеведущим, единственная и простейшая» [1. С. 297], в ней не различимы множества (модусы), которые образуются при помощи интеллекта. Точно так же и материя в природе порождающей представляется единой, а в природе порожденной предстает в виде множества вещей, которые образуются посредством движения и покоя.

Если атрибут мышления соотносится с атрибутом протяжения, а интеллект – с модусами движения и покоя, то идея бога не может быть соотнесена с чем-либо в атрибуте протяжения [3]. Эта идея есть, с одной стороны, самопознание бога [1. С. 405], или – первая идея атрибута мышления, изначально содержащая в себе в объективной форме только атрибуты, без модусов. Спиноза пишет, что атрибут мышления без идеи бога не мог бы существовать [1. С. 382]. С другой стороны, согласно этой идее, присущей человеку, Спиноза «определяет бога как существо, состоящее из бесконечных атрибутов, из которых каждый бесконечно совершенен в своем роде» [1. С. 69], и ничего более. Эта идея есть необходимое условие для познания человеком любой вещи (адекватное познание, по Спинозе, всегда осуществляется через идею бога).

Таким образом, идея бога и интеллект бога – две различные *res*: идея бога вытекает из атрибута мышления *до* интеллекта и, следовательно, *изначально сама по себе* не содержит идей. Порожденный субстанцией бесконечный интеллект как инструмент их образования *также не содержит в себе идей*, они

---

[1] Здесь же Спиноза добавляет: «Идея, или объективная сущность, есть непосредственнейшая * модификация атрибута мышления». В сноске (под звездочкой) он пишет: «Я обозначаю как непосредственнейшую модификацию атрибута модификацию, не требующую для своего бытия никакой иной модификации в том же атрибуте», т.е. идея бога, несмотря на то, что она идея, не образована посредством интеллекта. Интеллект оказывается вторичным, порождающим в этой идее множество конечных идей.

[2] Если интеллект есть инструмент или res, понимаемая как основание, причина порождения; то, с помощью чего происходит порождение, в отличие от res, понимаемой как сущность (то, что, или то, из чего), например – идея, из которой вытекает множество идей.

[3] «Бог может образовать идею своей сущности…вследствие одного того, что он есть вещь мыслящая, а не потому, что он составляет объект своей идеи» [1. С. 406].

лишь формируются посредством него в атрибуте мышления (или в идее бога). Поэтому нельзя сказать, что бог или субстанция по своей природе *что-либо* «мыслит», подобно человеку. Скорее, в атрибуте мышления имеет место выражение всего того бесконечного разнообразия событий, которые непрерывно происходят в атрибуте протяжения. То есть в субстанции непрерывно порождается (или модифицируется) бесконечное количество идей при модификациях их объектов (вещей). Бесконечный интеллект бога формирует только истинные идеи, в отличие от несовершенного интеллекта человека, формирующего в основном идеи неадекватные, согласно несовершенной природе человека как конечного модуса. В абсолютном «познании» всего существующего выражается как простота бога, так и то положение Спинозы, что интеллект бога не имеет ничего общего с интеллектом человека: «Знание бога так же мало похоже на знание человека, как созвездие Пса на лающее животное» [1. С. 309].

С одной стороны, интеллект и движение/покой как res могут рассматриваться как порожденные *состояния субстанции*, с другой стороны, как основания и причины для порождаемых конечных модусов (состояний).

3. Вещи и идеи как res по отношению к natura naturata

Конечные модусы субстанции представляют собой отдельные изменяющиеся *res*, вечно порождаемые субстанцией посредством бесконечных модусов: «Отдельные вещи составляют не что иное, как состояния или модусы атрибутов бога» [1. С. 385]. Причем между современными западными исследователями существует полемика по вопросу о сущности модуса (под последним понимают не только «вещь», но и предикат, объект, явление, факт, состояние, свойство и т. д. (см. [5, 6, 7, 8]).

Res рассматривается нами по отношению к телам и идеям как общее понятие в значениях: единичная сущность, вещь (только по отношению к телу), собственное состояние [1], а также основание и причина для существования или изменения другой конечной *res* той же природы. Вместе с тем мы не исключаем и определения авторов, приведенные выше.

Образование конечных модусов происходит следующим образом: «Всякая отдельная вещь, начинающая действительно существовать, становится такой через движение и покой, и таковы суть все модусы в субстанциальном протяжении, которые мы называем телами» [1. С. 110]. Поскольку каждая вещь может быть представлена под разными атрибутами, постольку и процесс формирования какой-либо конечной сущности (*res*) может рассматриваться под любым атрибутом. Непрерывное преобразование каждой существующей вещи соответствует непрерывному преобразованию ее идеи. В этом смысле *каждая* единичная идея должна обладать такой же длительностью существования, как и ее материальный объект [2]. У Спинозы никакая конечная *res* не уничтожается, но преобразуется, вступая в новые связи, иначе – приобретает новое состояние.

---

[1] Res как «состояние» подразумевает только состояние самого отдельного предмета; модус же, переводимый как «состояние», подразумевает одно из состояний субстанции.

[2] Проблема существования вечной части души у Спинозы заслуживает отдельного рассмотрения.

Таким образом, *natura naturata*, понимаемая как природа порожденная и природа порождаемая, есть совокупность бесконечных и конечных состояний субстанции, каждое из которых может быть рассмотрено как *res* в указанных значениях. Когда Спиноза говорит, что бог есть Природа (Deus sive Natura), он понимает под *Natura* наивысшую форму – единое целое, в котором представлены три взаимно имманентные сущности – порождающая, порожденная и порождаемая [1]. С точки зрения человека, порождающая природа, хотя и имманентна, все же нетождественна порождаемой, а потому в достаточной степени непознаваема. Бесконечное количество неизвестных нам атрибутов и сама бесконечная порождающая природа в ее многообразии хотя и имманентна, но такая имманентность находится за пределами человеческого восприятия и обыденного познания, и в этом смысле она имеет трансцендентный по отношению к человеку характер: «Конечный ум не может понять бесконечного» [2] [1. С. 79]. Более того, «существует бесконечно многое, чего мы не можем воспринимать … этого мы не можем достичь ни в каком мышлении, а следовательно, и никакой способностью воли» [1. С. 450].

II

Когда Спиноза говорит, что «бог есть res cogitans», он указывает либо на атрибут мышления субстанции (поскольку Спинозой используется термин *res*, а не *natura*), либо на ее бесконечный модус – интеллект, посредством которого формируются идеи, но не на бога как *субъекта* мышления. «Мышление» субстанции не имеет ничего общего с мышлением человека. Когда Спиноза говорит, что «бог мыслит бесконечно многое», то подразумевает под этим *наличие и преобразование* бесконечно многих модусов (идей) в атрибуте мышления. «Если разум имеет место в божественной природе, то он не может, как наш, следовать по природе за постигаемыми вещами или существовать одновременно с ними» [1. С. 379]. Такое «мышление» в субстанции есть появление, видоизменение и уничтожение (преобразование) бесконечного количества идей, в соответствии с теми разнообразными процессами (изменениями), которые происходят в других атрибутах, в частности в атрибуте протяжения: «Все, что вытекает из бесконечной природы бога формально, все это в том же самом порядке и той же самой связи проистекает в боге из его идеи объективно» [1. С. 407]. Это «следование» вещей и идей друг за другом и есть так называемое действие и «мышление» субстанции.

Бесконечное познание богом самого себя есть бесконечное формирование идей в атрибуте мышления. А формальная взаимосвязь и единство всех идей (как атрибутов, так и модусов) предстают в атрибуте мышления всецело как идея бога о самом себе, утверждающая как его сущность, так и существование.

Когда Спиноза говорит о том, что сущность субстанции заключается в утверждении своего бытия, он имеет в виду, что бог посредством идей утверждает («познает») бытие вещей в атрибуте протяжения: «Истина (истин-

---

[1] Проблема триединой природы субстанции и уподобления Спинозой бесконечных модусов Сыну, вечно рожденному Отцом [1. С. 108], заслуживает отдельного рассмотрения.

[2] Хотя Спиноза и пишет, что «мы можем представлять бесконечное» [1. С. 404] или «можем чувствовать и воспринимать бесконечное множество тел» [1. С. 450].

ная идея. – *С.Т.*) есть утверждение…о вещи, совпадающее с самой вещью» [1. С. 135]. Таким образом, если движение и покой в протяжении есть способность порождать и сохранять бытие, то «интеллект» бога – это способность *утверждать* порождаемое и сохраняемое. Более того, сам атрибут мышления представляет собой «абсолютное утверждение существования какой-либо природы» [1. С. 365]. Поэтому мы понимаем «мышление» субстанции не только как образование и смену идей в атрибуте мышления, но и как непрерывное утверждение субстанцией существования чего-либо в ней самой (собственного бытия). Это действие бог производит посредством разума человека. Спиноза считает, что человек в процессе познания не может сам по своей воле выбирать – утверждать ему что-либо или нет. Познание – это не действие субъекта, а утверждение идеи [1] в душе: «Мы сами никогда не утверждаем и не отрицаем ничего о вещи, но сама вещь утверждает или отрицает в нас нечто о себе» [1. С. 139]. Или «познание – это самоутверждение идеи» [3. С. 392].

В отличие от человеческого, *абсолютное познание* богом всего – это наличие в атрибуте мышления *постоянно преобразующихся* идей всех актуальных модусов и атрибутов, поэтому «богу приписывается не такое мышление, как наше, т. е. страдательное, ограниченное природой предметов, но такое, которое представляет чистую деятельность» [1. С. 304]. Человек же может более-менее адекватно познавать субстанцию (или предмет) только через каждое отдельно рассматриваемое состояние (*res* или *modus*), поскольку его разум не способен познавать адекватно (т.е. ясно и отчетливо, в истинном порядке и связи вещей) несколько состояний одновременно.

Под бесконечной познавательной «любовью» субстанции самой к себе понимается адекватное познание человеком (модусом) вещей и самого себя: «Познавательная любовь души к богу есть сама любовь бога, которой бог любит самого себя …поскольку он может выражаться в сущности человеческой души» [1. С. 612]. Однако под познавательной любовью человека Спиноза понимает удовольствие, вызванное внешней причиной: «*Ясным* же *познанием* мы называем то, что происходит…из чувства и наслаждения самими вещами, и это познание далеко превосходит другие» [1. С. 114]. Такое чувство – пассивный аффект, который преодолевается взглядом на вещи с точки зрения вечности: «Любовь к богу возникает, «поскольку мы познаем, что бог (присущий нам и вещам. – *С.Т.*) вечен; а это и есть то, что я называю познавательной любовью к богу» [1. С. 610], в отличие от субстанциальной «любви» как простого утверждения (так называемого познания) всего многообразия бытия.

Одна из причин непонимания человеком специфики «мышления» субстанции, на наш взгляд, состоит в том, что, как конечный модус, человек по природе своей конечности рассматривает какую-либо вещь субъективно, отделяя ее от себя, воспринимая как *внешний* объект, неадекватно. «Если мы рассматриваем какую-либо из этих сущностей абстрактно, отдельно от других и от производящей их субстанции, то мы схватываем ее как ограничен-

[1] То есть утверждение в единичной душе уже утвержденной (существующей) в атрибуте мышления вещи (в виде идеи этой вещи). То «нечто», что утверждает или отрицает вещь, есть как раз идея этой вещи, частично представленная разуму человека.

ную, внешнюю по отношению к другим» [1. С. 361]. «Мышление» же бога не может «воспринимать» бесконечную материю и ее конечные модусы как объекты познания, поскольку субстанция – одно неделимое целое. Материальные объекты идей (т.е. вещи), о которых пишет Спиноза, существуют таковыми лишь для человека. А в атрибуте мышления такими «объектами» идей могут быть только другие идеи, поскольку каждый атрибут действует только сам в себе. Это соответствует положениям: 1) «бог мыслит бесконечно многое» (все, что входит в содержание атрибута мышления, поскольку каждый атрибут познается сам через себя) и 2) «любит себя бесконечной познавательной любовью».

Таким образом, субстанция, или бог, или природа не может быть неким субъектом, познающим свои творения или познающим сам себя (по аналогии с человеком), поскольку атрибуты и модусы субстанции не являются объектами ее познания по причине отсутствия в субстанции чего-либо внешнего, что могло быть объектом: субстанция присуща вещам, как и вещи присущи субстанции. Любая *res* в субстанции может выражаться бесконечным количеством атрибутов и потому не может быть объектом. Спиноза употребляет понятие *objectum* или *ideatum* только в отношении познания мира человеком и специфики его мышления. Помимо этого, в атрибуте мышления самом по себе (в сущности его) нет ни идей, ни интеллекта (разума), но только вечное единообразное состояние, утверждающее в себе самом бытие остальных бесконечных атрибутов.

То есть бог сам по себе как порождающая природа не мыслит, в нем нет никакого мышления как процесса, потому что нет времени и объектов мышления. О специфическом «мышлении» субстанции можно говорить только на уровне представления бога как порожденной природы.

Мы определяем «познание» или «мышление» субстанции как бессубъектное формирование, преобразование и смену «идей» в атрибуте мышления, утверждающих все многообразие бесконечных состояний, происходящих как в атрибуте мышления, так и в остальных атрибутах.

Литература

1. *Спиноза Б.* Избранные произведения: в 2 т. М., 1957. Т. 1. 631 с.
2. *Спиноза Б.* Избранные произведения: в 2 т. М., 1957. Т. 2. 727 с.
3. *Гаджикурбанов А.Г.* Этика Спинозы как метафизика морали. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 320 с.
4. *Делез Ж.* Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. М.: ПЕР СЭ, 2001.
5. *Lin Martin.* Substance, Attribute, and Mode in Spinoza // Philosophy Compass 1/2 (2006). P. 144–153.
6. *Curley Edwin.* Spinoza's Metaphysics. Cambridge, MA: Harvard UP, 1960.
7. *Van Cleve James.* Problems from Kant. Oxford: Oxford UP, 2001.
8. *Bennett Jonathan.* A Study of Spinoza`s Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 147.

Sedychenko Tatiana Y. – Institute of philosophy and law SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/26

AS SPINOZA'S GOD THINKS? (TO THE PROBLEM OF THE NOTION RES IN NATURA NATURATA)

Keywords: ontology, substance, attributes, modes, natura naturata, res, the idea of God, God, thinking, intelligence, motion, rest

Spinoza understands the modes of movement / rest, and the intellect (mind) as one and the same mode of being considered under different attributes. We suggest to understand these modes as the tool by which god continuously generates the world. By means of movement and the rest there is a formation and change of things, and by means of reason there is a formation and change of ideas. The intellect is the first infinite mode of thinking. Spinoza speaks about one more infinite mode (res), about idea of god. This idea is that god "represents" about himself. It follows from attribute of thinking, and out of it through the intellect follows all ideas. If intelligence is only the tool for generation of ideas (and motion and rest is the tool for generation of things), that the idea of god represents their unity, or a substratum. Such idea is the first idea of attribute of thinking. It initially contains in an objective form only attributes, without modes. Idea of god and intellect of god are two different *res* with similar quality: the idea of god follows from attribute of thinking before the intellect and, therefore, initially in itself doesn't contain ideas. The infinite intellect generated by substance is the tool for formation of ideas and so doesn't comprise ideas. They are only formed by means of it in attribute of thinking. Therefore it is impossible to tell that god or substance "thinks" of something like the person. When Spinoza says that "god thinks infinitely of a lot of things", he means that it is existence and transformation of infinitely many modes (ideas) in attribute of thinking. At the same time, we understand "thinking" of substance not only as formation and change of ideas in attribute of thinking, but also as the continuous approval by substance of existence something in her (i.e. in the attribute of extension). "Thinking" of god can't "perceive" things as objects for cognition (as something external), because attributes of thinking and extension is a one whole. Therefore substance (god, nature) can't be the knowing *subject*. Material *objects* of ideas (i.e. things) about which Spinoza writes, exist only for the person. Thus, we define "cognition" or "thinking" of substance as subjectless formation, transformation and change of the "ideas" in attribute of thinking, which approve all variety of the infinite states, occurring both in attribute of thinking, and in other attributes.

References

1. Spinoza, B. (1957a) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: State Publishing House of Political Literature.

2. Spinoza, B. (1957b) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: State Publishing House of Political Literature.

3. Gadzhikurbanov, A.G. (2014) *Etika Spinozy kak metafizika morali* [Spinoza's Ethics as a metaphysics of morals]. Moscow; St. Petersburg: Centre for Humanitarian Initiatives; Universitetskaya kniga.

4. Deleuze, G. (2001) *Empirizm i sub"ektivnost': opyt o chelovecheskoy prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza* [Empiricism and subjectivity: the experience of human nature Hume. Critical philosophy of Kant: the doctrine of the faculties. Bergsonism. Spinoza]. Translated from French by Ya.I. Svirsky. Moscow: PER SE.

5. Martin, L. (2006) Substance, Attribute, and Mode in Spinoza. *Philosophy Compass*. 1. pp. 144–153.

6. Curley, E. (1960) *Spinoza's Metaphysics*. Cambridge, MA: Harvard UP.

7. Van Cleve, J. (2001) *Problems from Kant*. Oxford: Oxford UP.

8. Bennett, J. (1984) *A Study of Spinoza`s Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press. p. 147.

УДК 1:18
DOI: 10.17223/1998863X/36/27

Е.С. Шевчук

ПОНИМАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ ПОЛЬСКИХ ЭСТЕТИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

Анализируются взгляды представителей польской эстетики первой половины XX века на эстетическую ценность. Основное внимание автор уделяет пониманию польскими эстетиками указанного периода сущности эстетической ценности, ее специфики, ее онтологического и эпистемологического статуса, вопросу класификации ее основных видов, определению ее роли в искусстве и жизни в целом.
Ключевые слова: *польская эстетика, эстетическая ценность, прекрасное, благо, искусство, плюрализм.*

Аксиологическая перспектива, без сомнения, является ядром эстетики. Проблематика эстетических ценностей является центральной темой эстетической теории, которая стремится совершить полноценное исследование произведения искусства.

Эстетическая ценность является смыслом существования произведения искусства, она также является неким индикатором, помогающим идентифицировать произведение искусства, отличить его от низкопробных продуктов художественного творчества, художественного брака, китча и т. д.

Ряд направлений современного искусства пытается выйти за рамки традиционных клише, поломать определенные стереотипы в восприятии, бросить вызов существующему порядку. Бывает, что единственная цель, которую преследуют творцы новомодных арт-акций, заключается в желании вызвать шок, потрясти, спровоцировать реципиента, вызвать у него острые, часто негативные эмоции. Характерной особенностью произведений современного искусства является фетишизация безобразного. Случается, что произведения, которые обладают минимальными художественными ценностями (concept art), могут, однако, иметь высокую эстетическую ценность. Поэтому проблематика эстетических ценностей является одной из самых актуальных в эстетике.

Полноценное исследование эстетических ценностей прежде всего предполагает изучение их природы, анализ их структуры, описание способа их существования и познания, а также определение нашей позиции относительно них (объективизм, субъєктивизм, реляционизм и т. д).

Именно такой комплексный подход в исследовании эстетической ценности характеризирует концепции представителей польской эстетики первой половины XX века. Среди них особые заслуги в изучении эстетической ценности следует принадлежат таким эстетикам, как Владислав Татаркевич, Роман Ингарден, Мечислав Валлис, Станислав Оссовский, Генрик Эльзенберг. В данном исследовании основное внимание будет обращено на понимание природы и специфики эстетических ценностей в концепциях указанных философов.

В концепции В. Татаркевича имеем дело с отождествлением понятий ценность и благо. В работе «О неотносительности блага» («O bezwzględności dobra») философ утверждает, что благо не исчерпывается только моральным или утилитарным аспектом, но включает также эстетический [1. С. 264]. Таким образом, у Татаркевича благо в широком значении означает то же самое, что «ценность», точнее то же, что позитивная ценность: это синонимы. Другими словами, благо – это то же самое, что и «ценное». Более точного определения, согласно В. Татаркевичу, не существует. Философ утверждает, что благо мы познаем тогда, когда с ним сталкиваемся. Именно такое столкновение индивида с благом является для исследователя существенной сферой научных интересов.

Важным вопросом эстетической аксиологии, по мнению В. Татаркевича, является необходимость произвести анализ соотношения истины и прекрасного в истории эстетической мысли с давних времен и до дня сегодняшнего.

Согласно Р. Ингардену, человек чувствует необходимость владения и познания ценностей, а также их реализации, насколько это возможно в окружающем его мире. Философ считал, что без непосредственного и интуитивного общения с ценностями, без радости, которую ему дает это общение, человек глубоко несчастен. Кроме того, без общения с ценностями нельзя постичь полноту человеческого бытия. В «Книжечке о человеке» философ утверждал, что человеческая природа заключается в постоянных усилиях, направленных на преодоление границ тварности, сидящей в человеке, в вырастании над ней человечностью и ролью человека как творца ценностей. Речь прежде всего не об относительных, связанных с сугубо жизненными проблемами, но об «абсолютных в своем имманентном качестве, поскольку их реализация зависит от творческой силы человека, словом: о моральных ценностях и эстетических ценностях» [2. С. 23–24].

Человек, по мнению Р. Ингардена, не создает ценности напрямую, но «сотворяет», производя «ценностное основание», т.е. некий фундамент, на котором ценность может появиться. Ценность, таким образом, требует появления предмета, на основании которого она могла бы появиться, а создание таких предметов является основным правилом реализации человека как личности.

Проблеме эстетических ценностей Р. Ингарден более всего внимания посвятил в работе «О литературном произведении», в которой различил эстетически ценностные качества, эстетические ценности, художественные ценности и эстетически ценностные моменты выражения [3. С. 54, 423, 454–455].

Сначала понятие ценности у Р. Ингардена было производным от понятия эстетического качества. Позднее философ стал применять категорию «эстетическая ценность» в своих аксиологических исследованиях. Это позволило ему сформулировать целый ряд аксиологических суждений, связанных с вопросом абсолютного или объективного основания ценности. На этом пути родилась целая программа аксиологических исследований Р. Ингардена, касающаяся, в частности, вопросов классификации эстетических ценностей и их основных подгрупп.

В классификации Р. Ингардена эстетические ценности принадлежат к классу культурных ценностей, среди которых пребывают также познавательные и социально-бытовые.

Материю эстетической ценности, согласно Р. Ингардену, определяют качественные моменты эстетической конкретизации. В свою очередь, форма эстетической ценности вырастает, по его мнению, из самой сущности эстетического предмета. Форму ценности характеризирует особенный способ надстройки ценности над тем, чему она служит. Формой эстетической ценности, согласно философу, является, таким образом, некоторого рода «служение» эстетическому предмету [4. С. 100].

Категория эстетической ценности всегда присутствует в эстетических исследованиях М. Валлиса, но не имеет отдельного, обособленного значения, что связано с пониманием ценности как способности вызывать эстетические переживания. В таком определении эстетическая ценность становится частью теории переживания. Однако эстетическая ценность не является их частью – она является характеристикой предметов и – как утверждает М. Валлис – не существует вне них. Таким образом, каждому виду эстетических предметов соответствует, с одной стороны, определенная эстетическая ценность, а с другой – определенный вид эстетических опущений [5. С. 188].

В теории М. Валлиса не возникает важный для философа вопрос, существуют ли ценности вообще. Из сущности ценности делаем вывод о независимом ее существовании от других ценностей – утилитарных, моральных, познавательных и религиозных. Однако это не означает, что эстетическая ценность является самостоятельным сущим – действительным, идеальным, интенциональным, не является чем-то, что, не существуя, имеет значение, добавляет М. Валлис, критически отсылаясь к теории неокантианцев. Среди трех традиционно принятых мест локализации ценности: существования в предмете, в субъекте или вне них – М. Валлис однозначно выбирает предмет. Подчеркивает, что ценность не является ничем другим, как характеристикой эстетических предметов. Утверждает, что эстетические ценности не существуют независимо от эстетических предметов. Таким образом, высказывает взгляд, противоположный той версии античного аксиологического объективизма, вырастающего из философии Платона, М. Шелера или Н. Гартмана и рассматривающего ценности как самостоятельные сущности, которые не зависят от конкретных предметов и субъекта познания; но отделяется от античного аксиологического субъективизма в духе Сантаяны или Сегала.

В анализе суждений М. Валлиса об эстетической ценности заметно влияние лектуры И. Канта. От него М. Валлис перенимает, в частности, убеждение, что «суждения вкуса являются единичными суждениями». Быть прекрасным означает для М. Валлиса бать способным вызывать ощущение прекрасного. Таким образом, М. Валлис отбрасывает необходимость различать суждения, выражающие эстетические оценки «*S* является *эстетическим*», и психологические суждения, выражающие эмоциональную реакцию «*S является таким, что соответствующему реципиенту при соответствующих условаиях дает позитивное эстетическое ощущение*».

Такая позиция весьма критично была воспринята Р. Ингарденом, который считал, что в результате такого понимания эстетической ценности происходит ее лишняя психологизация. М. Валлис, в свою очередь, не видел существенной разницы между этими суждениями – оба определяют тот же предмет *S* как с психологической точки зрения (является суждением психологическо-

го характера), поскольку речь идет о пробуждении определенных психологических состояний, так и с точки зрения ценности (является суждением, выражающим оценку), поскольку считает, что сама лишь способность вызывать подобные психических состояния, которую приписывают данному предмету, является чем-то позитивным [6. С. 34].

В целом, на основании анализа работы М. Валлиса «Об эстетических суждениях» («O zdaniach estetycznych») можем попробовать выяснить значения терминов, использованных эстетиком в дефиниции понятия «ценность». Во-первых, эстетическая ценность является, согласно философу, главной категорией относительно понятий прекрасного, возвышенного и других разновидностей эстетических ценностей. Во-вторых, утверждение, что предмет дает позитивное эстетическое ощущение, следует понимать как возможность и способность вызывать это состояние. В-третьих, при идеальных условиях и у соответственного реципиента то, что эстетическое, должно вызывать эстетическое ощущение. В-четвертых, слова *S* являются *такими, что* ... означают, что позитивные, или негативные ощущения не являются чем-то случайным, они связаны с тем, чем *S* является.

Из высказываний М. Валлиса следует, что ценности он локализировал в предметах, однако отбрасывал идеалистическую версию объективизма. Основанием формирования ценности, согласно М. Валлису, являются скорее всего формальные, ценностные для реципиента моменты, например, экспрессия, неповторимость и оригинальность форм как в искусстве, так и в природе.

По мнению Г. Эльзенберга, ценность является «первым и окончательным источником указаний для жизни» [7. С. 125]. Прекрасное, благо, культура, творчество – это ценности, с помощью которых, считает философ, можно бороться с бессмысленностью мира и его ничтожностью. Эстетик подчеркивает значение теории ценности как таковой. Обращает внимание на неоднозначность термина «ценность», «ценностный» и необходимость различить два основных значения этого понятия, а именно: 1) «ценностный предмет» – это предмет, отвечающий чьим-то желаниям или потребностям; 2) «ценность» – это соответствие предмета запросам, какие к нему выдвигаются, например, власть для амбициозного человека, наука для техника и самой техники, корм для всех живых существ, но также «правильный интервал для того, у кого хороший музыкальный слух», либо в широкой интерпретации – сухость воздуха для кристаллов, которые могут распасться от влаги. Понимаемая таким образом ценность является относительной через свое определение – всегда служить кому-то либо чему-то.

Речь идет об «утилитарных» и «элективных» ценностях, которые являются результатом выбора. Кроме этих двух значений понятия «ценность», Г. Эльзенберг особое внимание обращал еще на одно: «ценность» – это то, что имеет достоинство. Лучшим чисто техническим термином для ее определения, по его мнению, является понятие «перфекционная ценность» [8. С. 4].

Г. Эльзенберг утверждает, что перфекционная ценность отличается от утилитарной и элективной, она выше остальных. Перфекционная ценность не является относительной как утилитарная; она независима и абсолютна. Между перфекционной ценностью и тем, что называем «долг», «обязанность», утверждает философ, существует отношение, которое не возникает в случае

утилитарной ценности. Перфекционная ценность является, таким образом, такой, что «должна воплотиться».

Главным положением эстетики Г. Эльзенберга является проблема эстетической ценности, которая вместе с этической ценностью является основой общей теории ценности. Прекрасное и благо, т. е. эстетическая и этическая ценности, являются, по мнению философа, разными аспектами перфекционной ценности.

Различает эти ценности, по мнению Г. Эльзенберга, наша позиция относительно них: прекрасной называем какую-либо вещь, если оцениваем ее как ценностную и одновременно контемпляционно ее воспринимаем; благим же является такой ценностный предмет, который умное и обладающее волей существо должно желать [9. С. 20–23].

Оказывается, однако, что даже такое субъективное различие в восприятии прекрасного и блага является иллюзорным. Как правильно заметил Т. Школут [10. С. 263], сам Г. Эльзенберг [11. С. 157–159] признает, что благо также можно контемпляционно воспринимать, а с эстетической контемпляции не удастся полностью исключить моментов воли и желания. Таким образом, в концепции Г. Эльзенберга существует субъективное отличие между прекрасным и благом, однако это не может перечеркнуть монизм его позиции в целом.

Г. Эльзенберг считал, что эстетические ценности имеют познавательный характер. Связь между произведением искусства и познанием происходит как будто бы в двух плоскостях: первая – это сами произведения искусства – раскрытием и анализом этих связей занимается эстетика; вторая – это сфера речи, которая служит как информации, так и прекрасному (если является художественной речью). Бывает, что знание передается образно, с помощью метафоры и сравнения. Образное высказывание, кроме чисто познавательной функции, исполняет также эстетическую и экспрессивную. Философ считал, что образное высказывание в некоторых случаях является самым эффективным способом передачи знания.

По мнению эстетика, единственным путем, ведущим к познанию литературного произведения, является путь через познание тех качеств, которые ему присущи. Г. Эльзенберг различал много разновидностей качеств: группу качеств с выразительно эмоциональным характером (пасмурность, элегийность) и группу чувственных качеств (например, блеск, текучесть). Литературные качества определют позитивную или негативную ценность конкретного произведения искусства, таким образом, они являются эстетически важным элементом. Стоит подчеркнуть, что немного позднее эту проблему развивал также Р. Ингарден.

На фоне польской эстетики первой половины XX в. достойна внимания точка зрения Г. Эльзенберга, который под влиянием О. Кюльпе, М. Шелера и Р. Ингардена утверждал, что чувственные качества (грустный, веселый и т.д.) ценностных предметов, созерцаемых эстетически, непосредственно кроются в этих предметах.

В литературном произведении, согласно Г. Эльзенбергу, имеем дело с очень разными и богатыми качествами, в частности, с метафорически очерченными качествами, как, например, «блеск стиля», которые рядовой читатель не может почувствовать. Потому важная миссия возложена на критиков,

которые должны отличаться способностью всесторонних и разнообразных чувственных реакций и уметь эти свои эмоциональные состояния передавать читателю.

Г. Эльзенберг представил в польской эстетике позицию решительного антиформализма, а потому критически относился к формалистическому пониманию эстетической ценности.

В свою очередь, С. Оссовский в исследовании эстетических ценностей совершил деликатное понятийное различение эстетических ценностей, представил семантический анализ и класификацию основных позиций и их вариантов. Он также сопоставил популярные в науке об искусстве и поточные взгляды с художественной практикой и практикой эстетическоого оценивания.

В статье «Прекрасное» («Piękno»), 1936 г., напечатанной в энциклопедии «Мир и жизнь» («Świat i życie»), С. Оссовский утверждал, что «никакого общего критерия прекрасного не существует. Существуют различные типы прекрасного – проявленные разным образом, вызывают эстетическую позицию у тех, кто соответственно настроен».

Источником эстетических ценностей, по мнению С. Оссовского, может быть экспрессия. В значении свойства выражения чьих-либо переживаний и диспозиций она, согласно эстетику, позволяет нам проникнуть в чужую психику, открывает путь к пониманию между людьми, может быть средством для познания чьих-либо переживаний, таких, которые могут быть для нас ценными сами по себе (например, глубоких мыслей и возвышенных чувств) [12. С. 198].

С. Оссовский считает, что факт проникновения в чужую психику сам по себе может нести эстетическое наслаждение. Специальную эстетическую ценность, утверждает эстетик, несут для нас деликатное и глубокое словесное отображение чьих-либо переживаний. Утонченная психологическая повесть, по мнению Оссовского, несет значительно большее эстетическое удовольствие, чем, например, просто правильное отображение действительности. Повесть, благодаря которой нам удалось заглянуть в чью-то душу, открывает нам недоступные до сих пор сферы. Глубокое проникновение в душу других людей ведет, согласно С. Оссовскому, к умножению нашей экзистенции. Именно с этим фактом, по его мнению, связаны теории о компенсационной роли искусства.

Более сложным, но одновременно более интересным и приятным, как утверждает С. Оссовский, является проникновение в психику автора.

Следует отметить, что большинство представителей польской эстетики первой половины XX в. утверждали о существовании большого количества эстетических ценностей (В. Татаркевич, Р. Ингарден, М. Валлис, С. Оссовский, Г. Эльзенберг и др.). В сущности, мы имеем дело с преобладанием плюралистического взгляда в этом вопросе.

В. Татаркевич различал такие эстетические ценности, как прекрасное и совершенное, обращал внимание на упадок значения этих категорий в XX веке. Весьма эффективной и полезной в борьбе с эстетическим релятивизмом, абсолютизмом и монизмом оказалась дистинкция эстетических ценностей на мягкие и острые, произведенная М. Валлисом. Эстетик обращал внимание на настоящую эстетизацию безобразного в XX веке, однако не ви-

дел в этом расхождения с миром эстетических ценностей в целом, а лишь поворот в сторону эстетически острых ценностей.

Необходимость различия двух типов эстетических ценностей (художественных и эстетических цінностей) отмечали Р. Ингарден, С. Оссовский и Л. Хвистек. Дистинкция двух порядков эстетических ценностей до сих пор не утратила актуальность и сегодня вызывает интерес исследователей эстетической аксиологии.

В целом, в первой половине XX в. в польской эстетике появились оригинальные концепции эстетических ценностей В. Татаркевича, Р. Ингардена, Г. Эльзенберга, С. Оссовского и М. Валлиса. Высказывания польских эстетиков указанного периода относительно природы эстетических ценностей, их наблюдения по поводу класификации, различия художественных и эстетических ценностей побуждают к дальнейшим исследованиям в этой сфере. Самобытными являются замечания польских эстетиков о метафизическом смысле эстетических ценностей, их значение как в жизни человека, так и в общении с произведениями искусства. Концепции польских эстетиков открывают перспективу современных научных поисков. Их исследования помогают понять динамику развития эстетической мысли в Польше, поскольку аксиологический аспект является значимым также для эстетических концепций представителей польской эстетики второй половины XX – начала XXI в.

Литература

1. *Tatarkiewicz W.* O bezwzględności dobra // Tatarkiewicz W. Droga do filozofii i inne rozprawy filozoficzne. Pisma zebrane. Warszawa, 1971. S. 264–289.

2. *Ingarden R.* Książeczka o człowieku. Kraków, 1972. 189 S.

3. *Ingarden R.* O dziele literackim. Badania z pogranicza ontologii, teorii języka i filozofii literatury. Warszawa, 1960. 489 S.

4. *Ingarden R.* Czego nie wiemy o wartościach // Ingarden R. Przeżycie. Dzieło. Wartość. Kraków, 1966. S. 83–127.

5. *Wallis M.* Wartości estetyczne łagodne i ostre // Wallis M. Przeżycie i wartość. Pisma z estetyki i nauki o sztuce (1931-1949). Kraków, 1968. S. 188–205.

6. *Wallis M.* O zdaniach estetycznych // Wallis M. Przeżycie i wartość. Pisma z estetyki i nauki o sztuce (1931–1949). Kraków, 1968. S. 31–53.

7. *Elzenberg H.* Próby kontaktu. Eseje i studia krytyczne. Kraków, 1966. 220 S.

8. *Elzenberg H.* Pojęcie wartości perfekcyjnej // Elzenberg H. Pisma estetyczne, oprac. L. Hostyński. Lublin, 1999. S. 3–6.

9. *Elzenberg H.* O różnicy między „pięknem” a „dobrem” // Elzenberg H. Pisma estetyczne, oprac. L. Hostyński. Lublin, 1999. S. 7–20.

10. *Szkołut T.* Teoria wartości estetycznych Henryka Elzenberga // Studia Estetyczne. T. X. 1973.

11. *Elzenberg H.* Wartość i człowiek: rozprawy z humanistyki i filozofii. Toruń, 1966. 183.

12. *Ossowski S.* Wyrażanie stanów psychicznych a wartość estetyczna // Dzieła. T. 1. Warszawa, 1966. S. 196–208.

Shevchuk Ekaterina S. – Rivne State Humanitarian University (Rivne, Ukraine).

DOI: 10.17223/1998863X/36/27

THE COMPREHENSION OF AESTHETICAL VALUES IN THE CONCEPTIONS OF POLISH AESTHETICIANS OF THE FIRST HALF OF 20TH CENTURY

Keyworks: Polish aesthetics, aesthetical value, beauty, good, art, pluralism

The problem of aesthetical values is central theme of aesthetical theory, which tries to realize the complex investigation of art. The aesthetical values are meanings of art existance. They also can be recognized as indicator to recognize and identify the origin art and distinguish it from the low-brow art

products. The contemporary art often has the minimum of artistic values (for example, concept art). However it can possess the high aesthetical value. Therefore the problem of aesthetical value is the most actual in the modern aesthetics. A complete study of aesthetic values primarily involves the study of their nature, the analysis of their structure, the method of studying the provisions of their existence and cognition, as well as the determination of our position with respect to them (objectivism, subjectivism, relationalism etc.). Such approach in investigation of aesthetical values characterizes the conceptions of representatives of Polish aesthetics in the first half of 20th: Wladyslaw Tatarkiewicz, Roman Ingarden, Mieczyslaw Wallis, Stanislaw Ossowski, Henryk Elzenberg. All of them tried to define the meaning of the concept "aesthetical value" and explain its specific. They also wanted to create the classification of the main kinds of aesthetical values. Since the majority of the Polish aesthetics of the first half of the twentieth century. claimed the existence of a large number of aesthetic values, we can conclude that we are dealing with a predominance of a pluralistic view on this issue. In general, during the first half of the twentieth century Polish aesthetics prezented the original concept of aesthetic values W. Tatarkiewicz, R. Ingarden, H. Elzenberga, M. Wallis and S. Ossowski that encourage further research. We can also find as original the remarks about metaphysical sense of aesthetic values, their significance in human life, and in communication with the works of art. Conceptions of Polish aestheticians offer the prospect of modern scientific research. Their researches help us to understand the dynamics of the development of aesthetic thought in Poland, because the axiological aspect is very important for the aesthetic concepts of the Polish aesthetics of the second half of XX – beginning of XXI century.

References

1. Tatarkiewicz, W. (1971) *Droga do filozofii i inne rozprawy filozoficzne. Pisma zebrine* [Road to philosophy and other philosophical treatises. Collected letters]. Warsaw: Państwowe Wydawn. Naukowe. pp. 264–289.

2. Ingarden, R. (1972) *Książeczka o człowieku* [A booklet about Man]. Krakow: Wydawnictwo Literackie.

3. Ingarden, R. (1960) *O dziele literackim. Badania z pogranicza ontologii, teorii języka i filozofii literatury* [O literary work. Research on the borderline of ontology, theory of language and philosophy of literature]. Warsaw: Państwowe Wydawn. Naukowe.

4. Ingarden, R. (1966) *Przeżycie. Dzieło. Wartość* [Survival. Work. Value]. Krakow: Wydawn. Literackie. pp. 83–127.

5. Wallis, M. (1968a) *Przeżycie i wartość. Pisma z estetyki i nauki o sztuce (1931–1949)* [Survival and value. Writings of aesthetics and science of art (1931–1949)]. Krakow: Wydaw. Literackie. pp. 188–205.

6. Wallis, M. (1968b) Przeżycie i wartość. Pisma z estetyki i nauki o sztuce (1931–1949) [Survival and value. Writings of aesthetics and science of art (1931–1949)]. Krakow: Wydaw. Literackie. pp. 31–53.

7. Elzenberg, H. (1966) *Próby kontaktu. Eseje i studia krytyczne* [Attempts to contact. Essays and critical studies]. Krakow: Znak.

8. Elzenberg, H. (1999a) *Pisma estetyczne* [Letters on aesthetic]. Lublin: Wydawn. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. pp. 3-6.

9. Elzenberg, H. (1999b) *Pisma estetyczne* [Letters on aesthetic]. Lublin: Wydawn. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. pp. 7–20.

10. Szkołut, T. (1973) Teoria wartości estetycznych Henryka Elzenberga [Henry Elzenberg's theory of aesthetic values]. *Studia Estetyczne*. 10.

11. Elzenberg, N. (1966) *Wartość i człowiek: rozprawy z humanistyki i filozofii* [Value and man: the trial of the humanities and philosophy]. Toruń: Państwowe Wydawn. Naukowe.

12. Ossowski, S. (1966) *Dzieła* [Works]. Vol. 1. Warsaw: P.W.N.. pp. 196–208.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 323.276
DOI: 10.17223/1998863X/36/28

А.М. Астахов

ПЕРСПЕКТИВЫ «РОССИЙСКОГО МАЙДАНА» В ЗЕРКАЛЕ УКРАИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Публикация посвящена проблеме перспектив осуществления неконституционной смены власти в России в современный период. Выделяются основные факторы, послужившие причиной «майдана». Основываясь на анализе процессов, произошедших на Украине, и сравнении с российской действительностью, делается вывод о потенциальной возможности повторения подобной ситуации.
Ключевые слова: *майдан, революция, переворот, Россия, Украина.*

Большой резонанс в России вызвали события, произошедшие в соседней стране. Из относительно стабильного государства в течение полугода Украина превратилась в страну, само существование которой, в её привычной форме, вызывает сомнения. Учитывая историческую и, в определённом смысле, структурную близость наших стран, разумно рассмотреть вопрос о возможности возникновения подобных событий в России. Следует отметить, что в рамках работы не даётся оценка произошедших событий. Вместе с тем результаты «революции» [1] дают основания сделать вывод о нежелательности её повторения в России.

В настоящий момент рейтинг электоральной поддержки президента высок, демонстрируя поддержку большинства избирателей проводимой политики. Экономическое положение и устойчивость политической сферы в России несопоставимы с ситуацией на Украине как в «дореволюционный», так и в современный период [2].

Однако если вспомнить период 4–5-летней давности, ситуация выглядит не столь благополучно. В 2011–2012 годах в России в достаточно сложной атмосфере проходили выборы президента и парламента. Оппозиция заявляла о значительных нарушениях, отдельные социологические исследования показывали уровень поддержки партии «Единая Россия» в пределах 40 % [3], что примерно соответствовало уровню поддержки «Партии регионов» в предреволюционный период (учитывая заметное расхождение данных из разных источников) [4]. Не стоит забывать и о массовых акциях протеста, устроенных представителями оппозиции, которые зачастую заканчивались столкновениями с полицией. На тот момент это позволило говорить о присутствии протестного потенциала, развитию которого помешала, в частности, позиция правительства и президента по украинскому вопросу и решение ими проблемы Крыма.

В перспективе многие эксперты и политики признают возможность акций протеста, попыток неконституционной смены власти, аргументируя свои вы-

воды санкциями, снижением уровня жизни населения, недостатком гражданских свобод, вмешательством других государств. И если в заявлениях отдельных иностранных и российских специалистов [5, 6] можно заподозрить попытку выдать желаемое за действительное, то оценку Совета безопасности РФ о возможности попыток проведения «цветной революции» в России [7] вряд ли можно игнорировать.

Использование опыта Украины даёт возможность оценить угрозу, выделить основные кризисные моменты и предложить варианты преодоления противоречий в российском обществе, что, в свою очередь, позволит минимизировать возможность развития ситуации по негативному сценарию.

Анализ «революции достоинства» позволяет выделить две группы факторов, которые обусловили столь радикальный способ трансформации:

1. Факторы, действовавшие на макроуровне, – тенденции, определившие специфику развития Украины как независимого государства и существовавшие достаточно длительное время.

2. Средний уровень – факторы, определившие события 2014 года.

Макро – самый хорошо изученный уровень. Специфика развития современного украинского государства является предметом интереса многих исследователей как в России, так и на Украине. Выделим основные факторы.

География расположения и история формирования предопределили специфику Украины как государства, разделённого на две общности. Они характеризуются специфическими представлениями о себе, о своих культурно-исторических особенностях, о геополитическом выборе развития страны. Борьба этих двух групп определяла развитие страны на протяжении всего её существования. Можно также отметить, что население центральной части страны определяло доминирование одной из двух концепций развития в конкретный исторический период. Не стал исключением и кризис 2014 года, когда западные и центральные области Украины активно поддержали революционные события.

Структурные проблемы государства

Коррупция, неравенство, избирательное правосудие, наличие олигархической системы – все эти проблемы не просто присутствовали в структуре государственного управления. Они определяли саму сущность этой системы, как минимум, с точки зрения граждан, поддержавших переворот, что и нашло отражение в части требований «майдана»

Специфика политической подсистемы государства состоит, в частности, в следующем:

Дисфункциональность политической элиты, выраженная в неспособности преодолеть внутригрупповые конфликты, предложить принимаемую большинством концепцию развития общества, обеспечить стабильное экономическое развитие страны, создать условия для реализации основных прав и свобод граждан и т.д. То есть отсутствие всего того, что и составляет основную задачу государственно ориентированной элиты.

Специфика политических институтов, включая культурологический аспект. Логическим продолжением (или началом) дисфункциональной политической элиты стала система политических институтов, не способная эффективно организовать деятельность «игроков», с точки зрения осуществле-

ния основных функций системы. Сложившаяся на момент «майдана» система формальных и неформальных правил не способствовала стабильной работе государства и слабо соотносилась с демократическими принципами, теоритически заложенными в конституции (принцип разделения властей, независимости судебной системы, прав и свобод всех граждан и т. д). Это достаточно легко проиллюстрировать на нескольких конкретных примерах: конфликт вокруг конституции Украины (2010 г.), где ситуация вышла далеко за рамки правового процесса; активное вмешательство депутатов в деятельность судебной и исполнительной власти («дело Тимошенко», «дело Щербаня» и т.д.)

Регулярные повторения этих действий в течение длительного времени и их продолжение после революции позволяют утверждать, что они являются частью институциональной системы, т.е. институционализированы и хабитулизированы.

Сюда же можно отнести культурно-исторический аспект, ограниченный опыт применения демократических процедур, сложившаяся «традиция» смены власти недемократическим путём. Из пяти украинских президентов только два были избраны без эксцессов.

Средний уровень, т.е. факторы, определившие события 2014 года, и результаты этих событий.

Разочарование в проводимой политике подавляющего большинства граждан

Электоральный рейтинг Януковича постоянно снижался. Придя к власти благодаря жителям юго-востока Украины, он позиционировал свою политику как направленную на формирование взаимовыгодных и равноправных отношений с Россией, США, ЕС. Его приход был связан с ожиданиями переоценки проводимой предыдущим президентом политики, в частности, вопросов, касающихся возвращения дружественных отношений с Россией, борьбы за права русскоязычных граждан, борьбы с радикальными проявлениями украинского национализма и т.д. Однако эти предвыборные обещания так и не были реализованы. Последним ударом стала попытка подписания ассоциации с ЕС, что оттолкнуло от него жителей юго-востока, исторически и экономически связанных с Россией, а задержка в принятии данного соглашения вызвала протесты у жителей запада Украины, ориентированных на ЕС. Таким образом, за время своего «правления» Янукович растерял поддержку своего электората и не приобрёл новый, так и не став президентом-«миротворцем».

Не стоит забывать и объективные причины, уже отмеченные ранее, системные проблемы государства, такие как коррупция, «несправедливая» правоохранительная и судебная система и т. д. Отсутствие значительных результатов в преодолении этих проблем, вполне справедливые сомнения в действенности выбранной стратегии, подозрения в виртуальности этой политики, обвинения в участии в незаконной деятельности – всё это породило волну негодования, вылившуюся в революцию.

Отсутствие поддержки со стороны основных «игроков» – политических, экономических, религиозных групп. Агрессивная политика, направленная на увеличение влияния своей «семьи», привела к тому, что большинство олигархов (в том числе и «союзных») стали заинтересованы в смене власти. Неопределённость во взаимоотношениях с религиозными организациями,

использование ресурсов профсоюзов в своих интересах, конфликты с правозащитными организациями привели к тому, что в решительный момент революции не осталось сил, готовых поддержать президента.

Вмешательство во внутренние дела Украины иностранных государств

Источники дают различную информацию о степени участия иностранных государств в революционных процессах. Однако из официально признанной и доказанной информации можно сделать вывод о том, что прямо (за счёт финансирования активных участников переворота, личного присутствия политических лидеров, воздействия на официальные органы власти через дипломатические каналы и т. д.) или опосредованно (финансирование организаций, занимающихся идеологической подготовкой, неисполнение гарантами подписанных договоров своих обязательств, избирательные оценки действий, законодательная и правоприменительная практика по отношению к «неугодным» физическим и юридическим лицам) иностранные государства оказали значительное влияние на подготовку революции, её осуществление и определение её результатов.

Роль СМИ

Фактор, значение которого нельзя недооценивать. Захват информационного пространства Украины позволил ретранслировать и формировать социальную реальность благоприятным образом для проведения революционных действий.

Интересен и сам подход к подаче информации: апеллирование к чувству справедливости, к правам человека, представление протестующих как реализующих волю всего украинского народа. Формирование идеализированных образов европейской реальности и демонизация России сочетались с постоянным информационным ситуативным давлением, призванным держать общество в боевой готовности (слухи об участии российских спецслужб, ситуация с Черноволом, «похищение» лидера автомайдана, поиск «титушек» и т.д.). Всё это позволило создать организованную общность (майдан), готовую и желающую активных действий, достаточно управляемую, чтобы использовать её для достижения необходимых целей. Необходимо отметить, что данная специфика работы СМИ схожа с методикой «цветных революций» и является их визитной карточкой [8].

В результате получается интересная картина: «революция достоинства», или переворот, стал результатом системных, кризисных явлений в украинском обществе и государстве. Воспользовавшись данной ситуацией, внутренние и внешние силы смогли активизироваться и реализовать план по свержению законно избранного президента.

В момент кризиса, когда требовалась поддержка, большая часть общества отказала президенту в ней. Даже те, кто по различным причинам (протестное голосование, отсутствие приемлемой альтернативы, поддержка декларируемого курса) были готовы поддержать его кандидатуру на легитимных выборах, не были готовы бороться за него.

Майдан позволил сделать несколько важных выводов, актуальных с точки зрения возможности повторения этих событий в России. Надо отметить,

что большинство из них давно известны, но произошедшие события позволили рассмотреть их с более практической точки зрения.

1. Системные проблемы государства, которым не уделяется достаточно внимания, или если усилия, предпринимаемые для их решения, недостаточны, способны привести к революции.

2. Важнейшую роль имеют средства массовой информации. Информация, представленная в нужном месте и в нужном контексте, способна не только вывести людей на улицу и управлять ими, но и формировать особую реальность, в которой действуют специфическая логика, понятия, оценки. Интересно, что именно работа с информацией способна запустить реакцию, преобразующую недовольство системными проблемами государства в силу, способную вывести массы на улицы.

3. При условии наличия информационного ресурса и присутствия сил, имеющих достаточные возможности, поводом для революции может стать любое событие.

Оценив опыт, полученный с помощью Украины, мы подходим к анализу процессов, происходящих в России. Ситуация в России, как уже отмечалось ранее, на сегодняшний момент достаточно стабильна. Высокий рейтинг поддержки президента, партии «Единая Россия», относительно низкий потенциал протестных настроений [9] позволяют говорить о том, что политическая и социально-экономическая ситуация в России не вызывает ощущения возможности повторения майдана. Однако даже приблизительный обзор «точек конфликтности», выявленных по результатам анализа украинской революции, даёт возможность говорить о наличии предпосылок «русского майдана».

Кратко приведём основные болевые точки современной России:

Историко-географический фактор выражен не столь явно, как на Украине. Тем не менее федерация, состоящая из отдельных регионов с собственной политической и экономической элитой, не может не иметь как центробежных, так и центростремительных сил. География расположения и история формирования России определяют целую группу социальных, экономических, культурных, управленческих проблем. Данный фактор был ярко выражен в 90-е годы, но на данный момент не играет значимой роли, однако в кризисной ситуации велика вероятность активизации сепаратистских настроений (Казакия, Ингерманландия, Движение за федерализацию Сибири и т.д.). История формирования Российского государства также содержит достаточно спорных моментов, которые, как показал пример Грузии, Прибалтики, Польши, при заинтересованности отдельных групп могут быть использованы как провоцирующие конфликт.

Значительно большую опасность несёт в себе проблема взаимодействия разных национальностей. Ясно заявив о себе на Манежной площади, она и сегодня остаётся одной из самых значимых для российского общества и государства и может стать катализатором начала массовых протестов или причиной для привлечения к протестам, в том числе наиболее радикальных групп.

Политические элиты

Как было отмечено ранее, значительная роль в украинских событиях принадлежит политической элите, её специфике и институциональным особенностям.

В России данный фактор нельзя признать значимым, исследования показывают что, несмотря на тренд к понижению, доверие к основным политическим институтам остаётся высоким [10]. Можно по-разному оценивать политическую элиту и систему в целом, однако нельзя не признать, что на сегодняшний момент она стабильна и выполняет свои функции.

Вместе с тем вызывают вопросы её дальнейшая устойчивость, способность к трансформации и возможные пути развития [11,12]. С позиции поставленной в статье проблематики наиболее значимыми для нас являются следующие моменты:

- Возможность внутригруппового конфликта. Неудовлетворение части политических и экономических элит, связанное с разрушением связей с ЕС и США, потерей выгоды. Желание региональных элит расширить своё влияние, недовольство арестами глав регионов, страх за своё благополучие потенциально способны привести к поддержке частью элит протестных движений.
- Фактор усталости от доминирования одной политической силы, эффект накопления проблем. Из опыта Украины следует, что доминирующее положение во всех элементах политической системы, ветвях и уровнях власти приводит к ответственности не только за успехи, но и за неудачи. В случае кризисных явлений велика вероятность, что значительная часть общества возложит ответственность за все накопившиеся проблемы, нерешённые вопросы на эту политическую силу.
- Эффект личности. Вопрос возможности сохранения стабильности в случае ухода или дискредитации президента В.В. Путина. Исследования показывают, что именно его фигура является основой и опорой системы, которая существует в данный момент [13]. Соответственно, остаётся открытым вопрос о возможностях политической системы компенсировать отсутствие этого элемента, мирным эволюционным путем перераспределить ресурсы, сохранив функциональность всей системы. А учитывая опыт предыдущих выборов, нет сомнений, что попытки дискредитации будут присутствовать.

Системные проблемы государства – политической и экономической системы

Слабым местом России остаётся экономическая подсистема [14], при высоком уровне одобрения деятельности власти во внешней политике, внутренняя – социальный и экономический блок – оценивается большинством граждан как «неуспешная» [15].

Несмотря на заявления о скором преодолении кризиса, слабой значимости санкций, опросы общественного мнения и экономические исследования показывают, что у населения [16] падают доходы и, соответственно, растёт недовольство.

Исследователи, журналисты, эксперты указывают на ошибочность многих решений правительства, иногда откровенно обвиняя его в том, что именно решения власти привели к подобному результату [17].

Ситуация осложняется неразрешёнными системными проблемы государства и общества. Коррупция, проблемы в судебной системе (избирательное правосудие, непрозрачность и т.д.), «несправедливое» распределение доходов, безответственность чиновников, практика «распилов», нецелевое распределение бюджетных средств, «семейные» фирмы, связанные с госслужа-

щими, настороженное отношение к полиции и др. Данные проблемы освещены во множестве аналитических материалов [18–23], признаются государством и обществом. Стоит отметить, что в случае с «революцией достоинства» именно накопление недовольства недостаточными усилиями по решению этих проблем стало одной из основных её причин.

Переходя на уровень ситуаций, которые способны вызвать недовольство и могут быть использованы для начала протестных движений, мы можем выделить несколько событий и решений властей. Кратко перечислим принятые или планируемые к принятию законы, неоднозначно оцененные обществом и вызвавшие недовольство значительной его части.

- Группа «автомобильных законов», регулярно вызывающих протесты автолюбителей: об эвакуаторах, платных парковках, повышение штрафов, цен на ОСАГО, бензин, введение «ПЛАТОНА» (предложение о расширении на местные дороги, легковые автомобили), платные дороги и т. д.;
- Группа законов об «Интернете», вызывающих неоднозначную реакцию в среде интернет-пользователей: попытки введения (увеличения) платы за покупки в Интернете, усиление контроля за российской частью Интернета в целом, борьба с пиратским контентом;
- Регулярное увеличение нагрузки на малый бизнес на федеральном и региональном уровнях;
- Ежегодное повышение оплаты ЖКХ и отсутствие существенного улучшения предоставляемых услуг;
- Введение закона о курении, предложение о курортном сборе;
- Антитеррористические «законы Яровой».

Здесь надо отметить ряд их особенностей.

Данные законы являются массовыми и в комплексе затронули практически каждого гражданина России.

Большинство законов вызывают вопросы, которые являются дискуссионными в обществе, деля его на «за» и «против». К примеру, вопрос отношения к законам о курении, который негативно оценивают 15% общества [24], или законы о парковках, контроле Интернета.

Экономический блок законов направлен на увеличение финансовой нагрузки на граждан. При этом базой их служат характеристики, ранее бывшие общедоступными и не требующими вознаграждения. Это кроме недовольства увеличением нагрузки в условиях снижения реальных доходов населения, вызывает чувство несправедливости, которое куда опаснее с точки зрения стабильного развития.

Необходимо также отметить наличие ситуаций, разрушающих доверие между обществом и государством, провоцирующих разочарование и формирующих недовольство. Наиболее ярким примером этого можно признать «дело Сердюкова», из последних ситуаций, вызвавших дискуссию и неприятие части населения, переименование моста в Санкт-Петербурге,

Опасность данной ситуаций состоит в том, что любой из этих законов имеет потенциал для того, чтобы принять роль «законов о евроинтеграции», а конфликтная ситуация превратиться в условную «Врадиевку».

Данный анализ был бы неполным без обращения к элементу, который стал одним из катализаторов революционных событий в соседней стране, – средства массовой информации.

Современные исследования показывают высокий уровень доверия россиян к телевидению, при этом большинство граждан считают, что информация преподносится правдиво [25]. Исходя из этого, можно утверждать, что вероятность использования СМИ в качестве «локомотива революции» в настоящий момент мала. Потенциальную опасность представляет сформировавшийся запрос на «критику власти», что в среднесрочной и долгосрочной перспективе даёт возможность для появления СМИ, удовлетворяющих этот запрос, которые, в свою очередь, могут быть использованы для революционных действий.

Проведённый анализ позволяет делать выводы о достаточно сложной ситуации.

Можно отметить, что существуют предпосылки для начала революционных действий, – наличие системных проблем, ухудшающаяся экономическая ситуация и конфликтные информационные поводы. Пока эти тенденции блокируют высокий уровень доверия к правительству и власти в целом, устойчивая политическая и правоохранительная система. Что объективно отражается в индексе протестных настроений, отсутствии массовых акций протеста.

Учитывая заинтересованность отдельных партнёров по международному взаимодействию в смене элит и заявленную идею «информационной войны», вопрос использования СМИ в качестве инструмента проведения революции приобретает особое значение.

Государство осознаёт эту проблему, противодействуя иностранному финансированию и пытаясь контролировать электронные СМИ (включая блоги и социальные сети), предоставляя большие ресурсы «государственным» средствам массовой информации.

Однако опыт «Болотной площади» показывает, что в условиях активных массовых протестов доверие к источникам, идентифицируемым как государственные, снижается, и это может привести к конфликтам [26]. На данный момент мы можем фиксировать попытки дискредитировать традиционные источники информации и разрушить их имидж «качественных СМИ» [27], что может говорить о попытках формирования в будущем революционной информационной среды (автор не затрагивает вопрос соответствия «центральных СМИ» характеристикам «качественных СМИ»).

Учитывая выявленные угрозы в сфере возможного участия СМИ в протестах, можно дать несколько рекомендаций:

Органам государственной власти более энергично отвечать на информационные поводы, давая развёрнутую и актуальную информацию по каждой ситуации, что позволит минимизировать негативные эффекты.

При принятии резонансных законопроектов, оказывающих значительное влияние на жизнь и благосостояние граждан, более ответственно подходить к последствиям, которые они оказывают на социальное самочувствие, восприятие власти, оценку деятельности отдельных её представителей.

Со стороны научного сообщества, общественных организаций, представителей гражданского общества существует запрос на создание и поддержку

независимых аналитических центров, имеющих большой авторитет в обществе, не связанных ни с оппозиционными, ни с государственными структурами, способными производить интеллектуальный продукт, ценность которого сложно поставить под сомнение, деятельность которых позволит им стать индикатором достоверности и отчасти «истинности» информации.

Литература

1. *Основные* показатели социально-экономического развития Украины, 2015 // Государственная служба статистики Украины. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/ (дата обращения: 3.07.2016 г.).

2. *Пресс-выпуск* № 3012 Итоги 2015 года. Прогнозы на 2016-й. // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115526 (дата обращения: 3.07.2016 г.).

3. *Обнародованы* первые результаты исследования в рамках проекта «Открытое мнение». // АСИ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.asi.org.ru/news/obnarodovany-pervy-e-rezul-taty-issledovaniya-v-ramkah-proekta-otkry-toe-mnenie/ (дата обращения: 3.07.2016 г.).

4. *Электоральные* настроения граждан: октябрь 2013. // Информационный ресурс «Выборы». [Электронный ресурс]. URL: http://vibori.co.ua/content/226/elektoraln-nastro-gromadyan-zhovten-2013/1/(дата обращения: 3.07.2016 г.).

5. *После Путина:* хунта, революция, «Путин-2»? // Радио Свобода. [Электронный ресурс]. URL:http://www.svoboda.org/content/article/27497270.html (дата обращения: 3.07.2016 г.).

6. *Лауринас Кащюнас.* Возможно ли крушение режима Путина? // ИА Делфи [Электронный ресурс]. URL: http://ru.delfi.lt/opinions/comments/laurinas-kaschyunas-vozmozhno-li-krushenie-rezhima-putina.d?id=70207888 (дата обращения: 3.07.2016 г.).

7. *О стратегии* национальной безопасности США // Совет Безопасности РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/865.html (дата обращения: 3.07.2016 г.).

8. *Борейко А.А.* Роль СМИ в «цветных» революциях: коммуникативный аспект // Современные исследования социальных проблем // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2011. № 3. URL: http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/boreyko.pdf (дата обращения: 3.07.2016 г.).

9. *Протестный* потенциал // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (дата обращения: 3.07.2016 г.).

10. *Одобрение* деятельности государственных институтов // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL:http:// wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_ institutov/ (дата обращения: 3.07.2016 г.).

11. *Ратленд П.* Постсоветские элиты России // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 55–72.

12. *Гаман-Голутвина О.В.* Метафизика элитных трансформаций в России // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 23–40;

13. *Опрос:* сторонников «Единой России» привлекает в партии ее поддержка Путина // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL:http:// ria.ru/society/20160624/ 1451032468.html (дата обращения: 3.07.2016 г.).

14. *Проблемы,* наиболее тревожащие население // Левада-центр. [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/2016/03/28/naibolee-trevozhashhie-problemy/ (дата обращения: 3.07.2016 г.).

15. *Оценка* властей // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/news/ratings/ocenka_vlastej/ (Ддта обращения: 3.07.2016 г.).

16. *Индексы* социального самочувствия // ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (дата обращения: 3.07.2016 г.).

17. *Кризис* тот, да не тот: почему бездействует ЦБ // Форбс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.forbes.ru/mneniya-column/krizis/297737-krizis-tot-da-ne-tot-pochemu-bezdeistvuet-tsb (дата обращения: 3.07.2016 г.).

18. *Corruption* Perceptions Index 2015 г. // Transparency International [Электронный ресурс]. URL: http://www.transparency.org/cpi2015 (дата обращения: 3.07.2016 г.).

19. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://cbsd.gks.ru/ (Дата обращения: 3.07.2016 г.).

20. *Violations* by Article and by State 2015 // ЕСПЧ [Электронный ресурс]. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2015_ENG.pdf (дата обращения: 3.07.2016 г.).

21. *Коррупция* и взяточничество в России // ФОМ. [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11912 (дата обращения: 3.07.2016 г.).

22. *Работа* полиции и отношение к полицейским // ФОМ. [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11784 (дата обращения: 3.07.2016 г.).

23. *Index* of Economic Freedom 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.heritage.org/index/heatmap (дата обращения: 3.07.2016 г.).

24. *ФОМ* О курении и дыхании // ФОМ. [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12483 (дата обращения: 3.07.2016 г.).

25. *Доверие* к российским СМИ // ФОМ. [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/SMI-i-internet/12140 (дата обращения: 3.07.2016 г.).

26. *Участники* «Марша миллионов» напали на журналистов «НТВ» // Взгляд [Электронный ресурс]. URL: http://vz.ru/news/2012/5/6/577677.html (дата обращения: 3.07.2016 г.).

27. *НТВ предупреждает* // НТВ [Электронный ресурс]. URL: http://www.ntv.ru/novosti/1634378/ (дата обращения: 3.07.2016 г.).

Astakhov Alexander M. – Limited Liability Company “Agency of Informational and Sociological Technologies” (Rostov-on-Don, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/28

THE PROSPECTS OF "RUSSIAN MAIDAN” IN THE MIRROR OF THE UKRAINIAN REVOLUTION

Keywords: Maidan, revolution, take-over, Russia, the Ukraine

The possibility of repetitions of the Ukrainian events of 2013-2014 in today’s Russia is considered in the article. The analysis is based on detecting factors, which had effect on the process of realization of the Ukrainian revolution and on their comparison with the contemporary conditions. It is noted in the beginning of the article that the question itself bears rather polemical character and in the modern period the results of any sociological studies do not allow us forecasting such events in foreseeable future. Alongside with that the statements of opposition spokesmen, experts, journalists, statesmen and public officials of the Russian Federation about the potential danger of such progression of events and, in certain cases about theirs impendence, allow us to regard this problem as topical. The analysis of “the Revolution of Dignity” has helped us to determine several factors, which conditioned such an extreme way of transformation. The factors having effect on the macro level were the geography of the country, the history of the state formation, problems of the state structure (corruption, inequality, elective justice, the existence of oligarchic system, etc.), policy elite dysfunctionality; specific nature of the political institutions (including cultural aspect). The middle level are the factors, which had determined and predetermined the events of 2014: disenchantment of the overwhelming majority of citizens with the policy carried out, lack of support of the government acting at the time on the part of the main “players”, intervention of foreign countries into the internal affairs of the Ukraine, as well as the role of mass media. Therefore, we can arrive at the conclusion that the Ukrainian revolution became the result of the system-related crisis phenomena of the Ukrainian society and state. Using the opportunity of the situation different inside and outside forces managed to become more active and execute the plan for the toppling of the legitimately elected president. Mass media also played a discrete role in the transformation of the citizens’ discontentment into revolution activity. If we compare the above described situation with the situation in today’s Russian society, we will be able to see similar problems. Those are, in particular, the problems of the political and economic systems of the state. Different situations, which can provoke discontentment and can be used for initiating rebellion activity (rules and acts regarding road and cars, several acts regarding the use of Internet, etc., which are unpopular among the majority of the country’s citizens) are revealed. Totally, we can make a conclusion of the existence of different preconditions for initiating of revolutionary (protest) actions.

References

1. State Statistics Service of Ukraine. (n.d.) *Osnovnye pokazateli sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Ukrainy, 2015* [Main indicators of socio-economic development of Ukraine, 2015]. [Online] Available from: http://www.ukrstat.gov.ua/. (Accessed: 3rd July 2016).

2. Russian Public Opinion Research Centre. (2015) *Press-vypusk № 3012 Itogi 2015 goda. Prognozy na 2016-y* [Press-Release # 3012, Results of 2015. Forecasts for 2016]. [Online] Available from: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115526. (Accessed: 3rd July 2016).

3. Social Information Agency. (2012) *Obnarodovany pervye rezul'taty issledovaniya v ramkakh proekta "Otkrytoe mnenie"* [The first results of the study within the project "Public opinion: have been revealed]. [Online] Available from: http://www.asi.org.ru/news/obnarodovany-pervy-e-rezul-taty-issledovaniya-v-ramkah-proekta-otkry-toe-mnenie/. (Accessed: 3rd July 2016).

4. Information resource "Elections" (2013) *Elektoral'nye nastroeniya grazhdan: oktyabr' 2013* [The electoral mood of the citizens: October 2013]. [Online] Available from: http://vibori.co.ua/content/226/elektoraln-nastro-gromadyan-zhovten-2013/1/. (Accessed: 3rd July 2016).

5. Shimiv, Ya. (2016) *Posle Putina: khunta, revolyutsiya, "Putin-2"?* [What will be after Putin? Junta, revolution, another "Putin"?]. [Online] Available from: http://www.svoboda.org/content/ article/27497270.html. (Accessed: 3rd July 2016).

6. Kashchyunas, L. (2016) *Vozmozhno li krushenie rezhima Putina?* [Can Putin's regime collapse?]. [Online] Available from: http://ru.delfi.lt/opinions/comments/laurinas-kaschyunas-vozmozhno-li-krushenie-rezhima-putina.d?id=70207888. (Accessed: 3rd July 2016).

7. Security Council of the Russian Federation. (2015) *O strategii natsional'noy bezopasnosti SShA* [On the US National Security Strategy]. [Online] Available from: http://www.scrf.gov.ru/news/865.html. (Accessed: 3rd July 2016).

8. Boreyko, A.A. (2011) Rol' SMI v "tsvetnykh" revolyutsiyakh: kommunikativnyy aspekt [The role of media in the "color" revolutions: Communicative aspect]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem.* 3. [Online] Available from: http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/boreyko.pdf. (Accessed: 3rd July 2016).

9. Russian Public Opinion Research Centre. (n.d.) *Protestnyy potentsial* [The protest potential]. [Online] Available from: http://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/. (Accessed: 3rd July 2016).

10. Russian Public Opinion Research Centre. (n.d.) *Odobrenie deyatel'nosti gosudarstvennykh institutov* [Approval of the activities of state institutions]. [Online] Available from: http:// wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_ institutov/. (Accessed: 3rd July 2016).

11. Rutlend, P. (2016) Russia's Post-Soviet Elite. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 55–72. (In Russian).

12. Gaman-Golutvina, O.V. (2012) Metaphysical dimensions of elite transformations in Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp.23–40. (In Russian).

13. RIA Novosti. (2016) *Opros: storonnikov "Edinoy Rossii" privlekaet v partii ee podderzhka Putina* [Poll: People like The United Russia Party because it is supported by Putin]. [Online] Available from: http:// ria.ru/society/20160624/ 1451032468.html. (Accessed: 3rd July 2016).

14. Levada-Tsentr. (2016) *Problemy, naibolee trevozhashchie naselenie* [The most topical issues]. [Online]. Available from: http://www.levada.ru/2016/03/28/naibolee-trevozhashhie-problemy/. (Accessed: 3rd July 2016).

15. Russian Public Opinion Research Centre. (n.d.) *Otsenka vlastey* [Assessment of the authorities]. [Online] Available from: http://wciom.ru/news/ratings/ocenka_vlastej/ (Accessed: 3rd July 2016).

16. Russian Public Opinion Research Centre. (n.d.) *Indeksy sotsial'nogo samochuvstviya* [The indices of social wellbeing]. [Online] Available from: http://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_ samochuvstviya/. (Accessed: 3rd July 2016).

17. Aleksashenko, S. (2015) *Krizis tot, da ne tot: pochemu bezdeystvuet TsB* [An unusual crisis: Why the Central Bank of Russia lives in misery]. [Online] Available from: http://www.forbes.ru/mneniya-column/krizis/297737-krizis-tot-da-ne-tot-pochemu-bezdeistvuet-tsb. (Accessed: 3rd July 2016).

18. Transparency International. (2015) *Corruption Perceptions Index 2015 g.* [Online] Available from: http://www.transparency.org/cpi2015. (Accessed: 3rd July 2016).

19. Federal State Statistics Service. (n.d.) *Koeffitsient Dzhini (indeks kontsentratsii dokhodov)* [The Gini coefficient (Income Concentration Index)]. [Online] Available from: http://cbsd.gks.ru/. (Accessed: 3rd July 2016).

20. ECHR. (2015) *Violations by Article and by State 2015*. [Online] Available from: http://www.echr.coe.int/Documents/Stats_violation_2015_ENG.pdf. (Accessed: 3rd July 2016).

21. Public Opinion Foundation. (2015) *Korruptsiya i vzyatochnichestvo v Rossii* [Corruption and bribery in Russia]. [Online] Available from: http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11912. (Accessed: 3rd July 2016).

22. Public Opinion Foundation. (2014) *Rabota politsii i otnoshenie k politseyskim* [Policing and attitudes towards the police]. [Online] Available from: http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11784. (Accessed: 3rd July 2016).

23. Hertiage. Org. (2016) *Index of Economic Freedom 2016*. [Online] Available from: http://www.heritage.org/index/heatmap. (Accessed: 3rd July 2016).

24. Public Opinion Foundation. (2016) *O kurenii i dykhanii* [About smoking and breathing]. [Online] Available from: http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12483. (Accessed: 3rd July 2016).

25. Public Opinion Foundation. (2015) *Doverie k rossiyskim SMI* [The credibility of the Russian media]. [Online] Available from: http://fom.ru/SMI-i-internet/12140. (Accessed: 3rd July 2016).

26. Vzglyad. (2012) *Uchastniki "Marsha millionov" napali na zhurnalistov "NTV"* [Participants in the "March of Millions" attacked NTV journalists]. [Online] Available from: http://vz.ru/news/2012/5/6/577677.html. (Accessed: 3rd July 2016).

27. NTV. (2016) *NTV preduprezhdaet* [NTV warns]. [Online] Available from: http://www.ntv.ru/novosti/1634378/. (Accessed: 3rd July 2016).

УДК 316.42
DOI: 10.17223/1998863X/36/29

В.А. Галицкая, Т.А. Булатова

ИННОВАЦИОННЫЙ РЕГИОН В МНЕНИЯХ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ[1])

Дана оценка инновационного развития региона на основе внедрения новых технологий глазами научно-технической элиты г. Томска. Сделан анализ социально-экономических факторов перехода на инновационное развитие экономики на примере функционирования Особой экономической зоны в г. Томске. Основой исследования послужили интервью с экспертами научно-технического сообщества, занимающими ведущие позиции в различных областях знания.

Ключевые слова: *инновационное развитие экономики, неоиндустриализация, Особая экономическая зона, креативный класс.*

В современных условиях экономической нестабильности и осознания необходимости глубокой модернизации всех отраслей производства на повестку дня встает вопрос перехода к стратегии опережающей социокультурной модернизации страны [1]. Томск представляет собой удачный пример того, как наука и образование приобретают градообразующий статус, а развитие человеческих ресурсов становится особенно актуальным. Несмотря на доминирование сырьевого сектора в экономике региона, многие эксперты высказываются о необходимости перехода на инновационное развитие, которое способствует модернизации как регионов, так и страны в целом [2]. В Томске реализуется ряд программ, вектором которых выступают инновации и одним из главных проектов, конечно, является ТВЗ. В данной статье будет рассмотрено, как более чем десятилетнее функционирование особой экономической зоны повлияло на развитие города и области, а также будет дана оценка инновационного развития региона на основе внедрения новых технологий глазами российской научно-технической элиты. В статье также будут рассмотрены проблемные моменты, препятствующие внедрению инновационных решений. Под научно-технической элитой понималось сообщество профессионалов, по роду деятельности связанное с производством нового знания, наравне с созданием и внедрением современных наукоемких технологий [3]. В ходе исследования было проведено 15 интервью с руководителями компаний-резидентов Особой экономической зоны. Респондентам предлагалось ответить на два блока вопросов, один из которых был связан с инновационным климатом в Томской области, другой – с оценкой качества функционирования ТВЗ.

Одним из проектов, реализуемых в Томске и отвечающих концепции неоиндустриализации, является Особая экономическая зона технико-

[1] Статья основана на материалах, полученных в ходе реализации исследования, проведенного при финансовой поддержке РГНФ, проект «Социокультурные факторы новой индустриальной модернизации в регионах (на материалах исследований в Томской области)», № 15-03-00366а.

внедренческого типа, созданная в 2005 году. Резидентами ОЭЗ стали высокотехнологичные компании, чья деятельность развивается в таких направлениях, как медицинские и биотехнологии, наукоемкие разработки, информационные технологии. Предпосылками создания ТВЗ в Томске является высокая концентрация научно-исследовательских центров, наличие нанотехнологичного производства, подготовка специалистов-инноватиков в вузах города. Цель создания технико-внедренческой зоны заключалась в переходе к инновационной экономике, основанной на развитии передовых технологий, которые должны были внедряться во все сферы производства, что в перспективе обеспечило бы переход от сырьевой экономики к экономике инновационной [4].

Несмотря на то, что с 2013 года Томская область опустилась на пару пунктов в рейтинге АИРР, регион по-прежнему входит в десятку сильных инноваторов и занимает седьмую строчку [5]. Область усилила свои позиции по таким показателям, как научно-технический потенциал, показатель инновационной деятельности, что выражено в увеличении числа патентных заявок и доли молодых исследователей в возрасте до 39 лет [6]. Во многом этому способствуют мероприятия, реализуемые городской и областной властью [7]. Так, респонденты в целом положительно оценивают меры, направленные на формирование инновационной среды в Томске, в частности ТВЗ. Из положительных моментов отмечали создание центра кластерного развития, который объединяет фармацевтику, медицинские технологии и IT, а также инжинирингового центра. Данный кластер стал инструментом, посредством которого областная администрация поддерживает инновационные компании из приоритетных сфер. Как правило, такую поддержку получают предприятия, заявившие о себе на рынке и имеющие соответствующую репутацию: *«В Минэкономразвитии изменилась политика. Министерство переходит от поддержки малых проектов от десятков миллионов к проектам в сотни миллионов – миллиарды. Смещается фокус поддерживаемых предприятий, будут поддерживаться именно крупные предприятия» (источник из крупной компании, занимающийся разработкой оптических инструментов)*.

В то же время небольшие компании сталкиваются с барьерами, пытаясь воспользоваться такой формой поддержки: *«Кластер – это большая такая схема, такой монстр, как я его представляю, и не знаешь, с какого края подойти и как вообще понять, куда обращаться за некоторой поддержкой // Я не считаю себя глупым человеком, но я не могла понять, кто за что отвечает. Вот был бы принцип одного окна, было бы идеально» (источник из небольшой компании, занимающейся созданием инновационных антимикробных сорбционных материалов)* – и ищут другие программы, рассчитанные на новичков, к примеру, программа «Старт», «У.М.Н.И.К», фонд Бортника. Однако целесообразность получения такой поддержки существует только при возможности вложения собственных средств, поскольку большинство этих грантов рассчитаны на софинансирование: предприятие должно вложить свои средства в проект, вместе с администрацией и Минэкономразвития.

Концепция неоиндустриализации предполагает развитие научной и промышленной сфер. В Томской области наблюдаются различные аспекты инновационной активности, что обусловлено наличием сильного научно-исследовательского комплекса. Объединение науки и производства должно

способствовать преодолению препятствий, негативно сказывающихся на инновационном развитии предприятий. В этом контексте можно обратиться к западному опыту развития городов, к примеру Остина, чья экономика базируется на высоких технологиях. Власти города сделали ставку на инновационное развитие, именно в Остине размещается один из лучших американских университетов и штаб-квартиры крупнейших хай-тек компаний. В то же время город не мог бы поддерживать статус ведущего экономического центра, пренебрегая интересами креативного класса – ядра креативной экономики. Одним из приоритетов городской политики является улучшение уровня жизни населения. Эта задача решается через сохранение окружающей среды и формирование дружественной атмосферы города. Так, Остин известен не только богатой культурной жизнью, но и разнообразием представленных вероисповедований [8. С.299].

Как показывает проведенное исследование, существует взаимная заинтересованность между научным и промышленным комплексом: так, университеты не только снабжают инновационные предприятия молодыми специалистами, но и берут на себя часть работы по проведению исследований. Общая деятельность приводит к совместному сосуществованию, что, в свою очередь, определяет создание связей между указанными группами. Такое взаимодействие образует множество сетей, посредством которых происходит обмен идеями, знаниями и опытом [9]: *«Чем хорош Томск для занятий наукоемкой деятельности – практически в любом направлении наукоемком, в котором ты хотел бы развиваться, в Томске ты можешь найти специалиста. Это уникальный город в этом смысле» (источник из крупной компании, занимающейся разработкой оптических инструментов)*. Но не всегда наука и бизнес достигает полного взаимопонимания: исследования, проводимые в вузах, зачастую носят теоретический характер или по завершении представляют собой макетные образцы, нежизнеспособные в условиях рынка: *«Мы стараемся приходить и рассказывать, что нам интересно, предлагаем заняться этим вместе, но здесь возникает недопонимание, стена. Они говорят, что им неинтересно с точки зрения науки заниматься нашими вопросами, а нам не интересно с точки зрения маркетинга, рынка заниматься их вопросами» (источник из небольшой компании, занимающейся производством электрохирургических аппаратов и инструментов)*. Стоит отметить, что это общая проблема, с которой сталкиваются ученые и бизнесмены в нашей стране. Существуют три наиболее яркие причины, которые затрудняют сотрудничество науки и бизнеса. Прежде всего, это проблема коммуникации между представителями данных групп. Так, ученые, как правило, не разбираются в юридических, маркетинговых тонкостях, а предприниматели, со своей стороны, не всегда могут оценить реальную ценность научной разработки. Кроме того, возникает противоречие в ожидаемых результатах сотрудничества. И третьим препятствующим фактором выступает отсутствие сильной высокотехнологичной среды внутри научных коллективов. До сих пор еще в нашей стране модель продвижений стартапа группой ученых является скорее исключением из правил, ввиду отсутствия ресурсов для долгосрочного планирования развития инновационного проекта [10].

Таким образом, научные коллективы томских вузов, хотя и занимаются исследованиями высоких технологий, не всегда могут оценить на практике, насколько актуален будет на рынке данный инновационный продукт: *«В целом мы очень инновационны, но нужно еще уметь применять эти инновации, чтобы они выливались в конкретные продукты, которые продаются серийно» (источник из небольшой компании, занимающейся производством электрохирургических аппаратов и инструментов)*. *у*Если с разработкой инновационных решений проблем не возникает, то вопрос внедрения этих инноваций не теряет своей актуальности. Как было сказано ранее, компании-стартапы не всегда адекватно могут оценить перспективы развития своей разработки в условиях рынка, в то же время резидентство в Особой экономической зоне также не является гарантией того, что разрабатываемые инновации будут внедрены: *«Когда говорится о ТВЗ, происходит подмена понятий. Многие думают, что особая экономическая зона должна заниматься внедрением этих решений, на самом деле это инфраструктурный проект» (источник из небольшой компании, занимающейся разработкой и выводом на рынок инсулиновой помпы нового поколения)*. Это объясняет низкий показатель доли инновационной продукции в ВРП региона, снижение инвестиций в науку и образование. Так, затраты собственных средств организаций на НИОКР в период с 2014 по 2015 год сократились с 16 до 13,7 % [5].

Особая экономическая зона задумывалась как площадка, объединяющая интересы ученых и предпринимателей, коммерциализирующих их разработки. Однако успешное продвижение новых образцов продукции невозможно без инвестиций. В связи с этим особое внимание уделяется улучшению инвестиционного климата региона [11]. На эту задачу в том числе работает положительный имидж, сложившийся за годы функционирования особой экономической зоны. Образ ведущего научно-технического комплекса базируется на вполне осязаемых составляющих: все респонденты отмечают высокий уровень информационной поддержки, технического оснащения Особой экономической зоны, увеличение количества рабочих мест [12]. Новый инфраструктурный комплекс оснащен всем необходимым для коммуникации с бизнес-партнерами. Помимо экономических выгод, выраженных в льготном налогообложении, резиденты могут рассчитывать на своевременное и бесплатное освещение мероприятий, организацию встреч с иностранными делегациями – потенциальными инвесторами, представителями власти различного уровня. Опрошенные эксперты сошлись во мнении, что значимым преимуществом резидентства в ТВЗ является атмосфера новаторства, располагающая к естественной и свободной коммуникации. Некоторые крупные компании, чьи производственные мощности находятся вне территории зоны, предпочитают переносить свои RnD (research and development) подразделения в ТВЗ, чтобы оградить разработчиков от производственных проблем и рутины. Поощряется и неформальное общение, стимулирующее развитие горизонтальных связей. Людям, задействованным в создании инноваций, выгодно сосуществовать в едином пространстве, так происходит взаимное использование чужой продуктивности, формирование команды, обмен жизненным знанием [9]: *«Банально, заходишь в столовую, там ведутся разговоры о каких-то технологиях, протоколах, передачах данных. Уже голова по-другому*

настраивается, это как минимум. А максимум – Томск не такой большой, есть круг специалистов и многие друг друга знают. И у многих компаний томских RnD подразделения находятся в зоне» (источник из крупной компании, занимающейся созданием и использованием баз данных и информационных ресурсов).

Поскольку представители креативного класса – это люди активные, мобильные, нацеленные на личностное развитие, особое место в их продуктивности занимает среда обитания, к которой предъявляются более высокие требования [13]. Среди инфраструктурных проектов на территории ТВЗ предполагалось разместить жилые комплексы для молодых специалистов, однако планы не были реализованы. Новый район «Южные ворота» не рассматривался экспертами как фактор, который мог бы существенно повлиять на потенциальных работников ТВЗ. В то же время проблемы транспортной доступности были частично решены: теперь практически до всех корпусов ОЭЗ ходит общественный транспорт, в наличии удобный парковочный комплекс [12]. В этом году на территории экономической зоны открылся детский сад, и дети молодых специалистов находятся в непосредственной близости к месту работы родителей. ОЭЗ предлагает достаточно гибкие условия труда: резиденты могут присутствовать на рабочем месте в любое время, включая выходные.

Экспертов просили перечислить и основные недостатки, которые они видят в функционировании ТВЗ. Так, главным из них стала высокая арендная плата. Вопрос о снижении арендной платы еще в 2009 году поднимался резидентами, однако, как показало исследование, этот вопрос не потерял своей актуальности и по сей день [14]. Для многих, особенно небольших компаний, это может стать серьезным аргументом для выхода из состава резидентов: «*Если экономически считать, то получается, что нам выгоднее арендовать в другом месте помещения и уйти из зоны. Сейчас нам нужно производственное помещение, мы расширяемся. Я уже думаю, где его делать, потому что в зоне аренда потянет прилично. Возможно, я найду где-то на стороне, потому что там аренда дешевле» (источник из небольшой компании, занимающейся производством современных сорбционных и фильтровальных материалов и изделий различного назначения).* Респонденты хотели бы иметь послабления в платежах за аренду, поскольку они уже взяли на себя часть расходов по обустройству рабочих площадей: перепланировка офисов, закупка мебели и оргтехники ложилась на плечи предпринимателей. Чтобы сократить убытки, резиденты предпочитают иметь производственные помещения за пределами ТВЗ или же арендовать площади в соседних корпусах по более низкой цене. Если обратиться к опыту других стран, арендная плата в ОЭЗ там является главным льготным преимуществом: «В прошлом году мы были в ОЭЗ Тайваня, там начинающие компании платят арендную плату в пересчете на рубли в размере около 50 коп. за квадратный метр в месяц» [15]. Проблема высокой стоимости аренды особенно актуальна для молодых компаний, которые пока не имеют готового продукта, и в течение нескольких лет будут вести инновационные разработки, прежде чем выпустить его на рынок. Тот же принцип обусловливает зоны активного отдыха: наличие спортинвентаря каждая компания определяет в соответствии со своими финансовыми возможностями.

Еще одной болевой точкой для резидентов является таможенная зона. Все эксперты отметили ее как фактор, препятствующий полноценной работе. Предпринимателям необходимо подстраиваться под работу таможенной службы: любые товары, которые нужно пронести на территорию ТВЗ, будь то груз или коробка бумаги, необходимо декларировать. По сути, таможенными льготами могут пользоваться только те фирмы, которые ввозят что-то из-за рубежа. Но таких компаний немного, для основной части резидентов таможенная зона не приносит ничего, кроме бюрократических неудобств. Также это отражается на взаимодействии с зарубежными партнерами: о визите иностранцев нужно уведомлять за 3 дня: *«Это часто нельзя спланировать. Бывают ситуации, когда мне звонят: «Понимаете, ко мне приехал друг с Англии, у нас с ним бизнес. Давайте мы к Вам подскочим, вы нам покажете, расскажите о своем предприятии», а я не могу. У нас это сплошь и рядом» (источник из крупной компании, занимающейся разработкой программного обеспечения)*. В таких случаях остается надеяться на понимание службы охраны, поскольку в связи с тем, что ТВЗ представляет собой режимный объект, сами правила взаимодействия изменить нельзя.

Подводя итог десятилетнему существованию особой экономической зоны, нужно заметить, что она внесла ряд положительных моментов в социально-экономичесую жизнь региона [16, 17]. Инновационным компаниям, чья деятельность характеризуется высокими предпринимательскими рисками, дали возможность окрепнуть за счет предоставленных налоговых льгот и возможности получить грантовую поддержку. Также ТВЗ – это инфраструктура высокого уровня, представленная актуальными технологическими площадями, а также обеспечивающая резидентов достойными условиями труда. Для томичей позитивным фактором развития особой экономической зоны стало решение транспортных проблем: строительство дорог, появление новых маршрутов [18]. И, конечно, самым очевидным преимуществом, которое назвали все опрошенные эксперты был имидж инновационного региона, который закрепился за Томской областью с момента появления ТВЗ. Данную идею продвигают не только резиденты – инновационные предприниматели, но и местная власть, посредством проведения различных конкурсов для инновационных предпринимателей. Стоит отметить, что этот имидж нашел поддержку среди жителей города, которые разделяют ценности инновационного образа: *«Помню, когда объявили Томск «Сибирскими Афинами», многие даже стали себя называть жителями Сибирских Афин. Многим захотелось приобщаться к идее инновации, многие в Томске причастны к инновационности, духовно пытаясь себя синхронизировать с этими элементами» (источник из крупной компании, занимающейся производством и сбытом керамических имплантатов для ортопедии)*. Впрочем, по данным исследований, идея обновления экономики на основе применения инновационных технологий близка жителям нашей страны в целом. Так, согласно исследованию, проведенному ВЦИОМ в 46 областях страны, в обществе существует запрос на обновленную экономическую политику: *«В обществе возникает усталость от того, что успехи или неудачи в экономике привязаны к нефтяной конъюнктуре, возвращению сырьевых цен на комфортный уровень. Очевидное большинство населения настроено на смену экономического курса, связывая*

этот поворот с опорой на внутренние ресурсы и на существенное стимулирование экономической активности»[19].

В то же время имидж инновационного региона может быть под угрозой, если уже сейчас не начать решать проблемы, препятствующие неоиндустриализации. Объективными барьерами на пути к построению инновационной экономики являются ряд факторов, среди которых малая доля внедренных инновационных разработок в производство, недопонимание между научными работниками и предпринимателями и, как следствие, неумение коммерциализировать исследовательские разработки; преграды на пути к сохранению авторских прав на изобретение, в том числе из-за высокой стоимости патентования изделий; низкий уровень инвестиций; недостаточно развитая инфраструктура. Так, согласно исследованию ВШБ, в этом году в Томске наблюдается отрицательная динамика по такому важному показателю, как качество инновационной политики, по которой область потеряла 6 позиций, оказавшись на 16-м месте. Также снижается показатель социально-экономических условий для ведения инновационной деятельности – с 10-го места в 2013 до 13-го в 2014 году [6]. В плане социальной значимости ТВЗ не оказала очевидного влияния на развитие городской среды: помимо строительства дорог не было названо никаких очевидных преимуществ. Все это негативно сказывается на развитии культурного и человеческого капитала, другими словами, креативных специалистах, которые трудятся в сфере инновационного предпринимательства. Так, согласно западным исследованиям, в настоящий момент происходит борьба технологичных компаний за высококвалифицированные кадры. В свою очередь, креативный класс в выборе места работы все чаще основывается не на уровне заработной платы, предлагаемой работодателем, а на особенности места расположения фирмы, комфортных условиях для жизни и самореализации. В связи с этим очень важно поддерживать параллельное развитие как высокотехнологичных производств, так и социальных условий для поддержания комфортной среды обитания для талантливых работников [20. С. 13].

В то же время у Томска есть шансы укрепить свои позиции среди инновационных городов. Так, респонденты отмечают высокий уровень инновационных разработок, во всех сферах промышленности стал заметен переход к высокотехнологичному производству. В ответах экспертов Томск значится в тройке лидеров по таким показателям, как индустриализация, информатизация, внедрение инноваций, а некоторые эксперты даже выделяют Томскую область в качестве лидирующего региона, к примеру, в вопросе создания нового инновационного кластера: *«У Томска больше шансов получить кластерные прерогативы, чем у Новосибирска. У нас это все более энергично развивается, лучше инфраструктура, лучше управление проектами, есть параллельные программы. И опять же, активная вузовская деятельность: мало у кого на территории два вуза, входящие в пятерку лучших» (источник из крупной компании, занимающейся разработкой программного обеспечения).*

Литература

1. *Куликов С.Б., Булатова Т.А., Глухов А.П.* Неоиндустриальная модернизация в России: факторы и условия. Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2015. № 11. С. 135–138.

2. *Южанинов К.М., Рыкун А.Ю., Абрамова М.О.* Социальная политика как фактор инновационного развития региона. Вестник ТГУ. Философия. Социология. Политология. 2012. № 1. С. 92–106.

3. *Андреев А.* Переход к инновационному развитию глазами разных поколений российской научно-технической интеллигенции // Интелрос – Интеллектуальная Россия. – Электрон. дан. [Б. м.], 2011. [Электронный ресурс] URL: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/10946-perexod-k-innovacionnomu-razvitiyu-glazami-raznyx-pokolenij-rossijskoj-nauchnotexnicheskoj-intelligencii.html (дата обращения: 28.09.2016).

4. *ИНО Томск.* Инновации. Наука. Образование [Электронный ресурс]. URL:http://inotomsk.ru/about/ (дата обращения: 28.09.2016).

5. *Паспорт* инновационной активности региона. Томская область // АИРР. Ассоциация инновационных регионов России. [Электронный ресурс]. М., 2016. URL: http://www.i-regions.org/images/files/Tomsk.pdf (дата обращения: 01.10.2016).

6. *Томская* область в топ-10 рейтинга ВШЭ по инновационному развитию // РИА Томск: регион.информ. агентство. [Электронный ресурс]. URL: https://www.riatomsk.ru/article/20160630/tomskaya-oblastj-v-rejtinge-innovacionnogo-razvitiya-vshe/ (дата обращения: 02.10.2016).

7. *Булатова Т.А.,* Маклакова Т.Г. Томская область: неоиндустриализация в зеркале социокультурного пространства региона // Экономика России в XXI веке: сб. науч. тр. XII Междунар. науч.-практ. конф. «Экономические науки и прикладные исследования», г. Томск, 17–21 нояб. 2015 г.: в 2 т. Томск, 2015. Т. 2. С. 127–134.

8. *Florida R.* The Rise of the Creative Class. And How It's transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. N. Y.: Basic Books, 2002. 416 p

9. *Флорида Р.* Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press, 2014. 380 с.

10. *Точка* зрения. Финансирование и коммерциализация научных разработок: мнения экспертов ПостНауки о проблемах взаимодействия ученых и инвесторов // ПостНаука. [Электронный ресурс]. URL: https://postnauka.ru/talks/36674 (дата обращения: 04.10.2016).

11. *Повышение* инвестиционной привлекательности Томской области на 2015–2017 годы: приказ Департамента инвестиций Том. обл. от 12 янв. 2015 № 01 // Департамент инвестиций Томской области. [Электронный ресурс]. URL: https://invest.tomsk.gov.ru/povyshenie-investitsionnoj-privlekatelnosti-tomskoj-oblasti (дата обращения: 04.10.2016).

12. *Отчет* о результатах контрольного мероприятия «Проверка деятельности акционерного общества «Особые экономические зоны» и юридических лиц, созданных для управления особыми экономическими зонами в субъектах Российской Федерации, в части, касающейся эффективности использования средств федерального бюджета, государственного имущества и иных средств при создании функционировании особых экономических зон в Российской Федерации в 2014–2015 годах» // Счетная палата Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ach.gov.ru/upload/iblock/af3/af3cb9a7025f1dee9b62582497ff9862.pdf (дата обращения: 04.10.2016).

13. *Lofland L.H.* Social life in the public realm: a review // Journal of Contemporary Ethnography. 1989. Vol. 17. P. 453–482.

14. *Резиденты* Томской ОЭЗ просят снизить для них арендную плату // ПолитСибRU: главные новости Сибири. [Электронный ресурс]. URL: http://politsib.ru/news/30835 (дата обращения: 05.10.2016).

15. *Литвинова Е.* Резиденты пожаловались на суровые условия зоны // Комерсантъ. 2009. № 23. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kommersant.ru/doc/1116251 (дата обращения: 05.10.2016).

16. *Граф Н.* Томской области передали управление ОЭЗ // Рос. газ. 2016. 24 авг. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2016/08/24/reg-sibfo/tomskoj-oblasti-peredali-upravlenie-osoboj-ekonomicheskoj-zonoj.html (дата обращения: 05.10.2016)

17. *ОЭЗ: информации* о закрытии Томской особой экономической зоны нет // Новости в Томске. Электрон. дан. Томск, 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://news.vtomske.ru/news/125033-oez-informacii-o-zakrytii-tomskoi-osoboi-ekonomicheskoi-zony-net (дата обращения: 05.10.2016).

18. *Андреев Я.* Томский замгубернатора: создаем ОЭЗ, о которой грезят резиденты // РИА Новости. Россия сегодня. М., 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/tomsk/20140130/991914012.html (дата обращения: 05.10.2016).

19. *Кризисная* экономика: в поисках выхода// ВЦИОМ. М., 2016. [Электронный ресурс] URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115594 (дата обращения: 05.10.2016).

20. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007. 432 с.

Galitskaya Veoletta A. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/29
Bulatowa Tatjana A. – Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/29

REGIONAL INNOVATION AS VIEWED BY THE EXPERTS (ACCORDING TO THE SOURCES ABTAINED IN TOMSK REGION)

Keywords: innovative development of the economy, neo-industrialization, special economic zone, creative class

Despite the dominance of the commodity sector in the regional economy, many experts expressed the need to transition to an innovative development. Such transformation contributes to the modernization of both the regions and the country as a whole. In this sense, Tomsk is a good example of how science and education can contribute to town formation. Development and introduction of high technologies are taking place in the framework of a special economic zone, which is also sometimes known as Techno-innovation Zone (TZ). Such zone has been functioning in Tomsk already for more than 10 years. This article attempts to examine the impact it has on the development of Tomsk and the region as a whole. Moreover, it tries to assess innovative development of the region via the introduction of the high-tech technologies as viewed by the scientific elite of the city. Research has shown that the functioning of the special economic zone had a positive impact on the development of the region. For instance, modern technological platform was set up in Tomsk. It hosts all city's high-impact companies. The emergence of TZ gave an impetus for the construction of roads and new routes. Last but not least it strengthened the image of Tomsk being as one of the innovative centers of Siberia. At the same time, there are a number of threats, hindering the neo-industrialization of the economy. These include factors such as a small fraction of the innovative developments being introduced in production, diverging opinions of the scientific and business communities, copyrights violations, low investment, and inadequate infrastructure. Nevertheless, Tomsk has an opportunity to strengthen its position among the innovative cities, by focusing on the introduction of high-tech developments. Also, it is very important to give due attention to the quality of innovation policy and investment climate, as well as the creation of social and economic conditions for conducting innovative activities by developing urban environment. Implementation of the above conditions will create the necessary prerequisites for the development of human and cultural capital, in other words - creative professionals, who lie at the core of the innovation economy and are able to work in the field of high-tech production.

References

1. Kulikov, S.B., Bulatova, T.A. & Glukhov, A.P. (2015) Neoindustrial modernization in Russia: Factors and conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogichecskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 11. pp. 135–138. (In Russian).

2. Yuzhaninov, K.M., Rykun, A.Yu. & Abramova, M.O. (2012) Social Policy as an Innovative Factor: the Case of Regional Development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 1(17). pp. 92–106. (In Russian).

3. Andreev, A. (2011) *Perekhod k innovatsionnomu razvitiyu glazami raznykh pokoleniy rossiyskoy nauchno-tekhnicheskoy intelligentsii* [Transition to innovative development through the eyes of different generations of the Russian scientific and technical intelligentsia]. [Online] Available from: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/10946-perexod-k-innovacionnomu-razvitiyu-glazami-raznyx-pokolenij-rossijskoj-nauchnotexnicheskoj-intelligencii.html. (Accessed: 28th September 2016).

4. INO Tomsk. (n.d.) *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie* [Innovation. Science. Education]. [Online] Available from: http://inotomsk.ru/about/. (Accessed: 28th September 2016).

5. Association of Innovative Regions of Russia. (2016) *Pasport innovatsionnoy aktivnosti regiona. Tomskaya oblast'* [The passport of innovative activity in the region. Tomsk Region]. [Online] Available from: http://www.i-regions.org/images/files/Tomsk.pdf. (Accessed: 1st October 2016).

6. RIA Tomsk. (2016) *Tomskaya oblast' v top-10 reytinga VShE po innovatsionnomu razvitiyu* [Tomsk Region in the HSE Top 10 Innovative Development]. [Online] Available from:: https://www.riatomsk.ru/article/20160630/tomskaya-oblastj-v-rejtinge-innovacionnogo-razvitiya-vshe/ (Accessed: 2nd October 2016).

7. Bulatova, T.A. & Maklakova, T.G. (2015) Tomskaya oblast': neoindustrializatsiya v zerkale sotsiokul'turnogo prostranstva regiona [Tomsk Region: Neoindustrialization in the the socio-cultural space of the region]. In: Barysheva, G.A. (ed.) *Ekonomika Rossii v XXI veke* [Russian Economy in the 21st century]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 127–134.

8. Florida, R. (2002) *The Rise of the Creative Class. And How It's transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York: Basic Books.

9. Florida, R. (2014) *Kto tvoy gorod? Kreativnaya ekonomika i vybor mesta zhitel'stva* [Who is your city? Creative Economy and Choice of Residence]. Translated from English by E. Lobkovs. Moscow: Strelka Press.

10. PostNauka. (2014) *Tochka zreniya. Finansirovanie i kommertsializatsiya nauchnykh razrabotok: mneniya ekspertov PostNauki o problemakh vzaimodeystviya uchenykh i investorov* [The point of view. Financing and commercialization of scientific developments: PostNauki expert opinions on the problems of interaction of scientists and investors]. [Online] Available from: https://postnauka.ru/talks/36674. (Accessed: 4th October 2016).

11. Department of Investments of Tomsk Region. (2015) *Povyshenie investitsionnoy privlekatel'nosti Tomskoy oblasti na 2015–2017 gody: prikaz Departamenta investitsiy Tom. obl. ot 12 yanv. 2015 № 01* [Increase of investment attractiveness of Tomsk Region in 2015–2017: Order 01 of January 12, 2015, by the Investment Department of Tomsk Region]. [Online] Available from: https://invest.tomsk.gov.ru/povyshenie-investitsionnoj-privlekatelnosti-tomskoj-oblasti. (Accessed: 4th October 2016).

12. Accounts Chamber of the Russian Federation. (n.d.) Report on the results of the "Check activities of JSC Special Economic Zones and legal entities created for the management of special economic zones in the Russian Federation, in respect of the efficiency of the use of the federal budget, state property and other means to create functioning special economic zones in the Russian Federation in 2014–2015. [Online] Available from: http://www.ach.gov.ru/upload/iblock/af3/af3cb9a7025f1dee9b62582497ff9862.pdf. (Accessed: 4th October 2016). (In Russian).

13. Lofland, L.H. (1989) Social life in the public realm: a review. *Journal of Contemporary Ethnography*. 17. pp. 453-482. DOI: 10.1177/089124189017004004

14. PolitSibRU. (2009) *Rezidenty Tomskoy OEZ prosyat snizit' dlya nikh arendnuyu platu* [Residents of Tomsk SEZ ask to reduce their rents]. [Online] Available from: http://politsib.ru/news/30835. (Accessed: 5th October 2016).

15. Litvinova, E. (2009) Rezidenty pozhalovalis' na surovye usloviya zony [Residents complained about the harsh conditions of the zone]. *Komersant"*. 23. [Online] Available from: http://www.kommersant.ru/doc/1116251. (Accessed: 5th October 2016).

16. Graf, N. (2016) Tomskoy oblasti peredali upravlenie OEZ [Tomsk Region to manage the SEZ]. *Rossiyskaya gazeta*. 24th August. [Online] Available from: https://rg.ru/2016/08/24/reg-sibfo/tomskoj-oblasti-peredali-upravlenie-osoboj-ekonomicheskoj-zonoj.html. (Accessed: 5th October 2016)

17. Novosti v Tomske. (2016) *OEZ: informatsii o zakrytii Tomskoy osoboy ekonomicheskoy zony net* [SEZ: There is no information that the SEZ in Tomsk will be closed]. [Online] Available from: http://news.vtomske.ru/news/125033-oez-informacii-o-zakrytii-tomskoi-osoboi-ekonomicheskoi-zony-net. (Accessed: 5th October 2016).

18. Andreev, Ya. (2014) *Tomskiy zamgubernatora: sozdaem OEZ, o kotoroy grezyat rezidenty* [Tomsk Deputy Governor: We are creating a special economic zone of a dream]. [Online] Available from: https://ria.ru/tomsk/20140130/991914012.html. (Accessed: 5th October 2016).

19. Russian Public Opinion Research Center. (2016) *Krizisnaya ekonomika: v poiskakh vykhoda* [Crisis Economics: Breaking Through]. [Online] Available from: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115594. (Accessed: 5th October 2016).

20. Florida, R. (2007) *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The creative class: People who change their future]. Translated from English by A. Konstantinov. Moscow: Klassika-XXI.

УДК 316.6
DOI: 10.17223/1998863X/36/30

Ю.А Луц, В.В. Орлова

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ: ПО ИТОГАМ МОНИТОРИНГА ПРОЕКТА «РОССИЙСКО-ГЕРМАНО-КАЗАХСТАНСКИЙ ФОРУМ НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЕЖИ»

Предпринята попытка раскрыть структуру деятельности объединений молодых российских немцев, возможностей по обучению и участию в мероприятиях организации, актуализации и развития этнокультурной идентичности. Определены внешние и внутренние факторы трансформации самоорганизации молодых российских немцев. Выявлены функции самоорганизации молодых российских немцев и значимость для воспроизводства групп с этнической идентичностью, определены основные направления деятельности.
Ключевые слова: *молодежь, российские немцы, проектная деятельность, этническая идентичность.*

Многонациональный состав населения России и его участие в жизни городов вызывает интерес исследователей. В современных условиях особое внимание привлекают малочисленные народы, к которым относятся и российские немцы. Пристальное внимание зарубежных и отечественных исследователей к вопросам межнациональных отношений свидетельствует об остроте этой темы. Увеличивается доля людей, считающих себя представителями не одной, а двух и более этнокультур, воспринимающих и/или использующих в качестве родного несколько языков. В настоящее время активно развиваются российско-германские отношения. Медленно и постепенно происходит восстановление забытых, утраченных культурных традиций, обычаев, языка, праздников, бытовых особенностей жизни российских немцев.

Несмотря на малочисленность, немцы оставили заметный след в промышленности, науке, здравоохранении, образовании, искусстве Сибири. Сегодня возникла необходимость понимания процессов, происходивших в российском обществе, объяснения возможных перспектив межнациональных отношений. Осмысление прошлого и вытекающие из него выводы актуальны для дальнейшего сосуществования всех российских народов.

Для изучения особенностей деятельности молодых объединений российских немцев выбрана техника Кейс-стади, которая применима для описания сложных процессов и явлений и предпочтительна при проведении исследований современных событий. В качестве объекта выступали объединения российских немцев, действующие в регионах России. Описательная стратегия позволила проанализировать структуру и содержание деятельности объединений. На первом этапе был разработан гибкий вопросник для участников из разных молодежных объединений, бланк, где фиксировались результаты ответов информантов. Полуформализованные интервью (в форме анкеты) позволили проанализировать функции и деятельность руководителей региональных отделений.

Также использовалось полуформализованное интервьюирование. Мы исходили из понимания молодежи как социального ресурса и основанного на этом ресурсного подхода к молодежи (К. Манхейм), самореализационной концепции культуры отечественного социолога Л.Н. Когана, теории самореферентных систем Н. Лумана, как процесса и результата самоописания и самонаблюдения самореферентной системы, каковой является сообщество молодых российских немцев.

Вопросы истории, религии, миграционных процессов различных групп немецкого населения описаны в научной литературе [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Российские немцы остаются единственным из всех репрессированных народов, которому после войны не была восстановлена его территориальная автономия. Несправедливость в отношении немцев, неудовлетворенность этнокультурным и духовным положением привели в 1980–2000-е годы к массовому переселению сотен тысяч семей российских немцев в Германию.

На сегодня в России число людей, причисляющих себя к немецкой национальности, – чуть менее 400 тысяч человек. В Германии же тех, кого можно отнести к российским немцам, – 2 миллиона 300 тысяч [8]. В публикациях и конференциях затрагиваются самые разные аспекты жизни нации – исторические, географические, этнополитические, этносоциологические и другие. Многих молодых этнических немцев интересует собственная родословная, история своей семьи.

Изучением российских немцев занимаются несколько крупных научных обществ и институтов, среди них: Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев (МАИИКРН), Германский исторический институт в Москве, Институт культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе, Университет Виадрина (Франкфурт-на-Одере) и др. [9, 10].

Известный вклад в изучение истории немцев России и Сибири внесли работы иностранных ученых. Западные исследователи, прежде всего германские, даже в общих работах по истории российского многонационального государства не оставляют без внимания немецкое меньшинство [11].

Для самоорганизации молодых российских немцев (СО РН) 2014 год был ознаменован изменениями в руководящем аппарате Межрегиональной общественной организации «Немецкое молодежное объединение», выходом к трехстороннему сотрудничеству Россия – Германии – Казахстан, осмыслением текущих проблем и поиском их решения. Далее, в 2015 году в качестве отчета был сформирован документ «Межрегиональная общественная организация «Немецкое молодежное объединение»: перспективы, импульсы, действия», описывающий не только уставные характеристики организации, но и ключевые проекты, реализуемые ею в 2014–2015 гг.

Российско-германо-казахстанский форум немецкой молодежи, проходивший в октябре 2015 г. в г. Новосибирске, стал следующей промежуточной точкой и итогом работы организации за год, площадкой для обсуждений планов развития как молодежного движения в целом, так и местных, региональных организаций и клубов российских немцев (РН) в частности.

Нельзя не отметить роль молодого поколения, включенного в Самоорганизацию российских немцев (СО РН) и транслирующего самобытность немецкого народа в российское и международное сообщество. Молодежь явля-

ется активатором межкультурного диалога и одновременно его вектором. Поэтому в настоящее время, учитывая как внешние факторы, так и внутреннее обновление организации, следует уделить внимание стратегическому планированию деятельности объединения, его настоящему способу функционирования и анализу проделанной работы.

Данные исследования призваны описать реализацию проекта с опорой на требования, выдвигаемые МВД Германии к грантопартнерам, предоставить и обобщить результаты проведенного исследования, дать анализ и рекомендации к дальнейшему действию в рамках поля «Молодежная работа». Исследование имело подготовительный, полевой и заключительный этапы. Единая анкета включала открытые и закрытые вопросы, посвященные культурным связям, этнической идентичности, уровню владения немецким языком, проектной деятельности.

В качестве респондентов выступали участники форума в г. Новосибирске «Российско-германо-казахстанский форум немецкой молодежи» (октябрь 2015 г.), в котором приняли участие руководители и представители разных региональных молодежных немецких объединений городов и регионов России (Новосибирск, Томск, Санкт-Петербург, Сыктывкар, Тюмень, Минусинск).

Организаторами выступила Межрегиональная общественная организация «Немецкое молодежное объединение» (МОО «НМО») с привлечением представителей самоорганизации РН в РФ, этнических немцев в Казахстане и Германии, правительством Новосибирской области.

Так, в форуме со стороны МОО «НМО» предварительно было заявлено 69 участников (включая Совет НМО), из них 57 человек указали принадлежность к немецкой национальности, 20 человек не указали. По завершении проекта список участников расширился и составил 77 человек, в возрасте от 16 до 31 года, активисты, руководители и заместители руководителей (МК/МО СО РН. Средний возраст респондентов составил 21 год.

Участникам проекта было предложено заполнить анкету, посвященную современному немецкому молодежному движению в России. При подготовке исследования учитывались специфика целевой аудитории и тематики проекта, а также цели и задачи рабочих полей Программы Правительства Германии по поддержке немецкого меньшинства в РФ. Таким образом, была сформирована анкета, состоящая из четырех блоков:

1. В какой степени тот или иной Председатель/Заместитель осведомлен о структуре Совета объединения российских немцев (СО РН) и в какой степени организация, которую он представляет, включена в деятельность СО РН? (*Задачи по рабочему полю: Активизация участия молодежи в работе структур СО РН; Вовлечение молодежи из числа российских немцев в общественную деятельность молодежных организаций российских немцев*).

2. В какой степени обеспечивается взаимодействие Молодежного клуба/молодежной организации (МК/МО) и НМО? *(Задачи по рабочему полю: Использование молодежью РН возможностей по обучению и участию в мероприятиях организации РН; Совершенствование структуры МО РН и создание условий для обмена опытом между ними; Предоставление возможно-*

сти обучения и проведения свободного времени для развития этнокультурной идентичности РН).

3. Считают ли себя приглашенные участники этническими немцами или их потомками? Каково отношение участников форума к своей этнической группе? *(Задачи по рабочему полю: Актуализация этнической идентичности у молодежи РН).*

4. Социально-демографический блок.

Основные результаты исследования

1. Блок «Информированность».

Подавляющее большинство участников исследования отмечают, что получают информацию о структуре Самоорганизации российских немцев (СО РН) на проектах Немецкого молодежного объединения (НМО) (80,9%). Так, 17 (40,45%) человек получают информацию на каждом проекте; 17 (40,45%) человек получают информацию, но «понять систему СО РН бывает сложно». Три человека утверждают, что данная тематика не представлена в желаемом объеме на проектах НМО, остальные затрудняются ответить на данный вопрос.

«Как вы узнаете информацию об актуальных мероприятиях? *В основном нам передают учителя о том, что проходит конкурс, […] я участвую всегда. Где-то выигрываю, где-то нет. Я участвовал в таких конкурсах, как «Знатоки немецкого языка», федерального уровня конкурсы, которые объявляет МСНК. Тут мне говорит либо учитель, либо я сам узнаю на РУСДОЙЧ (16 лет, муж.)».*

Большинство (33 человека, 78,6%) респондентов осознают значимость и необходимость включения в программу проектов НМО информационный блок по СО РН, ссылаясь на его нужность, информативность и ценность (для дальнейшей работы организации и саморазвития), с одной стороны, и некоторую сложность и когнитивную абстрактность – с другой. Остальные же затрудняются ответить на предложенный вопрос.

Вопросы касались также и степени участия молодежных клубов/молодежных организаций в Межрегиональном координационном совете и Молодежном совете при Межрегиональном координационном совете. Более половины всех участников затруднились при ответе на данные вопросы (16 человек – 38% – участие в Межрегиональном координационном совете; 26 человек – 61,9% – участие в Молодежном совете при Межрегиональном координационном совете). Примерно равное количество респондентов ответили на вопросы отрицательно (11 человек – 26,2% – участие в Межрегиональном координационном совете; 9 человек – 21,4% участие в Молодежном совете при Межрегиональном координационном совете). Остальные остановились на утвердительном варианте (15 человек – 35,8% – участие в МКС; 7 – 16,7% участие в МС при МКС).

Проанализировав данный блок, можно судить о достаточно низком уровне информированности участников форума о структуре СО РН. Причиной этому может служить их отвлеченность от деятельности немецкого сообщества, неопытность и/или неактивность МК/МО. Это доказывают и интервью с делегатами:

«Насколько большой у Вас молодежный клуб? *Сейчас он пустеет, это примерно 30–40 человек, точно не знаю, но было больше. Агитация, так сказать, происходит в школе. Но все проходит на базе внеучебного центра в нашем городе, то есть праздники проходят в немецком центре, а занятия*

по немецкому языку проходят в школе. Назначается время, мы приходим в свободный класс и начинается занятие по программе, которую мы должны изучать в немецком центре» (16 лет, жен.).

Часто молодые люди являются участниками дополнительных занятий по немецкому языку, а затем объединяются взрослым руководителем (учителем, педагогом) в молодежный клуб.

«***Являешься ли ты руководителем МК/МО?*** *Я – лидер МК. Я – по учебе…меня тоже решили приобщить. Спросила: «У тебя есть немецкие корни?» – Есть у меня! Ну и пошло, пошло. Потом меня взяла руководительница в лагерь в Жарки, потом я в Москву поехал в ваш лагерь. После этого мне сказали вот сюда поехать. До этого я вообще не участвовал в мероприятиях НМО (немецкой молодежной организации. – Ю.Л., В.О.), первый раз. Во всем – первый раз» (18 лет., муж.).*

Отметим, молодежные клубы находятся в зачаточном состоянии или, наоборот, отказались от активной деятельности. Хотя более половины респондентов (53%) назвали руководителей федеральных организаций национально-культурных автономий немцев Новосибирска, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Тюмени, Минусинска, Омской области и их названия, все же этот процент достаточно мал, учитывая целевую аудиторию проекта (руководители, заместители молодежных организаций и молодежных клубов немцев России»), и в контексте заявленного мероприятия. Кроме этого, отметим, что респонденты, посещавшие круглые столы «Молодежные организации этнических немцев как форма сетевой гражданской активности: вызовы и перспективы» и «Стратегии развития культуры этнических немцев в молодежной среде: консервация или модернизация», были в большей мере осведомлены в первых трех вопросах анкеты: «Расшифруйте следующие аббревиатуры: МОО «НМО, СО РН, МК/МО, ФНКА и МСНК. Какие из представленных выше организаций действуют на федеральном уровне? Кто является лидером молодежного движения (Руководитель НМО)?»

Что касается степени взаимодействия МК/МО с вышестоящими структурами СО РН, данные показатели скорее отличаются незнанием молодежи функционирования системы, нежели принципиальными разногласиями, трудностями взаимодействия организаций и/или поколений или же они вообще могут показывать отсутствие этого взаимодействия.

Блок 2. Актуальная проектная деятельность НМО.

37 (88,1%) человек получают информацию об актуальной деятельности НМО и являются адресатами электронной рассылки. Лишь для трех человек (7%) этот вопрос стал затруднительным. Молодежь является активным пользователем Интернета и порталов по немецкой тематике в том числе. Так, 38 (90,5%) человек часто (каждый день) заходят на информационные порталы РН, пользуются страничками в социальных сетях и др., из них 28 (66,7%) человек – активные пользователи интернет-пространства, они не только ищут необходимую информацию, но и охотно делятся ею с окружающими.

«Какие знания Вы получаешь на проектах, в какой сфере используешь?

Во-первых, это ***язык****. С каждым разом я замечаю, что мои знания улучшаются. Когда дома занимаешься или на уроках, скучно. А когда в такой расслабленной обстановке это происходит, тебе просто дают толчок. Я,*

например, помню, какие мне слова тогда говорили. Во-вторых, это история Германии, Ландескунде. Такие знания мне даются в плане Германии. Это пригождается в первую очередь для тебя. (18 лет. жен.)»

Молодое поколение рассматривает самоорганизацию российских немцев исходя из своих приоритетов и желаний. Ниже представлен рис. 1, отражающий мотивационные аспекты участия респондентов в деятельности МОО «НМО». Оценочные суждения респондентов об актуальной проектной деятельности НМО касались выбора того или иного направления работы в качестве необходимого для дальнейшего развития и представления в тематике реализуемых проектов. Большинство респондентов отметили нехватку языковых (15 человек – 17,2%), творческих (12 человек – 13,8%), поликультурных или межнациональных (11 человек – 12,7%) и международных (11 человек – 12,7%) проектов. 2 человека из 42 считают необходимым проведение проектов среди молодых семей и/или молодых взрослых. Трудности среди участников анкетирования вызвал вопрос «Каких проектов, на Ваш взгляд, НМО проводит в избытке?»: 15(35,7%) человек из 42 затруднились ответить. Остальные же отметили избыточность проектов этнокультурной направленности (11 человек – 19,3%), а также культурно-массовых мероприятий (9 человек – 15,8%), каким является, например, и форум.

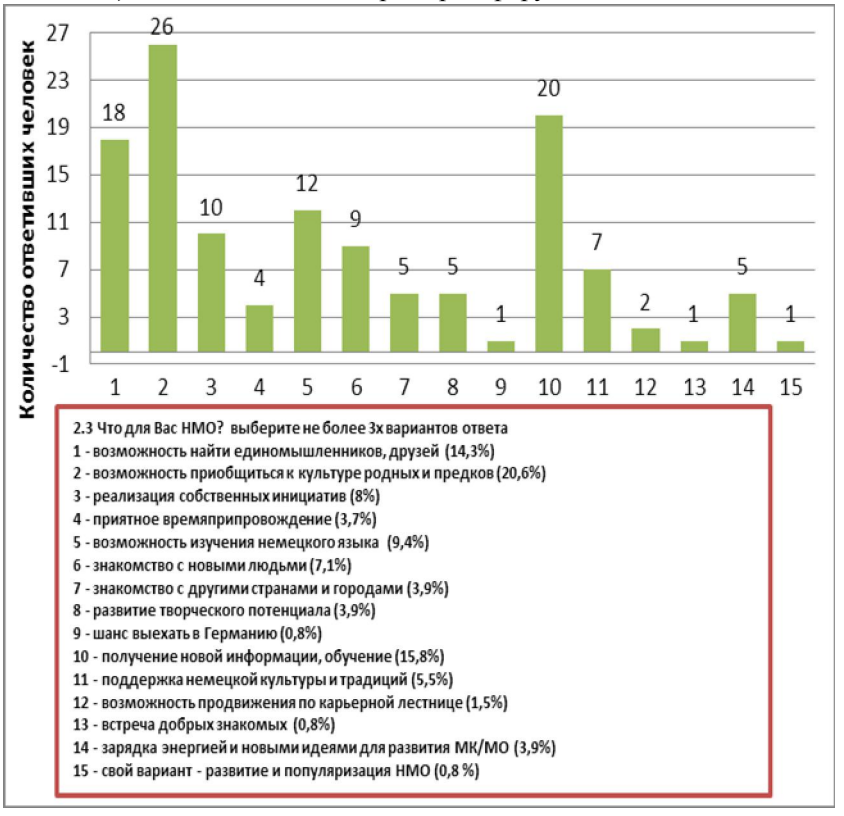

Рис. 1. Мотивационные аспекты участия респондентов в деятельности МОО «НМО» (Межрегиональная общественная организация «Немецкое молодежное объединение» (Jugendring der Russlanddeutschen – JDR)

Подавляющее большинство (34 человека – 81%) участников форума отметили ценность знаний, получаемых на проекте «Немецкое молодежное объединение» (НМО), 5 человек (12%) сошлись во мнении, что такие мероприятия «пустые» в плане информационной насыщенности, 3 (7%) отметили, что Форум – это первое знакомство с НМО.

Активисты организаций дали свою оценку не только с точки зрения пользы получаемой информации, но и проранжировали направления, в какой сфере жизнедеятельности им эти знания пригождаются. Больше всего респондентов считают, что знания, усвоенные на проектах НМО, ценны для саморазвития и расширения собственной эрудиции и образования (64,2%), а также в качестве инструментария для общественной работы (59,5%). Вместе с тем 26,3% участников опроса не видят применения транслируемой на проектах НМО информации в бытовой сфере, считают, что она не пригодится и в семейных делах (19%). Более подробная статистическая характеристика оценки проектной деятельности дана в *таблице*.

Таблица

Оценка проектной деятельности «Немецкого молодежного объединения»

Социальная сфера	Знания всегда пригождаются/всегда использую (%)	Частично полезны (%)	Иногда использую (%)	Воздержались от ответа (%)	Не нужны
Общественная деятельность	59,5% (25 человек)	23,8% (10)	11,9% (5)	4,8% (2)	–
Учеба	23,8% (10 человек)	35,8% (15)	19,1% (8)	7,1% (3)	–
Работа/профессиональное развитие	26,3% (11 человек)	28,6% (12)	13,1% (11)	11,9% (5)	7,1% (3)
Общая эрудированность	64,2% (27 человек)	16,7% (7)	9,5% (4)	4,8% (2)	4,8% (2)
Хобби, творческое развитие	38% (16 человек)	28,5% (12)	14,3% (6)	7,1% (3)	–
Семья	21,4% (9 человек)	9,6% (4)	21,4% (9)	9,6% (4)	19% (8)
Быт	16,7% (7 человек)	9,5% (4)	19% (8)	7,1% (3)	26,3% (11)

Стоит отметить, что для респондентов практически не существует направлений, вызывающих безразличие или отсутствие заинтересованности или он достаточно мал, как в случае со сферой культурно-досуговых технологий или истории и краеведения (по 6 (14,2%) человек отказались от заполнения данных пунктов). Это можно расценивать двояко: как отсутствие интереса к сфере или как пропуск и непринятие пунктов в целом.

Большинство респондентов (25 человек – 59,6%) довольно высоко оценили потребность в обучении по представленным направлениям. Самыми востребованными из них стали молодежное, языковое направление, а также культурно-досуговые технологии и менеджмент организации; 2 человека (4,8%) уверены, что потребности в обучении в их организации нет; остальные (15 человек – 35,6%) затруднились при выборе ответа.

Для молодежи из числа российских немцев, присутствующих на проекте, ключевым стимулом участия в работе самоорганизации остается возмож-

ность получения новых знаний, умений и навыков. В психологическом и социальном контексте это не является удивительным, ведь именно в молодом возрасте человек ориентирован на образование и саморазвитие, раскрытие и реализацию собственного потенциала. Важно, чтобы эти мотивационные механизмы не становились самоцелью и мешали его общественной деятельности. Несмотря на желание и готовность молодежи совершенствоваться в языке и молодежной работе (59,6%), отмечается недостаточный уровень информированности о других возможностях, предоставляемых Самоорганизацией российских немцев. Так, всего 35,7% утвердительно обозначили опыт участия молодежных клубов молодежных организаций (МК/МО) в проектах Международного союза немецкой культуры (МСНК).

Молодые люди отметили насыщенность проектов НМО этнокультурной тематикой (19,3%), при этом немногие из них видят возможности дальнейшего применения полученных знаний в быту или, например, в семейной жизни.

Более половины представителей МК/МО имеют налаженную систему информированности организаций посредством интернет-рассылки, получают новостные сообщения от НМО (88,1%), а значит, имеют представление о текущей деятельности организации и о проектах, реализуемых в других регионах.

Чтобы понять, какие сферы и направления деятельности федеральных организаций МСНК и БИЦ привлекательны для молодых представителей немецкого сообщества и в какой степени, было предложено оценить по 5-балльной шкале степень интереса к тому или иному направлению работы. Активисты видят привлекательным для себя и своего МК/МО молодежную работу (29 (69%) человек оценили его как «очень интересное и актуальное»), языковое направление (25 (59,6%) человек оценили его как «очень интересное и актуальное»), организацию лингвистических лагерей (22 (52,3%) человека оценили его как «очень интересное и актуальное»). С другой стороны, стоит отметить, что для респондентов практически не существует направлений, которые были бы им безразличны или не интересны.

Блок 3. Этническая идентичность.

Групповую этническую идентичность лучше всего определить в терминах теории самореферентных систем Н. Лумана как процесс и результат самоописания и самонаблюдения самореферентной системы, каковой является сообщество молодых российских немцев [17].

Современное сообщество российских немцев организовало более ста различных локальных, всероссийских и международных организаций с целью сохранения культурной идентичности российских немцев, способствования изучению своей истории, национальному и духовному возрождению немцев России, восстановлению и сохранению немецких национальных традиций, национального языка и его диалектов. Приведем пример из интервью: ***«Какие проекты, на Ваш взгляд, должны быть в приоритете?*** *Мне кажется это те, которые будут направлены* ***на сохранение идентичности национальной****. Благодаря семинарам люди узнают, что они РН. Некоторые люди загорелись этим желанием. Главная цель – сохранение культуры РН. Я считаю, что каждый должен знать историю» (21 год, жен.).*

Особое место в научной литературе по теме этнической идентичности занимают исследования, выполненные представителями разных специально-

стей: философами, социологами, антропологами, историками и лингвистами В этих исследованиях подробно описываются компоненты этнической идентичности, являющиеся по сути маркерами этнических границ, истории, религии различных групп немецкого населения, отдельные работы посвящены языкознанию и диалектам российских немцев [13, 14, 15, 16]. В то же время собственно социологическая проблематика конструирования и воспроизводства идентичности освещена недостаточно.

Респондентам было предложено оценить свой уровень владения немецким языком, выбрать один из 11 вариантов. Так, 13 человек обладают элементарными знаниями или не изучали язык вовсе (3 человека не изучали – 7,1%; 3 человека умеют читать – 7,1%; 7 человек владеют минимальным набором фраз – 16,7%). Немного больше немецким языком владеют еще 7 (16,7%) человек. Уровнем А2 (Предпороговый уровень) владеют 4 человека из 42, что составляет 9,5%. Средним уровнем владения языком обладают 12 человек, из них поддержать полноценный разговор с носителем языка и строить сложные предложения могут 8 (19%) человек, 4 (9,5%) человека способны почти свободно излагать свои мысли и понимать собеседника. Остальная часть знают немецкий на продвинутом уровне, в качестве родного языка или изучают его на профессиональном уровне. 4 (9,5%) человека обладают уровнем, находящемся, согласно европейской системе, между В2 (Пороговый продвинутый уровень) и С1 (Уровень профессионального владения). Два (4,7%) участника владеют немецким едва не лучше, чем русским языком, понимают/владеют диалектом. Таким образом, средний уровень владения немецким языком среди участников форума соответствует уровню А2 (Предпороговый уровень), т.е. понимают отдельные предложения и часто встречающиеся выражения, связанные с основными сферами жизни -В1 (Пороговый уровень), т.е. понимают основные идеи четких сообщений, сделанных на литературном языке на разные темы, типично возникающие на работе, учёбе, досуге, умеют общаться в большинстве ситуаций, которые могут возникнуть во время пребывания в стране изучаемого языка.

Отметим, что участвуя в различных национальных мероприятиях, молодежь активно прилагает усилия для возрождения своей национальной идентичности и сохранения организационного единства. Значимыми причинами являются субъективные причины, которые побуждают потомков немцев, многие из которых были репрессированы, выбирать немецкую идентификацию и оставаться гражданами Российской Федерации.

Для измерения степени выраженности этнической идентичности была предложена методика Дж. Финни. Молодым людям следовало выбрать ответ, отражающий степень согласия с утверждениями. К анализу было представлено 33 ответа, где респонденты отметили принадлежность к немецкому этносу одного из родителей (в различном процентном соотношении), остальные либо не заполнили графу «Этническая группа отца/матери», либо не имеют в роду этнических немцев. Результат тестирования определяется процентным показателем по двум шкалам:

1. Шкала выраженности когнитивного компонента (знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков). В состав когнитивного компонен-

та вводится множество различных составляющих элементов, такие как этнические ориентации, групповые концепции и др. Основными являются этническая осведомленность, этническое самоназвание (Т. Стефаненко). Применительно к нашему исследованию степень выраженности когнитивного компонента составила 47,5%, что соответствует среднему показателю.

2. Шкала выраженности аффективного компонента (чувство принадлежности к группе, оценка ее качеств, отношение к членству в ней). Аффективный компонент этнической идентичности, отражающий отношение к собственной этнической общности, имеет эмоциональную природу. В нашем случае он составил 42,5%.

Оба параметра близки по числовому значению друг к другу, что обеспечивает гармоничное существование личности в поликультурной среде. С другой стороны, учитывая целевую аудиторию, их должностные роли и активность в своих МК/МО, данные цифры можно расценивать как низкие и требующие глубокого осмысления.

В большинстве своем в среде молодых российских немцев, присутствующих на форуме, наблюдалась некоторая двойственность. С одной стороны, присутствует внутреннее понимание сопричастности к народу, с другой – нивелируется стремление к накоплению тех отличительных элементов, благодаря которым формируется представление о немецкой этнической группе (например, язык, изучение родословной, происхождение фамилии), а затем и эмоциональная привязанность. На наш взгляд, следует обратить внимание на поиск новых форм и мотиваторов для актуализации этнической идентичности среди молодежи. Доказательством такой тенденции может служить и снижение активности молодежи в проекте «Национальная деревня» и как следствие этого уменьшение от года к году количества участников.

Вызывает вопросы и сравнительно низкий показатель шкал выраженности когнитивного и аффективного компонентов. Учитывая продолжительность реализации программы поддержки немецкого меньшинства и статус участников форума, следует в дальнейшем корректировать программу и этнокультурную направленность мероприятий.

Подводя итог анализу исследования работы форума, отметим недостаточную информированность участников форума о структуре Самоорганизации российских немцев (СО РН). Для молодежи из числа российских немцев, присутствующих на форуме, ключевым стимулом участия в работе самоорганизации остается возможность получения новых знаний, умений и навыков. Знания, усвоенные на проектах Немецкого молодежного объединения, ценны для саморазвития и расширения собственной эрудиции и образования и в качестве инструментария для общественной работы молодежи. Активисты видят привлекательным для себя и своего молодежного клуба молодежную работу, языковое направление, организацию лингвистических лагерей.

В качестве способа формирования единого информационного пространства Самоорганизации российских немцев и передачи актуальной и востребованной информации рекомендуется транслировать информацию отделов Международного союза немецкой культуры (МСНК) руководителям молодежных клубов, а взрослым организациям РН оказывать содействие по включению лидеров мо-

лодежного движения в систему Самоорганизации российских немцев, поясняя структуру соподчинения организаций и функционал в теории и на практике.

Литература

1. *Малиновский Л.В.* Немцы в России и на Алтае. Барнаул, 1995.

2. *Смирнова Т.Б.* Немецкое население Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспорной группы: автор. дис. … д-ра ист. наук. Омск, 2009.

3. *Бахарева О.Я.* Немецкое городское население Оренбургской губернии: автореф. дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2007 .

4. *Волкова Т.П.* Проблема депортации немцев в казахстанском научном дискурсе // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): материалы 4-й Международной научно-практической конференции. Москва, 24–27 августа 2012 г. М.: МСНК-пресс, 2013. С. 409-413.

5. *Бетхер А.Р.* Традиционное хозяйство немцев Западной Сибири в конце XIX – первой трети XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Омск, 2003.

6. *Толмачева А.Ю.* Миграционные процессы у российских немцев Оренбургской области: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.

7. *Жуков А.В., Жукова А.А., Власова К.Е.* Возрождение национальной культуры и процессы миграции среди немцев в Забайкальском крае // Известия Иркутского государственного университета. 2015. С. 87–97.

8. *Дульзон А.А.* Российские немцы: прошлое, настоящее и будущее. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2012. 87 с.

9. *Официальная* страница Международной ассоциации исследователей истории н культуры российских немцев (МАИИКРН). [Электронный ресурс]. URL: http:// rusdeutsch.ru/?menu=13&IeveI2=&z=I (дата обращения: 19.01.2016).

10.*Официальный* сайт Германского исторического института в Москве. URL: http://www.dhi-moskau.org/index.html; Официальный сайт Института культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ikgn.de/home.kontakt.htm] (дата обращения: 19.01.2016).

11. *Нам И.В.* Лютеранская община Томска в 1920-е годы // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): материалы 4-й Международной научно-практической конференции. Москва, 24–27 августа 2012 г. М.: МСНК-пресс, 2013. С. 385–390.

12.*Немцы* России: населенные пункты и места поселения: энциклопедический словарь / сост. В.Ф. Дизендорф. М., 2006.

13.*История* немцев в России // Rusdeutsch : информ. портал немцев в России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu0=3&hmenu01=19 (дата обращения: 19.01.2016).

14.*Затирко А.* Замечательный сосед. Немцы [Электронный ресурс]. URL: http://articles.chita.ru/60758/ (дата обращения: 19.01.2016).

15.*Местная* национально-культурная автономия российских немцев Читинского района «Традиции» [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusprofile.ru/id/4427450 (дата обращения: 19.01.2016).

16.*Курске В.С.* Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования: автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2011.

17. *Луман Н.* Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М., 2006.

Lutz Yuliya A. – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/30

Orlova Vera V. – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/30

YOUNG GERMANS IN RUSSIA: THE MONITORING OF PROJECT "RUSSIAN-GERMAN-KAZAKHSTAN FORUM OF GERMAN YOUTH"

Keywords: Youth, Germans in Russia, project activity, ethnic identity

The attempt to reveal of young Germans in Russia associations activities, opportunities for training and participation in organization activities, updating and developing of ethnic and cultural identity

were made. External and internal Germans in Russia self-organization transformation factors were determined. Self-organization functions of young Germans in Russia and significance for group with ethnic identity reproduction were revealed. Main trends of activity were determined.

References

1. Malinowski, L.V. (1995) *Nemtsy v Rossii i na Altae* [The Germans in Russia and Altai]. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.

2. Smirnova, T.B. (2009) *Nemetskoe naselenie Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XXI veka: formirovanie i razvitie diaspornoy gruppy* [The German population of Western Siberia in the late 19th – early 21st centuries: The formation and development of the diaspora]. Abstract of History Doc. Diss. Omsk.

3. Bakhareva, O.Ya. (2007) *Nemetskoe gorodskoe naselenie Orenburgskoy gubernii* [The German urban population of Orenburg Province]. Abstract of History Cand. Diss. Orenburg.

4. Volkova, T.P. (2013) [The deportation of Germans in Kazakhstan scientific discourse]. *Dva s polovinoy veka s Rossiey (k 250-letiyu nachala massovogo pereseleniya nemtsev v Rossiyu)* [Over Two Centuries with Russia (the 250th anniversary of the German mass migration to Russia)]. Proc. of the Fourth International Conference. Moscow. August 24–27, 2012. Moscow: MSNK-press. pp. 409–413. (In Russian).

5. Boettcher, A.R. (2003) *Traditsionnoe khozyaystvo nemtsev Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – pervoy treti XX vv*. [Traditional economy of Western Siberia Germans in the late 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.

6. Tolmacheva, A.Yu. (2015) *Migratsionnye protsessy u rossiyskikh nemtsev Orenburgskoy oblasti* [Migration of Russian Germans in Orenburg Region]. History Cand. Diss. Moscow.

7. Zhukov, A.V. Zhukova, A.A. & Vlasova, K.E. (2015) Revival of National Culture and Processes of Migration of the Germans in the Trans-Baikal Territory. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bulletin of Irkutsk State University. Political Science and Regional Studies*. 11. pp. 87–97. (In Russian).

8. Dulzon, A.A. (2012) *Rossiyskie nemtsy: proshloe, nastoyashchee i budushchee* [Russian Germans: the past, present and future]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.

9. *International Association of Russian Germans History and Culture Researchers*. (n.d.) Offical website. [Online] Available from: http://rusdeutsch.ru/?menu=13&IeveI2=&z=I. (Accessed: 19th January 2016).

10. *German Historical Institute in Moscow*. (n.d.) Official Website. [Online] Available from: http://www.dhi-moskau.org/index.html. (Accessed: 19th January 2016).

11. Nam, I.V. (2012) [The Lutheran community of Tomsk in 1920]. *Dva s polovinoy veka s Rossiey (k 250-letiyu nachala massovogo pereseleniya nemtsev v Rossiyu)* [Over Two Centuries with Russia (the 250th anniversary of the German mass migration to Russia)]. Proc. of the Fourth International Conference. Moscow. August 24–27, 2012. Moscow: MSNK-press. pp. 385–390. (In Russian).

12. Dizendorf, V.F. (ed.) *Nemtsy Rossii: naselennye punkty i mesta poseleniya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Russian Germans: Settlements: An Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: ERN.

13. Rusdeutsch. (n.d.) *Istoriya nemtsev v Rossii* [The History of the Germans in Russia]. [Online] Available from: http://www.rusdeutsch.ru/?hist=1&hmenu0=3&hmenu01=19. (Accessed: 19th January 2016).

14. Zatirko, A. (2014) *Zamechatel'nyy sosed. Nemtsy* [Wonderful neighbors. Germans]. [Online] Available from: http://articles.chita.ru/60758/. (Accessed: 19th January 2016).

15. Rusprofile.ru. (2014) *Mestnaya natsional'no-kul'turnaya avtonomiya rossiyskikh nemtsev Chitinskogo rayona "Traditsii"* [Local National Cultural Autonomy of Russian Germans "Traditsiya", Chita Region]. [Online] Available from: http://www.rusprofile.ru/id/4427450. (Accessed: 19th January 2016).

16. Kurske, V.S. (2011) *Mnozhestvennaya etnicheskaya identichnost': teoreticheskie podkhody i metodologiya issledovaniya* [Multiple ethnic identity: Theoretical approaches and research methodology]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Moscow.

17. Luhmann, N. (2006) *Differentsiatsiya* [Differentiation]. Translated from German by B. Skuratov. Moscow: Logos.

УДК 316.472.45
DOI: 10.17223/1998863X/36/31

Е.И. Самофалова

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ)

Рассматриваются социальные сети в образовательной миграции из Китая и перспективы их развития. В результате проведенного социологического исследования (используемые методы: составление матрицы социальных отношений и интервью) автор выясняет основные способы формирования социальных сетей мигрантами в стенах университета, исследует их внутреннюю и внешнюю структуру, выявляет механизмы взаимодействия членов сети с русскоговорящими студентами и преподавателями. Представлены основные проблемы, с которыми сталкивается образовательный мигрант из Китая при обучении. В заключение представлен список рекомендаций для более эффективного включения мигрантов в образовательную среду российского университета.

Ключевые слова: *образовательная миграция, учебная миграция, социальные сети, мигранты из Китая.*

Феномен образовательной миграции – это явление, присущее человечеству на протяжении всего времени его существования, более того, возможность получения образования увеличивает потенциальные возможности для перемещения. В настоящее время образовательная миграция в мире занимает около 15–20 % от общего потока, составляющего на конец 2015 года около 245 млн человек [14]; при этом благодаря неизбежным глобализационным процессам и общему расширению ментальных границ индивида в связи с развитием коммуникационных технологий и Интернета элитное высшее образование перестало считаться прерогативой исключительно европейских студентов. Именно мигранты из стран Азии – Китая, Индии, Кореи – занимают лидирующие позиции в образовательной миграции всех лидирующих вузов мира[1].

Ситуация с образовательной миграцией в России достаточно сложная. По словам ряда исследователей, по ряду объективных причин[2] после распада СССР данный тип миграции в нашей стране развивается бессистемно и медленными темпами [6. С. 106], поэтому Россия пока не может сравниться в объемах образовательной миграции с США, Великобританией или Францией. Тем не менее привлечение в отечественные университеты студентов из стран Азии имеет долгосрочную благоприятную перспективу. Так, для России интересен миграционный потенциал стран Востока как давних торговых партнеров и, возможно, партнеров стратегических. Во-первых, наличие в вузе студентов из других стран – это существенная имиджевая характеристика,

[1] Например, в 2011 году общее количество студентов-мигрантов из Китая составило 500 тысяч, из Индии – 200 тысяч человек [3. С. 16].

[2] Подробнее о причинах можно познакомиться в работах Л.Л. Рыбаковского, Л.А. Арефьева. С.В. Румянцева, А.Г. Ларина, В.Ю. Леденевой и др.

статусный показатель, демонстрирующий обширные возможности вуза в плане обучения. Во-вторых, это один из объективных критериев наличия в университете качественного образования, которое востребовано в других странах мира. Наконец, это и возможность предоставления вузу дополнительных материальных и социальных ресурсов как на федеральном, так и на региональном уровне.

С другой стороны, образовательная миграция – это зачастую сосуществование рядом двух разных культур со своими особенностями и традициями обучения. Причем первоначальные причины миграции могут быть различными: от обычного переезда в другой город или страну для получения образования до стремления изучить новые методики преподавания в аутентичной среде. Иногда в образовательной практике миграционные процессы или интерес к изучению того или иного предмета могут быть спровоцированы и совершенно неожиданными факторами, например так называемой Корейской волной 2012–2013 годов, вызванной песней рэпера PSY “Gangnam style”, когда среди молодежи всего мира наблюдался всплеск интереса к культурной и образовательной жизни Южной Кореи, а также резко увеличилось количество образовательных мигрантов, желающих изучать корейский язык [11].

Однако в большинстве случаев студент-мигрант при переезде в другую страну для обучения находится в невыгодной для себя психологической позиции. В социологии такое состояние называют культурным шоком, понимая под ним «умственное, физическое и эмоциональное приспособление к жизни в чужой стране, в новой для человека среде...» [13]. Особенно это характерно для представителей азиатских культур [22]: так, например, в Китае, чьи студенты-мигранты являются объектом для изучения данного исследования, в соответствии с традициями конфуцианства система взаимоотношений ребенок – взрослый характеризуется «патриархальностью, патрилинейностью и патрилокальностью» [9]. Это означает, что образовательный мигрант из Китая даже в сегодняшнее время может получать социально значимое или желаемое, с точки зрения родителей, образование в другой стране, но для него лично оно не будет обладать никакой значимостью и вызывать только негативный отклик. В исследованиях, посвященных описанию данного феномена,[1] указывается, что в подобных случаях одной из центральных задач при взаимодействии студента-мигранта и преподавателя университета является «необходимость поддержания баланса между необходимостью информирования... о существующих культурных различиях и... избеганием преувеличения значимости этих различий» [8. С. 49]. На практике это реализуется не только через индивидуальное взаимодействие, но в большинстве случаев путем включения образовательного мигранта в социальные сети университета, начиная от наличия в учебниках (или семинарах) соответствующих тем до участия студентов в различных общекультурных занятиях и психологических тренингах.

[1] См., например, работы Е.В. Афонасенко, О.Б. Михайловой, Е.В. Клименко.

Взаимодействие студента в социальных сетях является основным способом успешной адаптации к изменившимся условиям жизни.[1] Социальные сети – это та часть жизни, без которой в современном обществе невозможно нормальное функционирование индивида. Общеизвестно, что образовательные взаимосвязи наряду с родственными и дружескими являются одними из самих крепких, так как приносят постоянную выгоду всем членам социальной группы. Укрепление и расширение социальных сетей образовательных мигрантов силами университета – это возможность не только повысить качественные показатели во время учебы, но и образовать и поддерживать долгосрочную благоприятную образовательную среду, позволяющую наращивать социальный и культурный капитал. Изучение механизмов взаимодействия социальных сетей в миграции также поможет сформировать в современном университете более эффективную образовательную среду, выгодную обеим сторонам образовательного процесса.

Иностранные студенты из Китая представляют собой в данном случае наиболее привлекательный объект для изучения в связи с растущей в последнее время популярностью получения высшего образования в России в этой стране. Прошедшие не так давно Год русского языка в Китае (2009) и Год китайского языка в России (2010) значительно повысили двусторонний миграционный интерес. Так, согласно данным статистики, китайские мигранты – самая многочисленная образовательная группа в стране, причем их численность неуклонно растет – от 14 тыс. в 2006–2007 годах (15% от числа всех образовательных мигрантов), 16 тысяч в 2011-м (14% от общего числа иностранных студентов) и 20,5 тысяч в 2014 г.[2] Для этого есть несколько объективных причин: территориальная близость стран, длительная история плодотворных взаимоотношений между местным населением и мигрантами, система поддержки грантами и различными программами обмена местных университетов и вузов Китая [9] и одновременно относительно дешевое обучение в местных вузах в целом.

С другой стороны, по результатам социологических исследований[3], в Россию едут учиться те студенты из Китая, образовательный уровень которых сравнительно низок. Однако российское образование, возможно еще с советских времен, считается достаточно престижным, и выпускник, вернувшийся после обучения на Родину, автоматически попадает в социально-культурную элиту своей страны [7. С. 235].

Несмотря на относительно положительную тенденцию в российской образовательной миграции, сам процесс обучения студентов из стран Азии в российском университете обладает рядом специфических особенностей, которые необходимо учитывать. Так, в приведенных ниже результатах социо-

---

[1] В данном случае понятие «социальные сети» обозначает одно из основных понятий в социологии, то есть тип социальных взаимоотношений с регулярным, основанным на доверии к друг другу и корпоративном поведении членов сети. Популярная, большая социальная сеть обычно действует как единый механизм, осознается как единство и представляет себя в социальной структуре как автономного, независимого актора. Термин был введен в науку Дж. Барнсом в 1954 году [15].

[2] Данные взяты из: *Арефьев А.Л.* Китайские студенты в России, Рязанцев С.В. Китайская миграция в Россию: тенденции и стратегии регулирования, статистики OESD.

[3] См. работы А.Л. Ларина, П.Н. Калмыкова, Е.С. Анохиной, монографию о мигрантах из стран Азии под ред. Е.Ю. Кошелевой и др.

логического исследования выявлены основные аспекты взаимодействия образовательных мигрантов из Китая в двух университетах Томска – ТГУ и ТПУ. Основной целью работы является определение образовательных и социальных практик образовательных мигрантов на локальном уровне для их включения в социальные сети университета и дальнейшего успешного обучения.

На начальном этапе исследование проводилось методом снежного кома: каждый респондент отвечал на вопросы интервью и составлял социальную матрицу отношений по методу генератора позиций в его узкой социальной образовательной университетской группе (а не группе общения). Опрос проводился на родном языке респондента (китайский), что позволило снять языковой барьер и в большей степени расположить его к себе. В общем было опрошено 30 студентов, при этом основные демографические характеристики мигрантов (пол, возраст, материальный доход) и образовательные аспекты (год обучения, получаемая специальность) первоначально не учитывались, в отличие от фактора знакомства между собой (это позволило в дальнейшем составить общую социальную сеть). Тем не менее после сбора данных полученные результаты оказались релевантными по основным демографическим признакам. Распределение опрошенных по специальностям также соответствует реальной образовательной ситуации с российским образованием в среде образовательных мигрантов: половина опрошенных студентов изучают русский язык или общую филологию на филологическом факультете ТГУ, все остальные факультеты представлены одним человеком на каждый. Подобное распределение характерно в целом для мигрантов из Китая: согласно социологическим исследованиям, типичный студент-китаец в России – это молодой человек 22 лет, «выбирающий гуманитарную специальность, прекрасно владеющий компьютером, но... практически не подготовленный к жизни в новом социокультурном окружении» [9. С. 106].

По результатам исследования выяснилось, что социальные сети студентов ТГУ и ТПУ не пересекаются между собой: несмотря на довольно большое общее количество студентов-китайцев в Томске (по данным Томского комитета статистики на 2015 год, их было около 450) из 141 упомянутых в интервью или при составлении социальной матрицы индивидов между университетами не было отмечено ни одного общего знакомого. Это несколько противоречит традиционным представлениям о китайских студентах как о диаспоре или глобальной социальной сети с несколькими лидерами на вершине [15], однако косвенно подтверждает гипотезу исследования о наличии узких, закрытых (или замкнутых) социальных сетей.

Далее, социальные сети студентов ТГУ и ТПУ в целом сильно разнятся между собой по количеству участников: в среднем в социальную сеть образовательного мигранта из ТГУ включено 10–12 человек, из ТПУ – 6–7. Социальные сети студентов ТГУ пересекаются между собой (из 15 опрошенных в этом вузе только двое общаются в собственной узкой сети), у студентов ТПУ это количество составляет 13 из 15. Следует учитывать, что при этом объективные, количественные показатели по иностранным студентам выше именно в ТПУ.

Существует также зависимость охвата социальной сети от демографических характеристик (пол опрошенных) и факультета обучения. Так, около половины опрошенных из ТГУ обучаются на одном факультете, все они –

женского пола. Напротив, в ТПУ в среднем разброс по факультетам составил 1–2 человека, процент юношей и девушек 70% на 30%. Данные показатели вполне соответствуют традиционным учебным профилям университетов.

Следует также сразу отметить некоторые особенности проведения исследования. Ответы на интервью были очень стандартными с точки зрения богатства русского языка: зачастую состоящими из одного-двух предложений, без описания деталей. Студенты ТПУ также оказались в целом намного менее разговорчивы и более стеснительны; диалог с ними был в достаточной степени затруднен, несмотря на формальное выполнение всех коммуникационных требований исследования. Было выявлено, что основная причина этого – недостаточное знание русского языка

В основном тип взаимосвязей в социальных сетях образовательных мигрантов из Китая линейный или по цепочке от «главного». Однако при проведении интервью респондентами постоянно подчеркивался коллективный и иерархический характер отношений в собственной социальной сети (например, при опросе девушки обязательно называли студенток старших курсов «старшая сестра», подчеркивая тем самым их социальное положение)[1], противопоставлялись русские студенты и собственная социальная сеть – студенты-китайцы. Собственное место в социальной сети оценивалось в основном с точки зрения знания русского языка и затрудненного в связи с этим процесса коммуникации с другими студентами. Курс обучения также имеет значение: парадоксальным образом для китайских студентов-мигрантов существует прямо пропорциональная зависимость количества взаимосвязей от года обучения: на первом курсе это число достаточно широко, в него могут быть включены не только представители Китая, но уже к третьему курсу число взаимосвязей сужается до трех-четырых соотечественников; в магистратуре таких взаимосвязей одна-две. Сама сеть при этом находится в состоянии когнитивного психологического баланса, когда все ее участники не испытывают друг к другу негативных чувств [4. С. 19].

Недостаток общения с носителями языка – одна из ключевых проблем при формировании социальных сетей образовательных мигрантов. В связи с этим, несмотря на то, что процент присутствия в социальных сетях русских студентов был крайне мал – всего 2 человека из 141 упоминавшихся при интервью – в целом они получили высший ранг – 30. Полученные данные соответствуют взглядам Грановеттера на природу социальных связей в сетях, когда слабые связи обладают большим весом, так как служат способом получения новой информации об окружающей действительности [5. С. 35]. Другие национальности также, с точки зрения опрошенных, не владеющие русским языком в достаточной мере, оказались практически исключенными из образовательной социальной сети, получив всего 0,7% и ранг 5 по совокупности всех национальностей[2]. Это означает, что знание русского языка

[1] В конфуцианстве существует понятие «pei du ma mas» [18] («study mother» по-английски и «обучаюшая мать» по-русски), обозначающее ключевую роль матери в обучении детей и контроле за их жизнью в целом. В данном случае студенты высших курсов рассматриваются опрашиваемыми именно в этом аспекте.

[2] При ответах на вопросы упоминалось всего 9 человек других национальных групп, среди них жители Турции, Чехии, Абхазии, Чечни, Ирана, Индии, Франции, Израиля и Южной Кореи.

является для китайских студентов одним из основополагающих оснований для включения личности в социальную сеть.

В общем случае количество личных взаимосвязей отдельного респондента, тех индивидов, которых он включает в собственную социальную сеть и называет друзьями или, по крайней мере, значимыми для него личностями, варьируется от 2 до 6 человек. Этот показатель можно считать средним, опираясь на различные психосоциальные исследования личности. Однако показатель плотности социальных сетей[1] образовательных мигрантов достаточно велик и составляет 141 человека на 30 опрошенных, или примерно 4,5 контакта на одного опрошенного вне зависимости от демографических и социальных характеристик.

Обратимся далее к способу вычисления общего ранга студента в социальной сети. При ответе на вопрос «Проранжируйте, пожалуйста, членов Вашей группы по степени близости (сперва назовите самого близкого для Вас человека, потом менее близкого и т. д.)» каждый студент, упоминаемый в списке, получал балл (ранг), соответствующий его месту в списке. При дополнительном упоминании его в анкете другого опрошенного баллы суммировались. Нулевой ранг студент мог получить, если его имя упоминалось при дальнейших ответах на вопросы, но не при ответе на первый (то есть опрашиваемый не включал его в собственный список близости). Полученные данные представлены в таблице:

Таблица

Ранг студентов по степени близости в локальной социальной образовательной сети

Ранг	Частота упоминаний (в зависимости от количества членов сети)	% от общего числа членов сети
0	27	19,1
1	13	9,2
2	12	8,5
3	16	11,3
4	6	4,2
5	10	7,0
6	10	7,0
7	14	9,9
8	9	6,3
9	4	2,8
10	5	3,5
11	3	2,1
12	1	0,7
13	2	1,4
14	2	1,4
15	1	0,7
16	1	0,7
17	2	1,4
18	2	1,4
30	1	0,7

Ранг выше 10 – это число считается релевантным при упоминании о высокой значимости личности в социальной сети при данном количестве опро-

[1] В данном случае учитывается два основных фактора: количество человек в социальной сети, а также среднее количество взаимосвязей, приходящееся на одного индивида.

шенных в методе генератора позиций – получили 18 человек из 141, упомянутого в сети, или 12,7% от всех членов сети в целом. Из них – 8 девушек и 4 юноши, за исключением одного обучающегося на последних курсах. Исходя из дальнейших ответов на вопросы (подобный метод ранжирования при генераторе позиций [21. P. 122])[1], можно сделать вывод, что эти люди обладают следующими характеристиками:

- являются старостами в группах (5 человек из 18);
- являются лидерами мнений в своей узкой социальной сети;
- имеют высокие баллы при обучении;
- с точки зрения опрашиваемых, свободно владеют русским языком;
- могут свободно общаться с другими русскоговорящими студентами и преподавателями;
- могут решать бытовые проблемы других студентов-соотечественников;
- имеют собственное мнение, не боятся его высказать;
- организовывают национальные социальные мероприятия для других студентов и участвуют в университетских мероприятиях;
- могут помочь при обучении другим членам социальной сети;
- являются соседями по парте с опрашиваемым респондентом;
- ведут научную работу;
- хорошо готовят традиционную пищу.

При обсуждении данных вопросов также встречалось разделение по гендерному признаку: *«он единственный парень в группе, значит должен быть лидером»*, что объясняется традиционным взглядом на отношения, свойственным образовательным мигрантам из Китая. Таким образом, можно говорить о том, что для студентов-китайцев значимыми людьми в социальной сети являются те индивиды, которые обладают основными характеристиками личности, достаточно ассимилированной в чужой социальной среде и свободно выходящей за рамки узкой социальной сети соотечественников. При этом двое из опрошенных оказались в числе 12 лидеров ранга и оценили собственную позицию как значимую и значительную для других членов сети.

С другой стороны, аутсайдеры, получившие маленький ранг или не имеющие его вовсе, не обязательно обладают какими-либо отрицательными характеристиками: в более чем половине случаев это просто люди, не включенные в социальную сеть респондента или групповую сеть (то есть понятие «аутсайдер» идентично понятию «незнакомый человек»). Примерно треть опрошенных вообще предпочли не отвечать на этот вопрос, объясняя свой выбор нежеланием говорить плохо о других людях или отсутствием в их сети аутсайдеров в принципе. Среди других аспектов можно выделить следующие:

- недостаток общения *«она проводит с нами мало времени, мы ей не нужны»;*
- эгоизм индивида *«...она вспоминает о других, только когда ей нужна помощь; «думает тольо о себе»;*
- чрезмерная общительность *«она слишком много говорит, это утомляет»;*

[1] В частности, на вопросы о лидере группы и том человеке, которого они могут попросить о помощи при подготовке к занятиям, о человеке, который помог бы им при изучении русского языка.

- личные качества индивида «*она слишком скромная; у него есть дурные привычки; у нас нормальные отношения, но разные, несовместимые характеры»; «не очень любит много общаться с людьми, и слишком мягкий характер»;*
- языковой барьер «...[он] *не говорит по-русски и по-китайски. А по-английски нам сложно общаться»*.

При этом ответы на вопрос о том, кого бы респондент не стал просить о помощи при обучении русскому языку (схожий вопрос с позицией аутсайдера), продемонстрировали в 83% случаев исключительно отсутствие необходимых навыков, но не личных качеств обсуждаемого индивида.

Проводимое вместе свободное время является одной из необходимых характеристик любой студенческой социальной сети. Ответы на данный вопрос были достаточно стандартными и в основном касались личных качеств индивидов: честный, веселый, с ним интересно общаться. Важно также наличие дружеских взаимоотношений: *«она моя подруга, и нам нравиться веселиться вместе»*, иногда встречались философские рассуждения: *«со всеми одногруппниками... каждый человек имеет свою положительную сторону. Проводя вместе свободное от занятий время, можно через развлечения увидеть достоинства других людей, поучиться, добиться успеха»*.

Еще одна важная характеристика – совместное проживание. Обычно респонденты включали в свою узкую социальную сеть, отдавая им наивысший ранг, именно соседей по общежитию (среди опрошенных нет тех, кто снимает жилье в городе или живет в приобретенной квартире). При ответе на данный вопрос также выяснилось несколько любопытных особенностей:

- соседство с русскоговорящими студентами является значимым преимуществом в учебе для образовательных мигрантов из Китая, так как позволяет им совершенствовать язык и заводить новых друзей: «*я хотел бы жить с русскими одногруппниками, это помогло бы мне повысить уровень русского языка»;*
- если соседство возможно с китайским студентом – желательно, чтобы он хорошо учился или работал – это способствует хорошим профессиональным и дружеским отношениям: «*она каждый день работает, учится. Когда вместе, мы не болтаем попусту. Я не люблю людей, который болтают попусту за спиной»*.
- хорошие привычки соседа по комнате – обязательное условие включения его в собственную социальную сеть. В противном случае респондент будет считать соседа аутсайдером: *«они должны быть аккуратными, если мы вместе будем жить, не будет напряжения»; «с нечистопотными людьми неприятно общаться»; «китайцы много сплетничают и постоянно щелкают семечки, это напрягет»*.

Кроме того, вопреки некоторым сложившимся в обществе стереотипам о любви китайцев к общности, чувству солидарности с соседями и т.п. [19], около трети опрошенных живут в общежитии одни и полностью этим довольны.

Профессионально-образовательный аспект формирования социальных сетей является доминирующим в среде студентов-китайцев. На втором месте стоит знание русского языка, хотя бы основ, необходимых для успешного обучения. При этом возникают две основные тенденции: в тех студенческих группах, где студенты из Китая составляют большинство, они образуют

замкнутую социальную сеть и практически перестают общаться с русскоговорящими студентами, особенно на последних курсах обучения. При этом желание познакомиться с кем-то извне, подружиться и таким образом расширить собственную социальную сеть всегда озвучивается при интервью, но не реализуется на практике: *«...все, кого я знаю, живут в моем общежитии. При встрече мы здороваемся, и все. Такого плана. – Устраивает ли вас ваш круг общения сейчас? Не очень. Из-за того, что я скоро возвращаюсь в Китай, я сознательно избегаю заводить много друзей»*. С другой стороны, в тех группах, где образовательные мигранты находятся в меньшинстве, они также создают собственную узкую социальную сеть, где владение китайским языком играет ключевую роль, и занимают пассивную роль при обучении и попытках преподавателей вовлечь их в общую социальную сеть: *«Знакомых русских очень мало, знакомых китайцев тоже мало. Мой круг общения сравнительно узок. – С русскими тоже общаетесь? – Да, тоже общаюсь, но очень редко. Иногда ходим куда-нибудь вместе, на мероприятия в университете. – Устраивает ли ваш круг общения Вас сейчас? – Не устраивает. Знакомых очень мало. ...это... вопрос в общении. Нет общего языка, нет общих интересов»*.

В целом отношение к русским одногруппникам у образовательных мигрантов достаточно любопытное: большинство опрошенных называет их «друзьями», но вкладывает в это слово только формальное обозначение факта наличия в группе другого человека. Большинство опрошенных общаются с русскими студентами только на темы учебы, видя в этом основной плюс общения: *«Я хотел бы жить с русскими одногруппниками, это помогло бы мне повысить уровень русского языка»*. Языковой барьер также упоминался в контексте общих интересов. Если говорить об отношении к русским студентам в целом, можно назвать его спокойным и благожелательным; респонденты всегда готовы к общению и находят его необходимым и привлекательным не только в профессиональном плане, но и для возможных дружеских взаимоотношений[1].

С другой стороны, при описании членов своей узкой сети респонденты были достаточно объективны. Так, в исследовании было предложено оценить трех наиболее значимых для них членов группы по шкале от 5 до 1, где 5 является максимально выраженной степенью признака по следующим критериям (см. Шкала 1). Представленные признаки являются, с нашей точки зрения, важными для успешного обучения образовательного мигранта и его успешной социализации в социальных сетях:

Шкала 1: Степень выраженности черт характера членов социальной сети
трудолюбив 5 4 3 2 1 ленив
одарен 5 4 3 2 1 бездарен
организован 5 4 3 2 1 неорганизован

[1] На основе нескольких исследований (в частности, статьи Л. Минь, монографии о китайских, вьетнамских, монгольских образовательных мигрантах в академической среде) можно отметить, что российские студенты относятся к образовательным мигрантам из Китая скорее нейтрально, чем благожелательно и в основном к активному общению не стремятся, если только оно не способствует их будущим профессиональным планам. С другой стороны, профессиональный уровень преподавательского состава также не всегда соответствует необходимому уровню обучения, поэтому могут возникать различные проблемные ситуации вплоть до культурного шока.

общительный 5 4 3 2 1 необщительный
раскованный 5 4 3 2 1 стеснительный
знает русский язык 5 4 3 2 1 не знает русский язык
помогает на занятиях 5 4 3 2 1 не помогает на занятиях .

При обработке результатов совпадений по индивидам – когда респоденты оценивали одного и того же человека – было найдено всего одно совпадение в ТПУ, когда респонденты одновременно являлись членами одной студенческой группы, соседями и лучшими подругами. Они поставили друг другу максимальные оценки по всей шкале. В остальных случаях оценивание происходило в зависимости от субъективных оценок индивида, поэтому составить отдельные объективные портреты членов групп не оказалось возможным. Кроме того, из 89 примеров оценок 9 человек (или около 10%) оказались не принадлежащими к студенческой группе опрашиваемого респондента, но либо студентами другой группы или курса, или даже студентами в другой стране мира[1].

Распределение по полу – 60% женщин и 34% мужчин (около 6% приходится на ошибку выборки, так как респонденты отказались писать пол вносимого в таблицу индивида, идентифицировать же его(ее) по имени не оказалось возможным). Русских или русскоговорящих студентов среди оцениваемых также выявлено не было, все индивиды являются китайцами. Таким образом, можно предположить, что образовательные мигранты активно включены только в собственные узкие социальные сети, образуемые соотечественниками.

На основании полученных результатов также удалось выделить некоторые общие черты личности, значимой для социальной сети образовательного мигранта. По первому пункту – трудолюбие – больше половины индивидов (55%) получили максимальную оценку, 20% – оценку 4, 17% – нейтральную 3. Таким образом, можно предположить, что трудолюбие является достаточно весомой характеристикой для включения индивида в наиболее важные члены социальной сети. Во втором пункте 44% опрошенных подчеркнули максимальный балл и 43% поставили оценку 4; таким образом, подавляющее большинство считает значимых членов сети одаренными в профессиональном плане людьми. По третьему пункту мнение студентов ТГУ и ТПУ несколько расходятся: в первом случае на первое место вышла оценка «4» – 23% от всего числа опрошенных, оценка «5» на втором месте – 19%. В ТПУ распределение следующее: оценки «3», «4» и «5» получили одинаковое количество – 13%. Возможно объяснить это гендерными характеристиками индивидов (большинство описываемых женского пола) или факультетом обучения (ТГУ – классический вуз, большинство опрошенных обучается на гуманитарных факультетах; опрошенные в ТПУ в основном учатся на технических специальностях, 75% из них – мужского пола). При этом описываемые индивиды ТПУ намного более стеснительные при общении, чем в ТГУ, – 32% и 11% соответственно.

В пункте «Знание русского языка» оценка «5» получила одинаковое количество процентов – 8%, оценку «4» студенты ТГУ ставили вдвое реже, чем

[1] Совпадений между студентами ТГУ и ТПУ выявлено также не было.

в ТПУ, – 10% и 20% соответственно. С оценкой «3» ситуация прямо противопожная – 20% и 10%. Таким образом, несмотря на то, что в интервью многие респонденты отмечали свой собственный недостаточный уровень знаний – при ответах на вопрос о значимых членах сети знание русского языка является одним из ключевых.

Любопытные оценки получил последний пункт: В ТГУ 43% отметили, что значимые члены сети вообще не помогают им с выполнением заданий. В ТПУ распределение оказалось противоположным: те же 43% получили в совокупности оценки «5» и «4». Таким образом, с некоторой степенью вероятности можно утверждать, что значимые для социальной сети индивиды из ТГУ более самостоятельны в учебе и подготовке к занятиям.

Таким образом, подытоживая все вышесказанное, можно сказать, что в общем случае социальная сеть образовательного мигранта из Китая строится на основе шести параметров:

1. Профессиональные успехи индивида – человек, который успешен в учебе, получает доступ в сеть, так как может обладать ресурсами, необходимыми в сети (помощь с подготовкой к занятиям, с выполнением заданий);

2. Формальные дружеские взаимосвязи, в большинстве случаев основанные на территориальном соседстве (*мы соседки по комнате, поэтому дружим*);

3. Реальные дружеские взаимоотношения (*мы хорошие друзья, она мне помогает во всем*);

4. Факт владения индивида русским языком (*...когда я приехала, она была единственная из группы, кто мог понимать, что говорит преподаватель, она также с удовольствием общается, постоянно помогает другим людям);*

5. Факт старшинства: староста группы представляет собой некоторую ролевую модель для поведения остальных участников[1], за ним признается главенство на основных этапах жизнедеятельности сети, в особенности в профессионально-научном плане (*Лю Яньчунь как старшая сестра, мне очень многому стоит у нее поучиться);*.

6. Факт наличия индивида в одной студенческой группе с респондентом, при этом они могут быть даже не знакомы друг с другом. Скорее всего, эти индивиды будут русскими по национальности *(Саша – русский, поэтому с ним нужно общаться. Но мы пока не знакомы)*.

В общем, существующие социальные сети выполняют все основные возложенные на нее функции: информативную (передача необходимой информации о занятиях), транзитивную (предоставление информации о способах поступления, возможностях при выпуске и т.д.), адаптивную (помощь в обустройстве быта, помощь при подготовке к занятиям) [16, 18]. Особенно важны компенсаторно-заместительная функция и функция социального маркирования: в любом типе взаимосвязи отсутствуют русские по национальности или хотя бы русскоговорящие индивиды, более того, круг общения ограничивается, в лучшем случае, знакомствами с соотечественниками в пределах университета, но обычно взаимосвязи не выходят за рамки студенческой

[1] Большинство опрошенных (около 70%) обучаются либо в «закрытых» китайских студенческих группах, либо в группах, где китайцы составляют их большую часть. Поэтому староста группы обычно также является образовательным мигрантом из Китая.

группы. При этом большинство респондентов указывают, что общения с русскоговорящими студентами им не хватает. Таким образом, можно отметить, что в университетах практически отсутствуют механизмы включения и участия в социальных сетях образовательных мигрантов из стран Азии

Проведенное социологическое исследование выявило основные способы формирования социальных сетей в университете образовательными мигрантами. Практическое отсутствие в них русскоговорящих студентов является одной из ключевых проблем в образовательной среде мигрантов. Включение их в социальную сеть средствами извне, доступными университету, возможно несколькиким способами:

- увеличение количества часов в преподавании русского языка мигрантам;
- соседство образовательных мигрантов с русскоговорящими студентами в общежитиях – это в значительной степени повышает не только уровень общей образованности иностранного студента, но и расширяет его круг общения, а также сокращает адаптационный период на месте обучения;
- увеличение числа культурных мероприятий в университетах, включающих в себя экскурсии, специальные лекции, праздники и т.п., где присутствие и участие образовательных мигрантов было бы обязательным;

Все вышеперечисленное поможет не только повысить общий образователный уровень мигранта, но и приобрести необходимый в будущем социальный капитал, позволяющий стать востребованным специалистом. Университет, в свою очередь, получает лояльного студента, будущего хорошего специалиста, востребованного на рынке труда, а также рекомендующего университет другим членам своей собственной сети.

Литература

1. *Анохина Е.С.* Китайские диаспоры США и Канады и «новая» китайская миграция // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 51–54.

2. *Арефьев А.Л.* Китайские студенты в России // Высшее образование в России. 2010. № 10. С. 54–66.

3. *Арефьев А.Л.* Иностранные студенты в российских вузах. М.: Центр социологических исследований, 2012. 227 с.

4. *Градосельская Г.В.* Сетевые измерения в социологии: учеб. пособие / под ред. Г.С. Батыгина. М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. 248 с

5. *Грановеттер М.* Сила слабых связей / пер. с англ. З.В Котельникова // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–51.

6. *Калмыков П.Н.* Современная китайская диаспора. Россия в структуре международной китайской миграции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 2013. 30 с.

7. *Клименко Е.В.* Этнические различия и толерантность: к проблеме разработки социально-культурных программ формирования межэтнической толерантности // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 3. С. 46–50.

8. *Китайские*, вьетнамские, монгольские образовательные мигранты / под ред. Е.Ю. Кошелевой. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2013. 420 с.

9. *Пащенко Г., Фен И., Сян О.* Отношение родителей и детей в Китае. [Электронный ресурс]. URL http://migha.ru/sistema-obrazovaniya-v-kitae-stranica-6.html (дата обращения: 02.07.2015).

10. *Полосина Е.В.* «Корейская волна» в стратегии национального брендинга Южной Кореи // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи / отв. ред. Р.К. Тангалычева, И.А. Коргун. 2012. С. 435–442.

11. *Рязанцев С.В.* Китайская миграция в Россию: тенденции и стратегии регулирования // Россия в БРИКС. [Электронный ресурс]. URL: http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/72E2FE67858A3B65C3257859005A82AD (дата обращения: 19.09.2016).

12. *Флешлер О.И., Комогорцева В.Г.* Культурное взаимодействие и культурный шок. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/25_DN_2008/Psihologia/29110.doc.htm (дата обращения: 02.09.2016).

13. *Центр* новостей ООН: В 2015 году число мигрантов достигло 244 миллиона [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/russian/ news/story.asp?NewsID=25229#.V8ls9vmLSUk (дата обращения: 02.09.2016).

14. *Barnes J.A.* Class and communities in Norwegian parish // Human relations. 1954. № 7. P. 39–58.

15. *Bodycott P., Lai A.* The influence and implications of Chinese culture in the decision to undertake cross-border higher education // Journal of Studies in international education. 2012. № 16 (3). P. 252–270.

16. *Cederberg M.* Migrant networks and beyond: Exploring the value of the notion of social capital for making sense of ethnic inequalities // Acta Socilogica. Vol. 55. 2012, № 1. P. 59–72:

17. *Chua* G. Mothers from China face harsh rules in Singapore 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.thibkcentre.org/article.cfm?ArticleID=2210 (дата обращения: 02.09.2016).

18. *Dolfin S., Genicot G.* What Do Networks Do? The Role of Networks on Migration and "Coyote" Use / March 2006. 34 p. [Электронный ресурс]. URL: http://faculty.georgetown.edu/gg58/ Coyote.pdf (дата обращения 02.07.2016).

19. *Gibbons, S., Silva, O. & Weinhardt. F.* (2015) Everybody needs good neighbours? *The Economic Journal.* 123. pp. 831–874. DOI: 10.1111/ecoj.12025.

20. *Lin N.* Social capital: a theory of social structure and action // Structural Analysis in the Social Sciences Series; ed. by M. Granovetter. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2001, 276 p.

21. *Rohrlich B.F., Martin J.N.* Host country and re-entry adjustment of student sojourners // International Journal of Cultural relations. 1991, № 15(2). P. 163–182.

Samofalova Elena I. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/31

THE ROLE OF SOCIAL NETWORKS IN THE EDUCATIONAL MIGRATION (ON THE EXAMPLE OF CHINA)

Keywords: educational migration, social network, Chineze migration

The paper is deal with the study of social networks in the educational migration of migrants from China and prospects of its future development. As a result of sociological research (used methods: the composition of the matrix of social relations and interviews), the author finds out the basic ways of formation of social networks of migrants in the university, explores its inner and outer structure and reveals mechanisms of interaction between members of the network with the Russian-speaking students and teachers. The article also presents the main problems faced by educational migrants from China at the educational process. Finally, there is a list of recommendations for a more effective integration of migrants into the educational environment of the Russian university.

References

1. Anokhina, E.S. (2012) Chinese Diasporas of the USA and Canada and new Chinese migration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 355. pp. 51–54. (In Russian).

2. Arefiev, A.L. (2010) Kitayskie studenty v Rossii [Chinese students in Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 12. pp. 54–66.

3. Arefiev, A.L. (2012) *Inostrannye studenty v rossiyskikh vuzakh* [International students in Russian universities]. Moscow: Centre for Social Research.

4. Gradoselskaya, G.V. (2004) *Setevye izmereniya v sotsiologii* [Network measurement in sociology]. Moscow: Novyy uchebnik.

5. Granovetter, M. (2009) The Strength of Weak Ties. Translated from English Z.V Kotelnikov. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 10(4). pp. 31–51. (In Russian).

6. Kalmykov, P.N. (2013) *Sovremennaya kitayskaya diaspora. Rossiya v strukture mezhdunarodnoy kitayskoy migratsii* [A Modern Chinese Diaspora. Russia in the structure of the international Chinese migration]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.

7. Klimenko, E.V. (2012) Ethnic diff erence and tolerance: introducing of socio-cultural projects of developing of inter-ethnic tolerance. *Vestnik SPbGUKI*. 3(12). pp. 46–50. (In Russian).

8. Kosheleva, E.Yu. (2013) *Kitayskie, v'etnamskie, mongol'skie obrazovatel'nye migranty* [Chinese, Vietnamese, Mongolian educational migrants]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.

9. Pashchenko, G., Fen, I. & Xiang, O. (n.d.) *Otnoshenie roditeley i detey v Kitae* [The relationships between parents and children in China]. [Online] Available from: http://migha.ru/sistema-obrazovaniya-v-kitae-stranica-6.html. (Accessed: 2nd July 2015).

10. Polosina, E.V. (2012) “Koreyskaya volna” v strategii natsional'nogo brendinga Yuzhnoy Korei [The “Korean Wave” in the strategy of South Korea national branding]. In: Tangalycheva, R.K. & Korgun, I.A. (eds) *Mezhkul'turnye vzaimodeystviya v usloviyakh globalizatsii: opyt Rossii i Korei* [Intercultural interaction in the conditions of globalization: The experience of Russia and Korea]. St. Petersburg: Skifiya-Print. pp. 435–442.

11. Ryazantsev, S.V. (n.d.) *Kitayskaya migratsiya v Rossiyu: tendentsii i strategii regulirovaniya* [Chinese migration to Russia: Trends and management strategies]. Available from: http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/72E2FE67858A3B65C3257859005A82AD. (Accessed: 19th September 2016).

12. Fleshler, O.I. & Komogortseva, V.G. (2008) *Kul'turnoe vzaimodeystvie i kul'turnyy shok* [Cultural interaction and culture shock]. [Online].Available from: http://www.rusnauka.com/25_DN_2008/Psihologia/29110.doc.htm. (Accessed: 2nd September 2016).

13. *The UN News Centre*. (n.d.). *V 2015 godu chislo migrantov dostiglo 244 millionov* [In 2015, the number of migrants reached 244 million]. [Online] Available from: http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=25229#.V8ls9vmLSUk. (Accessed: 2nd September 2016).

14. Barnes, J.A. (1954) Class and communities in Norwegian parish. *Human relations*. 7. pp. 39–58. DOI: 10.1177/001872675400700102

15. Bodycott, P. & Lai, A. (2012) The influence and implications of Chinese culture in the decision to undertake cross-border higher education. *Journal of Studies in International Education*. 16(3). pp. 252-270. DOI: 10.1177/1028315311418517

16. Cederberg, M. (2012) Migrant networks and beyond: Exploring the value of the notion of social capital for making sense of ethnic inequalities. *Acta Socilogica*. 55(1). pp. 59–72. DOI: 10.1177/0001699311427746

17. Chua, G. (2003) *Mothers from China face harsh rules in Singapore 2003*. [Online] Available from: http://www.thibkcentre.org/article.cfm?ArticleID=2210. (Accessed: 2nd September 2016).

18. Dolfin, S. & Genicot, G. (2006) *What Do Networks Do? The Role of Networks on Migration and “Coyote” Use*. [Online] Available from: http://faculty.georgetown.edu/gg58/Coyote.pdf. (Accessed: 2nd July 2016).

19. Gibbons, S., Silva, O. & Weinhardt. F. (2015) Everybody needs good neighbours? *The Economic Journal*. 123. pp. 831–874. DOI: 10.1111/ecoj.12025.

20. Lin, N. (2001) Social capital: a theory of social structure and action. In: Granovetter, M. (ed.) *Structural Analysis in the Social Sciences Series*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.

21. Rohrlich, B.F. & Martin, J.N. (1991) Host country and re-entry adjustment of student sojourners. *International Journal of Cultural Relations*. 15(2). pp. 163–182. DOI: 10.1016/0147-1767(91)90027-E.

УДК 04.21.61
DOI: 10.17223/1998863X/36/32

В.О. Титова, Е.В. Сухушина

ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ ПОКОЛЕНИЯ «Y»

Общие проблемы реализации государственной молодежной политики (ГМП) в России обусловлены состоянием кадрового потенциала организаций по работе с молодежью. Цель исследования – выяснить проблемы и предложить решения относительно эффективной мотивации молодых специалистов организаций по работе с молодежью г. Томска. Проведен качественный и количественный анализ объекта (анкетирование, фокус-группа). В результате исследования мы выяснили основные факторы мотивации сотрудников помогающих профессий, представителей поколения «Y».
Ключевые слова: *трудовая мотивация, организация работы с молодежью, молодые сотрудники, теория поколений.*

Жизненные ценности поколения «Y» (согласно теории поколений Н. Хоув, В. Штраус) оказывают серьезное влияние на будущее отдельных профессиональных областей. В частности, сфера работы с молодежью как объект работы тех же специалистов поколения «Y» – носителей помогающих профессий (социальные педагоги, тьюторы и др.).

На первый взгляд теория поколений довольно проста и, в отличие от более сложных инструментов сегментации, легко практически применима. В корпоративной среде она используется, чтобы оптимизировать работу с персоналом, например в сфере работы с молодежью. Ценности и жизненные ориентации представителей поколения трудоспособного возраста необходимо учитывать при попытке понять, прогнозировать и влиять на трудовое поведение конкретного индивида.

Во всем мире поколение молодых сотрудников (1985–2000 гг. рождения) занимает все больше вакантных должностей. Поколение «Y» (миллениум) определяется как поколение, выросшее после холодной войны и в новую эру глобализации, коммуникационных технологий и беспроводной связи. Они живут в эпоху беспрецедентного разнообразия и воздействия других культур. Поскольку они одни из наиболее защищенных детей в истории, это поколение очень уверено в себе и собственной исключительной роли [1].

Весной 2016 года было проведено практическое исследование особенностей трудовой мотивации молодых людей помогающих профессий. Объектом исследования выступили молодые сотрудники (до 30 лет) помогающих профессий организаций по работе с молодежью г. Томска. Предметом исследования стали особенности восприятия трудовой мотивации молодыми сотрудниками помогающих профессий в организациях по работе с молодежью г. Томска. Стоит отметить, что для раскрытия проблемы с двух позиции качественного и количественного методов исследований были проведены анкетирование и фокус-группа.

Стоит отметить, что в исследовании приняли участие исключительно сотрудники не старше 30 лет. Таковых в организациях по работе с молодежью оказалось более 90%, что говорит об актуальности выявления факторов трудовой мотивации именно молодых сотрудников, также преимущественно женской аудитории – 84%, средний возраст респондентов составил 23 года.

Далее мы приведем результаты нашего исследования в зависимости от значимости по группам трудовых факторов мотивации. Все факторы трудовой мотивации были разбиты на 6 групп, каждая из которых имеет свое наполнение. (рис. 1)

Рис. 1. Основные факторы, влияющие на мотивацию персонала [2]

Личностные факторы обусловлены потребностями личности и, в своей совокупности, охватывают все стороны жизнедеятельности человека и, следовательно, выходят за пределы отношений, складывающихся в организации в процессе труда и других видов деятельности.

Можно выделить следующие личностные факторы, которые опосредованно влияют на различные стороны трудового поведения и, в частности, исполнение профессионально-должностных обязанностей: цели трудовой деятельности работника, их соотношение с целями организации; настроения, выступающие в качестве фона трудовой активности; личные ценности, связанные с профессиональной деятельностью, субъективная эмоциональная оценка взаимоотношений в рабочем коллективе и др.

Также некоторые факторы профессиональной деятельности независимо от того, в какой сфере она осуществляется, оказывают самое непосредственное влияние на мотивацию труда. Компонентами труда, которые выступают в качестве факторов мотивации профессиональной деятельности, являются творческий компонент трудовой деятельности; элементы, позволяющие продемонстрировать исключительные данные работника (физические или интеллектуальные); состязательность трудовой деятельности; способность трудовой деятельности помогать личностному и профессиональному росту работника (развивающий компонент); исследовательский, познавательный компонент.

В качестве групповых факторов мотивации труда выступают свойства первичной группы, в которую непосредственно включен работник в процессе

выполнения профессиональных обязанностей. Отношения с группой могут строиться на технологических основаниях, основаниях совместности и иерархических основаниях. Технологические факторы групповой интеграции полностью замыкаются на профессиональную деятельность и проявляют себя исключительно через разделение и интеграцию трудовых операций. Такого рода отношения особенно сплачивают группу на основе значимой для каждого члена группы деятельности. Совместность как фактор групповой интеграции основывается на присутствии работников одновременно на одном месте. Он возникает вследствие того, что деятельность осуществляется в одном рабочем пространстве. Иерархические отношения основываются на различных факторах руководства – подчинения, причем в неформально организованных иерархических структурах могут быть иерархические отношения, основанные на партисипативности или патернализме.

В условиях указанных связей и отношений групповая мотивация проявляется в солидарности с групповыми ценностями и нормами; референтности, т.е. добровольном подражательном ориентировании на определенные типы поведения; давлении группы, вызванном интересами, связанными с выполнением профессиональной деятельности и ее оплатой; существовании групповых технологий работы, которые объективно требуют подчинения работника, да и всего персонала, определенным стандартам.

Групповые факторы сильно влияют на динамику структуры мотивации в первичных коллективах, в тех коллективах, которые характеризуются наличием непосредственных долговременных технологических и социально-психологических взаимных воздействий.

Прежде чем перейти к рассмотрению экономических факторов мотивации труда, приведем отрывок из диалога с респондентом фокус-группы на вопрос «Какая мотивация, на Ваш взгляд, наиболее важна для специалиста из сферы работы с молодежью (материальная или нематериальная)? Какое процентное соотношение можно выявить?» (мужчина, 24 года).

(Р) – Если мы говорим об общественниках (НКО, приуниверситетские организации, проектные группы и др.), то, может быть, 50 на 50 %, если о субъектах – официально созданных структурах (организации по управлению работой с молодежью), то 80 на 20 % или 90 на 10 %

(И) – В плане того, что денежная мотивация основная?

(Р) – Ну конечно, потому что там не всегда, точнее всегда сотрудники делают не то, что им хочется, а делают то, что им сверху приказывают делать, здесь уже извините. Речь, что мотивирует не только действие твоего начальника и коллег, мотивирует социальный капитал, который ты накапливаешь. То, что молодежная политика такая всеохватывающая, она затрагивает многие сферы, пока ты там решаешь, какой-то проект делать, ты можешь обойти всех-всех и со всеми познакомиться, условно говоря, если ты работаешь в банке менеджером, то никогда оттуда не выйдешь в 11 часов дня – пойду я поговорю с пожарниками, проект хочу сделать. А здесь ты накапливаешь социальный капитал, который в дальнейшем, возможно, тебе пригодится. Именно поэтому так много людей из молодежной политики уходят в предпринимательскую деятельность либо в политику.

Примечательно, что ответы респондентов фокус-группы были отличны от ответов респондентов, заполняющих анкету.

Ответ на вопрос «Как Вы считаете, какие методы мотивации больше влияют на продуктивность работы персонала организаций по работе с молодежью: материальные (материальные или нематериальные и др.) или нематериальные (корпоративные праздники, дополнительное обучение, затраты на оборудованное место для отдыха, гибкий график и др.). Почему?», респондент (девушка, 20 лет):

«Т.к. мы знаем, что зарплаты очень большие (смеется), реально говорить о нематериальной мотивации. Здесь приходят такие люди, которых явно мотивируют не деньги».

Комментарий другого респондента фокус-группы (мужчина, 24 года):

«Не деньги мотивируют людей, а большие деньги (смеется)».

Очень часто среди участников фокус-группы возникали различные саркастические замечания, шутки по поводу «больших денег» в сфере организации работы с молодежью. При анализе вопроса объективной оценки результатов труда руководством нужно отметить, что более половины считают, что руководство не всегда объективно (рис. 8). На основании этого можно предположить, что механизм распределения материальных вознаграждений за результаты работы не прозрачен в организациях работы с молодежью, и это является одной из проблемных точек для сотрудников.

Среди экономических факторов, влияющих на динамику мотивации, выделим [2]: уровень заработной платы, изменения в зарплате, которые могут быть вызваны экономическим ростом или спадом организации; дополнительные денежные (материальные) выплаты, поощрения; система штрафов в организации и т.д.

Организационно-управленческие факторы обычно тесно связаны с экономическими, являясь их причиной или следствием. Среди этих факторов наиболее заметно влияющими на мотивацию являются: уровень формализации организационной структуры, ее сложность, устойчивость и мобильность, ригидность; дублирование организационных структур на разных иерархических уровнях управления, монистических тенденций в управлении организацией; ориентация на групповые технологии осуществления управленческой деятельности; специальные поощрения за участие в управлении рядового персонала; использование в управлении технологий, ориентированных на обучение и развитие персонала; исключение субъективистских тенденций в управлении, особенно в оценке и подборе персонала.

Социальные факторы связаны с известностью, репутацией, значимостью организации в окружающем сообществе, значимостью занимаемой должности, расположением организации в «престижном» месте, особыми программами социального пакета – от страховки до марки служебной машины и др.

Далее представлен анализ полученных данных с точки зрения теории поколений и в порядке перечисления, представленном выше, групп факторов трудовой мотивации.

Согласно ответам, на вопросы, касающиеся личностных факторов мотивации труда, мы можем считать, что большинство респондентов в целом считают свою работу подходящей для себя, у них чаще или всегда положитель-

ное настроение на работе (всегда положительное настроение – 31%, чаще положительное настроение – 52%, бывает по-разному, как положительное, так и отрицательное –17%), никто из респондентов не выбрал вариант ответа «чаще отрицательные эмоции» (гнев, страх, зависть и др.). Согласно полученным данным, большая часть респондентов видит себя полностью реализованными в карьере в рамках работы в своей организации (да, я могу эффективно развиваться в организации и вижу себя успешным – 60%, отчасти, я могу развиваться в организации, но могло бы быть лучше – 30%, моим целям работа в организации не соответствует – 5%).

Важность эмоционального фона нельзя недооценивать. Представители поколения «Y» очень ценят психологический комфорт, в том числе на рабочем месте. Для них престижная работа и высокая должность не являются самоцелью. Если есть сложности в общении, у них чаще плохое настроение, то они предпочтут поменять работу, но не станут терпеть административного диктата.

В подтверждение приведем отрывок из интервью с бывшим сотрудником организации по управлению работой с молодежью:

«*Комфорт в организации у меня был 4 балла – 40%, то есть даже меньше половины, понятно, что я бы не хотел бы там работать дальше. На данном этапе развития мне важнее не деньги, а комфорт в общении, адекватные отношения с руководством, понимание, что я здесь значимый специалист, и я могу развиваться*».

Также некоторые аспекты профессиональной деятельности (факторы мотивации профессиональной деятельности) оказывают большое влияние на мотивацию труда и вопросы карьерной самореализации сотрудника, что мы рассмотрим далее. Вопросы этого блока раскрывают нам суть именно того, чем привлекает респондентов, сама трудовая деятельность в сфере организации работы с молодежью.

Респонденты фокус-группы на вопрос «Почему Вы выбрали для себя именно сферу работы с молодежью как место работы, как сферу своей реализации на текущем этапе жизни?», один из ответов был следующим (мужчина, 24 года):

«Я не выбирал, допустим, работу с молодежью, это она выбрала меня, мне кажется много у кого так было в жизни. Просто-напросто целенаправленно с какого-то класса школы я начал заниматься тем, что у себя в голове, по крайней мере, воспитывать других. Ну и, собственно, логично говоря, стал развиваться в этой сфере».

Специалисты поколения «Y» считают себя более развитыми, образованными, отвечающими самым высоким требованиям и требуют себе дополнительных привилегий, что вступает в противоречие с ожиданиями и требованиями более старших поколений, а также самих «Y» (руководителей). Предоставление особых прав одним вызовет противодействие, недовольство других [3].

Также половина опрошенных (52%) считают, что их рабочие предложения полностью рассматриваются руководством, принимаются во внимание, некоторые предложения рассматриваются руководством – 40%, и только 8% респондентов считают, что их предложения не берутся во внимание руково-

дством. При этом необходимо учитывать такую особенность представителей поколения миллениума: отсутствие признанных авторитетов, они не готовы принимать как должное указания человека, который является руководителем по должности, но не имеет авторитета у коллектива. Они готовы оспаривать мнения руководства, если оно отличается от их собственного, и не принимают указаний, противоречащих собственному мнению [4].

Следующий рассматриваемый блок ответов посвящен групповым факторам мотивации труда, которые в основе составляют солидарность, удовлетворенность работника с групповыми ценностями и нормами, а также их принятие и удовлетворенность сложившейся системой социальных норм в рабочем коллективе имеют весомое место в структуре трудовой мотивации сотрудников. Согласно результатам нашего исследования, групповые факторы явно играют в структуре мотивации молодых сотрудников не последнюю роль (8 из 11 участников фокус-группы отметили исключительную важность групповых ценностей и норм). Средний балл по вопросу в анкете «Насколько комфортно Вы себя чувствуете при деловом общении с коллегами и руководством» (где 1 – совсем некомфортно, 10 – очень комфортно) составил – 7,4 балла. Это указывает на высокий уровень развития неформальных отношений в коллективе – разброс по крайним показателям (1 и 10) был незначителен, можно считать полученный средний результат показательным.

Можно отметить, что люди поколения «Y» не ставят работу на первое место в своей жизни. В жизни для них главное – сама жизнь, они сами, их увлечения. Молодое поколение также считает недопустимым посягательство работодателя на их личное время и пространство, поэтому график работы для таких молодых людей должен четко соблюдаться работодателем и составляться с учетом их интересов. Молодое поколение – сторонники имплицитного контракта, отдельная категория экспресс-контрактов, которые, как правило, в письменной форме не заключены, не удовлетворяет юридическим требованиям, но которые неформально признаются обеими сторонами [5]. Исходя из результатов исследования по групповым факторам мотивации труда, можно предположить, что для сотрудников-миллениумов важны хорошие отношения с руководством и коллегами, им больше импонирует работа в наименее формализованных коллективах.

Самый большой блок вопросов в нашем исследовании посвящен группе организационно-управленческих факторов мотивации труда. Интересен тот факт, что при ответе на вопрос про ресурсы работы участники фокус-группы, начали говорить не о проблемах материально-технического обеспечения, а о проблемах человеческих ресурсов (кадровых). Ответы на вопрос «Достаточно ли Вам информационных, материально-технических и других ресурсов для выполнения работы?», показали, что большинству респондентов достаточно – 67%, недостаточно – 27%, затруднились ответить – 6%.

В то же время, согласно исследованию, достаточно большая часть респондентов (48%) не согласны с тем, что результаты труда оцениваются объективно. Часто именно недовольство низкой оценкой своих стараний может служить фактором профессиональной регрессии и основной предпосылкой для ухода с работы для молодого сотрудника. Так как молодое поколение ориентировано на получение быстрого результата, важно разбивать крупные

задачи на более мелкие и быстро достижимые. При этом они должны чувствовать, что их работа важна и ценится другими, в связи с чем мы можем предположить, что оценка труда руководителем должна включать в себя систему саморефлексии сотрудника, диалог с подчиненным должен выстраиваться с позиций эффективности работы сотрудника для организации, и для реализации собственных задач (достижение профессионализма и др.).

Результативность труда является основным показателем эффективности работы сотрудника, без обратной связи и оценки руководства (положительного или отрицательного) молодой сотрудник оказывается дезориентирован в профессиональном плане по объективным причинам. Миллениумы очень чувствительны к общественному признанию и хотят видеть выраженную благодарность за свой труд. Поэтому направление развития системы вознаграждения сотрудников среди организаций по работе с молодежью одно из наиболее востребованных направлений развития.

Кроме того, для миллениумов важны различные коллективные неформальные мероприятия (корпоративные сборы, обучение, совместные празднования профессиональных праздников, походы на природу и др.). Миллениумы в основном не строят планы надолго, это связано прежде всего с высоким уровнем приспосабливаемости их к изменениям. Для поколения «Y» руководитель – это не тот, кто сам выбирает стратегию, а тот, кто формирует цели и задачи организации совместно с сотрудниками, с которыми в процессе работы можно комфортно провести время. Для молодежи руководитель – это, прежде всего, лидер, человек, дающий платформу для развития и принятия самостоятельных решений, но не диктатор [6]. Поэтому вопросы атмосферы в команде и комфортных условий для работы – в приоритете для молодых сотрудников по управлению организациями работы с молодежью.

Различия в методах применения и целях материальных и моральных методов мотивации труда дают нам основания рассматривать их по отдельным категориям.

Экономические факторы мотивации труда, которые мы рассмотрим далее, связаны, прежде всего, с непосредственным денежным или материальным поощрением сотрудников.

Большинство опрошенных не считают, что высокие результаты их труда часто вознаграждаются. Ответы на вопрос «Насколько часто имеет место материальное вознаграждение высоких результатов труда в Вашей организации (премия, выплаты по случаю и др.)?» распределились следующим образом: да, всегда есть дополнительная оплата за эффективную и сверхурочную работу – 11%, от случая к случаю/редко – 71%, нет материальных вознаграждений – 13%, затруднились в ответе – 5%.

Так как поколение миллениумов ориентировано на получение краткосрочного результата, важно то, что они должны видеть результаты работы (в материальном выражении), денежное вознаграждение для них не так важно, однако им сложно работать просто за идею и нематериальные стимулы. При этом следует помнить, что высокая должность в организации не является для них самоцелью.

Последняя группа факторов мотивации труда, рассматриваемая в нашем исследовании, это социальные факторы. Социальные факторы зависят от

внешнего статуса организации в обществе, значимости должности и других атрибутов статуса также для самих сотрудников.

Потребность в самореализации и общественном признании, стремление к получению удовольствия от своей деятельности. Многие из поколения «Y» рассматривают рабочее место как платформу для реализации своих собственных идей, амбиций, что в принципе мы видим из опроса – 83% молодых людей считают свою работу так или иначе значимой для общества уже только потому, что они сами развиваются как социально активные личности.

Ответ респондента фокус-группы на вопрос «Как Вам кажется, Ваша работа является значимой для общества? Насколько по 10-балльной шкале? Как Вы это поняли?» (девушка, 23 года):

«Да. Я бы сказала 9 баллов, если общество от детей до стариков берем молодежи. Вот в семье, мне кажется, у большинства родители одобряют Вашу деятельность. Потому что они понимают, что Вы растете, развиваетесь и приходите с горящими глазами, рассказываете о чем-то, и, мне кажется, для родителей это важно. Соответственно, родители одобряют деятельность, мне кажется, и организации, в которых дети находятся или ребенок подруги, или там др. родственники. Бабушки, дедушки туда же. Для маленьких детей – это некие ориентиры авторитеты, к чему необходимо стремиться, что можно не только учиться, но и себя проявлять. Мне кажется, оценено обществом, но нету критериев для родителей, нигде лайки родители не ставят, которые можно подсчитать. Хотя на самом деле они рады. В принципе даже, что молодежь чем-то занята, в подъездах не сидит».

Также нельзя отрицать второй стороны, критической позиции, почему некоторые респонденты выбрали ответ, что работа скорее не важна для общества, – 8%, ответ респондента фокус-группы (мужчина, 24 года):

«Проблема мне кажется в том, что целевая аудитория в нашей работе сильно фрагментирована, локализована, отчуждена. Кто может точно сказать, кто его целевая аудитория? Портрет по-серьезному нарисовать? Да… никто. Потому мы все работаем с одними и теми же, активными (10 %) людьми. Остальные 90 % – никто не работает. Сам факт остается фактом – сложно понять, чего ты стоишь, не имея четкой отлаженной обратной связи, каковой мало сегодня, мало инструментов в работе, чтобы понять инструменты в твоей работе. Специалист по работе с молодежью из-за отсутствия ориентиров определенных должен не просто придумать что-то, не просто собрать команду, ресурсы, провести, и даже результат не важен. Важно доказать, что это все было социально значимо, серьезно, по факту каждый из нас какое-то дело сделает, потом идет и доказывает, что это было реально важным».

Рис. 2. Факторы мотивации труда (распределены по значимости респондентами)

Согласно результатам опроса, большинство респондентов в нашем исследовании также считают свою организацию значимой для общества (72%), перспективной, развивающейся (38%), престижной (27%).

Наиболее значимые факторы мотивации молодых сотрудников (социальные, личностные) подтверждаются результатами исследований мнений сотрудников организаций по работе с молодежью.

Комментарий интервьюера, бывшего сотрудника организации по управлению работой с молодежью:

«Если отношения внутри коллектива более дружественные, более слаженные, то материальное поощрение отходит на второй план».

Наименее важные факторы мотивации, согласно нашему опросу, это условия работы, перспектива построения карьеры и заработная плата.

Выявлено, что действительно наиболее важными факторами для молодых специалистов являются личностные и социальные факторы мотивации труда.

Более половины опрошенных (56%) намерены сменить место работы в ближайшем будущем по тем или иным причинам. Один из распространенных вопросов на собеседовании «Кем вы видите себя в нашей организации через 5 лет?» способен вызвать у молодого сотрудника затруднение. Пока ему интересно, удобно, комфортно с его рабочим коллективом и руководством реализовывать свои цели помимо организационных – человек будет заниматься этой работой, но уже в течение полугода все может поменяться, а строить пятилетние планы в рамках организации он и не собирался. В то же время текучесть кадров в организациях по работе с молодежью по результатам нашего исследования происходит, в большинстве случаев, из-за объективных обстоятельств (переезд, окончание учебного заведения, повышение и др.).

У современной молодежи начинает формироваться особое представление о месте и роли профессии, профессиональных достижениях в жизни человека, о целях профессиональной деятельности и способах их достижения.

В качестве проблемной точки следует отметить ситуацию с потенциалом профессионального роста в организациях, где работают специалисты по работе с молодежью. Вследствие явления высокой текучести кадров в организациях по работе с молодежью, что негативно сказывается на результатах деятельности, тема организации процесса трудовой мотивации молодых специалистов в организациях по работе с молодежью становится делом государственной важности.

Современные организации по работе с молодежью являются прямыми агентами реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации. Результаты анализа кадрового состава организаций по работе с молодежью г. Томска показывают, что в последние 2–3 года идет последовательное развитие организаций по реализации молодежной политики. Работа в данной сфере становится востребованной среди молодых специалистов – выпускников педагогических вузов, психологов, социальных работников и др.

Согласно результатам исследования особенностей трудовой мотивации молодых специалистов организаций по работе с молодежью, респонденты солидарны с мнением о том, что человеческие ресурсы в организациях по работе с молодежью имеют приоритетное значение. Но в то же время обеспечение организации молодыми и инициативными специалистами по работе с молодежью, которые готовы развиваться в профессиональном плане, качественно выполнять задачи организации, должно быть обусловлено особыми организационными условиями для их самореализации.

По данным социологического опроса, многие сотрудники организаций работают или хотят работать для того, чтобы стать предметом гордости для своих родных, для коллег по работе и руководителей и др., общественную значимость своей деятельности в рамках работы организации по работе с молодежью они понимают именно в собственном саморазвитии и возможности творчества в сфере реализации собственных идей и проектов. Для них важна общественная значимость их деятельности, что было подтверждено в исследовании.

Также большинство опрошенных чувствуют себя комфортно в общении с коллегами и руководством, но у них возникают проблемы организационно-управленческого характера относительно объективности и обоснованности применения тех или иных методов материальной и нематериальной мотивации труда в организации. Из-за этого растет недовольство молодых сотрудников, что может являться причиной профессиональной регрессии или увольнения из организации.

Согласно результатам исследования, среди организаций по работе с молодежью нет универсальных, признанных методов трудовой мотивации. Ограниченный набор применяемых методов нематериальной мотивации персонала, используемый сегодня (планерки, дополнительное обучение и др.), становится неэффективен в мотивации специалистов по работе с молодежью поколения «Y».

Руководитель (по мнению респондентов) – это демократичный лидер, с которым в процессе работы можно комфортно провести время. Вопросы ат-

мосферы в команде и комфортных условий для работы – в приоритете для молодых сотрудников в организациях работы с молодежью.

Различные негативные внутриорганизационные процессы угрожают сфере организации работы с молодежью утратой молодых, перспективных кадров, потерей квалификации. Происходит обесценивание знаний и соответствующих специальностей, по которым осуществляется подготовка в вузах специалистов помогающих профессий.

Все это отражается в сознании молодых специалистов: меняются ценностные ориентации, потребности, жизненные планы, чем обусловлена необходимость изменений в общепринятых установках в системе трудовой мотивации сотрудников организаций по работе с молодежью.

Литература

1. Codrington, *G.* Detailed Introduction to Generational Theory // Tommorow Today; July 2008. URL: http://www.tomorrowtoday.uk.com/articles/article001_intro_gens.htm

2. *Митрофанова Е.А., Ловчева М.В.* Мотивация и стимулирование трудовой деятельности // Электронная энциклопедия «Студопедия». М., 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://studopedia.org/14-19259.html (дата обращения: 22.04.16).

3. *Калленс Д.* Поколение «Y» и рынок труда // Публикация результатов исследования профессиональных устремлений, настроений и ожиданий от карьеры поколения «Y» в России международной компанией по рекрутингу «Hays». Электрон. версия печат. публ. М., 2014. 27 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hays.ru/cs/groups/hays_common/@ru/@content/documents/digitalasset/hays_1142871.pdf (дата обращения: 20.04.2015)

4. *Грошева Н.Б., Бобкова Н.Г.* Управление персоналом: сотрудники поколения «Y» // Сайт Иркутского государственного университета, Сборник Гуманитарные исследования (2013). Электрон. версия печат. публ. [Электронный ресурс] URL: http://www.buk.irk.ru/library/sbornik_14/grosheva.pdf (дата обращения: 29.04.16)

5. *Akerlof G.A., Miyazaki H.* The Implicit Contract Theory of Unemployment meets the Wage Bill Argument / The Review of Economic Studies. Vol. 47, No. 2 (Jan., 1980). P. 321–338. URL: https:// www.jstor.org/stable/2296995?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 17.09.16).

Titova Valerya O. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/32
Sukhushina Elena V. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

LABOUR MOTIVATION OF SPECIALISTS HELPING PROFESSIONS GENERATION «Y»

Keywords: labor motivation, organization of work with young people, youth workers, generational theory

Problems of realization the state youth policy (GMP) in Russia due to the state of human resource capacity of organizations (working with youth). The aim of the study is a found the problems and solutions regarding of effective motivation of young specialists of the organizations working with youth in Tomsk. The qualitative and quantitative analysis of the object (questionnaires, focus groups). As a result of the our research, we found the main factors motivating employees in this profile.Labour motivation of specialists helping professions generation «Y».

References

1. Codrington, G. (2008) *Detailed Introduction to Generational Theory*. [Online] Available from: http://www.tomorrowtoday.uk.com/articles/article001_intro_gens.htm.

2. Mitrofanova, E.A. & Lovcheva, M.V. (2015) *Motivatsiya i stimulirovanie trudovoy deyatel'nosti* [Motivation and stimulation of employment]. [Online] Available from: http://studopedia.org/14-19259.html. (Accessed: 22nd April 2016).

3. Kallens, D. (2014) *Pokolenie "Y" i rynok truda* [Generation "Y" and the labor market]. [Online] Available from: http://www.hays.ru/cs/groups/hays_common/@ru/@content/ documents/digitalasset/hays_1142871.pdf. (Accessed: 20th April 2015)

4. Grosheva, N.B. & Bobkova, N.G. (2013) *Upravlenie personalom: sotrudniki pokoleniya "Y"* [Personnel management: Generation "Y" employees]. [Online] Available from: http://www.buk.irk.ru/library/sbornik_14/grosheva.pdf. (Accessed: 29th April 2016)

5. Akerlof, G.A. & Miyazaki, H. (1980) The Implicit Contract Theory of Unemployment meets the Wage Bill Argument. *The Review of Economic Studies*. 47(2). pp. 321-338. [Online] Available from: https://www.jstor.org/stable/2296995?seq=1#page_scan_tab_contents. (Accessed: 17th September 2016).

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327.8
DOI: 10.17223/1998863X/36/33

А.М. Бобыло

РОЛЬ ИНСТРУМЕНТОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В АТР

Исследуется роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике РФ в АТР. В работе анализируются факторы и условия для наращивания гуманитарного и культурного присутствия России в мире, оцениваются меры государственной поддержки в части развития культурной дипломатии в регионе, выявляются ключевые проблемы и перспективы работы по данному направлению.
Ключевые слова: *мягкая сила, АТР, РФ, гуманитарный ресурс, внешняя политика, Россотрудничество.*

В настоящее время сотрудничество России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона по-прежнему является одним из главных внешнеполитических приоритетов страны. Это связано, с одной стороны, с ее уникальным геополитическим положением – Россия имеет общие сухопутные и морские границы, обладает многовековым опытом взаимодействия со многими государствами, расположенными в данном регионе. С другой стороны, АТР фактически превратился в новый экономический и политический центр мира. Достаточно сказать, что сегодня четверть российского товарооборота приходится на страны данного региона.

Усиливающееся сотрудничество России с АТР связано и с ее геостратегическими интересами в данной части мира, прежде всего, с развитием своих регионов – Сибири и Дальнего Востока – за счет более активной экономической интеграции в азиатско-тихоокеанское пространство. О необходимости сотрудничества со странами АТР неоднократно говорил Президент России В.В. Путин. Так, например, во время своего выступления на саммите АТЭС – 2014 г. в Китае он призвал «в полной мере использовать соседство с такими крупными, развивающимися регионами мира и с крупными странами, которыми являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона… внести свой весомый вклад в развитие интеграционных процессов на всем азиатско-тихоокеанском пространстве» [1].

Таким образом, произошедший в начале XXI века судьбоносный «поворот России на Восток» во многом предопределил внешнеполитические ориентиры страны на ближайшие десятилетия, к числу которых относятся:

– возобновление политического, экономического и культурного присутствия в регионе;

– глубокая интеграция в региональные политические, экономические и культурные процессы, прежде всего, экономический подъем Сибири и Дальнего Востока;

– активизация сотрудничества со странами АТР в сфере обеспечения безопасности, глобальных вызовов человечеству, развития человеческого капитала.

Вместе с тем сегодня стало вполне очевидно, что роль инструментов «мягкой силы» в мировой политике все в большей степени возрастает, вследствие чего вопрос возобновления культурного присутствия России в мире, в частности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, становится одним из значимых национальных интересов страны во внешней политике. В этой связи назрела необходимость интенсификации интеграционных процессов в сфере гуманитарного сотрудничества (науки, образования, культуры, туризма, языка, СМИ, молодежной политики) России со странами АТР.

Следует отметить, что сокращение политического, прежде всего военного и экономического, присутствия России на Азиатско-Тихоокеанском пространстве, связанное с распадом СССР и крушением биполярной системы международных отношений, заметно ослабило степень ее культурного влияния в данном регионе. Вследствие глубокого кризиса в политической, экономической и общественной жизни, переживаемого нашей страной в последнее десятилетие XX века, Россия практически утратила свой статус мировой сверхдержавы, прежде всего, среди бывших союзников СССР по социалистическому блоку (Китай, КНДР, Вьетнам, Лаос, Монголия). Непривлекательность проводимой внешней политики, национальной экономики, неэффективность внутренних реформ, неблагоприятный инвестиционный климат, высокий уровень криминализации и бюрократизации общества, коррумпированность власти, несовершенная система российского законодательства, несформированные институты гражданского общества оказали негативное влияние на имидж нашего государства в оценках мировой общественности, в результате чего к началу XXI века для России стали остро проявляться такие негативные тенденции, как нежелание некоторых стран АТР воспринимать Россию в качестве полноправного участника мировых политических и экономических процессов; резкое сокращение русскоговорящих людей за пределами России; падение престижа российского образования; эмиграция российской научной и культурной элиты за рубеж («утечка умов»).

Осознавая всю важность использования социально-гуманитарного ресурса во внешней политике, с начала 2000-х годов Россия встала на путь наращивания и использования своей «мягкой силы» как в мире, так и на азиатско-тихоокеанском пространстве. О необходимости развития гуманитарного сотрудничества и культурного присутствия России в мире прямо говорится в Концепции внешней политики России, утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., в числе приоритетных задач которой указываются: «работа над созданием положительного образа России, соответствующего авторитету ее культуры, образования, науки, спорта, уровню развития гражданского общества, участие в программах помощи развивающимся странам, формирование инструментов воздействия на ее восприятие в мире, совершенствование системы применения "мягкой силы"; способствование изучению и распространению русского языка как неотъемлемой части мировой культуры и инструмента международного и межнационального общения;

развитие, в том числе используя потенциал институтов гражданского общества в сфере общественной дипломатии, международного культурного и гуманитарного сотрудничества как средства налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами, уделяя особое внимание межрелигиозному диалогу» [2].

С целью реализации государственной политики международного гуманитарного сотрудничества, содействия распространению за рубежом объективного представления о современной России и в соответствии с Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 года № 1315 было создано Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству – Россотрудничество, главным «активом» которого является широкая сеть зарубежных представительств – российских центров науки и культуры (РЦНК), аккредитованных в 80 странах мира, в том числе 14 странах АТР (Япония, РК, КНР, Монголия, Малайзия, Индонезия, Вьетнам, Лаос. Камбоджа, Чили, Перу, Мексика, США, Канада). В соответствии с утвержденным планом к 2020 году намечено расширение географии российского присутствия до 100 стран [3].

Одним из главных направлений деятельности Россотрудничества является содействие международному развитию (СМР), которое осуществляется, согласно Концепции государственной политики Российской Федерации, в сфере содействия международному развитию (утверждена Указом Президента Российской Федерации 20 апреля 2014 № 259). Российское СМР направлено на поддержание устойчивого социально-экономического развития государств, решение глобальных и региональных проблем, содействуя стабильности и безопасности в системе международных отношений.

Новым форматом работы Россотрудничества является проведение перекрестных годов национальных культур. Так, например, в последние годы успешно были проведены и проводятся перекрестные годы России в Китае и Китая в России, годы русского и китайского языков, молодежных обменов, СМИ, работает Комиссия по гуманитарному сотрудничеству в Пекине. В рамках объявленного года российско-китайских СМИ на различных уровнях проводится большое количество мероприятий, совместных проектов, таких как совместная российско-китайская экспедиция «Вахта памяти» – это проект по поиску и перезахоронению останков советских воинов, отдавших свои жизни за освобождение северо-востока Китая, книжные и фотовыставки, посвященные празднованию Великой победы, проекты российских и китайских телеканалов и книжных издательств по популяризации произведений великих русских и китайских писателей, изданию их на китайском и русском языках.

Не менее активно развивается сотрудничество в гуманитарной сфере между Россией и Республикой Кореей. Проведение в 2013–2015 годах перекрёстных «Годов взаимных посещений» России и Республики Корея, подписание между странами соглашения об упрощении визового режима и о создании культурных центров в обеих странах, работа форума «Диалог Россия – Республика Корея», корейско-российского гуманитарного форума «Мост дружбы» многостороннего студенческого форума Восточной Азии, форми-

рование клуба ста молодых лидеров дали новый импульс для дальнейшего сближения двух стран.

Например, «Диалог Россия – Республика Корея» является открытым и широким форумом для обсуждения актуальных общественных вопросов, а также вопросов российско-южнокорейских отношений. Его основная задача – налаживание конструктивного диалога между представителями всех сфер общественной жизни двух стран, что позволяет создать прочную основу для сотрудничества, не зависящую от текущей политической обстановки. Форум призван стать воплощением добрососедского сотрудничества двух стран и способствовать установлению более тесных контактов в сферах общества, государства, промышленности и науки. Обсуждение взаимных интересов России и Республики Корея на форуме «Диалог Россия – Республика Корея» проводится раз в год, поочередно в России и в РК. Дискуссии проходят по самому широкому спектру вопросов, связанных с развитием общества, государства, промышленности и науки. Форум выполняет роль проводника и является каналом кадрового обмена как в сфере бизнеса, так и в интеллектуальной сфере, и в сфере искусства. Это позволяет влиять на развитие внутренней и внешней политики двух стран.

Важную роль в развитии гуманитарного сотрудничества между странами играют российские СМИ. Успешным примером, например, является деятельность в Республике Корея проектов ЗАО «Издательство «Российская Газета» – «Russia Beyond The Headlines», именуемое в Южной Корее как «Russia Focus», и радиостанции «Sputnik».

Проведение перекрестных годов России в Индонезии и Индонезии в России в 2009–2010 годах, которые было приурочено к 60-летию установления дипломатических отношений, также свидетельствует об успехах в развитии отношений между двумя странами, создает новые платформы для диалога.

Большое значение в развитии гуманитарного взаимодействия России со странами АТР приобретает сотрудничество в сфере туризма. По данным Ростуризма, общий въездной поток в Россию в первом полугодии 2015 года вырос на 8,1% по сравнению с тем же периодом прошлого года и составил 16,1 млн поездок. Больше всего туристов в первом полугодии прибыло в Россию из Китая (204,5 тыс.) и Германии (128,6 тыс.). На третьем месте со значительным отставанием Турция (69 тыс.), далее США (63,7 тыс.), замыкает пятерку Израиль (50,5 тыс.). Самый большой рост въезда в Россию показал Иран – 100%, на втором месте по динамике роста – Китай (51,6%), на третьем – Индия (50,7%), далее Таиланд (44,3%), Южная Корея (27,3%), Израиль (23,2%), Турция (17,3%) [4].

По данным Посольства КНР в РФ, в 2015 г. Китай стал крупнейшим партнером России по количеству туристов. Три года подряд отмечается тенденция неуклонного роста количества китайских туристов в Россию. Согласно прогнозам экспертов, количество китайских туристов, приезжающих в Россию, скоро превысит 1 млн человек в год. С января по сентябрь 2015 года Россию посетило 583 тыс. китайских туристов. Этот показатель увеличился на 63% по сравнению с 2014 годом. Стоит отметить, что резко возросло количество китайских туристов, посещающих Россию в составе групп по безвизовому режиму [5].

Введение безвизового режима с 1 января 2014 года между Россией и Республикой Корея активизировало сотрудничество в сфере туризма между двумя странами. По данным Росстата, опубликованным на портале Федерального агентства по туризму России, уже в первом полугодии 2015 года число граждан Республики Корея, посетивших Россию с туристическими целями, выросло на 27,3% и составило 44 720 человек. Всего за последние полгода Россию посетило более 61 700 граждан Республики Корея. Среди главных неудобств для корейских туристов в России были названы проблемы таможенного оформления, длительное время прохождения паспортного контроля на границе, а также негибкая система в сфере гостиничных услуг [6].

Что касается Японии, то здесь также можно отметить увеличение потока японских туристов в Россию. Если еще несколько лет назад количество приезжавших в Россию японских туристов исчислялось сотнями, то только за первый квартал 2014 года Россию посетили около 20 тысяч жителей Японии. По данным комитета по туризму правительства Москвы, Япония входит в первую десятку стран, куда направляются российские туристы. Япония выдвинула амбициозную программу стимулирования выездного туризма, целью которой провозглашается рост числа ежегодно выезжающих за рубеж японских туристов до 30 млн человек. В этой связи с учетом географической близости наших стран туристический рынок Японии с точки зрения въездного туризма в Россию является весьма перспективным [7].

В своей деятельности Россотрудничество также уделяет особое внимание работе с молодежью. В настоящее время приходится констатировать тот факт, что современная молодежь в России и в других странах АТР не всегда однозначно воспринимает культуру своей страны, теряет преемственность со старшим поколением. Значительная часть молодежи во многом аполитична, все в большей степени подвергается влиянию со стороны западноевропейской культуры и системы ценностей. В этой связи крайне важной является задача по воспитанию у молодого поколения преемственности традиций и культур, связывающих отношения между странами региона. Государствам и обществу нужны люди с развитыми духовными потребностями, исповедующие ценности справедливости и патриотизма, верящие в свою страну.

Россотрудничество является государственным заказчиком-координатором Программы краткосрочных ознакомительных поездок в РФ молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств «Новое поколение», утвержденной Указом Президента РФ от 19 октября 2011 года № 1394. Основным содержанием Программы является знакомство молодежи разных стран с общественно-политической, социально-экономической, научно-образовательной и культурной жизнью в России. Главная задача – содействие расширению круга позитивно настроенных к России активных молодых иностранных граждан, привлекая их к сотрудничеству и разработке совместных перспективных проектов. Применительно к региону АТР в 2012 году были организованы поездки 35 молодых политиков и общественных деятелей из США, 20 молодых общественных деятелей из КНР, 15 молодых политиков и общественных деятелей из Японии [1].

Следует отметить, что одним из наиболее эффективных инструментов создания и поддержания положительного образа страны за рубежом является система высшего образования, привлекающего на обучение в страну иностранных граждан. Российская высшая школа располагает существенными возможностями более глубокой интеграции в глобальное пространство высшего образования, в том числе благодаря новым приоритетам государственной политики РФ. По состоянию на 2014 год в вузах РФ насчитывалось более 186 тыс. иностранных студентов, и их число ежегодно продолжает увеличиваться. При этом в соответствии с установленной квотой Правительства РФ с 2013 года 15 тыс. иностранных граждан принимаются на обучение за счет средств федерального бюджета [3]. Наиболее востребованными направлениями подготовки среди иностранных граждан в российских университетах являются специальности в области филологии и изучения русского языка; электроники и новых материалов; биотехнологии и современной медицины; логистики; энергоресурсов; менеджмента и управления; юриспруденции; маркетинга.

В целом в результате целенаправленных мер государственной поддержки по привлечению иностранных граждан на обучение в РФ произошло увеличение доли страны на международном рынке образовательных услуг с 2% в 2007 г. до 4% в 2011 г. В соответствии с Концепцией продвижения российского образования на базе представительств Россотрудничества за рубежом, утвержденной 27 марта 2014 г., планируется, что к 2020 г. Россия должна обеспечить обучение в российских образовательных организациях не менее 5% иностранных студентов, отправив, в свою очередь, не менее 6% российских студентов на обучение за рубеж [3].

Сейчас по мере непрерывного развития всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия России со странами АТР русский язык, история и культура, социально-экономическое развитие современной России вызывают беспрецедентно возрастающий интерес у молодежи в странах АТР. Так, например, к настоящему времени очевидные успехи достигнуты в российско-китайском сотрудничестве. Повышается обоюдный интерес молодежи к истории, культуре, языку и традициям народов России и Китая. Растет и число участников программ молодежных обменов, реализуемых вузами двух стран (в планах правительств двух стран доведение их числа до 100 тыс. человек к 2020 г.). Это объективный процесс. Но одним из сдерживающих факторов развития академической мобильности молодежи двух стран остается недостаточный уровень владения китайским и русским языком на уровне, необходимым для обучения на программах студенческого обмена.

Достаточно широкие перспективы открываются в направлении расширения молодежных обменов между Россией и Республикой Корея, объемы которых в настоящее время серьезно уступают показателям, достигнутым в этой области между РК и соседними странами региона или США. В соответствии с постановлениями правительства России, регулирующими вопросы сотрудничества с зарубежными странами в области образования, Республике Корея ежегодно выделяются государственные стипендии для обучения ее граждан в учебных заведениях высшего образования РФ за счет средств федерального бюджета, однако их число пока незначительно.

В настоящее время одним из наиболее актуальных вопросов для России является проблема использования русского языка в качестве инструмента культурного влияния. По мнению некоторых специалистов, нынешняя тенденция к глобализации приводит к потере национальной самобытности государства и сглаживает его национальные приоритеты. В этой связи важной задачей практически любой страны является забота о защите и сохранении своего национального языка.

Русский язык – это важная скрепа в многонациональном российском государстве, его поддержка закономерно сопряжена с представлениями об общей исторической судьбе, о судьбе народов России. Согласно оценкам экспертов, XX век был периодом наиболее широкого распространения русского языка в мире. В 1915 году им владело около 140 млн человек по всему миру. Русский язык в тот момент истории по показателю своей распространенности был на одном уровне с английским и, возможно, даже несколько опережал его. К последнему десятилетию XX века (к 1990 году) число владевших русским языком достигло своего наивысшего показателя – 312 млн человек. Этому способствовали прежде всего социально-экономические и научно-технические достижения Советского Союза. Русский язык являлся одним из ведущих мировых языков, используемых во всех крупнейших международных организациях, а после Второй мировой войны он стал одним из рабочих языков ООН (наряду с английским, испанским, китайским, арабским и французским) и рабочим языком в таких научных и промышленных отраслях, как космонавтика и атомная энергетика [8].

Благодаря русскому языку за последние 50 лет во многих странах мира и АТР сформировались целые поколения людей, позитивно относящихся к истории и культуре России. В середине прошлого века благодаря хорошему знанию русского языка многим молодым людям стали доступны достижения русской культуры (музыки, литературы, искусства). Большинство представителей старшего возраста в Китае, Монголии, Вьетнаме, КНДР, Индии и других странах читали произведения известных русских писателей: Пушкина, Чехова, Толстого. В то время абсолютное большинство молодых людей в этих странах неподдельно интересовались русскими кинофильмами, театральными постановками. Благодаря помощи советских специалистов произошел качественный скачок в развитии балета, симфонической музыки, живописи, драмы по всему миру, русская культура оставила глубокий след в душах нескольких поколений иностранцев.

Распад СССР и утрата Россией прежнего экономического, технологического и геополитического влияния в мире отразились и на положении русского языка. Стало все более заметно и неуклонно снижаться не только абсолютное число владевших русским, но и их доля в общем населении Земли. Если в 1990 году СССР, где русский язык являлся государственным и обязательным для изучения, по численности своего населения (290 млн человек) занимал третье место в мире (а входившая в него РСФСР, если брать её отдельно, – шестое место), то уже к 2004 г. число владеющих русским языком в мире снизилось до 278 млн человек, а число обучавшихся на русском языке и изучавших его как родной или как иностранный составило 50 млн человек (для сравнения: в 1990 году их было 75 млн человек, включая всех школьни-

ков и студентов СССР). По состоянию на декабрь 2011 года русский язык, по подсчетам Бюро переписей населения (США), находился только на 9-м месте в мире [8].

Уменьшилось число владеющих русским языком и в странах Азии (более чем на полмиллиона человек (в основном вследствие снижения интереса к русскому в Монголии, Японии, Корее). До конца 1980-х годов русский как иностранный продолжал доминировать в Афганистане, Вьетнаме, Камбодже, Китае, КНДР, Лаосе, Монголии, а общее число владевших им в той или иной мере в зарубежной Азии составляло примерно 4,5 млн человек (в том числе – не менее 1 млн человек – в КНДР). Русских по национальности, постоянно живущих в странах Азии, и тех, для кого русский язык – родной, насчитывалось в целом немногим более 100 тыс. человек [8].

Как следствие, снизилось и количество преподавателей-русистов. В настоящее время в мире насчитывается в общей сложности более 270 тыс. преподавателей русского языка, из них 60% – в РФ. Основную часть русистов (около 4/5) составляют школьные учителя. Общее число преподавателей-русистов в странах Азии составляет 7,8 тыс. человек. Примерно в 1/3 стран региона они объединены в национальные ассоциации русистов, старейшими из которых являются японская и монгольская ассоциации [8].

Вместе с тем, несмотря на существенное снижение числа изучающих русский язык и говорящих на русском языке в последние годы в мире, интерес к нему в некоторых странах АТР по-прежнему достаточно велик. Росту интереса к изучению русского языка в этих странах во многом способствуют активное участие России в рамках политических и экономических интеграционных группировок (ШОС, АТЭС, БРИКС, АСЕАН), перспективы реализации крупных совместных проектов и возможности для осуществления бизнеса, учебы и работы в России.

Так, например, в 2010/11 учебном году русский язык в Китае изучали более 50 тыс. студентов (из них примерно 15 тыс. изучали русский язык как специальность, а 35 тыс. – как иностранный), в КНДР – 20 000 чел., во Вьетнаме – 6 860 чел., в Монголии – 6 760 чел., в Японии – более 2 000 чел. В Японии русский язык преподается почти в 116 университетах, 19 школах и 3 училищах, т.е. почти в каждом десятом образовательном учреждении из 1219 имеющихся в стране. На русском языке пять раз в сутки вещает Радио Японии – самая авторитетная общественная вещательная корпорация [8].

Россотрудничество также занимается системой поддержки русского языка за рубежом. Стратегическим инструментом реализации политики в области русского языка является Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2016–2020 годы. Тысячи людей обучаются сегодня на курсах русского языка при представительствах Россотрудничества во многих странах мира. Там проводятся экзаменационные тесты, по результатам которых можно получить государственный сертификат, подтверждающий уровень владения русским языком. Заботясь о распространении русского языка, агентство создает условия для его практического применения, а также получения образования на русском языке.

При поддержке Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и Фонда «Русский мир», организационной

и информационной поддержке посольств Российской Федерации, Россотрудничества в Республике Корея и Монголии проводятся Всемирный фестиваль русского языка в Корее, «Неделя русского языка в Монголии», олимпиады по русскому языку среди учащихся выпускных классов общеобразовательных школ. Также наблюдается рост интереса к изучению русского языка в Индонезии. В Джакарте фондом «Русский мир» на базе одного из местных университетов был открыт первый кабинет «Русского языка».

Выход на новый этап двухстороннего стратегического партнерства России и Китая обусловил значительное повышение интереса китайских граждан к России и русскому языку как средству коммуникации. В 2010 году число школьников, изучавших русский язык в КНР как иностранный, достигло 100 тыс. человек, увеличилось по сравнению с 2000 годом более чем в два раза.

Знание русского языка в Китае распространяется также благодаря предпринимателям-«челнокам», постоянно выезжающим в РФ (по данным миграционной службы, в России постоянно находятся до 750 тыс. китайских граждан, занимающихся преимущественно торговлей и приобретающих в ходе своей деятельности устойчивые языковые навыки, а также массовым поездкам российских граждан (в основном из приграничных территорий) в Китай (до 2,3 млн человек в год) [8].

Изучение русского языка и владение им являются одним из наиболее эффективных путей культурного воспитания человека и его приобщения к гуманистическим ценностям как внутри страны, так и за ее пределами, что особенно важно в сложных условиях современной общественной и политической жизни. Во всем цивилизованном мире признано, что русская литература и русская культура в широком понимании этих слов занимают в таком воспитании одно из ведущих мест. В этой связи защита русской культуры и русского языка должна стать общенациональной задачей. Русский язык как способ существования русского национального мышления и русской культуры нуждается в охране и его правильном использовании, работа в этом направлении ведется как на правительственном, так и на институциональном уровне.

В настоящее время на государственном уровне разработана и реализуется целая система мер, направленных на решение указанных проблем. Это разработка и утверждение Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», Федеральной программы «Русский язык», Концепции «Русская школа за рубежом», Концепции государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, реализация международной волонтерской программы «Послы русского языка в мире», основание фонда «Русский мир» и многие другие меры, осуществляемые по инициативе и под строгим контролем субъектов государственной власти. В результате этих мер зарубежная общественность сможет глубже понимать основы и особенности национальной культуры России образа мышления, жизненной философии российского народа.

Следующим важным направлением деятельности агентства является работа с соотечественниками за рубежом. Совместно с МИД России, другими министерствами и ведомствами, администрациями регионов России Россотрудничество принимает непосредственное участие в реализации планов Правительственной комиссии по работе с соотечественниками за рубежом, ин-

формационном обеспечении Государственной программы содействия добровольному переселению соотечественников в РФ.

Помимо деятельности Россотрудничества за рубежом, для повышения международного имиджа России сегодня многое делается и внутри страны. Так, например, с 2015 г. во Владивостоке проводится Восточный экономический форум (ВЭФ), целью которого является повышение инвестиционной привлекательности российского Дальнего Востока, привлечение потенциальных иностранных инвесторов из стран АТР и реализация совместных бизнес-проектов со странами региона.

Таким образом, гуманитарное сотрудничество между Россией и странами АТР способствуют развитию двусторонних отношений, формированию объективного представления о жизни, традициях и обычаях народов, росту потенциала регионального сотрудничества, воспитанию толерантности и уважения многообразия национально-культурных, религиозных и нравственных убеждений. При этом важным условием является то, чтобы во взаимоотношениях между странами региона основой выступали не декларации, а практические дела, которые должны подвести под партнерство реальную политическую, экономическую, культурную и цивилизационную составляющие.

В ближайшие годы государствам Азиатско-Тихоокеанского региона предстоит решать немало задач, таких как корейская проблема, территориальные споры относительно богатых природными ресурсами шельфовых пространств, борьба с международной преступностью и терроризмом, наркобизнесом, а также преодоление последствий экологических кризисов, борьба с бедностью и смертельно опасными заболеваниями. Все это возможно лишь при налаживании полноценного диалога между странами региона, эффективной работе многосторонних институтов и использовании социально-гуманитарного ресурса, основанного на развитии новых знаний и технологий, межкультурного взаимодействия и наращивании человеческого капитала в АТР.

Россия может и должна стать полноправным участником интеграционных процессов АТР, не только как крупный экономический игрок в части экспорта и совместной разработки углеводородов, военных технологий и технологий в сфере атомной энергетики, но и как страна, привлекательная для восточных партнеров с точки зрения политического имиджа и национальной культуры, связующее звено между западной и восточной цивилизациями.

В ближайшей перспективе России необходимо сосредоточить основное внимание на развитии двусторонних партнерских отношений, проведении точечной, системной работы со странами региона, реализации перспективных научно-технических и экономических проектов, способствующих повышению интереса к взаимодействию между странами в гуманитарной сфере (язык, образование, культура, молодежные обмены), расширении сети различных центров и учебных заведений в странах АТР по изучению русского языка, русской культуры и русской истории, выстраивании эффективной государственной политики в сфере работы с молодежью на азиатско-тихоокеанском пространстве.

Литература

1. *Сотрудничество* России и стран АТР в научно-технической и инновационной сферах в 2012 и 2013 годах // СОО МСП ИТТ: сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-expo.ru/index.php/2010-07-23-11-37-45/57-dvfu-2013/443-atrcollaboration.html (дата обращения: 18.04.2016).

2. *Концепция* внешней политики России. Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013г. // Официальный сайт МИД РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru /foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 18.02.2016).

3. *Официальный сайт* Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) [Электронный ресурс]. URL: http://rs.gov.ru (дата обращения: 15.06.2016).

4. *Въездной* туризм в РФ растет за счет восточных и азиатских рынков // Интернет-журнал о российском туризме RTourNews. [Электронный ресурс]. URL: http://rtournews.ru/blog/profnews/ vezdnoj-turizm-v-rf-rastet-za-schet-vostochnyh-i-aziatskih-rynkov.html (дата обращения: 24.05.2016).

5. *Китайско-российские* отношения: 10 важнейших событий ушедшего года // Официальный сайт Посольства КНР в РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.china-embassy.org/rus/zgly/t1328523.htm (дата обращения: 24.05.2016).

6. *Жарова А.В.* В Южной Корее прошла рекламная кампания по продвижению России // Интернет-журнал об отдыхе и путешествиях Баштурия. [Электронный ресурс]. URL: http://bashtouria.ru/country/south-korea.php?ELEMENT_ID=399 (дата обращения: 24.05.2016).

7. Узбекова А. В Россию едут все больше туристов из Азии // Российская газета. Федеральный выпуск №6507 (235). [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2014/10/15/turizm.html (дата обращения: 24.05.2016).

8. *Арефьев А.Л.* Позиции русского языка в мире // Вопросик: сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://voprosik.net/pozicii-russkogo-yazyka-v-mire/ (дата обращения: 18.02.2016).

Bobylo Andrey M. – Oriental Institute - School of Regional and International Studies, Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/31

THE ROLE OF «SOFT POWER» INSTRUMENTS IN REALIZING RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS IN ASIA-PACIFIC REGION

Keywords: soft power, Asia-Pacific region, Russian Federation, humanitarian resource, foreign policy, Rossotrudniestvo

Reducing of Russia's political, military and economic presence in Asia-Pacific region, associated with the collapse of the USSR and the bipolar system of international relations, considerably weakened the degree of its cultural influence in the region. As a result, of the deep crisis in the political, economic and social life experienced by our country in the last decade of the twentieth century, Russia has practically lost its status as a world superpower, especially among former Soviet allies in the socialist bloc (China, Korea, India, Vietnam, Laos, Mongolia). Unattractiveness of foreign policy, national economy, inefficiency of the reforms, unfavorable investment climate, high levels of bureaucracy and criminalization of society, corruption of power, imperfect system of Russian legislation, unformed institutions of civil society have had a negative impact on our country's image in the world community assessments. However, now it has become quite obvious that the role of "soft power" instruments in world politics grows increasingly, resulting in the issue of Russia's cultural presence renewal in the world and, particularly in Asia-Pacific region is becoming one of the most important national interests of the country's foreign policy. In this regard, there is a need for intensification of integration processes in the sphere of humanitarian cooperation (science, education, culture, tourism, language, media, youth policy), between Russia and Asia Pacific countries. The purpose of this paper is to investigate the role of Russian "soft power" instruments in Russia's foreign policy in the Asia-Pacific region. The paper analyzes the factors and conditions for increasing humanitarian and cultural presence of Russia in the world, the recent initiatives and decisions of Russian government, as well as measures of state support in terms of the development of cultural diplomacy in the Asia-Pacific region. The key challenges and the prospects for further activity in this direction are identified. Keywords: soft power, Asia-Pacific region, Russian Federation, humanitarian resource, foreign policy, Rossotrudniestvo.

References

1. International Union of Instrument Engineers and Experts in Information and Communication Technologies. (2012) *Sotrudnichestvo Rossii i stran ATR v nauchno-tekhnicheskoy i innovatsionnoy sferakh v 2012 i 2013 godakh* [Cooperation between Russia and Asian-Pacific countries in science, technology and innovation in 2012 and 2013]. [Online] Available from: http://www.e-expo.ru/index.php/2010-07-23-11-37-45/57-dvfu-2013/443-atrcollaboration.html. (Accessed: 18th April 2016).

2. Russian Foreign Ministry. (2013) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossii. Utverzhdena Prezidentom RF V.V. Putinym 12 fevralya 2013g.* [The concept of Russia's foreign policy. Approved by the RF President V.V. Putin, on February 12, 2013]. [Online] Available from: http://www.mid.ru /foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/ id/122186. (Accessed: 18th February 2016).

3. *Federal Agency for CIS Affairs, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo).* (n.d.) Official Website. [Online] Available from: http://rs.gov.ru (Accessed: 15th June 2016).

4. RTourNews. (n.d.) *V"ezdnoy turizm v RF rastet za schet vostochnykh i aziatskikh rynkov* [In-bound tourism in Russia is growing at the expense of Eastern and Asian markets]. [Online] Available from: http://rtournews.ru/blog/profnews/ vezdnoj-turizm-v-rf-rastet-za-schet-vostochnyh-i-aziatskih-rynkov.html. (Accessed: 24th May 2016).

5. Chinese Embassy in the Russian Federation. (2015) *Kitaysko-rossiyskie otnosheniya: 10 vazhneyshikh sobytiy ushedshego goda* [Sino-Russian relations: 10 most important events of the past year]. [Online] Available from: http://ru.china-embassy.org/rus/zgly/t1328523.htm. (Accessed: 24th May 2016).

6. Zharova, A.V. (n.d.) *V Yuzhnoy Koree proshla reklamnaya kampaniya po prodvizheniyu Rossii* [South Korea held an advertising campaign to promote Russia]. [Online] Available from: http://bashtouria.ru/country/south-korea.php?ELEMENT_ID=399. (Accessed: 24th May 2016).

7. Uzbekova, A.V. (2014) Rossiyu edut vse bol'she turistov iz Azii [More and more tourists from Asia come to Russia go]. *Rossiyskaya gazeta*. 6507(235). [Online] Available from: https://rg.ru/2014/10/15/turizm.html. (Accessed: 24th May 2016).

8. Arefiev, A.L. (2013) *Pozitsii russkogo yazyka v mire* [The position of the Russian language in the world]. [Online] Available from: http://voprosik.net/pozicii-russkogo-yazyka-v-mire/. (Accessed: 18th February 2016).

УДК 323.324
DOI: 10.17223/1998863X/36/34

В.Б. Гольбрайх

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В ИНТЕРНЕТЕ КАК НОВАЯ ПРАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Исследование посвящено анализу экологических общественных инициатив в Интернете как новой практики политического участия. Одной из наиболее распространенных форм политического участия в Интернете становится организация сбора подписей под онлайн петициями. Предложенный анализ онлайн петиций показал представленность экологических онлайн петиций, уровень их поддержки, использования социальных сетей Интернета для мобилизации сторонников экологических инициатив.
Ключевые слова: *политическое участие, онлайн петиции, экологические инициативы.*

Благодаря возрастающей роли Интернета в последние годы мы можем наблюдать новые формы политического участия. Среди них особое место занимает организация сбора подписей под онлайн петициями. Каждый день в Интернете появляются петиции, посвященные совершенно разным проблемам: от требования увольнения того или иного чиновника до изменения тех или иных аспектов внутренней и внешней политики. Настоящая статья посвящена анализу этого типа экологических общественных инициатив в Интернете как новой практики политического участия.

Теоретический подход

Как отмечают исследователи, до сих пор нет общепринятого определения понятия «политическое участие» [1. С. 171]. В настоящее время, полагает И. Скалабан, «нет четкого разделения между ключевыми видами участия: политическим, гражданским, общественным, социальным» [2. С. 133]. Одна из наиболее принятых трактовок «политического участия» определяет его как «деятельность, которая ставит целью повлиять на действия властей или влияет на них». При этом влияние может быть непосредственным (осуществление той или иной политики) либо косвенным (влияние на отбор тех людей, которые будут проводить эту политику) [3. С. 4].

Исследователи, говоря о различных формах «политического участия», различают конвенциональное и неконвенциональное политическое участие в зависимости от практики акторов [4. С. 25]. Конвенциональное политическое участие более структурировано и обычно законно. Это участие в работе политических партий, лоббистская деятельность, посещение политических собраний, контакт с официальными органами и т.д. Такая форма политического участия, как подписание петиций, являющаяся предметом нашего исследования, относится к неконвенциальному политическому участию, как и участие в демонстрациях, бойкот определенных товаров и др. В то же время, как отмечает И. Ламприаноу, различие между конвенциональным и неконвенцио-

нальным политическим участием остается спорным. В связи с тем, что такие действия, как участие в демонстрациях или подачи петиций, все больше становятся общепринятыми, их можно отнести к конвенциональным формам политического участия [4. С. 25].

В последние годы все больше исследователей обращаются к вопросу, в какой степени Интернет влияет на «политическое участие» граждан. В этом отношении можно говорить о двух основных подходах [5. С. 194]. Одни авторы полагают, что политическое участие онлайн ограничивается теми, кто уже вовлечен в подобную активность. Другие исследователи, напротив, считают, что Интернет может мобилизовать политически неактивное население. Они полагают, что облегченный доступ к информации в Интернете позволяет уменьшить различия в знании о политической, общественной жизни граждан, принадлежащих к различным социально-экономическим группам и тем самым расширить круг граждан, вовлекаемых в активную общественную деятельность.

В то же время некоторым фактором, уменьшающим возможности политического участия в Интернете, является цифровое неравенство (отсутствие или ограниченный доступ к Интернету). Можно говорить об основных факторах цифрового неравенства: экономическое благосостояние, возраст, образование, пол и место проживания [6. С. 153]. Кроме того, Интернет, предоставляя новые возможности для политического участия, с другой стороны, может снизить его эффективность. Исследователи, говоря о политическом участии в Интернете, отмечают новый феномен, который они обозначают как «слактивизм». Слактивизм является «симулякром активизма», когда пользователи ограничиваются кликом под петицией, размещенной в социальной сети [7. С. 21]. Полагая само это действие политическим актом, они игнорируют другие формы политического участия.

Одной из наиболее распространенных форм «политического участия» в Интернете становится организация сбора подписей под онлайн петициями. Петицию можно определить как «асимметричную форму коммуникации между отдельными гражданами или группами, с одной стороны, и институтом – с другой» [8]. Онлайн петиции используются, чтобы привлечь внимание к определенным проблемам, обеспечить поддержку выдвинутым требованиям и повлиять на решения властей. Подписание онлайн петиций – один из самых необременительных способов «политического участия». Как отмечает один из исследователей, «подписание онлайн-петиции не требует слишком много усилий от гражданина и при этом "цена" этого участия не такова, как другие формы политического участия» [9. С. 6].

Если говорить о петициях, поднимающих экологические проблемы, то экологические активисты полагают, что «сбор подписей в Интернете играет важную роль в природоохранных проектах и помогает быстро определить значимость проблемы для граждан, а также донести их мнение до тех, кто принимает решения» [10].

Метод и данные

В настоящее время в России существует несколько крупных площадок онлайн петиций. В ходе исследования предполагалось проанализировать практику использования подобных площадок для обращений в органы власти в связи с теми или иными экологическими проблемами на двух порталах,

«Change.org» и «Наше мнение». Международный портал Change.org охватывает более 40 миллионов посетителей из 196 стран. «Наше мнение» – отечественный портал с почти 18 тысячами зарегистрированных пользователей.

Нас интересовало, в какой степени экологическая проблематика присутствует в онлайн петициях. Исходя из проблематики подобных петиций, можно понять, какие основные экологические вопросы, волнуют граждан. Нас интересовало также, в какой степени авторы онлайн петиций выходили за рамки локальных проблем, выдвигая требования изменения федерального законодательства. Кроме того, анализируя петиции, мы хотели понять, в какой мере к ним можно применить понятие «слактивизм», т.е. использовали ли инициаторы петиций или его «подписанты» другие формы политического участия для достижения своих целей.

Для анализа петиций были выделены следующие категории: 1) тема проблемы; 2) уровень проблемы; 3) регион проживания автора петиции; 4) адрес петиции; 6) количество поддержавших петицию; 8) использование других форм политического участия.

Результаты

На середину 2015 года на портале Change. org было размещено 3122 петиции, на портале «Наше мнение» – 549 петиций. Петиции, поднимающие экологические проблемы, составили 13% на портале Change. Org и 14% на портале «Наше мнение». К сожалению, портал Change.org не позволяет сравнить долю петиций, поднимающих экологические проблемы, с долями петиций, посвященных другим проблемам. Анализ портала «Наше мнение» показал, что доля экологических петиций была сравнима с долей петиций, поднимающих проблемы, связанные с социальной сферой (15%), и выше, чем доля петиций, говорящих о проблемах образования (7%), коррупции (7%), медицины (5%) или ЖКХ (3%).

Если говорить о том, в связи с какими именно экологическими проблемами создавались петиции, то наш анализ выявил следующее (табл. 1).

Таблица 1

Экологические проблемы (%)

Проблемы	Петиции	
	Change.org	Наше мнение
Защита животных	45	55
Опасные предприятия	11	10
Вырубка зеленых насаждений в городах	13	9
Вырубка лесов, проблема	8	6
Проблема заповедников, заказников	7	4
Загрязнение водоемов, воды	4	5
Проблемы мусора	2	4
Проблема ГМО	1	3
Загрязнение воздуха	1	–
Защита активистов	1	1
Проблема свалок	1	1
Проблема радиации	1	–
Другие проблемы	5	2
Всего	415	79

Как мы видим, большинство петиций на обоих порталах посвящено проблеме защиты животных. Причем абсолютное большинство из них посвящено защите домашних животных (строительство приютов, борьба с догхантерами и т.п.). Кроме того, выделяются еще три проблемы, в связи с которыми чаще создавались петиции: опасные предприятия; вырубка зеленых насаждений в городах; вырубка лесов и проблемы, связанные со строительством на территориях заповедников и заказников.

Среди предприятий, в отношении которых обеспокоенными гражданами создавались петиции, можно назвать: Челябинский электрометаллургический комбинат; мусоросжигательные заводы в Москве; закрытый полигон твердых бытовых отходов в городе Советске Калининградской области; полигон химических отходов «Красный Бор» в Ленинградской области; строительство газохимического завода на территории Республики Саха. Если говорить о петициях, созданных в связи с опасными предприятиями (действующими или в связи со строительством новых), то наш анализ показал, что на портале Change.org выделяются такие регионы, как Москва (21% от всех петиций, созданных в связи с этой проблемой), Челябинская область (13%) и Санкт-Петербург (11%). На портале «Наше мнение» нельзя выделить регионы, в отношении которых в связи с опасными предприятиями чаще бы создавались петиции.

В отношении петиций, созданных в связи с вырубкой зеленых насаждений в городах, на портале Change.org явно выделяются Москва (37%) и Санкт-Петербург (20%). Более 40% петиций, созданных в связи с угрозой вырубки заповедников или других охраняемых территорий, на портале Change.org посвящено решениям московских властей.

Как показало исследование, чаще, чем в других регионах, петиции создавались в Москве и Санкт-Петербурге. Ниже представлены основные регионы, жителями которых создавались петиции (табл. 2).

Таблица 2

Распределение петиций по регионам (%)

Регион	Петиции	
	Change.org	Наше мнение
Москва	29	23
Санкт-Петербург	11	6
Московская обл.	4	3
Свердловская обл.	4	5
Самарская обл.	2	4
Приморский край	2	4
Челябинская обл.	3	4
Ставропольский край	1	5
Краснодарский край	1	4
Всего	**415**	**79**

Как представляется, на уровень использования порталов онлайн петиций в связи с экологическими проблемами могут влиять несколько факторов: острота экологических проблем в том или ином регионе, в какой степени в регионе развито экологическое движение и степень проникновения Интернета. Если говорить об остроте экологических проблем в различных регионах России, то «экологический рейтинг» на конец 2015 – начало 2016 г. показал, что в «числе аутсайдеров» оказались Свердловская область, Челябинская об-

ласть, Северная Осетия, Ленинградская область, Московская область, Тульская область, Ханты-Мансийский АО, Еврейская АО, Республика Саха (Якутия), Оренбургская область [11]. Как мы видим, из этих регионов только в Свердловской, Челябинской и Московской областях, в несколько большей степени, чем в других, использовались онлайн петиции. В то же время, хотя Москва и Санкт-Петербург находятся в середине экологического рейтинга, именно в этих городах гораздо чаще, чем в других регионах, используются онлайн петиции в связи с экологическими проблемами. Можно предположить, что на использование онлайн петиций во многом влияют другие факторы, а именно проникновение Интернета в тот или иной регион и гражданская активность в нем.

Если говорить об уровне проблем, то наше исследование показало, что большинство из них можно назвать локальными (табл. 3).

Таблица 3

Уровень проблем (%)

Уровень проблем	Петиции	
	Change.org	Наше мнение
Локальный	66	58
Региональный	13	9
Федеральный	16	29
Международный	2	3
В других государствах	2	1
Всего	415	79

Нас интересовало, в какой степени авторы петиций требовали изменений в федеральном законодательстве для решения поставленных ими проблем. Таковых петиций было относительно немного: 6% на портале Change.org и 17% на портале «Наше мнение». Среди мер, предлагаемых авторами петиций, были: «введение налога на мусор», принятие нового закона «О защите животных от жестокого обращения», принятие закона «О спасении бездомных животных», закрытие и запрет деятельности притравочных станций на территории Российской Федерации, запрет тестирования косметики, бытовой химии, лекарств на животных и другие.

В рамках исследования было также рассмотрено, к кому были обращены петиции. Наш анализ показал следующее (табл. 4):

Таблица 4

Адресаты петиций (%)

Объект обращения	Петиции	
	Change. org	Наше мнение
1	2	3
Президент	26	23
Премьер-министр	5	3
Государственная дума	8	13
Совет Федерации	1	-
Правительство	16	14
Другие федеральные ведомства	4	1
Региональная исполнительная власть	45	18
Местная исполнительная власть	23	13
Региональная законодательная власть	5	3
Местная законодательная власть	2	3
Другие местные власти	3	-

Окончание табл. 4

1	2	3
Федеральные правоохранительные органы	15	4
Местные правоохранительные органы	10	3
Политические партии	1	-
Общественные организации	6	1
Руководители предприятий	3	3
Другие	11	9
Всего	415	79

Исследование показало, что довольно часто адресатами петиций, посвященных сугубо локальным проблемам, являлись федеральные власти. При этом большая часть из них адресовалась одновременно и местным/региональным и федеральным властям. Анализ выявил, что 36% петиций, посвященных локальным проблемам на портале Change.org и 22% петиций на портале «Наше мнение» были обращены в адрес президента, правительства, Государственной думы, других федеральных органов. Например, среди обращений, направленных в адрес президента РФ, были такие, как обращения с требованием «Запретить летнее кафе в водоохраной зоне реки Темерник», «Запретить вырубку реликтового векового соснового бора в п. Солотча города Рязани», «Спасти зеленую зону в Казани». Можно предположить, что направление петиции в адрес федеральных властей одновременно с направлением петиции в адрес местных или региональных властей является дополнительным способом давления на последние. Это подтверждает вывод, сделанный в одной из работ, посвященных анализу онлайн петиций, о «снижении доверия органам власти низового и среднего уровня, выражающемся в том, что граждане стали чаще апеллировать к федеральным властям при решении каких-либо проблем, даже имеющих локальное значение» [12. С. 44].

В какой степени петиции, созданные на двух анализируемых порталах, были поддержаны? Наш анализ показал следующее (табл. 5):

Таблица 5

Поддержка петиций (%)

Количество подписей	Петиции	
	Change.org	Наше мнение
До 100 подписей	9	28
100–1000	39	51
1000–3000	26	18
3000–10000	12	1
10000–50000	12	–
50000–100000	2	–
Свыше 100 тыс.	2	1
Всего	415	79

Как мы видим, большая часть петиций получала крайне небольшую поддержку. Не более тысячи подписей получили почти половина петиций на портале Change. org и почти 80% на портале «Наше мнение». При этом экологические петиции поддерживали в большей мере, чем петиции, созданные в связи с другими проблемами. Так, на портале Change. org доля петиций, получивших поддержку менее тысячи человек, составила 75%, а на портале «Наше мнение» – 94%. Петиции, получившие наибольшую поддержку (более

100 тысяч на портале Change.org и свыше 3 тысяч на портале «Наше мнение»), показаны ниже (табл. 6):

Таблица 6

Петиции, получившие наибольшее количество подписей

Петиция	Количество подписей
Портал Change. org	
Нет жестокой травле животных собаками! Требуем закрытия ИТС в России!	685 602
Помогите сохранить живой океан, продовольствие и процветание – предложите новые законы для защиты открытого моря	290 816
Запретить тестирование косметики на животных в России	227 179
Запрещение петельного лова зверей на территории России	126 337
Остановите уничтожение популяции гималайских медведей на Дальнем Востоке	123 786
Не возвращайте львёнка в злые руки!	118 752
Не допустите вырубки парка "Кусково"	116 684
Портал «Наше мнение»	
За принятие Федерального закона о защите животных от жестокого обращения	119 971
Против открытия дельфинария в Новосибирске	3169

Как видно, большинство петиций, получивших наибольшую поддержку, были посвящены федеральным проблемам, относящимся к зоозащитной проблематике. При этом ни по одной из них не удалось добиться успеха. Вообще создателям экологических онлайн петиций крайне редко удавалось достичь успеха. Лишь организаторы 4% петиций на портале Change.org и 3% на портале «Наше мнение» смогли добиться решения поставленных проблем. Трудно сказать, в какой степени на решение этих проблем смогли повлиять онлайн петиции. Исследование не показало, что уровень поддержки петиции является существенным фактором, повлиявшим на решение проблемы.

В ходе нашего исследования предполагалось выяснить, насколько инициаторы создания петиций использовали и другие формы политического участия. К сожалению, порталы онлайн петиций не позволяют провести опрос авторов обращений. В связи с этим было решено использовать информацию, изложенную в петициях, равно как и обратиться к информации, посвященной рассматриваемым в петициях конфликтам, размещенной на других порталах (сайты СМИ, социальные сети и др.). Наш анализ показал, что только в 50% конфликтов, в связи с которыми были созданы петиции на портале Change.org, и в 40% конфликтов, о которых говорилось в петициях на портале «Наше мнение», использовались другие формы политического участия (табл. 7).

Таблица 7

Формы политического участия (%)

Формы участия	Петиции	
	Change.org	Наше мнение
Обращения	48	35
Митинги, пикеты	22	14
Общественные слушания	13	3
Иски в суд	3	1
Другие формы	12	14
Всего	415	79

Даже, если принять во внимание, что петиций, в связи с которыми использовались другие формы политического участия (прежде всего, такие как подача жалоб), было несколько больше[1], можно полагать, что примерно в половине случаев инициаторы онлайн петиций ограничивались только этой формой политического участия.

Одной из форм политического участия является распространение информации о различных акциях в связи с тем или иным конфликтом. Благодаря этому граждане, отстаивающие свою позицию, могут привлечь потенциальных сторонников. В связи с этим было решено выявить, в какой степени информация об онлайн петициях распространялась в одной из крупнейших социальных сетей в Интернете «В Контакте». Наш анализ показал, что крайне небольшое число, подписавших петиции, распространяли о них информацию (табл. 8).

Таблица 8

Мобилизация сторонников в сети «В Контакте» (%)

Доля подписантов, распространявших о петиции информацию в сети «В Контакте»	Петиции	
	Change.org	Наше мнение
Никто не распространял	7	17
Менее 1%	14	6
1–4%	66	56
5–10%	12	19
Более 10%	1	1
Всего	415	79

Распространение информации в Интернете является одной из самых простых форм политического участия. К тому же, как можно полагать, большинство пользователей порталов онлайн петиций являются и пользователями сети «В Контакте» (наш анализ показал, что около 40% подписавших петиции на портале «Наше мнение» было зарегистрировано на портале через сеть «В Контакте»). В связи с этим мы можем определить политическое участие большинства граждан, подписывающих онлайн петиции, как слактивизм.

Выводы

Наш анализ показал, что экологические петиции составляют существенную часть онлайн петиций. Анализ выявил основные экологические проблемы, в связи с которыми создавались петиции. В то же время анализ показал небольшую поддержку абсолютного большинства петиций. При этом исследование не показало, что уровень поддержки петиции является существенным фактором, повлиявшим на решение проблемы.

Если говорить об использовании онлайн петиций, посвященных экологическим проблемам, то анализ показал, что существенными факторами, влияющими на эту форму политического участия, является не только острота экологических проблем в том или ином регионе, но также проникновение Интернета и гражданская активность в нем.

[1] Можно предположить, что не обо всех действиях активистов сообщалось в Интернете. В то же время важно, что в этих случаях сами авторы петиций не использовали ресурсы Интернета для распространения информации о своей борьбе.

Анализ показал, что поднимались в меньшинстве петиций, общенациональные проблемы, требующие изменений федерального законодательства, при этом довольно часто граждане апеллируют к федеральным властям для решения локальных проблем.

Исходя из того, что только примерно в половине инициатив организаторы сбора подписей под петициями использовали другие формы политического участия и лишь абсолютное меньшинство подписавших петицию, использовали ресурсы Интернета для мобилизации потенциальных сторонников, можно предположить, что для большинства пользователей подобная форма политического участия является слактивизмом. Впрочем, подтверждение этого вывода требует дополнительного анализа и использования иных методов исследования.

Конечно, анализ текстов онлайн петиций не может ответить и на некоторые другие вопросы: из каких источников граждане узнают об онлайн петициях, в какой степени они полагают, что петиции могут повлиять на решение проблемы и т.д. В связи с этим предполагается продолжить исследование, используя и другие методы.

Литература

1. *Холмская М.* Политическое участие как объект исследования. Обзор отечественной литературы // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 170–176.

2. *Скалабан И.* Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. №1. С. 130–139.

3. *Burns N., Schlozman K.L., Verba S.* The Private Roots of Public Action. Gender, Equality, and Political Participation, Cambridge. Massachusetts: Harvard University Press, 2001. 480 p.

4. *Lamprianou I.* Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment // Democracy in Transition. Political Participation in the European Union / ed. Kyriakos N. Demetriou, Berlin: Springer Science & Business Media, 2012. P. 21–42.

5. *Boulianne S.* Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research // Political Communication. 2009. Vol. 26, № 2. P. 193–211.

6. *Быков И., Халл Т.* Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 151–163.

7. *Никипорец-Такигава Г.* О роли Интернета в гражданском протесте: российский опыт в глобальном контексте // Вестник Инстута Кеннана в России. 2012. Вып. 22. С. 13–24.

8. *Böhle K., Riehm U.* E-petition systems and political participation: About institutional challenges and democratic opportunities. // First Monday : Peer-reviewed journal of the Internet. 2013. №7. [Электронный ресурс]. URL: http://www.firstmonday.dk/ojs/index.php/fm/article/view/4220/3694#4 (дата обращения: 16.11.2015).

9. *Berg J.* The dark side of e-petitions? Exploring anonymous signatures. [Электронный ресурс]. URL: http://www.abo.fi/fakultet/media/33801/berg_thedarksideofepetitions.pdf (дата обращения: 18.11.2015).

10. *Парамонова Н.* Есть ли смысл подписывать «зеленые» петиции в России? // Geo.ru : сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.geo.ru/ekologiya/est-li-smysl-podpisyvat-zelenye-petitsii-v-rossii?page=1 (дата обращения: 18.11.2015).

11. *Экологический* рейтинг за период зимы 2015/2016 г.// Общероссийская общественная организация «Зеленый патруль»: сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://greenpatrol.ru/ru/novosti/ekologicheskiy-reyting-za-period-zimy-2015-2016-gg (дата обращения: 18.11.2015).

12. *Социологический* анализ опыта использования современных технологий электронной демократии (порталы публичных обращений/петиций и открытого голосования). Итоговый комплексный аналитический отчет. / Исследовательская группа ЦИРКОН. М., [2014]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/3a1/Sociologicheskij_analiz_opyta_ispolzovanija_sovremennyhtehnologij_jelektronnoj_demokratii.pdf (дата обращения: 19.11.2015).

Golbraykh Vladimir B. – Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/31

ENVIRONMENTAL PUBLIC INITIATIVE IN THE INTERNET AS A NEW PUBLIC PARTICIPATION PRACTICE

Keywords: political participation, online petition, environmental initiatives

Internet as a new a new public participation practice. The author sees political participation as an activity that aims to influence authorities' actions. Such an influence may be direct (an accomplishment of certain policy) or indirect (an influence on a selection of people who will accomplish this policy). Due to growing importance of the Internet, we observe new forms of political participation over recent years. On the one hand, the Internet is able to mobilize politically inactive population by reducing differences in knowledge of social and political problems among citizens who belong to different social groups. Nevertheless, on the other hand, digital inequality (ability to access the Internet) reduces possibilities for political participation in the Internet. A gathering of signatures for online petitions takes a special place among new forms of political participation. Online petitions are used in order to draw attention to particular problems, to provide a support for declared goals, and to influence decisions of authorities. The author depicts specific features of environmental issues in online petitions and the main environmental issues that disturb citizens. Additionally, the author discusses whether signing of petitions is a form of such a behavior as *slacktivism* when organizers and participants restricted themselves only with petition signing or additionally the employed the other forms of activities in order to reach their goals. The study shows that a significant part of online petitions composes of environmental petitions. At the same time, participants most of petitions receive small rate of support. The main variables that influence this form of political participation are sharpness of environmental problems, availability of the Internet, and a level of public activities in the region. The analysis does not found a significant correlation between levels of petitions' support and solutions of environmental problems. The organizers of petition gatherings used the other forms of political participation only in half of their initiatives; and only an absolute minority of participants in these gatherings employed Internet resources for mobilization of potential supporters. That is why one may assume that such a form of political participation is just slacktivism.

References

1. Kholmskaya, M. (1999) Politicheskoe uchastie kak ob"ekt issledovaniya. Obzor otechestvennoy literatury [Political participation as a research object. Overview of Russian literature]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 170–176.

2. Skalaban, I. (2011) Social, Public and Civil Participation: the Problem of Conceptual Understandingand Misunderstanding. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosphy, Sociology and Political Science*. 1(13). pp. 130–139. (In Russian).

3. Burns, N., Schlozman, K.L. & Verba, S. (2001) *The Private Roots of Public Action. Gender, Equality, and Political Participation*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

4. Lamprianou, I. (2012) Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment. In: Demetriou, K.N. (ed.) *Democracy in Transition. Political Participation in the European Union*. Berlin: Springer Science & Business Media. pp. 21–42.

5. Boulianne, S. (2009) Does Internet Use Affect Engagement? A Meta-Analysis of Research. *Political Communication*. 26(2). pp. 193–211. DOI: 10.1080/10584600902854363

6. Bykov, I. & Hall, T. (2011) Digital divide and the Internet-users political preferences in Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 151–163. (In Russian).

7. Nikiporets-Takigava, G. (2012) The Role of the Internet in Civil Protest: The Russian Experience in a Global Context. *Vestnik Instuta Kennana v Rossii*. 22. pp. 13–24. (In Russian).

8. Böhle, K. & Riehm, U. (2013) E-petition systems and political participation: About institutional challenges and democratic opportunities. *First Monday*. 7. [Online] Available from: http://www.firstmonday.dk/ojs/index.php/fm/article/view/4220/3694#4. (Accessed: 16th November 2015).

9. Berg, J. (2015) *The dark side of e-petitions? Exploring anonymous signatures*. [Online] Available from: http://www.abo.fi/fakultet/media/33801/berg_thedarksideofepetitions.pdf. (Accessed: 18th November 2015).

10. Paramonova, N. (n.d.) *Est' li smysl podpisyvat' "zelenye" petitsii v Rossii?* [Does it make sense to sign a "green" petition in Russia?]. [Online] Available from: http://www.geo.ru/ekologiya/est-li-smysl-podpisyvat-zelenye-petitsii-v-rossii?page=1. (Accessed: 18th November 2015).

11. All-Russian Public Organization "Green Patrol". (n.d.) Ekologicheskiy reyting za period zimy 2015/2016 g. [Environmental rating for the winter of 2015–2016]. [Online] Available from: http://greenpatrol.ru/ru/novosti/ekologicheskiy-reyting-za-period-zimy-2015-2016-gg. (Accessed: 18th November 2015).

12. ZIRCON Research Group. (2014) *Sotsiologicheskiy analiz opyta ispol'zovaniya sovremennykh tekhnologiy elektronnoy demokratii (portaly publichnykh obrashcheniy/petitsiy i otkrytogo golosovaniya). Itogovyy kompleksnyy analiticheskiy otchet* [The sociological analysis of the experience of the use of e-democracy modern technologies (portals of public appeals / petitions and open voting). Total comprehensive analytical report]. [Online] Available from: http://www.zircon.ru/upload/iblock/3a1/Sociologicheskij_analiz_opyta_ispolzovanija_sovremennyhtehnologij_jelektronnoj_demokratii.pdf. (Accessed: 19th November 2015).

УДК 328.181
DOI: 10.17223/1998863X/36/35

Г.И. Марченко

НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ В КНР: УЧЕБА & КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

В статье, которая опирается на публикации Синьхуа и англоязычных исследователей, впервые в отечественной науке проанализирован уникальный опыт решения учебных и консультативных задач, рассматриваются технология, функции, тематика, состав лекторов/экспертов и политические результаты учебных сессий членов Политбюро.
Ключевые слова: *экспертное знание, принятие решения, имидж партии, учеба Политбюро КПК.*

Приход к власти четвертого поколения руководителей во главе с Ху Цзиньтао (с конца 2002 года) ознаменовался изменением политического курса, ориентированного на повсеместное внедрение научных достижений, а также реализацию постоянно действующей обучающей программы высшего партийного руководства – Политбюро КПК. Профессор партийной школы ЦК КПК Чжоу Бинчэнг (*Zhou Bingcheng*), неоднократно принимавший участие в учебных сессиях Политбюро, отметил, что «рождение КПК, ее рост и развитие есть органичное соединение изучения марксизма с китайскими национальными условиями, которое непосредственно развивает управленческие способности»[1] [1]. Придя к руководству Китаем, Дэн Сяопин (*Den Xiansheng*, 1904–1997) в декабре 1978 г. поставил задачу переобучения партии в целом и разработки обучающей системы. Еще более тому способствовал и последующий поворот стратегии партии на экономическое развитие. После четвертого Пленума 13-го Центрального комитета КПК генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь (*Jiang Zemin*) придал обучению высших партийных кадров еще большую приоритетность. Но эти занятия проводились нерегулярно и концентрировались на юридических вопросах. Его преемник Ху Цзиньтао (*Hu Jintao*) на проведенном в конце 2002 г. 16-м съезде КПК ЦК КПК отчетливо сформулировал задачу обучения всех партийных руководителей и более четкой ее организации [2]. В сущности, этот же политический курс был продолжен Си Цзиньпином.

Проводимое Политбюро обучение способствует формированию *стратегического* взгляда на текущую ситуацию и на перспективу. В политической лексике руководителей страны большое место занимают такие понятия, как «стратегическая возможность», «стратегическое мышление», «стратегическое», «стратегическая задача», «стратегические шаги» и собственно «страте-

[1] Учредитель КПК Мао Цзэдун, любивший читать, сформулировал известный девиз «Чтение есть изучение и применение прочитанного, это есть обучение и еще более глубокое и необходимое постижение» [1].

гия». Это отражает акцент на полном и долгосрочном развитии с макрополитической точки зрения и глобальный образ мыслей. Такая стратегия с опорой на участие ведущих научных специалистов демонстрирует поучительный пример для местных органов власти, формирует общество, ориентированное на осуществление инноваций и проведение исследований.

Другой аспект такого рода практики связан с внесением *историзма* в государственное управление. Во всех таких занятиях подчеркивается историческая точка зрения – выявляется успешное и провальное в китайской и иностранной истории, что улучшает понимание тенденций развития и компетентность руководства государственными делами. То есть представление о прошлом углубляет политическую мудрость и усиливает власть.

Оценивая такого рода сессии, декан школы Партийной школы последипломного образования Луи Чун (*Liu Chun*) сказал, что они выражают политическую линию, ориентированную на мобилизацию коллективной мудрости в принятии решения в противовес здравому смыслу отдельных участников. Именно *коллективное принятие решения* есть гарантия правильности любых принятых решений [3]. Помимо того, обращение высшего руководства партии к представителям науки ярко свидетельствует о том, что китайская политика имеет фундаментальные научные основания и опирается на последние её достижения в социальной, экономической и др. сферах[1].

Специфичность этих сессий определяется не только органической их увязкой с задачами управления партией государством и обществом, приданием любой обсуждаемой теме более широкого контекста – социального, международного и даже идеологического, ориентации на реализацию стратегической цели – развитие социализма с китайской спецификой. Данная форма отличается от традиционного политического консультирования, в котором большое значение имеют личность советника и разного рода личные интересы политика, с одной стороны, или всевозможные типичные для государственного управления совещаний. В то же время она близка особому типу научного консультирования, в котором ведущую роль играют представители не столько академической, но и прикладной науки, хорошо сознающие запросы политико-управленческой практики и выступающие в роли экспертов. Собственно, их преимущественно и привлекают к участию в китайских коллективных учебных сессиях.

Технология

В статье «Язвительные студенты, остроумные исследования», опубликованной 19 октября 2007 в газете «China Daily», характеризуется тщательно проработанная технология проведения данных занятий [3]. Они проводятся с периодичностью примерно в полтора месяца.

Начало подготовительного этапа работы над учебной сессией связано с *выбором её темы и авторитетного научного учреждения,* специализированного на её изучении, что обычно происходит в Главном управлении ЦК КПК (CPC). В число таких учреждений могут входить также и службы соот-

[1] Одна из восьми добродетелей, сформулированных Ху Цзиньтао, гласит: «Следуя за наукой, не будь невеждой».

ветствующих министерств и центральных агентств, играющие главную роль в исследовании избранной проблематики. В некоторых случаях тема вытекает из указания определенного министерства, например Министерства иностранных дел.

Затем с руководителями отобранной организации проводятся переговоры о первоначальной формулировке предмета занятий, которая неоднократно уточняется, и делается *подбор выступающих*. Иногда, если тема глобальна, привлекаются эксперты из нескольких научных учреждений, которые также принимают участие в подготовке сессии [4].

Следующий шаг связан с работой экспертов над *написанием проекта лекции*, который пересылается для рассмотрения в Главное управление, оно, в свою очередь, формулирует свои предложения и отсылает их назад. После этого определяются руководящие принципы выступления, которые соединяют высокую информативность, чрезвычайную сжатость, раскрытие лишь самых важных проблем и доступность, лекция не должна быть излишне академической, учитывая, что аудиторию составляют члены Политбюро, министры и губернаторы провинций.

Разработка данного текста занимает немало времени – в течение 3 или шести месяцев пишутся несколько рабочих документов, основанных на обобщении мнений десятков экспертов и большого количества простых граждан. Окончательному занятию предшествуют, как правило, несколько раундов пробных лекций/обсуждений, по результатам которых в текст выступления вносятся различные поправки. В итоге распечатанный и раздаваемый лидерам текст отражает не столько индивидуальную позицию лектора, но обобщенный взгляд науки на тот или иной социальный или экономический вопрос.

Многие из выступавших в столь высокопоставленной аудитории в своих интервью единодушно подчеркнули различие между обычной лекцией и выступлением перед членами Политбюро. Такие выступления никогда не сводятся к популяризации общепринятых истин, но обсуждают использование теоретических положений для решения обсуждаемой проблемы и должны продвигать вперед развитие китайского общества.

Учебные сессии построены в *формате*, сопровождаемом кратким обсуждением. Каждая лекция читается двумя экспертами. Продолжительность сессии, как правило, 120 минут, в том числе каждый из выступающих говорит в течение 40 минут, затем – 30-минутное обсуждение, включая вопросы и ответы.

Один из выступавших перед Политбюро профессор исследований села Центрального китайского педагогического университета Сюй Юн (*Xy Yong*) наибольшую трудность в таких лекциях усмотрел не столько в самом монологе-лекции, сколько в двух- или трехминутных *ответах на вопросы*. Вопросы присутствующих всегда неожиданные, как правило, выходят за рамки подготовленного и распространяемого в аудитории текста и требуют мгновенной реакции. Данная аудитория отличается от прочих аудиторий большей интеллектуальностью и информированностью, глубиной понимания проблем [1]. Как считает декан Партийной школы последипломного образования (аспирантуры) Луи Чун (*Liu Chun*), присутствующие на сессии лидеры нередко расходятся в своих воззрениях на обсуждаемую проблему. Иногда точки зре-

ния выступающих ученых и лидеров совпадают, но чаще возникают дискуссии, обмен мнениями [3].

В завершение председательствующий на сессии Ху Цзиньтао в течение десяти минут произносит *итоговую речь*. Иногда некоторые сессии превышали запланированное время, когда члены Политбюро проявили большой интерес к обсуждению вопросов. Например, сессия «Исторический обзор гонений китайского социализма» продлилась больше чем три часа, включая более часа на обсуждения после лекции.

Непосредственно сессия проводится в зале Чжуннаньхай (Zhongnanhai), в котором проводятся заседания руководства партии и Государственного совета (центрального правительства). Заседания всегда ведет сидящий напротив лекторов за столом Генеральный секретарь ЦК КПК, одновременно Председатель КНР.

Учебные сессии по сравнению с большинством заседаний Политбюро, отличающихся секретностью, предаются гласности, отчет о них публикуется информационным агентством Синьхуа. Точное время, тема и имена лекторов каждой прошедшей сессии публикуются обычно спустя сутки в китайском Интернете (Xinhuanet.com). При этом не обозначается полная программа и не описываются детали, но, главное, всегда публикуется завершающая речь руководителя страны. Имея в виду чуть ли мгновенную скорость публикации отчетов Xinhua, правомерно высказать предположение, что эти комментарии были подготовлены заранее и не отражают происходящие обсуждения на сессии. К этому же можно добавить, что освещаются эти сессии китайскими СМИ, ориентированными, прежде всего, на внутреннюю аудиторию [5].

Любопытно то, как одеты президент и присутствующие. Председатель КНР Ху Цзиньтао отказывается от обычного костюма с галстуком, выбирая застегнутую рубашку, иногда повседневную куртку. Другие участники следуют примеру президента, иные же в костюмах или военной форме. Приблизительно 20–25 человек, включая всех членов Постоянного комитета Политбюро, сидят за круглым столом в центре комнаты, в то время как президент Ху сидит у стены напротив группы. Вокруг стола находятся несколько рядов кресел, занятых остальными членами Политбюро и другими гостями. Телепоказ демонстрирует высокое внимание присутствующих на сессии и заметки на презентациях.

Функции учебных сессий

Первая функция этих сессий – *информационная*. Такого рода учебные сессии, без сомнения, расширяют возможности получения членами Политбюро научной информации и рекомендаций по специфическим политическим вопросам от ведущих экспертов Китая. Собственно, лекция не обязательно приводит к изменению политики, но формирует устойчивое знание, являющееся основанием для последующего принятия политических решений. Однако их конструктивный эффект кумулятивный и проявляется медленно, поэтому трудно предсказывать его конкретную величину. В целом функции этих занятий находятся во многом за пределами собственно информационных задач, безусловно, необходимых при принятии политических решений. Опрос ученых, выступавших в сессиях, показывает, что обсуждение практи-

ческих проблем высшими руководителями и выступление экспертов являются скорее существенным консультативным моментом при принятии стратегических решений [4].

Коллективным сессиям изначально был свойствен *символический и демонстрационный эффект*. Обсуждая тему первой сессии – «изучение Конституции», новые лидеры четвертого поколения КПК как бы сообщали о том, что они как руководители настроены на утверждение верховенства закона и поддержку принципа «управления страной согласно закону».

Эти сессии используются в качестве примера для официальных лиц среднего и низшего уровня. По существу это сигнал о том, что все руководство должно посвящать больше времени и усилий улучшению своих знаний и навыков. Выступая на первой сессии, Ху Цзиньтао сказал: «Мы должны сделать обучение важной задачей для всей партии. Мы должны непрерывно усиливать и продвигать наши исследования, поднимать уровень научной и культурной изощренности» [6]. В то же время это есть знак того, что высшие руководители подчеркивают значимость профессионализма и специализированного знания; акцентируют роль коллективных обсуждений в принятии решений; придают процессу выработки тактики более «научный» и «консультативный» характер; стремятся извлечь полезные уроки из международного опыта для целей улучшения внутреннего управления.

Сессии часто используются для *публичного обсуждения и продвижения* новой политики и новых политических программ. Все новые идеи и программы текущего лидерства, строительство «новой социалистической сельской местности» или «гармоничного общества», «поддержка авангардного характера членов партии в новую эру» были превращены в темы соответствующих сессий. Эти сессии, включая завершающую речь лидера, определяют необходимые действия и убеждения партийных и правительственных руководителей, превращаются в заголовки новостных сообщений и являются свидетельством того, что эти программы получат дальнейшее развитие.

Иногда сессия является элементом идейно-пропагандистской поддержки *празднования исторических событий*. В частности, 80-летней годовщины основания Народной Освободительной армии (PLA) (сессия 1 августа 2007) или шестидесятилетней годовщины конца Второй мировой войны (сессия 26 августа 2005). Кроме привлечения общественного внимания к такому событию, это также показ отношения китайских лидеров к истории: социалистический Китай не забывает прошлого и стремится извлечь из истории полезные уроки для сегодняшнего дня.

Другая функция связана с формированием *согласия* (консенсуса) в высшем руководстве, которое является необходимым условием для принятия и исполнения решений. Совместное изучение проблемы облегчает достижение взаимопонимания и договоренностей о плане действий.

Важная функция, выполняемая сессиями, состоит в *политическом рекрутировании*. Иногда высшие должностные лица Китая выбирают себе помощников и консультантов непосредственно из академических кругов. Выступающие на сессиях ученые, которые производят на высшие должностные лица впечатление знаниями, аналитическими навыками и стратегическим видением, быстро получают правительственные должности или места в кон-

сультативных командах. Например, исследовательница Академии социальных наук Цзян Ксяошан (*Jiang Xiaojuan*), прочитавшая лекцию на сессии (2003) после выступления была назначена на должность заместителя директора Исследовательского управления Государственного совета. Бывший президент университета Тонгжи (Tongji) Ван Ганг (*Wan Gang*) и сейчас успешно возглавляет Министерство науки и техники. Конечно, в кадровой политике любое решение о продвижении не может основываться на одной лекции, прочитанной пусть и в столь высокой аудитории, но учебные сессии позволяют китайским лидерам взаимодействовать с талантливыми учеными, формировать мнение об их потенциале, а в иных случаях их способности использовать и в государственном управлении.

Что же касается собственно академических ученых, то у них появляется редкая возможность непосредственного контакта с политиками высшего уровня. Даже участие в долговременной подготовке сессии ведет к интенсивному взаимодействию с ключевыми консультантами Политбюро, многими высокопоставленными должностными лицами. В результате часто возникают приглашения на формальные обсуждения высокого уровня, возникает силы, содействующие дальнейшему продвижению.

Конечно, высшие руководители для этого всегда располагают формальными и неофициальными каналами и могут в любое время пригласить любого эксперта на обсуждение или организовать те или иные семинары с приглашением многих экспертов. Но коллективные сессии отвечают многим целям и отличаются от обычной консультации лидеров со специалистами по политике или стратегическим проблемам тем, что каждая сессия – тщательно подготовленное событие, процесс подготовки к ней отличается сложностью с включением в него различных агентств и команд исследователей.

Немалое значение имеет и *имиджевая* функция учебных сессий, позволяющая действующему политику Китая формировать имидж, отличающий его от прочих лидеров. После того как команда текущих лидеров вступила в должность, она должна ясно сформулировать новое видение перспектив развития страны, новую политику и её методы, изменившийся стиль лидерства. Последние лидеры Китая Ху Цзиньтао и Си Цзиньпин проводят в жизнь принцип научного, демократического и основанного на законе управления, а коллективные сессии служат формированию позитивного их имиджа как людей, которые утверждают защищаемые идеи на практике, внедряют инновации в их стиль лидерства.

Тематика сессий

Выбор темы коллективного изучения всегда осуществляется двумя способами. Во-первых, ее может выбрать кто-то из высокопоставленных руководителей, во-вторых, она выбирается ЦК КПК и какой-либо иной группой, но всегда за такой темой стоит ощущение *злободневности* проблемы.

Тематика исследовательских занятий, направляемых партией, весьма широка и охватывает экономику, политику, культуру, общество, международные проблемы, вооруженные силы и партийное строительство. Обобщенно она связана с различными предметными сферами, которые всегда тесно увя-

заны с конкретными вопросами политики, точнее, проблемами, стоящими на повестке дня Китая.

Одни из них совершенно конкретны – сельскохозяйственное развитие, занятость, образование и здравоохранение, защита прав на интеллектуальную собственность и безопасность пищевых продуктов. В центре других – более абстрактные теоретические или идеологические проблемы, такие как развитие марксистских теорий за рубежом и внутри страны, пути и методы строительства «социалистического гармоничного общества» [5].

Авторы книги «Новые акторы китайской внешней политики», проанализировавшие тематику 66 сессий, проведенных по июль 2010 года, пришли к выводу, что большинство из них сосредоточились на вопросах внутренней политики или идеологических проблемах. Примерно треть лекций затронула конкретные аспекты международных событий в их воздействии на Китай. Как было отмечено исследователями, в тематике сессий важные для партийного руководства вопросы отсутствовали: в частности, движения протеста, коррупция, Тайвань, США–Китайские отношения, Азиатский регионализм [7. С. 34].

Несколько сессий посвящены *историческим* темам, например истории этнических отношений в Китае и развития основных сил в мире с 15-го столетия, семь посвящены истории сессий затрагивали историю Китая (5 сессий), две – всемирную историю. Из пяти тем, касающихся истории Китая, 4 касаются истории КПК и его революционной борьбы.

Ключевая тема сессий – «*внешний мир*», она обсуждалась около 30 раз. Это свидетельствует о придании руководством КПК большого значения практике и опыту других стран, об увязке развития Китая с глобальным пространством, а такой подход показывает широту воззрений и открытость к иным идеям. Международные темы касались значимости международной торговли, природы глобальной политической экономики, глобальных военных преобразований, а также истории подъема и падения империй в современную эру. Сессии, на которых изучались внутренние и международные темы, включали вопросы китайской энергетической безопасности, развития китайской культурной индустрии, прав на интеллектуальную собственность, взаимозависимости экономического развития и сильной национальной обороны, «антифашистской войны» против Японии [5].

Иногда тема обретает специфику, когда обсуждается существующая в Китае проблема, но рассматривается она сквозь призму международного опыта. Например, «Системы и меры обеспечения производственной безопасности в зарубежных странах и системы безопасности в Китае». Или «Модели урбанизации зарубежных стран и специфика урбанизации в Китае».

Ключевая тема исследовательских сессий связана с «*верховенством закона*»: из 44 сессий, проведенных с 2002 по 2007 г., семь было посвящено данной теме. Весьма интересна эволюция данной темы. Так, преподаватель Джао Зиян (*Zhuo Zeyuan*) провел две лекции в 2006 и 2011 гг., тематика которых была, казалось бы, предельно близкой. Тема первой лекции была обозначена как «Управление, которое опирается на закон и имеет научный и демократический характер». Вторая же лекция была сформулирована как «Управление, базирующееся на верховенстве закона; оно углубляет понимание обществен-

ностью социалистического строительства страны и предоставляет закону полную свободу в социально-экономическом развитии». Совершенно очевидно, что изменения в названиях отразили более отчетливый приоритет принципа «верховенства закона» в Китае. В первой лекции подчеркивалось основанное на законе управление партии, во второй – гарантии правления правительством согласно закону [8].

Эксперты партийного мозгового центра обратили внимание на то, что принцип «верховенства закона» коренным образом изменился. Ранее он сводился во многом к законности и правопорядку, сегодня его толкование расширилось – это означает удовлетворение всесторонних потребностей, а также всестороннее развитие институциональных оснований и правовой защиты [8]. Верховенство закона основано на эффективной защите гражданских свобод и прав человека, а эффективное ограничение государственной власти зависит от соответствующей политической, экономической и культурной структуры [9].

Руководящая роль партии также нашла свое отражение в тематике соответствующих сессий: с 2003 по 2011 год Политбюро ЦК КПК провело десять коллективных сессий, посвященных проблеме партийного строительства и обсуждению вопроса об авангардной роли партии. Особое значение было уделено улучшению управленческих и лидерских способностей, нацеленных на решение проблем, с которыми партия столкнулась после основания социалистического Китая. В связи с 83-летием рождения партии 30 июня 2004 г. было организовано занятие по улучшению навыков партийного лидерства[1].

28 июня 2011 года профессор Центральной партийный школы Ку Кингшен (*Qu Qingshan*) и профессор университета Ренмин (Renmin) Китая Янг Фенг (*Yang Feng*) были приглашены на сессию «Поддержка и развитие продвинутого изучения природы Китайской коммунистической партии» [10]. Открывая занятие, Ху Цзиньтао отметил необходимость постоянного обращения к истории партии, подведения итогов нового опыта, важной задачей является внедрение инноваций в её деятельность и устройство.

Большое внимание на сессиях уделяется проблемам *экономического* развития. Например, в ответ на субстандартный ипотечный кризис в США была проведена соответствующая сессия. На съезде партии (ноябрь 2007) были отмечены и значительные успехи, но высказано и требование ускорения экономического развития, улучшения социалистической системы рынка. В апреле следующего года была проведена учебная сессия Политбюро, в названии темы которой сделан акцент на исследовательском аспекте – «Ускорение исследований (! – *Г.М.*) экономического развития Китая». Она была проведена в связи с тридцатилетием реформ и открытостью Китая миру, что вместе с курсом на построение социализма с китайской спецификой и опорой на науку привело к масштабным успехам. С этого времени развитие страны с опорой на науку вошло в программу коллективного обучения региональных и местных партийных организаций, обрело стратегический смысл [11].

Темами многих сессий стали *социальные* проблемы китайского общества – занятость, экология, сельское население и пр.

---

[1] КПК была основана 1 июля 1921 г.

Показательна двадцать третья сессия Политбюро (конец сентября 2010), прошедшая на тему «Правильное управление противоречиями между людьми новой эры». Смысл и истоки противоречий связывались с конфликтами, которые порождаются всевозможными разрушительными социальными причинами. В ходе сессии Ху Цзиньтао сформулировал четыре требования. Выяснить источник конфликтов и сократить их количество. Сосредоточиться на защите прав граждан, особенно на работе в массах. Увеличить число инноваций в социальное управление. Также подчеркивалось, что партийные комитеты и правительства всех уровней должны воспринимать работу с противоречиями среди людей как основную работу, включенную в повестку дня (agenda).

Кроме этого, была проведена сессия по истории отношений между меньшинствами в Китае – среди политических приоритетов КПК находится задача гармоничного и преуспевающего развития меньшинств. Но наиболее сложной для страны является проблема занятости.

На февральской сессии 2012 года Ху Цзиньтао более чем критически оценил ситуацию с трудоустройством в стране как «суровую», она может сохраниться таковой и в предстоящие годы. Наиболее проблемными категориями в этом плане он назвал выпускников вузов, мигрантов с сельской пропиской, демобилизованных военнослужащих, женщин, инвалидов и представителей нацменьшинств. Одновременно он сообщил о том, что будет оказана практическая поддержка различным организациям, занимающимся трудоустройством, усилена финансовая и социальная помощь безработным [12].

Политбюро также организовало лекцию по развитию философии и общественных наук в Китае. Сам выбор темы всегда есть мощный политический сигнал, говорящий о необходимости развития не только экономики, но и так называемой мягкой силы. Практическим результатом стала организация сотни академических проектов в целях развития общественных наук.

В своем выступлении на сессии (2007) Ху Цзиньтао объявил о полном разрыве с традиционными атеистическими постулатами и о новом политическом курсе в отношении религии. Он заявил, что нравственные силы религии могут и должны быть использованы на благо партии и общества. «Мы должны стремиться к тесному объединению религиозных деятелей и верующих вокруг партии и правительства». Финансируемые правительством исследования выявили большое количество верующих – четверть населения (300 млн чел.), а традиционными религиями Китая считаются буддизм, даосизм и ислам. Христиане насчитывают 40 млн чел., среди них большинство составляют протестанты, католиков же – 12 млн [13].

Ряд сессий сконцентрировался на проблемах *культуры*. В январе 2007 года лекция перед членами Политбюро была посвящена развитию Интернета в Китае. Ху Цзиньтао убеждал присутствующих лидеров в необходимости повышения у них интернет-грамотности в целях «улучшения искусства лидерства». Кроме того, три человека в центральной провинции Хэнань (Yunnan), представляющие местную ассоциацию пользователей сети, стали законодателями и политическими консультантами. В этом факте можно увидеть беспрецедентный выход «пользователей сети из виртуального пространства на политическую арену реального мира» и стремление высшего руководства

к развитию «интернет-демократии». В январе 2009 г. число пользователей Интернета (Интернет-население) составило 300 млн китайцев, или 23.8 % населения и стало самым большим в мире [14]. По данным Международного союза электросвязи, число пользователей выросло к 2016 году до 710 млн человек и опережает все страны мира [15]. Правительство Китая, точнее, Министерство промышленности и информационных технологий осуществляет регистрацию сайтов и контролирует их содержание.

23 июля 2010 года на сессии обсуждались реформа так называемой индустрии культуры и улучшение мягкой силы на международной арене. Было провозглашено, что в этих целях партия должна активно работать в защиту национальных традиций в культуре и против «трех пошлостей»: вульгарности (точнее откровенных телевизионных реалити-шоу), пошлости (порнографии и соответствующей музыки в Интернете) и китча (подражания дешевым образцам) стиля. В течение пяти лет должно также увеличиться финансирование на творческие отрасли (культуру) до 5%, сегодня оно составляет только 2,75% ВВП [16].

В очередной сессии, 23 августа 2011 года, обсуждалась земельная проблема, связанная с нехваткой земли для потребностей экономического развития страны [14]. После выступлений эксперта Центра развития экономики сельского хозяйства Госсовета Луи Шоуиинга (*Liu Shouying*) и профессора департамента городских и экологических наук Лин Джиэнфу (*Lin Jianfu*) Ху Цзиньтао подчеркнул огромную значимость земли для выживания человечества и развития его материальных оснований, а также недостаточность земельных ресурсов в Китае [17].

Председатель КНР отметил, что быстро развивающееся землеустройство Китая столкнулось со многими новыми ситуациями и новыми проблемами. Необходимо оценить степень удовлетворения текущих потребностей в земле, но «защитить выживание будущих поколений». Должен рационально использоваться каждый дюйм земли, необходимо опираться на научные принципы, защищающие национальную продовольственную безопасность и соединяющие со стратегическими целями.

В сессии, посвященной развитию экологии, было высказано требование строительства ресурсосберегающего и благоприятного для окружающей среды общества, включающего каждое домохозяйство. Относительно недавно принят запрет на бесплатные пластмассовые хозяйственные сумки. Их предоставление наказывается штрафом в размере 10 тысяч юаней (около 1500 долларов), что привело к прекращению их продаж в основных предприятиях розничной торговли [18][1]. Один из практических результатов – около 60% используемых пластиковых сумок, приобретаемых в супермаркетах, позволило снизить производство на половину миллиона тонн пластика и сократить выбросы углекислого газа на 9,6 млн тонн. Согласно отчету Национальной комиссии развития и реформ (NDRC), этот запрет породил экономию от 2,4 до 3 млн тонн нефти в год [18].

[1] Аналогичный запрет в Ирландии, Индии, ряде городов США и других странах резко сократил их употребление.

Лекторы или эксперты?

Выбранных для выступлений лиц правомерно считать главными экспертами в их областях знаний. Так как большинство сессий сосредоточивается на конкретных вопросах политики, то анализ аффиляции лекторов отвечает на вопрос о научно-исследовательских институтах, имеющих наибольшее влияние на принятие политических решений в Китае.

Проведенный анализ лекций за десять лет, с 2002 года, показывает институциональное представительство выступавших лиц (142 чел.). Большая часть из них (24 чел.) из Китайской Академии социальных наук (Chinese Academy of Social Sciences), 11 – от Исследовательского центра развития Государственного совета (Development Research Center under the State Council); по восемь – из Института экономических исследований национального развития, Комиссии по реформе и Академии военных наук. Семь и шесть человек – из Партийной школы и Исследовательского центра истории партии, которые непосредственно подчинены ЦК КПК.

Хотя лекторы для сессий выбирались по всей стране, большая их часть (60%) работает в девяти расположенных в Пекине исследовательских и академических учреждениях, что выражает влияние близости к центральным органам власти на их выбор. Более чем половина лекторов (87 чел.) представляют правительственные научно-исследовательские институты, включая научно-исследовательские институты армии и партии. Только 29 из них работает в университетах. Видная роль правительственных исследователей в этих сессиях показывает принципиальную роль информационно-аналитических структур правительства в процессе принятия политических решений. В последние годы правительство Китая стремится придать политическому процессу большую открытость, вовлекая в него и независимых академических ученых из университетов [4].

Проведенный анализ состава лекторов показал, что за весь период с конца 2002 по август 2011 года выступило 145 ученых, но редко кто принял участие в сессиях – дважды. Средний их возраст составляет около 50 лет, иногда и моложе, самому молодому из лекторов на момент исследования исполнилось 38, старшему – 73. Они имеют хорошее образование и докторские степени иностранных университетов, а продолжительное проживание некоторых из них в другой стране привносит полезную внешнюю перспективу в идущее на сессии обсуждение. Большинство из них занимает относительно низкие формальные позиции в научной иерархии. Однако при всей специфичности эти сессии носят действительно академический характер, так, на сессии по экономике приглашаются ученые-экономисты, но не предприниматели [4].

Продолжение при Си Цзиньпине

Преемник Ху Цзинтао Си Цзиньпин, ставший руководителем партии 15 ноября 2012 и председателем КНР 14 марта 2013, подтвердил курс на обучение высших политиков Китая в форме коллективных сессий. В своем выступлении в марте 2013 года он отметил, что «это успешный опыт, способствующий развитию КПК и китайского народа». Он подчеркнул, что эта форма постоянно совершенствуется, и добавил, что «мы должны применить то, что

мы учимся в практике, одновременно улучшая себя». Его активность в этом направлении немного повысилась: за аналогичный трехлетний период было проведено 30, у Ху Цзинтао – 27 сессий, была изменена и технология проведения одной из них (30 сентября 2013) – по вопросам инновационной стратегии. Было изменено место проведения – не в привычном для таких занятий зале Чжуннаньхай, но в Научном парке Чжунгуаньцунь, его называют Силиконовой долиной Китая. В сессии соединились полевое обследование, характеристика его методов и результатов, а также традиционная дискуссия.

Основными выступающими также были ведущие должностные лица национальных ведомств, ученые из научно-исследовательских институтов, а также руководители приграничных провинций. Например, лекторами по теме «Борьба с коррупцией в китайской истории» были Бу Синкван (*Bu Xianqun*), научный сотрудник Института истории Китайской академии социальных наук (CASS), и Фанг Нин (*Fang Ning*), исследователь из Института политологии этой же Академии.

Как и ранее, дважды обращались к изучению вопросов марксистской философии, а также основным принципам и методологии марксистской политической экономии. Пять сессий было посвящено вопросам истории, в том числе борьбе с коррупцией, теории и практике китайского социализма, национального управления, войне против японской агрессии и китайскому патриотизму в истории Китая.

Темами докладов и выступлений других сессий стали перспективы партийного строительства, углубление реформ, экономическое строительство, развитие культуры, общества, национальной обороны и укрепления армии. И, наконец, на тридцатой сессии (29 января 2016) состоялось обсуждение стратегических приоритетов экономического и социального развития Китая в 13-й пятилетке [19].

Политические результаты сессий

После лекции Ксу Юонг центральное правительство сформулировало несколько ориентированных на село стратегий, которые «взяли на вооружение рекомендации, предложенные в лекции». Эта лекция по демократии в сельском обществе и состоявшееся после нее обсуждение стали исходным пунктом кампании, которая началась в 2002 г. и была нацелена на преодоление увеличивающегося разрыва между развитием города и села.

В 2009 г. исследовательница Института Европы Китайской Академии социальных наук Джоу Гонконг (*Zhou Hong*) в выступлении на Политбюро оценила систему социальной защиты Китая как лучшую в мире и внесла предложения по её развитию. Позднее она отметила в интервью, что данная сессия Политбюро внесла заметное ускорение в реформу социального обеспечения в Китае [3].

В августе 2006 г. Занг Ли (*Zhang Li*), глава Национального Центра исследования развития образования, прочел лекцию по реформе образования Китая. В 2007 г. была объявлена новая политика, предоставляющая новые возможности свободного поступления в университет.

За три дня до визита в Россию 27 июня 2005 г. была проведена 23-я сессия об энергетических ресурсах как в стране, так и в мире, завершая её, Ху

Цзиньтао сделал хорошо подготовленный комментарий о необходимости сотрудничества в этой сфере. С той поры по данной проблеме прошло еще три сессии, тематика которых была связана или с потреблением Китаем энергии или с выбросами парниковых газов. Их участник вице-председатель Национального энергетического консультативного комитета Жоу (*Zhou*) таким образом оценил соответствующий результат: «Первые из них сформировали у высших руководителей систематическое введение в энергетическую ситуацию Китая (изобилие ресурса, потребление, сохранение и безопасность). Ретроспективно можно сказать, что эти обсуждения заложили прочный фундамент для принципов энергетической политики, которые затем последовали» [4]. Начиная с 2006 г. руководство страны стало придавать большее значение энергосбережению, сокращению загрязнения. Впервые именно в этом году в пятилетний социально-экономический план развития страны была внесена как обязательная цель улучшения эффективности использования энергии на 20 %.

В результате сессии о развитии сельской демократии несколько областей, включая восточный экономический центр Цзянсу и Чжэцзян, выстроили соответствующие программы, гарантирующие соблюдение демократических принципов и правильность принимаемых правительством решений.

Распространение модели учебных исследовательских сессий за пределы высокопоставленных должностных лиц привело к тому, что больше 540 000 региональных руководителей глубже изучили теорию партии, а больше 5 400 человек обучились более эффективным методам развития сельского хозяйства.

По мнению ряда аналитиков, принятая на вооружение система обучения, – это постоянно действующая особенность коллективного управления, одновременно выражающая принципиальную и последовательную позицию Китая в решении специфических вопросов. Она обеспечивает лидерству консенсус и эффективность [3]. Для внешнего мира проводимые Политбюро учебные занятия чрезвычайно важны, так как указывают на проблемы, на которых фокусируется внимание высшего руководства страны и всего общества.

Характер обсуждаемых тем в сочетании с установками лидеров не сводится лишь к советам политикам. Это есть сила, увеличивающая потенциал всех уровней политического управления, а её механизм проявляет конституционный принцип, обеспечивающий соединение «коллективного руководства и индивидуальной ответственности». В свою очередь, весь процесс подготовки и проведения сессий Политбюро есть часть реальной политической жизни и одновременно решение проблемы координации различных звеньев и уровней руководства. Как заметила авторитетная американская газета «Нью-Йорк Таймс», ушла в историю действующая в течение многих лет неинституциализированная и окутанная секретностью система неформальных встреч и конференций высшего руководства в курортном районе Бэйдайхэ (Beidaihe) [20][1].

[1] Такого рода встречи были отменены по указанию Ху Цзиньтао в 2004 году в основном по двум причинам. Во-первых, они противоречат скромному стилю руководства Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. Во-вторых, это есть выражение стремления работать через официальные партийные и государственные механизмы, а не через неформальные встречи [20].

Что же касается практики коллективного обучения Политбюро ЦК КПК, то она обрела стратегический характер и говорит о том, что центральное руководство партии взяло на себя инициативу в интенсификации обучения повсеместно в партийных рядах.

На 17-й и 18-й съезды партии было приглашено большое количество низовых представителей партии и экспертов в качестве полноправных наблюдателей за их ходом. Замдиректора Института политических исследований Китайской Академии социальных наук Фэнг Нинг (*Fang Ning*) отметил, что деятельность Центрального комитета и Политбюро, а также местных комитетов КПК разных уровней отчетливо характеризуется внутренней открытостью и расширением внутрипартийной демократии.

Аналитики обращают внимание на то, что именно институционализация сил и полномочий лидеров обеспечивает коллективное принятие решений и повышает эффективность их реализации. Собственно учебные сессии Политбюро укрепляют также традицию самокритики и самосовершенствования непрерывно развивающейся партии [11].

Эти сессии не типичное для управленческой практики собрание, а это платформа ведущих руководителей страны, стремящихся лучше узнать проблемы партии и общества. В то же время это не дебаты или мозговой штурм, отчетливо нацеленные на подготовку решений, так как у членов Политбюро расширяется понимание важных проблем, находящихся на стадии становления, тем более что такие именно проблемы часто сталкиваются с незрелостью административного мышления и бюрократическими препонами. Это важно, поскольку многие китайские высшие руководители получили техническое образование, и для них более чем необходимо расширение знаний в мировой экономике, всемирной и отечественной истории.

Обучающие сессии служат также и усилению влияния первого руководителя страны, а также генерального секретаря и лидера правящей коммунистической партии. Сессии создают для него платформу для утверждения представлений по разнообразным темам, определяют установки, которым другие члены Политбюро должны следовать.

Гласность данных сессий помогает также улучшить общественный имидж китайского лидерства. В то время как многие китайцы выдвигают требование повышения прозрачности (транспарентности) правительства, то сессии есть ответ на этот запрос, формирующий имидж открытого и ответственного лидерства. Даже неформальность одежды присутствующих на сессиях работает на образ лидеров, неуклонно стремящихся понять и проанализировать стоящие перед китайским обществом проблемы. Хотя сессии – это всего лишь часть процесса принятия политических решений Политбюро, но они приоткрывают его внутренний механизм, информационный доступ к которому не обеспечивали предыдущие лидеры. Они отходят от таинственности, присущей деятельности Политбюро предыдущих созывов, и это мастерски было использовано Ху Цзиньтао для подчеркивания отличий от руководства Цзян Цзэмина (*Jiang Zemin*). Кроме того, освещение сессий в СМИ расширяет возможности для первого лидера выразить свое понимание проблем партии и предложения менее формальным способом.

Сессии также продвигают имидж Политбюро, которое серьезно размышляет обо всех проблемах, волнующих китайский народ. Темы сессий по аграрной политике, политическим правам для меньшинств, занятости и помощи безработным, атипичной пневмонии и продовольственной безопасности по существу есть послание (месседж) лидеров, нацеленное на определенные слои, говорящее об отзывчивости к их потребностям и призванное предотвратить возникновение возможных движений протеста.

Практически все обучающие сессии при оттенках высказываемых мнений подтверждают идеологические основы партии и лидеров. Практически на каждой сессии звучат заверения о верности марксизму, теориям Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, «трех представительствах». Поскольку партия проводит в жизнь идею строительства в XXI веке социализма с китайской спецификой, то сессии используются для утверждения этой идеи в целях подтверждения законности идеологических основ партии и их незыблемости.

В завершение статьи приведу слова Элис Лайман Миллер (*Alice Lyman Miller*), китайского ученого Стэнфордского университета и редактора журнала «Монитор китайского лидерства» (China Leadership Monitor[1]), которая удивляется «тому, что все Политбюро коммунистической партии Китая сидит без дела и слушает академиков в течение многих часов» [22]. Большей сдержанностью отличаются суждения известного китайского социолога Хуань (*Huang*), увязавшего политическую систему Китая с разработками мозговых центров. «Для исследователей исследование бессмысленно, если оно не будет учтено лицами, принимающими решение. Столь же скверно, если лишь один из высших руководителей будет ознакомлен с результатами исследования». И завершил свою мысль не вызывающим сомнений признанием: «Я не думаю, что существует какая-либо другая страна, которая создала, подобно нашей, систему групповых учебных сессий для всех высших руководителей» [4].

Если же взглянуть на данный политико-управленческий опыт отвлеченным взором политолога, то надо признать, что его огромная полезность порождена тем, что здесь на присущий любому высокому руководителю опыт наслаивается взгляд науки на обсуждаемую проблему. Тем более что в ходе любой из вышеупомянутых сессий характеризуется и опыт её решения в других странах, и сложившиеся в истории Китая традиции, помноженные на высший идеал политики КПК – строительство социализма с китайской спецификой.

О внедрении подобной практики в государственное управление нашей страной приходится только мечтать!

Литература

1. *A crucial* measure for CPC to enhance governing capability. October 11, 2007 // The 18th National Congress of the Communist Party of China: Press Center / People's Daily Online : site. [Электронный ресурс]. URL: http://english.cpcnews.cn/92275/6281233.html (дата обращения: 11.10. 2014)

[1] Этот журнал выпускается при поддержке Института Гувера войны, революции и мира, являющегося частью Стэнфордского университета. По существу это один из влиятельных «мозговых танков» или «фабрик мысли» (think tanks), с ежегодным бюджетом 19 млн долл., работающий на основе неправительственных заказов, в его штате около 70 постоянных экспертов по экономике, праву, истории, образованию и социологии [21].

2. *Yiyi Lu.* The collective study sessions of the Politburo: a multipurpose tool of China's central leadership. China Policy Institute. University of Nottingham. October 2007. United Kingdom. Briefing Series – Issue 27. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nottingham.ac.uk/cpi/documents/ briefings/briefing-27-collective-study-sessions-of-the-politburo.pdf (дата обращения: 07.11.2014)

3. *Sharp* students, smart studies // China.org.cn : site. [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/english/congress/228788.htm (дата обращения: 19.05.2013).

4. *Wu Wencong, Jiang Xueqing, Li Jing.* Where 'top student' has a new meaning. 16 Yan 2012 // China Daily.com.cn USA : site. [Электронный ресурс]. – URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2011-11/29/content_14177847.htm (дата обращения: 20.11.2015)

5. *Saunders Phillip C.* The Chinese Politburo Hits the Books // China Brief. Volume 6. Issue 15. May 9, 2007 / The Jamestown Foundation : site. [Электронный ресурс]. URL: http://www. jamestown.org/articles-by-author/?no_cache=1&tx_cablanttnewsstaffrelation_pi1%5Bauthor%5D=367 (дата обращения: 9.05.2012)

6. *Politburo* 1st Studying Hu Jintao: to improve the governing and rejuvenating the ability to enhance learning // Xinhua News Agency / Xinhuanet : site. [Электронный ресурс]. URL: http://www.news.xinhuanet.com/english/2002-11/15/content_630977.htm (дата обращения: 22.02.2014)

7. *Jakobson L., Knox D.* New Foreign Policy Actors in China. SIPRI Policy. Paper No. 26, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://books.sipri.org/files/PP/SIPRIPP26.pdf (дата обращения: 24.12.2015).

8. *Chinese* top leaders' collective learning over past 10 years. August 02, 2011 // People's Daily Online: site. [Электронный ресурс]. URL: http://english.peopledaily.com.cn/90785/7458169.html (дата обращения: 07.04.2016).

9. *Social* Signs Point China to The Rule of Law. A Century Weekly editorial, 13.06.2011 // Caixin Online: site. [Электронный ресурс]. URL: http://english.caixin.com/2011-06-13/100268658.html (дата обращения: 13.07.2011). Dong Ruifeng 董瑞丰, "集体学习的政治智慧" (The political wisdom of collective study), 辽望 (Outlook), 4 July 2011, P. 38–39.

10. *Hu calls* on nation to continue reform, opening up // China.org.cn: site. [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/government/news/2008-12/28/content_17021754.htm (дата обращения: 19.01.2015).

11. 胡锦涛：实施更加积极的就业政策 努力实现社会就业更加充分 Ху Цзиньтао: осуществлять более активную политику в области занятости и социальных усилий для достижения более полной занятости // Cpcnews.cn: site. [Электронный ресурс]. URL: http:// cpc.people.com.cn/GB/64093/64094/17178056.html (дата обращения: 13.04.2015)

12. *Cody E.* Chinese government rethinks religion. Communist party now believes faith can restore social harmony // Washington Post. January 26, 2008.

13. *Netizens* change China's political landscape // China.org.cn: site. [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/china/opinion/2009-02/28/content_17349597.htm (дата обращения: 28. 02. 2012)

14. *Пользователи* Интернета в мире // Интернет в России и в мире: сайт. [Электронный ресурс]. URL: www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404 (дата обращения: 22.07.2016).

15. *Bandurski D.* The bandwagon of soft power // China Media Project: site. [Электронный ресурс]. URL: http://cmp.hku.hk/2011/10/24/16622 (дата обращения: 24.10.2015).

16. *Hu Jintao*, CPC Central Committee Political Bureau of the thirty-first collective study stresses the importance value and rational use of every inch of land // Free Paper: Free News, China News, U.S. News, World News, Provides newspaper for all industries. August 24, 2011. [Электронный ресурс]. URL: http://www.f-paper.com/?i815087-Hu-Jintao-CPC-Central-Committee-Political-Bureau-of-the-thirty-first-collective-study-stresses-the-importance-value-and-rational-use-of-every-inch-of-land (дата обращения: 16.01.2014).

17. *Guo Qiang.* Plastic-bag ban paying off // Global Times: site. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globaltimes.cn/content/461593.shtml (дата обращения: 27.08. 2009).

18. *Top Chinese* leaders' class: 30 collective studies of the 18-th CPC Politburo // People's Daily Online : site. [Электронный ресурс]. URL: http://en.people.cn/n3/2016/0204/c98649-9014098.html (дата обращения: 4.02.2016).

19. *Kahn J.* Chinese Leader Cancels Communists' Seaside Retreat // The New York Times. August 04, 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nytimes.com/2003/08/04/world/chinese-leader-cancels-communists-seaside-retreat.html (дата обращения: 19.10.2015).

20.*Водин Р.* Гуверовский институт – «мозговой танк» // Альманах «Восток»: сайт. [Электронный ресурс]. URL: www.sitiation.ru/j_art_377.htm (дата обращения: 18.06.2016).

21.*Elegant S.* In China, Hu is the Man to See. As the Communist Party prepares to meet, China's Hu Jintao consolidates power // Time: site [Beijing], 2007.. [Электронный ресурс]. URL: http:// content.time.com/time/magazine/article/0,9171,1668457,00.html (дата обращения: 29.11.2014).

Marchenko Gennady I. – Moscow State University MV Lomonosov (Moscow, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/35

SCIENTIFIC SUBSTANTIATION OF GOVERNMENT DECISIONS IN CHINA: TRAINING & CONSULTANCY

Keywords: expert knowledge, decision-making, the party's image, study the CCP politburo

Researchers at the Chinese political party (CCP) believe that it is from the moment of its occurrence was based on the tradition of close cooperation with science. However, only the coming to power of President Hu Jintao and Xi Jinping is not declarative, but almost literally led to the invasion of science in the Party and the administration of the country, including personnel policy and government decision-making. As a result of this policy, a new Institute of Chinese policy, similar in appearance to some training sessions, but in fact a crucial task, as the intellectual development of senior management, and promotes the transformation of the demands of society in specific solutions, and even transfer them to the specific political program. In the so-called collective training sessions, attended not only by members of the Politburo, but the ministers and the governors of the provinces, and the lecturers are the experts, scholars, researchers of Beijing University and other regions. These sessions solve diverse goals and objectives - the formation of a strategy to link the current problems with the Chinese history and the experiences of other countries, making the practice of collective decision-making contributes to the formation of a unified approach (consensus) among the participants of political and administrative process. Extremely interesting technology of their conduct, which covers selection of topics and research institutions; specific selection of lecturers and development of the texts, which are then handed over to each of those present; regulations; a leading role; The role of media. It is also important functions performed by the sessions - information, symbolic; ideological and propaganda; mobilization and recruitment policy; image production.Subjects discussed questions is always concrete and linked with the test problems of Chinese society. The party leadership and corruption in its ranks; environment, employment and unemployment; development of culture and the Internet; ideology and especially the central idea of "socialism with Chinese characteristics"; "law supremacy"; Marxist philosophy, social and economic sciences. And only a third of the sessions focused on international affairs, but each of them is always designated the national interests of China, its politics and society as a whole.Analyze the experience is not only unique, but also instructive to control the state, including Russia.

References

1. The 18th National Congress of the Communist Party of China: Press Centre. (2007) *A crucial measure for CPC to enhance governing capability*. [Online] Available from: http://english.cpcnews.cn/92275/6281233.html. (Accessed: 11th October 2014)

2. Lu, Y. (2007) *The collective study sessions of the Politburo: a multipurpose tool of China's central leadership. China Policy Institute*. [Online] Available from: http://www.nottingham.ac.uk/cpi/documents/briefings/briefing-27-collective-study-sessions-of-the-politburo.pdf. (Accessed: 7th November 2014)

3. China.org. (n.d.) *Sharp students, smart studies*. [Online] Available from: http://www.china.org.cn/english/congress/228788.htm. (Accessed: 19th May 2013).

4. Wencong, W., Xueqing, J. & Jing, L.(2012) *Where 'top student' has a new meaning*. 16 Yan 2012. [Online] Available from: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2011-11/29/content_14177847.htm. (Accessed: 20th November 2015)

5. Saunders, P. (2007) The Chinese Politburo Hits the Books. *China Brief*. 6(15). [Online] Available from: http://www.jamestown.org/articles-by-author/?no_cache=1&tx_cablanttnewsstaffrelation_pi1%5Bauthor%5D=367. (Accessed: 9th May 2012)

6. Xinhua News Agency. (2002) *Politburo 1st Studying Hu Jintao: to improve the governing and rejuvenating the ability to enhance learning*. [Online] Available from: http://www.news.xinhuanet.com/english/2002-11/15/content_630977.htm. (Accessed: 22nd February)

7. Jakobson, L. & Knox, D. (2010) New Foreign Policy Actors in China. *SIPRI Policy*. 26. [Online] Available from: http://books.sipri.org/files/PP/SIPRIPP26.pdf. (Accessed: 24th February 2015).

8. People's Daily Online. (2011) *Chinese top leaders' collective learning over past 10 years*. [Online] Available from: http://english.peopledaily.com.cn/90785/7458169.html. (Accessed: 7th April 2016).

9. Caixin Online. (2011) Social Signs Point China to The Rule of Law. *A Century Weekly Editorial*. 13th June. [Online] Available from: http://english.caixin.com/2011-06-13/100268658.html. (Accessed: 13th July 2011).

10. China.org.cn. (2008) *Hu calls on nation to continue reform, opening up*. [Online] Available from: http://www.china.org.cn/government/news/2008-12/28/content_17021754.htm. (Accessed: 19th January 2015).

11. Cpcnews.cnю (n.d.) *Khu Tszin'tao: osushchestvlyat' bolee aktivnuyu politiku v oblasti zanyatosti i sotsial'nykh usiliy dlya dostizheniya bolee polnoy zanyatosti* [Hu: implement a more proactive employment policy and social efforts to achieve a full employment]. [Online] Available from: http://cpc.people.com.cn/GB/64093/64094/17178056.html. (Accessed: 13th April 2015)

12. Cody, E. (2008) Chinese government rethinks religion. Communist party now believes faith can restore social harmony. *Washington Post*. January 26.

13. China.org.cn. (2009) *Netizens change China's political landscape*. [Online] Available from: http://www.china.org.cn/china/opinion/2009-02/28/content_17349597.htm. (Accessed: 28th FEbruary 2012)

14. Internet v Rossii i v mire. (2016) *Pol'zovateli Interneta v mire* [Internet users in the world]. [Online] Available from: www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404. (Accessed: 22nd July 2016).

15. Bandurski, D. (2011) *The bandwagon of soft power*. [Online] Available from: http://cmp.hku.hk/2011/10/24/16622. (Accessed: 24th October 2015).

16. Free-paper.com. (2011) *Hu Jintao, CPC Central Committee Political Bureau of the thirty-first collective study stresses the importance value and rational use of every inch of land*. [Online] Available from: http://www.f-paper.com/?i815087-Hu-Jintao-CPC-Central-Committee-Political-Bureau-of-the-thirty-first-collective-study-stresses-the-importance-value-and-rational-use-of-every-inch-of-land. (Accessed: 16st January 2014).

17. Qiang, G. (2009). Plastic-bag ban paying off. [Online] Available from: http://www.globaltimes.cn/content/461593.shtml (Accessed: 27th august 2009).

18. People's Daily Online. (2016) *Top Chinese leaders' class: 30 collective studies of the 18-th CPC Politburo*. Available from: http://en.people.cn/n3/2016/0204/c98649-9014098.html. (Accessed: 4th February 2016).

19. Kahn, J. (2003) Chinese Leader Cancels Communists' Seaside Retreat. *The New York Times*. 4th August. [Online] Available from: http://www.nytimes.com/2003/08/04/world/chinese-leader-cancels-communists-seaside-retreat.html. (Accessed: 19th October 2015).

20. Vodin, R. (n.d.) *Guverovskiy institut – "mozgovoy tank"* [Hoover Institution – a "brain tank"]. [Online] Available from: www.sitiation.ru/j_art_377.htm. (Accessed: 18th June 2016).

21. Elegant, S. (2007) *In China, Hu is the Man to See. As the Communist Party prepares to meet, China's Hu Jintao consolidates power*. [Online] Available from: http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,1668457,00.html. (Accessed: 29th November 2014).

УДК 94: 325.254
DOI: 10.17223/1998863X/36/36

А.О. Утьева, Т.Г. Жарникова

ОБРАЗ СЛАВЯНСТВА НА ПРИМЕРЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦИИ

Рассматривается образ славянства и «русскости» в понимании представителей первой волны эмиграции и их потомков. Разделение представлений «отцов и детей» позволяет сделать вывод о том, как старшее поколение эмигрантов относилось к своему русскому происхождению, русской культуре и ценностям и как самоидентифицируются их потомки через отношение к этим категориям.
Ключевые слова: *образ славянства, славянский мир, первая волна русской эмиграции, русская община во Франции, «русскость».*

В контексте раздробленности славянского мира, усилившейся в последние несколько лет, самосознание славянских общин, проживающих за пределами Восточной Европы, представляет особый интерес для изучения в рамках политической науки. Ведь самосознание не статично, оно постоянно трансформируется под влиянием внешних факторов, таких как международная обстановка в целом и инспирируемые извне революции в славянском мире, в частности. На примере самосознания славян, а именно укоренившейся русской общины во Франции, можно показать, как эти факторы моделируют образ славянства за пределами исконно славянских территорий.

Сегодня в канун столетия Революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны мы помним и трагедию миллионов, когда многие русские оказались за пределами России. Пристанищем для многих из них стала Франция. Постепенно начали появляться русские общины – «белых» русских, которые, несмотря на невозможность вернуться в Россию, сохранили свою русскую и шире – славянскую идентичность. Изучение воспоминаний, мемуаров, стихов позволяет увидеть истоки их идентичности. Их представления о том, что значит быть русским, их мнение о Родине и её судьбе являются прообразом сегодняшней идентичности в сознании членов русской общины на Западе. Их дети, долгое время отделенные от Родины неприступной стеной, имели лишь воспоминания и мнения своих родителей, дабы идентифицировать свою сущность русского человека. Конечно, внутрисемейная социализация выполняет лишь одну из частей в процессе становления идентичности индивида. Посему, разделив представления эмигрантов первой волны и современных «белых», можно увидеть, какую часть в их идентичности определила внешняя среда – страна, в которой их приняли, народ, который их окружал, и его мнение о том, кто такие – русские и какая она – Россия.

Сегодня русская община во Франции довольно активна – это несколько сайтов, множество воспоминаний, монографий, статей, посвящённых её жизни. Во-первых, такая активность указывает на то, что потомки первой волны эмиграции видят себя в первую очередь русскими, а уже потом гражданами Франции. Во-вторых, их активное внимание к своему семейному прошлому,

к взаимодействию внутри общины и к настоящему положению дел в России приводит к большому количеству высказываний на данную тему, что позволяет исследовать то, как они видят русских и Россию. Данная статья сравнивает представление «отцов и детей» и позволяет создать обобщенный образ славянства в сознании русских общин за границей, а также объяснить реакцию общины на события последних нескольких лет.

Как пишет Юрий Трубников, президент Ассоциации русских во Франции, так называемые белые русские не были эмигрантами, они были беженцами. Между собой они скорее называли себя «русскими за границей» [1], что четко указывает на самоопределение через своё местонахождение по отношению к Родине. Нужно понимать, что эта потеря Родины переживалась особенно болезненно. Цитируя слова своей матери, Ю. Трубников пишет: «Худшее было потерять свою страну» [1].

Считается, что после революции чуть меньше миллиона русских покинули Россию и что приблизительно четверть из них поселились во Франции в 1925–1926 гг. Появился «русский Париж», имеющий довольно четкие географические границы и еще более четкие культурные границы. Русская община, которая сформировалась во Франции, больше опиралась сама на себя, нежели пыталась активно взаимодействовать со страной, которая её приютила. Даже сегодня можно найти потомков первой волны эмиграции, которые свободно говорят по-русски, несмотря на то, что прожили всю жизнь во Франции. Тем не менее нельзя отрицать, что интегративная политика Франции сумела сделать из многих русских «французов». Сам Трубников пишет, что «сегодня, как почти вся русская община, они французы с русскими культурой и корнями» [1].

Но прежде чем начать рассматривать то, как самоопределяется русская община во Франции сегодня, стоит посмотреть на то, как видели себя и свою ситуацию те самые «русские за границей», бежавшие во Францию в 20-е гг. прошлого века.

Интересными в этом плане представляются воспоминания князя Феликса Юсупова. Ф. Юсупов в своих воспоминаниях обозначает свою эмиграцию как «изгнание». При этом контекст, в котором используется данное слово, пропитан сожалением и горечью, вызванными бегством из России и невозможностью вернуться. При всем этом князь в своих мемуарах старается остаться жизнерадостным и оптимистичным. Так как эти качества, по мнению Ф. Юсупова, характерны для русского человека, даже если его выбросило на обочину жизни. Так, он пишет о русских беженцах: «Все восхищали нас стойкостью и спокойствием. Ни слезинки, ни жалобы. Обломки кораблекрушения, русские эмигранты все ж оставались открыты и жизнерадостны» [2. С. 278–279]. Говоря о русских за границей, он также отмечает, что их всех связывал единый дух, который брал свою силу из общей беды и общей взаимовыручки: «Тут была сама Россия», – пишет он [2. С. 279].

Из воспоминаний князя видно, с какой болью он воспринимал происходящее в России. Он считает, что все, что там происходит, просто убивает её. Но тем не менее он высоко оценивает русский дух и считает, что благодаря ему возродится Россия. «Россия, по-моему, распята, как Христос. И так же воскреснет. Но не силой оружия, а духа», – пишет он [2. С. 292]. Это в из-

вестной степени перекликается с идеями писателя Ивана Шмелева, который называл православие «душою Родины». Созвучно это и с идеями И. Ильина, с которым Шмелев был дружен.

Что касается князя Юсупова, он пишет, что изгнание из России не сможет изгнать Россию из их душ и сердец. Поэтому, самое главное, по его мнению, это остаться русским и стремиться развивать русские качества, которые присущи, по его мнению, всему русскому народу, в своих детях: надежду, открытость, смекалку, душевную красоту, чувственность, щедрость и благородство. И именно наличие таких качеств в душе самого Ф. Юсупова побуждало его помогать своим соотечественникам, невзирая на собственные трудности и беды. Делать это, дабы своим примером показывать, что значит быть русским.

Хочется отметить, что надежда красной нитью проходит через все мемуары Феликса Феликсовича. И надежда заключатся в одном – увидеть Россию. И вроде бы, к своим преклонным годам, он сам понимает, как глупо надеяться, но тем не менее не впадает в отчаяние. «Увижу ль когда Россию?.. Надеяться никому не заказано. Я уже в тех годах, когда не мыслишь о будущем, если из ума не выжил. А все ж еще мечтаю о времени, которое, верно, для меня не придет и которое называю: “После изгнания”», – заканчивает он свои мемуары [2. С. 426].

Несколько другим, но также хорошим примером могут служить воспоминания князя Г. Львова. Князь Львов в своих мемуарах очень трепетно и с любовью описывает Россию. Он восхищается её просторами, мощью, красотой, величием [3. С. 19]. Он считает себя простым русским «мужиком», несмотря на дворянское происхождение. Ему импонируют русская деревня и русский простор, в которых прошло его детство.

Интересно наблюдать, уже по воспоминаниям современников, как Георгий Евгеньевич во Франции стремился сохранить русскую культуру и воссоздать в своих небольших апартаментах уголок России, дабы, находясь дома, мысленно возвращаться на Родину. «На другой день я сидела у него на рю Карно в Булони, в его квартире, где и вещи, и образа, и картинки по стенам – переносили в Россию…», – так описывает его жилище К. Ельцева, бывавшая у него в гостях в то время [3. С. 256]. Стремление остаться русским и сохранить русскую культуру, проявлялось у князя Львова во всем: в пище, которую князь ел, в литературе, которую читал, в обустройстве дома, в манере работать на земле. Все это отчасти создавало легкую иллюзию «клочка Родины», но все же это была не Россия: «Хуже, чем в России, было все. И супы французские ничего не стоящие, и яблоки без вкуса, и трамваи, и язык, его бедность…» [3. С. 260]. А тоска по родной земле пожирала его, он мало говорил об этом, но те слова, которые все-таки были произнесены. – пропитаны болью, скорбью и опять же – надеждой. «Его тоска по России была так велика, что он впадал в малодушие. Таинственно говорил мне, что скоро все кончится и вернемся… – Когда же? – А вот погодите. Пройдет рабочая пора и кончится» [3. С. 264].

Стремления помочь найти Россию молодым людям ярко видны у уже упомянутого нами публициста и писателя И.С. Шмелёва. В своих обращениях к ним он пишет о том, как была велика прежняя Россия, как был велик её дух.

Он искренне верит, что русские молодые люди, вынужденные обстоятельствами расти за границей, смогут стать русскими, найти Россию в себе [4]. «Помните непрестанно, что мы велики, что мы от великого народа, что мы чудесны и нашей историей, уделившей нам миссию охранять культуру, что мы велики великим страданием нашим и великой победой нашей – всем тем чудесным, что русский гений давал, дает и будет давать миру!», – пишет Шмелёв в своих обращениях [4]. И не просто помнить самим, а передать эти знания своим детям, внукам, правнукам, чтобы они могли не только сохранить русскую культуру, но и продолжали обогащать и прославлять её, и могли произносить с гордостью: «Я русский», на одном лишь основании великих достижений предков, а на основании собственного могучего, нравственного и великого русского духа.

Русская община в Париже имела целый ряд журналов и газет, написанных, издаваемых и читаемых русскими. Конечно, многие из них были посвящены политическим оценкам событий в России, умозаключениям по данной теме, но среди них можно было вычленить элементы, описывающие быт русской эмиграции и того человека, кем русский стал на чужой земле. В этом контексте духовность в целом и в частности православность носили крайне важный самоопределяющий характер.

Возможно, в ходе превращения России в светское государство эти русские люди стали хранителями русской веры. Так, цитируя князя Г.Н. Трубецкого, газета «Младороссъ» пишет: «От нас, бессильных пока помочь нашей Родине и братьям, требуется подвиг веры, ибо, если будет в нас огонь веры, то никакие стены не покажутся нам несокрушимыми, и мы не будем бессильно и бесполезно биться о них, а сохраним и накопим силу веры, которая одна действенна, одна всё может…» [5. С. 7]

Последним ключевым аспектом русскости для той эпохи был русский язык. Не только сохранение его в кругу семьи, что редко свойственно для эмигрантов, но и превращение его в родной язык, для своих потомков, что в контексте эмиграции почти невозможно. Так, описывая своё детство, Алексей Воронцов пишет, что до возраста шести лет он говорил только по-русски, невзирая на то, что родился в 1927 году во Франции [6].

Из всех этих примеров и других мы можем создать образ русского человека как человека, несущего огромную ответственность за сохранение своей культуры, веры и языка, дабы мочь обогатить ею не только своих потомков, но и всех людей постреволюционной России, в чьих сердцах и сознании «русскость» вытесняет большевизм. Эта роль рыцаря веры, обычного мужика, готового прийти на выручку, прослеживается почти в любой риторике тех времен.

Сегодня мы видим немного другую картину. Первое, что бросается в глаза, – это успех французской интегративной политики. Многие потомки первой волны эмиграции воспринимают свои русские корни как забавный или, скорее, грустный эпизод своей семьи, а не какой-то самоопределяющий фактор. Тем не менее община живет, хоть и не так бурно, как в 30-е гг. Париж усеян магазинами, продающими товар, направленный именно на неё. На православные праздники в церквях не протолкнуться, а русский квартал все также в сознании обычного парижанина остается русским.

Интересной тенденцией является возвращение к истокам для многих таких «русских». Сегодня освобожденные от тех преград, которые не позволяли вернуться их предкам на Родину, они постепенно начинают приезжать в Россию, не только что бы прогуляться по Петергофу, но в надежде начать новую жизнь. Конечно, эти люди потеряли тот щит и меч хранителей духовности, языка и культуры. Сегодня они скорее учатся у постсоветских русских тому, что значит быть русским.

В статье «Тихое возвращение к истокам» Маша Фогель берет интервью у нескольких таких вернувшихся. Одни, как Николай Цвегинцов, пытаются прикоснуться к современной России, другие, как Софи Андреоли, наоборот, пытаются найти в современной России связь с дореволюционной, связь со своим прошлым [7].

Общей тенденцией для большинства из них является принятие современной России, и иногда можно встретить тот огонь хранителей, что горел в их предках. Мы это видим в декларации потомков белой эмиграции в час украинской трагедии. С ноября 2014 года несколько сотен потомков высказали свою поддержку России в контексте русско-украинского конфликта. Они пишут: «Несмотря на полное отчуждение от Советского Союза, наши родители и прадеды глубоко переживали из-за страданий русского народа во время Второй мировой войны. Сегодня наш черед, мы против безразличия и молчания перед программой уничтожения народа Донбасса, бредовой русофобии, лицемерия, процессов, полностью противоречащих интересам Европы, которой мы дорожим» [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что, хотя ценности, которые нужно защищать, изменились за последние 100 лет, сам образ русского человека как защитника ценностей – остался. Можно было бы сказать, что защита своих ценностей свойственна любому народу, но самоопределение через эту сложную социальную роль явно характерна для образа «русскости».

Литература

1. *Troubnikoff Y.* Les Russes blancs en France, leur histoire, leurs institutions. URL: http://www.cdi-garches.com/geographie/les-russes-blancs-en-france-leur-histoire-leurs-institutions (дата обращения: 1.10.2016)

2. *Юсупов Ф.Ф.* Мемуары. М.: ЗАХАРОВ, 2001. 427 с.

3. *Львов Г.Е.* Воспоминания. М.: Русский путь, 2002. 373 с.

4. *Шмелёв И.С.* Письма к русской молодёжи (1928). [Электронный ресурс]. URL:: http://ricolor.org/history/re/missia/19 (дата обращения 1.10.2016)

5. Памяти князя Г.Н. Трубецкого // Младороссъ. 1930. № 1. 18 с.

6. *Grognet F.* Devenir français et rester russe L'itinéraire de Nicolas et Adèle Vorontzoff. URL: https://hommesmigrations.revues.org/1669#tocfrom1n1 (дата обращения: 1.10.2016)

7. *Fogel M.* Discret retour aux sources. URL: http://fr.rbth.com/articles/2011/02/02/les_visiteurs_du_passe_11858

8. *Déclaration* des descendants de l'émigration blanche à l'heure de la tragédie Ukrainienne. URL: https://www.les-crises.fr/declaration-des-descendants-de-lemigration-blanche-a-lheure-de-la-tragedie-ukrainienne (дата обращения: 1.10.2016)

Utyeva Alexandra O. – Undergraduate of the Department of Political Science of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/36

Zharnikova Tatiana G. – Undergraduate of the Department of Political Science of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/36

THE IMAGE OF SLAVDOM THROUGH THE EXAMPLE OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION TO FRANCE

Keywords: Image of Slavdom, Slavic world, first wave of Russian emigration, Russian community in France, «Russianness»

It is often considered that the Slavic world is part of the territory that used to be the USSR, and the image of Slavdom belongs strictly to those who inhabit said territory. In reality, beyond the ex-USSR live a large amount of different Slavic communities (France, Germany, USA, Argentina, China, etc.), who are also concerned by how the image of Slavdom is transformed over time. The authors take one of such communities, probably one of the most known - the Russian community in France. Using one of its main constituents - the first wave of emigration and its descendants as an example, they try to educe the image of Slavdom beyond the «common» Slavic world. During the civil war that ensued after the Revolution of 1917, many of the people of the ex-Russian Empire were forced to leave their homeland and move to other countries. According to the calculations of the «Association of Russians in France» from the 1 million of emigrants that left the country, over one quarter settled in France between 1925–1926. Most of them settled in Paris and its periphery and formed there a Russian community. To educe the image of Slavdom, the authors use the definition of Russianness in the rhetoric of the old and young generation of the first wave of Russian emigration. For the old generation, the authors base their research on their memoirs. To have a larger selection the authors use the memoirs of different social groups, from the high aristocracy to the middle class. As for the young generation, the research is based on articles that address said subject on websites and social media that are part of the modern Russian community in France. The fact that said Russian community exists to this day and that it's members continue to actively interact within it, would suggest that the descendants of the first wave of emigration managed to preserve their Russian identity, that their ancestors desperately wanted to preserve. The researched proved that the French integrative policy was very successful and despite the fact they actively partake in the life of the community, most of the descendants consider themselves as mainly French and see their Russian roots as a non-determinant part of themselves. Despite that fact, the authors managed to isolate the image of the «Russian» in the conscious of the members of the first wave of emigration. It's the image of a conservator of Russian faith, culture, language and first and foremost of Russian values. And despite their «Frenchness», in their will to defend the main European values, the authors find that long forgotten Russianness in the modern generation of the Russian community.

References

1. Troubnikoff, Y. (2005) *Les Russes blancs en France, leur histoire, leurs institutions* [White Russians in France, their history, their institutions]. Available from: http://www.cdi-garches.com/geographie/les-russes-blancs-en-france-leur-histoire-leurs-institutions. (Accessed: 1st October 2016)

2. Yusupov, F.F. (2001) *Memuary* [Memoirs]. Moscow: ZAKhAROV.

3. Lvov, G.E. (2002) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Russkiy put'.

4. Shmelev, I.S. (2002) Pis'ma k russkoy molodezhi (1928) [Letters to Russian youth (1928)]. [Online] Available from: http://ricolor.org/history/re/missia/19. (Accessed: 1st October 2016).

5. Anon. (1930) Pamyati knyazya G.N. Trubetskogo [Prince G.N. Trubetskoy. In memoriam]. *Mladoross"*. 1.

6. Grognet, F. (2010) *Devenir français et rester russe L'itinéraire de Nicolas et Adèle Vorontzoff* [Become French and stay Russian The itinerary of Nicolas and Adèle Vorontzoff]. Available from:: https://hommesmigrations.revues.org/1669#tocfrom1n1 (Accessed: 1st October 2016).

7. Fogel, M. (2011) *Discret retour aux sources* [Discreet returning to the sources]. Available from: http://fr.rbth.com/articles/2011/02/02/les_visiteurs_du_passe_11858.

8. Schakhovskoy, D. & Schakhovskaya, T. (2014) *Déclaration des descendants de l'émigration blanche à l'heure de la tragédie Ukrainienne* [Declaration of the descendants of white emigration at the time of the Ukrainian tragedy]. Available from: https://www.les-crises.fr/declaration-des-descendants-de-lemigration-blanche-a-lheure-de-la-tragedie-ukrainienne. (Accessed: 1st October 2016).

УДК: 328:316.772.5
DOI: 10.17223/1998863X/36/37

А.С. Юферева

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИИ: АНАЛИЗ РОЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

Исследуются разнообразные уровни медиаконвергенции и то, какое воздействие они оказывают на процессы виртуализации политической коммуникации. Особое внимание в данном контексте уделено ряду проблем по переводу государственных услуг в электронный вид. Доказывается, что неэффективность функционирования политической коммуникации обусловлена не столько технологическими, сколько социокультурными препятствиями.
Ключевые слова: *медиаконвергенция, политическая коммуникация, виртуализация политики, новые информационные технологии.*

Тотальная виртуализация определенных фрагментов окружающего мира посредством внедрения новых информационных технологий продолжает приводить к «слому» ранее устоявшихся системообразующих, организационных структур, которые вынуждены оперативно реагировать на происходящие во внешней среде трансформации. Традиционно восприимчивые к технологическим изменениям политические институты отличаются особым динамизмом и подвергаются существенному воздействию со стороны коммуникационных технологий и, в частности, Интернета, которые создают дополнительные виды деятельности, паттерны поведения и типы взаимодействия между индивидами. Одновременно с этим активно обсуждается вопрос о том, «как меняются и как должны изменяться под их влиянием традиционные иерархические управленческие структуры, унаследованные от индустриального общества, и как новые возможности «мгновенной обратной связи» воздействуют на отношения власти и граждан» [1. С. 285–286]. В этой связи появляется необходимость в исследовании ключевых тенденций, способных отразить степень эффективности вовлекаемых в деятельность органов власти информационных технологий. Изучение поставленного вопроса целесообразно проводить в контексте медиаконвергенции (от лат. convergere – приближаться, сходиться), которая выступает не только основой реконфигураций современных государственных подразделений, но и является первоочередным фактором в формировании и реализации политическими акторами сетевых стратегий. Учитывая многокомплексную специфику медиаконвергенции, единого понимания предложенного понятия пока не сложилось. В этой связи остановимся подробнее на интерпретациях медиаконвергенции, предлагаемых в зарубежной академической литературе.

Медиаконвергенция получила всестороннее рассмотрение в области коммуникативистики, в которой процессы сближения и взаимопроникновения ранее разобщенных сфер массмедиа стали предметом пристального внимания специалистов еще в середине двадцатого столетия. Впервые обозначил тен-

денцию к слиянию электронных средств связи М. Маклюэн. В собственных работах (одной из самых известных является работа «Понимание медиа» [2]) теоретик предпринимал попытку в выявлении закономерностей модификации реального мира под воздействием новых каналов для передачи информации (радио, телевидение), возникновения ранее недоступных типов интеракций между техникой и человеком. В абстрактной рефлексии наблюдаемого круговорота социокультурных сдвигов мы впервые встречаем близкое к медиаконвергенции понятие «имплозия», смысл которого сводится к нивелированию дистанционных границ между ранее обособленными друг от друга областями; разрушению логики централизации; преобладанию виртуального пространства над действительным. Отсюда – усиление глобализации, повышение информатизации общества, что упраздняет множество локальных систем, приводит к однообразному, равномерному пространству, мгновенному взрыву вовнутрь. «Все это привело Маклюэна к созданию гигантского утопического образа «глобальной электронной деревни», центр который везде, а границы – нигде и которую населяют электронные номады, свободно кочующие из одного мира в другой» [3. С. 38]. Примечательно, что логика размышлений М. Маклюэна полностью вписывается в рамки парадигмы технологического детерминизма, в соответствии с которой происходящие в социуме преобразования трактуются исключительно как следствие внедрения новых технологий. В подтверждение тому слова автора, который пишет, насколько изменилось состояние мира под влиянием электронных средств связи, которые «формируют наши мысли, структурируют наш опыт и определяют наши взгляды на окружающий мир» [4. С. 115].

Целенаправленное изучение медиаконвергенции проводит Н. Негропонте в книге «Being Digital» (1994 г.) [5]. В труде предлагается модель медиаконвергенции, основанная на трех пересекающихся кругах, каждый из которых имеет отношение к одной из нескольких отраслей массмедиа (печатные издания, радио-, телевидение и средства связи). Итогом их совместного сближения становится образование новых медиа, способных воплощать черты выше перечисленных компонентов коммуникационной системы. При этом их появление стало следствием конвергенции технологического порядка, предполагающей схождение в одной точке традиционных средств массовой информации и многообразных электронных дивайсов. Включение в исследовательский фокус медиаконвергенции такого вида демонстрирует преемственность в продолжении традиции, заложенной М. Маклюэном и задающей достаточно жесткие рамки для размышлений по данной теме.

Позднее зарубежные специалисты пришли к заключению о том, что границы понимания медиаконвергенции значительно шире и не охватывают исключительно область передовых технологий. Особый вклад в раскрытие многокомплексного потенциала медиаконвергенции внес профессор Г. Дженкинс путем выделения в статье «Convergence? I diverge?» (2001 г.) нескольких взаимосвязанных уровней. Автор подчеркивал, что, несмотря на технологическую основу медиаконвергенции, стоит выделять другие, не менее значимые уровни: экономический (слияние различных сфер в индустрии развлечений), социальный (формирование у потребите-

лей информации «многозадачных стратегий»), культурный (взрыв новых форм творчества в виртуальном пространстве), глобальный (циркуляции медиаконтента в мировом масштабе) [6].

Спустя пять лет, в 2006 г., выходит работа Ф. Бенклера [7], в которой предлагается три уровня опосредованной коммуникации – физический, логический и уровень содержания. К первому уровню – физическому – относятся составные компоненты материально-технической базы (телефоны, компьютеры и пр.), которые в совокупности образуют физическую инфраструктуру (кабели, сети, проводники). Ее существование позволяет пользователям коммуницировать друг с другом. Следующий уровень – логический – описывает протоколы программного обеспечения, алгоритмы и стандарты связи, которые приводят к установлению взаимосвязи между устройствами и пользователями. Наконец, уровень содержания включает сообщения и идеи, информацию и развлечения, песни и картинки, которыми делятся пользователи Сети.

Очевидно, что основу уровней опосредованной коммуникации составляет медиаконвергенция, которая наличествует в нескольких плоскостях одновременно – технологической и социальной. Первая, в свою очередь, подразумевает «скрепление» в одном пространстве разнородных технических средств связи, которые выступают соединяющим звеном между пользователями, а вторая – образование целой серии коммуникативных эффектов от применения пользователями технологического комплекса. В качестве результатов от эксплуатации телекоммуникационной платформы и вытекающих из этого последствий допустимо рассматривать всевозможные изменения в социальном, экономическом, культурном и прочих контекстах, в том числе такие частные случаи, которые имеют отношение к трансформации поведенческих установок представителей власти, вынужденных оперативно реагировать на происходящие в массмедийной среде явления. Однако прежде чем перейти к освещению взаимодействия политической коммуникации с медиаконвергенцией в настоящем времени считаем нужным обратиться к изучению того, как исторически происходило проникновение в область политического данного феномена и какие отличительные черты были свойственны виртуальной политике на начальном этапе.

Глобальные преобразования в технологической сфере, связанные с внедрением в общественную жизнь новых средств и каналов связи, предоставили политическим институтам соответствующие условия для взаимодействия с населением. Экспансия политического влияния была особенно заметной в период появления целой группы технологий, которая позволила властям выстраивать совершенно иные виды взаимодействий с населением в двух измерениях: дальности и площади охвата. Если телеграф и телефон увеличили дальность обмена информацией, радио и телевидение – аудиторию вещания [8], то Интернет стал воплощением этих двух измерений. Выражается это в способности сети преодолевать пространственные, временные, иерархические препятствия, давая в дополнении ко всему этому право осуществлять многостороннюю коммуникацию. Таким образом, началом вовлечения в область политического новых информационных технологий принято считать 1990-е гг., когда Интернет приобрел черты массовости за счет растущего количества виртуальных пользователей. К наиболее показательным последст-

виям применения компьютерных сетевых платформ в политическом процессе допустимо отнести создание официальных веб-сайтов. Постепенная интеграция управленческих структур российского государства с киберпространством имела свои особенности, поскольку предусмотренный на тот момент функциональный комплекс сайтов был крайне ограничен. По сути, существовавшие на тот период электронные ресурсы предназначались для оказания информационных услуг о деятельности правительства исключительно в однонаправленном порядке. Пользователь мог получить доступ к данным, касающимся государственной политики, нормативным актам, архивам и пр., но не мог коммуницировать с органами власти непосредственно. Выделение столь специфических черт у сайтов правительственных учреждений того времени свидетельствует о преобладании медиаконвергенции технологического толка, которая подразумевает появление дигитализированных путей для функционирования политической коммуникации (прежде всего, имеется в виду «оцифровка» разнообразных документов; хранение, передача значительных объемов данных и многое другое), пусть и в ограниченном формате.

На втором этапе виртуализации политических процессов, датируемом началом 2000-х гг., наблюдается тенденция к постепенному замещению однонаправленных процессов «вещательного» типа формами информационного обмена, предполагающими повышение роли обратной связи между участниками политико-коммуникационных процессов [9]. Происходит формирование особой среды посредством «самостоятельного производства контента пользователями и активным его обменом между ними» [10. С. 42]. Обозначенные аспекты нашли отражение в улучшении качества информационных услуг, предоставляемых на сайтах органов государственной власти. От статичного предоставления образцов официальных документов ресурсы перешли к динамичной работе с гражданами, включая использование интерактивных элементов, удобных сервисов, таких как участие в социальных вопросах, реестр петиций и инициатив, народный контроль (возможность сообщить о проблеме) и т.д. В контексте расширения коммуникационного поля заметен переход медиаконвергенции к следующему уровню развития – социальному, предполагающему, что совершенствование технологических систем, объединяющих устройства и сервисы, подготовило почву для реализации разнообразных интеракций среди пользователей. Создание и распространение контента актуализировали потребность в новых формах политического участия. Условно они могут быть разделены на две основные группы: формальные (официальные веб-ресурсы правительственных учреждений, в том числе всевозможные концепции – открытое правительство, электронная демократия и пр.), неформальные (социальные сети, форумы, чаты, блоги и т.д.).

В России наиболее активная фаза перевода государственных услуг в электронный формат началась с 2012 года. В 2013 году доля населения, которая использует электронные госуслуги, составила 30 %, а в 2014 – 35 %. В соответствии с указом Президента РФ № 601 от 7 мая 2012 года «доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к 2018 году должна достичь 70 % [11].

Оценить динамику информатизации предоставляемых государственных услуг в России возможно путем обращения к всемирным рейтингам, которые

могут отразить положение нашей страны наряду с другими государствами. Сначала обратимся к результатам индекса развития электронного правительства (The UN Global E-Government Development Index) Организации Объединённых Наций: в 2008 г. Россия занимала 49-е место по готовности оказывать гражданам госуслуги в электронном виде, в 2010 г. – 47-е место, в 2012 и в 2014 гг. ситуация не поменялась – 27-е место. Согласно другому рейтингу – «Индексу развития ИКТ » – в 2007 году отечественному состоянию ИКТ-отрасли отдали 50-е место, в 2013 г. – 40-е, а в 2015 г. – 45-е место [12]. Изложенные результаты исследований международных организаций, которые при подсчете используют определенные критерии (качество интернет-услуг, степень доступности технологий для населения, уровень развития телекоммуникационной инфраструктуры и т.д.), позволяют констатировать недостаточный уровень развития одного из перспективных направлений государственной политики, связанного с переводом услуг государственного назначения в виртуальный формат.

Многие специалисты связывают развитие гибких сервисных госуслуг непосредственно с инновационными разработками, оперативное внедрение в политическую систему которых способно решить ряд проблем, тем самым обеспечив обществу лидирующие позиции на международной арене. Оптимистичные настроения свойственны достаточно широкому кругу теоретиков, которые видят в технологиях перспективное и динамичное поле для развития демократических начал в политическом пространстве. В свое время Р. Даль отмечал, что телекоммуникационные технологии являются действенным инструментом в конструировании «передового демократического общества», в котором политические решения принимаются на основе мнений и суждений народа. А. Этциони предлагал концепцию «теледемократии», в соответствии с которой достижение общественного блага может произойти в том случае, если будет обеспечено тотальное применение коммуникативных технологий [8]. Аналогичной точки зрения придерживается К. Ширки, по мнению которого информационные технологии открывают перед глобальным гражданским обществом и его отдельными сегментами новые блистательные перспективы как в плане перехода к прямой электронной демократии, так и в плане развития многообразных форм электронного активизма [1. С. 287]. Особой властью глобальные технологии наделены в представлениях Н. Негропонте, который считал, что под их влиянием стоит ожидать неминуемого отмирания национального государства [8]. Нетрудно заметить явное сходство между технологическим детерминизмом и изложенными ожиданиями, которые фактически исключают из рассмотрения социальный контекст [13], в рамках которого осуществляется адаптация к техническим инновациям [14. С. 257]. Отсюда – потребность в рассмотрении трансформации определенных элементов реальности через призму взаимодействия технологического и социального контекстов, при котором главная роль принадлежит второму атрибуту, определяющему дальнейшую эксплуатацию и инкорпорирование инновационных разработок в общественную систему. Справедливы в данном случае размышления У. Шаниэля, который предупреждает, что, прежде чем оценивать проникновение технологии в социум, в первую очередь следует обратить внимание на культуру страны, которая собирается заимствовать

технологию, а не на сам материал. Хотя «новая технология и вызывает перемены, – пишет У. Шаниэль, – их характер не предопределен заимствованной технологией. Вместо этого, заимствующее общество адаптирует технологию к собственным социальным процессам» [15. С. 358–359]. Сходная мысль содержится в исследовании М. Кастельса: «Пусть общество и не задает курс технологических изменений, оно может, используя мощь государства, задушить развитие технологии. Или, напротив, также путем государственного вмешательства оно может начать ускоренный процесс технологической модернизации, способной за несколько лет изменить экономику, повысить военную мощь и социальное благополучие. (…) хотя технология perse не детерминирует историческую эволюцию и социальные изменения, технология (или ее отсутствие) воплощает способность обществ модифицировать себя и определяет направления, на которых общество (всегда через конфликтный процесс) решает применить свой технологический потенциал [16].

Экстраполируя ряд перечисленных аспектов на область политического, заметим, что в российских реалиях вопрос адаптации органов государственной власти к последствиям медиаконвергенции следует рассматривать не с уклоном в технологический дискурс, но с принятием во внимание социокультурного контекста, в рамках которого технологии принимаются и используются.

В первую очередь требуется оценить состояние нормативно-правовой базы, которая регламентирует предоставление государственных услуг в электронном виде. На достаточно низкий уровень заоконотворческой деятельности указывают многие отечественные теоретики, например Е.Г. Дьякова. Проанализировав правовую базу, она делает вывод о том, что данное направление отличается неравномерной траекторией развития. В качестве примера сошлемся на приводимый исследователем Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». «Документ начал разрабатываться в 2002 г., был одобрен на заседании Правительства РФ в 2005 г. и принят только в феврале 2009 г. Медлительность в принятии этого закона еще раз свидетельствует о том, что переход к «электронному правительству» – это не технологический, а социальный процесс с ярко выраженной культурной составляющей» [13]. Аналогичную проблему рассматривает А.В. Чугунов: «Первая государственная программа – федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 гг.)» фактически свелась к большому набору пилотных проектов. Одной из причин отсутствия системного подхода к реализации мероприятий программы явилось то, что до 2009 г. не проводилась работа по формированию нормативной правовой базы «электронного государства» [17]. Несмотря на то, что после 2009 г. было принято гораздо больше нормативных документов, чем в предыдущие годы, организационно-правовая база по-прежнему остается несовершенной, что выступает сдерживающим эффектом в реализации концепции «электронного государства».

Следующая проблема относится к так называемой проблеме организационного сопротивления. Отсутствие у представителей органов власти профессиональных компетенций, требующихся для использования электронных технологий, является одним из ключевых направлений для изучения. В частности, на данную проблему неоднократно указывали сотрудники органов

власти в экспертном опросе, организованном Центром технологий электронного правительства НИУ ИТМО. По их мнению, проведение обязательных курсов по повышению квалификации, построенных по принципу профессиональных тренингов, использующих психологические приемы построения командной работы, должны осуществляться на регулярной основе [17]. Недостаток требуемого уровня подготовки в совокупности с перестройками основных компонентов организационной структуры (появление дополнительных отделов, как пример) ведет к затруднениям в функционировании государственных подразделений в виртуальном пространстве.

Не последнее место занимают ментальные установки государственных служащих: устойчивость отечественной бюрократической культуры, подразумевающей укрепление режима закрытости, административной непрозрачности, приводит к тому, что разработанные стратегии в области перевода государственных услуг в электронный формат, даже существовавшие в рамках нормативно-правовых актов, оказываются неработающими. Таким образом, взаимодействие чиновников с электронными сайтами приобретает оттенок высшей степени формализации, упрощенности и исключает ориентацию на гибкость.

К числу общих проблем с ярко выраженной социально-экономической окраской относится проблема «цифрового неравенства» (digital divide), которая порождает разновидность социального неравенства, в результате чего члены общества разделяются на две диаметрально противоположные группы. Первая группа включает «информационно богатых», а вторая – «информационно бедных».

Истоки проблемы цифрового неравенства восходят к саммиту стран «Большой восьмерки», который состоялся в 2000 г. на Окинаве. Результатом встречи мировых лидеров стало принятие стратегически важного документа – «Хартии глобального информационного общества», в которой утверждалась идея об увеличении степени доступности новых информационных технологий для населения всего мира.

В настоящее время цифровое неравенство провоцируется определенными факторами, которые можно распределить по нескольким категориям: демографическая (возраст, пол, уровень образования и др.), психологическая (например, отсутствие дискомфорта в использовании информационных технологий), социокультурная (менталитет, уровень образованности и пр.). Перечисленные критерии, характеризующие социально-экономическое положение страны, должны приниматься во внимание при решении проблемы оказания государственных услуг в электронном виде. Отсутствие доступа «информационно бедных» к технологиям коммуникации автоматически делает электронные государственные услуг невостребованными среди таких граждан. Отсутствие подобных групп в глобальном информационном пространстве, формируемом благодаря медиаконвергенции, не позволяет им заявлять о своей позиции, принимать участие в обсуждении острых вопросов и что самое главное – своевременно получать информацию политического содержания, так или иначе затрагивающую их интересы, права.

На основании проведенного исследования сделаем выводы.

Во-первых, изучение разнообразных уровней медиаконвергенции было проведено с целью выявления структурных взаимосвязей между технологи-

ческой и социальной сущностями данного феномена. Доказано, что изначально создание новых каналов связи спровоцировало появление медиаконвергенции технологического порядка, что выражалось в ограниченных возможностях пользователей управлять содержимым сети. Переход ко второму уровню случился сообразно с совершенствованием технологических условий, которые позволили осуществлять взаимодействия на большом расстоянии, в режиме реального времени.

Во-вторых, поскольку информационные технологии стали неотъемлемой частью политического процесса, потребность в анализе трансформации политической коммуникации в плоскости медиаконвергенции приобретает качественно новый смысл. Обращение к историческому контексту позволило выделить ключевые этапы и закономерности во взаимодействии политической коммуникации и медиаконвергенции.

В-третьих, теоретико-методологическая предпосылка о концептуальной ограниченности позиции технологического детерминизма подтверждается наличием в её содержании нескольких достаточно спорных моментов: «Первый: технологии якобы являются определяющими агентами социальных перемен; вторая: технологии сами по себе отделены от мира социального, хотя и оказывают огромное влияние на него» [18]. Исходя из этого, мы пришли к заключению об основополагающей роли социокультурного контекста как первоочередного фактора комплексных изменений различных сфер жизненного уклада.

В-четвертых, степень эффективности политической коммуникации в виртуальном пространстве определяется не количеством задействованных инноваций, но социальным контекстом. В данном случае мы исходили из того комплекса проблем, который замедляет, а порой деструктивно воздействует на процесс вовлечения в деятельность представителей органов власти новых информационных технологий. К числу важных проблем относятся: несовершенство нормативно-правовой базы, недостаточное количество у государственных служащих профессиональных компетенций в области работы с электронными ресурсами, проблема «цифрового неравенства».

Литература

1. *Трахтенберг А.Д.* Электронное правительство: состоится ли «изобретение государства заново»? // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2012. Вып. 12. С. 285–297.

2. *McLuhan M.* Understanding Media: The Extensions of Man. New York, 1964. 359 p.

3. *Дьякова Е.Г.* Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург, 2002. 280 с.

4. *Землянова Л.М.* Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. М., 1999. 300 с.

5. *Negroponte N.* Being Digital. New York, 1995. 243 p.

6. *Jenkins H.* Convergence? I diverge [Electronic recourse] // Technology review. 2001. Vol. 1. Electronic data. URL: http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence—i—diverge/ (access date: 5.05.2016).

7. *Meikle G.* Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life. Basingstoke, 2012. 248 p.

8. *Туронок С.Г.* Интернет и политический процесс // Новое литературное обозрение. 2001. № 2. С. 51–63. [Электронный ресурс]. URL: http://ict.informika.ru/ft/003982/006tURONOK.pdf (дата обращения: 12.05.2016).

9. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004. 328 с. [Электронный ресурс] URL: http://grachev62.narod.ru/Grachev/n60_05ar.html (дата обращения: 10.05.2016).

10. *Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. М., 2012. 327 с.

11. *Доля* граждан, воспользовавшихся электронными госуслугами в 2014 году, превысила 35% // Официальный сайт Минкомсвязь России. [Электронный ресурс]. URL: http://minsvyaz.ru/ru/events/33078/ (дата обращения: 8.05.2016).

12. *Центр* гуманитарных технологий // Официальный сайт информационно-аналитического агентства «ЦГТ». [Электронный ресурс]. URL: http://gtmarket.ru (дата обращения: 9.05.2016).

13. *Дьякова Е.Г.* Переход к электронному правительству в России: нормативно-правовая база и социальный контекст // Совместные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2011. № 3. том 7. [Электронный ресурс]. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-v-rossii-normativno-pravovaya-baza-i-sotsialnyy-kontekst (дата обращения: 19.09.2015).

14. *Трахтенберг А.Д.* Электронное правительство: технократическая утопия или востребованная структура // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Екатеринбург. 2011. Вып. 11. С. 253–269.

15. *Морозов Е.* Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М., 2014. 528 с.

16. *Кастельс* М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура // Библиотека Гумер: сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/ Polit/kastel/ intro.php (дата обращения: 12.05.2016).

17. *Чугунов А.В.* Внедрение технологий «электронного правительства» в России: организационно-правовые проблемы и барьеры развития // Информационные ресурсы России. 2012. № 5. С. 2–7. [Электронный ресурс]. URL:
http://www.aselibrary.ru/press_center/journal/irr/irr3648/irr36484157/irr364841574158/irr3648415741584163/ (дата обращения: 28.04.2016).

18. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества М., 2004. 400 с. [Электронный ресурс]. URL: http://texts.news/sotsiologiya-kulturyi-knigi/rol-informatsii-51555.html (дата обращения: 1.05.2016).

Yufereva Anastasia S. – The Ural Branch of the Russian Academy of Science (Yekaterinburg, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/37

THE DEVELOPMENT OF POLITICAL COMMUNICATION IN THE CONDITIONS OF MEDIA CONVERGENCE: AN ANALYSIS OF THE ROLE OF THE SOCIO-CULTURAL CONTEXT

Keywords: media convergence, political communication, virtualization of politics, the new information technologies

This study considers the process of media convergence and the crucial characteristics of this phenomenon. The author studies different foreign approaches to conduct an extensive analysis of this topic in more detail. The research is concerned with specific and significant differences in approaches in connection with the understanding of media convergence. In particular this phenomenon includes the two levels – technological and social ones. The technological level bounds with merging different technologies and platforms. The social level connects determined communication effects. Due to the plural character of media convergence, it is necessary to investigate the question of the effect of this phenomenon on the realm of politics. The objective of the research was to find out the aspects of interaction between media convergence and a process of political communication in the context of social and technological dimensions. In order to achieve this aim the author studies historical context – the two periods in respect of virtualization of politics. The first stage had specific features: political structures began to penetrate on the Internet by dint of creating official web-sites. This stage included the manifestation the technological level because it is a case of digitalization of political information. In the following step the sphere of politics began to comprise different communication strategies, because media convergence achieved next level of the development – social level. The object and verifiable results were obtained by the comparative-historical method. The study showed a few real-world examples which reflect the main aspects of interaction between media convergence and the process of political communication. The author argues that the new forms of political communication were created by the social context instead of the technological context. The article considers the main problems of the adaptation of the state to the modern conditions. Besides, there are social problems which prevent

the transfer of the public services into electronic format. The author analyses the category of problems: the imperfection of the legal framework, the dilemma of an organizational resistance and the problem of the «digital divide».

References

1. Trakhtenberg, A.D. (2012) Elektronnoe pravitel'stvo: sostoitsya li “izobretenie gosudarstva zanovo”? [E-government: Whether the “re-invention of the state” will happen?]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. 12. pp. 285-297.

2. McLuhan, M. (1964) *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: MIT Press.

3. Dyakova, E.G. (2002) *Massovaya kommunikatsiya i vlast'* [Mass communication and power]. Ekaterinburg: RAS.

4. Zemlyanova, L.M. (1999) *Zarubezhnaya kommunikativistika v preddverii informatsionnogo obshchestva: Tolkovyy slovar' terminov i kontseptsiy* [International communication study in anticipation of the Information Society: Glossary of terms and concepts]. Moscow: Moscow State University.

5. Negroponte, N. (1995) *Being Digital*. New York: Vintage Books.

6. Jenkins, H. (2001) Convergence? I diverge. *Technology review*. 1. [Online] Available from: http://www.technologyreview.com/article/401042/convergence—i—diverge/. (Accessed: 5th May 2016).

7. Meikle, G. (2012) *Media Convergence: Networked Digital Media in Everyday Life*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

8. Turonok, S.G. (2001) Internet i politicheskiy protsess [Internet and the political process]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2. pp. 51-63. [Online] Available from: http://ict.informika.ru/ft/003982/006tURONOK.pdf. (Accessed: 12th May 2016).

9. Grachev, M.N. (2004) *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie kontseptsii, modeli, vektory razvitiya* [Political Communication: Theoretical concepts, models, development of vectors]. [Online] Available from: http://grachev62.narod.ru/Grachev/n60_05ar.html. (Accessed: 10th May 2016).

10. Timofeeva, L.N. (ed.) (2012) *Politicheskaya kommunikativistika: teoriya, metodologiya i praktika* [Political communication study: Theory, methodology and practice]. Moscow: RAPN.

11. Ministry of Communications of Russia. (2014) *Dolya grazhdan, vospol'zovavshikhsya elektronnymi gosuslugami v 2014 godu, prevysila 35%* [The proportion of people who have usede-government services in 2014 exceeded 35%]. [Online] Available from: http://minsvyaz.ru/ru/events/ 33078/. (Accessed: 8th May 2016).

12. Information-Analytical Agency “TsGT”. (n.d.) *Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy* [The Centre for Humanitarian Technologies]. [Online] Available from: http://gtmarket.ru. (Accessed: 9th May 2016).

13. Dyakova, E.G. (2011) Perekhod k elektronnomu pravitel'stvu v Rossii: normativno-pravovaya baza i sotsial'nyy kontekst [The transition to e-government in Russia: Legal framework and social context]. *Sovmestnye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 3(7). [Online] Available from: http://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-elektronnomu-pravitelstvu-v-rossii-normativno-pravovaya-baza-i-sotsialnyy-kontekst. (Accessed: 19th September 2016).

14. Trakhtenberg, A.D. (2011) Elektronnoe pravitel'stvo: tekhnokraticheskaya utopiya ili vostrebovannaya struktura [E-government: The technocratic utopia or demanded structure]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*. 11. pp. 253–269.

15. Morozov, E. (2014) *Internet kak illyuziya. Obratnaya storona seti* [Internet as an illusion. The reverse side of the network]. Moscow: Corpus.

16. Castells, M. (n.d.) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [The Information Age: Economy, Society, Culture]. [Online] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/ Polit/kastel/intro.php. (Accessed: 12th May 2016).

17. Chugunov, A.V. (2012) Vnedrenie tekhnologiy “elektronnogo pravitel'stva” v Rossii: organizatsionno-pravovye problemy i bar'ery razvitiya [The introduction of “electronic government” technology in Russia: Organizational and legal problems and obstacles]. *Informatsionnye resursy Rossii*. 5. pp. 2-7. [Online]. Available from:

http://www.aselibrary.ru/press_center/journal/irr/irr3648/irr36484157/irr364841574158/irr3648415741584163/. (Accessed: 28th April 2016).

18. Webster, F. (2004) *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Translated from English. Moscow: Aspekt-Press. [Online] Available from: http://texts.news/sotsiologiya-kulturyi-knigi/rol-informatsii-51555.html. (Accessed:1st May 2016).

АРХИВ

УДК 347.78.01
DOI: 10.17223/1998863X/36/38

В.С. Клочихина, В.В. Оглезнев

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: РОБЕРТ НОЗИК *VERSUS* ДЖОН РОЛЗ[1]

Представлена реконструкция дискуссии Роберта Нозика и Джона Ролза по проблеме соотношения интеллектуальной собственности и социальной справедливости. Показано, что господствующее в вопросах интеллектуальной собственности либертарианство Нозика превалирует над эгалитаризмом Ролза и что социальную справедливость следует рассматривать в контексте права интеллектуальной собственности.
Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, социальная справедливость, авторское право, частная собственность, Роберт Нозик, Джон Ролз.*

«Надерет ли Нозик задницу Ролзу? Интеллектуальная собственность и социальная справедливость» так назвали свою статью американские ученые Анупам Чендер и Мадхави Сандер, перевод которой представлен ниже. Они отмечают, что на этот вопрос существуют как положительный, так и отрицательный ответы. Стоит ли распространять позицию Ролза на интеллектуальную собственность или следует к ней относиться как к частной, согласно концепции Нозика? Как нам кажется, позицию Нозика в отношении интеллектуальной собственности можно признать более рациональной и гораздо более приспособленной для решения возложенных на законы об интеллектуальной собственности задач. И вот почему.

Ролз отмечает, что природные таланты произвольны с моральной точки зрения [1. С. 75–77], а раз таланты произвольны с моральной точки зрения, то нужно это различие уравнять [1. С. 97]. Он развивает мысль дальше и предлагает признавать таланты «общим достоянием» [1. С. 97–98]. Нозик, напротив, считает, что таланты принадлежат людям, которые ими обладают. Каждый человек, если достигает чего-то или что-то получает благодаря своим талантам, *имеет право* на этот объект [2. С. 280–284]. Это приводит оппонентов к совершенно противоположным выводам: Ролз считает, что интеллектуальная собственность должна быть *всеобщим достоянием*, в то время как Нозик считает, что *интеллектуальная собственность – это собственность отдельного лица*, который может использовать и распространять ее по своему усмотрению. Поэтому если частная собственность неприкосновенна, то неприкосновенна и интеллектуальная собственность; именно автор имеет титул собственности на результаты своего труда [2. С. 195, 218, 220, 282].

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-4664.2016.6).

Но если мы разделяем принципы либерального равенства, указывающие в том числе на широкое распространение интеллектуальной собственности и признание ее всеобщим достоянием, то мы с необходимостью столкнемся со следующими проблемами.

Возьмем, к примеру, литературное произведение. Во-первых, кто будет покрывать (и как будут покрываться) издержки на печать книги, если выгода будет распределяться равномерно? Допустим, за вычетом издержек, покрывающих себестоимость продукта, мы получим некоторую прибыль от продажи. Почему она должна распределятся между всеми, если читать этот роман будут не все? Как тогда считать прибыль от продажи? Будем ли мы учитывать спрос, и получится ли в итоге, что книгу можно будет брать бесплатно или с огромной скидкой? Во-вторых, общество как бы принуждает автора к труду, фактически присваивая результаты его труда аналогично налогообложению (Нозик убедительно критикует налоги, называя их разновидностью принудительного труда [2. С. 216–220]).

Если общество присваивает результаты труда автора, то, значит, оно и должно полностью покрывать все издержки этого труда: как необходимые (кисти и холсты, бумагу и печатную краску, печатное устройство, электричество для компьютера, струны, нотные книги и т.п.), так и дополнительные (например, бытовые издержки). То есть абсолютно все издержки, которые автор понесет (или понес) в процессе создания интеллектуального продукта. И только тогда общество может претендовать на его труд и распространять его (идея основывается на принципе компенсации [2. С. 109–115, 128, 87–88]).

Как мы видим, приравнивание интеллектуальной собственности к частной необходимо для справедливого отношения к авторам интеллектуального труда. Именно поэтому нельзя смягчать условия защиты авторского права и законов об интеллектуальной собственности для широкого применения результатов научных и творческих открытий. Необходимо оставить авторам возможность покрывать свои издержки.

Думается, что право интеллектуальной собственности в первую очередь должно способствовать возмещению издержек авторам открытий.. Они могут использовать для этого правила режима частной собственности, т.е. отчуждать свои авторские права на готовые изделия или идеи; они могут применять санкции к нарушителям (например, за плагиат или промышленный шпионаж). Представляется, что процесс защиты интеллектуальной собственности при таком подходе будет способствовать стимулированию других исследований и открытий.

Таким образом, подход к рассмотрению интеллектуальной собственности в контексте социальной справедливости, развиваемый Робертом Нозиком, оказывается наиболее удобным для ответа основным требованиям, предъявляемым к интеллектуальной собственности и справедливости.

НАДЕРЕТ ЛИ НОЗИК ЗАДНИЦУ РОЛЗУ? ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ[1]

Анупам Чендер и Мадхави Сандер

Введение

«Нозик надерет задницу Ролзу». Это заявил Талха Сайед группе ученых, занимающихся вопросами интеллектуальной собственности, которые собрались в небольшом колледже городка Дэвис в Калифорнии на конференции «Интеллектуальная собственность и социальная справедливость» в марте 2006 года [3]. Никто этого утверждения не отрицал.

Роберт Нозик является одним из ведущих интеллектуальных противников распределительной справедливости [4]. В то время как Джон Ролз предложил самую важную на сегодня политическую теорию, оправдывающую эгалитаризм [5]. Таким образом, может показаться, что предположение, что Нозик одолел Ролза, бросает тень на призывы к включению требований социальной справедливости в право интеллектуальной собственности. Как бы там ни было, социальная справедливость в основном воспринимается как нечто, предполагающее наличие обязательств перед малоимущими.

Затмевает ли, в самом деле, господствующее в вопросах интеллектуальной собственности либертарианство Нозика эгалитаризм Ролза? Есть веские основания ответить «нет». От Дохи до Женевы, от Рио-де-Жанейро до Ахмадабада, от Пало-Альто до Нью-Хейвена, от Дэвиса до Копенгагена отдельные индивиды и группы настаивают на том, что интеллектуальная собственность должна служить широкому спектру человеческих целей. Эти города для растущих сетей являются своего рода стартовыми площадками, предназначенными для улучшения распределения интеллектуальной собственности. В 2001 году в Дохе (Катар) государства-члены Всемирной торговой организации заявили, что право интеллектуальной собственности «не препятствует и не должно препятствовать принятию членами-государствами мер по защите здравоохранения» [6]. В 2004 году в Женеве Всемирная организация интеллектуальной собственности попыталась добиться включения вопросов интеллектуальной собственности в «повестку дня» Генеральной Ассамблеи [7]. В 1992 году в Рио-де-Жанейро страны одобрили и подписали Конвенцию о биологическом разнообразии, признающую, что государственный контроль над биологическими ресурсами будет способствовать сохранению биологического разнообразия [8]. Например, в Ахмадабаде (Индия) сетевая компания «Пчелиный мед» (Honey Bee Network) старается на равных условиях делиться с широкими слоями населения местными сельскохозяйственными инновациями [9]. В Пало-Альто родилось «Творческое сообщество» (Creative Commons), которое помогает производителям продвигать свою продукцию через упрощенное лицензирование. В Дэвисе некоммерческая организация «Ведомство государственных ресурсов интеллектуальной собственности для

[1] Перевод с англ. В.С. Клочихиной и В.В. Оглезнева. Перевод выполнен по изданию: *Chander A., Sunder M.* Is Nozick Kicking Rawls's Ass? Intellectual Property and Social Justice // UC Davis Legal Studies Research Paper Series. 2007. Research Paper No. 108. P. 563–579. Публикуется с разрешения авторов.

сельского хозяйства» (Public Intellectual Property Resource in Agriculture) стремится через институт патентов, выдаваемых государственными учреждениями, сформировать удобные патентные фонды для облегчения гуманистического использования сельскохозяйственных культур. В Копенгагене сотрудники креативной команды Суперфлекс (Superflex) помогают фермерам развивающихся стран брендировать свою продукцию в том же стиле, как и большие транснациональные корпорации, в результате чего эти фермеры могут маркировать товарным знаком продукты, которые они производят.

Все это не побочные проявления, не борьба с ветряными мельницами, скорее это конкретные решения реальных мировых проблем, от расширения доступа к медицине и культуре до стимулирования развития экономики и полезных социальных инноваций. Не вся эта деятельность является враждебной интеллектуальной собственности, многие стремятся использовать интеллектуальную собственность для достижения общественных целей.

До сих пор теория интеллектуальной собственности отставала от практики. Но недавние работы по этой теме опровергают заявление, что либертарианство превалирует и над правом интеллектуальной собственности и над учеными-юристами.

Актуальность включения социальной справедливости в область интеллектуальной собственности сегодня обусловлена тремя моментами, два из которых являются технологическими, а третий – юридическим: (1) развитие Интернета, (2) рост биотехнологий и (3) вступление в силу Соглашения по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность (Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights).

Интернет через всевозможные программы (от www и е-мейла до файлообменных серверов) позволяет любому пользователю распространять объекты и предметы интеллектуальной собственности довольно дешево и на большие расстояния. Эти радикальные изменения в технологии распространения интеллектуальных продуктов позволяют надеяться на еще более широкое применение человеческого знания. «Бесконечная библиотека» Борхеса (более известная как «Вавилонская библиотека». – *Прим. пер.*), становится почти возможной, хотя пока не ясно, возродит ли ее Google или консорциум библиотек [10. С. 1207, 1220][1]. В то же время готовность распространять информацию (нарушающую авторские права) привела к принятию законов, предусматривающих уголовную ответственность за обход технологий, которые защищают интеллектуальную собственность, законов, которые могут быть использованы для ограничения распространения информации или ограничения конкуренции [11. С. 160; 12. С. 205, 208; 13. С. 519, 546]. Представление о развитии человечества посредством обмена информацией побудило многих сконцентрироваться на том, как интеллектуальная собственность может препятствовать или способствовать реализации этого представления.

Растущее значение биотехнологий в достижениях сельского хозяйства и медицины все больше вовлекает интеллектуальную собственность в эти сферы. Зеленая революция стала возможной благодаря научным достижени-

[1] Действительно, сегодня это стало возможным: http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/news/jorge-luis-borges-fan-brings-his-infinite-library-to-life-online-10224447.html – *Прим. пер.*

ям в сельском хозяйстве, по большей части независимо от требований интеллектуальной собственности, но сегодняшние открытия будут зависеть от патентуемых (а скорее всего запатентованных) инноваций. С одной стороны, это позволит повысить заинтересованность в проведении исследований с частным финансированием, но, с другой стороны, может помешать продвижению инноваций, которые могли бы навести порядок в уже выданных патентах. Усилия по совершенствованию генетически модифицированного штамма «золотого риса», обогащенного бета-каротином, оказались тщетными, когда было обнаружено, что несколько из семидесяти зарегистрированных патентов были на гены и генные конструкции, уже находившиеся в собственности около тридцати двух компаний и учреждений [14, 15, 16]. Возможно, должно быть хоть немного свободы действий в сферах биотехнологий, по крайней мере, в виде отсутствия разрешений от десятков всемирных организаций.

Третий момент, хотя Соглашение по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность сейчас действует везде, но в менее развитых странах требуются патенты на все: от семян до лекарственных препаратов, делая тем самым право интеллектуальной собственности буквально вопросом жизни или смерти. Парадокс состоит в том, что интеллектуальная собственность, «проникая во все уголки нашей жизни и в наиболее обездоленные уголки современного мира… обнажает хрупкость его экономических основ, усиливая тем самым их социальное и культурное влияние» [17. С. 257, 260]. Сегодня мы знаем, например, что права интеллектуальной собственности не стимулируют создание препаратов для лечения болезней малоимущих и что интеллектуальная собственность не может предложить никаких стимулов для создания таких препаратов, когда в стране не хватает инфраструктуры, необходимой для технологических изменений. Как отмечает профессор Лоуренс Хэлфер, комитет Организации Объединенных Наций недавно признал широкое влияние Соглашения по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность «(1) на передачу технологий развивающимся странам, (2) на последствия от патентов на генно-модифицированные организмы для права на здоровое питание, (3) на биопиратство; (4) на защиту культур коренного населения и (5) на влияние на право на здоровье юридических ограничений доступа к запатентованным фармацевтическим препаратам» [18. С. 971, 985].

В этой части статьи мы попытались обозначить основные аргументы в пользу рассмотрения интеллектуальной собственности через призму социальной справедливости. Далее мы постараемся защитить наше основное положение, которое объяснит, почему мы должны внимательно относиться к социальной справедливости, если хотим установить границы интеллектуальной собственности. В первой части мы рассмотрим работы, касающиеся известной философской дискуссии между Нозиком и Ролзом, показывающей, что нормы эгалитаризма пробиваются сквозь серьезное давление на теорию интеллектуальной собственности. Кто-то возразит. И будет утверждать, что интеллектуальная собственность должна служить одной цели – стимулированию создания культурных и научных продуктов, как того требует рынок. Но проблемы социальной справедливости заключаются в другом, возможно, в вопросах налогообложения и выплаты социальных пособий [19. С. 33]. Во

второй части мы приведем аргументы против такого упрощенного представления о праве интеллектуальной собственности.

1. Аргументы в пользу интеллектуальной собственности и социальной справедливости

По мнению Нозика, социальная справедливость требует, чтобы правительство как можно меньше вмешивалось в частные соглашения, а вместо этого больше времени уделяло бы их защите [4. С. 12, 149]. Нозик выделяет в вопросе о социальной справедливости в отношении собственности три момента: (1) справедливость первоначального приобретения, (2) справедливость последующих обменов и (3) справедливость компенсации за нарушение (1) и (2) [4. С. 151–152]. Касательно первоначального приобретения Нозик в значительной степени следует Джону Локку, признавая за производителями право владеть тем, что они создали, и присваивать то, что никому не принадлежит, при условии, что такое присвоение оставляет «достаточное количество благ» и для других [4. С. 174–178]. Справедливость последующих обменов больше всего походит на свободный рынок. Правительство должно избегать влияния на них или принуждать к обмену (включая налогообложение, которое Нозик приравнивает к принудительному труду). Справедливость компенсации очень проста: возместить потерпевшему причиненный вред.

Для Нозика свобода является базовой ценностью, которую он рассматривает как свободу от государства, в то время как теория Ролза предполагает создание эгалитарного общества, требующего непосредственного участия государства. Политические институты всегда должны стремиться улучшить все плохое в обществе; их успех или неудача зависит от того, как они достигают этой цели. Основное разногласие Ролза с Нозиком заключается в том, как политические институты могли бы защитить частную собственность и свободный договор с минимальным перераспределением.

А. Интеллектуальная собственность и распределительная справедливость

Вопросам распределительной справедливости через призму интеллектуальной собственности посвящено много научных работ. Профессор Уильям Фишер и Талха Сайед в своей впечатляющей статье приводят шокирующий факт, предназначенный для обоснования того, что на глобальном уровне распределительную справедливость следует рассматривать в контексте интеллектуальной собственности:

Каждый год в развивающихся странах примерно девять миллионов человек умирают от инфекционных заболеваний. Большую часть этих смертей можно было бы предотвратить либо путем снижения цен на имеющиеся лекарства, либо путем увеличения ресурсов, выделяемых на создание новых вакцин и методов лечения этих заболеваний [3. С. 583].

Фишер и Сайед обращаются к основному вопросу глобальной распределительной справедливости: почему богатые страны должны тратить на нужды здравоохранения больше, чем бедные? Как и Ролз, они сосредоточены не на «морали индивидуального выбора» (например, давать или не давать), а на «обязанности учреждений» [3. С. 588]. Они рассматривают аргументы «от

исторической справедливости, социальной полезности и деонтологических и телеологических теорий распределительной справедливости» [3. С. 584]. Они приходят к выводу, что каждая из этих философских теорий (от утилитаризма до космополитизма) поддерживает обязательства, связанные со здоровьем от севера до юга.

Фишер и Сайед создают прочную философскую основу для практического предложения Джеймса Лава о том, что по соглашению по НИОКР в области медицины (Medical Research and Development Treaty) развитые страны будут финансировать создание и доставку основных лекарств для лечения СПИДа и других заболеваний в развивающихся странах [20. С. 679, 696–705]. Создатели инноваций как развивающихся, так и развитых стран будут вознаграждены не за счет лицензионных платежей от патентов на свои изобретения, а через премирование за увеличение лечебного эффекта их изобретений по сравнению с имеющимися лекарствами. Джеймс Лав исследует, как возможно перенаправить деньги на исследования в частные R&D фонды, чтобы получить доступ к частным инвестициям.

Профессор Маргарет Чон указывает на то, что основной проблемой распределительной справедливости является определение того, как распределить права на технические знания между производителями и пользователями [21. С. 803, 807]. Принимая во внимание принцип «перевернутой» перспективы Ролза, который учитывает влияние режима глобальной интеллектуальной собственности на тех, кто находится на периферии глобального общества, профессор Маргарет Чон показывает, какой недостаток испытывают беднейшие слои населения в доступе к базовым школьным учебникам. Она утверждает, что право интеллектуальной собственности не должно стоять на пути широкого распространения учебников даже тогда, когда образование нуждается в средствах для компенсации авторских прав на эти учебники.

Профессор Кейт Айоки размышляет о справедливости первоначального приобретения интеллектуальной собственности. Например, «непризнание рабов владельцами патентов» [22. С. 717, 741] подразумевает, что, несмотря на то, что изобретения афроамериканцев могут найти свое применение, находятся те, которые оправдывают отказ в выдаче им патентов по причине того, что им «не хватает требуемого изобретательского мастерства для создания или обладания патентуемыми идеями» [22. С. 742]. Некоторые историки считают, что, например, Эли Уитни мог позаимствовать у рабов идею очистки хлопка. Цель Айоки состоит не в том, чтобы просто предложить устранить несправедливость непризнания авторских прав за афроамериканцами, но рассматривать право интеллектуальной собственности в социальном контексте. Например, Айоки жестко иронизирует над тезисом, что процедура очистки хлопка могла бы продлить экономическую рентабельность рабства, потому что от возрастающего давления рынка эта инновация и возникла [22. С. 745–746]. Точно так же Айоки после демонстрации неспособности закона об авторском праве признать, что блюз придумали афроамериканцы, стремится не к тому, чтобы предоставить индивидуальное право интеллектуальной собственности таким исполнителям, но, скорее, к тому, чтобы предложить режим ограниченной общей собственности, предоставляющий таким исполнителям

возможность свободного заимствования идей друг у друга тогда, когда повысится их рыночная позиция в отношении третьих лиц.

В то время как Айоки описывает общества, которые не получили экономической выгоды от своих изобретений (проблема, с которой сталкивались и Локк, и Нозик), в работе профессора Розмари Кумб, Стивена Шнура и Мошена Ахмеда рассматриваются попытки традиционных обществ превратить в товар их культурные знания [23. С. 891]. Для своей экономической выгоды эти сообщества используют такие инструменты интеллектуальной собственности, как товарные знаки, сертификаты, авторские права, патенты и географические указания. Они изучают, какое место они могут занять на рынке, как им выгоднее продать свои традиции, историю и национальную идею. При этом Кумб и ее соавторы опасаются двух вещей: во-первых, что эта стратегия возлагает большую нагрузку на интеллектуальную собственность, служащую инструментом механизма управления сообществом; и, во-вторых, что эта стратегия может овеществить определенные обычаи или иерархии.

Профессор Шубха Гош предлагает различать реальную общую собственность и общую интеллектуальную собственность [24. С. 855]. В отличие от реальной собственности, которая, по крайней мере сегодня, уже достаточно ясно разграничена, интеллектуальная собственность до сих пор остается неизученной. Это положение дел, считает Гош, непременно должно привести нас к рассмотрению распределительной справедливости, когда мы устанавливаем справедливость между самими создателями интеллектуальной собственности, между создателями и пользователями и между поколениями.

Профессор Энн Бартоу расширяет границы дискуссии – от структуры интеллектуальной собственности до ее применения к социальной справедливости, – обращаясь к практике именования публичных пространств [25. С. 919]. Она утверждает, что практики именования обладают огромным, хотя часто пренебрегаемым, культурным значением. Например, она отмечает, что мы склонны по-разному рассматривать «сообщества, где средняя школа названа именем Роберта Ли, и сообщества, где средняя школа названа именем Мартина Лютера Кинга-младшего» [25. С. 932–933] (этот пример попадает в самую точку: на юридическом факультете Калифорнийского университета в Дэвисе, который расположен в здании имени Мартина Лютера Кинга-младшего, есть исследования, анализирующие наследие Кинга в вопросах социальной справедливости в контексте права). Принимая во внимание культурные последствия таких наименований, она говорит о том, что обычные процессы подбора имен являются недемократичными. Она призывает к прозрачности и ответственности в этом процессе.

Подобно Ролзу и Нозику, многие исследователи имеют глубокие разногласия по поводу того, как сделать эту область права более социально справедливой. Некоторые авторы возражают, или по крайней мере, предостерегают от применения вопросов социальной справедливости к интеллектуальной собственности.

Профессор Роберт Мерджес в своей статье с забавным названием *Locke Remixed ;-)*, предлагает два важных аргумента против перераспределения посредством нелицензионных культурных ремиксов, позицию, которую он связывает с Сандером и Кумб [26. С. 1259]. Его главный аргумент соответствует

Нозику (чья теория первоначального приобретения есть ремикс идеи Локка): производители заслуживают плодов своих трудов, и заставлять их отдавать значительное их количество было бы несправедливо [26. С. 1262]. Его второй аргумент более прагматичен: даже тогда, когда владельцы авторских прав могут иметь законное право остановить ремикс, они чаще всего не пользуются этим правом, возможно, потому, что они не возражают против конкретного их использования или из-за расходов на операции по осуществлению этих прав. Мерджес утверждает, что «культурный ремикс пророс и вырос довольно быстро без каких-либо серьезных изменений для закона об авторских правах» [26. С. 1263; 27].

Первый аргумент Мерджеса основывается на определенной моральной философии и поэтому может быть оспорен теми, кто не разделяет этой философии. Даже если кто-то разделяет мнение Нозика о собственности, мы все равно должны обращать внимание на справедливость первоначального приобретения, поскольку сегодняшние владельцы авторских прав часто используют продукты труда других без выраженного их согласия или компенсации. Другая же трудность, обозначенная самим Нозиком, заключается в том, где мы устанавливаем границы права собственности, которое вытекает из чьего-либо труда. Нозик задается вопросом, если я вылил свою банку томатного сока в океан, станет ли океан моим? Эта критика становится особенно резкой в контексте ремиксов идей, где необходимо правильно определить объем произведенной работы каждого; в конце концов, создание ремиксов такая же тяжелая работа, как и работа по созданию оригинальной идеи. Где должен заканчиваться оригинальный авторский надзор? Локковская теория управления может предоставить гораздо больше прав, чем чисто стимульно-управляемый расчет; это может обеспечить создателей стимулами, выходящими далеко за пределы необходимой для создания мотивации. Но полагаться на оговорку Локка об установлении границ – значит рассуждать слишком абстрактно и неопределенно.

Второй аргумент Мерджеса о том, что ремиксеры даже без законных прав делают свою работу хорошо потому, что владельцы авторских прав отказались от своих претензий из великодушия или по практическим соображениям, можно развернуть в другую сторону: если правилом было установлено иное, предоставляя больше прав на ремиксы третьим лицам, то, возможно, «доброта других» [26. С. 1264] продолжила бы фонтанировать, но уже в обратном направлении.

В. Интеллектуальная собственность и права человека

Хелфер утверждает, что права человека и интеллектуальная собственность развернулись навстречу друг к другу так, что их язык и требования стали пересекаться [18. С. 975]. Он предлагает три возможных будущих варианта переплетения прав человека и интеллектуальной собственности. Во-первых, владельцы интеллектуальной собственности могут использовать права человека для расширения своих требований к интеллектуальной собственности, сегодня основывающихся на фундаментальных правах человека. Во-вторых, страны могут использовать права человека для того, чтобы налагать внешние ограничения на интеллектуальную собственность, устанавливая

«внешние границы или максимальные стандарты защиты правообладателей» [18. С. 1017]. В-третьих, политики могли бы стремиться к достижению прав человека с помощью средств интеллектуальной собственности (т.е. признавая, что интеллектуальная собственность может либо помочь, либо навредить отдельным попыткам удовлетворить минимальные человеческие потребности).

Профессор Кэл Раустиала предлагает отрезвляющее вмешательство, высказывая сомнение, «способно ли, в конечном счете, введение концепции прав человека сделать международное право интеллектуальной собственности более социально справедливым или просто более могущественным» [28. С. 1021, 1023–1024]. Мы поговорим об этом во второй части нашей статьи.

Профессор Питер Ю пересматривает историю положений об интеллектуальной собственности во Всеобщей декларации прав человека и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах [29. С. 1039, 1047–1070]. Он утверждает, что «необходимо четко определить, какие атрибуты права интеллектуальной собственности будут квалифицироваться как права человека и какие свойства или формы этих прав должны быть подчинены обязательствам в сфере прав человека, имея в виду отсутствие у них какой-либо правовой основы» [29. С. 1128]. Такое ясное определение показало бы, что права на интеллектуальную собственность, даже если они задуманы как права человека, не являются абсолютными, но должны находиться в балансе с другими, возможно, фундаментальными, правами человека.

С. Авторские права, творчество и каталоги

Отмечая отсутствие теорий культурного творчества, казалось бы, центрального вопроса авторского права, профессор Джулия Коэн начинает многообещающе витиевато рассказывать историю о том, как мы творим [30. С. 1151, 1190–1192]. Она рассматривает творчество (по словам профессора Лесли Курца) в терминах «внутреннего вознаграждения, творческой игры, интуитивной прозорливости, взаимного обогащения и неопределенной свободы видеть то, что произойдет, не зная об этом заранее» [31. С. 1233, 1244]. Закон об авторском праве, утверждает Коэн, должен стремиться не просто к стимулированию создания более творческих товаров, но к облегчению условий для творчества, включая главную возможность «играть» [30. С. 1190].

Поисковая система книг Google, обещая усилить такую игру со словами, начала оцифровывать коллекции самых больших библиотек мира и делать их общедоступными: в сокращенном виде – книги, защищенные авторским правом, и в полном виде – книги, являющиеся общественным достоянием. Но профессор Шива Вайдхайнатан опасается, что система защиты Google от недобросовестного использования этих копий не сработает и что такой неблагоприятный прецедент может навредить похожим проектам некоммерческих библиотек [10. С. 1230]. Библиотеки, по его мнению, должны быть публичными, а не частными проектами. Вайдхайнатан, преподающий на педагогическом факультете Нью-Йоркского университета, не доверяет Google как библиотеке, содержащей все человеческие знания.

Курц и профессор Молли Ван Ховелинг изящно обобщают выводы Коэна и Вайдхайнатана. Ван Ховелинг обеспокоен тем, что при переходе от физи-

ческих к виртуальным библиотекам многое может утратиться, включая физический контакт людей со стеллажами книг [32. С. 1253, 1257].

Обсуждая описание Коэном игривой, непредсказуемой и имеющей культурные вкрапления природы творчества, Курц заключает: «Если авторское право стимулирует творчество, то нельзя жестко ограничивать возможность доступа и использования культурных ценностей» [31. С. 1244]. Курц более оптимистична, чем Вайдхайнатан, в отношении проекта библиотеки Google, как с точки зрения права, так и с точки зрения социальной справедливости. Она утверждает, что у Google «должна быть система защиты от недобросовестного использования» в первую очередь для того, чтобы «проект не навредил никому из участников рынка издательских услуг» [31. С. 1249]. Она также считает, что Google предлагает «полезный исследовательский инструмент», особенно тем, кто находится далеко от мировых интеллектуальных центров, позволяя каждому, у кого есть доступ в Интернет, «работать с самыми различными материалами» [31. С. 1250–1251].

2. Почему социальную справедливость следует рассматривать в контексте интеллектуальной собственности?

Право интеллектуальной собственности задумано человеком для решения фундаментальных проблем информационной экономики: без защиты интеллектуальной собственности готовность воспроизводить информацию ставит под сомнение желание ее создавать. Некоторые исследователи интеллектуальной собственности, которых условно можно назвать «оригиналистами интеллектуальной собственности» [17. С. 330], вооруженные этой экономической прозорливостью и поддерживаемые конституционным предписанием «поощрять развитие наук и полезных искусств» [33], всецело преданы основной задаче интеллектуальной собственности – стимулированию производства информации [34. С. 1031]. Поэтому они будут сопротивляться любому призыву расширить значение интеллектуальной собственности до значений, составляющих социальную справедливость.

А. Широкий взгляд на значение интеллектуальной собственности

Здесь мы будем отстаивать позицию, что представление об интеллектуальной собственности как предназначенной лишь для производства информационных продуктов является слишком узким. Мы предложим набор аргументов в пользу широкого понимания значений, объясняющих и задающих структуру права интеллектуальной собственности.

Стимулирование инноваций. Даже если мы заинтересованы исключительно в стимулировании инноваций, то не заинтересованы ли мы в том, какую именно инновацию мы стимулируем? Имеет ли значение то, что режим интеллектуальной собственности не может стимулировать создание препаратов для лечения заболеваний беднейших слоев населения? [3. С. 583; 20. С. 696–705] Несмотря на то, что некоторые правительства предпочитают официально оставаться технологически нейтральными, тем не менее они чаще стремятся стимулировать по большей части социально полезные изобретения. В деле *Metro-Goldwyn-Mayer Studios, Inc. v. Grokster, Ltd.* Верховный

суд США установил, что правило, поддерживающее развитие одних инноваций, может при этом ограничивать развитие других: «Чем больше оказывается внимания защите искусства, тем больше возникает затруднений в развитии технологических инноваций…» [35].

Обеспечение оснований для ограничения требований интеллектуальной собственности. Нацеленность на стимулирование творчества может привести к максималистским требованиям интеллектуальной собственности. Единственное ограничение на интеллектуальную собственность могло бы быть обнаружено (1) в требовании, что дополнительные права интеллектуальной собственности не являются необходимыми для стимулирования творчества и (2) в ситуации, когда расширение прав интеллектуальной собственности будет препятствовать творчеству других. Широкий спектр человеческих потребностей должен помочь сдержать максималистские требования интеллектуальной собственности.

Низвержение целевой потребности не предполагает невнимания к другим потребностям. Тот факт, что правовой режим может быть создан для одной цели, не должен означать, что следует игнорировать его применение к другим целям. Государство наращивает армию для обеспечения защиты от вторжения на свою территорию других государств. В то же время государство может использовать армию и для решения внутренних проблем. Это может вызвать необходимость установления границ применения армией силы (например, установление запрета пыток или сексуальных домогательств), эти ограничения происходят не из самообороны, но по причине других моральных соображений. Аналогичным образом факт, что право интеллектуальной собственности может быть установлено по инструментальным причинам, не означает, что, когда мы устанавливаем его границы, другие цели не следует рассматривать. Более того, мы могли бы рассматривать стимулирующие причины даже в качестве первоочередных, но все равно важность других целей нельзя не учитывать.

Перераспределять через налогообложение неправильно. Те, кто не одобряет задачи социальной справедливости для развития интеллектуальной собственности, необязательно противопоставляют себя социальной справедливости. Зачастую они просто склонны считать, что наилучшей площадкой для обсуждения этих проблем является налогообложение. Но ожидание того, что мы в ближайшее время разберемся с режимом перераспределения налогов, выглядит совсем нереалистичным [19]. Более того, зачем нам усугублять эти недостатки через постулирование того, что система интеллектуальной собственности не признает равенства [36. С. 715; 37. С. 1331], если с ними можно было бы разобраться через систему налогообложения?

Необязательно расширять право интеллектуальной собственности на глобальном уровне. Становится все сложнее настаивать на одном-единственном максимизируемом факторе права интеллектуальной собственности, даже сложнее, чем навязывать западное право интеллектуальной собственности развивающимся странам. Узкая направленность на стимулирование инноваций через право интеллектуальной собственности не в состоянии отличить способности к инновациям от, что более важно, способностей к их коммерциализации. Такие способности могут быть ограничены либо не-

большими размерами внутренних рынков, либо отсутствием государственного финансирования исследований и разработок [37. С. 1351–1354]. Более того, глобальное расширение права интеллектуальной собственности не связано с возрожденной приверженностью к глобальному развитию. Бюджеты иностранной помощи остаются в основном на прежнем уровне или сокращаются, вряд ли это позволит компенсировать затраты на крупные лицензионные платежи, и сегодня благодаря Соглашению по торговым аспектам прав на интеллектуальную собственность это происходит повсеместно [38].

Акцент на целенаправленности не годится для других областей права. Право собственности, как большинство или, возможно, как все другие области права, не имеет подобного акцента на целенаправленности. Например, понятие права собственности на землю имеет множество значений, но является при этом справедливым и емким.

Сложно обосновать лицензионное использование охраняемого авторским правом материала, если интеллектуальная собственность ограничивается стимулированием. За интеллектуальной собственностью уже давно скрывается несколько значений, как, например, в первой поправке к Конституции США скрывается требование лицензирования. Недавние попытки реконструировать доктрину лицензионного использования в качестве ответа на вынужденные операционные издержки, вызванные обрушением рынка [39. С. 1600, 1627–1630], поставили эту доктрину под угрозу. Поскольку затраты на установление владельцев авторских прав и переговоры об уменьшении стоимости лицензий являются результатом распространения электронных информационных сетей, рынки вполне могут превратить лицензионное использование в использование за определенные деньги, ставя первое под сомнение. Широкое понимание значения интеллектуальной собственности могло бы обосновать необходимость лицензионного использования на фоне технологического износа.

Теория отстает от практики. Кажется, теоретики, предпочитая стимулирование, не замечают, что право интеллектуальной собственности уже наполнено проблемами многозначности. Так, судья Давид Сутер недавно заявил на заседании Верховного суда США, что «надо помнить, что следует воздерживаться от посягательств на обычные рыночные отношения» [35] – эта позиция выходит за рамки простого стимулирования производства. Признание того, что в нашей теоретической схеме интеллектуальная собственность обладает множеством значений, позволит разумно объяснить это право собственности.

B. Критика социальной справедливости

Здесь мы рассмотрим три критических замечания против нашего подхода.

Чьи значения мы отстаиваем? Многие опасаются того, что наш подход будет представлять собой что-то вроде юридической академии, воспитывающей платоновских правителей. Как мы устанавливаем множественность значений, которые следует рассмотреть? И чьи это значения: Ролза, Нозика или кого-то еще? [40, 41]

Но мы даже и не думали о том, чтобы предлагать какую-то определенную телеологию для интеллектуальной собственности. Скорее, это – задача демо-

кратии. Господствующая политика будет определять значения интеллектуальной собственности, точно так же как раньше считалось, что настоящим правом является лишь право собственности.

Судьи, конечно, будут принимать много подобных решений, и поэтому, как считают представители правового реализма, правосознание судьей будет играть важную роль в определении права интеллектуальной собственности. И даже Биккел[1] не нашел никаких подтверждений того, что судебное решение, принятое на основе общего права, является недемократичным. У него были претензии к решениям в порядке конституционного надзора [42. С. 1193, 1194–1195].

Слишком сложно. Введение дополнительных значений в анализ интеллектуальной собственности значительно усложняет этот анализ. Но в нашем случае эта усложнение необходимо, чтобы прийти к правильному выводу. *Сужение анализа приведет к упрощению, а это, в свою очередь, приведет к неправильному ответу*. Упрощение гипотезы полезно лишь тогда, когда она не приводит к недействительным результатам. Экономика не должна наносить вред достижению справедливости.

Угроза всеобщему достоянию. Ученые, занимающиеся вопросами интеллектуальной собственности, предприняли героические усилия против ограничения доступа к информации, являющейся всеобщим достоянием. Многие опасаются того, что расширение нашего понимания интеллектуальной собственности будет способствовать укреплению максималистских требований к интеллектуальной собственности. Как пишет Раустиала, «введение языка прав человека в политические дискуссии об интеллектуальной собственности может… усилить влияние» требований к интеллектуальной собственности [28. С. 1032]. Раустиала понимает, что многие считают «несправедливой систему, при которой рафинированные продукты, основанные на традиционных знаниях и генетических ресурсах, защищаются международным правом интеллектуальной собственности, в то время как сами эти традиционные знания и ресурсы не защищаются» [28. С. 1033]. Но он опасается того, что основанные на правах человека требования к интеллектуальной собственности «еще сильнее отдалят ее от общедоступного», что приведет к удушению инноваций [28. С. 1033]. Он предупреждает, что «риск заключается в том, что язык и политика прав человека, проникая в язык и политику права интеллектуальной собственности, приведут к тому, что правительству будет все сложнее противостоять сладкозвучным песням тех, кто стремится к все бо́льшим правомочиям» [28. С. 1037].

До тех пор, пока мы принимаем во внимание это предостережение, мы считаем, что права человека – это основной источник *ограничения* интеллектуальной собственности, а не его расширения. Например, аргументы в пользу доступа к лекарственным средствам (и обязательным лицензионным программам, которые они часто подразумевают) основываются, как правило, не на требованиях авторства, но на стремлении к расширению человеческих возможностей. Профессор Ю обсуждает дело *Ashdown v. Telegraph Group Ltd.*

---

[1] Александр Мордекай Биккель (1924–1974) – профессор права и специалист в области конституционного права США. – *Прим. пер.*

[43], в котором Апелляционный суд Англии для того, чтобы установить обязательность получения газетой Дейли Телеграф разрешения на публикацию заметок о тайных встречах лорда Эшдауна с премьер-министром Тони Блэром, несмотря на заявления, что это будет нарушать издательское право, сделал ссылку на право в области прав человека [29. С. 1096–1099]. Таким образом, аргументы о правах человека могут быть использованы для отказа от продвижения интеллектуальной собственности, предлагая обоснования для его ограничения.

Действительно, наш аргумент может использоваться не для сокращения того, что не защищено авторским правом, но для его расширения. Признание многообразия значений, лежащих в основе интеллектуальной собственности, должно привести нас к выделению определенных прав на интеллектуальные продукты, а не к их консервации. Напомним, что новые подходы к собственности (как индивидуальной, так и общей), повышают наши способности объяснять и оправдывать законные ограничения собственности даже тогда, когда они предназначались для укрепления прав собственника. Тем не менее остаются опасения, что обладать правами, предназначенными для оказания помощи беднейшим слоям населения, будут, скорее всего, те, кто уже находится у власти.

Более того, любые попытки проведения каких-либо правовых реформ, даже в отношении того, что общедоступно, рискованны сами по себе. Также мы утверждали, что кампания по сохранению общедоступного, которая может называться по-разному, фактически будет выгодной лишь для власть имущих, которые имеют прекрасную возможность быстро присвоить общедоступные идеи и товары и использовать их в собственных целях [37. С. 1340–1341]. Мы считаем, что режим интеллектуальной собственности, ясно признающий и противостоящий этим социальным и культурным влияниям, наиболее всего приспособлен для решения этих проблем.

Заключение

Ни одна из сфер деятельности человека не является неуязвимой перед требованиями социальной справедливости. Интеллектуальная собственность, как и право собственности, задает структуру социальных отношений и имеет огромное социальное влияние. Часто можно услышать, что XXI век станет веком Знаний и Развития, и право интеллектуальной собственности поможет сформулировать возможности и способности человека этой эпохи.

И Ролз, и Нозик пытались разработать принципы наиболее справедливого общества. Теории интеллектуальной собственности не могут игнорировать их дискуссии, поскольку интеллектуальная собственность, действительно, в них присутствует [4. С. 141]. Современные авторы для того, чтобы понять интеллектуальную собственность, используют философию, социологию, экономическую теорию благосостояния, культурные исследования, феминистскую теорию и теорию коммуникации. Выходя далеко за пределы узкого, основанного на экономических стимулах, подхода, они наглядно показывают, что сегодня для изучения интеллектуальной собственности необходим широкий диапазон значений и подходов. Интеллектуальная собственность упорядочивает производство и распространение информации, поэтому размышле-

ния о социальной справедливости не могут находиться на периферии такой основной человеческой конструкции.

Литература

1. *Ролз Дж.* Теория справедливости / пер. с англ. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.

2. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера; под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008.

3. *Fisher W.W., Syed T.* Global Justice in Health Care: Developing Drugs for the Developing World // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 581–678.

4. *Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. Oxford: Blackwell Publishers, 1974.

5. *Rawls J.* A Theory of Justice. Revised Edition. Harvard University Press, 1999.

6. *Всемирная* торговая организация, приказ министерства от 14 ноября 2001.

7. *Доклад* Всемирной организации интеллектуальной собственности, сессия № 31 Генеральной Ассамблеи ООН, октябрь 2004.

8. Ст. 15 Конвенции о биологическом разнообразии от 5 июня 1992 года.

9. *Honey* Bee Network, What is Honeybee? http://knownetgrin.honeybee.org/honeybee.html

10. *Vaidhyanathan S.* The Googlization of Everything and the Future of Copyright // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1207–1232.

11. *Lessig L.* Free Culture. How Big Media Uses Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity. New York: The Penguin Press, 2004.

12. *Chander A.* Exporting DMCA Lockouts // Cleveland State Law Review. 2006. Vol. 54. P. 205–217.

13. *Samuelson P.* Intellectual Property and the Digital Economy: Why the Anti-Circumvention Regulations Need to Be Revised // The Berkeley Technology Law Journal. 1999. Vol. 14. P. 1–49.

14. *Kryder R.D., Kowalski S.P., Krattiger A.F.* The Intellectual and Technical Property Components of pro-Vitamin A Rice (GoldenRiceTM): A Preliminary Freedom-To-Operate Review. ISAAA Briefs No. 20. 2000. ISAAA: Ithaca, NY. URL: http://lsr.nellco.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1007&context=piercelaw/facseries.

15. *Greenpeace*, All That Glitters Is Not Gold: The False Hope of Golden Rice, May 2005. URL: http://www.greenpeace.org/raw/content/international/press/reports/all-that-glitters-isnot-gold.pdf

16. *Shiva V.* The “Golden Rice” Hoax: When Public Relations Replaces Science. URL: http://online.sfsu.edu/~rone/GEessays/goldenricehoax.html

17. Sunder M. IP3 // Stanford Law Review. 2006. Vol. 59. P. 257–332.

18. *Helfer L.R.* Toward a Human Rights Framework for Intellectual Property // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 971-1020.

19. *Kaplow L., Shavell S.* Fairness Versus Welfare. Harvard University Press, 2002.

20. *Love J.* Measures to Enhance Access to Medical Technologies, and New Methods of Stimulating Medical R&D // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 679–715.

21. *Chon M.* Intellectual Property “from Below”: Copyright and Capability for Education // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 803–854.

22. *Aoki K.* Distributive and Syncretic Motives in Intellectual Property Law (with Special Reference to Coercion, Agency, and Development) // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 717–801.

23. *Coombe R.J., Schnoor S., Ahmed M.* Bearing Cultural Distinction: Informational Capitalism and New Expectations for Intellectual Property // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 891–917.

24. *Ghosh S.* The Fable of the Commons: Exclusivity and the Construction of Intellectual Property Markets // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 855–890.

25. *Bartow A.* Trademarks of Privilege: Naming Rights and Physical Public Domain // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 919–970.

26. *Merges R.* Locke Remixed ; -) // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1259–1273.

27. *Chander A., Sunder M.* Everyone’s a Superhero: A Cultural Theory of Mary Sue Fan Fiction as Fair Use // California Law Review. 2007. Vol. 95. P. 597–626.

28. *Raustiala K.* Density and Conflict in International Intellectual Property Law // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1021–1038.

29. *Yu P.K.* Reconceptualizing Intellectual Property Interests in a Human Rights Framework // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1039–1149.

30. *Cohen J.E.* Creativity and Culture in Copyright Theory // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1151–1205.

31. *Kurtz L.A.* Copyright and the Human Condition // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1233–1252.

32. *Van Houweling M.S.* Bumping Around in Culture: Creativity, Spontaneity, and Physicality in Copyright Policy // UC Davis Law Review. 2007. Vol. 40. P. 1253–1257.

33. *Конституция* США. Ст. I, § 8, ч. 8.

34. *Lemley M.A.* Property, Intellectual Property, and Free Riding // Texas Law Review. 2005. Vol. 83. P. 1031–1075.

35. *Metro*-Goldwyn-Mayer Studios, Inc. v. Grokster, Ltd., 125 S. Ct. 2764, 2775 (2005).

36. *Chander A.* The New, New Property // Texas Law Review. 2003. Vol. 81. P. 715–798.

37. *Chander A., Sunder M.* The Romance of the Public Domain // California Law Review. 2004. Vol. 92. P. 1331–1373.

38. *Commission* On Intellectual Property Rights, U.K. Secretary Of State For International Development, Integrating Intellectual Property Rights And Development Policy 21 (2002): http://www.iprcommission.org/graphic/documents/final_report/CIPRfullfinal.pdf.

39. *Gordon W.J.* Fair Use as Market Failure: A Structural and Economic Analysis of the Betamax Case and Its Predecessors // Columbia Law Review. 1982. Vol. 82. P. 1600–1657.

40. *Ackerman B.A.* Social Justice in the Liberal State. New Haven: Yale University Press, 1980.

41. *Barry B.* Why Social Justice Matters. Cambridge: Polity Press, 2005.

42. *Chander A.* Globalization and Distrust // Yale Law Journal. 2005. Vol. 114. P. 1193–1236.

43. *Ashdown V.* Telegraph Group Ltd. [2002] EWCA (Civ) 1142, [2001] W.L.R. 967 (Eng.).

Ogleznev Vitaly V. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/31

Klochikhina Veronika S. –Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/31

INTELLECTUAL PROPERTY AND SOCIAL JUSTICE: ROBERT NOZICK *VERSUS* JOHN RAWLS

Keywords: intellectual property, social justice, copyright law, private property, Robert Nozick, John Rawls

This essay presents the overview and analysis of the discussion between Robert Nozick and John Rawls that is stated in the article “Is Nozick Kicking Rawls’s Ass? Intellectual Property and Social Justice” written by Anupan Chander and Madhavi Sunder, American intellectual property law scholars. The translation of these articles is published in the present number. Is the libertarian vision of Nozick in ascendance in intellectual property, overshadowing Rawls’s egalitarianism? Yes, and rightly so, some intellectual property scholars suggest. They argue that intellectual property law seeks to solve a fundamental problem of information economics: without intellectual property protections, the ready duplicability of information undermines incentives to create information. Armed with this economic insight and fortified a neo-liberal faith that markets with well-defined property rights in information will best promote liberty, these scholars would keep intellectual property’s focus single-minded: to incentivize the production of information. The authors argue that this view is too narrow. A variety of societal goals must inform intellectual property law because (1) understanding intellectual property’s impact on a variety of social values helps us restrain maximalist intellectual property demands; (2) relying on the tax and welfare systems to remedy any resulting distributional deficiencies is unrealistic; (3) the reason for existence of Western intellectual property laws is not necessarily globally scalable because of varying capacities to innovate; (4) we must attend to the kind of innovation that law spurs (for example, does the existing regime adequately incentivize the discovery of treatments for poor people’s diseases?); and (5) we can best understand fair use doctrine not just as market failure but as an important component of free speech.

References

1. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

2. Nozick, R. (2008) *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State and Utopia]. Translated from English by B. Pinsker. Moscow: IRISEN.

3. Fisher, W.W. & Syed, T. (2007) Global Justice in Health Care: Developing Drugs for the Developing World. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 581–678.

4. Nozick, R. (1974) *Anarchy, State and Utopia*. Oxford: Blackwell Publishers.

5. Rawls, J. (1999) *A Theory of Justice*. Revised Edition. Harvard University Press.

6. Ministry of Economic Development. (2001) *Vsemirnaya torgovaya organizatsiya, prikaz ministerstva ot 14 noyabrya 2001* [World Trade Organization, Order of the Ministry of November 14, 2001].

7. UN General Assembly. (2004) *Doklad Vsemirnoy organizatsii intellektual'noy sobstvennosti, sessiya № 31 General'noy Assamblei OON, oktyabr' 2004* [Report of the World Intellectual Property Organization, Session 31 of the UN General Assembly in October].

8. UNO. (1992) *St. 15 Konventsii o biologicheskom raznoobrazii ot 5 iyunya 1992 goda* [Convention on Biological Diversity, Art. 15 of June 5, 1992].

9. Honey Bee Network. (n.d.) *What is Honeybee?* [Online] Available from: http://knownetgrin.honeybee.org/honeybee.html/

10. Vaidhyanathan, S. (2007) The Googlization of Everything and the Future of Copyright. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1207–1232.

11. Lessig, L. (2004) *Free Culture. How Big Media Uses Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity*. New York: The Penguin Press.

12. Chander, A. (2006) Exporting DMCA Lockouts. *Cleveland State Law Review*. 54. pp. 205–217.

13. Samuelson, P. (1999) Intellectual Property and the Digital Economy: Why the Anti-Circumvention Regulations Need to Be Revised. *The Berkeley Technology Law Journal*. 14. pp. 1-49.

14. Kryder, R.D., Kowalski, S.P. & Krattiger, A.F. (2000) The Intellectual and Technical Property Components of pro-Vitamin A Rice (GoldenRiceTM): A Preliminary Freedom-To-Operate Review. *ISAAA Briefs*. 20. [Online] Available from: http://lsr.nellco.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1007&context=piercelaw/facseries.

15. Greenpeace. (2005) *All That Glitters Is Not Gold: The False Hope of Golden Rice*. [Online] Available from: http://www.greenpeace.org/raw/content/international/press/reports/all-that-glitters-isnot-gold.pdf.

16. Shiva, V. (n.d.) *The "Golden Rice" Hoax: When Public Relations Replaces Science*. [Online] Available from: http://online.sfsu.edu/~rone/GEessays/goldenricehoax.html.

17. Sunder, M. (2006) IP3. *Stanford Law Review*. 59. pp. 257–332.

18. Helfer, L.R. (2007) Toward a Human Rights Framework for Intellectual Property. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 971–1020.

19. Kaplow, L. & Shavell, S. (2002) *Fairness Versus Welfare*. Harvard University Press.

20. Love, J. (2007) Measures to Enhance Access to Medical Technologies, and New Methods of Stimulating Medical R&D. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 679–715.

21. Chon, M. (2007) Intellectual Property "from Below": Copyright and Capability for Education. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 803–854.

22. Aoki, K. (2007) Distributive and Syncretic Motives in Intellectual Property Law (with Special Reference to Coercion, Agency, and Development). *UC Davis Law Review*. 40. pp. 717–801.

23. Coombe, R.J., Schnoor, S. & Ahmed, M. (2007) Bearing Cultural Distinction: Informational Capitalism and New Expectations for Intellectual Property. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 891–917.

24. Ghosh, S. (2007) The Fable of the Commons: Exclusivity and the Construction of Intellectual Property Markets. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 855–890.

25. Bartow, A. (2007) Trademarks of Privilege: Naming Rights and Physical Public Domain. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 919–970.

26. Merges, R. (2007) Locke Remixed. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1259–1273.

27. Chander, A. & Sunder, M. (2007) Everyone's a Superhero: A Cultural Theory of Mary Sue Fan Fiction as Fair Use. *California Law Review*. 95. pp. 597–626.

28. Raustiala, K. (2007) Density and Conflict in International Intellectual Property Law. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1021–1038.

29. Yu, P.K. (2007) Reconceptualizing Intellectual Property Interests in a Human Rights Framework. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1039–1149.

30. Cohen, J.E. (2007) Creativity and Culture in Copyright Theory. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1151–1205.

31. Kurtz, L.A. (2007) Copyright and the Human Condition. *UC Davis Law Review*. 40. pp. 1233–1252.

32. Van Houweling, M.S. (2007) Bumping Around in Culture: Creativity, Spontaneity, and Physicality in Copyright Policy. *UC Davis Law Review.* 40. pp. 1253–1257.

33. *The Constitution of the United States*. Art. I, § 8, Part 8.

34. Lemley, M.A. (2005) Property, Intellectual Property, and Free Riding. *Texas Law Review.* 83. pp. 1031–1075.

35. *Metro-Goldwyn-Mayer Studios, Inc. v. Grokster, Ltd.*, 125 S. Ct. 2764, 2775 (2005).

36. Chander, A. (2003) The New, New Property. *Texas Law Review.* 81. pp. 715–798.

37. Chander, A. & Sunder, M. (2004) The Romance of the Public Domain. *California Law Review.* 92. pp. 1331–1373.

38. *Commission On Intellectual Property Rights, U.K. Secretary Of State For International Development, Integrating Intellectual Property Rights And Development Policy 21 (2002).* [Online] Available from: http://www.iprcommission.org/graphic/documents/final_report/CIPRfullfinal.pdf.

39. Gordon, W.J. (1982) Fair Use as Market Failure: A Structural and Economic Analysis of the Betamax Case and Its Predecessors. *Columbia Law Review.* 82. pp. 1600–1657.

40. Ackerman, B.A. (1980) *Social Justice in the Liberal State*. New Haven: Yale University Press.

41. Barry, B. (2005) *Why Social Justice Matters*. Cambridge: Polity Press.

42. Chander, A. (2005) Globalization and Distrust. *Yale Law Journal.* 114. pp. 1193–1236.

43. Ashdown, V. (2002) *Telegraph Group Ltd. [2002] EWCA (Civ) 1142, [2001] W.L.R. 967*.

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

№ УДК 1
DOI: 10.17223/1998863X/36/39

Д.Б. Волков

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Д. ПЕРЕБУМА «СВОБОДА ВОЛИ, АГЕНТ И СМЫСЛ ЖИЗНИ»

Представлен обзор и критический анализ книги Д. Перебума «Свобода воли, агент и смысл жизни» (2014). Перебум – один из главных представителей инкомпатибилистской позиции. В статье представлена попытка опровергнуть его основной аргумент – «Аргумент манипуляций из 4-х стадий».
Ключевые слова: *аргумент манипуляций, Д. Перебум, свобода воли, моральная ответственность.*

Проблема свободы воли является традиционной в философских исследованиях. Важное место она занимает и в работе современных аналитических философов. Это обусловлено тем, что возможность свободного действия и свободы воли кажется концептуально связанной с представлением о моральной ответственности и особым статусом личности. Именно поэтому вопрос о свободе воли так важен, и споры о решениях его не угасают до сих пор. Классические позиции по вопросу свободы воли представлены в современности. Среди аналитиков XXI века есть детерминисты (те, кто считают, что все события в мире детерминированы) и индетерминисты (те, кто с этим не согласны), компатибилисты (те, кто считают детерминизм совместимым со свободой воли и моральной ответственностью) и инкомпатибилисты (они считают детерминизм несовместимым со свободой). Но, несмотря на внешнюю схожесть классических и современных позиций, можно обнаружить существенный прогресс в философской аргументации. Этот прогресс сделан, в частности, благодаря американскому философу, профессору университета Корнел Д. Перебуму. Он разрабатывает новые аргументы в пользу *твердого инкомпатибилизма* – позиции, согласно которой свобода воли в некотором важном смысле не существует, так как она не совместима ни с детерминизмом, ни с индетерминизмом. Эта позиция отчасти сходна с классическим «жестким детерминизмом» (её занимал, например, Спиноза). Отличие в том, что сторонники «жесткого детерминизма» были уверены в детерминированности окружающего мира, а «жесткие инкомпатибилисты» в этом отношении остаются агностиками. Наиболее подробно теория Перебума изложена в его последней работе на эту тему «Свобода воли, агент и смысл жизни» (Free will, agency and the meaning of life. 2014) [1]. В этой монографии автор улучшает и детализирует теорию, которую он уже представлял ранее в книге «Жизнь без свободы воли» (2001) [2]. Содержание обновленной теории Перебума и его новую книгу можно разделить на две смысловые части.

Первая часть, четыре первые главы, представляет собой *доказательство инкомпатибилизма* – несовместимости свободы воли и моральной ответственности с детерминизмом и индетерминизмом. Для целей исследования философ выделяет специфический тип ответственности – ответственность в смысле *базовой заслуги* (basic desert). Базовая заслуга – это основание для осуждения или похвалы агента при одном только условии, что агент, совершивший действие, понимает его моральное значение. Это основание достаточно само по себе и не связано с соображениями о последствиях осуждения и похвалы. По мнению Перебума, детерминизм может не совмещаться только с этим типом ответственности. Совместимость других типов ответственности не подвергается им сомнению. Анализ совместимости ответственности в смысле базовой заслуги с детерминизмом он начинает с исследования *принципа альтернативных возможностей*.

Некоторые философы считают, что именно отсутствие альтернативных возможностей в детерминированном мире подрывает основы ответственности. Однако в ходе исследования автор определяет, что альтернативные возможности не имеют значения для базовой заслуги. Этот вывод продиктован *примерами Г. Франкфурта*, другого американского философа, занимавшегося проблемой. Примеры Франкфурта показывают, что человек может быть ответственным за поступки даже, если действует без альтернатив. Перебум защищает идеи Франкфурта от критиков и придумывает свой собственный усовершенствованный пример в том же духе – «Случай с уклонением от уплаты налогов». На основании этих рассуждений Перебум делает вывод, что отсутствие альтернативных возможностей в детерминистическом мире не может быть основанием для отсутствия ответственности в смысле базовой заслуги. Однако может существовать другое основание несовместимости. Чтобы действие было ответственным в смысле базовой заслуги, необходимо чтобы агент, производивший действие, был *источником действия в конечном счете*. Иными словами, причины действий агента должны быть под его контролем. Но возможно ли реализовать такое условие в детерминистическом мире?

Перебум считает, что в детерминистическом мире агенты не могут быть источником действий в конечном счете. Он доказывает это с помощью собственного аргумента, *аргумента манипуляций из 4 стадий*. В самом общем смысле этот аргумент демонстрирует, что действия, произведенные в детерминистическом мире и определенные не контролируемыми агентом факторами, ничем не отличаются от действий, в которых агентом манипулируют. Манипуляции лишают агента свободы и ответственности. Следовательно, лишают агента ответственности и обстоятельства детерминирующего мира. Поэтому детерминизм не совместим с ответственностью и свободой. При этом с ответственностью и свободой, по мнению Перебума, не совместим и индетерминизм. Он демонстрирует это в главах, посвященных *критике либертарианства*.

В предыдущей книге «Жизнь без свободы воли» (Living without free will) [2] основным объектом критики была либертарианская концепция Р. Кейна. В новой монографии [1] таким объектом является либертарианство М. Балагуэра. Однако Перебум использует одно и то же оружие в обоих случаях. Это *аргумент исчезающего агента*. Согласно этому аргументу, в случаях, кото-

рые являются парадигмальными для либертарианских свободных индетерминированных действий, агент в действительности не определяет свой выбор. Этот недетерминированный выбор в конечном счете является также случайным. И из-за этого индетерминированные действия не могут быть в то же время действиями ответственными. В этом заключается критическая часть книги американского философа. Но он не останавливается на критических замечаниях.

Во второй смысловой части книги Перебум доказывает, что отсутствие свободы воли и ответственности в смысле базовой заслуги не лишает человеческую жизнь ценности. Эта часть книги является *защитой* позиции *оптимистического скептицизма*: скептицизма – потому что при любом стечении обстоятельств свобода и ответственность в смысле заслуги невозможны, оптимистического – потому что эта невозможность не лишает человеческое общество ключевых ценностей: морали, ответственности в других аспектах, смысла жизни и межличностных отношений. Но как такое можно совместить: разве отсутствие свободы не превращает нас в марионеток, не отнимает у людей статуса рациональных и моральных агентов, не подрывает основания для практики наказания и поощрения, не лишает жизнь смысла? Перебум поочередно рассматривает эти возражения в последних четырех главах книги.

В пятой главе автор пытается выяснить, действительно ли детерминизм представляет угрозу для возможности *рационального мышления*. Некоторые философы уверены в существовании этой угрозы. Рациональное мышление предполагает свободу выбора агента между несколькими мотивами. И оно кажется возможным тогда, когда агент самостоятельно способен принимать решение, на основании какого мотива действовать. Но согласно каузальному детерминизму, внешние факторы задолго до появления агента предопределяют, в силу какого мотива будет действовать агент в каждом случае. Это, кажется, противоречит идее открытого выбора, а, значит, и возможности рационального мышления. Перебум не согласен. С его точки зрения, для рационального мышления необходимо убеждение агента в том, что его выбор будет действенным, т.е. от выбора будут зависеть его поступки. Кроме того, для рационального мышления действительно необходим открытый выбор, но только в эпистемологическом смысле. А метафизически открытый выбор не является необходимым. Учитывая то, что казуальный детерминизм угрожает только метафизически открытому выбору, все остальные условия для рационального мышления выполнимы. И, следовательно, оно возможно. Таким же образом возможны и *альтернативные варианты ответственности* (кроме базовой заслуги).

Перебум различает два вида ответственности: направленную назад и направленную вперед. Ответственность, направленная назад, рационализирует реакции, оправданные фактом свершения действия и способностью агента оценивать его с моральной точки зрения. Такого типа ответственность, как я уже писал, является базовой заслугой. Ответственность, направленная вперед, рационализирует реакции, обусловленные желанием улучшить будущее. Так, осуждение и наказание, к примеру, может иметь целью снижение или исключение возможности совершения дальнейших преступлений, морального воспитания, защиты потенциальных жертв. Такого рода ответственность,

направленная вперед, не противоречит каузальному детерминизму. И, по мнению философа, её достаточно, чтобы оправдать существующую практику наказания и поощрения в обществе.

Перебум также считает, что отсутствие свободы воли не лишает *межличностные отношения ценности, а жизнь смысла*. Рассуждения на этот счет он приводит в последней, восьмой главе. Автор считает, что эмоции, сопровождающиеся убеждением в справедливости базовой заслуги, действительно могут быть упразднены. Среди этих эмоций обида и негодование. Но не эти эмоции, по его мнению, составляют ядро межличностных отношений. К тому же они могут быть заменены альтернативными реакциями, совместимыми с убеждением в каузальном детерминизме и отсутствием оснований для базовой заслуги. Такими эмоциями могут служить душевная боль, разочарование, моральное сожаление, скорбь. Перебум считает, что эти эмоции имеют более конструктивное значение и лучше влияют на тех, кто совершил моральное преступление. Убеждение в каузальном детерминизме не затрагивает оснований испытывать симпатию, любовь и благодарность, а лишь делает наши отношения более взвешенными, дает, возможно, больше оснований для душевного спокойствия. В силу всех этих обстоятельств Перебум считает оптимистический скептицизм более предпочтительной позицией. Можно ли с ним согласиться?

Вывод о том, что негодование и обида не являются необходимыми и обоснованными реакциями, мне кажется достоверным. Также мне кажется рациональной направленная преимущественно вперед концепция моральной ответственности. Однако существование ответственности в смысле базовой заслуги возможно даже в детерминистическом мире. Для того, чтобы доказать это, необходимо опровергнуть аргумент манипуляций из четырех стадий Перебума. В кратком виде аргумент можно свести к следующему рассуждению:

1. Если действие А агента является результатом успешной манипуляции, то агент не несет ответственности за это действие в смысле базовой заслуги;

2. Агент, совершивший действие А с удовлетворением всех компатибилистических критериев свободного действия, в релевантном отношении не отличается от обычного действия, совершенного в каузально детерминированном мире.

Следовательно, за обычное действие, совершенное с удовлетворением всех компатибилистических критериев свободного поступка, агент также не должен нести моральной ответственности в смысле базовой заслуги.

Перебум иллюстрирует аргумент несколькими собственными гипотетическими ситуациями. Во всех этих ситуациях Плам совершает убийство Уайт. Однако обстоятельства этого убийства различаются в каждом из случаев. В первой ситуации действие и намерения Плама вызваны радиосигналом, который воздействует на мозг Плама и отправляется злоумышленниками-нейроучеными непосредственно до убийства. Во второй ситуации действие и намерения Плама запрограммированы в мозге Плама еще до его рождения. В третьей гипотетической ситуации убийство предопределено особым воспитанием Плама. Наконец, в четвертой, последней ситуации преступное действие предопределено каузальными цепочками событий детерминистического

мира. Перебум считает, что, даже если все внутренние предлагаемые компатибилистами критерии свободного действия удовлетворены, в первых трех случаях интуиции склоняют в пользу отсутствия ответственности Плама за преступление.

Но четвертый случай принципиально не отличается от предыдущих! Во всех четырех случаях у агента отсутствует необходимый контроль над преступным действием, считает автор аргумента, значит, во всех случаях агент, согласно общим интуициям, должен быть освобожден от ответственности в смысле базовой заслуги. Таким образом, Перебум демонстрирует, что компатибилизм ложен. Но, по моему мнению, у нас нет достаточного основания соглашаться с американским философом. Для того чтобы обнаружить лакуны в аргументации Перебума нужно представить ситуации в больших подробностях. При добавлении необходимых деталей даже в первой ситуации может возникнуть интуиция о существовании ответственности. Какие же подробности необходимы? Мне кажется, важно разобраться, как именно действует радиоуправление состоянием мозга Плама. Здесь возможны как минимум три варианта. Во-первых, возможно, чтобы нейроученые вызывали временные изменения в его моральных оценках. Тогда Плам после совершения преступления будет раскаиваться и сожалеть. Возможно, он будет также недоумевать, как смог совершить что-то подобное. Думаю, в этой ситуации он действительно будет лишен ответственности за преступление. Но такие события не будут соответствовать всем компатибилистическим критериям свободного и намеренного действия. Поступок Плама будет, скорее, походить на временное помешательство, затмение сознание – состояния, которые обычно снимают если не всю, то значительную часть ответственности. Это будут состояния, как бы не принадлежащие личности Плама. Другое дело, если радиосигнал вызовет не временные, а постоянные изменения. Это будет второй альтернативой. В этой ситуации в результате воздействия Перебум действительно станет другой, более эгоистичной, более агрессивной и аморальной личностью. В такой ситуации вполне интуиции будут склонять нас к наличию ответственности. Я могу проиллюстрировать это гипотетической ситуацией.

Детализация сценария 1. Закоренелый преступник: В результате воздействия радиосигнала системы ценностей Плама изменяются. И он решает совершить преступление. Он сначала похищает Уайт, пытает её, заставляя подписать бумаги, а потом жестоко убивает. После убийства Плам пытается скрыть следы преступления. Покончив с уликами, Плам оформляет имущество Уайт на свое имя. Он переезжает в дом Уайт и начинает наслаждаться жизнью. Он снимает деньги с банковского счета Уайт, тратит их на развлечения. А когда кто-то из родственников Уайт начинает догадываться об убийстве, Плам совершает еще одно преступление. Ему не нужны свидетели и конкуренты. Это происходит без дополнительных действий извне. И эти действия полностью соответствуют преступному и аморальному характеру Плама. Вот Плам, наконец, попадает в руки правосудия. Должен ли он нести ответственность?

На мой взгляд, в этой ситуации Плам несет ответственность, и эта ответственность – ответственность в смысле базовой заслуги. Плам – аморальная личность, он получил кредит благополучия в результате своих преступлений,

и общество имеет право требовать возвращения этого кредита. Да, причиной формирования его аморального характера является воздействие радиосигнала. Но непосредственной причиной поступков Плама были его намерения, его ментальные состояния, и эти ментальные состояния полностью соответствуют его характеру и склонностям. Его действия не были результатом принуждения или угрозы. В силу этого он представляет собой ответственную личность. Таким образом, мне кажется, что даже первая гипотетическая ситуация при подробном рассмотрении может быть случаем ответственного действия, а, значит, аргумент и мысленный эксперимент Перебума не достигают своей цели. От этого, однако, ценность работы философа не снижается. И его книга, безусловно, заслуживает внимания и подробного изучения.

Литература

1. *Pereboom D.* Free Will, Agency and Meaning in Life. Oxford University Press, 2014.
2. *Pereboom D.* Living Without Free Will. Cambridge University Press, 2001.

Volkov Dmitry B. – Moscow Center for Consciousness Studies (Moscow, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/39

REVIEW OF DR. PEREBOOM'S BOOK «FREE WILL, AGENCY AND MEANING IN LIFE»

Keywords: free will, 4 case manipulation argument, D. Pereboom, moral responsibility

The problem of free will and moral responsibility is a traditional problem for the philosophical investigations. So the contemporary analytical philosophy continues the project that has been started a few hundred years ago. However in the past several decades there has been progress made in this area. Philosophers like R. Kane, J. Fischer, H. Frankfurt, D. Dennett and D. Pereboom made significant contributions to clarify the issues and drafts the possible solutions. In this paper I provide a review of D. Perebooms recent book on free will – Free will, agency and the meaning of life (2014). The first part of the book is devoted to the proof of the Incompatibilism between causal determinism (and indeterminism) and responsibility. Pereboom rejects the necessity of the alternative possibilities as a necessary component for the free will and moral responsibility. However he insists on incompatibilism on other grounds. The main argument for Incompatibilism is Pereboom's original Four Case Manipulation Argument. According to the author the argument shows that there is no relevant difference between the cases when the agent is being manipulated and the cases where the behavior of the agent is being determined by the events in the past and the laws of nature. The second part of the book is Pereboom's defense of optimistic skepticism. The author argues that even without moral responsibility in the basic desert sense, the human life doesn't lose meaning and the interpersonal relations don't lose its value. In this paper I disagree with the main argument of D. Pereboom. I suggest his description of the four cases is missing important details. Most readers make a judgment about the absence of responsibility in the described cases not because there is manipulation but because there it is unclear if the agent there indeed is a person and what kind of person he is. If we fill in the important details and describe the agent in such a way that his character is being revealed the audience will likely to judge him to be morally responsible for his behavior. I try to prove my point by describing an alternative scenario to the first case of Pereboom's argument.

Refernces

1. Pereboom, D. (2014) *Free Will, Agency and Meaning in Life*. New York: Oxford University Press.
2. Pereboom, D. (2001) *Living Without Free Will*. Cambridge University Press.

УДК 1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/36/40

К.А. Родин

Л. ВИТГЕНШТЕЙН О ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ОТНОШЕНИЯХ: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЯКУБА МАША[1]

Дан краткий обзор книги Якуба Маша «Витгенштейн о внутренних и внешних отношениях». Книга вышла в издательстве Bloomsbury в 2015 году. Автор показывает ведущую методологическую роль различия между внутренними и внешними отношениями в философии раннего и позднего Витгенштейна – в контексте изоморфизма мира и языка и теории Логико-философского трактата, проблемы следования правилу, в контексте отдельных замечаний Витгенштейна о природе математических пропозиций, природе математического доказательства, феноменологии цвета.
Ключевые слова: *внутренние и внешние отношения, британский идеализм, изоморфизм мира и языка, следование правилу, математическая пропозиция, доказательство.*

Среди исследовательских работ по философии Людвига Витгенштейна до настоящего времени не было подробной и обстоятельной работы по проблеме внутренних и внешних отношений. Данная проблема, однако же, была для философа решающей. Вышедшая в издательстве Bloomsbury в 2015 году работа Якуба Маша (Jakub Mácha) «Wittgenstein on Internal and External Relations» ("Витгенштейн о внутренних и внешних отношениях") [1] впервые дает подробный исторический обзор данной проблемы – в контексте многочисленных и разнообразных тем философии раннего и позднего Л. Витгенштейна. Действительно, можно утверждать, что выявление различных типов внутренних отношений и четкое разграничение внутренних отношений и внешних отношений оказываются лейтмотивом (часто скрытым) в широком разнообразии контекстов философии Витгенштейна: различие внутренних и внешних отношений тесно связано с созданием совершенной логической нотации в Логико-философском трактате (ЛФТ), с постулатом об изоморфизме мира и языка и с так называемой picture theory, с темой невыразимого-в-рамках-осмысленного-языка. После возвращения Витгенштейна в философию в конце 20-х годов проблема внутренних отношений продолжает играть существенную роль при обсуждении статуса математических пропозиций, проблемы применения правила, темы языковых игр и др. Якуб Маша представляет тему внутренних отношений как общую и для теории ЛФТ и для поздней философии Людвига Витгенштейна.

Книга имеет несколько разделов. Я остановлюсь лишь на некоторых.

В разделе о британском идеализме и предшественниках Витгенштейна [1. С. 17–38] Якуб Маша показывает ключевое значение работы Ф.Г. Брэдли «Явление и действительность» (в критической рецепции Б. Рассела и Дж. Мура) в развитии некоторых ранних идей Витгенштейна.

[1] Работа выполнена по гранту Президента Российской Федерации (МК-5659.2016.6).

Рассел и Мур приписывают Брэдли так называемую аксиому или догму внутренних отношений: любое отношение имеет основанием природу связанных данным отношением членов (самое общее определение внутреннего отношения: отношение между объектами или между концептами есть отношение внутреннее, если невозможно, чтобы между данными «объектами» данное отношение не поддерживалось: в некотором смысле природа «объектов» создает внутреннее отношение). Очевидно, монистическая позиция абсолютного идеализма предполагает, что существование любых отдельных объектов иллюзорно и что любое отношение между объектами имеет основание в исходном единстве (в единой природе единственно существующего единого). Следовательно, любое отношение для подобного идеалиста будет (отчасти) внутренним (и одновременно иллюзорным) отношением. Якуб Маша справедливо отмечает: подобная аксиома внутренних отношений может пониматься различно: «каждое отношение только внутреннее». Или: «каждое отношение отчасти внутреннее». Только вторая формулировка аксиомы соответствует теории Брэдли. Автор книги показывает: для Рассела и Мура отношения могут быть только внешними либо только внутренними, поэтому аргументы их направлены против аксиомы в первой формулировке. Аргумент Рассела достаточно прост: внутреннее отношение aRb может быть представлено – в силу того, что оно – в природе связанных отношением объектов – в субъект-предикатной форме вида (ab) есть R или (ba) есть R. aRb эквивалентно bRa. Внутренние отношения – симметричны. Отсюда: любые отношения (если есть только одни внутренние отношения) должны быть симметричны, что фактически ошибочно. Мур признает, что отношение целого-к-части есть внутреннее отношение, но отношение части-к-целому считает (как и Рассел) только внешним отношением. Здесь, собственно, краеугольный камень онтологии атомизма: природа любого объекта не зависит от отношений объекта с другими объектами. Из того, что природа любого объекта не зависит от отношений объекта с другими объектами, нетрудно прийти к выводу, что и любые элементарные пропозиции, пропозиции о фактах (а элементарный факт соотносится с элементарным объектом), независимы друг от друга и не связаны внутренним отношением: отношения между элементарными пропозициями – только внешние – такова исходная предпосылка Рассела, Мура и позднее Витгенштейна. Но Витгенштейн, признавая только внешний характер возможных отношений между элементарными пропозициями, постулирует в ЛФТ внутренние отношения между объектами. Я вернусь к данной теме позже.

В логике вполне допустимы внутренние отношения (как отношения между структурами или формальные отношения). В рамках ЛФТ по форме одна пропозиция может быть частью другой пропозиции. Элементарные пропозиции входят в неэлементарную, и форма неэлементарной пропозиции внутрене связана с формами входящих в нее элементарных пропозиций. Нетрудно заметить: здесь описывается частный случай внутреннего отношения целого-к-части. По типу данного отношения построена онтология ЛФТ: положение вещей (или атомарный факт) есть комбинация объектов (вещей), факт есть существование (актуальное) возможного положения вещей, реальность есть существование или не-существование положений вещей, а мир есть совокуп-

ность фактов (см. ЛФТ 1 и 2 разделы). Подобное отношение наблюдается и относительно языка: элементарная пропозиция состоит из имен, неэлементарная пропозиция есть истинностная функция от элементарных пропозиций, язык – совокупность всех пропозиций. Наконец, изоморфизм мира-языка (внутреннее отношение отображения между миром и языком) строится на соотнесении разных уровней: имя соотносится с объектом, положение вещей (через существование) – с элементарной пропозицией, а «обычная» неэлементарная пропозиция есть пробная картинка реальности. Для объекта в рамках ЛФТ определяющим является возможность занимать то или иное положение вещей (сущностная характеристика объекта). Поэтому если два объекта связаны через некоторое положение вещей, то они по своей природе должны быть способны данное положение вещей занять, стало быть, отношение между такими объектами – внутреннее. С другой стороны, объекты могли бы не занимать фактически данное положение вещей, и, следовательно, они – независимы от конкретного положения вещей. Далее, объекты связываются в положении вещей определенным образом (каждое возможное положение вещей имеет некоторую структуру). Структура факта состоит из структур элементарных фактов (ЛФТ 2.032. 2.034). Следовательно, пропозиция, отображающая тот или иной факт, отображает факт благодаря общей с ним структуре или (различие мы опускаем) форме. Таким образом, логические отношения между пропозициями – это внутренние отношения между формами пропозиций. Витгенштейн признает осмысленными только эмпирические пропозиции (они могут быть ложными или истинными). Значит, пропозиции, выражающие внутренние логические отношения бессмысленны (такие пропозиции – всегда истинные тавтологии). Именно поэтому, согласно Витгенштейну, логические отношения, в которых находятся пропозиции, должны быть видны из самой записи данных пропозиций. Например, тождество (внутреннее отношение тождества) не должно выражаться специальным знаком тождества, но должно быть просто видно в правильной логической нотации.

Якуб Маша первым последовательно показал ведущую роль понятия внутренних отношений в построении теории раннего Витгенштейна. Стратегия Якуба Маша позволила особым образом и по-новому подступиться к ряду проблем теории отображения и др. (особенно интересной представляется 8 раздел о природе объектов: С. 58–65). Но наиболее значительный вклад следует признать за разделами работы, посвященными философии позднего Витгенштейна. Отметим разделы о правилах и применении правил, о природе математических пропозиций, о цвете и о видении-в-аспекте. Якуб Маша показывает, что при обсуждении столь различных тем проблема внутренних и внешних отношений продолжает быть для Витгенштейна одной из ведущих: «the uncovering of this distinction is regarded as the leading methodological principle of Wittgenstein's thinking» [1. С. 86].

Позволю себе подробно остановиться лишь на некоторых важных фрагментах работы и одновременно представлю наиболее интересные параллели в мышлении Витгенштейна.

В сравнении с ЛФТ поздний Витгенштейн избирает иной критерий: теперь внутренние отношения мыслятся как вневременные (timeless) (в ЛФТ внутреннее отношение было определено через невозможность помыслить

отсутствие внутреннего отношения: если «объекты» связаны внутренним отношением, то связаны – с необходимостью, по собственной природе). Кроме того, внутренние отношения для позднего Витгенштейна проявляются не только в тавтологиях, но и в грамматических пропозициях (в пропозициях, выражающих грамматику или правила некоторой языковой игры или языка). В подобном сдвиге ясно прослеживается относительное наследование ЛФТ. Тавтология всегда истинна, грамматика же постоянна лишь в рамках языковой игры. Невозможность не придерживаться правила имеет место в рамках некоторой языковой игры. Кроме того, исчезает различие между тем, что может быть сказано, и тем, что может быть лишь показано.

Витгенштейн, однако, продолжает работу по предотвращению путаницы между внутренними отношениями и внешними отношениями. Распространенный пример (его приводит и Якуб Маша: [1. С. 87] – отношение «длиннее чем». Пропозиция «m длиннее n» двусмысленна. Может означать: определенный отрезок m длиннее отрезка n. Или: длина в 3 метра длиннее длины в 2 метра. В первом варианте предложение зависимо от времени и случайно (и отношение между двумя отрезками – внешнее). Второе же предложение – грамматическое и отражает внутреннее отношение между двумя числами (соответственно правилам счета). То же самое можно сказать относительно выражения «m светлее n» (отношение между объектами будет внешним, между цветами – внутренним: в некоторой цветовой шкале отношения «светлее» и «темнее» могут быть выражены числами) и так далее. Или пример из «Заметок по основаниям математики»: выражение «число пальцев на руке соответствует числу углов пентаграммы» высказывает внутреннее отношение между абстрактными геометрическими фигурами, а не между нарисованными объектами (схема руки и рисунок пентаграммы). Выражения подобного типа могут использоваться для высказывания фактического внешнего отношения между объектами и внутреннего отношения между понятиями (концептами). В одной языковой игре выражение используется как фактическое предложение. В другой языковой игре – как разъяснение правила (именно в таком контексте нужно прочитывать многочисленные замечания Витгенштейна о научении правилу). Важнейшей отличительной чертой внутреннего отношения является отсутствие третьего связующего элемента между членами отношения (здесь находится исток обсуждения так называемой проблемы следования правилу). Ключевой пример Витгенштейна – сложение. Возьмем пример: 3+2=5. Конечно, внутренней связи между цифрами 5 и 3+2 нет. Есть очевидное внутреннее отношение между соответствием ||||| и |||и||. Мы должны уметь нарисовать заданное количество черточек и уметь составить их вместе. Правила (третьего элемента) для приведения в соответствие 5 и 3+2 не требуется. Якуб Маша показывает, как Витгенштейн отбрасывает (релятивизирует относительно языковой игры) идею внутреннего соответствия языка и действительности и заменяет данное соответствие внутренним отношением между правилом и его применением. Правила же задаются некоторыми парадигмальными примерами.

Подобно счету (где правило сложения может быть в финитных случаях редуцировано до парадигмального примера с черточками), правила присутствуют в нашем употреблении понятий цвета, задают отношение между болью

и принятыми способами выражения боли. Внутренние отношения ответственны за связь между рисунком-схемой (утка-кролик) и видением-в-аспекте (утка или кролик) и пр. Якуб Маша подробно и с разнообразными примерами разбирает перечисленные темы. Принципиальный момент (не устает напоминать автор рецензируемой работы) – требование не смешивать употребление правила в рамках языковой игры (внутри которой правило не должно формулироваться и где формулировка правила не требуется для применения: применение основано на внутреннем отношении правила и случаев следования правилу) и формулировку правила. Пропозиция, выражающая правило, – не есть движение в рамках языковой игры по применению правила. И очевидно, что во внутренних отношениях позднего Витгенштейна нет структуры.

Я коротко остановлюсь на природе математического доказательства по Витгенштейну в изложении Якуба Маша [1. С. 141]. Математические пропозиции для Витгенштейна утверждают нечто о внутренних отношениях. Поэтому математическое доказательство имеет целью показать внутреннюю связь доказываемой пропозиции с системой уже доказанных математических пропозиций (или впервые такую связь установить). Доказательство, значит, должно продемонстрировать существование некоторого внутреннего отношения. Например, доказательство утверждения 68+57= 125 должно показать, что данное утверждение согласуется с правилом сложения и с парадигмальными примерами натуральных чисел. Доказать математическое утверждение – значит продемонстрировать, как с помощью формальных операций возможно получить данное утверждение из других (более простых) утверждений (конечно, для Витгенштейна доказательство должно быть конструктивным). И доказанное математическое утверждение становится внутренней частью доказательства. Недоказанные математические утверждения представляют собой утверждения скорее о внешних отношениях. Следовало бы поэтому называть недоказанные утверждения математическими гипотезами или предположениями. Более того, поскольку для Витгенштейна математическое утверждение имеет смысл только внутри доказательства, математическая гипотеза имеет смысл только в перспективе возможного доказательства. Внутренним образом доказательство должно согласовать доказываемое утверждение с другими математически утверждениями. Далее Якуб Маша комментирует известный тезис о доказательстве как картинке.

Я хотел бы отметить принципиальную новизну исследовательской стратегии Якуба Маша: различие внутренних и внешних отношений представлено в качестве главного методологического принципа (у Витгенштейна). В беседе с Морисом Друри Витгенштейн однажды сказал, что эпиграфом к своей книге он хотел бы взять слова короля Лира: «Я научу тебя различиям». После прочтения работы Якуба Маша не остается сомнений: Витгенштейн имел в виду различия между внутренними и внешними отношениями.

Литература

1. *Jakub Macha* (2015). Wittgenstein on Internal and External Relations: Tracing all the Connections // [Электронный ресурс]. Bloomsbury Publishing. URL: http://www.bloomsbury.com/us/ wittgenstein-on-internal-and-external-relations-9781474242141/ (дата обращения: 05.11.16).

Rodin Kirill A. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/40

WITTGENSTEIN ON INTERNAL AND EXTERNAL RELATIONS: REVIEW OF THE JAKUB MACHA'S BOOK

Keywords: internal and external relations, British idealism, picture theory, rule-following problem, the nature of mathematical propositions, mathematical proof

In the paper I make a review of the book written by Jakub Macha (Wittgenstein on Internal and External Relations: Tracing all the Connections. Bloomsbury. 2015). The main thesis of the book is that Wittgenstein's method of analysis rests on the distinction between internal and external relations. According to the thesis Jakub Macha try to show the role of this distinction in such different context as the picture theory in early Wittgenstein's writings, the rule-following problem, the nature of mathematical propositions and proof and also in Wittgenstein's remarks on color phenomenology and on psychology. The book presents first detailed and complete research in this field.

References

1. Macha, (2015) *Wittgenstein on Internal and External Relations: Tracing all the Connections*. [Online] Available from: http://www.bloomsbury.com/us/wittgenstein-on-internal-and-external-relations-9781474242141/. (Accessed: 5th November 16).

УДК 32.019.51
DOI: 10.17223/1998863X/36/41

Е.А. Данилова, М.В. Локтионов, А.И. Щербинин

О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОГО БРЕНДИНГА РФ

Исследуется проблема совершенствования государственного управления при формировании стратегии национального брендинга. Рассмотрены существующие геополитические вызовы и условия, обусловливающие необходимость ее скорейшей разработки. Сделан вывод о необходимости наращивания принципов системности и стратегического планирования в реализации политики конструирования национального бренда на основе компетенций ОПК РФ со стороны государства как ее ключевого актора.

Ключевые слова: государственное управление, стратегический менеджмент, национальный брендинг, позиционирование, оборонно-промышленный комплекс, инновации.

Возрастание глобальной конкуренции пропорционально повысило значение национального брендинга как социогуманитарной технологии, направленной на конструирование набора определенных стереотипов, связанных с восприятием государства-нации в воображении значимых для реализации национальных интересов целевых групп. Отсутствие принципа системности в реализации политики национального брендинга и продуманной глобальной коммуникационной стратегии обусловило наличие устойчивых стереотипических национальных брендов, являющихся негативными и неубедительными (балалайка, матрешка, водка и т.д.) и не отражающих действительного потенциала государства. В современных условиях внешнеполитическая конъюнктура РФ обусловлена глобальным политическим и информационным противоборством с западными странами и столкновением интересов России и Запада в рамках региональных конфликтов на Украине и в Сирии. Негативный тренд к выталкиванию России из международного геополитического контекста дополнительно актуализирует проблему поиска ценностной основы национального бренда, который укрепил бы ее политические позиции на международной арене.

Ключевым актором в реализации стратегии национального брендинга выступает государство, и потому проблема совершенствования государственного управления в этой области приобретает особую значимость. Проблематика медиатизации мира политического относится к пространству междисциплинарных исследований в областях политологии, философии, социологии, культурологии и увязана с теориями глобализации и глобального постиндустриального информационного общества, основывающегося на знаниях. Постиндустриальный этап развития общества, основанный на знаниях и информации, перестраивает и систему государственного управления, в которой акцент на технологии сменяется повышением значимости социально-политических идей, включая поиск и развитие идейной основы национально-

го брендинга. В глобальном медиатизированном обществе социально-политические процессы значительно смещены в информационную плоскость, и возможности целенаправленного формирования национального бренда существенно возрастают. Виртуализация мира политики создает дополнительные возможности символического конструирования коммуникационной стратегии национального брендинга.

Управление стратегией национального брендинга предполагает необходимость эффективного государственного менеджмента. Как полагает П. Друкер, «менеджеры занимаются на практике управлением. Не экономикой. Не вычислениями. Не бихевиоризмом. Все это только инструменты менеджера… у управленческой деятельности есть специфические характеристики, больше присущие менеджменту, чем какой-либо другой дисциплине. Одна из этих особенностей – внутриорганизационная коммуникация; другая – принятие решений в условиях неопределенности; и третья, свойственная исключительно менеджменту, – это предпринимательские навыки в сфере стратегического планирования» [1. С. 29]. Политическая ответственность государства на настоящем этапе состоит в выборе и развитии ключевой идеи национального брендинга, которая на фоне стремительно меняющегося глобального миропорядка и неблагоприятного геополитического климата заключается в обеспечении национальной безопасности и поддержания высокого уровня обороноспособности, достигаемых за счет развития инновационных компетенций оборонно-промышленного комплекса РФ. Кроме того, в условиях нарастания геополитических угроз национальная безопасность как ценность приобретает буквальное значение, воспринимается через категорию обороноспособности страны, и эти ценности могут составить основу идентичности российского национального бренда.

Несмотря на декларирование политических и дипломатических методов формирования внешнеполитической стратегии, новые источники глобальных вызовов и угроз определяют необходимость адекватного реагирования на них со стороны государства и стратегических субъектов ОПК: предприятий, вузов, научных учреждений отрасли. Научно-технологическое преимущество ОПК достигается за счет внедрения модели эффективного инновационного развития, положенной в основу современной российской государственности. Внедрение передовых инновационных научно-исследовательских разработок в оборонно-промышленную отрасль способствует сохранению научно-технологического суверенитета РФ в целях поддержания обороноспособности государства и укреплению геополитических позиций России в глобальном мире. Конкурентоспособность ключевых субъектов отрасли в существенной мере влияет не только на их позиции внутри страны, но и на международное положение Российской Федерации через ее определенное восприятие мировым сообществом.

Стратегическое государственное управление инновационной деятельностью и обеспечение эффективности предприятий ОПК и позиционирование их деятельности посредством коммуникационной репрезентации в адрес целевых аудиторий является механизмом национального брендинга. Позиционирование России в мире исторически и в современных условиях возможно через обеспечение эффективной деятельности предприятий ОПК и ее комму-

никативной репрезентации. Определение идентичности национального бренда в области символической ценности и стратегической значимости ОПК предполагает формирование единой системной политики брендинга на территориальном и национальном уровнях. Способность вузов и предприятий ОПК к применению инновационных инструментов с последующим выпуском наукоемкой продукции определяет репутационный потенциал регионов, которые они представляют, и потенциально может влиять на формирование национального бренда в фокусе отраслевой специфики.

Инновационные вузы и предприятия ОПК определяют «инновационные пояса» с выраженной отраслевой спецификой в области обеспечения национальной безопасности и обороноспособности государства. Выделение территориальных центров обеспечения национальной безопасности и обороноспособности и коммуникационная репрезентация их отраслевых компетенций соответствуют логике территориального маркетинга: «имидж территории, ее репутация в отечественных и зарубежных общественно-политических и деловых кругах становятся основополагающими факторами продвижения общегосударственных и региональных внешнеэкономических и политических проектов, важнейшим конкурентным ресурсом для налаживания партнерских отношений» [2. С. 82].

Механизмы адаптации и применение инструментов инноваций стратегических предприятий российского ОПК в историческом ракурсе и сегодня являются предметным полем для формирования стратегии национального брендинга. Применение оптимального набора инновационных инструментов и предложение конкурентоспособной наукоемкой продукции обеспечивают создание устойчивого позитивного территориального и национального бренда – в масштабных рамках города, региона, страны. Идея конвергенции науки, бизнеса и государства в интересах развития оборонной отрасли соответствует логике модели «тройной спирали» Г. Ицковица, «состоящей из взаимопересекающихся независимых институциональных сфер деятельности (государства, предприятий и университетов), что способствует сотрудничеству в области инноваций» [3. С. 30].

При этом со стороны государства как ключевого актора национальной инновационной системы необходима системная и продуманная политика поддержки инноваций в оборонно-промышленном комплексе, последующей ассимиляции оборонных разработок в гражданские направления. Кроме того, требуются усиление и наращивание принципа системности в коммуникационной активности. В целом национальная информационная кампания нацелена на демонстрацию силы и достижений оборонно-промышленного комплекса. Позитивным трендом является ее направленность на формирование положительного имиджа вооружений и Вооруженных сил РФ. В то же время коммуникационная стратегия, реализуемая российскими СМИ, является по большей части оперативной и несистемной.

Важность информационной политики в оборонной отрасли признается государством, однако влияние деятельности инновационных предприятий и вузов ОПК на национальный бренд и его позиционирование в мире в большинстве случаев происходит стихийно, информационные поводы не систематичны, нет единой управляемой тематической информационной системы.

Между тем реализация стратегии национального брендинга на основе инновационных компетенций ОПК РФ должна осуществляться из единого центра федерального уровня, системно координирующего деятельность субъектов брендинга и осуществляющего их поддержку, в том числе посредством предоставления инструментов инноваций и обеспечения функционирования коммуникационных площадок. Необходимо учреждение межведомственного органа, организующего коммуникации между министерствами и ведомствами по ключевым вопросам развития российского оборонно-промышленного комплекса, включая вопросы финансирования проектов по отраслевой тематике, для повышения эффективности инновационной политики в области национальной обороны и безопасности. Высоко актуальны разработка и принятие концепции национального брендинга в виде официального федерального документа с возможностью конкретизации в отдельных регионах, особенно в «инновационных поясах».

Ставка на инновации способствует достижению научно-технологических прорывов в ОПК, которые могут выступать информационными поводами в формируемой стратегии национального брендинга. Коммуникационная политика должна быть направлена на систематическое регулярное освещение достижений ОПК и позиционирование оборонной отрасли как ключевой, способной выступать гарантом национальной безопасности и усиления политического влияния государства на мировой арене, что будет способствовать росту патриотических настроений и консолидации нации. Обороноспособное государство, эффективно решающее задачу обеспечения национальной безопасности, может и должно стать российским национальным брендом.

Литература

1. *Друкер П.* Менеджмент: задачи, обязанности, практика. М.: ООО «Изд. Дом «Вильямс», 2008. 992 с.

2. *Важенина И.С.* Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 6. С. 82–98.

3. *Ицковиц Г.* Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии. Томск: Изд-во Том. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2010. 238 с.

Danilova Elena A. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/41
Loktionov Mikhail – Vyacheslavovich Institute of Philosophy of Russian Science Academy.
DOI: 10.17223/1998863X/36/41
Scherbinin Alexey I. – Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
DOI: 10.17223/1998863X/36/41

ON THE ROLE OF THE STATE MANAGEMENT IN THE NATIONAL BRANDING STRATEGY FORMING

Keywords: state government, strategic management, national branding, positioning, defense industry, innovations

The article is devoted to an analysis of the state management role in a national brand strategy forming. A communicative branding model should have a basis as a central theme, which has a significant value for the citizens and for the international actors. In the article is viewed that the Russian national brand identity is defined by the key idea of the strong defensible state. Therefore, defense industry can be object field for national branding strategy forming. As a result branding communication may become a national unity basis and an effective state positioning. National branding strategy should be include in the internal and external political conjecture. The military-political crisis in

Ukraine, participation of Russia in the military operations in Syria and an increased international terrorism threat actualize political values of national safety. Consequently the theme of the state defense ability could become the national brand identity.

So the state as a key actor of the national branding strategy should act system-oriented and elaborately. There is a lot of innovation instruments for the support of innovation actors in defense industry: technological platforms, innovation territorial clusters, federal target programs, state funds etc. The optimal set of these instruments provide innovation potential of the actors in defense industry. So the system of supporting defense enterprises and universities is constructed. Innovation defense enterprises and universities using the innovation instruments form innovation territory potential, territory brands. Innovation belts formed with participation of the defense industry innovation subjects providing for the state safety promote a territorial and national branding. So the sum of territory brands form the national brand of the strong state. Communication representation of defense innovators collaboration and its results provides a sense filling of the national branding strategy. Communication branding policy is directed to the innovation policy support in the defense industry and its representation to the target groups. As a result an effective national branding of Russia brings the global competitiveness and international state influence strengthening.

References

1. Druker, P. (2008) *Menedzhment: zadachi, obyazannosti, praktika* [Management: Tasks, responsibilities, practices]. Translated from English by T.A. Moroz, A.N. Svirid, Yu.A. Polonskaya. Moscow: Vil'yams.

2. Vazhenina, I.S. (2006) Imidzh i reputatsiya territorii kak osnova prodvizheniya v konkurentnoy srede [The image and reputation of the territory as a basis for promotion in a competitive environment]. *Marketing v Rossii i za rubezhom - Journal of Marketing in Russia and Abroad*. 6. pp. 82–98.

3. Etzkowitz, H. (2010) *Troynaya spiral'. Universitety – predpriyatiya – gosudarstvo. Innovatsii v deystvii* [Triple Helix. Universities - Enterprises - state. Innovation in action]. Translated from English by A.F. Uvarov. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНКИН Дмитрий Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания, ИСПН, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: dmitryankin@gmail.com

АНТУХ Геннадий Геннадьевич – аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета (г. Томск).
E-mail: g.antukh@yandex.ru

АСТАХОВ Александр Михайлович – кандидат социологических наук, руководитель аналитического отдела ООО «Агентство информационно-социологических технологий» (г. Ростов-на-Дону). E-mail: mu87-11@mail.ru

БЕРЕСТОВ Игорь Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории философии, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; ассистент философского факультета Новосибирского государственного университета (г. Новосибирск).
E-mail: berestoviv@yandex.ru

БОБЫЛО Андрей Михайлович – кандидат полит. наук, докторант кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток).
E-mail: sibiryak_84@mail.ru

БУЛАТОВА Татьяна Алексеевна – кандидат медицинских наук, доцент, зав. кафедрой психологии, связей с общественностью и рекламы, Томский государственный педагогический университет (г. Томск). E-mail: bulatowa@mail.ru

ВОЛКОВ Дмитрий Борисович – кандидат философских наук, содиректор НП «Московский Центр Исследования Сознания» (г. Москва). Email: dvolkoff@gmail.com

ВОЛЬФ Марина Николаевна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: rina.volf@gmail.com

ГАЛИЦКАЯ Веолетта Александровна – аспирант 2-го года обучения, специалист Управления международных связей, Томский государственный университет (г. Томск).
E-mail: veta.galitskaya@mail.ru

ГАШКОВ Сергей Александрович – кандидат философских наук, доктор философии Университета Пуатье (Франция), доцент кафедры иностранных языков факультета международного промышленного менеджмента и коммуникации (Р), Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» имени Д.Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург).
E-mail: sgachkov@hotmail.com

ГОЛЬБРАЙХ Владимир Беньяминович – научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества, Социологический институт РАН (г. Санкт-Петербург).
E-mail: vgolbraih@mail.ru

ГРИГОРЕНКО Екатерина Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск).
E-mail: evgphil@mail.ru

ДАНИЛОВА Елена Александровна – кандидат политических наук, докторант, философский факультет, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: Elena.a.danilova@yandex.ru

ДЕНИСОВ Сергей Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Омский государственный педагогический университет (г. Омск).
E-mail: denisov.sf@gmail.com

ДЕНИСОВА Любовь Владиленовна – доктор философских наук, начальник кафедры философии и политологии, Омская академия МВД России (г. Омск).

E-mail: denisov.sf@gmail.com

ДМИТРИЕВА Ангелина Арсеновна – аспирант кафедры онтологии и теории познания, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва).
E-mail: angelina.dmitrieva@gmail.com

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии и философии образования Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).
E-mail: bve35@yandex.ru

ЖАРНИКОВА Татьяна Геннадьевна – магистрант кафедры политологии философского факультета Томского государственного университета (г. Томск).
E-mail: tzharnikova.tanya@yandex.ru

ИВАНОВА Анна Николаевна – аспирант кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, философский факультет, Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: adelaidaanna@mail.ru

ИСАХАНЯН Анаит Зармиковна – аспирант кафедры истории философии и логики философского факультета, Томский государственный университет (г. Томск).
E-mail: isahanat@mal.ru

КАРПОВА Анна Юрьевна – доцент кафедры социальных коммуникаций, кандидат социологических наук, Институт социально-гуманитарных технологий, Национальный рисследовательский Томский политехнический университет (г. Томск).
E-mail: belts@tpu.ru

КОСАРЕВ Андрей Викторович – аспирант кафедры философии, Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск). E-mail: andrkw@rambler.ru

КЛОЧИХИНА Вероника Сергеевна – магистрант 2-го курса кафедры истории философии и логики философского факультета, На-

циональный исследовательский Томскй государственный университет. E-mail: efr.vs@yandex.ru

КУЗНЕЦОВ Антон Викторович – младший научный сотрудник кафедры истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва). E-mail: anton.v.smith@gmail.com

ЛАДОВ Всеволод Адольфович – профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, Национальный исследовательский Томский государственный университет; заведующий кафедрой философии Томского научного центра СО РАН (г. Томск). E-mail: ladov@yandex.ru

ЛАМБЕРОВ Лев Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания, Институт социальных и политических наук, Уральский федеральный университете им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).
E-mail:lev.lamberov@urfu.ru

ЛОБОВИКОВ Владимир Олегович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: vlobovikov@mail.ru

ЛОКТИОНОВ Михаил Вячеславович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, сектор философии российской истории, институт философии РАН (г. Москва).
E-mail: gos.upravlenie@mail.ru

ЛУЦ Юлия Александровна – аспирант кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (г. Томск).
E-mail: julia.lutz@yandex.ru

МАРЧЕНКО Геннадий Иванович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры политического анализа, факультет государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).
E-mail: gmarchenko@mail.ru

МАТВЕЕНКО Валентин Александрович – аспирант кафедры философии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
E-mail: valentin.matveenko@gmail.com

МОИСЕЕВА Анна Юрьева – аспирант сектора философии науки, Институт философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск). E-mail: abyssian03@gmail.com

НЕСТЕРОВ Александр Юрьевич – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент по кафедре философии, заведующий кафедрой философии, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (г. Самара). E-mail: phil@ssau.ru (раб.), aynesterow@yandex.ru

НИКИТИН Антон Павлович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Института экономики и управления, ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (г. Абакан). E-mail: pavlen-abakan@mail.ru

ОГЛЕЗНЕВ Виталий Васильевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии и логики философского факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет. Email: ogleznev82@mail.ru

ОРЛОВА Вера Вениаминовна – доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (г. Томск). E-mail: orlova_vv@mail.ru

ПЕТРЕНКО Валерия Владимировна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии, теории познания, социальной философии ФГАБОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Западно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Томск).
E-mail: vptomsk@mail.ru

РОДИН Кирилл Александрович – аспирант кафедры истории философии и логики философского факультета, Томский государственный университ (г. Томск). E-mail: rodin.kir@gmail.com

САМОФАЛОВА Елена Игоревна – аспирант, философский факультет, преподаватель английского языка, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск).
E-mail: elena.sm83@gmail.com

СЕДЫЧЕНКО Татьяна Юрьевна – аспирант Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: sedychenko-82@mail.ru

СЕМЕНЮК Ксения Анатольевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии с курсами культурологии, биоэтики и отечественной истории, Сибирский государственный университет Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Томск). E-mail: MarcelP@yandex.ru

СУХУШИНА Елена Валерьевна – кандидат филос. наук, доцент кафедры социальной работы, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: elsukhush@inbox.ru

ТИТОВА Валерия Олеговна – аспирант философского факультета, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: titova.lera.pr@gmail.com

УТЬЕВА Александра Олеговна – магистрант кафедры политологии философского факультета, Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: tzharnikova.tanya@yandex.ru

ЧЕРНИКОВА Ирина Васильевна – доктор филос. наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, зав. каф. философии и методологии науки; Национальный исследовательский Томский политехнический университет, проф. каф. социальных коммуникаций (г. Томск).
E-mail: chdv@tpu.ru

ЧЕРНИКОВА Дарья Васильевна – канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии науки и техники, Национальный ис-

следовательский Томский политехнический университет (г.Томск). E-mail: chdv@tpu.ru

ШЕВЧУК Екатерина Сергеевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Ровенский государственный гуманитарный университет (г. Ровно, Украина).
E-mail: katerynashevchuk@gmail.com

ШПОН Вольфган – профессор философского факультета Университета Констанца (Констанц, Германия). E-mail: wolfgang.spohn@uni-konstanz.de

ЩЕРБИНИН Алексей Игнатьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск). E-mail: Shai52@mail.ru

ЭННС Ирина Андреевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии и логики, ФГАБОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Западно-Сибирского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Томск).
E-mail: irnns609@yandex.ru

Юнусов Артем Тимурович – аспирант, кафедра истории зарубежной философии философского факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

ЮФЕРЕВА Анастасия Сергеевна – аспирант Института философии и права, Уральское отделение Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: yufereva001@mail.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE

2016. № 4 (36)

Редактор *В.С. Сумарокова*
Оригинал-макет *Т.В. Дьяковой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл», факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Подписано в печать 20.12.2016. Дата выхода в свет 30.12.2016.
Формат 70x100 $^{1}/_{16}$. Печ. л. 26,5; усл. печ. л. 37,1; уч.-изд. л. 38,2.
Тираж 250 экз. Заказ № 2287. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru